

Всеволод Протопопов

Последний дракон

Книга 2. Первый шаг в бесконечность

16+

Всеволод Всеволодович Протопопов

Последний дракон. Первый шаг в бесконечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42353827

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10359-7

Аннотация

В империи Повелителей драконов родился наследник, который предсказан, как роковой ребёнок. Его спасают Верховный жрец и его ученик. А теперь представь, читатель, что этот роковой ребёнок – ты. И вдруг понимаешь, что ты вовсе не то, что каждый день видишь в зеркале. Что ты и есть тот роковой ребёнок и только от тебя зависит, быть ли Мирозданию или не быть. Продолжение приключений малыша Кувая.

Содержание

Глава 1. Тайны Обсерватории	9
1	17
2	29
3	43
4	50
5	57
6	69
Глава 2. Мосты сожжены	79
1	85
2	103
Глава 3. Песнь любви дракона	123
1	142
2	190
3	228
4	273
5	306
6	334
7	386
8	396
9	417
10	428
11	452
12	472

Глава 4. Я принимаю тебя, Судьба	534
1	545
2	565
3	619
4	649
5	676
6	699
7	720
Глава 5. Дракон грядущий	772
1	798
2	816
3	838
4	863
5	884
6	892
7	906
8	938

Коль закрутился в круговерти листвы и прожитых годов,
Когда устанешь ты до смерти и сдаться уж совсем готов.
Не торопись, мой друг, не надо, ведь это право не конец,
Ещё не время нам с тобою терновый примерять венец.
Ещё нас радуют закаты и звёзд небесный хоровод,
Грозы весёлые раскаты и глубина озёрных вод.
Ещё нам дороги рассветы и разговоры у костров,
Когда всем сердцем понимаешь, что ты пока ещё здоров.
Когда, забыв все даты, сроки, забыв, что ты уже старик,
Тебя всё так же привлекает протяжный журавлиный крик.
Пусть тяжёлая дорога не станет скучной никогда,
Вдруг понимаешь очень ясно, что наши годы не беда.
Беда, когда тебе не стыдно, за кучу нажитых грехов,
Когда ничуть ты не жалеешь не созданных тобой стихов,
Когда отдельные поступки не вызывают гнев к себе,
Вопрос уместный возникает – жива ль душа твоя в тебе?
Ведь если душу потеряешь, её навряд ли где найдёшь,
Из-под земли не откапаешь и у других не отберёшь.
Пусть будет стыдно, будет тошно, с больной душой на свете жить,

А без души, мой друг, как можно и ненавидеть, и любить?

Всё так же глухо звучат шаги в подземном тоннеле, по которому я иду на аудиенцию к Повелительнице драконов – моей матери, которую я ещё ни разу не видел. Там, конечно, будет и Повелитель, но я с ним уже встречался пять лет на-

зад и мы сумели о многом договориться, в том числе и об этой предстоящей мне встрече с матерью.

Честно говоря, во мне боролись два противоположных, но очень сильных чувства: желание увидеть, наконец, женщину, которая тридцать лет назад родила меня на свет, и страх, что бы эта встреча ни позволила нашим врагам, уютно устроившимся в империи, разгадать сюрприз, который все мы приготовили врагам нашим. Поэтому я шёл на встречу с полным сознанием великой ответственности лежащей на моих плечах с самого рождения.

Недавняя попытка покушения на меня, была, скорее всего, напоминанием мне о том, что за каждым моим шагом наблюдают самым пристальным образом. Глупо, я это и так знаю. Если же этим они хотели напугать меня, то это вдвойне глупо – меня такая встреча наоборот раззадорила.

Торопиться было некуда, поэтому я зашёл в небольшую забегаловку, которая одна из немногих, подобных ей, была открыта, что бы выпить вина. В небольшом уютном зале было пусто, только за стойкой дремал хозяин заведения, человек, возрастом, неумолимо приближающимся к преклонному, носящем на своём симпатичном лице отпечаток вселенской скорби. Судя по всему, дела у него шли из рук вон плохо. Я заказал кувшин красного вина и уселся за столик справа от входа.

Вино оказалось на удивление хорошим, что было странно для такого заведения. Выпитый стакан плодотворно подей-

ствовал на моё состояние, я успокоился и перед моим внутренним взором стали проходить картины недавнего прошлого. Я в который раз просматривал события, которые произошли с того самого момента, когда в маленькой гостинице, носящей жизнеутверждающее название – «У висельника», я встретился с отцом – главой империи Повелителей драконов. Как же это было? Дай Бог памяти....

Куда идёшь ты за мечтой зовущей?
Забыл себя родившийся на свет?
Дорогу к памяти осилит лишь идущий,
И выбора иного просто нет.

Да, в этом деле нет альтернативы,
А жить без памяти – банальнейший сюжет.
Вступая в жизнь, мы бойки и ретивы,
Года прошли – ретивости уж нет.

А жизнь длинна и цель нам не известна.
Какая цель, когда понятия нет?
И от желаний наших в мире тесно,
А смерть уж шлёт нам пламенный привет.

Да, жизнь нас манит, память забирая,
А смерть хранит её в потоке лет.
И мы живём, ошибки забывая,

В душе надеемся на будущий рассвет.

Глава 1. Тайны Обсерватории

Встреча была столь неожиданной, что я поначалу даже растерялся. Я видел перед собой пожилого очень усталого человека с мужественным лицом, словно окаменевшим в маске жестокого высокомерия.

Если бы Учитель своевременно не раскрыл тот ужасный заговор, который затеяли адепты Серой империи через моих братьев и высших аристократов империи, я бы, скорее всего, был напуган его суровой внешностью. Сейчас же мне было его очень жаль. Кроме того, я искренно восхищался его умом и мужеством – это надо же, почти в одиночку противостоять такому множеству врагов.

– Тебе повезло с учителями и друзьями, сын мой, – устало заговорил Повелитель, налив себе и мне вина, и подняв свой бокал. – Ты, как я понял, уже знаешь о той подлости, что совершили мои дети по отношению, даже не ко мне, даже не к империи, а вообще к людям нашего мира.

Я промолчал. Что тут скажешь? В этот момент мне стало очень жалко человека, который будучи моим отцом, дабы, спасти меня, вынужден был фактически отречься от меня, рискуя остаться наедине с полчищем безжалостных врагов. Человек, который, как оказалось, меня любил и очень рассчитывал на меня, сделал всё, что бы я его ненавидел. Правда, моей ненависти он так и не добился, однако и любви не

приобрёл.

– Расскажи мне о себе, – неожиданно попросил Повелитель. – Хочу побольше о тебе знать.

Я вообще-то не большой любитель рассказывать о себе, но в этот раз, как-то незаметно для самого себя, я рассказал о себе всё, в том числе и об обряде признания меня законным наследником и о моей помолвке с драконицей Ниннэль. Об обряде он, оказывается, знал, иначе, откуда те реликвии, которые доставил к приведению меня к присяге старый Ляргус, а вот то, что моя невеста дракон, стало для него полной и приятной неожиданностью.

– Мама очень хотела увидеть тебя, но пока это не возможно, – с сожалением сказал Повелитель, когда я закончил рассказ о себе. Необходимые условия сложатся, как раз когда тебе исполнится тридцать лет. Тогда ты встретишься с матерью, я тоже буду там, но ты постарайся не обращать на меня внимания и сделай такой вид, что ты меня до этого никогда не видел.

– Я понял тебя, отец, – сказал я. – Я постараюсь быть осторожным и через пять лет сделаю всё, как нужно, но, если можешь, ответь мне на один вопрос – Ляргус обо всём знал или нет?

– Конечно, знал, – сразу же ответил Повелитель. Этот план был создан мной, твоей матерью и Верховным жрецом, причём его эмиграция в Сегурию, является частью этого плана. Вот Азар об этом плане ничего не знал. Предвижу твои

вопросы – почему нельзя было сказать тому же Азару или тебе, когда ты подрост? Ответ предельно прост, если бы кто-то кроме нас троих знал об этом плане, трудно было бы сдерживаться и не искать встречи с нами. Эти попытки встретиться непременно бы были, а это могло поставить под удар весь наш замысел. Поэтому Ляргус свято хранил тайну, честь ему и хвала.

Стоило подумать примерно минуту, и я полностью согласился с повелителем, что не посвящение никого в рискованный план противостояния Серой империи, был полностью оправдан. Вряд ли, зная его заранее, сумел бы я сохранить его, скорее всего, как-нибудь ненароком проговорился или ещё как-либо выдал, а что за этим бы последовало, предсказать не составит труда.

– Неужели у тебя совсем нет союзников? – спросил я Повелителя.

– Ну, что ты, – ответил он. – Конечно, есть, правда, их не так много, как хотелось бы, но зато надёжные. Помимо Ляргуса, моими надёжными союзниками являются, например, Кронос, некоронованный император подземной империи и Верховный жрец ордена Обсерватории Маргус. Именно они сумели организовать нашу встречу, и именно они помогут тебе и твоим товарищам безопасно покинуть империю. Жрецы Обсерватории выведут вас за пределы столицы, но прежде, чем вы уйдёте, постарайся вместе с Учителем хорошо понять Обсерваторию, ибо это самая большая пробле-

ма не только для меня, но и для всех людей, обитающих в нашем мире.

Он задумался, я же сидел молча, стараясь не мешать его размышлениям.

– Понимаешь, Обсерватория – это величайшая жемчужина нашего мира, – заговорил он с несвойственной, глядя на него, горячностью. – Она, по сути, является неиссякаемым источником Силы, обладает собственным сознанием и характером. Именно, как источник силы она служит лакомым кусочком для Серой империи, да только подступиться к ней они до поры не могут, но зная их достаточно хорошо, рано или поздно смогут. И в этом им помогут наши предатели.

Он опять замолчал, видимо, стараясь справиться с собственным гневом. Я снова не мешал ему.

– Если империя падёт, а она непременно падёт, – продолжил Повелитель. – Обсерватория не должна попасть в руки к победителям. Что делать, знает Маргус и его люди, но им потребуются помощь. Твой Учитель, кажется, его зовут Странник, обладает Древней силой и может помочь жрецам Обсерватории, да и тебе было бы не вредно поближе познакомиться с этим феноменом. Я прошу тебя, попроси Странника помочь всем нам.

Он опять замолчал и вопросительно посмотрел на меня.

– Я думаю, что Учитель с удовольствием поможет, чем сможет. Он не меньше нас желает покончить с Серой империей, но считает, что обычные методы борьбы здесь не го-

дятся, поэтому он повсюду ищет всё, что может ему помочь в решении этой задачи, а уж Обсерватория его сразу же заинтересовала, – ответил я на вопрос отца.

– Последний вопрос, – вновь заговорил отец. – Что вы намерены сделать с вашими братьями, ведь они ваши пленники?

– Не знаю, Странник хочет отпустить их на все четыре стороны, ведь не убивать же их, а таскать с собой неохота, – просто ответил я.

– Правильно, хотя они, безусловно, заслуживают смерти, – как-то задумчиво проговорил Повелитель. – Думаю, что страху, которого они натерпелись, хватит им на некоторое время.

В дверь осторожно постучали, и вошёл Крон. Он поклонился, подошёл к Повелителю и что-то сказал ему на ухо, после чего, так же с поклоном удалился.

– Пора прощаться, – сказал отец, вставая.

Я тут же вскочил, и как-то так само собой получилось, что мы обнялись. Это было первое в моей жизни родительское объятие. Оно длилось меньше минуты, но вызвало у меня целый взрыв чувств, причём чувств скорее приятных. Повелитель вышел, закрыв за собой дверь, а я присел к столу, пытаясь успокоить бушевавшие во мне чувства.

Не знаю, сколько я так просидел, но тут вошёл Марк уже с вещами и при оружии.

– Пора, – просто сказал он.

Я встал и прошёл с ним в общий зал, где мои товарищи уже ожидали меня. Я быстро одел свою котомку, взял оружие и объявил, что готов в дорогу.

С нами шли глава ордена Обсерватории и портье со своим мальчишкой (так я и не узнал, кто он ему – сын или просто помощник). Снизу доносился какой-то шум. Учитель мне коротко объяснил, что это полиция штурмует гостиницу, и поэтому мы сейчас же уходим. На первое время мы укроемся в Обсерватории, а потом её служители помогут нам выбраться из города.

Время терять не имело смысла, судя по ударам, что доносились от входной двери, дверь скоро будет выбита. Мы спустились в подвал, где портье открыл какую-то потайную дверь, в которую мы один за другим и вошли, после чего дверь сама собой закрылась. Портье зажёл факел и пригласил нас следовать за ним.

Первым, в качестве проводника, шёл портье со своим мальчишкой, который держал факел. За ними шёл Странник, о чём-то глубоко задумавшись. За ним шёл я, а за мной Джон и Марк. Замыкал нашу небольшую компанию глава ордена Обсерватории Маргус.

– Как ты думаешь, погоня будет? – спросил Учитель проводника.

– Ну, это вряд ли, – спокойно ответил тот. – Вход сюда хорошо скрыт, так что найти его для преследователей большая проблема. Кроме того, здесь начинается территория подзем-

ной империи, которая не подчиняется законам империи Повелителей драконов. Поэтому сюда полиция обычно не суеться, разве что, собравшись в числе не менее нескольких тысяч человек, но даже при этом практически никогда не достигает успеха.

Шли мы по узкому подземному коридору, который часто поворачивал то в одну, то в другую сторону, а зачастую ещё и, время от времени, раздваивался, так что случись мне выбираться отсюда без провожатого, ни почём бы не нашёл выхода. Шли мы так не менее часа и, наконец, вышли в довольно широкий тоннель, освещённый масляными светильниками.

– Здесь мы с вами расстанемся, – сказал портье, имени которого мы так и не узнали. – Дальше вас поведёт его светлость Маргус, а вам я желаю удачи. Судя по тому, как вас разыскивают, удача вам понадобится. Я же всегда к вашим услугам.

Он поклонился и быстро направился куда-то вправо, сопровождаемый своим неизменным мальчишкой. Я поневоле задумался о том, как хитро порой поступает с нами судьба, сводя нас с теми или иными людьми. Одни следует с нами по жизненному пути до самого конца, другие же лишь мелькнут, появившись ниоткуда и уйдя в никуда. Именно такими были портье и его мальчишка, чьих имён мы никогда не узнаем, как не узнаем, откуда пришли они и куда ушли, чем они жили и чего хотели в этой жизни. Однако доподлинно

известно, что если бы они честно не сыграли свою, отведённую только им, роль в нашей общей судьбе, то и судьба эта повернулась совершенно по-другому. Спасибо им за то, что они были и сделали всё, что должны были сделать.

Однако особо размышлять о превратностях судьбы, времени не было. Маргус, встав во главе нашего отряда, сказал, что идти надо быстро, пока путь в Обсерваторию не перекрыли. Конечно, Повелитель обещал, что сделает это в последнюю очередь, но, к сожалению, не всё в нашей империи зависит от Повелителя.

Мы быстро шли по просторному, хорошо освещённому тоннелю, который вёл куда-то вперёд с небольшим подъёмом. Долго ничего не менялось, но вдруг, впереди замелькали огни. Маргус сделал нам знак остановиться, а сам направился туда, где мелькали огни. Мы, на всякий случай, положили руки на рукояти наших мечей и стали ждать.

Не прошло и пяти минут, как жрец вернулся и сделал нам знак идти за ним. Вскоре мы подошли к железной решётке, которая перегораживала тоннель. В решётке имелась калитка, которую стерегли два вооружённых жреца в плащах отороченных серебряным узором. Как я понял, за решёткой располагалась территория, принадлежащая Обсерватории, мы пришли.

1

Мы сидели в трапезной монастыря, притулившегося к отвесному склону горы, на плоской вершине которой величественно возвышалась пирамида Обсерватории, яростно сверкая своим хрустальным шаром. Свет, исходящий от шара, был настолько ярок, что отблески его плясали на столешнице стола, за которым мы сидели, раскрашивали лица сидящих за столом в какие-то экзотические цвета, делая их похожими на дикарей с далёких южных островов в океане.

Мы, это мой Учитель, которого зовут Странник, его друзья и ученики Джон Мильтон и Марк, трое жрецов ордена Обсерватории и я Кувай, дракон и наследник империи Повелителей драконов. Мы временно обосновались в монастыре при Обсерватории. Завтра утром, как сказал Маргус, мы должны будем пройти испытание, при котором сама Обсерватория определит степень нашего допуска к её тайнам. Сейчас же мы ужинаем, что бы пораньше лечь спать – в последние дни спать нам пришлось очень мало, поэтому засиживаться мы не собирались. Как сказал Маргус, нам очень повезло. Только мы пересекли границу Обсерватории, явилась имперская стража и перекрыла проход; да, отец сдержал своё слово.

Маргус поселил нас в гостевых комнатах монастыря, а вечером пригласил на ужин. Все были усталыми, все клевали

носами, так что застолья не вышло, только учитель что-то увлечённо рассказывал Маргусу.

Сначала всех поразило освещение, которым освещалась трапезная монастыря. Ещё бы, свет здесь исходил от самой Обсерватории, однако усталость не позволила нам полностью насладиться чудесным зрелищем. Мы очень быстро закончили свою трапезу и разошлись по своим кельям, только Учитель продолжал оживлённо беседовать с Маргусом.

Только я добрался до кровати, как сразу же уснул, я бы даже сказал, провалился в сон. Сон, который я увидел в ту первую мою ночь в Обсерватории, оказался очень ярким, не очень понятным и явно вещим. Вообще, сны в Обсерватории всегда были яркими и интересными, но всё же они не идут ни в какое сравнение с тем самым первым сном.

Я увидел себя, как бы со стороны, идущим по каким-то дворцовым коридорам, дворца, следует сказать достаточно мрачного. На мне парадные доспехи, ярко сияющие в свете факелов. На груди, на массивной цепи висит знак Повелителя драконов. В руке я держу шлем, выполненный в форме головы дракона, украшенный роскошным плюмажем из красных перьев. Судя по всему, я возвращаюсь с какой-то важной встречи.

Следующий фрагмент – я выхожу из дворца, когда ко мне подходят вооружённые люди и требуют отдать им мой меч. Меня охватывает лютое бешенство, как они, эти плебеи осмелились.... Я обнажаю меч и начинаю яростно отбивать-

ся от наседающих со всех сторон врагов, почему-то напрочь забыв, как об Искусстве, так и о Магии. Врагов всё больше, а я всё так же тупо продолжаю отмахиваться железкой, и уже начинаю чувствовать, что силы мои кончаются.

В следующем фрагменте, я стою на маленьком свободном пяточке пространства радиусом в пределах достижения моего меча, а всё пространство вокруг заполнено врагами. Я из последних сил вяло отмахиваюсь и уже ясно понимаю, что это мои последние силы, что ещё чуть-чуть и со мной всё будет кончено. И вот, когда уже в сердце моё стало закрадываться отчаянье, в небе над моей головой раздался яростный боевой клич атакующего дракона и я, увидел, что с неба на врагов моих падает чёрный дракон Яргуст, извергая на головы врагов потоки огня.

Потом я вижу панораму огромного города, который объят огнём, а в небе над городом кружат два дракона – чёрный, цвета воронёной стали и золотой, цвета червонного золота, поливая город потоками пламени. Из города происходит массовый исход его жителей, но драконы не обращают внимания на беженцев, всё их внимание сосредоточено на небольшом пяточке перед дворцом, где из последних сил держали оборону, применяя какую-то странную магию, кучка людей в серых плащах с капюшонами. Вместе с ними, хотя и продолжали сражаться, но уже как-то обречённо были люди в богатых доспехах аристократов. Я видел, что все они уже обречены, но жалости к ним, впрочем, как и какого-ли-

бо злорадства не испытывал.

Затем мы с Яргустом стояли на высоком утёсе нависающим над городом. Внизу лежал догорающий в драконьем огне обречённый город, который покинули его жители. Вдали за городом яростно пылала Обсерватория и я уже знал, что нам делать. К нам подошли двое, высокие с властными чертами мужчина и женщина, Повелители драконов, мои отец и мать. Яргуст склонился в низком поклоне, я же шагнул им навстречу.

Картина подёрнулась туманом, и я увидел себя летящим вместе с Яргустом над какой-то серой равниной. Сразу же вспомнился тот давний сон, который приснился мне в Трактире-на-перекрёстке, только теперь мной владела не ярость отчаяния, а бурное веселье. Так бывает, когда долго к чему-то готовишься и вот, наконец, оно происходит и ты безмерно рад тому, что кончилось ожидание, и ты опять занят делом, делом чертовски важным и безмерно интересным.

И так, мы с Яргустом летим над равниной покрытой серой травой. Внизу, прощаясь, машут нам руками Учитель, Джон и Марк. В это мгновение я остро ощущаю, что с ними я разлучаюсь, при этом так надолго, что можно сказать навсегда. Яргуст в полёте улыбается мне своими жгуче-чёрными глазами, и я опять понимаю, что и с ним я скоро расстанусь почти навсегда. Лютая тоска наваливается на меня, и я просыпаюсь.

Проснувшись, долго лежу с открытыми глазами, глядя в

потолок, где играют лёгкие сполохи. Я вспоминаю, что мы в Обсерватории и спокойно опять засыпаю, на этот раз без сновидений.

Утром меня разбудил Марк. Он посоветовал мне побыстрее привести себя в порядок и идти в трапезную, где нас ждёт Странник.

– Похоже, что они с Маргусом так и не ложились, – сказал он перед тем, как уйти.

Я быстро привёл себя в порядок и пошёл в трапезную. Настроение моё явно находилось под воздействием увиденного мной этой ночью сна. Поэтому я был задумчив и отрешён, да и не мудрено. События последних дней, предательство братьев, встреча с отцом, наконец, Обсерватория и этот странный, явно вещий, сон, поневоле будешь задумчивым и отрешённым.

В трапезной я застал Марка и Джона, которые за обе щёки уплетали завтрак. Учитель и Маргус сидели там же, где мы оставили их накануне. Похоже, они действительно просидели всю ночь, хотя по их виду сказать это было бы сложно.

– Быстрее завтракай, – сказал Учитель. – Иначе рискуешь остаться голодным. У нас сегодня предстоит много дел.

Я внял рекомендации Учителя и с аппетитом съел свой завтрак. Пока мы завтракали, Учитель и жрец только пили вино и о чём-то тихо беседовали.

Как только мы закончили завтракать, Учитель обратился к нам с речью, смысл которой сводился к тому, что все мы сей-

час должны пройти испытание, которое с нами проведёт сама Обсерватория. По его результатам будет определена роль каждого из нас в предстоящей работе, которая должна будет обезопасить Обсерваторию от происков Серой империи.

Сказанное учителем всех нас очень заинтересовало, так что мы с нетерпением ожидали начала испытания. Кроме того, я помнил просьбу Повелителя упросить Учителя помочь жрецам Обсерватории в разработке защиты Обсерватории от попыток Серой империи её захватить, и теперь понял, что именно этим он и намерен заняться с нашей помощью.

– Испытание очень простое, – стал отвечать на наши вопросы Маргус. – Суть его заключается в том, что все мы спустимся на нижний, известный нам уровень Обсерватории и пойдём по радиальному коридору в направлении центрального силового луча, что проходит от шара вниз по пирамиде. Всё вроде бы просто, однако совсем не просто. Дело в том, что пройти этот коридор до конца ещё никому не удалось. Нет, там нет никаких ловушек или опасностей. Просто в какой-то момент, перед идущим, возникает невидимая, но совершенно непреодолимая преграда. Никто не знает, где кого остановят, но каждого где-то остановят. У нас даже Верховным жрецом становится тот, кого Обсерватория пропустит дальше всех соискателей.

Мы с интересом выслушали жреца и готовы были приступить к испытанию.

– Пожалуйста, запомните, – сделал последний инструктаж

жрец. – Если возникнет преграда, не пытайтесь преодолеть её силой или, применяя Искусство, это ни к чему не приведёт и может оскорбить Обсерваторию. Не забывайте, что Обсерватория обладает собственным сознанием и является, в некотором роде, личностью. Поэтому давайте не будем её обижать.

Мы, конечно, вовсе не собирались как-либо обижать Обсерваторию, а вот узнать степень её доверия к каждому из нас, нам бы очень хотелось.

Маргус, повёл нас к входу в гору, на которой стояла пирамида с сияющим шаром на вершине. Мы вошли через калитку в массивных вечно закрытых воротах сделанных из какого-то неизвестного мне металла. За входом нас встретил дежурный жрец, который с поклоном вручил каждому из нас масляный фонарь и сказал при этом, что если кто из нас упрётся в преграду, то в этом случае не стоит мешкать, а сразу же нужно идти обратно, что бы ни возвращаться потом в темноте.

– Вообще-то обычно здесь хорошее освещение, – сказал Маргус. – Но вот, когда наступает испытание, свет сам собой гаснет и приходится пользоваться переносными светильниками. Правда, по окончании испытаний, свет снова загорается. Почему это так, никто не знает.

Мы шли по полого спускающемуся куда-то вглубь горы тоннелю, который, как, оказалось, был вовсе не вырублен, а скорее выжжен в скальном массиве. Кроме того, что тоннель

плавно уходил в глубину, он ещё также плавно поворачивал по часовой стрелке, образуя спираль. Идти было легко, ноги сами несли под уклон. Я подумал, что обратный путь вряд ли будет так лёгок.

Шли мы достаточно долго, по моим прикидкам не менее часа, когда уклон внезапно закончился. Мы очутились в небольшом помещении, из которого вели две двери, обе закрытые.

– Теперь придётся подождать, пока откроется правая дверь, – торжественно объявил Верховный жрец Обсерватории. – Как только правая дверь откроется, все заходят в проход и идут, не останавливаясь и не оглядываясь. Если кого остановит сама Обсерватория, следует повернуться кругом и возвращаться тем же путём.

Стоило только Маргусу закончить говорить, как правая дверь совершенно бесшумно открылась и мы, один за другим шагнули в тёмный проход. Первым шёл Маргус, за ним Учитель, за Учителем Джон, за ним я, а замыкал нашу компанию, как всегда, Марк.

Идти было не сложно, впереди маячила спина Джона, проход был прямой, как стрела, так что не заблудишься. Так продолжалось минут десять или около того. Вдруг я заметил, что спина Джона стала приближаться, это говорило о том, что он начал тормозить. Сам я пока ничего не чувствовал, однако только стоило мне поравняться с Джоном, как ноги мои налились свинцом, а в грудь мягко упёрлась невидимая

рука, не позволяя сделать больше ни шагу. Только мы вдвоём развернулись, что бы возвращаться назад, как нас обошёл Марк, приветливо помахав нам рукой.

Было немного обидно, однако ничего не поделаешь, пришлось возвращаться. Возвращение, к нашему с Джоном удивлению, оказалось ничуть не труднее дороги сюда и, спустя примерно час, мы вышли к выходу из тоннеля, где уселись на лавочку, ожидая возвращения остальных.

Разговаривать не хотелось, поэтому мы оба сидели молча, углубившись в себя. Сначала я никаких изменений в себе не заметил, но, спустя примерно минуту, я впал в состояние сходное с трансом. Я вдруг увидел себя на плоской вершине высокого горного пика. Прямо подо мной клубились сплошные облака. Над моей головой простиралось какое-то странное небо цвета морской воды. Солнца не было, но было достаточно светло. На вершине я был не один, прямо передо мной лежал, положив рогатую голову на передние лапы, дракон цвета червонного золота. Глаза его были закрыты, он спал или искусно делал вид, что спит. Во всяком случае, стоило мне посмотреть на него, как дракон открыл глаза. О, это было чудо. Огромные, перечёркнутые вертикальными зрачками, глаза дракона буквально пылали яростным зелёным огнём, а ещё из них лучилась сила и эта сила была мне хорошо знакома. Ещё бы мне было её не узнать – это была моя собственная сила.

Я сразу вспомнил то давнее видение, когда надорвавшись

в первом своём выходе из Сегурии, я оказался в этом же самом месте в образе золотого дракона, за что получил нагоняй от хозяина этого места.

Золотой дракон молча смотрел на меня, и в меня стал вливаться мощный поток силы, которая стала заполнять каждую клетку моего тела. От этого мне стало так хорошо, что даже захотелось смеяться, но я прекрасно понимал, что смеяться тут вовсе неуместно, и потому сдерживался.

– Привет тебе, Кувай, – зазвучал во мне голос дракона, на этот раз пропитанный тонкой иронией. – Мне, надо полагать, представляться не стоит, ведь мы с тобой единое целое. Не правда ли? Правда, между нами целая пропасть времени, но разве время когда-нибудь могло кого-нибудь разделить? Ты тот, кем был я, а я тот, кем будешь ты. Кстати, с чего ты взял, что здесь неуместно смеяться?

Он замолчал, и я услышал, как он смеётся. Спустя мгновение я тоже начал смеяться, и так, со смехом пришёл в себя. Рядом со мной сидел, явно находясь в трансе, подобном тому, в котором только что прибывал я, Джон. На лице его застыла блаженная улыбка, видимо Обсерватория каждому из нас показывало что-то одновременно очень важное и радостное.

Я размышлял над загадкой своего видения, когда вернулся Марк и почти сразу за ним Маргус. Тут пришёл в себя и Джон, сохранив на своём лице блаженную улыбку.

– Если бы сам не видел, ни за что бы, ни поверил, – с

неподдельным изумлением сказал жрец. – Странник свободно пересёк рубеж, который способны достичь лишь Верховные жрецы ордена Обсерватории и пошёл дальше. Я не удивлюсь, если он сумеет пройти и за вторую дверь.

Все мы с удивлением смотрели на жреца, ничего не понимая. Не знаю, как другие, но я понял лишь то, что Учитель прошёл туда, куда ещё никто из людей не заходил, за какую-то вторую дверь. Что это значит и чем это грозит Учителю, я понятия не имел.

Маргус, видимо по нашим лицам определив, что мы ничего не понимаем, сжалился над нами и дал пояснения своим словам, хотя, судя по всему, он и сам о происшедшем и о последствиях этого происшествя, имел только самые общие представления.

Рассказ его сводился к тому, что коридор, где мы сегодня были, ведёт прямо к потоку силы, что непрерывно протекает от приёмного шара по вертикальной оси пирамиды и уходит куда-то в бесконечность, пронзая пласты реальности этого и множество других миров. Непосредственно перед потоком силы находится вторая дверь, которую никто ещё не достигал, а уж, тем более, никто не заглядывал за вторую дверь. Мы и о самой двери-то знаем только из общей трёхмерной модели Обсерватории, которую оставили нам творцы этого чуда. Позже вы сможете познакомиться с ней в монастыре.

– Теперь, пожалуй, самое неприятное для всех нас, – с печалью сказал жрец, как-то виновато глядя нам в глаза. – Ни

я, никто другой не знаем, что теперь будет со Странником. Я даже не знаю, сможет ли он вернуться, да и жив ли он до сих пор, хотя, скорее всего, жив – никто никогда не слышал, что бы Обсерватория кого-нибудь убила, так что он, наверняка, жив.

Мы все приуныли, да и было от чего. Все мы любили Учителя и уж, точно никак не ожидали, что потеряем его так нелепо. Самое страшное было то, что мы были бессильны, что-либо предпринять, для того что бы выручить нашего Учителя и друга. Оставалось только ждать в надежде, что Учитель вернётся. Вот мы и ждали. Ждать пришлось долго. Почему-то всегда так, когда чего-то очень сильно ждёшь, время, как назло, почти не движется, словно застывает. И вот, когда у всех нас кончалось терпение, в тоннеле вдруг загорелся свет. Просто сами собой загорелись светильники, и я сразу же вспомнил слова жреца, когда он говорил, что по окончании испытания свет в тоннеле загорается сам. Значит, испытание закончилось, и Странник сейчас вернётся.

В тот момент, когда вспыхнул свет, я явственно почувствовал толчок Древней силы – Учитель возвращался. Марк и Джон тоже почувствовали возвращение Учителя и даже хотели идти ему на встречу, но тут он сам появился в тоннеле.

2

Отправляясь во дворец Повелителей, я был готов ко всему. Прекрасно понимая, с каким врагом мы имеем дело и на что этот враг способен, я сам решил встретиться с Повелителем – никогда не любил рисковать другими.

Лишённый воли жрец вёл меня по каким-то подземным коридорам, настолько запутанным, что уже минут через десять я махнул рукой на свои попытки запоминать дорогу и положился на надёжность моих заклятий, крепко удерживающих волю предателя. Шли мы не более получаса и как-то незаметно оказались во дворце.

На выходе из подземного прохода нас остановила стража, но мой проводник показал караульным какой-то медальон и они, отсалютовав нам, беспрепятственно дали нам пройти во дворец.

Дворец Повелителей драконов, если и поразил меня, так только своей мрачностью и безлюдьем. За весь, достаточно длинный путь нам не встретился ни один придворный, кроме караулов, которые при виде медальона, незамедлительно пропускали нас. Наконец, мы очутились возле высоких дверей, украшенных роскошной резьбой, главным элементом которой были изображения драконов. У дверей дежурили гвардейцы, которые, только взглянув на медальон, отсалютовав, распахнули перед нами двери, предлагая войти, что

мы и сделали.

Мы оказались в небольшом, на удивление уютном кабинете, сплошь уставленном книжными шкафами, битком набитыми толстенными фолиантами. При других обстоятельствах, с каким удовольствием порылся бы я в этих книгах, но....

В центре кабинета стоял массивный стол, за которым сидел и что-то писал высокий сухощавый человек преклонного возраста с красивым лицом, на котором навсегда впечаталось выражение сурового высокомерия. Судя по массивному медальону с изображением дракона, передо мной был сам Повелитель. Что удивительно, хотя я его никогда до этого не видел, но именно таким себе его и представлял. Ещё я подумал, что Кувай с годами станет очень на него похожим.

При нашем появлении Повелитель отложил своё перо и встал нам на встречу, смотрел он при этом лишь на меня. На жреца он даже не глянул, словно того здесь и вовсе не было.

Жрец, войдя, склонился в низком поясном поклоне, да так и остался, видимо ожидая разрешения, выпрямить спину. Я, не являясь подданным империи, ограничился лёгким наклоном головы. Повелитель смотрел мне прямо в глаза, и на лице его явно читалась высшая степень удивления. Это продолжалось долю секунды, он быстро справился с собой, и лицо его снова приняло привычное высокомерно-суровое выражение. Да, этот человек умел владеть собой.

– С кем имею честь? – спросил он низким голосом, в ко-

тором я сумел уловить лёгкое волнение, которое Повелитель тщетно старался скрыть.

– Странник, учитель вашего сына, Кувая, ходящий по мирам, – просто представился я и сделал ещё один поклон головой.

– К тому же носитель Древней силы, – улыбнувшись одними глазами, дополнил моё представление Повелитель. – Я вижу, Куваю повезло с учителями. Однако уберём отсюда вот это.

Он с презрительным выражением лица указал на согбенную фигуру жреца. Он негромко хлопнул в ладони, открылась скрытая за книжным шкафом дверь, откуда вышло два жреца Обсерватории, которые, не говоря ни слова, ухватили за руки так и не распрямившегося жреца и увели с собой.

– Рад познакомиться, Странник, – просто сказал Повелитель, когда дверь за жрецами закрылась.

Он сделал шаг ко мне и протянул руку для рукопожатия. Я сделал встречное движение, и наши руки сомкнулись в крепком мужском рукопожатии. Рука повелителя оказалась на удивление крепкой и в этот момент между нами завязалась какая-то мистическая связь, которая проявилась в том, что я сразу же стал доверять этому человеку. Спросите – при чём здесь мистика? А разве не мистика эта моя внезапная доверчивость? Это я-то, человек не склонный доверять никому, и вдруг, поверивший человеку известному своим коварством. Хотя, конечно, нет в этом никакой мистики, про-

сто я сумел рассмотреть за маской Повелителя, великую душу очень честного и ответственного человека, привыкшего оставаться верным своему долгу в любых обстоятельствах.

– Значит, ты всё же понял мой замысел, – толи спросил, толи констатировал факт Повелитель. – Иначе ты бы не пришёл сюда, а постарался бы поскорей увести отсюда Кувая. Да, ты понял всё правильно и тебе за это огромное спасибо. Я рад, что наши пути пересеклись, жаль только, что время сейчас не очень располагает к судьбоносным встречам. –

Я ничего не стал говорить. Зачем, что-то говорить, когда уже всё и так понятно, а лишние слова могут только навредить, попади они в непотребные уши.

Повелитель вызвал слугу и спустя минуту мы сидели за кубком вина. Повелитель вдруг попросил меня рассказать о Кувае, и я, с минуту подумав, начал рассказывать, начав с самой первой встречи, когда мы с Джоном на вершине горы впервые увидели золотого дракона. Я рассказал о наших с Куваем дальних путешествиях, о том, как он рос и превращался в мужчину, в общем, рассказывал обо всём, что знал о младшем сыне Повелителя. Повелитель внимательно слушал меня, не перебивая.

Когда я закончил свой рассказ, отец Кувая минут пять сидел молча, видимо осмысливая услышанное. Потом задал несколько уточняющих вопросов, последний из которых звучал примерно так:

– А почему ты, уважаемый Странник, не рассказал о том,

как прошёл обряд приведения к присяге наследнику престола? – спросил он как-то, между прочим.

– Я вовсе не являюсь вашим подданным, Повелитель, – ответил я с достоинством. – Поэтому я присутствовал на этом обряде только в качестве гостя и не считаю себя вправе рассказывать что-либо о нём. Если же вам интересно, я скажу, что присягнули ему все жители Сегурии. Не присягали только демон Минг, Джон Мильтон и я, потому что все мы не являемся вашими подданными.

– А я бы многое отдал, что бы вы были моими подданными, – с чувством сказал Повелитель. – Если же тебя как-нибудь оскорбили мои вопросы, то прошу меня простить, у меня не было намеренья обидеть тебя.

– Нет, ты ничем не обидел меня, – ответил я на его извинения. – А, что касается твоего предложения стать подданным империи, отвечу тебе сразу и решительно – нет, моя независимость мне слишком дорога.

– Очень жаль, – искренне сказал Повелитель. – Ну, надеюсь, надёжными союзниками мы можем быть?

– Конечно, ведь у нас общий враг, – ответил я. – Однако засиживаться у тебя в гостях, нет время. Давай определимся, где и когда ты сможешь встретиться с Куваем.

– Знаешь, Странник, – проникновенно заговорил Повелитель. – Я подумал, что являться Куваю во дворец чересчур опасно. Здесь я вряд ли смогу обеспечить ему безопасность. Поэтому я сам отправлюсь с тобой, что бы поговорить с сы-

ном. Сейчас придёт Верховный жрец Обсерватории Маргус и Крон, с которым ты, как я знаю, знаком. Этим людям я полностью доверяю.

– А как же тот жрец, которого привёл Крон и который наврал вместе с твоими детьми нам с три короба, – с иронией спросил я. – Ладно, мои мальчишки, они привыкли доверять людям, но он попытался обмануть меня, а это со мной уже очень давно не проходит.

– Вот поэтому Крон и привёл именно его, – с улыбкой ответил Повелитель. – Он является одним из главарей заговора, но при этом непроходимо глуп, поэтому лучшего кандидата, что бы ты почувствовал обман, и придумать было нельзя. Но теперь с ним покончено, его забрали жрецы Обсерватории, так что мы его больше не увидим. Кстати, твои чары, наложенные на него, дали мне знать, что ты всё понял и разоблачил негодяев.

Я лишний раз убедился, с каким умным человеком в лице Повелителя, свела меня судьба. Его же решение самому явиться в гостиницу, где мы скрывались, показалось мне очень разумным. Сказать по правде, уж очень не хотелось мне тащить Кувая во дворец, полный коварных ловушек.

Мы с Повелителем пили прекрасное вино, ожидая прихода Верховного жреца Обсерватории, когда один из шкафов совершенно бесшумно отъехал в сторону и через открывшуюся дверь в кабинет вошёл Крон в сопровождении старого жреца, коим и был Верховный жрец Обсерватории Маргус.

Мы познакомились, выпили по кубку вина и стали собираться в дорогу. Прежде всего, Повелитель мастерски создал собственного фантома, который тут же уселся за стол и стал что-то писать.

– Вот теперь какое-то время соглядатаи за мной будут уверены, что я работаю в своём кабинете, а мы можем отлучиться, – сказал Повелитель и, закутавшись в чёрный плащ, шагнул в дверь, через которую вошли Крон и Маргус. Шкаф за нашими спинами бесшумно встал на место.

Без всяких приключений дошли мы до гостиницы, и я свёл Кувая с отцом. Сам же я направился к Джону и Марку, нужно было расспросить их, что им удалось узнать при допросе братьев Кувая. То, что они мне рассказали, было, конечно, интересно, но ничего особо нового я не узнал – обычный путь, коим следует практически каждый подлец и предатель, наверное, со времён Иуды.

Пришёл Крон и сказал, что сейчас в гостиницу нагрянут стражники, которые ищут нас, так что нам надо быстро уходить. Он проводит Повелителя, а нас отведёт в обсерваторию Маргус, где мы до поры укроемся. Позже, когда ажиотаж с вашими поисками утихнет, нас выведут из города.

Мы дождались, когда Повелитель в сопровождении Крона удалился, и быстро собрались в дорогу. К этому времени во входную дверь уже стучали стражники, поэтому мы все быстро последовали за портье и его мальчишкой в подвал, где вышли через секретный выход.

Братьев Кувая я решил оставить запертыми в комнате, где их найдут стражники. Сковывающие заклятия я немного ослабил, что бы они с трудом, но могли двигаться. Это будет им хорошим наказанием. Где-то через месяц, заклятия погаснут, и они смогут вновь творить свои мерзости.

Мы шли по подземным коридорам, которые петляли и двоились. Вёл нас портье, который вместе со своим мальчишкой вместе с нами покинул гостиницу. Наконец, мы очутились в освещённом тоннеле, где расстались с портье. Он со своим неразлучным мальчишкой ушёл куда-то вправо, а мы пошли налево, ведомые Маргусом.

Шли мы достаточно быстро, и это позволило нам вовремя проскочить на территорию Обсерватории, куда стражникам хода не было. Только мы прошли металлическую решётку, отделяющую землю Обсерватории от земли Повелителей драконов, как по тоннелю протопали стражники и наглухо перекрыли проход.

Мы сидим с Маргусом за столом в трапезной монастыря при Обсерватории. Стоит глубокая ночь, но в трапезной светло, причём свет здесь переливается всеми цветами радуги – этот свет исходит от хрустального шара, который венчает собой вершину пирамиды Обсерватории. Все ушли спать. За последние дни мои ребята так устали, что буквально валились с ног, поэтому быстро поужинали и отправились спать, тем боле, что на завтра назначено испытание Обсерваторией.

Мне же совершенно не хочется спать. Так бывает, когда

множество серьёзных событий происходят в относительно короткий отрезок времени. Тогда перевозбуждённый организм просто не в состоянии спать. В такое время лучше всего помогает хорошее застолье в совокупности с интересной беседой, чем мы с Верховным жрецом Обсерватории и занимались.

Речь шла о возможных способах обезопасить Обсерваторию от завладения ей Серой империей. Жрец довольно подробно описал мне три способа, которыми они думали решить эту задачу. Первый из них, на мой взгляд, самый ненадёжный, это создать надёжное войско, способное дать отпор любой попытке захватить Обсерваторию. Ненадёжность этого способа заключается в ненадёжности самого человека. Я очень сильно сомневаюсь, что можно найти хотя бы десяток надёжных людей, к которым адепты Серой империи не смогли бы подобрать ключика. А уж целое войско, это вообще фантастика. Ведь достаточно одного предателя и всё может погибнуть.

Второй способ, хотя и более трудоёмкий, но значительно надёжней первого, в общих чертах сводился к тому, что бы окружить Обсерваторию кольцом мощных охранных заклятий, которые будут подпитываться силой самой Обсерватории. Тут возникали определённые трудности. Во-первых, любую, даже самую мощную защиту, при достаточно упорной осаде, можно преодолеть, а во-вторых, захочет ли сама Обсерватория тратить проходящую через него силу на под-

держание этой самой защиты.

Наконец, третий вариант, который мне понравился больше, чем остальные, заключался в том, что бы перенести Обсерваторию вообще из этого мира в какой-нибудь другой, где её не сможет достать Серая империя. Этот способ, при всей его сложности, был самым надёжным, только я внёс в него некоторые дополнения и изменения. Я был против переноса Обсерватории в какой-либо из миров созданных Творцом, куда рано или поздно может добраться Серая империя. Для Обсерватории я предложил создать искусственный мир, наподобие вотчин Мастеров Высокого Искусства, хотя тут возникло множество трудностей, одной из главнейших среди них является трудность вписать этот мир в общую структуру Мироздания.

В заключение нашего разговора, я спросил Маргуса, а почему бы нам не спросить мнение самой Обсерватории, раз она обладает собственным сознанием?

– Как-то мы об этом не подумали, – удивлённый моим вопросом после минутного раздумья ответил жрец. – Да, и как её спросить?

– Ну, об этом мы подумаем после того, как пройдем испытание, – ответил я. – Почему-то мне кажется, что Обсерватория сама выйдет на контакт с нами, а то как-то нехорошо, получается, решаем судьбу сознательного существа, а его мнения даже не спрашиваем. За разговором кончилась ночь, наступило время завтрака. Группы жрецов заполнили

трапезную, при этом каждый из них кланялся мне и Маргусу. Появились Джон и Марк, чуть позже пришёл сонный Кувай. Я посоветовал им хорошо позавтракать, что бы на испытаниях не проголодаться. Я, конечно, шутил. Мои ученики прошедшие огонь и воду, не боялись остаться голодными, но у меня было в это время какое-то приподнятое настроение, хотелось смеяться и шутить. Я уже знал, хотя не знал, откуда, что испытания, предстоящие нам, помогут мне окончательно овладеть Древней памятью, то есть всё вспомнить. Завтракать не хотелось, и мы с Маргусом просто пили вино, ожидая, когда все закончат трапезу.

Сразу же после завтрака, Маргус пригласил нас на испытание в Обсерваторию. Мы вышли во двор, и я наконец-то при дневном освещении сумел рассмотреть Обсерваторию во всей красе, правда для этого мне пришлось задрать голову. Маргус не торопил, давая нам возможность хорошенько рассмотреть объект их поклонения.

Мы пошли, направляясь в сторону врезанных прямо в отвесный склон огромных ворот, которые тускло блестели в лучах восходящего солнца. Путь оказался недлинным и вскоре мы вошли в гору, через калитку, прорезанную в воротах.

Оказавшись внутри горы, я испытал целый комплекс очень сильных ощущений. Целая лавина чувств налетела на меня и, как положено лавине подхватила и потащила куда-то вперёд. Я не сопротивлялся, впрочем, даже если бы я попробовал сопротивляться, у меня вряд ли бы это получилось.

Преобладали в этой лавине чувство радости и чувство узнавания. Было такое ощущение, что когда-то бесконечно давно, я всё это видел. Мало того, я сам непосредственно участвовал в создании этого чуда, и от осознания этого, радость переполняла меня, хотелось петь и делать какие-то глупости, словно детство вернулось ко мне. Радость сменилась лютой злобой, стоило мне осознать, что всему этому угрожает смертельная опасность.

На смену злобе пришло твёрдое убеждение того, что я обязательно найду способ спасти Обсерваторию и уничтожить Серую империю. Как только это произошло, на меня накатило такое спокойствие, что все чувства моментально затихли, осталось только ожидание какого-то чуда, как бывает в детстве, когда на Новый год ждёшь Деда Мороза.

Я очнулся как раз тогда, когда жрец подавал горящую лампу, которую я машинально взял, хотя нужды в ней для меня абсолютно не было, я всё прекрасно видел. Маргус давал наставления, как надо себя вести при прохождении испытания, но я его не слушал. Зачем, когда я все и так знал.

Пока мы спускались, в душе моей происходили какие-то странные процессы. Было такое ощущение, словно ты пытаешься проснуться, а проснуться никак не можешь. Нет, это не было похоже на кошмар, когда, кажется, что если вот сейчас в этот самый момент не проснёшься – умрёшь. Это скорее было похоже на то, как чувство долга, присущее человеку, пытается вырвать вас из прекрасного цветного сна. Вы

сопротивляетесь, цепляетесь за осколки начинающего разваливаться сна, пытаетесь сохранить его хотя бы в памяти своей, а голос долга приказывает сию минуту проснуться, и почему-то этот голос каждый раз оказывался сильнее.

В этом состоянии и прошёл весь спуск. Наконец, мы оказались в помещении, где имелись две закрытые двери. Я знал, что нам нужно в правую, но необходимо ждать, когда эта дверь сама откроется. Дверь открылась, когда я полностью проснулся, причём проснулся абсолютно спокойным, с твёрдым знанием того, что меня ожидает впереди.

Первым шагнул в открывшийся проход Маргус. Это почему-то вызвало у меня лёгкое раздражение. Я считал, сам не знаю почему, что первым должен идти я. Стоило мне лишь вступить в проход, раздражение моё улетучилось, зато появилась совершенно несвойственная мне робость, так бывает, когда ты направляешься в дом, где не бывал уже очень-очень давно и не знаешь, как и кто тебя там встретит.

Я шёл и с каждым шагом с меня словно сваливался накопившийся за многие тысячелетия груз. Груз открытий и разочарований, находок и потерь, радости и горя, а самое главное, груз непонимания самого себя. Плечи мои расправлялись, я, словно становился выше ростом.

Спина идущего впереди Маргуса вдруг остановилась, так что я, задумавшись, чуть было не налетел на него. Вовремя среагировав, я обошёл его и пошёл дальше. Спустя минуту, я услышал его удивлённый возглас, но не придавал этому значе-

ния, для меня было вполне естественно, что я пошёл дальше.

Я уже знал, что все сошли с дистанции, причём Кувай и Джон практически вместе. Удивил меня Марк, который прошёл наравне с Верховным жрецом, так что вполне мог занять место Маргуса. Теперь я шёл один, не испытывая никаких затруднений, наоборот, с каждым шагом мне становилось всё легче и легче.

Наконец, коридор кончился. Передо мной была дверь, точная копия той, которая вела в этот коридор, и дверь была закрыта. Но, что значит закрытая дверь, если я твёрдо решил войти, ведь там, за этой дверью был я. Я, это самая важная, часть меня, потерянная много тысяч лет назад, которую я столько искал и уже начал терять надежду найти. И вот, когда остался последний шаг, разве удержит меня какая-то дверь?

Только я собрался разнести проклятую дверь, как она сама распахнулась передо мной, словно приглашая войти. И я вошёл....

3

После нашей встречи со Странником, жизнь моя стала настолько насыщенной событиями, так радикально поменялась, что я почувствовал себя совершенно другим человеком. Словно я настоящий до этого времени спал глубоким сном, а вместо меня жил, совершал какие-то поступки, страдал и радовался, грустил и смеялся совершенно другой человек, которого и человеком-то можно было назвать весьма условно.

Да, позвольте представиться, Джон Мильтон, эсквайр, владетель Мильтон-Хауса. Долгое время я жил, как живут в нашем мире помещики среднего достатка, хотя по молодости душа моя всячески противилась этому образу жизни. Поэтому молодые годы я провёл в путешествиях и вернулся домой, только когда отец мой был при смерти.

Поневоле мне пришлось остаться дома и заняться хозяйством. Как ни странно, со временем я втянулся, и это мне даже стало нравиться. В общем, жил я как большинство моих соседей. У многих из них были взрослые дочери, как говорится, на выданье, а я был завидный жених, поэтому меня постоянно стремились затащить в гости, но тут у них вышла промашка. Дело в том, что во-первых, я был по натуре человеком не компанейским и предпочитал книгу шумным компаниям, а во-вторых, я был убеждённым холостяком. Нет, не

подумайте, что я сторонился женщин, вовсе нет, а вот связывать свою судьбу с какой-нибудь из них я не желал. Скорее всего, причиной этому было то, что до сих пор я не встречал женщины, которую полюбил бы по-настоящему.

Была в то время у меня ещё одна странная особенность. Временами на меня нападала какая-то непонятная тоска, меня в это время постоянно куда-то тянуло, всё окружающее казалось мне серым и не интересным. Тогда я брал ружьё и целыми днями бродил по окрестным холмам, делая вид, что охочусь. На самом же деле я искал. Вы спросите, что я искал? Честно говоря, сам не знаю, однако упорно продолжал искать.

Вот, как-то осенью со мной случилась очень удивительная история. Я, как всегда по осени, бродил в холмах недалеко от имения и вдруг, попал в какую-то совершенно незнакомую мне местность, чем-то напоминающую Шотландию. Я от неожиданности испугался, и видение пропало, но, тем не менее, всё это привело к тому, что однажды я встретил своего друга и Учителя, который оказался ходящим-по-мирам. Эта встреча полностью перевернуло мою жизнь.

Странник взял меня в первый поход по мирам, в котором мы шли по следам людей, забравших из имения одного большого старика, которого я подобрал во время моего спонтанного выхода в другой мир. Я сразу же понял, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к вот этой настоящей жизни, которую я узнал, встретившись со Странником.

Мало того, в лице Странника я обрёл настоящего друга, друга, о котором раньше мог только мечтать. С тех пор мы прошли с ним множество дорог, обрели друзей, среди которых были волшебники, драконы и демоны. Побывали в таких местах, о которых человеку даже подумать невозможно, и вот теперь оказались в монастыре при Обсерватории, удивительном строении стоящим недалеко от столицы империи Повелителей драконов.

Сейчас раннее утро, скорее даже очень поздняя ночь. Сегодня у нас испытание Обсерваторией, а я проснулся не свет не зоря и сижу, пишу эти записки. Я с ранней юности веду дневник, в который записываю всё, на мой взгляд, важное, что произошло со мной. Обычно я пишу регулярно, но после того, как моя жизнь превратилась в сплошные приключения, я взял за правило записывать самое важное в форме коротких записок, что бы потом, когда представится возможность переписать в дневник. Записки, написанные по свежим впечатлениям, позволяют более точно записать то или иное событие в дневник.

Причиной, заставившей меня встать в такую рань и заняться записями, был сон, который приснился мне сегодня ночью. Таких ярких и реалистичных снов мне раньше видеть не приходилось; я сразу же понял, что это сон вещий, поэтому и решил его записать, пока события и чувства были ещё свежи. Все знают, какими неуловимыми бывают сновиденья, если сразу не запишешь, забудутся, и потом ни за что

не вспомнишь. Вот поэтому, только продрвав глаза, я сразу же принялся записывать.

За последние два дня, я так устал, что добравшись до постели, сразу же провалился в сон. Я оказался в какой-то холмистой местности, покрытой густой травой. Рядом был Странник. Мы стояли на вершине холма, а вся равнина до самого горизонта была покрыта серыми всадниками. На душе было на удивление радостно, словно вид серых полчищ мог радовать.

Внутри меня, словно пружина, была сконцентрирована сила, которая только ждала команды, что бы освободиться, и смести всё, что окажется на её пути.

– Ну, что же, дружище Джон, давай, твоё время, – спокойно сказал Странник и положил мне руку на плечо.

Я отпустил силу, и по полчищу серых всадников прошла волна огня, многоголосый предсмертный вой потряс воздух, а земля заметно задрожала.

– Хороший удар, – похвалил Странник.

Прошла рябь, и этот фрагмент сменился на другой. В этот раз мы со Странником находились в какой-то унылой плоской местности, покрытой странной серой травой. Вся атмосфера этого места внушало уныние, казалось, что даже воздух здесь пропитан унынием.

Я, еле переставляя ноги от усталости, брёл по равнине покрытой серой травой. Во рту пересохло, в глазах плавали разноцветные круги, разбавляя окружающую серость, пра-

вый бок сильно болел. Ещё бы ему не болеть, когда пропустил такой удар.

Впереди тяжело шагал Странник, время от времени раздавая удары, небольшим отрядам серых всадников, которые, словно мухи, в отдалении кружили вокруг нас. Мы довольно долго поднимались на невысокий, с очень пологими склонами холм, и дело было вовсе не в том, что склон был слишком длинным, а в том, что я еле переставлял ноги, буквально выбиваясь из сил. Мой друг, тоже был не в лучшей форме, а, кроме того, он подстраивался под мой темп передвижения, потому что моё передвижение сложно было назвать ходьбой.

На вершине холма Странник остановился, а я просто повалился на землю без сил. С холма хорошо было видно как вся округа буквально кишела летучими отрядами серых всадников, которые, познакомившись с нашими ударами, старались не скапливаться в более крупные отряды и особо не приближаться к нам.

– Держись, друг Джон, – подбодрил меня Странник. – Сейчас я открою проход в одно очень уютное место, где я тебя подлечу, и ты снова станешь молодцом.

Он занялся своими манипуляциями, а я, прикрыв глаза, отдыхал. Внутренним взором увидел я живописный городок на берегу какого-то большого водоёма, судя по наличию порта, забитого парусными судами, моря. И голос во мне отчётливо произнёс, что здесь я очень надолго расстанусь с моим другом и Учителем, что отсюда начнётся мой достаточно

длинный, полный опасных приключений путь.

Когда на холме засиял всеми цветами радуги открывшийся проход, я находился в полубессознательном состоянии, да так, что Страннику пришлось поднимать меня и почти волоком тащить в проход. В этот момент я окончательно потерял сознание. Странное, скажу я вам, ощущение, терять сознание во сне.

Во сне сознание моё медленно возвращается. Я вижу себя сидящим на сочной траве на каком-то возвышенном месте, а внизу во всей своей красе лежит тот самый городок на берегу моря, который я видел перед тем, как потерять сознание.

– Это Зурбан, – с лёгкой грустью говорит мой друг. – Запомни это название. Придёт время, и ты надолго поселишься здесь. Ты станешь знаменитым проводником по серым равнинам, и в своё время, внесёшь свою долю в общее дело. Тогда мы встретимся вновь.

Его слова вызвали во мне лёгкую панику – как же так, почему, я не хочу.

– Смирись, Джон, – печально сказал Странник, словно подслушал мои мысли. – Все мы вынуждены порой делать то, что нам вовсе не хочется. Однако каждый из нас, едва вступил на путь между мирами, взял на себя некие обязанности, а теперь уже близко время, когда каждый из нас должен выполнить эти обязанности. И мы их выполним, иначе перестанем быть самими собой. Что же касается разлуки, то без разлук не было бы и встреч, а чем длиннее разлука, тем

желанней и радостней встреча.

Я хотел что-то ответить Учителю, но в этот момент проснулся. Келья, где я ночевал, освещалась переливчивым светом всех цветов радуги, сначала показавшимся мне светом открытого перехода. Потом я вспомнил, что нахожусь в монастыре при Обсерватории. Быстро встав с постели, я поспешил записать этот мой сон, надеясь при случае рассказать о нём Страннику.

Меня зовут Марк, родом я из империи Повелителей. Родителей своих я не помню; с самого раннего детства я был при Верховном жреце империи Ляргусе, сначала мальчиком на побегушках, а, когда подрос, стал его секретарём. Жрец был человеком очень требовательным, но ко мне относился душевно, по крайней мере, никогда зря ко мне не придирился.

Судьбой своей я, в общем, был доволен, рассчитывая прослужить секретарём до самой старости. Одно только напрягало, я очень хотел изучать Высокое Искусство, тем более, что Ляргус был настоящим Мастером, но он по какой-то причине учить меня не хотел. Только много позже я понял причину его нежелания обучить меня Искусству.

Наступил день, который полностью поменял мою жизнь, причём настолько радикально, что раньше я о таких переменах даже мечтать не смел. В этот день у Повелителей родился давно предсказанный во многих пророчествах «роковой ребёнок».

Этому событию предшествовало несколько странных поручений Ляргуса, которые он отдал мне за пару дней до рождения этого ребёнка. Он сказал, что вызвал Азара и поручил мне встретить его как подобает. Азар, если вы о нём ничего не слышали, является Мастером Высокого Искусства, име-

ющий собственную вотчину, которая называется Сегурией. Он считается лучшим учеником Ляргуса.

Кроме встречи Азара, я должен был подобрать двух надёжных мужчин из числа слуг и найти кормилицу для младенца. Последнее поручение показалось мне странным, но не в моих правилах оценивать поручения старого жреца.

Отдав мне распоряжения, он отправился во дворец и вернулся оттуда лишь на другой день, очень озабоченным и с грудным ребёнком на руках. Так я впервые увидел Кувая, того самого «рокового ребёнка» младшего сына Повелителей и «последнего дракона».

Передав младенца кормилице, Ляргус сразу же приступил к медитации, которая продолжалась более суток и была прервана лишь прибытием Азара. Когда Ляргус пришёл в себя, он первым делом велел, что бы я, двое отобранных слуг и кормилица с младенцем были в любой момент готовы отправиться в дорогу.

– Послушай, мой мальчик, – как никогда тепло заговорил старый жрец. – Наступают трудные времена, и сейчас будущее всех нас зависит от вот этого ребёнка. Я бы очень хотел, что бы ты отправился вместе с Азаром в его вотчину и помог бы ему вырастить Кувая. Мне очень не хочется с тобой расставаться, но я знаю, что ты можешь именно в Сегурии оказать максимальную помощь в нашем общем деле. Я договарюсь с Азаром, и он будет учить тебя Искусству, ты ведь давно об этом мечтал. А сейчас иди, собирайся в дорогу, завтра

на рассвете ты выведешь Азара через подземелье за город.

Он пошёл к Азару, а я отправился отдавать необходимые распоряжения и собираться в дорогу. Во мне боролись сразу два противоположных чувства. Грусть от того, что мне придётся, судя по всему, навсегда покинуть столицу, город, где я родился и прожил всю свою жизнь, боролась с чувством радости от того, что меня ждёт интересная, полная приключений жизнь, а главное, это то, что я смогу учиться Искусству, да ещё у настоящего Мастера.

События развивались так стремительно, что мы были вынуждены уже вечером бежать из города, охваченного мятежом. С тех пор судьба связала меня с малышом Куваем и Азаром. Позже у меня появились друзья, которые стали для меня настоящей семьёй.

Теперь, вспоминая то время, я понимаю, как мне повезло в этой жизни. Я пережил такие приключения, о которых не мог даже и помыслить; я побывал в Трактире-на-перекрёстке и участвовал в спасении Ляргуса, мы встретились со Странником и его другом и учеником Джоном Мильтоном, а вот сейчас мы находимся в монастыре при Обсерватории, и утром нам предстоит испытание Обсерваторией. Мы, это Странник, который стал моим учителем после Азара, Кувай, Джон и я.

Я проснулся в отведённой мне для ночлега келье, когда до рассвета было ещё очень далеко, и долго лежал с открытыми глазами, глядя на играющие на потолке блики, произ-

водимые Обсерваторией. Мне приснился очень яркий, явно вещий, сон, который так крепко засел в моём сознании, что даже спустя много лет, я помнил мельчайшие детали его и переживал пережитые в нём чувства так же ярко, как и тогда. Но тогда этого я ещё не знал, а просто лежал, стараясь продлить только что пережитые чувства.

Когда я с вечера лёг спать, то был настолько усталым, что стоило моей голове коснуться подушки, как я сразу же провалился в сон.

Я оказался в какой-то очень живописной местности. Со мной были Странник и Джон. Мы сидели у небольшого костерка, что бездымно горел на поляне, окружённой древней дубравой слегка тронутой дыханием осени. Мы пили вино и ели мясо, по-видимому, это был обычный привал, совмещённый с обедом. На душе было тоскливо, словно я что-то потерял или очень скоро должен потерять.

Я смотрю на друзей и вижу, что они сильно постарели. Если Странник, который уже очень давно выглядел старым, почти не изменился, то Джон стал совсем седой, да и волосы его заметно поредели. Он отпустил небольшую, аккуратно постриженную бороду и стал похож на престарелого аристократа, выбравшегося на пикник.

Себя я не вижу, но понимаю, что и я тоже постарел, видимо мне показывают ситуацию далёкого будущего. Куда и откуда мы идём, почему нас только трое, я не знаю. Бывает так, мелькнёт видение и исчезнет, а что это и зачем мне это пока-

зывают – поди, разберись. И остаётся загадка, зачем мне это показали, потом это видение ты забываешь, и вдруг совсем для тебя неожиданно происходит ситуация и ты отчётливо понимаешь, что это ты уже когда-то видел. Проку от этого, честно говоря, особого нет, однако такие моменты придают нашей жизни лёгкий флёр тайны, заставляя нас любить её ещё больше.

Мы едим молча. Так бывает, когда люди, долго пребывающие вместе, перестают нуждаться в словах. Действительно, зачем слова, когда мы так хорошо знаем друг друга, что достаточно взгляда или жеста и всё ясно.

Окончив трапезу, мы тушим костёр и трогаемся в путь. Впереди идёт Странник, чья походка по-прежнему легка, за ним Джон, а за ним я. Я понимаю, что в таком порядке мы ходим уже не один год. Поднявшись на поросший столетними дубами холм, мы оказываемся на развалинах какого-то толи храма, толи капища. Здесь Странник останавливается и снимает свою котомку. Мы тоже избавляемся от груза, и я вдруг с ужасом понимаю, что вот сейчас наступает время расставания, причём расставания, которое можно сравнить со смертью, такую бездну времени предстоит нам прожить порознь.

– Не грусти, друг мой Марк, – с улыбкой говорит Странник, даже не скрывая, что читает мои мысли. – Да, разлука будет долгой, но она в своё время кончится, как кончается всё. Ты пока, что будешь с Джоном и работы у вас, как гово-

риться выше крыши. Кроме того не забывайте о ветрах времени, уже пора научиться ими пользоваться.

Я прекрасно понял всё, что сказал мне Учитель, и на душе стало чуть-чуть легче. Действительно, не зря же последние годы мы посвятили работе со временем, так что пользоваться потоками и ветрами времени мы худо-бедно умели.

– Джон, дружище, – продолжил разговор Странник. – Постарайтесь с Марком хорошо освоить те роли, которые вам предстоит сыграть. Больше работайте со временем и внешностью. Я вас найду, когда придёт время действовать.

Сейчас я открою проход в Мильтон-Хаус. Там оптимальный для решения нашей задачи поток времени, поэтому ожидать вам придётся не более года. Он замолчал и начал открывать проход. Проход открылся на удивление быстро. Сколько раз видел, да и сам открывал проходы, но никак не могу привыкнуть к той красоте, которая всякий раз сопровождает это явление. Не прошло и минуты, а на холме, переливаясь всеми цветами радуги, открылся проход. Пришло время прощаться.

Странник крепко обнял каждого из нас и молча подтолкнул к проходу. Береги себя, Учитель, одновременно сказали Джон и я. Он только махнул рукой, когда мы шагнули в проход.

На миг стало темно, потом сон продолжился. Я вижу себя со стороны лежащим в пароконной повозке, которая во весь опор мчится по какой-то унылой равнине поросшей

странной серой травой. Я ребёнок, которому от силы года три. Кроме меня в повозке ещё несколько ребятешек примерно того же возраста, все мальчишки. Повозкой правит какой-то верзила зверской внешности. За повозкой, в которой везут меня, следует ещё две такие же. Караван сопровождают несколько всадников. Никто из детей не связан, все спят, видимо опоенные каким-то сонным зельем. Впереди, куда движется наш караван, на самом горизонте виднеется какое-то достаточно крупное серое строение; монастырь, услужливо подсказывает мне сознание. При виде монастыря, меня охватывает жуткая тоска, словно я умерший смотрю на собственную могилу и не могу оторвать взгляда. Мне хочется заплакать, но я не могу. Кажется, ещё чуть-чуть и сердце моё разорвётся. В этот момент я просыпаюсь.

Дверь, что отделяла меня от моего прошлого, открылась как раз в тот момент, когда я собирался разнести её в щепки. С волнением в сердце переступил я заветный порог с полной уверенностью, что я уже знаю, какая судьба ожидает меня там.

Стоило сделать мне три шага, как душа моя без сожаления оставила тело моё и устремилась в поток силы, что пронзал Обсерваторию. Океан чувств сопровождающихся яркими образами поглотил меня, я растворился в нём и он повлёк меня куда-то сквозь пространство и время. Я испытывал благодное чувство, сходное с пребыванием плода в чреве матери. Сколько это продолжалось не скажу, как не скажу, что за образы я видел, это касается только меня, скажу лишь одно, я полностью вспомнил себя. Вспомнив себя, я абсолютно успокоился; мне стало понятно, что теперь делать. Я с благодарностью вспомнил недавний разговор со Смертью, и она тут же предстала перед моим внутренним взором.

– Я рада за тебя, Странник, – с улыбкой сказала Смерть. – Вот теперь ты стал прежним, и мы продолжим наше сотрудничество. Сейчас мне недосуг, но позже мы увидимся. Привет тебе от сестры.

Она вновь улыбнулась и растаяла в воздухе, я же, теперь твёрдо зная, что мне делать, устремился к своему прошло-

му. О, это был великолепный полёт, полёт развоплощения, многократно проделанный мной в прошлом, за практически бесконечный период моего бытия. Для воплощённых людей я умер, и тело моё безжизненным трупом лежало в подземелье Обсерватории.

Я летел, пронзая собой миры и они, подобно стайкам испуганных светлячков разлетались от меня в разные стороны. Сколько продолжался полёт, я сказать не могу, время здесь не имело ничего общего с, привычным для нас, линейным временем. Оно здесь было скручено в жгуты, завязывалось узлами, образовывало петли и выкидывало ещё не такие фортеля. Наконец мой полёт завершился.

Я оказался в очень хорошо знакомом мне месте, настолько знакомым, насколько может быть знакома твоя собственная Родина. Вокруг меня было пространство полное света, и сам я был светом. Навстречу мне проявлялись высокие человекоподобные фигуры, с гигантскими крыльями за спиной. От фигур исходил радужный свет, и при виде их в душе стало тепло и уютно – я дома, а люди, встречающие меня – мои родные, по-настоящему родные братья и сёстры, которых я уже очень давно не видел, разве что во сне, но там я их не мог узнать.

Не буду до поры говорить о том, что рассказали мне мои родичи, эта информация не для широкой публики. Важно то, что теперь я четко знал, как можно остановить Серую империю, в образовании и развитии которой, как оказалось,

частично виновны и мы сами.

Я многое понял о моих друзьях и их роли в нашем общем деле. Я узнал, на что каждый из них способен и какую конкретно роль они способны сыграть в общей игре.

Ещё я узнал, причём от самой Обсерватории, способ, с помощью которого мы уберём её от захвата адептами Серой империи, потому, что в случае её подпадания под влияние серых, Мироздание ожидает подлинная катастрофа, вплоть до того, что будет вынужден вмешаться сам Творец.

Как ни хорошо было дома, но пора возвращаться туда, где меня ждут друзья, где я ещё нужен, где нас, прошу прощения за пафос, ждут великие дела.

Возвращение, как обычно, заняло значительно меньше времени, чем потребовалось на путешествие на Родину, и было, опять же, как всегда, очень болезненным. Тело моё свела жестокая судорога, каждый сустав моего тела выворачивало. Кроме того на тело моё навалилась такая тяжесть, словно на меня сверху положили неподъёмную каменную плиту. Все эти удовольствия продолжались примерно около часа, не знаю, мне было не до наблюдений за временем.

Когда страдания мои закончились, и я смог встать на ноги, я был так вымотан, что каждый шаг давался мне с трудом, плюс ко всему меня ещё мотало из стороны в сторону, так что мне пришлось идти, опираясь на стену прохода. К тому же лампа, с которой я пришёл сюда, при падении погасла, и мне пришлось идти в полной темноте, а что бы при-

менить заклятие ночного виденья, просто не осталось сил. Заблудиться я не боялся, так как коридор здесь нигде не раздваивался. Так я и брёл потихоньку, преодолевая страшную усталость.

Вдруг загорелся свет, и я понял, что испытание закончилось. Идти дальше стало легче, и вскоре я добрёл до первой двери, где меня встретили встревоженные друзья, которые думали, что я погиб. Увидев, в каком я состоянии, они не стали задавать мне никаких вопросов, а подхватили меня под руки и помогли добраться до моей кельи, где я тут же рухнул на кровать и сразу же уснул.

Проспал я, как оказалось, почти двенадцать часов и проснулся страшно голодным, но зато прекрасно отдохнувшим. Я встал, привёл себя в порядок и направился в трапезную, надеясь утолить голод. На душе было так спокойно, как обычно бывает, когда после долгой напряжённой работы, наконец-то становится виден результат, а таким результатом стал реальный план противостояния Серой империи и, как часть этого общего плана, план спасения Обсерватории. Я, конечно, вовсе не собирался раскрывать все свои планы, но то, что касается Обсерватории, я был намерен озвучить.

В трапезной я застал своих друзей, которые занимались тем, что сокращали запасы монастырского вина. При виде меня, они бурно выразили свою радость и тут же принялись меня кормить и поить. Я не стал заставлять их уговаривать меня и отдал должное еде и питью. Закончив трапе-

зу и не спеша, потягивая вино, я с интересом наблюдал за своими друзьями, которые, сгорая от нетерпения услышать мой рассказ, старались сохранить достоинство, старательно делая вид, как будто им вовсе не интересно, что я им расскажу.

Пришёл Маргус, который почему-то смотрел на меня так, словно перед ним прямо сейчас предстал сам Творец. Его взгляд, в котором смешались удивление, страх и обожание, спустя минуту начал действовать мне на нервы.

– Как ты себя чувствуешь, Странник? – очень почтительно спросил жрец.

– Прекрасно, – ответил я. – А почему ты так на меня смотришь?

Мой вопрос застал жреца врасплох. Он явно растерялся и сразу не мог сообразить, что мне ответить. Что бы разрядить создавшееся напряжение, я налил всем вина и предложил выпить. Мы выпили, но потребовалось ещё не меньше пяти минут, что бы он смог ответить на мой простой вопрос.

– Ты спрашиваешь меня почему я так на тебя смотрю? – повторил мой вопрос Маргус. – А как ещё я могу смотреть на человека, если он действительно человек, который вот так запросто прошёл до второй двери, а потом ещё и шагнул за неё. Ещё за всю известную историю Обсерватории ни один человек не смог сделать этого. Отметка, которую достигают соискатели должности Верховного жреца, находится примерно посередине между первой и второй дверями. Так

Джон и Кувай достигли уровня среднего жреца, а вот Марк, хоть сейчас может претендовать на должность Верховного жреца, мы дошли с ним до одной и той же отметки. То, что ты сделал, показывает, что твоя природа родственна природе Обсерватории, а раз так, то смотреть на тебя я могу только с великим почтением.

Выслушав жреца, я даже присвистнул. Этого ещё не хватало, не допусти Творец, что бы жрецы начали мне поклоняться. А вообще-то жрец сумел сделать очень верные выводы, впредь нужно быть поосторожней. О том, кто я на самом деле до поры никому знать не нужно.

– Учитель, – просительно обратился ко мне Кувай, который, по всей видимости, как самый младший был делегирован Марком и Джоном, что бы хоть что-то от меня узнать. – Ты ведь нам расскажешь, что с тобой было?

– Конечно, расскажу, – со смехом ответил я. – Только не сейчас и не здесь. Скажу лишь одно, похоже ответ на вопрос, что делать с Обсерваторией мы всё же получили.

Жрец с надеждой посмотрел на меня, а затем спросил:

– Значит, твоё испытание дало результат? Где и когда мы сможем об этом поговорить?

– Тут необходимо соблюсти условия строжайшей секретности, – ответил я Маргусу. – Во-первых, необходимо подобрать помещение, которое можно полностью изолировать, как от магического, так и физического прослушивания. Во-вторых, прежде, чем мы сможем действовать, необходимо

очистить Орден Обсерватории от предателей, работающих на Серую империю. Надеюсь, ты не думаешь, что предатель был только один?

– Конечно, не думаю, – с грустью сказал жрец. – Ещё бы знать, как это сделать.

– Нет ничего проще, – ответил я. – Необходимо сегодня же провести испытание Обсерваторией для всех жрецов. Сама обсерватория покажет, кто есть кто. Кстати, она сама подала эту идею. Так что, проведи испытание прямо сейчас, а уже потом будет серьёзный разговор.

– Хорошо, будь, по-твоему, – с радостью сказал Маргус. – Я сейчас этим и займусь. А поговорить мы сможем в моём кабинете, там есть для этого все условия. Только один вопрос, что делать с теми, кого Обсерватория не примет?

– Думаю, что особых репрессий не требуется, – ответил я. – Заприте их пока где-нибудь, а потом их следует просто изгнать, но только тогда, когда это будет нам полезно. -

Он, воспрянув духом, ушёл проводить испытания монахам, а мы продолжили наше застолье.

Поздно вечером мы сидели в личном кабинете Маргуса. Я поставил магическую защиту от подслушивания. Маргус только недавно закончил испытание своих подопечных и теперь выглядел несколько удручённым, ещё бы, если примерно треть его людей оказалась так или иначе связанной с Серой империей. На наше счастье, теперь они все выявлены, причём самой Обсерваторией, и закрыты в подземной тюрь-

ме, вход в которую я дополнительно перекрыл мощным заклятием, так что за то, что никому из них не удастся сбежать, можно было ручаться.

Наступило время рассказать, о том, что поведала мне Обсерватория. Рассказывать о том, что я побывал на Родине и встречался с родными братьями и сёстрами, которые, как и я, в своё время имели непосредственное отношение к Обсерватории, я говорить, конечно, не собирался. Может быть, когда-нибудь я расскажу и об этой встрече, но не сейчас.

Мы удобно разместились за круглым столом, на котором стояли разнообразные закуски, фрукты и, конечно, вино. Вообще я уже давно заметил, что большинству ходящих-по-мирам, свойственна такая особенность. Они способны питаться в пути чем попало, а то, зачастую, и вовсе голодать, но если выпадает возможность, они не прочь посидеть за столом, хорошо покушать и выпить. По-видимому, это своеобразная компенсация за долгие дни вынужденных голодовок. Я со своими друзьями в этом отношении не был исключением, поэтому любой, даже самый серьёзный разговор у нас обязательно сопровождался застольем.

– Друзья мои, – начал я, после того, как все выпили по бокалу вина. – Я, наверное, замучил вас своим молчанием, но на это, как вы теперь и сами видите, были веские причины. Сейчас мы здесь все свои и я могу свободно говорить. Однако вынужден предупредить, что всё, что вы сейчас услышите, должно остаться строго между нами. Даже, если мы ре-

шим реализовывать те предложения, что вы услышите и возникнет нужда привлечь к этому других людей, то они должны знать эту информацию только в объёме, необходимом для реализации данной конкретной задачи. Надеюсь, это всем ясно?

Сделав паузу, что бы все осознали моё предупреждение о сохранении тайны, я продолжил.

– Обсерватория, так же как и мы с вами, прекрасно осознаёт опасность, которая угрожает всем нам со стороны Серой империи, – продолжил я свою речь.

Обсерватория, как она утверждает, вполне может сама за себя постоять, однако в этом случае, последствия для этого мира будут просто катастрофическими. Она этого не желает, поэтому, в общем-то, приняла наш третий вариант. Если вы помните, он предусматривает перемещение Обсерватории в некий другой мир, причём мир, созданный нами, наподобие вотчины Мастеров. Она само перемещение берёт на себя, за нами же создание возвратного заклęcia и мира, куда она будет перемещаться.

Я сделал передышку, что бы перевести дух и промочить горло.

– Уважаемый, Странник, – воспользовался паузой жрец. – Будь добр, расскажи подробнее о предложении Обсерватории, особенно расскажи, что такое возвратное заклęcie.

– Конечно, расскажу, уважаемый Маргус, – успокоил я жреца. – Общий замысел Обсерватории заключается в том,

что она перемещается в созданный нами мир только на время необходимое для ликвидации опасности со стороны Серой империи, после чего она с помощью возвратного заклятия возвращается обратно на своё место.

– Так значит, она намерена покинуть наш мир лишь на время? – переспросил жрец. – Очень хорошо. Меня, в связи с этим, волнует судьба моего ордена; я всё же являюсь его главой. Что же будет с моими жрецами??

– Именно из-за этого и требуется возвратное заклятие, – стал объяснять я, хлебнув вина. – Дело в том, что Обсерватория не намерена расставаться с нами, но что бы у неё была возможность взять вас с собой и потом вернуть обратно и необходимо возвратное заклятие. Она вообще озабочена спасением духовной элиты империи, поэтому главной задачей при подготовке эвакуации Обсерватории со стороны вашего ордена будет отбор этой самой элиты. Происходить это должно примерно так. Вы и ваши жрецы, которые теперь должны проходить испытание не реже, чем раз в месяц, отбирают подходящих, на их взгляд, кандидатов, которых позже проверяет сама Обсерватория. Отобранные кандидаты продолжают жить так же, как жили ранее, но когда начнётся перенос, они тоже будут перенесены. Естественно, посвящать в детали никого не нужно, особенно кандидатов из числа элиты. Они вообще не должны ничего знать, о предстоящей операции по переносу.

Я сделал передышку, что бы промочить горло и дать моим

слушателям время осмыслить услышанное.

– Обязательным условием, при котором Обсерватория совершит перенос, является, участие в этом деле обоих Повелителей, иными словами, Повелители драконов должны быть спасены, потому что империя должна будет возродиться, но произойдёт это только через пятьдесят тысяч лет по времени этого мира, – сделал я заявление и стал наблюдать, как на него среагируют слушатели.

Реакция не заставила меня ждать. Сначала, примерно минуту, они все, кроме Кувая, сидели с открытыми от удивления ртами, затем, видимо до них дошло, разразились бурными аплодисментами, а Кувай предложил выпить за то, что Обсерватория в своей заботе о возрождении империи, не забыла и о нынешних повелителях.

После того, как все успокоились, мы перешли к обсуждению деталей грандиозного замысла, который, как я теперь понимал, был задуман, целую бездну веков тому назад. Все присутствующие с энтузиазмом взялись за обсуждение поэтапного плана реализации этого замысла.

Прежде всего, я рассказал, что на всё, про всё, нам отведено лишь пять лет, а дел столько, что на раскачку его просто нет. Все решили, что бы общее руководство операцией, я взял на себя. Отказываться было бы глупо, только я один из всех здесь присутствующих полностью представлял реальный масштаб задачи, стоящий перед нами, поэтому я согласился и сразу же начал действовать.

– Уважаемый, Маргус, – начал я распределять обязанности. – Вам придётся заняться предварительным подбором кандидатов, их испытанием, а так же изоляцией, агентов Серой империи, которых будет разоблачать Обсерватория. Кувай и Джон займутся расчётом общей структуры будущего возвратного заклęcia, тем более, что именно Куваю придётся запускать это заклęcie, ибо последний акт трагедии империи Повелителей драконов будет играть он. Кроме того сама Обсерватория выбрала их для создания заклęcia, это и показал результат испытания, ну и, наконец, заодно я проверю, как вы освоили прикладную магию, особенно в разделе – конструирование новых заклęтий. Надеюсь, что вы меня не разочаруете.

– А, что буду делать я? – несколько испуганно, спросил Марк.

– Ну, а мы с тобой займёмся созданием пространства, куда переместится Обсерватория. Недаром она пропустила тебя так далеко, – объяснил я Марку нашу совместную задачу.

Ещё около часа мы обсуждали мелкие нюансы предстоящего дела. После того, как всё было обговорено, весь оставшийся вечер мы посвятили самому банальному пьянству, что бы с утра с головой погрузиться в очень кропотливую работу, от которой во многом будет зависеть будущее этого мира, а значит и жизнь миллиардов живых существ, обитающих в нём.

6

Мы быстро уходили на север, стараясь как можно дальше оторваться от погони, которая буквально висела на наших плечах. Погоня началась спустя час, после того, как Крон вывел нас подземным ходом далеко за стены города, города, который, не смотря на все неприятности, которые всем нам пришлось пережить здесь, заставил себя полюбить, тем более что здесь я вновь обрёл родителей.

Мы, конечно, легко могли бы уничтожить погоню, но Учитель строго настрого запретил применять оружие, а тем более магию или Искусство, не желая проливать кровь ни в чём неповинных гвардейцев. Я был целиком и полностью с ним согласен. Если раньше я не считал империю своей Родиной, скорее это была Сегурия, то теперь, когда с моих глаз спала пелена лжи, я, не переставая любить Сегурию, любил империю Повелителей драконов. Мне вовсе не хотелось проливать кровь своих соотечественников. Поэтому мы уже несколько часов бежали, стараясь как можно дальше уйти от столицы, где, не привлекая лишнего внимания, можно было открыть проход, ведущий к границе Сегурии.

Вообще, последние десять дней мы жили в бешеной гонке со временем. Причиной её была неумолимо приближающаяся дата моей свадьбы с Ниннэль, а опаздывать на собственную свадьбу, тем более свадьбу с любимой женщиной,

как-то неприлично. Мои друзья полностью прониклись моим беспокойством и старались делать всё, что им поручал учитель, без всяких проволочек, отыгрываясь тем, что постоянно подтрунивали надо мной и моей невестой, причём настолько безобидно, что совершенно не возникало даже желание обидеться.

Мы с Джоном Мильтоном занимались разработкой возвратного заклятия, сделать которую поручил нам Учитель. Сказать, что задачка была сложной, значит, ничего не сказать, она была, на мой взгляд, просто невыполнимой. Во всяком случае, в нашем мире такое ещё никто не делал.

Вот тут-то на выручку пришёл характер Джона, который настолько доверял своему другу и учителю, что ни минуту не сомневался в том, что мы эту задачу решим.

Общую структуру возвратного заклятия мы для начала решили разделить на две части. Первую половину её, которая должна была отправить Обсерваторию в другой мир, взялся разрабатывать я, а вторую, отвечающую за её возвращение, Джон. Мы с воодушевлением взялись за работу и очень быстро запутались и зашли в тупик. Дело в том, что до этого мы выполняли более простые учебные задачи, а тут нужно было учесть, сопоставить и сбалансировать столько факторов, что мы буквально начали тонуть в этом море информации, связанной с нашей задачей. Скрепя сердце, мы вынуждены были обратиться к Учителю.

Каждый вечер мы собирались в трапезной, где ужинали,

пили вино и разговаривали. К этому времени все жрецы уже заканчивали ужин, и трапезная передавалась в наше полное распоряжение. Учитель ставил защиту от лишних ушей, и мы могли спокойно разговаривать о наших делах.

Так вот, это было, по-моему, на третий вечер, как мы приступили к своей работе. Совсем запутавшись, мы вынуждены были обратиться за помощью к Страннику. Он внимательно выслушал наши жалобы, и пристально посмотрел на нас. Смотрел он не меньше пяти минут, причём так, словно перед ним вдруг оказалась какая-то невиданная диковинка, которая здесь оказаться ну никак не могла. Я и Джон под этим взглядом готовы были провалиться сквозь землю или сделаться маленькими-маленькими, что бы укрыться от глаз Учителя. После этого он засмеялся, да не просто засмеялся, а буквально закатился смехом, так что слёзы потекли из глаз его. Смеялся он довольно долго (он вообще любил пошутить), затем, сразу же, без всяких переходов, стал очень серьёзным.

– Друзья мои, – сказал он очень серьёзно. – Я, конечно, понимаю, что задача, которую вам необходимо решить, чрезвычайно сложная. Так зачем же вы её усложняете? Сама Обсерватория выбрала, что бы вы работали вместе, а вы и без того трудную задачу, сделали вдвойне трудней, разделив единую задачу на две части, потому и запутались вы. А ведь это всего лишь зеркало. Решите половину и разверните, вот всё и сложится.

Больше ничего объяснять он не посчитал нужным, и занялся беседой с Марком. Мы же с Джоном не рискнули вновь спрашивать его, что бы в его глазах не выглядет совсем уж законченными идиотами.

Ночью мне не спалось. Я ворочался с боку на бок, но глаза упорно не желали закрываться. В голове непрестанно крутилась одна и та же мысль – что имел в виду Учитель. Наконец, терпение моё лопнуло, я встал и направился в келью Джона, понимая, что он тоже не спит. Подойдя к его двери, я тихо постучал и тут же получил приглашение войти.

Джон сидел за столом и что-то писал. Как оказалось, он даже не ложился, а занимался расчётами по решению нашей задачи.

– Знаешь, друг Кувай, – задумчиво сказал Джон, – Кажется, я понял, что сказал Учитель. Помнишь, он сказал о зеркале.?

– Конечно, помню, – ответил я.

– Понимаешь, наша ошибка в том, что разделив общую задачу на две, мы вовсе не получили две половины, которые вдвое меньше целой, а получили две задачи, каждая из которых равна этой одной начальной задаче, – стал рассказывать Джон. – А ведь всё оказывается предельно просто. Посмотри, эти две половины задачи, по сути, являются повторением друг друга, только зеркально повернутом. Нам с тобой нужно было навалиться на первую половину, например на заклятие перемещения Обсерватории из этого мира, а потом просто

зеркально её повернуть и общая задача была бы решена.

– А, что нам мешает заняться этим прямо сейчас? – спросил я. – Если ты не очень хочешь спать, тогда начнём, времени и так мало.

Джон был не против, и мы углубились в сложнейшие расчёты. Мы так увлеклись, что даже не пошли завтракать, однако наши усилия увенчались успехом – в общих чертах задача была решена. Конечно, оставалось решить ещё кучу мелких задач, но это уже было лишь делом времени.

Встретившись за обедом с Учителем, мы показали ему наши выкладки. Он быстро пробежал глазами нашу записку и широко улыбнулся, потом, повернувшись к Марку, с которым последнее время просто не разлучался, и сказал:

– Вот видишь, Марк. Стоит только чуть-чуть их пристыдить, как работоспособность у этой парочки резко возрастает.

После этого он вернул наши записи и посоветовал ускорить работу, потому что дня через два-три, нам придется возвращаться в Сегурию. К тому времени мы должны показать ему подробную схему заклятия перемещения. Они же с Марком должны ещё раз сходить в Обсерваторию, что бы кое-что уточнить, а потом проведём общее совещание, где наметим наши дальнейшие действия, а уж затем – домой.

Три дня пролетели, как три часа, так сильно мы были заняты. Свою задачу мы с Джоном всё же решили, а все частности предстояло решить за те пять лет, что отводила нам

судьба, до момента применения этого небывалого заклѣтия, которое будет действовать не менее пятидесяти тысяч лет, и от которого зависит судьба нашего мира. Учитель и Марк ещё раз сходили в Обсерваторию и вернулись оттуда спустя почти сутки. Где они были и что делали, об этом они ничего не рассказывали, только Марк, и без того серьёзный, стал ещё серьёзней.

Наконец, мы собрались, как сказал Учитель, на итоговое совещание. Был поздний вечер, и трапезная, как всегда в таких случаях, была изолирована заклѣтиями от возможного подслушивания. На столе, тоже как всегда, вино и закуски. За столом всё те же персонажи, то есть мы. С итоговым словом выступил Учитель, коротко обозначив, что удалось сделать и что ещё предстоит сделать всем нам и ещё тысячам и тысячам людей и демонов, которые зачастую даже не будут осознавать этого, что бы спасти наш мир от серой заразы. Не буду полностью передавать его речь, скажу лишь, что он отметил то, что возвратное заклѣтие в общих чертах готово, остаётся решить несколько частных задач и насытить заклѣтие силой, но здесь времени хватает.

Что касается создания пространства, куда будет перемещена Обсерватория, то здесь вся теоритическая часть сделана, а к практической реализации Учитель и Марк приступят позже, уже после возвращения в Сегурию.

Затем Маргус рассказал, как идут дела с подбором кандидатов. Здесь всё тоже шло согласно намеченному плану.

В общем, наша экспедиция в столицу империи прошла продуктивно, подвёл итог Учитель.

Теперь нам просто необходимо оговорить некоторые вопросы нашего возвращения в Сегурию и организацию связи с тобой, уважаемый Маргус.

– Первым делом необходимо устроить так, что бы из города мы выбрались по возможности незаметно, а погоня, которая, как я думаю (на слове думаю, он сделал ударение) начнётся только после того, как мы окажемся за стенами города, – стал излагать свои мысли Учитель. – Очень хочется избежать бессмысленного кровопролития. Кроме того, необходимо будет подсказать Правителям, что бы после нашего ухода они ещё больше ужесточили своё правление, при этом по какой-то странной закономерности жертвами их репрессий должны становиться в большинстве своём люди в той или иной степени поражённые серой немочью. Это усилит в городе уровень страха и побудит многих простых людей, которые ни в чём не виноваты, бежать из города. Этим мы достигнем минимизации лишних жертв, при перемещении Обсерватории. Когда через пять лет, столица вместе с оставшимися жителями погибнет, в ней должны погибнуть в большинстве своём люди так или иначе связанные с Серой империей, а простые подданные по большей части спасутся. Что же касается связи, то я сам буду посещать вас через Обсерваторию. Да, чуть не забыл. Тех жрецов, которые оказались связанными с Серой империей, ты выпусти, но только после

того, как мы покинем город. Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сказать.

Он замолчал и выпил вина. Мы дружно поддержали его. На душе моей присутствовали два чувства, которые, хотя и противоположны по направленности, удивительным образом создавали достаточно приятное чувство уравновешенности. Грусть и радость сплелись в моей душе, образовав тот неповторимый узор, который и породил это приятное чувство. Грусть человека, помеченного Обсерваторией, которому предстоит собственными руками уничтожить город, где он появился на свет, мешалась во мне с радостью, что благодаря этому будут спасены миллионы людей и демонов, что империя получит шанс на возрождение, и, наконец, радость от того, что скоро встречу с возлюбленной Ниннэль.

Маргус заверил Учителя, что сделает всё, что нужно, и что он очень благодарен всем нам за неоценимую помощь, которую мы оказали его ордену, империи, да и всему нашему миру. Завтра утром придёт Крон. Он лично выведет вас за стены города. Ну, ладно, это будет завтра, а сегодня я предлагаю хорошенько выпить, закусить и просто поговорить. Кто знает, удастся ли когда-нибудь ещё собраться вот так, как сегодня. Так воспользуемся возможностью, что сегодня дарит нам судьба. Ну, мы и воспользовались.

Утром, как и договаривались, пришёл Крон и мы, наскоро позавтракав и простившись со старым жрецом, последовали за нашим проводником. Без всяких приключений, двигаясь

подземными ходами, мы вышли на поверхность, километрах в трёх от городских стен. Тепло попрощавшись с Кроном, мы быстрым шагом пошли на север, стараясь как можно дальше и как можно быстрее удалиться от города. Шли мы по бездорожью, старательно избегая людных дорог. Часа через три быстрой ходьбы, мы оказались на вершине довольно высокого холма, где решили передохнуть. Быстро перекусив, мы собрались идти дальше, когда Учитель, который внимательно всматривался в пройденный нами путь, обратил наше внимание на цепочку всадников, которые явно двигались по нашим следам. Погоня началась.

– Да, Маргус молодец, всё сделал, как нельзя лучше, – довольным голосом сказал Учитель и засмеялся. – Теперь, друзья нам предстоит хорошенько побегать.

Сказав это, он сам подал нам пример, бросившись бежать вниз по склону, держа направление всё так же на север. Мы бросились следом, стараясь не отставать от нашего вождя, который, не смотря на его возраст, припустил так, что нам стоило больших усилий не отставать от него. Вот мы и бежали.

Однако, как не выносливы мы были, лошади были всё же выносливей и быстрее. Расстояние между нами хоть и медленно, но всё же сокращалось. Я понимал, что убежать нам без боя вряд ли удастся, и внутренне уже приготовился к бою. В это время в моей голове зазвучал голос Учителя, который сказал, что бы я обернулся драконом и разогнал всад-

ников, но очень аккуратно, что бы никто ни пострадал.

Дважды просить меня не потребовалось. Я тут же, прямо на бегу обернулся драконом и не спеша полетел на встречу всадникам, которые, заметив меня, довольно заметно придержали коней. Я очень осторожно плюнул перед ними огнём, и на этом погоня закончилась. Гвардейцы не стали испытывать судьбу, а дружно повернули коней и во весь опор поскакали восвояси. Это было так не похоже на имперских конных гвардейцев, подлинной элиты имперской армии, что не сложно было понять – они выполняют приказ пославшего их в погоню; перед моим внутреннем взором на миг мелькнуло лицо Повелителя. Я развернулся и полетел к друзьям, которые устроили привал прямо посередине лужайки, по которой они только что бежали. Всё, мы возвращаемся.

Глава 2. Мосты сожжены

Давно готова гильотина, но не готова голова,
А жизнь – упрямая скотина, твердит, что всё вокруг слова.
Любовь и ненависть с подлянкой стоят, как очередь в кино,
но,

Мы все воюем нынче с пьянкой, но перед боем пьем вино.
Мы, как солдаты из окопа, встаём однажды в полный рост,
И пусть не брали Перекопа, но за собой разрушим мост.

Пускай всю жизнь мы землю роём, наш быт нехитрый
очень прост,

Пускай немного мы стоим, но всё ж разрушим этот
мост.

А жизнь мычит своё обратно, как будто тянет кто за хвост,
И на душе моей отвратно – давно я сжёг последний
мост....

Уже третий день, как мы вернулись в Сегурию, а душа моя не на месте. Всё вроде хорошо, даже тайком удалось увидеться с Ниннэль, а на сердце как-то тревожно. Я чувствую, что со мной что-то происходит, а вот что именно, понять не могу. Через месяц моя свадьба, а радости особой нет. Вроде всё хорошо и мы с Ниннэль любим друг друга, а думы мои вовсе не праздничные.

В который раз вспоминаю события последних дней, надеясь в них найти причину своего состояния. Вроде ничего тревожного не случилось, разве что намеренье Учителя вместе с Джоном отправиться к границам Серой империи, хотя он клятвенно заверил, что к моей свадьбе они обязательно вернуться. Зная Учителя, я ничуть не сомневался, что он сдержит своё слово. Нет, причина не в этом, хотя чуточку обидно, что они уходят без меня.

А может причина в том, что Учитель вчера сильно повздорил с Азаром и Ляргусом, заявив, что их стратегия борьбы с Серой империей никуда не годится, а лишь оттягивает на неопределённый срок всеобщий конец. До настоящей ссоры, конечно, не дошло, но разошлись они явно недовольными друг другом. Нет, вряд ли, они и раньше серьёзно спорили, так что причина моей тревоги вовсе не в этом.

В конце концов, мне надоело мучиться от непонимания самого себя, и я решил серьёзно поговорить с Учителем, пока он ещё здесь. Не откладывая дело в долгий ящик, я направился к Учителю. Подойдя к двери комнаты, которую занимал Учитель, я постучал и, получив приглашение войти, открыл дверь.

Странник сидел за столом и что-то писал. Увидев меня, он широко улыбнулся и отложил свою работу в сторону.

– Учитель, – сказал я. – Я совсем запутался. Помоги мне.

Он внимательно посмотрел на меня, затем улыбнулся и просто сказал: Я слушаю тебя, сынок.

Меня словно прорвало. Я начал говорить обо всём, что тревожило меня в последнее время. Учитель внимательно слушал меня, ни разу не перебив, и в глазах его светилось искреннее участие ко мне.

Когда я закончил свою исповедь, Учитель налил вина и предложил выпить. Когда мы выпили, начал говорить Учитель, и речь его была насквозь пропитана сочувствием ко мне вперемешку с тонкой иронией.

– Я выслушал тебя, сынок, – стал говорить Учитель. – Мне понятно твоё состояние, хотя бы по тому, что когда-то и сам переживал его, как впрочем, большинство людей во все времена. У тебя это выглядит более обострённо только потому, что задачи, возложенные на тебя судьбой, более тяжёлые, чем у большинства людей. Состояние твоё можно определить, как осознание себя взрослым, когда ты начинаешь ощущать груз своей личной ответственности, как за собственную судьбу, так и за судьбы многих людей, которых ты возможно никогда и не узнаешь. Вспомни, до нашего похода в столицу, ты всегда ходил в группе, где старшим был или Азар, или я. Нет, ты честно выполнял то, что ты должен был делать, но всё равно, вся полнота ответственности лежала на старшем группы. Ты был взрослым в составе команды, но ребёнком в несении реальной ответственности. Теперь же, когда ты встретился с отцом, пережил предательство братьев, понял, что тебе предстоит для спасения Обсерватории, а тем самым и империи, на тебя легла тяжесть ответственности, да

такая, которая доставалась далеко не каждому. Тем более, учти, что спасение Обсерватории полностью ложится на тебя, мы лишь подготовим все необходимые условия. Кстати, я с Джоном отправляюсь к границам Серой империи, специально для того, что бы выиграть те самые пять лет, о которых я говорил. Не буду вдаваться в подробности, но после нашего ухода из столицы, серые могут ускорить попытку захвата Обсерватории. Ты же наверняка понимаешь, какой интерес представляет для серых такой источник силы, как Обсерватория. Поэтому они постараются сделать всё, что бы овладеть ей. Они далеко не глупы и разоблачение их агентов может подтолкнуть их на ускорение вторжения, а мы пока не готовы. Поэтому я хочу встретить их на дальних подступах и показать им Древнюю силу, да и Джону пора испытать себя в боевой магии.

Он замолчал, переводя дух и собираясь с мыслями. Я налил вина, и он с благодарностью принял бокал. На душе моей стало гораздо спокойней, от понимания того, что со мной происходит. Осталась только лёгкая встревоженность, но это, судя по всему, теперь будет со мной до конца моих дней, как символ моей зрелости.

– Кроме того, – продолжил Учитель. – Тебя посетила любовь, что само по себе является великим даром Творца, и ты решил взять на себя ответственность за эту любовь, за любимую женщину, за будущих детей. Эта ответственность ничуть не легче. Всё это и создало то состояние духа, с каким

ты пришёл ко мне. Теперь, как я вижу, у тебя осталась лишь лёгкая тревога и это хорошо. Значит, ты окончательно стал взрослым.

Он встал, показывая, что разговор закончен. Я тоже встал, и мы крепко обнялись.

– Ты говоришь, что ваш поход достаточно опасен, – сказал я. – Так почему бы вам не взять меня с собой?

Странник посмотрел на меня тем же самым взглядом, которым он смотрел на меня и Джона, когда мы пришли к нему со своей нерешённой задачей. От этого взгляда мне опять захотелось провалиться сквозь землю.

– Видимо я слишком рано посчитал тебя взрослым, – с укоризной сказал Учитель. – Уйди с глаз моих и пока не поймаешь, не показывайся мне на глаза.

Сначала я опешил, а потом сознание моё заработало быстро-быстро, и я понял, какой же я тупица. Действительно, все мои друзья стараются, что бы я, когда придёт время, смог выполнить то, что должен, а я, как малый ребёнок, капризничаю. На мне полусырое заклятие, с которым ещё работать и работать. Кроме того нужно контролировать строительство дома, моего первого в жизни собственного дома, куда я скоро приведу свою будущую жену. Учитель с Джоном отправляются в опасную экспедицию, где рискуя жизнью, будут пытаться, хотя бы на время остановить Серую империю, а я своими проблемами его расстраиваю. Мне стало очень стыдно.

– Ну, кажется, понял, – ворчливо сказал Учитель. – Зна-

чит, ты не безнадежен.

Он встал, подошёл ко мне и крепко обнял. После этого повернул меня лицом к двери и легонько подтолкнул, давая понять, что мне пора уходить.

1

Я вернулся из столицы империи драконов другим человеком. Главными итогами этой, пусть короткой, но очень насыщенной событиями экспедиции. Главными достижениями её, на мой взгляд, явилось то, что я, наконец-то, полностью вспомнил себя, был разоблачён гигантский по своим масштабам, как в пространстве, так и во времени, заговор Серой империи и в заключение стало более-менее ясно, как противостоять Серой империи.

Совершенно по-другому видел я теперь наши попытки противостоять агрессии серых. Если раньше всё казалось просто и понятно, вот враг, вот мы, ура, стенка на стенку, сила солому ломит и тому подобное, то теперь это казалось, по меньшей мере, наивным. Оказывается мы, и понятия не имели, какой силе мы пытались противостоять. Эта сила была столь масштабна, что забеспокоились даже такие вселенские силы, как Жизнь и Смерть, которые, кстати сказать, сами говорили мне об этом.

Я прекрасно понимал Ляргуса и Азара, которые были по своему правы, пытаясь противопоставить силе Серой империи силу империи Повелителей драконов, это было закономерно. У них за спиной были конкретные миры с миллионами людей и демонов и задача их, как впрочем, и Повелителей, защитить эти миры. Поэтому они были просто неспо-

собны думать о чём-то более масштабным, чем их вотчины, а задачу нужно было решать в масштабе Мироздания. Я понимал, что в этом деле особо рассчитывать на Ляргуса и Азара не приходится, у них своих забот выше крыши, но всё же поговорить с ними, что бы донести своё виденье проблемы я был должен.

Я и Джон, в отличие от наших друзей, вообще не принадлежали этому миру, мало того, мы не принадлежали даже этому времени. Нашим родным мирам, которые отстоят от этого мира бездной расстояния и времени, угроза серой заразы так же актуальна, как и для империи Повелителей драконов. Мало того, мой родной мир уже процентов на восемьдесят захвачен серой немочью. Поэтому мы не меньше обитателей этого мира заинтересованы в том, что бы остановить серую империю, а если получится, то и уничтожить.

Теперь, когда у меня полностью пробудилась Древняя память, я знал, как много миров Мироздания попали под власть Серой империи. Так же я знал, что большинство этих миров яростно сопротивлялось, иногда даже объединившись с другими мирами, но рано или поздно они были захвачены. Из этого положения дел можно сделать два вывода. Первый вывод – Серая империя непобедима, а второй – Серую империю можно победить, но не привычными методами борьбы. Первое просто невозможно – в Мироздании нет непобедимых. Значит, остаётся второе, и задача лишь в том, что бы найти подходящий способ борьбы.

Можно спросить, а стоит ли противостоять Серой империи, если она такая непобедимая, ведь множество миров, попали под власть серых и вроде бы ничего? Тут ответ, во всяком случае, для меня, как и тех людей, которые видели, во что превращаются миры, покорённые Серой империей, однозначен – этого нельзя допустить.

Когда я думал, что Серую империю следует уничтожить, я вовсе не считал, что уничтожение этой империи должно сопровождаться поголовным уничтожением её подданных. Нет, под уничтожением империи я считал только уничтожение той идеологии, которая и породила Серую империю.

Движимый этими соображениями, я решил поговорить с Ляргусом и Азаром о моих предложениях первоочередных действий против Серой империи, которые я подготовил, осмыслив реальное положение дел. Особенно напрягал меня тот узел, что завязали вокруг Обсерватории адепты серых и местные предатели. У меня были очень веские основания беспокоиться, что серые могут нанести там удар в любой момент. Конечно, Обсерватория сама сможет о себе позаботиться, но тогда мир империи Повелителей драконов обречён, он будет просто уничтожен и никто не спасётся. Эта гибель будет столь разрушительна, что погибнет ещё много миров и, скорее всего, погибнет и Сегурия. Всё это я хотел донести до моих друзей и ради этого и затеял разговор буквально в тот же вечер, когда мы благополучно вернулись.

Вечером, как всегда, когда кто-нибудь возвращался из

экспедиции за пределы Сегурии, был организован торжественный ужин, а проще говоря, хорошее застолье. Как всегда, собралось много народа, было много речей, много вкусной еды и много самых разнообразных, на любой вкус, напитков. Поздно вечером, скорее даже ранней ночью, когда на небе уже зажглись звёзды, за столом остались только мы, четверо виновников торжества, Ляргус, Азар и Яргуст.

Я намеренно ограничил себя в вине, поэтому голова моя была абсолютно чистой, словно я и не провёл за столом несколько часов.

– Теперь, когда мы остались одни, нужно серьёзно поговорить, особенно в свете тех новых знаний, что мы получили в столице, – завёл я разговор. – Кстати, Азар, у тебя ещё осталась водка? Серьёзный разговор требует серьёзного напитка.

– Конечно, – со смехом ответил Азар. – Сейчас распоряжусь.

Принесли водку. Разлив её по рюмкам, я встал и предложил тост, содержание которого сводилось к тому, что приближаются великие испытания для всех нас, и я желаю, чтобы при любых условиях мы оставались собой и никогда не предавали себя. Тост с воодушевлением был поддержан. Когда все выпили и закусили, я попросил слова.

– Положение дел столь серьёзно, что трагических событий можно ждать со дня на день, – заговорил я.

После вступления я поведал присутствующим все мои размышления по поводу противостояния с Серой импери-

ей. Судя по их реакции, почти всё из сказанного мной было для них новостью, а некоторые мои откровения буквально потрясли их. Здесь я не буду повторять мой рассказ, вы его уже знаете, а скажу лишь о его окончании.

– Учитывая то, что времени практически не остаётся, – заявил я в заключение моей речи. – Предлагаю не позднее, чем послезавтра, отправиться к границам Серой империи и показать часть нашей силы. Я знаю место, где серые начали вторжение в один из миров. Очень удобно. Армия вторжения, совершенно неожиданно получает такой отпор, что почти вся гибнет. Остатки её бегут обратно в империю и доносят до своих начальников эту тревожную весть. Руководство империи, уверяю вас, люди явно не глупые, они остановят вторжение, пока не разберутся, что за новый противник у них появился. Пока то да сё, пройдёт время, которое нам необходимо, как воздух. С нашей стороны существует лишь одна трудность, так дозировать нашу силу, что бы ни разрушить весь тот мир. С собой я беру только Джона. Я отправлюсь туда в любом случае. Если ты, Ляргус, и ты, Азар, отправитесь с нами, будет хорошо, если же нет, и так сойдёт, сил у нас хватит. Просто я хочу помочь вам обрести опыт прямых столкновений с серыми всадниками.

Я закончил и выпил стопку, переводя дух. Я практически знал, что ни Ляргус, ни Азар меня не поддержат. Так оно и вышло.

– Позволь тебе ответить, уважаемый Странник, – взял

слово Ляргус. – То, что ты поведал нам, конечно, очень тревожно, но, на мой взгляд, не стоит драматизировать. Зная нашу силу, Серая империя ещё не скоро решиться напасть на нас. То, что ты предлагаешь, может спровоцировать серых на агрессию раньше, чем они намереваются это сделать. Так что я категорически против этого похода и не приму в нём участия.

Я выслушал старого жреца спокойно и даже с некоторой благодарностью. Я боялся, что он, как старый умудрённый опытом политик, начнёт крутить вокруг да около, не говоря ни да, ни нет. Поэтому я был ему благодарен за прямой отказ поддержать моё предложение. Он сейчас никак не мог позволить себе какие-либо вылазки, тем более сейчас, когда наше посещение столицы расшевелило осиное гнездо, образованное из адептов и местных предателей.

– Я тебя прекрасно понимаю, друг Ляргус, – спокойно сказал я. – Спасибо, что ответил прямо и не стал юлить. Ну, что же, в принципе, моё предложение было мотивировано скорее вежливостью, чем какой-то необходимостью. Задуманное мы с Джоном в состоянии сделать и вдвоём, что я, по большому счёту, изначально и собирался сделать, но поразмыслив, я понял, что если бы я не сделал этого предложения, у вас был бы повод на нас обидеться.

– Всё, что ты рассказал, совершенно меняет моё представление о положении дел в нашем противостоянии с Серой империей, – вступил в мой диалог с Ляргусом Азар. – Заяв-

ляю сразу же, что при этой обстановке, ваш рейд к границам Серой империи, будет не только бесполезным, но даже вредным, поскольку он может спровоцировать агрессию серых против нас, а мы ещё не готовы дать им достойный ответ. Поэтому я не пойду с тобой, Странник и постараюсь отговорить тебя от этой авантюры.

Я видел, что Азар крайне недоволен моим предложением и готов пойти на всё, что бы сорвать мои намеренья. Он даже перестал подбирать выражения, обвинив меня в авантюризме.

Я спокойно слушал его аргументы, которые сводились к тому, что они уже не одно десятилетие изучают серых и ищут способы им противостоять, а я просто выскочка, который, только соприкоснувшись с проблемой, тут же решил, что всё понял и начинал опрометчиво действовать, не давая себе отчёт, что этим могу навлечь на всех нас беду.

Вначале я никак не мог понять причину такого бурного неприятия моего предложения со стороны Азара, но немного подумав, пришёл к выводу, который, как показало будущее, был абсолютно справедлив.

Я понял одно, что, как Азар, так и Ляргус, за долгие годы привыкли считать борьбу с серыми своим личным делом и очень ревниво отнеслись к тому, если кто-то помимо их старался найти способ борьбы с Серой империей. Как они могли ещё реагировать на то, что какой-то пришлый, за относительно короткий срок узнал о серых гораздо больше, чем

они. Теперь я знал, что встретившись со мной и рассмотрев во мне дремлющую до поры Древнюю силу, они захотели использовать меня вслепую. Да, тогда я почти ничего о себе не знал, но после того, что достаточно варварским способом во мне была пробуждена Древняя сила, а вместе с ней и память, я перестал быть послушным орудием в их руках.

Помню разговор, когда я упрекнул их в том, что они, назвавшись моими друзьями, стремились воспользоваться мной в своих целях. Тогда он мне клятвенно пообещали больше так не поступать, а вот теперь я столкнулся с проявлением того же самого, только на более тонком уровне. Ну, что же, раз вы с одного раза не понимаете, придётся вам преподнести ещё один урок, который вряд ли вам понравится и может даже привести к разрыву, но лучше чётко представлять себе с кем имеешь дело, чем пребывать в иллюзии, что здесь вокруг тебя одни друзья. Однако раскрывать свои карты я не спешил – мне было важно узнать, как поведут себя в этой ситуации мои ученики, которые пока молчали.

– Я полностью согласен с Учителем и готов отправиться с ним куда угодно, – первым прервал молчание Марк. – Я, конечно, очень уважаю вас (поклон в сторону Ляргуса и Азара), но совершенно не понимаю вашей нерешительности. Один говорит, что не надо связываться с серыми всадниками, потому, что они пока нападают не на нас, и если мы будем сидеть тихо может быть и вообще не нападут. Другой говорит, что он лучше знает, как противостоять Серой им-

перии, но пока мы не готовы, поэтому не надо высовывать-ся. Если бы я не знал вас так давно, я бы мог посчитать вас трусами. Надеюсь, что это не так.

Он замолчал, но по всему было видно, что у него ещё много есть чего сказать, но он пока решил ограничиться тем, что сказал.

– Мальчишка, – подскочил со своего места Азар, которого слова Марка, судя по всему, буквально взбесили. Он был весь красный, его буквально трясло от негодования. – Ты смеешь обвинять нас в трусости, нас, которые столько сделали для понимания того, как противостоять Серой империи.

Ляргус осторожно тронул Азара за рукав, стремясь успокоить. Тот опустил на своё место, но по всему было видно, что внутри он весь кипит.

Что бы разрядить обстановку, я налил всем водки и предложил выпить. Моё предложение поддержали, даже Азар, хотя и не очень охотно.

– Позволь, уважаемый Азар, ответить мне за Марка, – сказал я, обращаясь к Азару. Получив согласие, я продолжил. – Твой аргумент, что ты и Ляргус, давно занимаетесь серыми и это якобы даёт вам какие-то преимущества перед другими, не выдерживает никакой критики. Да, вы давно этим занимаетесь, спору нет. Вопрос в другом, а много ли вы узнали? Насколько я знаю, вы занимались тем, что издали подсматривали за серыми всадниками. За всё время обменяться ударами с серыми всадниками удалось лишь Ляргусу, и то

он после этого еле выжил. Почему же вы не могли рассмотреть магию серых, которую они применяют, что бы подавить психику всякого, оказавшегося у них на пути? Так, что хвалиться вам особо нечем. Вот ты говорил, что мой рейд может спровоцировать вторжение серых. Что же, вполне допускаю, но ведь рано или поздно это произойдёт. Ты это знаешь так же хорошо, как и я. И, что вы сможете им предоставить, кроме прямого столкновения, победа в котором практически невозможна?

Что касается молодости Марка, так это скоро пройдёт и не солидно тебе попрекать его молодостью.

– Тебе легко говорить, – со злостью и обидой сказал Азар. – Ты сам по себе, за тобой не стоят миллионы живых душ. Попробуй оказаться на моём месте, когда за тобой империя или Сегурия, сразу бы стал осторожней.

– Ты, что считаешь меня безродным бродягой? – спросил я, с трудом сдерживая раздражение. – За мной мой родной мир, хотя я и оставил его уже давно. Кроме того тысячи миров, которым угрожает Серая империя и которым вы, мудрые и могучие ни разу не оказали реальной помощи, трясясь за свою шкуру. Я и свой-то мир оставил и осел здесь, потому что прекрасно вижу, что именно здесь существуют реальные возможности не только остановить серых, но и уничтожить Серую империю, как государство.

Закончив, я выпил рюмку и занялся закуской, что бы немного успокоиться. Явная агрессивность Азара мне очень

не понравилась, а самое главное, было непонятно, почему моё, достаточно разумное предложение было принято в штыки. Как можно разрабатывать методы борьбы с серыми, ни разу не вступив с ним в прямое столкновение? Вопросов было больше, чем ответов.

– Не надо ссориться, друзья, – вместо Азара стал отвечать мне Ляргус. – Все мы заинтересованы в том, что бы остановить серых. Да, каждый из нас имеет своё мнение по этому вопросу, но это не должно поссорить нас. Серые только этого и ждут. Давайте послушаем, что думают по этому поводу наши драконы, а уж потом примем приемлемое решение.

Первым заговорил Кувай, которому сделать это было особенно трудно. Я его прекрасно понимал. Он, по сути оказался между двух огней. С одной стороны были самые близкие до сих пор люди, которые спасли и вырастили его и которые, плюс ко всему, его по-настоящему любили.

– Давайте не будем ссориться, – с грустью заговорил Кувай. – Сейчас наоборот нужно держаться всем вместе. Я вас всех люблю, все вы мне дороги и поэтому ничью сторону я принимать, не намерен. Дело в том, что я теперь твёрдо знаю свою судьбу и мою роль в судьбе империи, и знаю так же, что Странник делает всё, что бы помочь мне в моём, отнюдь не простом деле. Если вы, Ляргус и Азар, считаете, что лучшим способом борьбы с Серой империей является оборона, ваше право, но Странник, Джон, Марк и я считаем, что оборона обречена на поражение. Мы ведь делаем одно дело, поэто-

му разница наших взглядов не должна ему быть во вред. Я, не смотря на то, что скоро моя свадьба непременно пойду с Учителем.

Молодец, Кувай, сказал достаточно твёрдо всё, что нужно и при этом никого не обидел. Интересно, что скажет Яргуст.

– Уважаемые Ляргус и Азар, – спокойно заговорил Яргуст. – Я, конечно, по сравнению с вами ещё молод, но я отлично понимаю, что вы просто боитесь прямого столкновения с серыми всадниками. Вы, что намерены всю жизнь маневрировать? Лично я за то, что бы показать серым нашу силу и поэтому полностью на стороне Странника и его учеников. Кстати, вы ведь присягали Куваю и по закону должны повиноваться ему, как Повелителю. Он молодец, не стал требовать от вас подчинения, но я верен присяге и если Кувай пойдёт, то и я последую за ним.

Такого оборота не ожидал не только я, но и Ляргус с Азаром, я уж не говорю по Кувая. Интересно, как теперь поведут себя наши оппоненты.

Ляргус с Азаром довольно долго хранили молчание, я тоже молчал, да и ученики мои словно онемели. За столом повисла напряжённая тишина. Чтобы как-то снять напряжение, я налил всем и предложил выпить. Все согласились, одни с радостью, другие, подавив раздражение. Все выпили и стали закусывать. После этого, я ещё подождал, надеясь, что либо Ляргус, либо Азар, что-нибудь скажут, но они, насупившись, молчали. Понять их не сложно; кому понравится,

когда все, кого они считали своими, вдруг отворачиваются от вас. Ну, что же, видно этот разговор придётся заканчивать мне.

– Я услышал мнение каждого, и благодарен всем за это, – сказал я. – В общем-то, я услышал примерно то, что и ожидал. Я знаю, что уважаемые Ляргус и Азар, озабоченные безопасностью империи и Сегурии, очень болезненно воспринимают всё, что касается борьбы с Серой империей, считая её своим личным делом. Отсюда несколько агрессивное восприятие других взглядов на эту проблему. Однако, борьба эта не может быть монополией кого-либо, так как угроза, исходящая от серых, направлена против всех миров Мироздания, а значит, в борьбе с ней должен участвовать любой, кто понимает эту угрозу, в том числе и я. К стати, мой родной мир уже практически находится в зависимости от Серой империи, так что я не менее вас заинтересован в разгроме её. Я для себя всё решил и послезавтра с Джоном отправляюсь преподавать серым всадникам хороший урок, что бы выиграть так необходимые нам пять лет. Если вас это не устраивает, мы с Джоном можем покинуть Сегурию хоть сейчас, но обещаю, что как бы там дальше не сложились наши дела, мы никогда не будем вам врагами, до тех пор, пока вы сами не станете нам врагами.

Мои слова вызвали у всех, кроме Джона, бурю возмущения. Особенно были возмущены Марк, Кувай и Яргуст – ещё бы, бросаю их, чуть ли не предаю. Мне пришлось дать им

некоторые разъяснения.

– Что это вы так завозмущались? – спросил я. – Вам, что заняться нечем? Насколько я помню, у тебя, Марк хватит дел с подготовкой пространства для перемещения Обсерватории. К нашему возвращению, всё должно быть готово, я проверю. У тебя, Кувай на носу свадьба. Ты, что хочешь оскорбить свою возлюбленную, если мы вдруг опоздаем к сроку? Кроме того, заклятие переноса остаётся за тобой. Ну, а ты, благородный Яргуст, должен остаться здесь, что бы эти благородные господа (я указал на Ляргуса и Азара) не чувствовали себя покинутыми всеми. Время твоего подвига ещё впереди и оно уже не за горами, уверяю тебя.

Мои слова несколько успокоили горячие головы моих учеников, по крайней мере, они перестали думать обо мне, как о предателе. Время было позднее, я предложил выпить всем, как говориться, «на посошок» и разойтись ночевать. Все со мной согласились и дружно выпили.

Рано утром ко мне постучались. Я, несколько удивлённый столь ранним визитом, открыл дверь и обнаружил за ней Ляргуса и Азара. Примерно это я и ожидал. Я поздоровался и предложил им войти, что они, поздоровавшись в ответ, и сделали.

Войдя в комнату, они первым делом поставили на стол солидный кувшин, по виду которого любой, даже абсолютно лишённый интуиции человек мог догадаться, что там вино. Да, интересно начинается утро.

– Я прошу у тебя прощения за мою недостойную несдержанность вчера вечером, – первым делом извинился Азар. – Сам не знаю, что на меня нашло. –

– Извинения приняты, – ответил я. – Соответственно прошу вас обоих простить меня, за то, что вчера я позволил себе излишнюю резкость.

На этом официальная часть была закончена. Мы выпили мировую и, как-то сам собой завязался вчерашний разговор, только сейчас не было между нами того напряжения, которое возникло вчера. Причину этого напряжения я хорошо знал, не зря же я попросил Азара выставить водку, которая, как все мы знаем, способна развязывать языки.

– Я вынужден извиниться перед вами за ту небольшую хитрость, которую я применил вчера, – сказал я. – Дело в том, что мне было очень важно услышать то, что вы действительно думаете, а не дипломатическую чушь, и это вчера мне удалось.

– Что же это за хитрость? – с интересом спросил Ляргус.

– Всё предельно просто, – с улыбкой ответил я. – Для этого я и предложил выпить водки. В нашем мире водка является не просто спиртным напитком, ей приписывают даже мистические свойства. Она способна развязывать языки, недаром у нас даже существует поговорка – «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Вот она всем нам и развязала языки.

Мои собеседники удивлённо переглянулись.

– Нужно взять это в будущем на вооружение, – со смехом сказал Ляргус.

– Меня волнует ещё одно дело, о котором я вчера не стал говорить, – задумчиво сказал я. – Но вы обязательно должны знать эту информацию, потому что она касается Сегурии. Я подозреваю, что здесь в Сегурии завёлся агент Серой империи.

Услышав мои слова, Азар даже вскочил со своего стула.

– Откуда такая информация? – спросил, вдруг осипшим голосом, Азар. – Ты можешь рассказать подробнее?

– Могу, хотя я и сам знаю об этом немного, почти ничего, – ответил я, прекрасно понимая Азара, для которого безопасность Сегурии была превыше всего. – Во-первых в империи слишком хорошо осведомлены обо всём, что происходит здесь. Кроме того, когда мы отправились в столицу, нас уже ждали братья Кувая, которые, как вы уже знаете, предались серым. Их предупредили, а ведь время нашего посещения столицы знали только мы трое. До сих пор не могу понять, как это вышло, поэтому делаю вывод, что среди нас предатель.

Последние слова я произнёс, выразительно глядя на старого Ляргуса. Он заметил мой взгляд и тоже в упор посмотрел на меня. Азар ошарашено смотрел то на меня, то на Ляргуса. Наконец до него что-то дошло и он так же, как и я стал смотреть на Ляргуса. Тот, какое-то время молчал, затем вздохнув, начал говорить, и то, что он говорил, полностью

подтверждало мои предположения.

– От тебя, Странник ничего не утаишь, – начал говорить старый жрец. – Ты ведь знаешь о замысле Повелителей. Я являюсь одним из исполнителей этого замысла, поэтому Повелители в курсе того, что касается их сына Кувая. Да, это я держал связь с Повелителями, это они сами дали мне регалии, для обряда с Куваем. Тут они преследовали сразу две цели. Первая – сделать всё так, что бы Кувай стал законным наследником престола Повелителей драконов. Вторая задача, должна закрыть доступ к праву на престол претендующему на него Роггу, который до рождения Кувая считался наследником, но с рождением его, утратил это право. Если он, каким-либо путём попытается короноваться, то без регалий, которые теперь хранятся в Сегурии, это невозможно. Как мы сейчас видим, обе эти задачи решены, и твоя роль в этом, Странник, несомненна. Что же касается того, что вас ожидали в столице отнюдь не друзья, сделано было специально. Как ты знаешь, по легенде злобные, безумные Повелители только и думают, как бы погубить собственных детей и в первую очередь Кувая. Естественно, если бы вас встретили люди Повелителей, они должны были бы сразу арестовать вас, а скорее всего, просто убить. Поэтому хитрым путём, через Маргуса, который поручил агенту серых, передать братьям, что бы они встретили вас, Повелители организовали встречу, рассчитывая, что попавшие в опалу братья вызовут у вас полное доверие. Зная подлый характер братьев, да и

вообще агентов серой империи Повелитель велел им захватить вас и доставить к нему. После вашей встречи, он устроил бы вам побег, да так, что серые ничего бы не заподозрили. Кроме того, он обрушил бы своё гнев на виновных, которые, по воле случая, оказались бы так или иначе связаны с Серой империей. Ты и Джон чуть было не сорвали этот план, и Повелителю пришлось импровизировать. Особенно опасным было то, что ты сумел разгадать замысел, как серых, так и Повелителя, но ты сделал всё правильно. Вот и всё что я хотел сказать.

Они ещё немного посидели и ушли. Потом явился Кувай с претензией на то, что бы я взял его с собой. Пришлось ему привести вчерашние аргументы и он, как мне показалось, всё понял, хотя я в этом до конца не уверен. Всё, завтра можно уходить, причём уходить с лёгким сердцем.

2

Завтра у меня свадьба. Вроде бы всё готово, приехало множество гостей, я с нетерпением жду момента встречи с моей Ниннэль, вроде всё хорошо, а на душе всё равно, как-то тревожно. На свадьбу прибыла целая делегация демонов, во главе с Глюдом, как всегда очень эмоциональным и поэтому шумным. Прибыли неразлучные Грымз и Беннет, вместе с которыми был и мой друг Минг, весь такой нарядный и буквально раздувшийся от важности. Из столицы приехали послы от моих родителей, конечно неофициальные, которые привезли подарки тщательно упакованные, что бы никто до времени не мог подсмотреть, что это. Посольство империи возглавлял Крон, который очень тепло со мной поздоровался и спросил, где он может увидеть Странника. Я ответил, что Учитель ещё не вернулся из своей экспедиции, но на свадьбу он обещал непременно вернуться.

Именно отсутствие Учителя и Джона, ушедших к границам Серой империи, и породило во мне ту тревогу, которая портила мне предсвадебное настроение. Понимая головой, что Учитель сам прекрасно знает, что делает и кого берёт с собой в свои экспедиции, но в душе моей, где-то в самой её глубине, копошилось чувство, что я предал Учителя, не проявив достаточной настойчивости, что бы склонить его взять меня с собой. Однако, что сделано, то сделано и сейчас уже

ничего не изменишь. Остаётся надеяться, что Странник всегда держит слово и вернётся в срок. То, что они целы и здоровы, я не сомневался. Хорошо зная возможности Учителя, да и Джон тоже парень не промах, я был за них спокоен.

Буквально три дня назад, Азар заявил, что его наблюдатели отмечают резкое сокращение активности Серой империи. Из многих миров выводятся серые всадники, куда-то пропали серые монахи. Ходят слухи о каком-то массовым побоище в одном из миров, где серые всадники претерпели полный разгром. Все мы ни минуты не сомневались, что это дело рук наших друзей. Меня порадовало то, что Учитель в очередной раз оказался прав. Его план выиграть время, похоже, блестяще удался. Остаётся надеяться, что они успеют к свадьбе.

На вечер был назначено застолье, где собираться все мои друзья мужского пола. Это будет, моя последняя холостая попойка, на которой, согласно древнему обычаю, собираются только мужчины и молодые парни и хорошенько напиваются. Я в душе не терял надежды, что Учитель и Джон не пропустят столь увлекательного мероприятия.

До вечера было ещё далеко и, перепоручив встречать гостей Азару и Яргусту, я отправился к себе. Нужно было ещё раз проверить вычисления, которые я сделал для заклятия переноса, что бы, когда я покажу их Учителю, мне не краснеть, если вдруг обнаружится какая-нибудь ошибка.

Уже в который раз всё проверив, и не обнаружив оши-

бок, я мысленно создал многомерную модель будущего за-
клятия и вывел её в нашу реальность, примерно так, как в
своё время, жрец показывал нам модель Обсерватории. Над
моим столом засверкала зеленовато-голубым светом чрезвы-
чайно сложная структура, напоминающая паутину, охваты-
вающую множество миров, где каждая нить была образована
сложным переплетением потоков времени и сил, где в местах
пересечений этих нитей, подобно прекрасным бриллиантам
сверкали события, которые должны произойти при реализа-
ции этого уникального заклЯтия.

Я смотрел на эту, созданную Джоном и мной красоту и ду-
ша моя ликовала. Сознание уносило меня куда-то в непред-
ставимые дали. Мириады миров проносились перед моим
внутренним взором. Я видел чудесные места полные гармо-
нии, Я видел хаос в его ужасающей красоте. На моих глазах
рушилась реальность, а на её месте возникала совершенно
новая реальность, формы которой невозможно представить
нашему убогому воображению. Вся эта красота затягивала в
себя, исчезали пространство и время, создавалось впечатле-
ние, что это заклЯтие было всегда во мне, а я всегда был в
нём, от него невозможно было оторваться. Сделав над собой
серьёзное усилие, я погасил модель заклЯтия, лишний раз,
убедившись, что всё сделано правильно. Остаётся лишь на-
сытить заклЯтие силой, но это уже дело техники.

Я так увлёкся, что даже пропустил обед, но это не страш-
но, впереди вечернее застолье, так что там наверстаю. До ве-

вчера оставалось часа два, и я решил немного вздремнуть, что бы за столом выглядеть свежим, не дело, если будущий жених выглядит замороженным.

Стоило мне только прилечь, как я тут же провалился в сон. О, это был чудесный сон, это был сон похожий на сказку или это была сказка похожая на сон, во сне никогда не поймаешь. Я куда-то летел, не спеша, взмахивая крыльями. Подо мной медленно проплывал роскошный широколиственный лес, рассечённый довольно широкой многоводной рекой, величаво кативший свои воды куда-то вдаль. На душе моей был такой подъём, от которого было впору петь, что я и делал, правда, про себя. Никогда не считал себя певцом, хотя петь любил, но только тогда, когда меня никто не мог услышать. Ещё бы мне было не петь, когда рядом со мной летела, переливаясь как гигантская жемчужина, стройная драконица – моя Ниннэль.

Откуда и куда мы летели, я не знал, да это в тот момент мне было безразлично. Мы просто наслаждались полётом, тёплым воздухом, пропитанном запахами леса и реки, наслаждались своей молодостью и друг другом. Мы были счастливы и хотели, что бы и другие чувствовали то же самое, что и мы.

Внезапно всё изменилось. Подул резкий холодный ветер, принёсший с собой запах плесени и какой-то кислый привкус, запах смерти, так хорошо мне знакомый. Это его мне и моим друзьям пришлось вволю нанюхаться, шагая по мёрт-

вым телам, проходя через разорённые войной деревни и города, шагая по следам серых всадников. Так пахла Серая империя. Навстречу нам, со стороны, куда мы летели, надвигалась серая туча, закрывая собой солнце.

– Что это? – испуганно спросила Ниннэль.

– Это надвигается то, что хочет убить нашу любовь, убить наших будущих детей, убить наше будущее. Это надвигается Серая империя, – ответил я своей любимой.

– Милый, мне страшно. Останови её или всё будет напрасно, – умоляюще произнесла Ниннэль.

– Я сделаю всё, что бы её не было, – просто ответил я, чувствуя, как во мне начал поднимать голову гнев.

Туча, к тому времени, заняла весь горизонт и наполовину закрыла солнце. Вдруг тучу рассекли две яркие молнии, и она в страхе начала уползать за горизонт. Вновь стало голубым небо и засверкало солнце.

– Что это было? – удивлённо спросила Ниннэль.

– Это мой Учитель и Джон Мильтон сражаются с Серой империей, – ответил я.

– А почему ты не с ними? – спросила с укоризной Ниннэль.

Меня обдала волна стыда, и я проснулся. Как, оказалось, проснулся я вовремя; ещё немного и я проспал бы свою холостяцкую вечеринку. Я быстро оделся в праздничную одежду и спустился во двор, где были накрыты столы и уже музыканты настраивали свои инструменты – какая холостяцкая

вечеринка без музыки и хорошей песни.

Я находился под впечатленьем недавнего сна, а сказать проще, меня обжигал, нет, это слишком мягко сказано, меня буквально сжигал стыд, охвативший меня во сне. Действительно, мы сейчас будем пьянствовать, петь песни, веселиться, а Странник и Джон сейчас, может быть, надрывая жилы, стараются уйти от погони. Что-то я сомневаюсь, что серые всадники так просто их выпустят, не постаравшись отомстить за свой разгром. Вот в таком состоянии я и явился на собственную холостяцкую вечеринку. Людей было ещё немного, в основном были слуги накрывающие столы. Я подошёл к распорядителю и сделал ему заказ. Он, выслушав заказ, слегка удивлённо посмотрел на меня, затем с поклоном пообещал всё сделать в лучшем виде. Осмотрев накрытые столы, я отправился в комнату, где поселили Минга. Давно я не видел своего друга-демона и хотел с ним поговорить наедине; потом, когда начнётся застолье, будет уже не до душевных разговоров.

Подойдя к комнате, где поселился Минг, я постучал, и, услышав в ответ рычание, открыл дверь и вошёл в комнату. Минга я застал за одеванием праздничного камзола ядовито-зелёного цвета, который удивительно ему шёл. Раньше я за молодым демоном не замечал склонности к следованию моде, но, видимо, действительно, всё течёт, всё изменяется, меняется и мой друг. Он заметно повзрослел, у него даже проросли небольшие рожки, которые, кстати сказать, ему

очень шли.

– Что нового у вас на границе? – спросил я, наблюдая, как демон рассматривает себя в зеркале.

– Да, ничего там нового, – ответил Минг. – Всё, как всегда. Немного воюем, немного торгуем, в общем, скукотища. Я теперь надолго сюда. Меня пригласил Странник. Сказал, что я ему нужен для какого-то дела, но какого не сказал. А я, что, я всегда с радостью помочь такому человеку, да и поучиться у него для меня великая честь. Чувствую, что его наука всем нам очень скоро понадобится.

– Ты так считаешь? – спросил я, крайне заинтересованный рассказом Минга. – Интересно, что Учитель задумал? У тебя есть какие-нибудь догадки?

– Догадок-то сколько угодно, только, что толку. Разве когда угадаешь, что у Странника на уме? – ответил демон, заканчивая свой туалет.

– Это точно, – согласился я с ним. – Ну, ладно, если ты закончил наряжаться, пойдём встречать гостей.

Мы вышли из комнаты и направились к месту проведения вечеринки.

– А почему Странник ушёл только с Джоном? Почему больше никого не взял? – спросил на ходу Минг.

– Ну, ты же знаешь Странника, – уклончиво ответил я. – Если он что решил, ни за что не отступится. Кстати, он обещал к свадьбе вернуться.

– Ну, раз обещал, обязательно вернётся, – уверенно за-

явил демон.

Мне бы его уверенность, подумал я. На душе было не уютно, словно я кого-то предал или обманул. Ещё эта вечеринка при таком настроении. Но ничего не поделаешь, гости уже собираются, да и отменить такое мероприятие не возможно – обычаи здесь соблюдаются свято.

Наконец гости собрались, но начинать вечер я не спешил. Не хватало четверых самых важных гостей, а именно: Ляргуса, Азара, Глюда и Грымза, а без них начинать было бы просто не вежливо. Ушедший за ними Яргуст тоже пропал. Напряжение за столами нарастало. Оно просто не могло не нарастать. Представьте себе небольшую толпу мужиков, которые собрались выпить, сидящих за накрытыми столами и вместо того, что бы заниматься делом, ради которого они здесь собрались, чего-то ждут. Вот такое положение сложилось в самом начале моей холостяцкой пирушки.

Наконец пришёл Яргуст и сказал, что можно начинать, мол, отсутствующие задерживаются по уважительной причине, они извиняются, что заставили себя ждать. Его слова вызвали за столами оживление. Тогда я встал на правах хозяина вечера и произнёс приветственный тост, как того требовал обычай.

– Дорогие друзья, – стал говорить я. – Я от всего сердца благодарю вас за то, что вы почтили меня своим присутствием на этом вечере, где я последний раз выступаю как холостяк. Прошу простить некоторую задержку, но я думаю, что

она будет компенсирована вашими возросшими аппетитом и жаждой. Здесь я, с вашего разрешения, позволю себе немного отступить от обычая. Хотя первый тост полагается за всех присутствующих здесь, я предлагаю выпить за тех, кого сейчас нет с нами, кто может быть, в этот момент сражается с серыми всадниками, сражается за всех нас. Я предлагаю всем выпить, причём выпить настоящий мужской напиток – водку за моего Учителя Странника и моего друга Джона. Выпить за их здоровье и счастливое возвращение к нам.

Пока я произносил свой тост, слуги всем налили по полной стопке водки. Я поднял свою и лихо опрокинул её в рот. То же сделали и остальные. Многие из присутствующих пили водку впервые, поэтому реакция их была очень разная, и всё это было так комично, что после выпивки, все вместо того, что бы закусывать начали смеяться. Этот смех, плюс действие водки, сломали последние рубежи напряжения. Водка пробудила в присутствующих буквально зверский аппетит, так что минут десять-пятнадцать за столом было слышно только чавканье и чмоканье жующих людей. Грянула музыка и вечеринка началась.

Я сидел вместе с Мингом, остальные сели, кто, где хотел. Как-то так получилось, что демоны, послы из столицы империи Повелителей драконов и мои будущие родственники драконы из рода белого облака оказались за моим столом, причём демоны перемешались с драконами. По правую руку от меня оставались свободные места, предназначенные для

отсутствующих, причем два места ближайšie ко мне я забронировал для Учителя и Джона, меня так и не оставила надежда, что они всё же сегодня присоединятся к нам.

После первого тоста мы выпили за всех присутствующих, потом все выпили за меня, потом за мою невесту, а потом демоны хором запели, производя невообразимый шум, в котором всё же при желании можно было расслышать некую мелодию. Люди, видя, что демоны запели, то же затянули какую-то балладу, так что за столами было нечто отдалённо напоминающее конец света в его апогее. В самый разгар этого сумасшествия, случилось чудо, наконец-то пришли Ляргус и Азар вместе с демонами, а с ними живые и здоровые шли Учитель и Джон.

Тут началось настоящее столпотворение. Все кинулись обнимать вновь пришедших, так что я смог обнять Учителя и Джона только минут через пятнадцать, ведь не расталкивать же людей на самом деле. Учитель был, как всегда спокоен и уверен в себе, правда, выглядел немного усталым. Когда мы обнялись, я почувствовал, что в нём буквально бурлила сила, да ещё он весь пропах дымом, словно погорелец на пожаре. Дымом пахнул и Джон, да, плюс к этому, на его левой щеке появился свежий шрам.

Когда все расселись по своим местам, я сделал всем знак наполнить бокалы. Себе, Учителю и Джону я лично налил водки, и, встав, произнёс тост за вернувшихся из дальней экспедиции. Все встали и выпили снова. Учитель, вы-

пив свою рюмку, с аппетитом стал поглощать жареное мясо. Джон от него не отставал, так что по всему было видно, что оба сильно проголодались. Как потом стало ясно из рассказа Джона, Странник о своём походе ничего не стал рассказывать, они не ели последние три дня, было не до этого.

Учитель с удовольствием выпивал и закусывал, так, словно это не он только что вернулся из опаснейшего предприятия, словно он и не покидал почти на месяц Сегурию, а вот так просидел всё это время за столом, выпивая и закусывая. На фоне хорошо одетых гостей Учитель и Джон выглядели оборванцами. Их дорожная одежда, вся пропахла дымом, была вся в пыли, пятнах крови и явно прожжённых прорехах. По всему было видно, что им не дали даже переодеться, а сразу провели к столу. Учителя его внешний вид совершенно не волновал, ему вообще было наплевать, как он выглядит. Джон же сначала немного стеснялся своего вида, но выпив, расслабился и стал себя вести как обычно.

Я смотрел на дорогих мне людей и чувство тревоги в душе моей, как-то незаметно исчезло, а место её заняла приятная теплота, что, зародившись где-то в глубине сердца, постепенно разлилась по всему организму, от чего мне стало так хорошо, как давно уже не бывало.

Вечеринка шла своим чередом. Вино лилось рекой, песни сменились плясками, здесь опять отличились демоны. Они так лихо отплясывали, что пыль стояла столбом.

Постепенно застолье вступило в ту стадию, когда бурное

веселье постепенно переходит в фазу задушевных бесед и тихих задумчивых песен. Гости, как-то сами собой разбились на небольшие группы, в которых шли разговоры о том, что волновало этих людей и демонов. Одни вспоминали покинутую Родину, другие мечтали о том, что и к ним придёт большая любовь, как ко мне, да мало ли о чём могут говорить подвыпившие люди, собравшиеся на дружескую пирушку.

За столом, где сидел я, тоже собрался свой кружок единомышленников. Многие, неуверенные в своих силах, разошлись по домам, что бы завтра присутствовать на свадьбе со свежими головами. Ушли Ляргус с Глюдом, причём последний был в сильном подпитии. Ушёл мой будущий тесть, сославшись на то, что завтра ему предстоит нелёгкий день.

За столом остались, помимо меня, Учитель, Джон, Минг, Марк, Яргуст, Азар, Грымз, Беннет и ещё три молодых дракона. Яргуст где-то раздобыл гитару, и сидел с ней, наигрывая мелодию какой-то старинной баллады. Джон, что-то рассказывал, и его внимательно слушали все, кто находился за столом, все, кроме Странника и меня.

Я не слушал Джона вовсе не потому, что мне был не интересен его рассказ о сражениях с серыми всадниками; его я послушаю потом, когда мы окажемся с Джоном наедине. Сейчас мне гораздо интереснее был Учитель, который сидел за столом с таким отсутствующим лицом, словно находился вовсе не здесь, а где-то очень далеко. Веки его были полуприпущены, так что создавалось впечатление, что он спит,

хотя, хорошо зная его, я понимал, что он ни в коем случае не спит. Дух его явно находился в каких-то безднах толи, пространства, толи времени, разве узнаешь.

Я мелкими глотками пил вино из бокала и временами, исподтишка наблюдал за Учителем. Так продолжалось уже довольно долго, когда вдруг он широко открыл глаза и с улыбкой подмигнул мне.

– А ведь ты очень ждал меня, сынок, – толи спросил, толи констатировал факт, Странник и я вдруг осознал, что это первые его слова, с того самого момента, когда мы обнялись с ним при встрече. – Я всё же сдержал слово, хотя нам с Джоном пришлось изрядно постараться. Разве я мог позволить себе не явиться на свадьбу любимого ученика, да простят меня другие ученики.

– Конечно, ждал, Учитель, – горячо заговорил я. – Думаешь, почему я распорядился поставить водку?

– Я это понял и оценил, мой мальчик, – с улыбкой, от которой в сердце моём стало горячо-горячо.

Как ни странно, все заметили, что Странник заговорил. Поэтому разговоры сразу же стихли и все обратили внимание на Странника и меня. Появилось какое-то напряжённое ожидание, причём ожидание никто не знает чего. Разрядил возникшее напряжение сам Странник. Увидев у Яргуста гитару, он заявил, что хотел бы спеть, но сам играть не умеет, поэтому, если Яргуст сможет саккомпанировать, то он будет крайне ему обязан. Он встал и вместе с Яргустом отошёл в

сторону от стола, где они какое-то время о чём-то тихо говорили, причём Яргуст тихо перебирал гитарные струны.

Наконец, видимо посчитав, что репетиция окончена, они вернулись к столу и Странник попросил слова. Когда шум затих, Учитель заговорил.

– Когда-то, в годы моей молодости я очень увлекался песнями под гитару, – задумчиво говорил Странник. – В моём родном мире, Азар и Джон там побывали, эти песни назывались бардовскими, а людей, которые сочиняли эти песни, называли бардами. Пели эти песни у костров на ночёвках люди, которые большую часть жизни проводили в дорогах. Поэтому для ходящих по мирам эти песни должны прийтись по душе, а здесь я вижу большинство именно ходящих по мирам. Я хочу спеть вам одну такую песню из моей юности. Написал её, если мне не изменяет память, Юрий Визбор, был тогда такой знаменитый бард. Певец я, прямо скажу, ещё тот, поэтому прошу не судить меня строго. Песня, которая сейчас прозвучит, на мой взгляд, очень созвучна нашей общей судьбе.

Он кивнул Яргусту и тот начал исполнять простую на первый взгляд мелодию, которая при своей простоте вызвало в моей душе тревожное чувство, которое всегда испытываешь, отправляясь в дорогу. Нет, это не тревога, вызванная страхом предстоящих трудностей и опасностей, связанных с дорогой, вовсе нет. Попробуйте кого-нибудь из нас лишиться этих дорожных трудностей и опасностей и мы заскучаем,

причём до такой степени, что, в конце концов, что сами создадим так недостающие нам в пути трудности и опасности. Все эти мысли пронеслись в моей голове в первые моменты звучания мелодии, исполняемой Яргустом.

Странник негромко запел своим чуть хрипловатым баритоном и, в общем-то, простые слова песни так меня захватили, что я на какое-то время просто выпал из нашей реальности.

Спокойно, дружище, спокойно,
У нас ещё всё впереди.
Пусть шпилем ночной колокольни
Беда ковыряет в груди.
Не путай конец и кончину,
Рассветы, как прежде трубят,
Кручина твоя не кончина,
А только ступень для тебя.

Я увидел себя парящим над столицей империи. Рядом летел Яргуст, а под нами бушевало пламя. Огромный город горел, а я и Яргуст время от времени добавляли огня. Совесть моя была чиста, большинство горожан уже покинуло город, а те же, что оставались так или иначе были связаны с Серой империей.

По этим истёртым ступеням,
По горю, разлуке, слезам,
Идём, схоронив нетерпенье,

В промытых ветрами глазах.
Виденья ведали ночные
У паперти северных гор,
Качали нас звёзды лесные
На чёрных глазищах озёр.

Я вместе с Яргустом поднимаюсь всё выше и выше, так что горящий внизу город становится похожим на горящий в ночи костёр. Наконец, мы достигаем какой-то точки, к которой неосознанно стремились. Я гляжу вниз и вижу, как на месте светящейся искорки, в которую превратилась пирамида Обсерватории, вспухает гигантский огненный пузырь взрыва и взрывная волна, словно огненная метла сметает с поверхности земли остатки некогда великолепного города, города, где я появился на свет и который так толком и не узнал.

Спокойно, дружище, спокойно,
И жить нам, и весело петь,
Ещё в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.
Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят.

Странник пел, а меня и Яргуста ломала взрывная волна,

порождённая взрывом, перенёсшим Обсерваторию Бог весть куда. Настигнув, она стала мять нас, швырять из стороны в сторону, стараясь бросить на скалы. Я испытывал одновременно ужас и восторг, мне было очень больно, и в то же время я испытывал наслаждение близкое к экстазу.

Странник закончил петь, стихли последние аккорды, а мы все продолжали сидеть молча, потрясённые этой, простой на первый взгляд, песней. У меня сложилось впечатление, что простые слова песни всколыхнули у каждого в душе нечто такое, что невозможно объяснить словами, но что имеется в душе у каждого настоящего мужчины, да и у настоящей женщины тоже. Что позволяет нам делать то, что мы все должны делать, потому, что если мы не будем следовать этому зову, идущему из самых глубин души, мы теряем право называться людьми.

Наконец оцепенение, вызванное песней, отпустило нас, и мы дружно зааплодировали. Были наполнены бокалы, и Учитель произнёс тост, который, как показало будущее, оказался пророческим.

– Друзья мои, – начал свой тост Учитель. – Мы здесь собрались с вами по крайне важному, но достаточно редкому поводу – завтра нам выпала честь присутствовать на обряде воссоединения двух, по-настоящему любящих сердец. Вы можете возразить, что, мол, за редкость – свадьба. Сам-то по себе обряд свадьбы, дело не редкое, это верно. Зато, когда соединяются две любви такого масштаба, как у Кувая и

Ниннэль, во истинно большая редкость и удача, которую дарит судьба только тем, кто достоин великой любви – любви, о которой будут слагаться легенды и баллады среди отдалённых наших потомков. Поэтому, это огромная удача присутствовать на воссоединении двух любящих сердец, чья судьба будет прекрасна и трагична, она станет тревожащей мечтой любого, чьё сердце посетит настоящая вселенская любовь, и миллионы юношей и девушек будут ворочаться в своих постелях, ибо мечта о такой любви не даст им спокойно спать. Она, эта любовь заставит настоящих мальчишек стремиться на край света, предпринимать самые невероятные авантюры, писать стихи, плакать по ночам, не понимая причины своих слёз.

Вы скажите, что таким счастливым стоит позавидовать и будете правы. Но это одна сторона медали, но существует и другая. В дополнении к великому счастью вселенской любви прилагается тяжёлая, зачастую трагичная судьба. Нашим же влюблённым предстоит во истинно великая судьба, как по масштабу, так и по своему трагизму. И всё равно, я рад, что завтра это произойдёт, потому, что считаю, что с такой любовью человек сможет преодолеть любые удары судьбы. Давайте выпьем за эту любовь и разойдёмся спать, что бы завтра со свежими головами присутствовать на торжестве вселенской любви.

Все дружно поддержали тост Учителя. После этого мы закончили вечеринку и стали расходиться. Учитель попросил

меня задержаться, и когда все разошлись, налил вина и, протянув мне бокал, заговорил тихим голосом, лицо его при этом было каким-то отсутствующим.

– Кувай, сынок, мне надо с тобой серьёзно поговорить. Боюсь, что потом нам это не удастся, потому что, как только закончатся свадебные торжества, я с Джоном и Марком покину Сегурию. Мы отправимся создавать вотчину для Обсерватории, а это, скажу я тебе, дело непростое и небыстрое. После этого мы вернёмся и займёмся подключением заклития перемещения, а это вообще дело долгое. Вся эта подготовительная работа, как раз и займет пять лет. Так что ты года три можешь спокойно заниматься собственной семьёй, мы без тебя справимся. Постарайся хорошо подготовить Ниннэль. Она девушка бойкая, а боевая драконица очень может пригодиться, но главное, родите себе наследника или наследницу.

Я был удивлён, тем, что Странник откуда-то узнал, что моя возлюбленная драконица. Увидев моё удивление, Учитель мне задорно подмигнул.

– Что, удивлён тем, что я разгадал твою страшную тайну? – спросил он меня со смехом. – Уж, если шила в мешке не утаишь, то драконицу и подавно.

Он заразительно засмеялся, а я всё никак не мог взять в толк, причём здесь какое-то шило, какой-то мешок и уж совсем непонятно, причём здесь моя Ниннэль. Видя моё недоумение, Учитель, закончив смеяться и вытерев выступившие

на глаза слёзы, объяснил мне, что это поговорка из его мира, смысл которой заключается в том, что невозможно скрыть очевидное. Я лишний раз убедился, что скрыть что-либо от людей, которые мне близки, просто невозможно.

Глава 3. Песнь любви дракона

В голове стихи и проза, на душе покой и тишь.
Бесконечная дорога, на которой ты стоишь.
Горы горизонт сломали, ветер за собой зовёт,
И сцепившись руками, отправляемся в полёт.

Наш полёт по кромке ветра, опрокинет горизонт,
И раскроется над нами космоса бескрайний зонт.
Звёздный ветер пожелает наши руки расцепить,
И предложит бесконечность нам из вечности испить.

Мы хлебнём с тобой разочек – закружится голова,
И отыщем по дороге позабытые слова.

Время вдруг в спираль свернётся – ты попробуй, разверни.

И смешаются созвездий бесконечные огни.

Небосклон подобен книге – постарайся прочитать.
Только буквы в этой книге нам вовек не сосчитать.
Вдруг распусятя над нами в небе звёздные цветы,
И поймёшь, что в этом мире существуешь только ты.

Только так и не иначе сможешь этот путь пройти,

В одиночку, право слово, нам до неба не дойти.
И идти нам бесконечно, чтоб в руке была рука,
И расступятся пред нами и невзгоды, и века.

Звёзды падают на меня или я падаю в скопление звёзд, разве поймёшь когда летишь, пьяный от счастья, да и не хочется ничего понимать. Пусть всё будет, как будет и никак иначе. Ветер свистит в ушах, причём свист этот постоянно меняется от тихого, на грани слышимости, до пронзительного визга, переходящего в грозный рёв. Если начать прислушиваться, то в этих звуках ветра можно почувствовать какую-то странную мелодию, в которой сплетаются в невообразимый клубок радость, что бушует во мне и страх перед новой, такой долгожданной, но всё же пугающей меня ответственностью. Я торопился изо всех сил, хотя какой-то острой необходимости торопиться, в общем-то, не было. Всё это так, но я не мог не спешить и поэтому гнал себя вперёд, не жалея крыльев.

Впервые за последние три года я покинул Сегурию, что бы выполнить просьбу Учителя, который в это время залечивал раны в усадьбе своего и моего друга Джона Мильтона, после очередной своей экспедиции. С ним были, помимо Джона, Марк и Яргуст. Все они сразу же после моей свадьбы покинули Сегурию и с тех пор, а это уже три года, о них не было ни слуху, ни духу. Я уже начал волноваться за друзей, которые отправились в опасное путешествие без меня.

Помню наш разговор, когда мы прощались в Сегурии на холме, где обычно открывался проход. Провожать отряд в дорогу собиралась, наверное, половина населения вотчины, но Странник наотрез отказался от провожатых, заявив, что их провожу только я. Перед нами сиял открытый проход, который, как маленький осколок сошедшей с неба радуги, светился перед нами, приглашая вступить в него. При виде открывшегося прохода, в душе моей проснулась дремавшая до поры жажда приключений и властно позвала меня в дорогу, однако любовь моя к Ниннэль оказалась не менее властной и после недолгой борьбы жажда приключений сдалась и, как побитая собака спряталась где-то в глубинах моей души.

– Мы уходим готовить вотчину для Обсерватории, нужно же где-то поселить твоих родителей, когда с империей Повелителей драконов будет на время покончено, как-никак, а династия не должна прерываться, – с лёгкой грустью заговорил Учитель. – Сколько продлится наш поход – не знаю, но думаю, что никак не меньше трёх лет. Каких-то особых приключений или трудностей я не ожидаю, поэтому мы тебя и не берём с собой. Смотри, сынок, что бы к нашему возвращению я смог подержать на руках твоего сына или дочку, так что не теряй времени даром, потом, судя по всему, его у всех нас может и вовсе не быть. Возьми амулет вызова. Если понадобится я вызову тебя через него.

Сказав это, Учитель, надел мне на шею амулет, крепко обнял меня, затем, забросив за спину свою походную котомку,

и поправив оружие, он, не оглядываясь, шагнул в проход и исчез в радужном сиянии прохода.

После Странника ко мне подошёл Джон. Он тепло улыбнулся и, посоветовав мне не унывать, обнял меня и, взяв свои вещи, пошёл вслед за своим другом и учителем.

Марк, мой старший ангел-хранитель, вынесший в своё время меня из охваченной мятежом столицы, ласково вздохнул рукой мои волосы, после чего по-отечески тепло обнял меня и, так, не проронив и слова, молча ушёл в проход.

В отличие от Джона и Марка, Яргуст, ещё один мой друг и хранитель, задержался для разговора со мной, тем более, что теперь мы стали с ним родственниками, всё же дядя моей жены.

– Жду от тебя внука, Кувай, – сказал он в своей привычной для него суровой манере. – Береги Ниннэль и не переживай, что мы уходим без тебя, твоё время ещё впереди.

Он обнял меня и шагнул в проход, который стал медленно гаснуть и вскоре совсем погас – проход закрылся.

Я летел проходом между мирами, и только ветер напевал мне в уши свою мелодию, которая вовсе не мешала мне предаваться воспоминаниям.

Сегодня рано утром дал о себе знать амулет Странника, который представлял собой обычный, невзрачного вида камень, весящий на простом кожаном шнурке. Я только что встал и как раз отправился умываться, когда камень на моей

груди вдруг раскалился до такой степени, что я от неожиданности чуть не вскрикнул. Быстро сняв с шеи амулет и зажав его в ладони правой руки, я настроился на ментальную связь. Контакт произошёл почти мгновенно, перед моим внутренним взором возникла небольшая плохо освещённая комната. В комнате на большой кровати лежал Учитель. Вид его напугал меня. Выглядел он таким больным, о каких говорят – краше в гроб кладут. Голова его была забинтована, глаза лихорадочно блестели, нос заострился, он весь как бы высох. Было видно, что ему здорово досталось.

– Здравствуй, Кувай, мальчик мой, – тихим голосом заговорил Учитель, было видно, что говорить ему очень тяжело. – Ты мне нужен. Мы находимся в имении Джона Милтон-Хаусе. Дело оказалось несколько сложнее, чем я ожидал. Я допустил ошибку и поплатился за это, хорошо хоть, что никто не погиб. Как сможешь быстрее приходи, время пока терпит, но всё же поспеши... -

Связь с ним оборвалась, видимо он потерял сознание. Я был до крайности удручён тем, что мои друзья пострадали и одновременно рад, что все живы. Больше всего меня поразило состояние Учителя. В моих глазах он был настолько силён, что временами казалось, будто он вовсе неуязвим. Уж, если ему так плохо, представляю, с чем они там столкнулись.

Не смотря на то, что мои друзья были ранены, наверняка ранены тяжело, меня всё равно охватила радость, ведь долгие три года от них не было ни слуха, ни духа, и я был рад

от того, что пусть раненые, но всё же живые друзья мои всё-таки дали о себе знать.

Отправиться в путь, для меня было пара пустяков, лишь одно вызывало у меня некоторое напряжение. Жена моя Ниннэль со дня на день должна была родить второго ребёнка, как я надеялся дочку, и оставить её в это время мне было как-то страшновато. За маленького Матвея, которому шёл уже второй год, я был спокоен. Он уже ходил и начинал говорить, поэтому в окружении няnek и бабушек, которых у него было целых пять, находился в полной безопасности. А вот, как оставить жену, у которой со дня на день должны начаться роды, я просто не знал.

Проблему разрешила сама Ниннэль. Увидав, что я чем-то озабочен, она быстро, как умела только она, выведала у меня всё. Узнав, что произошло, она с достоинством истинной драконицы заявила мне, что она не кисейная барышня, а жена наследника Повелителей драконов и сама дракон. Что она вполне может родить и без меня, тем более что в этом деле от меня мало толка, а мой долг – мчаться на выручку друзьям и о ней не беспокоиться. Она ласково прижалась ко мне и поцеловала.

– Лети, мой милый, лети не жалея крыльев, – прошептала она мне на ухо. – Когда вернёшься, я встречу тебя с сыном и дочкой. Не бойся за меня, со мной всё будет хорошо, выполняй свой долг. Перед дорогой хорошо поешь. Перед уходом зайди попрощаться.

Она ещё раз поцеловала меня и ушла в свои покои, где по большей части находилась со времени, когда у неё стал заметен живот. Она хорошо знала и тщательно соблюдала древний обычай, по которому беременная женщина, как можно реже показывалась на глаза посторонних людей, поэтому она почти все время оставалась в своих покоях, никого из мужчин, кроме меня, туда не допуская.

Я же быстро собрался, тем более, что идти я решил налегке, не беря с собой даже походной котомки. Из оружия я взял только длинный кинжал, когда двигаться надо быстро, основная надежда на Искусство, а не на оружие, которое только мешает скорости передвижения. Одевшись, я плотно поел и пошёл попрощаться с женой и сыном. Ниннэль ласково обняла меня, поцеловала и, попросив меня быть осторожным, пожелала доброго пути и скорейшего возвращения.

Перед тем как уйти, я зашёл к Азару, где в это время как раз находился Ляргус. Рассказав им в общих чертах о сообщении Странника и попросив их присмотреть за семьёй, я быстрым шагом, почти бегом направился к холму, откуда обычно уходили во внешний мир. Сколько раз уходил и возвращался я этим путём, пожалуй, и не вспомнишь.

Оказавшись в мире империи Повелителей драконов, я сразу же обратился в дракона и взлетел на вершину горы, удивительно напоминающая своими очертаниями на рукотворную пирамиду. Оказавшись на её вершине, я незамедлительно стал открывать проход, но проход не простой, а спе-

циально разработанный мной для экстренных случаев.

Помню в мой первый выход с Азаром, Яргустом и Марком я чуть не погиб, когда мы летели сквозь миры, тоннелем открытым Азаром, для того, что бы успеть во время попасть в Трактир-на-перекрёстке. Тогда я, что бы успеть за Азаром почти, полностью истратил свои жизненные силы, и только усилия моих друзей, поделившихся со мной своей жизненной силой, спасли тогда меня.

Повзрослев, я задался мыслью разработать способ быстрого перемещения между мирами, более безопасный, чем те, которые существовали до этого времени. Довольно долго я делал расчёты и, наконец, мне удалось создать более-менее приемлемый способ для быстрого и безопасного перемещения по Мирозданию. Вот теперь мне представился случай испытать мою разработку.

Принцип её заключался в общих чертах в том, что для открытия прохода выбирается точка, желательно, что бы она находилась на высоте господствующей над окружающей местностью. Проход открывается не в другой мир, а на границу миров, иначе говоря, в междумирье по которому можно двигаться с огромной скоростью, расходуя минимум сил.

На моё счастье, я знал пространственно-временные координаты родного мира Джона Мильтона (в своё время Учитель учил нас вычислять траекторию движения из этого мира в какой-нибудь конкретный мир). Я запомнил координаты мира Джона и даже родного мира Странника. Поэтому

без особых хлопот рассчитал траекторию прямо до усадьбы Джона.

Примерно через полчаса, открытый проход засиял всеми цветами радуги. Не мешкая, я шагнул в проход, на ходу обращаясь в дракона. И вот теперь летел не жалея крыльев и только свист ветра и бешеная пляска звёзд сопровождали мой полёт.

Сколько времени я был в пути, не знаю, время здесь вообще ведёт себя подобно пьяному человеку – никогда не знаешь, какой финт оно выкинет в этот раз. Наконец, я почувствовал, что достиг своей цели и начал тормозить. Вот тут-то началось. Было такое ощущение, словно я попал в руки какого-то великана, который решил поиграть со мной, как с игрушкой. Меня то сжимало, то растягивало, то швыряло из стороны в сторону. Время от времени мне делалось так жарко, что казалось ещё чуть-чуть, и я превращусь в горсть пепла, а иногда я буквально превращался в ледяную сосульку. Самым страшным было то, что мне лишь с большим трудом удавалось сохранять образ дракона. Почему-то какая-то неодолимая сила стремилась вернуть мне человеческий облик, и лишь с помощью крайнего напряжения воли мне удавалось сохранять мой драконий облик.

Меня буквально выкинуло среди каких-то пологих холмов поросших низкорослым цветущим кустарником. Как я позже узнал от Джона, это был вереск. Я с трудом сумел затормозить перед самой землёй и не приземлился, а скорее

плюхнулся на землю подобно разжиревшему домашнему гусаку. Тьфу, какой позор для дракона! Хорошо ещё, что никто не видел, а то стыда не оберёшься. Да, способ конечно, хорош, но вот его окончание требует очень тщательно корректировки.

Я принял свой человеческий облик и устало растянулся на земле, восстанавливая силы. Какое-то время я просто отдыхал, наслаждаясь тёплой погодой и чудесным ароматом, который источал цветущий кустарник. Передохнув, я настроился на Учителя, что бы определить, куда мне идти. Оказалось, что он где-то совсем рядом, возможно даже в том доме, который я заметил, ещё кувыряясь в воздухе.

Передохнув, я встал и пошёл в сторону, где я заметил большой дом. Пройдя метров двести, я вышел на хорошо утопанную тропинку и бодро зашагал по ней, благо она вела в нужном мне направлении. Примерно через полчаса, я вышел на вершину невысокого холма, с которого открылся красивый вид на всю округу. Прямо передо мной расстился луг, покрытый изумрудно-зелёной травой, на котором паслась большая отара овец. Чуть дальше раскинулись огороженные изгородью поля, на которых колосились какие-то злаки. Между пастбищем и полями располагалась довольно крупная усадьба – большой каменный дом, крытый черепицей, сложенный из тёмного кирпича, окружённый хозяйственными постройками, который весь зарос высокими раскидистыми, явно очень старыми деревьями. От усадьбы, пе-

ресекая, поля была проложена хорошо наезженная дорога, которая бежала куда-то за горизонт. Сомнений не было – это родовая усадьба Джона Мильтона Милтон-Хаус, где меня ждут мои раненые друзья.

Я прибавил шагу, и спустя полчаса уже звонил в закрытые ворота усадьбы. Сначала никто не отзывался, затем отвари-лась калитка и какой-то старик, судя по всему привратник, довольно неприветливо спросил, что мне нужно.

– Это усадьба Милтон-Хаус? – со всей возможной вежливостью спросил я.

– Да, сэръ, это действительно Милтон-Хаус, вы совершенно правы, по крайней мере, он носит это имя уже последние лет сто, – с достоинством ответил привратник, с брезгливым выражением на лице, которое говорило о том, что хозяину этого лица ужасно надоели все люди, и только его врождённая вежливость и чувство долга не позволяют послать меня подальше. – С кем имею честь говорить?

– Кувай, законный наследник престола империи Повелителей драконов, – представился я полным титулом.

– Так, что же вы, сэръ, сразу не сказали, что это вы? – ворчливо сказал привратник. – Мне приказано, что как только вы появитесь, сразу же проводить к хозяину.

Он широко открыл калитку и пригласил меня войти. Как только я вошёл, он закрыл калитку, задвинул засов и, пригласив меня следовать за ним, пошёл к дому. Я последовал за ним, на ходу оглядывая сад, который был перед домом.

Сразу было видно, что здесь хороший садовник – сад был отменно ухожен. Привратник позвонил во входную дверь, которая почти сразу же открылась.

На пороге стоял и улыбался Джон, собственной персоной. Вид у него был, мягко сказать, не очень. На голове его была марлевая повязка, левую руку, по видимому сломанную, он держал у груди на привязи. Сразу было видно, что ему здорово досталось, однако вида он не подавал, а на его, пусть бледном, лице радостная улыбка смешалась с удивлением, видимо он никак не ожидал увидеть меня здесь так быстро.

Я аккуратно обнял его. Душа моя была переполнена радостью встречи с другом, с которым столько вместе пережито.

– Как там Учитель, Марк и Яргуст? – спросил я Джона, когда объятия наши, наконец, разомкнулись.

– Уже лучше, чем было, – ответил Джон. – Заходи ка в дом. Что стоять на пороге? Заходи и сам всё увидишь.

Он широко открыл входную дверь, пропуская меня вперёд. Я вошёл и оказался в довольно просторном холле обставленном без излишней роскоши, но с большим вкусом. Из холла на второй этаж вела широкая дубовая лестница. В холле, не смотря на тёплую погоду, жарко горел камин. Возле камина, кутаясь в шерстяные пледы, все в бинтах, сидели Марк и Яргуст.

Марк сильно осунулся, черты лица его заострились, а в глазах появился какой-то незнакомый блеск. Сразу было видно, что та переделка, в которую угодили мои друзья, мно-

гое в нём изменила, проявив вовне скрытое в нём до поры. Видимо эта пора пришла. Что касается Яргуста, я его смог узнать только, исходя из его роста. Кроме того Учителя я видел при ментальным контакте и знал, что лицо его не пострадало, а тут передо мной сидела мумия вся в бинтах. Видны были только глаза и рот. В отличие от Джона, у Яргуста была сломана правая рука, кроме того у него была сломана правая нога.

Увидев меня, Марк изобразил на своём лице такое изумление, что заподозрить его в лицемерии было просто невозможно. У него буквально отвалилась челюсть, и он какое-то время сидел с открытым ртом.

– Кувай, дружище, откуда ты здесь? – придя в себя, спросил Марк.

– Как это откуда? – теперь уже удивился я. – Учитель вызвал меня по ментальной связи и я, поспешил к вам.

– Этого не может быть, – заявил Марк. – Связь произошла не более часа назад. Я могу это утверждать, потому что лично при этом присутствовал, за какой-то час ты никак не мог добраться сюда.

– Я не знаю, сколько времени прошло с момента связи, но я здесь настоящий, а никакой-то там фантом, – возмутился я. – Просто я воспользовался новым способом быстрого перемещения, но я не знал, что при этом перемещение настолько быстро. А ты, что, посчитал меня за шпиона Серой империи? Создаётся впечатление, что мне здесь не рады. Ес-

ли так, я могу удалиться, только повидею Учителя.

– Ну, что ты, Кувай, – замахал здоровой рукой Марк. – Мы, конечно, рады тебе, и никто тебя не считает шпионом. Просто ты появился, как снег на голову. Как только появится возможность, обязательно поделишься с нами своим новым способом.

– Обязательно, только сначала доведу его до ума, а то он на выходе даёт сбой, – со смехом сказал я. – Теперь же я хочу повидаться с Учителем.

– Нет ничего проще, – ответил мне Джон. – Если ты не против, я тебя провожу. И вовсе не на правах хозяина, вовсе нет. Просто я во всей нашей компании самый подвижный.

Джон всегда отличался чувством юмора и мог шутить по любому поводу. Я не стал спрашивать о самочувствии друзей, но вовсе не из-за моей чёрствости. Просто все они были личностями, причём сильными личностями, поэтому спрашивать их о самочувствии считалось дурным тоном. Если захотят, сами расскажут, самое главное, что все они живы, а остальное приложится.

В сопровождении Джона я поднялся на второй этаж и, пройдя по коридору, вошёл в комнату, которую я видел при сеансе связи с Учителем.

Оказалось, что Учитель не спит. Он почувствовал меня в тот момент, когда я, кувыркаясь, влетел в этот мир и теперь с нетерпением ждал моего прихода. Он уже не лежал, а сидел на кровати. Увидев меня, он улыбнулся так, как умел только

он и, встав на ноги, шагнул ко мне. Я, видя его слабость, поспешил на встречу и мы крепко обнялись, причём я делал это осторожно, опасаясь нанести вред раненому, он же обнял меня так же крепко как всегда, словно был вовсе не ранен.

– Ну, ка, сынок, потрудись ответить, как тебе удалось так быстро очутиться здесь? – со своей привычной, несколько ворчливой интонацией, спросил Странник. – Что ты там ещё изобрёл? Ну, не томи, рассказывай.

Когда Учитель говорил так, ему невозможно было отказать, хотя, впрочем, отказать ему в чём-либо было практически невозможно, и когда он говорил по-другому. Я в общих чертах рассказал ему принцип скоростного перемещения по мирам, который его очень заинтересовал. Он даже дал несколько очень дельных советов, как снизить неприятности, которые я пережил на входе в этот мир.

– Ты, я вижу, времени даром не терял, – судя по всему, переходя к главному разговору, заговорил Учитель. – Расскажи, что у тебя на семейном фронте.

Я рассказал Учителю о том, что у меня теперь сын Матвей, который уже ходит и начал говорить, а Ниннэль ожидает второго ребёнка. Мы думаем, что будет дочь.

– Я же говорю, что ты времени даром не терял, – с улыбкой сказал Странник. – Тем более, дела обстоят так, что времени для спокойной семейной жизни почти не осталось. Пойми, мой мальчик, я ведь тебя вызвал вовсе не для того, что бы ты нас лечил, с этим мы бы справились и сами. Дело в

том, что Серая империя показала зубы, и теперь всё зависит, кто успеет – они, нанести свой удар по империи Повелителей драконов, считай по Обсерватории, или мы будем полностью готовы к переносу Обсерватории.

Он замолчал, углубившись в свои мысли. Я же спокойно ждал продолжения, внутренне готовый ко всему.

– Мы приготовили пространство, куда будет перемещена Обсерватория, – стал рассказывать Странник. – За основу был взят один из миров, граничащих с Серой империи, полностью лишённый этой империей жизни. Говоря проще, от мира осталось только пустое пространство. Конечно, весь этот мир нам был без надобности, поэтому я решил ограничиться небольшим фрагментом, изолировав его от остального пространства мира, иными словами, создать вотчину наподобие Сегурии. После того, как я и Джон показали силу серым всадникам, они словно исчезли, по крайней мере, пока мы искали подходящий мир вблизи границ Серой империи, мы не встретили ни одного их отряда. Вот этот-то и сослужило нам дурную службу, мы расслабились, и производили свою работу, почти не таясь, словно никакой Серой империи не было вообще. Серые оказались хитрей. Они очень осторожно, никак себя не проявляя, всё время наблюдали за нами. Мало того, они ещё готовили по нам сокрушительный удар, незаметно подтянув серых всадников и собрав множество магов. Мы же, ничего не подозревая работали в будущей вотчине. Дел оказалось очень много, поэтому мы

провозились практически три года, и, наконец, всё закончив, вышли из вотчины. Осталось только заклятьем запечатать вход, что бы никто, кроме Обсерватории, не смог туда проникнуть.

Он сделал паузу, что бы передохнуть и дать мне время усвоить услышанное. Дальше мне всё было ясно. На месте серых я бы тоже устроил засаду у входа, потому что при переходе любой становится очень уязвимым.

– Не буду вдаваться в подробности, – продолжил свой рассказ Странник. – У выхода нас ждали. Удар был молниеносный, хорошо ещё, что все вы прошли неплохую подготовку, иначе всем нам настал бы конец. Спасла нас в очередной раз Древняя сила и если бы я по выходу не был бы занят наложением заклятия на вход в вотчину, последствия удара были бы легче. Нас спас Яргуст, который вышел из вотчины первым и сразу же обратился в дракона. Когда серые ударили, он принял основной удар на себя и тем самым смягчил последствия для всех остальных. На наше счастье драконы очень устойчивы к магическим ударам, поэтому Яргуст выжил, хотя, что бы привести его в сознание, стоило всем нам огромного труда. Я, на счастье успел запечатать вотчину и, теряя сознание, нанести сокрушительный ответный удар, который буквально испепелил наших врагов, по крайней мере, они нам больше не докучали. После этого было уже не интересно. С большим трудом мы вернули к жизни нашего героического дракона, в результате чего, я потерял сознание и пришёл в себя уже

здесь в Мильтон-Хаузе. Джон и Марк, как наименее пострадавшие, притащили нас сюда, потому что до Сегурии им было нас не дотащить. Сам удивляюсь, как это им удалось. Ну, вот вроде и всё о наших приключениях.

Прежде, чем перейти к изложению цели моего вызова, он сделал паузу, что бы собраться с силами. Я видел, насколько он слаб, и как тяжело ему говорить, поэтому терпеливо ждал, когда он сможет продолжить разговор.

– Теперь, Кувай, слушай меня внимательно, – наконец продолжил разговор Учитель. – Слушай и запоминай, речь пойдёт о твоей задаче, которую ты должен будешь выполнить и ради чего я призвал тебя сюда. Сейчас я передам тебе запирающее вотчину заклятие, которое ты должен будешь передать напрямую Обсерватории. Хорошенько запомни – только непосредственно самой Обсерватории и никак иначе. Как только Обсерватория получит ключи от вотчины, всё будет готово к переносу и в случае реального нападения Серой империи, тебе останется только включить заклятие переноса и Обсерватория станет недосыгаема для серых. Поэтому, как только покушаешь и отдохнёшь, если это необходимо, не медля отправляйся в столицу, и будет неплохо, если ты воспользуешься своим новым способом. В любом случае, нужно успеть опередить серых, хотя получив хорошую трёпку, они вряд ли прямо сейчас нападут на империю Повелителей драконов. Однако расслабляться никак нельзя, это наказуемо, как ты уже убедился на нашем примере. Вот, кажется и

всё, что я хотел тебе сказать. За нас не беспокойся, как только Яргусту станет лучше, мы отправимся в Сегурию, тем более у меня есть серьёзный разговор к Ляргусу и Азару. Отправляйся, сынок, я верь в тебя.

Он с усилием обнял меня и тяжело опустился на кровать, он был полностью вымотан. Пока мы с Учителем разговаривали, Джон распорядился об обеде и, спустившись в холл, я обнаружил там богато накрытый стол, за которым меня ожидали Джон и Марк. Яргуст же так и сидел на том же месте, где я его впервые увидел. При виде меня, он приветливо кивнул – вот и всё, что он сейчас мог.

Я обед решил совместить с отдыхом, поэтому застолье затянулось часа на два. После обеда я попрощался с друзьями и покинул Мильтон-Хаус, с твёрдым намерением когда-нибудь, при более благоприятных условиях, побывать здесь.

1

Ночь перед свадьбой я провёл как в бреду. После мальчишника, я направился в свою комнату с твёрдым намерением хорошо выспаться, но не тут-то было. Когда я шёл к себе, глаза мои прямо слипались – так хотелось спать, а стоило лечь в постель и они широко раскрылись, да так, что я никак не мог заставить их закрыться. Поэтому, помаявшись примерно час, я отказался от мысли уснуть и решил просто поваляться в постели, хотя бы для того, что бы отдохнуло тело, если уж голова отдыхать не желает.

Как-то незаметно для самого себя, я начал анализировать своё душевное состояние, которое в тот момент представляла собой какой-то винегрет из различных, порой прямо противоположных чувств, которые, при обычных условиях, одновременно присутствовать в одном человеке просто не могут. Это меня так заинтересовало, что я занялся настоящим психоанализом, хотя всегда к этому относился скептически. И так, что же со мной происходит? Недавно мы вернулись из столицы империи Повелителей драконов, где мне удалось встретиться с отцом, которого я никогда до этого не видел. Кроме того, Учителю удалось раскрыть грандиозный заговор Серой империи против нашего мира. Всё это, конечно, вызывало во мне определённые чувства, но они не шли ни в какое сравнение с той лавиной чувств и переживаний, что обруши-

ла на меня любовь к Ниннэль. Они, эти чувства, захватили меня, подобно бешеному течению горной реки и поволокли куда-то, куда известно только самой реке. Меня швыряло из стороны в сторону, переворачивало через голову, кружило на месте и лишь для того, что бы спустя мгновение, потащить дальше. Я всегда считал себя волевым человеком и никогда не позволял кому-либо манипулировать мной, а тут, стоит увидеть Ниннэль, и я превращаюсь в некое безвольное существо, готовое за один только ласковый взгляд или улыбку, сделать, что угодно, лишь бы возлюбленная моя была мной довольна.

Я провёл всю свою сознательную жизнь среди мужчин, которые, если когда-то и любили, то по этому поводу никогда не распространялись, поэтому опыта, как вести себя, когда влюблён, я не имел совершенно. Я прекрасно понимал, что со стороны моё поведение было, мягко сказать, не очень разумно, а проще я вёл себя как законченный идиот, что очень меня напрягало. По этому поводу я даже пытался разговаривать с моими друзьями, но они отнеслись к этому крайне несерьёзно и только смеялись. Некоторую ясность внёс только Учитель, сказав, что все влюблённые чаще всего ведут себя, как дураки и подобно остальным, весело рассмеялся. Отсмеявшись, он сказал, что когда человек влюбляется, он действительно на какое-то время теряет возможность адекватно воспринимать реальность. Если это чувство настоящее, то такое состояние скоро проходит и остаётся только одно

желание – как можно чаще видеть предмет своего обожания, просто смотреть на него, слушать его голос исполнять его желания. Позже, если эта любовь завершается браком, эти чувства сменяются более глубокими и при этом более спокойными, в общем, женишься – сам узнаешь.

Вспомнив слова Учителя, я определил состояние моих чувств, как вторую стадию по классификации Учителя. Хотел ли я, что бы нынешние мои чувства сменились на более спокойные? Не знаю. С одной стороны я уже изрядно устал от этого буйства чувств, а с другой стороны мне было жалко с ними расставаться.

И так, я выделил две группы чувств, имеющие разные источники или причины своего происхождения. Первая группа, в которой присутствовала радость, того, что наконец-то я понял истинное положение дел связанных напрямую с моим рождением и тем самым с моей судьбой. К этой радости примешивалась злость и желание отомстить Серой империи за мою, во многом исковерканную судьбу. К этому чувству примыкало, несколько гася горечь злости, жалость или скорее сожаление по поводу того, что я с самого рождения не знал материнской любви, не знал отца, и плюс ко всему всю свою сознательную жизнь почитал их злодеями.

Нет, пожалуйста, не подумайте, что я считал себя в чём-то ущемлённым или обиженным. Вовсе нет. Наоборот, я считал себя вполне успешным счастливым человеком, в отличие от очень многих, хорошо знающим то, что я хочу и способным

достигать своей цели. Жизнь моя, полная интереснейших, порой опасных приключений была, настолько захватывающе интересна, настолько мне нравилась, что мои взаимоотношения с родителями отступали куда-то на последнее место. Кроме того, лишённый с самого рождения родительской любви, я вовсе не испытывал в ней недостатка. Родительскую любовь мне с успехом заменила любовь тех, кто был со мной с моего первого вздоха в этом мире. Кто, зачастую с риском для собственной жизни, спасал меня, вынося из объятой мятежом столицы, кому хватило и до сих пор хватает терпения выносить мой нелёгкий нрав и терпеливо учить всему, что в будущем поможет мне исполнить свою судьбу. Так что обделённым я себя никак не считал.

Вторую группу чувств, самую обширную, где господствовали крайности, представляли чувства либо порождённые, либо так или иначе связанные с моей любовью. В этой группе обитали такие персонажи, как абсолютное обожание, и дикая ревность, всё сжигающая страсть и какая-то, совершенно не свойственная мне нерешительность. Все они пребывали в постоянном движении, внося в моё внутреннее состояние подлинный хаос.

Разделив свои чувства на две группы, я вдруг с удивлением обнаружил, что осталась ещё одна, пусть не такая многочисленная, как две предыдущие, группа, чувства в которой, как-то неприкаянно сбились в кучку, не зная к какой группе им примкнуть. Мне стало жалко их, поэтому я создал

для них отдельную, третью группу, в которую вошли чувство долга, чувство неизбежности, чувство разлуки и, ещё только зарождающиеся чувства понимания правоты всего, что со мной происходит и чувство прощения всех за тот вред, который они нанесли мне. Не знаю почему, но я твёрдо знал, что придёт время, и эта третья группа моих чувств будет главенствовать в душе моей, потеснив на второй план даже чувство любви, которое к тому времени станет по-настоящему взрослым и великодушно уступит своё первенство, но никогда не оставит меня.

Я так увлёкся разборкой с собственными чувствами, что даже не заметил, как уснул. Я увидел Ниннэль, но не нынешнюю юною девушку, почти девочку, а вполне взрослую молодую женщину, которая стояла на холме и махала мне рукой, явно прощаясь. Рядом с ней стояли мальчик лет пяти и девочка лет трёх, не более, а на руках она держала ещё одного ребёнка мальчика, которому не было ещё и года. Это зрелище моей семьи, провожающей меня в какой-то поход, подобно фотографии отпечатался в моей памяти, и поселило в душе моей, не скажу, что новое, но до этого времени мало востребованное мной, чувство моей нужности. Отныне я буду жить с твёрдой уверенностью в то, что, куда бы ни бросала меня судьба моя, что бы со мной не случилось, я буду знать и помнить, что где-то безмерно далеко, и в пространстве, и во времени есть четыре души, ближе и роднее которых у меня нет, и вряд ли когда будет. Я так же свято верил, что где бы

я ни был, я буду знать, что я нужен этим четверым вовсе не за то, что я могу им что-нибудь дать, а просто потому, что я просто живу вот такой, какой есть.

Я повернулся спиной к семье и шагнул в проход, что ярко сиял передо мной всеми цветами радуги и куда уже скрылись мои товарищи. В этот момент меня разбудили.

Разбудил меня, причём довольно бесцеремонно, мой друг Минг, разодетый, как говорится, в пух и прах. Происходило это так. Сначала, ещё находясь во сне, я услышал дикое рычание и посчитал, что на моих друзей по ту сторону прохода совершено нападение. Я хотел рвануться к ним, но тонкая ткань реальности сна уже начинала расползаться, возвращая меня к реальности бодрствования.

Просыпаясь, я не спешил сразу же открывать глаза, стараясь продлить те чудесные чувства, что подарил мне чудесный сон. Теперь я уже был твёрдо уверен, что Ниннэль подарит мне, по крайней мере, троих детей, и это знание вызвало во мне смешанное чувство умиления и гордости. К этим чувствам добавилась радость, когда возвращающееся ко мне сознание бодрствования, напомнило, что сегодня моя свадьба с Ниннэль. Ну, как тут не постараться продлить удовольствие? Вот я и старался, лёжа с закрытыми глазами и делая вид, что всё происходящее в комнате меня ни в коей мере не касается, хотя, конечно, прекрасно зная своего друга, понимал, что долго мне не продержаться.

– Ты посмотри на этого лентяя, – кому-то говорил демон,

голос которого спутать с кем-либо было просто невозможно. – А ещё дракон. Сегодня у него свадьба, все сбились с ног, готовя торжество, а он знай себе, дрыхнет и, судя по всему, если его не разбудить, Ниннэль так и останется в девках.

Он снова дико зарычал, что означает у демонов, как вы, наверное, помните, весёлый смех.

– Надо полагать, друг Минг, он вчера несколько перебрал водочки и теперь, что бы прийти в приличное состояние, ему просто необходимо выпить рюмочку, – услышал я голос, который явно принадлежал Джону. – Я специально прихватил с собой бутылочку, что бы привести его в норму.

– Вот-вот, подлечим его, а заодно и сами подлечимся, – согласился с Джоном демон.

Я услышал звук разливаемой по стаканам жидкости и понял, что отвертеться больше не получится, а то здесь прямо сейчас начнётся самая настоящая пьянка, в которой Джон и Минг были большие специалисты. Я всегда поражался, как много они могли выпить, сохраняя при этом ясность ума и твёрдость походки.

Пришлось открыть глаза. Я прекрасно понимал, что сегодня день моей свадьбы, а значит всё, что будет сегодня происходить, будет являться частью свадебного обряда, в том числе и вот эта намечающаяся утренняя пьянка моих друзей.

В обряд бракосочетания входило много обычаев, в том числе и такой, при котором ближайшие друзья жениха всячески отговаривают его от женитьбы, рассказывая, как хороша

свободная жизнь холостяка, соблазняют его выпивкой, предлагают познакомиться его с другими девушками, которые, по словам друзей, гораздо лучше избранницы жениха. Смысл этого обряда заключался в том, что бы проверить твёрдость намерений жениха. Я знал, что такие же испытания сейчас проходит и Ниннэль, однако был абсолютно уверен в ней. Надеюсь, что и она так же уверена во мне.

Первым моим желанием было – изгнать выпивох из комнаты и приступить к утренним процедурам, но не тут-то было. Согласно обычаю, грубость со стороны жениха считалась недопустимой, а вот искусителям разрешалось многое и они с удовольствием этим пользовались. Когда я наотрез отказался пить с ними, а жениху и невесте за весь день не полагалось ни есть, ни пить ничего кроме воды, они начали смеяться, каждый на свой манер, подняв при этом невообразимый шум.

На шум, как осы на мёд, в комнату мою буквально ввалились Яргуст и Марк, которые с энтузиазмом подключились к веселью Джона и Минга. В комнате стало тесно, так что одеваться мне пришлось под градом насмешек, многие из которых заставили бы покраснеть даже каменную статую. Кое-как одевшись и приведя себя в порядок, я отправился к Учителю в надежде, что он уже проснулся, пожелав веселящимся друзьям побереечь силы для свадебного застолья. На это они мне дружно спели цитату из песни, которую, подвыпив, любил петь Учитель и которую все мы выучили наизусть –

«...нас на бабу променял...».

Спустившись на первый этаж, я осторожно постучал в дверь комнаты, в которой обитал Странник в промежутках между походами. Мне хотелось с ним поговорить, пока свадебная кутерьма не захватила всех нас, тогда уж ни о каком серьёзном разговоре и речи не будет. Поговорить я хотел по поводу одного моего сомнения, или, если уж быть до конца честным, страха, который, подобно отравленной стрелы, поразил меня в тот момент, когда я хотел выпроводить из комнаты друзей. Суть этого страха сводилась к тому, что я вдруг испугался – имею ли я право связывать мою судьбу, которая, если сказать честно, впереди была, мягко сказать, нелёгкая. Не совершу ли я подлость, втянув ту, которую я люблю в орбиту моей судьбы?

На моё счастье Учитель уже проснулся. На мой осторожный стук из-за двери раздалось ворчливое – входи. Я толкнул дверь и вошёл в комнату. Учитель сидел за столом и что-то писал. При моём появлении, он отложил рукопись, повернулся ко мне и улыбнулся.

– Доброе утро, сынок, – поздоровался он. – Какая нужда привела тебя ко мне в столь ранний час? Да, ты не стой у двери, проходи, присаживайся.

Я тоже поздоровался с ним и, подойдя к столу, занял предложенный Учителем стул. На какое-то время я задумался над вопросом, как мне лучше сформулировать цель моего посещения. Подумать было о чём – Учитель очень не любил

вопросов, которые спрашивающий не мог правильно сформулировать. Видя мои затруднения, Учитель пришёл мне на помощь.

– Ну, мой мальчик, говори, что тебя так взволновало в такой важный для тебя день? – с улыбкой, но в тоже время очень серьёзно спросил Странник. – Неужели тебя взволновал вопрос – имеешь ли ты право, в связи с твоей предстоящей судьбой, связывать свою жизнь с Ниннэль?

Он словно читал мои мысли (с него станется), настолько точно он сформулировал мой вопрос. Во мне словно прорвало какую-то сдерживающую чувства плотину и они, подобно горной лавины обрушились на Странника, грозя его погребсти под собой. Но не тут-то было – Учитель был крепким орешком, и погребсти его под чем-либо было, ой как не просто. Когда я выложил перед Странником все свои сомнения, и, что греха таить, страхи, он очень серьёзно меня выслушал, затем на пару минут задумался и заговорил. Голос его, в котором явственно слышалась грусть по давно прошедшему, был тих, но в нём было столько силы и уверенности, что не услышать его было просто невозможно.

– Кувай, мальчик мой, – заговорил Учитель. – Ты вырос настоящим мужчиной и человеком, иначе ты не задал бы мне своего вопроса. Умение взять на себя ответственность не только за себя, но и за других, причём ответственность реальную, а отнюдь не формальную является главным показателем состоятельности мужчины и человека. Я рад за тебя, за

то, что, не смотря на свою молодость, ты уже состоялся, как мужчина, способный взять на себя ответственность за судьбу доверившейся тебе женщины, будущих детей. Ты мужчина, который готов встать на защиту не только себя и своих близких, но и всего Мироздания, что суждено тебе судьбой, а если так случится, пожертвовать ради этого своей жизнью.

Он замолчал, видимо собираясь с мыслями. Я же находился в каком-то странном раздвоенном состоянии. С одной стороны, мне была лестна оценка, которую мне дал Учитель, а с другой, я ощущал какое-то стеснение, словно похвала, которая прозвучала в оценке меня, была незаслуженно мной присвоена. Я её определил, как некий аванс, данный мне Учителем на будущее.

– Как тебе поступить? Тебе и только тебе это решать, – продолжил Странник. – Но, прежде, чем решать, ты должен знать, что твоя любовь, это великий дар, данный тебе Творцом, как некая компенсация за ту великую и страшную судьбу, что ждёт тебя, мой мальчик. Ещё ты должен знать, что ты не оставлен один на один со своей судьбой, которую в одиночку никто не сможет вынести, столь велика её тяжесть и так много от её реализации зависит. Поэтому ты с самого рождения окружён людьми, которые любят тебя, каждый из которых готов взять, и берёт на себя свою часть груза, лежащего на твоих плечах по мере своих сил. Ты посмотри – твои родители, Азар и Ляргус, Яргуст, Джон и Марк, Минг, Грымз и Беннет, старина Глюд, ну и я, в меру своих сил, каждый по-

своему помогает нести тебе твою ношу. Добавь к этому ещё множество совершенно незнакомых тебе людей, демонов и других существ, о которых ты даже никогда и не слышал, да и, скорее всего, никогда и не услышишь. Вот и получается, что твоя судьба – это общая судьба Мироздания, просто ты выбран тем знаменосцем, который несёт своё знамя на острие атаки и, пожалуй, больше других рискует погибнуть.

Он опять замолчал, давая мне время осознать услышанное, а осознать было что. Учитель заставил меня взглянуть на судьбу мою с совершенно непривычной для меня стороны. Если раньше я считал себя, избранником судьбы, чуть ли ни миссией, то теперь увидел себя рядовым огромной армии, противостоящей наступлению Серой империи, правда рядовым, которому вручено знамя и приказано идти впереди. И эта привилегия, цена которой возможность погибнуть первым, единственное, что отличает меня от других.

– Ты, я гляжу, кое-что понял, – с грустью сказал Учитель. – А раз так, какое право ты имеешь отказать той, что готова подставить, и уже подставила своё плечо под общий груз, который ты присвоил себе? Я ответил на твой вопрос, а дальше решай сам. Впрочем, мы с тобой заговорились. Сейчас ко мне придут, да и тебе пора одеваться. Ты ещё не передумал жениться? – закончил он со смехом наш разговор.

Когда я встал, что бы уйти, он остановил меня, сказав, что одеваться для свадебного обряда я буду здесь. Я удивился, но расспрашивать его не стал, а лишь, пожав плечами, уселся

на свой стул.

Некоторое время мы посидели молча. Вдруг раздался стук в дверь, и Учитель предложил стучавшему войти. Дверь открылась, и на пороге оказался Крон, собственной персоной. Он принёс с собой какой-то объёмистый сверток, который он, войдя в комнату, аккуратно положил на стол, заблаговременно освобождённый Странником.

Мы тепло поздоровались. Крон после нашей последней встречи практически не изменился, если не считать, что он был одет в роскошный камзол и при парадной шпаге, это никак не вязалось с его привычным для меня обликом толи воина, толи бандита.

– Ты, я вижу, уже оделся для обряда бракосочетания, – сказал Учитель, обращаясь к Крону. – Прекрасно. Значит и нам пора.

Он встал, и, подойдя ко мне, протянул какой-то свёрток.

– Иди к себе и переоденься в это. Потом опять приходи сюда, – сказал он мне. – Долго там не задерживайся.

Я не стал задавать никаких вопросов. Зачем? Я целиком доверял учителю и привык не задавать лишних вопросов, если знал, что скоро и так сам всё узнаю.

Быстро пройдя в свою комнату, я обнаружил, что весёлая компания уже покинула её. Поэтому я не стал тратить время. Развернув свёрток, который мне подал Странник, я обнаружил в нём холщёвую рубаху без ворота, сшитые из того же материала штаны. К ним прилагались брюки, сшитые из

кожи грубой выделки и куртка из того же материала, такие обычно надевают под доспехи. Я быстро оделся, вся одежда оказалась пошита точно на меня, и отправился в комнату Учителя.

В комнате я застал целую компанию. Пока я переодевался, к Учителю и Крону присоединились Ляргус и Азар, все они мирно о чём-то беседовали, потягивая вино. Увидев меня, они оживились и наперебой стали предлагать мне выпить и хорошенько ещё раз подумать, стоит ли мне жениться и тем самым потерять свою свободу.

Я твёрдо отказался, как от предложения выпить, так и от предложения отказаться от женитьбы, прекрасно понимая, что всё это всего лишь часть свадебного обряда. Видя моё упорство, они выпили ещё по одной и Ляргус, встав, торжественно произнёс:

– Дорогой наш Кувай, – с чувством говорил старый жрец. – Нам четверым судьбой предназначено было наблюдать и принимать самое непосредственное участие в твоей жизни. Ты рос на наших глазах, и каждый из нас внёс свою лепту в то, что бы ты мог стать тем, чем ты стал. Сегодня ты окончательно становишься взрослым, ибо мужчина только тогда становится по-настоящему взрослым, когда способен взять на себя ответственность за свою будущую семью. Позволь нам совершить обряд одевания тебя, для свершения брачного обряда.

Я был несколько ошарашен. Сказать по правде, я не

очень-то хорошо знал обряды и обычаи, связанные со свадьбой, поэтому лишь в очередной раз пожал плечами и согласился с тем, что бы меня одели. Чем-то это напоминало мне обряд признания меня наследником престола Повелителей драконов.

Крон не спеша распаковывал свёрток, который он принёс с собой. В свёртке оказались парадные доспехи, которые буквально сияли позолотой. Я удивился – откуда такая роскошь, но очень скоро я всё узнал.

– Эти доспехи дарит тебе по случаю мой Повелитель и твой отец. Он от всей души поздравляет тебя и считает, что девушка из рода Белого облака является достойной для того, что бы породниться с родом Повелителей драконов. Род Белого облака является одним из древнейших и благороднейших родов империи, ничем не уступает роду Повелителей драконов. Он желает тебе и твоей будущей жене любви и много детишек. Так же он приказал мне выразить своё сожаление, что не сможет лично присутствовать на вашей свадьбе, – торжественно объяснил причину появления доспехов Крон.

Я мысленно поблагодарил отца за то, что он с огромным риском всё же смог послать мне весточку в виде такого роскошного подарка. Я вообще-то никогда не носил доспехов, да и к оружию, после долгого общения с Азаром и Странником, я теперь относился прохладно, однако, помимо того, что доспехи были подарком отца, они действительно были

великолепны. Покрытые тонкой гравировкой и достаточно толстым слоем червонного золота, они представляли собой настоящее произведение искусства.

Пока я занимался своими мыслями, Крон и Азар довольно ловко, видимо у них уже был определённый опыт, облачили меня в доспехи. Я сразу почувствовал, всю их тяжесть, к которой я совершенно не был привычным, в отличие, например, от Яргуста, который так любил носить доспехи, что, пожалуй, был способен в них даже спать.

Одевание доспехов заняло никак не меньше двадцати минут, которые мне показались целой вечностью. Завершил моё одевание парадный меч на расшитой золотой нитью перевязи и шлем в форме головы дракона, украшенный роскошным плюмажем из перьев какой-то экзотической птицы. Шлем я держал на сгибе правой руки. Сделав несколько шагов по комнате, я понял, что, хотя и с трудом, но ходить в таком наряде я всё-таки могу, а вот танцевать, это вряд ли.

– Потерпи, Кувай, – ободрил меня Ляргус. – В этом наряде ты будешь только на обряде венчания, а на свадебный обед наденешь, что-нибудь полегче.

Надев на меня кучу позолоченного железа, пусть даже такого красивого, но всё же железа, старейшины, впив по бокалу вина и отпуская в мой адрес достаточно двусмысленные шуточки, они отправились одевать праздничные одежды. Я остался стоять, как статуя, потому что сесть на стул я решительно не мог – не было опыта, а экспериментировать как-то

не хотелось – не хватало ещё упасть. Ушибиться я, конечно, не боялся – трудно ушибиться в доспехах, а вот если меня застанут валяющимся на полу, подобно перевёрнутой черепахе, было бы, на мой взгляд, верхом позора. Я представил, как будут смеяться вернувшиеся старейшины и, что бы ни доставить им такой возможности, предпочёл дожидаться их стоя.

Они вернулись примерно через полчаса разодетые в пух и прах, так, что их с первого взгляда было трудно узнать. Азар облачился в свою парадную одежду красного цвета. На груди его висел амулет – знак владельца вотчины. Ляргус поверх праздничной одежды надел плащ и знак Верховного жреца империи – ему предстояло провести обряд заключения брачного союза. Странник, не мудрствуя лукаво, надел ту же одежду, в которой был на моей коронации в качестве наследника престола. Крон, одетый в богато расшитый камзол тёмно синего цвета, при парадной шпаге, выглядел как истинный царедворец. Он так сильно отличался от привычного для меня жителя подземелий, что встретить я его где-нибудь на улице – нипочём бы не узнал. Как потом оказалось, он происходил из очень древней, но обедневшей семьи и носил титул графа.

Войдя в комнату и застав меня стоящим подобно статуи рыцаря, вся компания разразилась громким смехом, который время от времени прерывался насмешливыми репликами в мой адрес. Реплики сводились к тому, что я совершенно

никудышный жених, если торчу как столб и боюсь посидеть с ними. Каждая реплика сопровождалась новыми взрывами смеха.

Я держался из последних сил, что бы ни поддаться на подначки и не попытаться сесть. Ещё не хватает свалиться у них на глазах. Тогда они своими насмешками меня со свету сживут. Нет, этой радости я им не доставлю, не дождутся.

Пришли Джон, Марк и с ними в невероятно пышном наряде, пришёл Минг, который был моим дружкой на свадьбе. Увидев меня в доспехах, все трое сначала на минуту остолбенели, затем дружно захохотали, причём, рычание Минга было столь громким, что вполне могло поднять от вечного сна небольшое сельское кладбище. Отсмеявшись, они наперебой стали изгаляться по поводу моего наряда, моего глупого выражения лица, да мало ли ещё к чему, они способны были докопаться. К ним присоединились и старейшины. Они испытывали моё терпение около часа, я же терпеливо всё это сносил, памятуя, что всё это старинный свадебный обряд.

Когда-то, когда я ещё был ребёнком, я спросил у дедушки Азара, почему люди так упорно следуют различным обычаям и обрядам, хотя зачастую в них нет, на мой взгляд, никакого смысла? На это дед, на минуту задумавшись, ответил так, что я запомнил, как мне кажется, на всю жизнь.

– Запомни, сынок, – с печалью в голосе стал отвечать на мой вопрос дед. – Обычаи любого народа появились в глубокой древности, когда наши предки только стали ощущать

себя народом. Их было мало, а вокруг окружали враждебные племена и зачастую, что бы выжить, приходилось совершать определённые действия, которые сейчас, когда мы живём в совершенно других условиях, нам кажется, что в обычаях предков нет смысла. Но это только при поверхностном взгляде на старинные обычаи. Не будешь же ты считать, что наши предки придумали все эти обычаи просто так, от нечего делать. Или не думаешь ли ты, что наши предки, как бы это помягче сказать, были не совсем разумны? Запомни, сынок, что уважение к себе начинается с уважения к предкам и вообще к старшим. И ещё, пренебрежительное отношение к наследию предков, говорит о неуважении к самому себе. Уважение к предкам нас всех объединяет в единый народ, помимо языка и крови, почтение к предкам, которое заключается, в том числе, и в соблюдении старинных обычаев и обрядов. Как только начнёшь не соблюдать обычаи, потеряешь единство со своим народом и незаметно станешь отщепенцем без рода и племени, а значит, обретёшь себя на одиночество и бесславную гибель.

Слова деда глубоко запали в мою душу, и это помогало мне выдержать насмешки, зачастую достаточно неприятные, друзей. Знание того, что это всего лишь обряд, придавало мне силы всё это выдерживать. Кроме того, сейчас мне стал понятен смысл этого обычая, как и обряда одевания жениха – это всё является своеобразной проверкой твёрдости намерений жениха и невесты. Действительно, если чувства между

ними достаточно сильны, они выдержат любые испытания и, значит, достойны друг друга. Вот и я хотел быть достойным моей Ниннэль, лишь было её немного жалко – она сейчас проходила те же испытания, что и я.

Наконец, подошло время совершения бракосочетания, и мои друзья сразу же стали серьёзными. Всё, испытание окончено и, судя по всему, я его выдержал. Минг взял меня за локоть правой руки, а Марк левой и мы медленно пошли к выходу во двор терема Азара. Ляргус, Азар, Странник и Джон следовали за нами.

Во дворе уже всё было готово к торжеству. Парусиновые навесы украшали гирлянды цветов, столы накрыты, гости собрались. Как только мы вышли на крыльцо, грянула музыка. От крыльца была расстелена белая полотняная дорожка, которая вела к невысокому дощатому помосту, так же покрытому полотном. На этом помосте и будет совершён Ляргусом, как Верховным жрецом империи Повелителей драконов, обряд бракосочетания. Белое полотно символизировало чистоту помыслов, вступающих в брак. Поэтому на полотно могли вступить только я, Ниннэль и Ляргус. На восток от помоста пролегла ещё одна полотняная дорожка, приготовленная для невесты.

Я вступил на полотно, и осторожно ступая, что бы, не дай Бог, не оступиться, направился к помосту, где уже находился Ляргус в своём жреческом одеянии. Вдоль дорожек и вокруг помоста стояла одетая в праздничные одежды толпа людей.

Кажется, здесь собралось всё население Сегурии, от мала до велика. Все кричали, поздравляя меня и Ниннэль, бросали под ноги цветы, смеялись. Я шагал сквозь коридор из людей как автомат, тупо переставляя ноги, и вдруг поймал себя на том, что абсолютно ничего не чувствую. Ну, совсем ничего – ни радости, ни волнений, словно это не меня сейчас ожидает свадебная церемония, а кого-то другого, струсившего и не явившегося на собственную свадьбу. У меня же появилось ощущение, что я наблюдаю за всем, происходящим, как бы со стороны. Словно это не я иду сейчас по полотну дорожки, а кто-то другой, совершенно не знакомый мне человек. Поэтому я и не испытываю сейчас никаких чувств.

Это состояние, к счастью, длилось всего какое-то мгновение. Вскоре ко мне опять вернулась возможность испытывать чувства, однако вот это мгновение бесчувствия я почему-то запомнил. К этому времени я подошёл к помосту и поднялся на него. Ляргус показал мне место, где я должен был стоять в ожидании невесты. Я занял своё место и стал смотреть на дорожку, на которой должна была появиться Ниннэль.

Вот тут-то целая лавина чувств обрушилась на меня, грозя похоронить под собой. Тон в этой лавине задавала любовь, которая буквально обжигала мне душу, да так яростно, что временами мне казалось, что ещё немного, ну, самую малость, и тело моё охватит огонь, который невозможно будет потушить. В нём, в этом огне, сгорит моё тело, оставив

после себя лишь горстку пепла. Да, что там тело, в пламени любви сгорит душа моя, а пепел сгоревшей души моей разнесут по Мирозданию ветра времени.

К счастью, яростный огонь любви несколько охлаждал ветрок страха; страха за великую ответственность, которую я беру на себя; страха за судьбу Ниннэль, чья судьба отныне будет связана с моей, отнюдь не простой судьбой. Внешне борьба любви и страха выразилось в том, что меня бросало то в жар, то в холод, а проще говоря, я самым постыдным образом трусил – сумею ли я сохранить мою возлюбленную от тех ударов, что неминуемо рано или поздно ожидают меня.

Тут на дорожке показалась Ниннэль в пышном платье небесно-голубого цвета, с ног до головы закутанная в полупрозрачную вуаль, и все страхи мои сгнули, словно не бывало, а любовь притушила свой жар, сменив его на приятное тепло. Лица Ниннэль, скрытого вуалью, я не видел, однако и так знал, что оно прекрасно. Да разве может быть не красивой влюблённая женщина? Я всей душой потянулся к ней и ощутил встречное движение. В какой-то момент наши души коснулись друг друга и произошёл взрыв, который слил нас в единое целое – из двух душ, моей и Ниннэль образовалась единая душа, которая навсегда соединила меня с моей возлюбленной. Я сразу же понял, что это и был момент истинного брака, а всё остальное лишь формальность, просто обряд.

Ниннэль поднялась на помост и встала так, что Ляргус

оказался между нами – так требовал обряд. Я стоял справа от жреца, а Ниннэль соответственно слева. Жрец взял мою левую руку и, взяв правую руку невесты, вложил её в мою. При этом я ощутил заметный толчок силы – обряд начался.

В общих чертах я имел представление о свадебном обряде, бывая от случая к случаю на чужих свадьбах, но сам его, конечно, никогда не переживал. Сейчас же, стоя на свадебном помосте и держа в своей руке горячую, слегка подрагивающую руку Ниннэль, я испытывал какое-то, в общем, мне не свойственное волнение, словно стоял на пороге тёмной комнаты, где меня ожидало нечто такое, и никак не мог переступить порог. Нет, это не был страх, скорее наоборот, меня влекло туда, но что-то удерживало на месте. Было ясно только одно – в обряде вовсю использовалось Искусство, причём Искусство самой высокой марки.

– Судя по тому, как вы оба выдержали предварительные испытания, – торжественно заговорил старый жрец. – Теперь я, с вашего согласия, разумеется, приступлю непосредственно к вашему бракосочетанию. Согласны ли абсолютно добровольно связать себя узами брака?

Я и Ниннэль практически одновременно подтвердили своё согласие, причём голос мой в этот момент предательски дрогнул.

– Принимая во внимание ваше единодушное согласие, вступить в брак, я должен вас предупредить, что непосредственно венчание произойдёт не здесь, а в храме Творца, ку-

да я вас сейчас и провожу, – ещё более торжественно произнёс Ляргус, после чего я почувствовал мощный импульс силы и ощутил, что меня и Ниннэль куда – то потащило, причём с огромной скоростью.

Какое-то время мы летели в абсолютной темноте и, если бы не рука Ниннэль, я бы считал, что лечу один. Я переживал, как перенесёт полёт Ниннэль, ведь для неё такой полёт был в новинку. За себя я был спокоен – мне ещё ни такие полёты приходилось совершать. Моя подруга держалась хорошо, только чуть крепче сжала мою ладонь.

Сколько времени мы так летели, не знаю. Может всего лишь миг, а может целую вечность, да это и не важно. Важно лишь то, что рука Ниннэль крепко держит мою руку, важно, что моя душа и, надеюсь, что и душа моей любимой, испытывают подлинное ликование, важно, что мы вместе. Так лететь – рука в руке, я готов был всю жизнь, но полёт скоро закончился.

Впереди вспыхнул свет, который хотя и был очень ярким, всё же не ослеплял. Мы на полной скорости влетели в этот свет и остановились. Я огляделся и увидел, что мы находимся в каком-то замкнутом пространстве, заполненном светящимся всеми цветами радуги туманом, который чем-то мне напомнил тот жёлтый туман, чуть не погубивший нас в Запределье. Однако этот радужный туман коренным образом отличался от жёлтого своим характером. От жёлтого тумана исходила явная угроза жизни, а от радужного исходила та-

кая любовь, что я почувствовал себя вновь совсем маленьким ребёнком, что я даже заплакал. Рядом со мной всхлипывала Ниннэль, видимо испытывая сходные с моими чувства. Эти слёзы вымыли из моей души остатки, страха, сомнений, обид, от чего в душе моей ярко вспыхнул и с каждым вздохом разгорался огонь веры. Веры в себя, веры в свою любовь, веры, что я смогу преодолеть все препятствия, что приготовила мне судьба. И в этот миг я понял, что окончательно стал взрослым, что детство прошло, что всё, что я делал до этого, было лишь подготовкой к чему-то очень важному и невероятно трудному, которое должен буду я совершить, дабы стать тем, кем должен стать. Стоило мне только осознать это, как зазвучал Голос, в котором было столько силы, сколько я бы никогда не смог бы себе представить, но сила эта не вызвала во мне даже тени страха, наоборот, любовь во мне стала только сильнее.

– Поздравляю вас, дети мои, – произнёс Голос. – С этого момента и до конца времён вы муж и жена. Я знаю, что вместе вы сможете одолеть даже такую судьбу, что выпала на твою долю, Кувай. Обнимите друг друга и идите с миром.

Я обнял Ниннэль, а она обняла меня. Вуаль с её головы куда-то пропала и её роскошные волосы, собранные в высокую причёску переливались всеми цветами радуги, а глаза светились каким-то неземным светом. Не могу сказать наверняка, было ли это действительно так или это была игра радужного тумана, да это и неважно, а важно лишь то, что в этот миг

я был счастлив и запомнил его навсегда. Только наши объятия сомкнулись, как мы очутились на свадебном помосте, и множество людей подняли страшный шум, приветствуя нас.

Мы с Ниннэль спустились с помоста и нас тут же окружили с поздравлениями друзья и знакомые. Первым поздравил меня Минг, который с ужасающей физиономией, что выражало у него верх радости, подошёл ко мне, собираясь произнести поздравительную речь, но в последний момент, видимо передумав, ничего не стал говорить, а просто обнял меня своими ручищами так, что не будь я в доспехах – моему телу пришлось бы плохо. Хорошенько потискав меня, он, наконец, посчитал, что поздравил меня достаточно и разжал объятия. Поздравив меня, он повернулся к Ниннэль с намерением поздравить и её; я, честно сказать, испугался, что если он с таким же пылом начнёт поздравлять мою жену, то гарантировать её здоровье вряд ли кто сможет. Я уже хотел прийти на помощь возлюбленной, однако этого не понадобилось – с Ниннэль Минг был очень галантен и не позволил себе ничего лишнего. Сложилось впечатление, что демон её побаивается. Много позже, хорошо познакомившись с характером демонов, я узнал, что демонам вообще свойственно рыцарское отношение к слабому полу, неважно демоница это или человеческая женщина. Минг окончательно смутил мою молодую жену, тем, что опустившись на одно колено, он очень осторожно поцеловал её руку.

Следом за Мингом стали подходить друзья, знакомые и

даже совершенно незнакомые люди и демоны. Следует сказать, что на свадьбу прибыла целая делегация демонов, возглавляли которую Глюд, Грымз и старый Беннет, который хотя и был человеком, но так долго жил среди демонов, что, наверное, стал считать себя одним из них. Каждый из демонов взял за правило поцеловать руку моей жене, так что к тому моменту, когда все демоны завершили свои поздравления, Ниннэль была красная как варёный рак от смущения.

Марк и Джон тепло поздравили нас и пожелали много детишек, чем окончательно смутили Ниннэль. После них подошёл Яргус, крепко обнял меня, а Ниннэль просто поднял на руки и расцеловал в обе щёки, всё же он был её дядей.

Ляргус и Азар тепло поздравили нас и пожелали пользоваться каждой минутой пока мы вместе.

Лучше всех поздравил нас Учитель. Он подошёл к нам сразу же после Ляргуса и Азара с какой-то хитрой улыбкой, словно задумал сделать нам соблазнительное предложение. Моё предположение оказалось верным.

– Вот что, дети мои, – задумчиво сказал Странник после того, как произнёс дежурные поздравления. – Я так думаю, что вам нет смысла терять время, присутствуя на собственной свадьбе. Какой вам интерес сидеть и наблюдать, как куча народа будет, есть и пить, а вам этого нельзя? Постарайтесь потихоньку сбежать, что бы побыть наедине друг с другом. Ляргус прав, у вас не так много времени, что бы тратить его на пустое.

– Как же мы сбежим с собственной свадьбы? – спросила Ниннэль. – Ведь этим мы можем обидеть гостей.

– Ну, об этом не беспокойтесь, – с улыбкой сказал Учитель. – Тут главное знать, когда и как уйти. Дождитесь, когда прозвучат первые три тоста. Уверю вас, что после третьего тоста большинство гостей даже не заметят вашего отсутствия. А вот, когда объявят танец молодожёнов и наступит лучшее время для вашего ухода. Рекомендую во время танца вам обоим обратиться и эффектно так улететь. Это, уверю вас, так подействует на гостей, что он вам простят ваше бегство. Только не забудьте вернуться послезавтра с утра, потому что послезавтра я, Джон, Марк и Яргуст покидаем Сегурию не менее, чем года на три. Надеюсь, что вы нас проводите.

Он улыбнулся и направился к остальным гостям. После него подходило с поздравлениями множество людей, многих из которых я даже не знал, но они, как оказалось, меня знали и хотели нас поздравить. Я узнал, что у меня теперь множество родственников со стороны жены, и, как не странно, даже Азар теперь стал моим родственником, хотя я и так считал его за деда. Сказать по правде, я страшно устал от всей этой процедуры поздравлений, и предложение Странника, сбежать с собственной свадьбы не казалась мне теперь такой уж странной, как вначале.

Наконец, поздравления закончились, и я отправился к себе снимать доспехи, которые, надо признаться, мне изряд-

но надоели, оставив молодую жену на попечение Минга. Демон очень ответственно отнёсся к моему поручению и сразу же стал рассказывать Ниннэль какую-то забавную, на его взгляд, историю. Уходя к себе, я слышал, как смеётся Ниннэль и громко рычит демон – видимо история и вправду оказалась смешной.

Переодевшись, я поспешил обратно, затратив на переодевание минут пятнадцать или что-то около того. Мою жену я застал в окружении грозно рычащих демонов и громко смеющихся Джона, Марка и Яргуста, причём последний смеялся так, что по щекам его текли слёзы. Сквозь эту какофонию с трудом пробивался звонкий смех Ниннэль. Да, демоны были мастерами рассказывать весёлые истории, которые могли заставить смеяться даже мёртвого.

Ко времени моего прихода все стали занимать места за столами. Для молодожёнов был отведён отдельный стол, который помимо меня и Ниннэль вместил Минга, как друга с моей стороны, подружку Ниннэль, которую звали Лорген, а так же всю нашу компанию: Ляргуса, Азара, Яргуста, Крона, Марка и Странника со своим неизменным спутником и другом Джоном.

Я, как новоиспечённый муж, должен был произнести первый тост, в котором отблагодарить всех присутствующих за то, что все они пришли сюда, что бы вместе со мной, отпраздновать день моей свадьбы. Как я уже говорил, нам с Ниннэль на свадебном обеде не полагалось ни есть, ни пить,

поэтому я встал для произнесения своего тоста с пустым бокалом, что было для меня очень непривычно.

– Дорогие друзья, – сказал я. – Я вам очень благодарен за то, что все вы пришли поздравить нас. Я прекрасно понимаю, что всем, что имею, я обязан вам. Это ваша забота и помощь помогли мне стать тем, кем я стал. Это благодаря вам и вашим заботам встретил я здесь в Сегурии свою любовь. Предлагаю всем выпить за всех здесь присутствующих, выпить и снова налить.

Все дружно поддержали мой тост. За столами началось обычное оживление, когда множество народа, собравшееся хорошенько выпить, закусить и повеселиться. Одни мы с Ниннэль были сторонними наблюдателями этого праздника. Сказать честно, я уже порядком устал. Теперь я воочию убедился в правильности выражения, которое как-то услышал от одного из знакомых. Он сказал примерно так: « В любом случае лучше гулять на чужой свадьбе, чем на своей».

Какое-то время гостям было не до нас, поэтому я шепнул на ухо Ниннэль, что бы она была готова к нашему танцу. Она улыбнулась в ответ и сказала, что готова следовать за мной не только на танец, но и, если придётся, хоть на край света. Я улыбнулся в ответ – она всё правильно поняла.

Азар, как глава Сегурии, произнёс тост за молодых, то есть за меня и Ниннэль. Шум за столами усилился. Спустя некоторое время, встал я с пустым бокалом и произнёс тост за родителей моей невесты, теперь уже жены. Тост, как впро-

чем, и все остальные тосты, был принят с энтузиазмом. Шум за столами превратился в сплошной гул. Все уже изрядно выпили и утолили голод и теперь пожелали развлечений. Азар, как главный распорядитель праздника, объявил танец молодожёнов.

Я встал, подал руку Ниннэль, которая в этот момент была так красива, что у меня даже слегка закружилась голова, и мы прошли на площадку, предназначенную для танцев. За столами установилась полная тишина, все внимательно наблюдали за нами. Я сильно волновался, так как танцор из меня никудышный. Яргуст целых две недели учил меня танцевать, благо в военной академии, где ему пришлось учиться, танцы были обязательным предметом. В конце концов, он махнул на меня рукой и заявил, что скорее безногого инвалида можно научить танцевать, чем меня, однако для свадебного танца сойдёт. Он пообещал, что предупредит Ниннэль, и она постарается вести меня в танце, так что бы моя неуклюжесть не очень бросалась в глаза. Вот на это-то я в глубине души и рассчитывал.

Когда мы вышли на площадку, гости дружно начали аплодировать, приветствуя нас. Пока гости выражали свои чувства в аплодисментах, я смотрел на мою жену, которая в свою очередь не сводила с меня своих удивительных глаз. Её, слегка раскосые глаза, цвета морской воды в солнечный день, слегка мерцали каким-то нездешним светом. Они притягивали мой взгляд подобно магниту; они манили и волно-

вали, как волнует каждого настоящего мужчину тайна, которую хранит в себе каждая женщина. Эта тайна смотрела сейчас на меня с обожанием, и от этого взгляда мне хотелось забыть обо всём на свете, лишь бы она вот так на меня смотрела. За один такой взгляд можно было отдать всё, своротить горы, выступить в одиночку против полчища врагов, да мало ли, что ещё способен совершить влюблённый мужчина, ради одного такого взгляда.

Заиграла музыка, сначала совсем тихо, буквально на грани слышимости, словно чего-то боялась, но затем, видимо преодолев собственную робость, всё громче и уверенней.

– Рискнём? – спросил я Ниннэль, не отрывая своего взгляда от её глаз.

– Рискнём, – одними глазами ответила моя любимая.

Я осторожно взял Ниннэль за руку, левой обнял за талию. Она сделала то же самое, и мы начали наш танец, который символизировал образование новой семьи – гарантии продолжения рода человеческого. Музыка набрала силу и повела нас за собой куда-то туда, куда звали глаза Ниннэль, куда иногда уводит каждого из нас скрытая внутри нас сущность, та самая, которая не от мира сего.

Я уже говорил, что танцор я плохой, но Ниннэль настолько чувствовала музыку и так незаметно вела меня в танце, что поначалу я даже подумал, что сам танцую. Сам не заметил, как втянулся в танец, как пропало напряжение от собственной неуверенности. Произошло самое обыкновенное

чудо – мне понравилось танцевать. Сказал бы кто мне раньше, что мне понравится танцевать, ни за что бы, ни поверил. Вырастая в чисто мужском окружении, если не считать Марту, которая до трёх лет заменяла мне мать, я относился к танцам с неким презрением, считая их недостойным занятием для мужчины. Сейчас же мне просто нравилось танцевать, видимо любовь, действительно, способна творить чудеса.

Музыка звучала всё настойчивее. Темп танца нарастал, а мы с Ниннэль всё кружили и кружили в танце, словно совершали какой-то древний ритуал, смысл которого давным давно утерян. Однако совершить его просто необходимо, ведь без этого не сможет произойти что-то важное, причём настолько важное, что от него зависит судьба не только моя и Ниннэль, но и ещё множества людей, да и не только людей.

В какой-то момент у меня появилось сильнейшее желание обернуться драконом и улететь отсюда вместе со своей возлюбленной, оставив друзей пировать без нас. Ниннэль или почувствовала моё желание, или у неё тоже возникло желание обратиться в дракона, не знаю, только она выразительно глянула на меня. В ответ я слегка кивнул и, не прерывая танца, начал обращение. Вместе со мной начала обращение и Ниннэль. Не прошло и минуты, а на площадке для танцев танцевали два дракона. Вернее один дракон цвета червонного золота и драконица, чья чешуя переливалась всеми цветами радуги.

Музыка на мгновение затихла, что бы тут же вновь гря-

нуть во всю силу. Гости вскочили со своих мест и с изумлением и восторгом смотрели на нас, лишь Странник громко смеялся и махал в нашу сторону рукой, предлагая скорее улетать, что мы и поспешили сделать. Взмахнув крыльями, мы поднялись в воздух под восторженные крики зрителей. Кружась в танце, который продолжался уже в воздухе, мы поднимались всё выше и выше, пока дома Сегурии не исчезли из виду. Музыка на такую высоту, конечно, не доносилась, но продолжала звучать в наших ушах так, как будто мы продолжали танцевать на земле. Мелодия постепенно менялась и незаметно превратилась в мелодию, что звучала для нас в храме Творца. Подхваченные этой мелодией, мы поднимались всё выше и выше. Я с беспокойством посмотрел на жену, не устала ли она, ведь её опыт полётов был ещё слишком мал, и увидел в её глазах восторг.

– Не волнуйся, дорогой, – прозвучал во мне нежный голос моей возлюбленной. – Дядя Яргуст хорошо научил меня летать, а с тобой я вообще готова лететь хоть на край света.

Успокоившись на её счёт, я опять полностью погрузился в музыку и танец; если Ниннэль учил летать Яргуст, а когда-то он учил летать и меня, то за неё можно быть спокойным.

Музыка звучала всё громче и громче и вскоре достигла такой мощи, что буквально захватила нас, лишив возможности сопротивляться, да сопротивляться-то совсем и не хотелось. Мы с любимой просто доверились и полностью отдались этой силе, которая подхватила нас и понесла в какую-то

неимоверную даль, причём, как я понял, даль не только пространства, но и времени. Мы давно покинули Сегурию, причём, для Ниннэль это был первый в её жизни выход за пределы Сегурии, где она родилась, и жила до этого времени. Нас окружали сначала звёзды, которые сверкали вокруг нас подобно россыпи великолепных бриллиантов, потом мимо нас стали проплывать целые миры, подобно мыльным пузырям, переливаясь всеми цветами радуги.

Все эти видения вызывали в душе моей такой восторг, такое ощущение счастья, которое я раньше даже не мог себе представить. Музыка стала затихать и незаметно превратилась в общий фон, где-то на грани слышимости, зато стала слышна музыка каждого проплывающего мимо нас мира. Чем-то схожая с общим фоном, каждая из мелодий этих миров отличалась своими индивидуальными особенностями. Музыка одних миров вселяла в нас бурную радость, да такую, что мы начинали смеяться и смеялись до слёз. Мелодии других миров заставляли нас впадать в задумчивую грусть; музыка третьих вызывала в нас чувство жалости, причём жалости до слёз. Иногда попадались миры, чья музыка вызывала в нас отвращение и гнев. Эти миры, в отличие от большинства других, не сверкали разноцветием радуги, а были какими-то невзрачно серыми, словно крысы в вольере с павлинами.

– Что это, Кувай? – спросила испуганно Ниннэль. – Откуда эта мерзость? -

– Это миры, захваченные Серой империей, – серьёзно ответил я. – Именно с ней и ведём мы непримиримую войну, что бы наш с тобой мир не превратился в эту серую мерзость.

– Их надо остановить, во что бы то ни стало, – с дрожью в голосе сказала Ниннэль. – Я тоже хочу участвовать в этой борьбе. Ты должен научить меня всему, что знаешь и умеешь сам.

Её заявление стало для меня полной неожиданностью, и в первый момент я даже опешил. Я всегда считал Ниннэль слишком женственной, а потому хрупкой и никак не мог представить её отважной воительницей, сражающейся наравне с мужчинами. Как же я заблуждался! Лицо моей молодой жены покраснело, глаза буквально сияли, и она в этот момент была так хороша, что я залюбовался ей. Что же, придётся научить Ниннэль Искусству, хотя бы в минимальном объёме, тем более, что приближаются очень тревожные времена, так что боевые навыки могут очень пригодиться.

Наш то ли танец, то ли полёт продолжался, когда, совершенно неожиданно мелодия, что сопровождала нас всю дорогу, сначала зазвучала громче, а потом внезапно замолчала. Полёт тоже резко затормозился, и нас повлекло куда-то в сторону. Стало ясно, что наш танец-полёт подошёл к завершению, и мы, похоже, достигли какой-то неизвестной нам пока цели. Перед нами ярко засветился открытый проход, куда мы, не мешкая, и влетели.

Мир, в котором мы оказались, поражал какой-то перво-

зданной чистотой и яркостью красок. По привычке, пройдя проход, я проверил мир на вопрос какой-либо опасности, но ничего не обнаружил, так что можно было расслабиться. Ниннэль, впервые попавшая в другой мир, выглядела немного растерянной, но даже следа испуга я у неё, сколько ни вглядывался, не обнаружил. Да, Ниннэль была настоящей драконицей до мозга костей.

Однако пройдя метров сто от прохода, который уже закрылся, я увидел такое, что полностью позабыл обо всём на свете, и, что греха таить, на какое-то время позабыл даже о Ниннэль. Мы оказались на краю неширокой долины, одна половина которой была ослепительно белой, а другая абсолютно чёрной. С двух сторон долину ограничивали горы геометрически правильной формы, так же как и долина, с одной стороны белые, а с другой чёрные. Над всей этой чёрно-белой красотой раскачивался золотой шар, подвешенный на золотой нити, уходящей куда-то в бесконечность. Это был маятник, который монотонно раскачивался из стороны в сторону. Мне сразу же вспомнились рассказы о Вселенском маятнике.

Движения маятника буквально завораживали, и мы с Ниннэль, уставшие от свадебной суеты, как-то незаметно уснули. Во сне я увидел себя парящим в образе дракона над какой-то унылой местностью. Во мне бушевала ярость, которую я даже не пытался сдерживать, что было странно. Обычно, сколько себя знаю, я не даю воли гневу, а уж тем более,

ярости. Во сне же, ярость буквально кипела во мне, время от времени выплёскиваясь наружу в виде потоков ослепительно-белого пламени. Там, куда попадала струя моего огня, горело всё. Горели орды серых всадников, горела серая трава, горела сама земля, пропитанная злобой и страданиями.

Ярость моя затухает, словно вместе с потоками огня, покидает меня, оставляя в сердце моём пустоту. Вот почему я не люблю гневаться; после вспышек гнева чувствуешь себя опустошённым, словно сам себя обокрал. Это чувство очень навязчиво, оно не даёт мне наслаждаться жизнью, радоваться каждому мгновению собственного бытия, а, проще говоря, ворует жизнь мою.

Как только ярость моя потухает, я чувствую полное опустошение, и на меня наваливается страшная усталость, такая, когда ты не в состоянии даже пошевелиться, а желание лишь одно – упасть на землю и, ни о чём не думая, пустыми глазами глядеть в небо.

Я, почти не шевеля крыльями, опускаюсь на вершину самого высокого из группы холмов, что возвышаются над унылой серой равниной. Моя посадка происходит примерно метрах в тридцати от группы людей, что находятся здесь. Сразу же обращаюсь в человека и, с трудом переставляя ноги, направляюсь к друзьям, что призывно машут мне руками.

Мне душно, пот заливает глаза. Я хочу вытереть пот и вдруг обнаруживаю, что на мне глухой шлем, а сам я в доспехах. Удивляюсь во сне – я же никогда не любил доспе-

хов! Снимаю шлем, который изрядно помят и даже слегка оплавлен. Похоже, мне прилично досталось, хотя собственно боя я почему-то не помню. Снимаю и засовываю за пояс латную перчатку и ладонью смахиваю пот со лба. Лоб начинает щипать, словно в открытую рану насыпали соли. Гляжу на ладонь и обнаруживаю, что она в крови. Значит, я ранен. Умом я констатирую факт ранения, но сознание моё смотрит на это, как-то совершенно отрешённо, словно меня это не касается.

Тяжело переставляя закованные в латы ноги, я приближаюсь к друзьям, которые, как и я все в доспехах. Значит, идёт война, услужливо подсказывает мне память; вот только, убей меня, с кем мы воюем, что это за война, я не помню. Наконец, сквозь пелену, что застилает глаза, различаю усталые, чем-то встревоженные дорогие мне лица друзей. Здесь люди и демоны, среди которых я замечаю Марка, Джона и Азара, единственного без доспехов. Почему-то среди них я не вижу Учителя и Яргуста, отчего в сердце моём шевельнулась ледяная игла страха за них. Из этой группы вырывается невысокий, хорошо сложенный, по меркам демонов, конечно, демон с обнажённой головой и спешит мне на встречу. С радостью узнаю в бегущем моего друга Минга.

Несколько драконов тяжело опускаются чуть в стороне от места моей посадки. Двое из них поддерживают с двух сторон крупного дракона цвета воронёной стали. У него серьёзно повреждено крыло; приземлившись, он обратился в Яр-

густа, с ног до головы покрытого кровью, так что сразу, не разберёшь, кровь ли это врагов или его собственная. Мне его жаль, но как-то отстранённо, потому что я где-то внутри был уверен, что с ним будет всё хорошо. Гораздо больше меня волновала судьба одного очень некрупного дракона радужной окраски.

Вернее это не дракон, а сумасшедшая драконица, способная, сломя голову, совершенно безрассудно кинуться в самую гущу боя. Почему-то я был уверен, что именно так она и сделала, и теперь, не видя своей Ниннэль, моё сердце ледяным кинжалом пробил страх за неё. Раньше я даже представить не мог, что можно так за кого-то бояться.

Подбежал Минг и обнял меня.

– Мы победили, – с радостью сказал Минг. – Слышишь, мы победили.

– Что с Ниннэль? – спросил я, никак не реагируя на слова Минга о какой-то нашей победе. – Она жива?

– Жива, жива твоя Ниннэль, правда, тяжело ранена, – быстро ответил демон. – Страннику удалось её вытащить. Он и сейчас с ней.

Слова демона подействовали на меня, как бальзам на раны. Страх мой прошёл, и вместо него навалилась страшная слабость. Ноги мои подкосились, я потерял сознание и проснулся.

Проснулся я прекрасно отдохнувшим и абсолютно спокойным, с какой-то твёрдой уверенности, что всё в моей

совместной с Ниннэль жизни будет хорошо. Передо мной всё так же лежала удивительная чёрно-белая долина, всё так же совершал свои неторопливые колебания Вселенский маятник – гарант равновесия в Мироздании. Всмотриваясь в эти колебания, я вдруг отчётливо понял характер этого, безусловно, разумного чуда, созданного Творцом одновременно с самим Мирозданием. Главной заботой маятника было поддержание вселенского равновесия между образующими последнее Силами, не отдавая предпочтения ни одной из них. Маятник не был ни злым, ни добрым, не был он так же и равнодушным, просто он твёрдо знал, что если какая-нибудь Сила начнёт преобладать в Мироздании, то всем будет плохо. При этом маятник отнюдь не был сторонним наблюдателем, лишь фиксирующим нарушения равновесия. Вовсе нет. Он с помощью приданных ему изначально сил стремился воздействовать на нарушителя с целью восстановления равновесия. Судьба сложилась так, что все мы являемся орудиями маятника, которые оказались им, востребованы для устранения нарушения вселенского равновесия, вызванного агрессией Серой империи. Ну, что же, не знаю как другие, а я свой выбор сделал.

Рядом со мной сладко спала моя молодая жена. Я осторожно накрыл её своим плащом, но будить не стал – пусть отдыхает. За этот день ей столько пришлось пережить, что лишний час сна не помешает. Сам же просто сидел, наблюдая за монотонными движениями маятника. Зрелище бы-

ло завораживающее, оно никак не могло надоест. Казалось, что вот так можно просидеть целую вечность, глядя на маятник и ни о чём не думая.

Вот я и сидел, глядя на маятник, и вдруг мне показалось, что в чёрно-белой долине началось какое-то движение. Сначала я посчитал, что мне просто показалось, но затем, приглядевшись, отчётливо увидел, что действительно со стороны маятника ко мне приближаются две человеческие фигуры, одна закутанная в белое, а вторая – в чёрное. Откуда они здесь взялись – я понятия не имел, но они всё-таки приближались. Никакой угрозы с их стороны я не ощущал, поэтому спокойно ждал, когда они подойдут ко мне.

Прошло совсем немного времени, и идущих ко мне уже можно было рассмотреть. Это оказались две женские фигуры, одетые в одинаковые плащи с капюшонами, различающиеся лишь цветом.

Когда они подошли, я из уважения встал и вежливо поздоровался с ними. Женщина в белом, откинула капюшон, и так же вежливо и очень тепло поздоровался со мной. Это была симпатичная женщина средних лет, с несколько усталым лицом. От неё веяло силищей, но силища эта была какая-то тёплая, родная что ли.

Женщина в чёрном поздоровалась сухо, я бы сказал с иронией, после чего откинула капюшон. Она внешне оказалась точной копией женщины в белом, только от неё веяло холодом, а лицо было абсолютно спокойным, словно маска.

– Не стоит со мной здороваться, Кувай, – с иронией сказала женщина в чёрном. – Не делай такое удивлённое лицо, словно ты встречаешься со мной и моей сестрой впервые.

Этими словами она очень меня озадачила. Я начал судорожно вспоминать, где я мог видеть этих женщин, но ничего вспомнить не смог.

– Да, учитель твой попонятливее будет, нечета тебе, – заявила чёрная и звонко засмеялась. – Ну, ладно, со мной ты встречался всего дважды, да и в то время тебе было не до знакомств, а вот сестрицу то мою ты должен хорошо знать, чай не первый год на белом свете живёшь.

Я опять напряг память, но всё равно ничего не вспомнил.

– Прошу вас, милостивые госпожи, не счесть меня за невежду, но, хоть убейте меня, никак не припомню, где и когда я с вами мог видеться, – очень аккуратно сказал я. – Если вам не будет в тягость рассказать мне о наших встречах, будьте так любезны, просветите меня тёмного.

Мои слова вызвали приступ смеха уже у обеих женщин. Они минут пять так звонко и заразительно смеялись, что возникшее при встрече напряжение куда-то исчезло, и я присоединился к моим гостям. Отсмеявшись, я предложил женщинам присесть, только нужно немного отойти в сторону, что бы ни разбудить жену.

Моё предложение вызвало новый взрыв смех у женщин, причины которого я понять никак не мог.

– Ты, что уморить нас решил? – спросила чёрная, отсме-

явшись. – На счёт жены, не беспокойся. Ниннэль будет спать, пока мы с тобой разговариваем. Ты уж мне поверь.

Она снова засмеялась, но теперь смеялась она не долго, наверно не больше минуты. Затем, она резко перешла от веселья к крайней серьёзности. Женщины присели прямо на землю, после чего присел и я.

– Кувай, – обратилась ко мне женщина в чёрном. – Нам с тобой предстоит очень серьёзный и долгий разговор. Прежде чем перейти к нему, мы с сестрой хотим поздравить тебя с твоей женитьбой. Мы рады, что ты встретил свою любовь и надеюсь, да что там надеюсь, я просто знаю, что вы оба будете счастливы. Мы приготовили вам наши подарки, но получите вы их в своё время. Теперь, что бы ни быть невежливыми, я бы хотела представиться и представить мою сестру. У меня множество имён, но вам, людям я больше всего известна под именем Смерть. Ну а сестру мою, как ты, наверное, уже догадался, зовут Жизнь, и уж с ней-то ты хорошо знаком, хотя никогда не видел. Со мной же ты встречался дважды, и дважды, уступая твоему учителю Страннику, а больше следуя твоей удивительной судьбе, я возвращала тебя Жизни.

Наконец-то до меня дошло с кем мне пришлось повстречаться здесь, возле Вселенского маятника. Вот же тупица, ругал я сам себя, когда услышал, кто со мной говорит. Ведь ясно же, что здесь вряд ли встретишь простую женщину. Самое удивительное, что разговаривая со Смертью я не испытывал страха, словно разговаривать с одной из самых зага-

дочных Сил Мироздания для меня было делом привычным.

– Огромное спасибо вам за поздравления и заботу, – ответил я на слова Смерти. – Я очень тронут вашей заботой. Почему бы нам не разбудить Ниннэль, она бы смогла лично отблагодарить вас?

Смерть переглянулась с сестрой, и они обе снова засмеялись. Я был удивлён и немного раздосадован этим смехом, не понимая его причины, однако Смерть тут же объяснила причину смеха.

– Ты как это себе представляешь, если тебя разбудить и представить меня, дескать, познакомься – это смерть? – с иронией сказала Смерть. – Что бы ты почувствовал и как бы себя повёл? А что можно сказать о юной девушке, и стоит ли её так пугать?

Слова Смерти, не смотря на всю её иронию, были очень разумны, причём настолько разумны, что мне даже стало немного стыдно за мою досаду на смех сестёр. Смерть, которая свободно читала мои мысли (ещё бы она не читала меня, как открытую книгу), опять рассмеялась. Я вообще заметил, что Смерть любит посмеяться.

– А если говорить серьёзно, – продолжила говорить Смерть. – Ниннэль ещё рановато напрямую разговаривать с нами.

Я не стал возражать; уж кому-кому, а Смерти виднее. Пока Смерть объясняла мне, что и как, Жизнь расстелила прямо на земле белую скатерть, на которую ловко расставила

разные вкусные на вид кушанья, большой кувшин с каким-то напитком и две, явно золотые стопки. На мой вопросительный взгляд, она с улыбкой сказала:

– Ниннэль проснётся голодной, вот и будет, чем утолить голод и жажду. Тебе тоже не мешает подкрепиться.

В этом была сама суть Жизни, для которой заботиться о своих детях и есть смысл собственного существования. Жизнь, видимо прочитав мои мысли, вновь мне тепло улыбнулась.

– Теперь перейдём к главному, – став вдруг очень серьёзной, сказала Смерть. – Сейчас я опишу состояние дел на настоящее время, а затем кое-что поведаю тебе из ближайшего будущего. Надеюсь, ты понимаешь, что этот разговор должен остаться между нами?

Я с готовностью пообещал ей, что буду немым, как могила. Я хотел ей малость польстить, но видимо это мне не удалось, потому что Смерть как-то странно на меня взглянула и саркастически хмыкнула.

– Ну, у тебя и клятвы, Кувай, – с нескрываемой издевкой сказала Смерть. – Даже мне стало не посебе. Кстати, запомни, мой мальчик, могилы очень даже разговаривают, нужно только уметь разговаривать. Что же касается твоей лесты, так она получилась неудачной, а кроме того, уж поверь мне, тебе это не идёт.

После её слов мне стало так стыдно, что если бы в этот момент под моими ногами разверзлась бы земля, это было

бы для меня облегчением. Видя мои страдания, сёстры опять звонко засмеялись, причём так безобидно, что спустя минуту, и я присоединился к ним. Отсмеявшись, Смерть опять стала серьёзной.

– Слушай меня и не перебивай, а всё, что услышишь, постарайся запомнить. Возможно, это поможет тебе в твоей тяжёлой судьбе, – с лёгкой грустью в голосе заговорила Смерть.

Я буквально застыл, слушая Смерть, тем более, что она говорила такие вещи, что если бы они даже и не касались бы меня, и то слушать их спокойно было бы трудно, а тут всё это касалось непосредственно меня. Я почувствовал, что какая-то сила подхватила меня и куда-то понесла. Где я оказался я и понятия не имел, однако ясно понимал, что место, куда перенесла меня Смерть, явно не принадлежит нашему Мирозданию.

Сколько продолжался рассказ Смерти, не скажу. Лично для меня он, как мне показалось, длился целую вечность, а на самом деле, возможно, всего пять минут, не знаю. Пока продолжался рассказ, я позабыл обо всём, даже о том, что буквально в двух шагах от меня, мирно спала моя молодая жена, забыл даже, что рассказывает мне мою судьбу ни кто-нибудь, а сама Смерть.

Наконец Смерть закончила говорить о том, о чём она хотела мне сказать, и я словно очнулся. Удивлённо осмотревшись, я увидел, что всё так же нахожусь возле Вселенского маятника, который, как всегда мерно раскачивался. Всё так

же мирно посапывала во сне Ниннэль, на земле была расстелена скатерть, заставленная всякими вкусностями, только я уже был не тот, что был до встречи у Вселенского маятника.

– Ну, вот и всё, что я хотела сказать, – всё с той же грустью стала прощаться моя собеседница. – Настало время нам расставаться, однако помни, что моя сестра всегда с тобой, ну, а я всегда рядом.

Произнеся это, Смерть медленно растаяла в воздухе. Жизнь же не произнесла ни слова, а только тепло мне улыбнулась и тоже исчезла.

2

После ухода Странника и Джона, я испытывал какое-то странное, совершенно незнакомое мне чувство, которое мне, хотя особо не досаждало, однако было неприятно. Дела, которые тогда навалились на меня, никак не позволяли разобраться в этом чувстве. Однако, как только выдалось относительно свободное время, а это произошло уже далеко за полночь, я закрылся в своём кабинете, уселся в своё любимое кресло у пылающего очага (ночь выдалась холодной, а мне последнее время что-то нездоровилось), взял в руку кубок с подогретым вином с пряностями и погрузился в себя, время от времени отпивая из кубка божественный напиток. Я любил вот так посидеть, когда время за полночь, когда в доме все угомонились, а из звуков только треск дров в очаге. Тогда я освобождаю себя от повседневных забот и наконец-то могу побыть наедине с самим собой – в дневной суете это почти невозможно.

Я закрываю глаза и начинаю вспоминать. Почему-то сразу вспомнилась первая встреча со Странником, о котором я слышал раньше от Ляргуса. Они с Джоном тогда хотели предупредить нас о том, что за нами гонится целая свора серых всадников.

Вспоминается первое впечатление, которое этот человек, пришедший из непредставимой дали пространства и време-

ни, произвёл на меня, вызвав во мне подлинное потрясение. Я увидел в нём спящую глубоким сном Древнюю силу, но не это вызвало потрясение; люди, обладающие в той или иной мере Древней силой, встречаются довольно часто. Дело было в том, что этот человек обладал таким объёмом Древней силы, что я даже испугался. Сколько я живу на белом свете, а живу я, следует сказать, довольно давно, мне не приходилось встречать кого-либо, обладающего такой силищей. Я попытался представить себе, что может произойти, случись этой силе одномоментно высвободиться и мне стало очень не по себе.

Помимо наличия огромного объёма Древней силы, меня поразило то, что Странник, даже не подозревая о присутствии в нём такого богатства, сумел самостоятельно стать ходящим – по – мирам, да ещё умудрился не погибнуть при этом. Скорее всего, сама эта сила хранила его и ненавязчиво подталкивала к хождению по мирам.

Я сделал большой глоток и стал вспоминать подробнее, что я почувствовал тогда, глядя на это чудо во плоти, которым и был Странник. Первым, что пришло мне в голову после того, как я обнаружил в нём Древнюю силу, был страх – вдруг эта сила повернётся против нас? Я быстро подавил страх, но его сменила несколько эгоистичная мысль – этого человека надо склонить на нашу сторону, что бы использовать его силу в наших целях, тем более, что он и сам уже сталкивался с серыми всадниками и имел о них представле-

ние. Теперь я понимал, что в этом была моя ошибка – Странник оказался не тем человеком, которым можно манипулировать, хотя при первой встрече с нами он безоговорочно доверял нам.

Я принял решение помочь Страннику пробудить в себе Древнюю силу, но прекрасно понимая, что её пробуждение будет достаточно опасным для того места, где это будет происходить, я решил отправить его в дальнее и опасное путешествие. Зачем это было нужно? Я прекрасно знал, что лучше всего раскрывается сила, скрытая в человеке, в моменты смертельной опасности для этого человека и пусть это произойдёт подальше отсюда.

Ляргус, узнав о моих намереньях, как-то странно на меня посмотрел, потом надолго замолчал, а после посоветовал мне отправить со Странником и Джоном Кувая. Иначе, как сказал он, Странник может расценить твой поступок, как желание от него избавиться. Кроме того, не забывай, что Джон спас мне жизнь, и я не хочу быть в отношении него неблагодарным. Короче, если ты не отпустишь с ними Кувая, я устрою всё так, что они никуда не пойдут. Я хорошо знал своего учителя, потому прекрасно понимал, что он непременно сделает то, что говорит.

Тогда, захваченный идеей сделать из Странника надёжного союзника в наших делах, я не придавал значения тому, что Ляргус довольно холодно отнёсся к моей идее, вернее даже не к самой идее, а скорее к методам, которыми я хотел до-

стигнуть реализации, данной идеи.

Теперь, анализируя прошлое, я понимаю, что тогда мной владела гордыня. Ещё бы, после создания собственной вотчины, я был настолько самостоятельным, что не терпел ко-го-либо обладающего большими возможностями, чем я. Исключением, пожалуй, был только мой Учитель Ляргус. А тут мне встретился человек, который был настолько сильнее меня, что мне в пору было податься к нему в ученики. На моё счастье, тогда он ещё не осознавал себя, и я решил этим воспользоваться. Тогда мне казалось, что я поступаю совершенно правильно, используя Странника вслепую.

Оказалось, что Ляргус, как всегда, оказался прав, настояв на том, что бы отправить со Странником и Джоном Кувая. Тем самым он показывал Страннику, что мы не собираемся интриговать в его отношении, поэтому доверяем ему даже Кувая – самое дорогое, что у нас есть. Добавьте к этому небывалое оживление серых всадников, о которых мы тогда почти ничего не знали, если не считать нескольких мелких стычек, при которых наши драконы легко расправились с немногочисленными преследователями. Однако это ещё ни о чём не говорило – драконы просто оказались невосприимчивы к странной магии серых.

Ни когда не забуду, как Странник, Джон и Кувай ушли в земли демонов, где, как назло, началась война и пропали на несколько лет. Так я узнал, как трудно ждать тех, кого любишь, особенно если путь их не лёгкая прогулка, а смертель-

но опасное предприятие. Я понял, что зачастую легче самому рисковать головой, чем ждать возвращения друзей.

А как я обрадовался и одновременно испугался, когда Странник, наконец, вышел на связь, ибо человек, которого я увидел по ментальной связи, был очень мало похож на того молодого энергичного человека, который уходил в земли демонов. Я увидел глубокого старика, который, по крайней мере, был не моложе Ляргуса, а уж Ляргус-то был старейшим из всех знакомых мне людей, за исключением разве что трактирщика из Трактира-на-перекрёстке, но о нём разговор особый.

Когда я, вместе с Яргустом и Марком, встретил наших путешественников на пороге Сегурии, то увидел двух человек в крайней степени усталости, которые, еле переставляя ноги, несли на носилках тяжелораненого Кувая. Голова Странника, заросшая длинной бородой, была перевязана грязной тряпкой, испачканной запёкшейся кровью. Ранен был и Джон, но больше всего меня напугало состояние Кувая, который неподвижно лежал на импровизированных носилках. Вид у него был такой, словно он находился на самом краю жизни. Однако, внимательно осмотрев его, я вздохнул с облегчением, мальчишка был очень аккуратно заштопан (я бы так не смог), хотя раны его были, на первый взгляд, несовместимы с жизнью.

Увидев нас, Странник и Джон осторожно опустили на землю свою ношу и с вымученными улыбками вконец изму-

ченных людей посмотрели на нас. Мы обнялись, и вот тогда я ощутил Древнюю силу, пробудившуюся в Страннике. Ощущение, скажу я вам, не из приятных.

Вспоминается, как, едва переступив границу Сегурии, Странник потерял сознание, видимо последние силы оставили его. Тогда я был абсолютно счастлив, что все вернулись, пусть и побитые, но всё же живые. Тогда моя гордыня под натиском огромной любви к друзьям, отступила и спряталась где-то в глубинах моего естества.

Позже произошёл крайне неприятный для меня разговор, в котором Странник прямо обвинил меня и Ляргуса в том, что мы использовали его в слепую и тем самым подвергли его жизнь и жизнь его учеников смертельной опасности. Что я мог ему ответить? Он был кругом прав и, если бы он тогда порвал бы с нами отношения, был бы полностью прав. На моё счастье, Странник оказался человеком великодушным. Он принял наши с Ляргусом извинения, после чего поведал о появлении в пределах нашего мира какой-то новой очень могучей и пока что непонятной силы, которая чуть было, не погубила их.

Вести, принесённые Странником из Запределья, не обрадовали ни меня, ни Ляргуса. Было от чего огорчиться. Мы только-только стали понимать, что собой представляют серые, только стала проясняться общая картина, что такое Серая империя, которая засылает к нам своих агентов, готовя вторжение, как тут новая напасть. Внутреннее чутьё подска-

зывало, что привычный для нас ход вещей близится к своему завершению, что скоро наш привычный мир или рухнет, или изменится до неузнаваемости, погребя под своими обломками многих из нас. Сердце моё тоскливо сжалось от нехорошего предчувствия, и как-то сразу я ощутил свой возраст, который раньше я просто не замечал. Нет, я не боялся смерти, прекрасно понимая её неизбежность, а какой смысл бояться неизбежности? Просто в роковые минуты начинаешь чувствовать, что ты уже давно живёшь на этом свете и, при всех его недостатках, этот мир тебе чертовски нравится, и ты вдруг понимаешь, что готов на всё, лишь бы он сохранился таким, как есть и после моего ухода. Особенно же душа моя болела о собственной, сотворённой, можно сказать, «своими руками», вотчине, которую я назвал Сегурия. Когда ты, сначала своим воображением, создаёшь новый мир, испытываешь ни с чем несравнимые чувства, которые, стоит только начать творить, захватывают тебя полностью и уже не отпускают до самого конца творения.

О, это сладкое опьянение творчеством! Ничто не способно с тобой сравниться. Творчество – ты высшая ступень наслаждения и одновременно высшая степень страдания. Если оно захватывает человека, значит, человек этот созрел для того, что бы стать истинным творцом. Тогда, друг мой, бесполезны любые попытки отказаться от того, что является, по сути, самой сущностью человеческой природы; бесполезны любые попытки избежать этой стези, ибо творчество, это,

отнюдь, не простое увлечение или хобби, а собственно оно составляет и определяет саму жизнь человека, это, если хотите, его судьба.

Сначала ты создаёшь мысленную модель своего будущего творения, и это самый трудоёмкий этап творчества. Создаваемая мыслеформа должна содержать в себе гигантский объём информации. Только при соблюдении этого условия, возможно, создать что-либо по-настоящему живое, а значит реальное. Представьте себе, что вы день за днём, год за годом носите в себе эту модель будущего мира (ведь вотчину можно рассматривать, как мир в миниатюре), постоянно насыщая её всё новым содержанием, до тех пор, пока она ни начнёт жить в вашем сознании абсолютно самостоятельно. В этот момент куда-то пропадают муки творчества, все эти сомнения, страхи, неуверенность в своих возможностях. На смену им приходит невообразимое чувство всеобъемлющей радости. Радости от того, что у тебя, не смотря на все трудности и сомнения, получилось нечто такое, что полностью оправдывает твою жизнь, все её радости и огорчения. Что бы это понять в полной мере, необходимо стать творцом. До сих пор во всех деталях помню то счастливое время, когда я творил Сегурию, в которую вложил всего себя. Небо, горы и поля, озёра и море, леса и степи Сегурии, несут в себе отражение моей личности, моих мыслей, моих переживаний.

А какой неопиcуемый восторг охватывает тебя, когда по твоему слову начинает проявляться новый мир, мир, выно-

шенный и выстрадавший тобой, и ты видишь, как постепенно твои мысли начинают обретать реальные формы. Ты рождаешь мир, как мать рождает долгожданного ребёнка, и вместе с радостью творения рождается страх за судьбу твоего детища, страх во много раз сильнее даже инстинкта самосохранения. Этот страх сильно повлиял на мои решения в борьбе с Серой империей, в которой я избрал чисто оборонительную позицию, не смотря на все мерзости, что творили серые в завоёванных ими мирах. Возможно именно знание того, что может случиться, если мы не устоим в борьбе с Серой империей, усилило мой страх за судьбу Сегурии, а отсюда страх спровоцировать серых на агрессию, хотя в глубине души я прекрасно понимал, что агрессия рано или поздно случиться, это вопрос времени.

Всё это оказало решающую роль на мою позицию в совещании, когда Странник, рассказав о своём виденье ситуации с Серой империей, предложил сделать вылазку в один из миров, подвергнувшихся вторжению серых всадников. Целью этой вылазки Странник считал разведку боем, что бы определить сильные и слабые стороны противника, а так же по возможности нанести устрашающий удар по врагу, что бы выиграть время, которое, по какому-то глобальному плану Странника нам необходимо, как воздух. Я, опасаясь, что эта вылазка может спровоцировать агрессию Серой империи, был категорически против, о чём прямо и заявил. Меня, после недолгих колебаний поддержал Ляргус, зато Кувай,

Яргуст и Марк сочли мои слова чуть ли ни как проявление трусости, хотя в открытую об этом никто, конечно, не сказал.

Странник, видя, как складывается ситуация, повел себя очень дипломатично. Заявив, что он вовсе не стремится внести раскол между нами, поэтому он, не отказываясь от своего намеренья, возьмёт с собой только Джона Мильтона. Когда остальные его ученики стали возмущаться, он заявил, что их усилия потребуются позже. Спорить с ним было бесполезно, запретить его поход я, при всём желании, не мог, поэтому пришлось смириться и, скрепя сердце, проводить его на другой день в дорогу.

Они ушли, вроде всё было правильно, но душа моя испытывала чувство вины перед этими людьми, словно я их предал. Сколько я ни пытался заглушить это чувство, приводя различные весомые, на первый взгляд, аргументы, обладающие «железной» логикой, чувство вины не отпускало. Это чувство вины, вкупе со страхом, что Странник может разбудить лихо, которое всеми своими силами обрушится на мою страну, защитить которую в данный момент мы ещё не можем. Всё это вызвало в моей душе такой раздрай, что я все то время, пока Странник с Джоном отсутствовали, не мог ни спать, ни есть, лишь пил вино, однако достичь опьянения, что бы отключиться, так и не смог.

Сидя бессонными ночами с неизменным бокалом красного вина, я постоянно находился в тонких структурах реальности, слушая, что происходит в окружающих мирах, пы-

таясь понять, что делает в это время Странник. Сначала всё было тихо, не считая мелких возмущений эфира, которые, как правило, возникают при движении через миры ходящих-по-мирам. Я уже было начал надеяться, что Странник отказался от своей затеи, но не тут-то было. Стоило только мне расслабиться, как я уловил мощный толчок силы, причём силы не простой, а Древней. Сомнений не было, это начал действовать Странник. Всё, теперь обратного пути нет. Теперь или реализуется замысел Странника, и мы получим передышку, или в скором времени следует ожидать нападения Серой империи. Толчки силы повторялись несколько раз, затем прекратились. Было непонятно, победил ли Странник или они с Джоном погибли; узнать это можно будет только в том случае, если они вернуться целыми и невредимыми, или снова себя как-то проявят. В то, что они погибли, я не верил; не такой человек Странник, что бы так просто погибнуть, да и Джон – парень не промах. Однако эфир молчал, словно после бури, вызванной Древней силой, установился полный штиль, даже шум, производимый ходящими-по-мирам, затих, словно все они одновременно застыли на месте.

Послушав какое-то время затихший эфир, я решил проверить наблюдающие заклятия, которые я установил в своё время в некоторых мирах, подвергнувшихся в разной мере агрессии Серой империи. Тут меня ожидала приятная неожиданность – в этих мирах, как показали заклятия, на-

чался вывод войск империи, причём вывод этот был больше похож на эвакуацию.

Меня охватила радость пополам с восхищением. Замысел Странника блестяще осуществился, что вызвало во мне искреннее восхищение этим человеком. Он в очередной раз победил, заставив всех нас, считаться с ним. Я в тот момент, когда первая радость и восхищение несколько утихли, ощутил себя сторонним наблюдателем, словно меня лишили участия в деле, которое я долгие годы готовил, а в последний момент меня взяли и вежливо так отстранили от его реализации. Это было обидно, но самое обидное было то, что обижаться-то было не на кого, разве, что на себя самого. Ведь это я сам проявил нерешительность в тот момент, когда следовало действовать. Так что, пережив несколько неприятных минут, я справился с обидой и продолжил наблюдать за эфиром, который всё так же хранил гробовое молчание.

Вот так я и сидел в своём кабинете, слушал тишину и не спеша пил вино. Время близилось к утру, когда эфир вновь ожил. Я уловил несколько всплесков Древней силы, по мощности значительно более слабых, чем первые удары, но всё равно впечатляющие. Меня вновь охватила радость, теперь чистая, без всякой обиды.

Странник и Джон вернулись накануне помолвки Кувая. Они были усталые, но при этом буквально светились радостью одержанной победы. Ещё бы не радоваться, когда одержана первая, по настоящему крупная победа над Серой

империей, которая позволит нам выиграть так необходимое время, а самое главное, эта победа показала, что серых всадников можно бить, главное бить их на расстоянии, на котором не действуют их подавляющие волю заклятия.

Не успели отгулять помолвку Кувая, как вновь пришлось собираться в дорогу. На этот раз Куваю необходимо было посетить империю Повелителей драконов, что бы постараться добиться аудиенции у Повелителя; это предписано было его судьбой при достижении им двадцати пяти летнего возраста.

В связи с этой вылазкой, у меня со Странником возник небольшой конфликт. Когда он узнал, что Кувай должен посетить столицу и встретиться с отцом, то заявил, что это ему очень не нравится, и он постарается сделать всё, что бы избежать этой встречи. Пришлось Ляргусу объяснить, что эта встреча с отцом, предписана Куваю, как необходимый этап его судьбы. Расчёты Ляргуса, которому, в своё время, из множества возможных вариантов судьбы малыша Кувая пришлось выбирать наилучшую, включали в себя и эту предстоящую встречу. Мы довольно долго разбирались в вычислениях, представленных старым жрецом и, в конце концов, пришли к выводу, что этот вариант судьбы на самом деле является наилучшим. Следовательно, встреча Кувая с Повелителем драконов неизбежна. Вот тут-то и возникло противоречие между мной и Странником, который заявил, что мне нельзя сопровождать Кувая, потому что я являюсь слишком известной фигурой в империи и, к тому же объявлен врагом

Повелителей. Стоит лишь мне появиться в столице и меня тут же схватят, а заодно и Кувая.

Слова Странника вначале вызвали у меня возмущение, но успокоившись, я согласился, что он прав. На мой вопрос, кто же будет сопровождать Кувая, Странник предложил свою кандидатуру. Я и Ляргус признали, что лучшей кандидатуры для сопровождения Кувая не найти. На другой день Кувай в сопровождении Странника, Джона и Марка, покинули Сегурию, направляясь в столицу. Из всей четвёрки, только Марк знал столицу, остальные шли туда впервые, даже Кувай, который, хотя и родился там, но покинул столицу в возрасте менее суток от роду.

Мы с Ляргусом постоянно наблюдали за передвижением путешественников, благо в пределах нашего мира это было не трудно. Эти наблюдения заставили нас изрядно поволноваться и поломать голову по поводу странных событий, сопровождающих наших путешественников.

Первой странностью было то, что группа Странника остановилась где-то в предгорьях гор, которые окружали столицу. Что заставило их отклониться от маршрута и застрять в лесной глуши, ни я, ни Ляргус не могли понять. Было ощущение, что Странник чего-то выжидает. Какое-то время мы со старым жрецом ломали голову над тем, что заставило наших путников остановиться там, где они остановились, но тут произошла новая странность, которая надолго поставила нас в тупик.

Произошло это буквально на второй день после того, как наши путники остановили своё движение. Утром от группы отделился один человек, судя по наличию Древней силы, это был Странник, который немного отойдя от места, где осталась вся группа, открыл проход и, развив немыслимую для нас скорость, быстро стал перемещаться к какой-то, только ему известной, цели. Он двигался так быстро, что мы очень быстро его потеряли.

После этого нам осталось только ждать. Там, где остановились наши друзья, целый месяц ничего не происходило; и весь этот месяц я и Ляргус жили как на иголках, не понимая, что происходит. Я даже одно время хотел сам отправиться к Куваю, но Ляргус посоветовал мне набраться терпения и ждать, как чего-то ожидают наши друзья. Я с ним согласился, потому что внутренне понимал, что мой вояж туда ни чего хорошего не даст, а, скорее всего, может помешать Куваю и его друзьям.

Примерно через месяц вернулся к друзьям Странник, который пришёл так неожиданно, что мы не смогли засечь момент его вхождения в наш мир, а, спустя ещё примерно двое суток, наш маленький отряд во главе со Странником наконец-то тронулись в путь к столице империи Повелителей драконов.

Однако странности их путешествия на этом не кончились. Вместо того, что бы, как было договорено заранее, проникнуть в столицу незаметно, наши друзья открыто проехали

через ворота. Мало того, они почему-то проследовали прямо в старый дворец Повелителей, где, как мы знали, в то время жили сыновья Повелителей – братья Кувая. Они, что там, совсем потеряли осторожность? Я был напуган тем, что Странник прямо ведёт своих спутников в лапы Повелителей, которые наверняка уже знают об обряде признания Кувая законным наследником престола Повелителей драконов. Естественно, что это не могло понравиться Повелителям, которые, в первую очередь постараются захватить и уничтожить Кувая, а с ним и остальных. Правда, я сомневался, что наши друзья, особенно Странник, будут лёгкой добычей Повелителей, но всё же....

Меня несколько успокоил Ляргус, который посоветовал мне набраться терпения и ждать, мол, Странник знает, что делает. У меня особого выбора не было, поэтому я внял совету старого жреца и стал наблюдать за тем, что будет дальше.

Это самое дальше не заставило себя долго ждать. Поздно вечером, скорее даже ночью, так как время было уже за полночь, произошёл выброс Древней силы, после чего наши друзья разделились. Странник с кем-то, кто это был мы так и не поняли, вырвался из дворца и быстро скрылся где-то в переулках столицы. Двое других стали перемещаться в подвал дворца, и, как мы поняли, перемещение это было отнюдь не по их воле. Скорее всего, двоих наших схватили и потащили в подземную тюрьму. Сначала я очень испугался за Кувая,

но потом, трезво поразмыслив, успокоился, решив, что раз Странник на свободе, то не всё ещё потеряно. Вряд ли Ку-вая сразу попытаются убить; скорее всего, его заточат в какой-нибудь подземной тюрьме, что бы побольше разузнать, что делается в Сегурии, которая в империи уже давно считается гнездом заговорщиков и предателей. Раз так, то Странник его освободит. Зная, как Странник относится к своим ученикам, я ни минуту не сомневался, что он скорее сотрёт с лица земли столицу вместе с её жителями, чем позволит нанести вред своим ученикам, а особенно Куваю. Поэтому я набрался терпения и стал наблюдать, как будут развеваться события дальше.

Примерно дня три о Страннике и его учениках не было ни слуха, ни духа. Я и Ляргус просто не находили себе места, не понимая, что случилось с нашими друзьями. Мы чувствовали, что они всё ещё живы, но определить где они и что с ними не было никакой возможности, словно их накрыли каким-то абсолютно непроницаемым для любых воздействий куполом. Ляргус попытался определить, что это за купол. Он создал очень сложное заклятие, с помощью которого пытался определить природу необычного явления, захватившего наших друзей. Когда заклятие было готово, нам осталось только ждать результата.

Ждать пришлось недолго. Мы сидели у меня в кабинете, не спеша пили вино и, внутренне сконцентрировавшись, ожидали результата работы заклятия. Вдруг свечи в высоком

канделябре, стоявшем на столе, разом погасли, а над столом возникло неяркое свечение зеленовато-голубого оттенка. В этом свечении медленно стал проявляться образ горы, на плоской вершине которой, возвышалась гигантская пирамида, увенчанная яростно сверкающим шаром. Всё встало на свои места, хотя легче от этого не стало.

Видение длилось не более минуты, но и этого хватило, что бы понять, кто или что вмешалось в судьбу наших путешественников, хотя это понимание ни столько не внесло ясность в судьбу Странника и его спутников, сколько породило множество новых вопросов, ответов на которые у нас не было. На наших друзей обратила внимание самая загадочная сила нашего мира, о которой никто из нас практически ничего не знал, хот она всегда была на виду. На наших друзей обратила внимание Обсерватория.

Когда образ Обсерватории растаял в воздухе, свечи загорелись сами собой, осветив наши удивлённые лица. Для того, что бы было понятно, следует несколько слов сказать о том, что такое Обсерватория. Внешняя форма Обсерватории известна практически всем жителям столицы, а так же каждому, кто хоть раз посетил столицу империи Повелителей драконов. Однако никто, даже Мастера Искусства, понятия не имеет, что это такое, для чего предназначена и какие функции осуществляет. Она была здесь задолго до того, как наши далёкие предки основали здесь столицу будущей империи и многие считают, что она возникла одновременно с воз-

никновением нашего мира. Так что кто её создал и для каких целей, можно было только догадываться. Прямому изучению она не поддавалась, никакие наши заклятия на неё не действовали, а все попытки проникнуть в тайну Обсерватории, получали мягкий, но непреклонный отпор. Беда в том, что все наши попытки узнать хоть что-то об этом феномене возможны были только дистанционно, так как прямо подойти к Обсерватории не было никакой возможности. Дело в том, что территория, на которой стояла Обсерватория, в радиусе, примерно метров триста, была окружена мощным силовым полем, преодолеть которое не мог ни один человек. Хотя тут дела обстояли не совсем так. При Обсерватории существовал некий сходный с монашеским, орден. Члены его носили длинные чёрные плащи с капюшонами, скрывающие лицо, отороченные по краю серебряным орнаментом. Орден был малочисленным и хорошо умел хранить свои тайны, так что за тысячелетия существования империи Повелителей драконов ни сами Повелители, ни многочисленные имперские жрецы, самых разных религий, ничего толком о том, чему служит Обсерватория, и чем занимаются жрецы таинственного ордена, так и не узнали. В конце концов, решили, что Обсерватория является очень сложным механизмом, поглощающим и перераспределяющим силу. Это определение, хотя ничего не объясняло, зато всех устраивало.

Не скажу, что древние Повелители не стремились разгадать тайну Обсерватории, ещё как старались. По приданию,

первый Повелитель, столкнулся со жрецами Обсерватории, которые помогли ему тогда справиться с врагами. Он заключил тогда с орденом Обсерватории договор, по которому земля вокруг Обсерватории на вечные времена передаётся ордену, а империя обязуется, ни при каких условиях не вмешивается в дела ордена. Насколько я знаю, этот договор до сих пор хранится в имперском казначействе. Несколько раз Повелители пытались пересмотреть этот договор, но безуспешно. Все попытки кончились плачевно для империи. Последняя из них была предпринята лет триста назад. Тогдашний Повелитель начал настоящую осаду Обсерватории, по всем правилам военного искусства. Кончилось это всё массовой гибелью гвардейцев и внезапной смертью Повелителя. С тех пор договор соблюдается неукоснительно. Обсерватория, в свою очередь никогда не вмешивалась в дела империи, и вот неожиданно проявила интерес к нашим друзьям, и не просто проявила, а похоже спасла их и укрыла у себя.

– Надо же, – с удивлением в голосе сказал Ляргус. – Похоже, наши усилия по противостоянию Серой империи совпали с целями Обсерватории, и она решила взять под свою защиту наших друзей. Видимо серые, в случае захвата нашего мира, могут как-то помешать Обсерватории, и она считает нас союзниками. В любом случае, наши путешественники сейчас в безопасности.

Я целиком был согласен со старым жрецом. Потянулось

время ожидания, когда просто ничего не происходило. Где-то дня через три мы с Ляргусом облегчённо вздохнули – наши друзья наконец-то объявились, да ещё как. Эфир буквально взорвался серией явно щадящих ударов, настолько они были слабы, однако по этим ударам мы без труда опознали почерк наших пропавших друзей. Странник со своими учениками, вырвался из города, причём вырвался незаметно для противника, скорее всего их кто-то вывел из города, а теперь со всей возможной быстротой спешил в Сегурию. Мы без труда опознали очень расчётливые удары Марка; сходные с ними, но более чёткие, удары Джона (они с Марком были очень близки и поэтому техники их тоже были похожи); ни с чем нельзя было спутать несколько хаотичные, но точные удары Кувая, по которым можно было определить, что он в это время находится в образе дракона. Особенно выделялась манера Странника, который, судя по всему, ни как не хотел нанести серьёзный ущерб преследователям, нанося очень выверенные аккуратные удары, рассчитанные скорее на то, что бы испугать, а ни как не убить.

Мы с Ляргусом вздохнули с облегчением, все были живы, и судя по всему здоровы. Скоро мы будем их встречать, устроим праздник, но в первую очередь выслушаем их рассказ обо всём, что с ними произошло. Самое главное, что они возвращаются, выполнив то, что должны были сделать.

Мы с Ляргусом выпили за то, что бы наши друзья скорее вернулись домой, и я отправился, на правах хозяина, распо-

рядиться подготовить праздничный вечер. После этого, захватив с собой Яргуста, мы отправились на встречу возвращающихся друзей.

Вечером, когда все удачно вернулись домой, мы сидели за столом, ели вкуснейшую еду, запивая её вином, и разговаривали о том, что уже было и том, что ещё только будет. В этот раз в застолье принимали участие, помимо Странника и его учеников, Ляргус и Яргуст, ну и конечно я. Когда все утолили голод и жажду, наступило время серьёзного разговора обо всём, с чем столкнулись Странник и его ученики, как пережил встречу с собственным отцом Кувай и что всем нам придётся сделать за ближайшие годы.

Я слушал рассказ Странника о том, что пришлось пережить в столице, насколько глубоко пустила корни в столице серая немощь, и вдруг поймал себя на мысли, что с тех пор, когда принёс в Сегурию маленького Кувая, я сильно изменился. Поневоле став домоседом, я незаметно для себя превратился в очень осторожного, практически трусливого старика, склонного к обидчивости и мнительности. Эта мысль мне очень не понравилась, и я хотел просто отмахнуться от неё, но не тут-то было, она вцепилась в меня, словно пёс в сахарную косточку и ни за что не хотела отпустить меня, а только злобно огрызалась, показывая то, насколько низко я пал. Я понял, что так просто эта мысль меня не оставит, смирился и стал, по своему обычаю анализировать положение вещей.

Анализ показал, что для ходящих-по-мирам крайне вредна оседлая жизнь. Дело в том, что нахождение в постоянном движении, когда на тебя обрушивается лавина впечатлений, не позволяет страхам, а вместе с ними и греховным чувствам и мыслям захватить тебя, им для этого просто нет места. Однако, стоит ходящему-по-мирам на более-менее длительный срок задержаться на одном месте, как тут же он подвергается агрессии страха. У него портится характер; он становится слишком осторожным, мнительным; ему начинает казаться, что на его авторитет кто-то покушается. Вот к таким неутешительным выводам пришёл я, слушая рассказ Странника и анализируя своё поведение в последние годы.

Неужели я стал стариком? Всё во мне противилось этому. Ещё бы, ведь стариком я себя никогда не ощущал, да и возрастом был намного моложе того же Странник, не говоря уж о Ляргусе. Нет, мне просто нужна хорошая встряска и я опять стану прежним, решил я для себя и переключил своё внимание на рассказ Странника, который в это время рассказывал о глубоко засекреченном плане Повелителей по противостоянию Серой империи.

Тут у меня произошёл всплеск обидчивости, который я тут же постарался задавить в самом зародыше. Это произошло, когда мне стало ясно, что Ляргус с самого начала был в курсе этого плана. Обиду вызвало, что мой старый Учитель не посчитал нужным пошевелить в этот план меня, а предпочёл использовать в тёмную. Я тут же постарался взять себя в

руки, включив сознание, которое тут же пришло на помощь, напомнив мне о том, как я использовал в своё время Странника. Мне тут же стало стыдно, зато обида на Ляргуса прошла практически мгновенно. Я прекрасно понял, что Ляргус не имел права посвящать в тайну Повелителей никого, даже меня, так что обижаться не на что.

Дальше, когда Странник стал рассказывать о посещении Обсерватории, я весь превратился в слух. Ещё бы, Страннику удалось то, что до сих пор не удавалось никому из Повелителей на протяжении многих тысячелетий. Теперь, благодаря вылазке Странника с учениками, мы знаем об Обсерватории несравненно больше, чем за всё предыдущее время. Всё, что рассказал Странник, а я всё же думаю, что он рассказал далеко не всё, что знал, было настолько интересно, что я слушал рассказ, затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы слово.

То, что Странник, закончив свой рассказ, рассказал далеко не всё, было понятно. Все мы, в той или иной мере что-нибудь недоговариваем – каждый имеет право на личные тайны, однако у меня после его рассказа осталось небольшое разочарование, словно тебя подразнили чем-то ужасно интересным, но так и не дали. Например, он ни словом не обмолвился о том, что с ним было при прохождении испытания в Обсерватории, и куда он ходил, пока ученики его ожидали возможности попасть в столицу. Но, тут уж ничего не поделаешь, пока сам не захочет, не расскажет.

Однако всё, что рассказал Странник до этого, оказалось всего лишь цветочками, ягодки появились, чуть позже, когда он чуть-чуть приоткрыл перед нами свой план борьбы с серой империей. Слушая его спокойный уверенный голос, я совершенно забыл, что Странник утаил от нас часть информации, столь грандиозен был этот план.

Даже то, что он открыл нам его, правда в самых общих чертах, говорило о том, что он нам вполне доверяет. Сначала он повторил своё убеждение, что для борьбы с Серой империей привычные для нас методы борьбы неприемлемы. Её серое воинство почти не имеет страха смерти; судя по всему, на них наложено какое-то заклятье, притупляющее инстинкт самосохранения, поэтому прямые стычки с ними малоэффективны. Это враг, который способен на время отступить, но не способен сдаться. Их командиры, не задумываясь, гонят на убой всё новые и новые полчища своих воинов, совершенно не считаясь с потерями, поэтому, если начнётся большая война, а тогда нам поневоле придётся в неё вмешаться, мы либо проиграем, либо должны уничтожить всё население Серой империи.

Не надо думать, что те, кто управляет Серой империей злобные тупицы; нет, они отнюдь не глупые люди и не тупые маньяки, которые творят зло ради любви к злу. Судя по тем командирам армии вторжения, с кем мне с Джоном удалось пообщаться, это вполне здравомыслящие люди, которые очень ясно представляют свои цели. Мы же пока не име-

ем представления, чего они хотят, в чём цель их экспансии. Мы пока имеем только самые общие представления о нашем противнике, поэтому в ближайшее время воевать нам с ними не следует.

С этими словами Странника я был полностью согласен, лишь одно его предложение вызвало некоторые сомнения. Его слова о возможной победе над Серой империей через поголовное истребление её населения, вызвали в душе какой-то, совсем не свойственный мне гуманизм. Этого ещё не хватало, раз они враги пускай либо сдаются, либо пусть погибают. Однако проклятый гуманизм во мне вовсе не собирался сдаваться без боя. Он начал навязчиво теревить мою совесть, которая стала пробуждать во мне сомнения, примерно такого плана: врагов надо уничтожать, а разве можно убивать женщин и детей, которые ни в чём не виноваты? Совесть заставила меня воспользоваться паузой, которую сделал Странник, что бы задать вопрос, которому я постарался придать нейтральную форму. Он звучал примерно так: Ты, что реально полагаешь, что мы способны уничтожить всё население Серой империи?

Странник с каким-то удивлением посмотрел на меня, затем с минуту помолчал и, наконец, заговорил. То, что он сказал, заставило меня посмотреть на себя с определённой долей стыда. Я вдруг увидел, насколько я изменился за эти годы моего сидения в вотчине. Да, домоседство дурно влияет на ходящих-по-мирам. Во что я превратился? Никогда

прежде я не был жесток, а тем более кровожаден, а тут позволил себе допустить мысль о поголовном уничтожения населения огромной империи. Я вдруг увидел себя со стороны, и то, что я увидел, мне крайне не понравилось. Я увидел какого-то мелочного злобного старика, готового для достижения собственных целей, пусть даже самых, что ни наесть благородных, погубить целый мир. Мне стало ужасно стыдно от того, каким я стал. Нет, так не годится. Надо что-то делать.

Обычно человек, переживший стыд, испытывает некое неудобство, общаясь с человеком, который вольно или невольно пробудил у него это чувство. В моём случае было всё совсем наоборот. Вместо стеснения, которое, что греха таить, всё же сначала посетило меня, однако очень быстро сменилось чувством благодарности к Страннику, который сумел ненавязчиво показать мне, во что я превратился. Вслед за благодарностью пришло чувство освобождения, словно я долго находился в закрытом помещении и вдруг вышел наружу. Я понял, что с этого момента ещё один барьер между мной и Странником рухнул; мы ещё на один шаг стали ближе друг другу.

Странник ответил на мой вопрос, хотя я был уже не рад, что задал его, достаточно развёрнуто. Первое, что он сказал, было его удивление по поводу моего вопроса. Сказать по правде, я на его месте был бы так же удивлён, задай он мне такой вопрос.

– Говоря о возможности поголовного уничтожения населения Серой империи, я имел в виду именно возможность, которая при нынешней расстановке сил, вполне реальна, – заговорил Странник. – У меня даже мысли не возникало проверить этот тезис на практике. Поэтому мне даже странно, что ты, уважаемый Азар всерьёз задал мне этот вопрос. Я, конечно, понимаю, что агрессия Серой империи напрямую угрожает твоей вотчине, поэтому ты вправе допустить даже такой вариант исхода будущей войны. Поэтому я постараюсь, как можно убедительней ответить на твой вопрос. У моего тезиса об уничтожении населения серой империи существует две стороны. Первая отвечает на вопрос – можем ли мы полностью уничтожить население Серой империи? Если говорить честно, конечно можем, но при этом, скорее всего, погибнем и сами, или, в лучшем случае, понесём такой урон, что это будет победа хуже поражения. Что бы это было предельно ясно, расскажу вам в общих чертах расстановку сил на данный момент. Дело в том, что безудержное расширение Серой империи, её бесконечная экспансия, нарушают равновесие Мироздания, что, естественно, не может радовать Вселенские силы, стоящие на страже этого равновесия. Поэтому в нашем противостоянии с серыми, Вселенские силы на нашей стороне, но до тех пор, пока наше противостояние не будет, в свою очередь, нарушать равновесия мироздания. Так вот, если мы нанесём удар такой силы, что бы уничтожить Серую империю физически, то тем самым

нарушим вселенское равновесие. Вот тогда Вселенские силы обернуться против нас, а это, скажу я вам более чем серьёзно. Но это хотя и серьёзная, но отнюдь не единственная причина не делать этого. Например, мы понятия не имеем, какими людскими ресурсами обладает Серая империя, её реальные цели, её магию, её возможности. Короче, мы практически ничего о нашем противнике не знаем, а поэтому о нанесении сокрушительного удара по нему не может быть и речи. Но самое главное, это то, что я ни за что не стану участвовать в поголовном уничтожении подданных Серой империи. Вся моя натура противиться этому. Я согласен сражаться с вооружённым врагом, хотя и это не доставляет мне удовольствия. Когда мы с Джоном увидели степь, до горизонта покрытую обгорелыми трупами серых всадников, меня чуть не вырвало.

Помню, как ответив на мой вопрос, Странник надолго замолчал. Лицо его при этом словно закаменело, превратившись в странную маску, за которой, как я тогда понял, скрывался очень ранимый, с огромной любящей душой, много переживший, усталый человек.

Спустя какое-то время, Странник продолжил свой монолог. Теперь он в общих чертах рассказал о разработанной им долговременной стратегии борьбы с Серой империей. Было видно, что всё, о чём он говорил, было плодом долгих размышлений и личных наблюдений Странника, чья Древняя память начала пробуждаться, наделяя его колоссальным

ОПЫТОМ.

Весь стратегический план борьбы с нашим врагом, предложенный Странником он разделил на две части. Первая часть этого плана, я назвал её подготовительной. В ней было учтено всё, что нам необходимо было сделать, что бы встретить войну с Серой империей полностью подготовленными. Главной задачей подготовки к войне, по словам Странника, с которыми я полностью согласен, было спасти как можно больше подданных империи Повелителей драконов, когда империя неминуемо рухнет.

То, что империя Повелителей драконов обречена, не сомневался никто – уж больно глубоко в ней пустила корни серая немочь. Окончательное её падение было лишь вопросом времени. Вот за это время и шла теперь борьба. Ради того, что бы выиграть время, сделали свою вылазку Странник и Джон; ради этого вели свою невидимую внешне войну Повелители драконов, ради этого вели свою борьбу сотни, а может и тысячи, людей, демонов, ангелов и других разумных существ этой части мироздания. Все они, способные почувствовать, что великое равновесие мироздания опасно нарушено, осознанно или нет, встали за то, что бы препятствовать этому. Нет, они вовсе не были знакомыми между собой; зачастую они даже не подозревали, что они не одни противостоят этому вселенскому злу. Просто что-то в них не принимало, не могло принять существующий порядок вещей. Просто они не могли жить, как все; просто им было

тесно в своих мирах и они, так или иначе, вырывались из плена обыденной реальности, где рано или поздно сталкивались с серой мерзостью, расползающейся по мирозданию. Большинство из них никогда не знали, что где-то в бесконечных просторах пространства и времени существует империя Повелителей драконов, мало ли в мироздании самых разных империй. Однако, ведя бесконечную борьбу со злом, которое в их мирах может иметь форму бесконечно далёкую от формы Серой империи и её всадников, они поневоле становились нашими союзниками. Странник полагал, что именно в империи завязался основной узел борьбы, что именно здесь будет сделан первый шаг к окончательному разгрому Серой империи.

В этом вопросе я был целиком согласен со Странником, только никак не мог понять, в чём его замысел. Я по-прежнему не представлял себе другого способа противостояния Серой империи, кроме прямого военного столкновения.

Далее Странник стал более подробно говорить о том, что всем нам предстояло сделать в ближайшие лет пять; примерно такой срок относительно спокойной жизни он предполагал, правда заранее предупредил, что этот срок может оказаться значительно короче. Как пойдут дела, туманно заявил он. Однако, так или иначе, особо расслабиться нам не получится – работы, как говорится, выше крыши.

То, что он стал говорить дальше, о предстоящей всем нам работе заставило всех слушать затаив дыхание. Было от че-

го затаить дыхание, уж больно невероятные вещи рассказывал Странник. Даже мне, мастеру Высокого искусства, вотчиннику, они казались просто фантастикой. Если бы о таких вещах говорил бы не Странник, а кто-нибудь другой, ни за что бы, ни поверил, а тут сидел, как мальчишка, только что, не раскрыв рот, и слушал, боясь пропустить хоть слово. Речь же шла о грандиозном замысле, ни много ни мало, о переносе Обсерватории из нашего мира в специально созданную для неё вотчину, которую ещё нужно было создать. Я, как человек собаку съевший в Высоком искусстве, прекрасно понимал, какие трудности предстоит преодолеть для реализации этой воистину грандиозной задачи, задуманной Странником. Не смотря на это, я, почему-то сразу поверил, что замысел Странника будет с успехом реализован, причём самым наилучшим образом. Мало того, я не просто поверил ему, а стал самым горячим сторонником всех его действий. Былое недопонимание между нами после этого разговора растаяло как туман под лучами утреннего солнца.

Странник говорил о том, что Обсерватория, в случае прямой для неё опасности, способна самостоятельно переместиться в другой мир, но это может повлечь за собой гибель нашего мира, а никому из нас этого бы не хотелось. Кроме того, не гарантировало, что спустя какое-то время серые не найдут дорогу и в тот мир, куда переместится Обсерватория. Если же создать вотчину и переместить в неё Обсерваторию, то туда без её разрешения не будет доступа никому, а запла-

нированный Странником переход будет происходить в щадящем режиме с наименьшими разрушениями в нашем мире.

Идея мне понравилась, но возникли сомнения в том, хватит ли нам времени для детальной подготовки задуманного. Я прекрасно помню, сколько трудов и времени потребовалось мне для создания вотчины, а уж о предстоящих трудностях при перемещении такого объекта, как Обсерватория, я мог только догадываться. Своими сомнениями я поделился со Странником, на что он ответил настолько убедительно, что мои сомнения отпали сами собой.

Понимаешь, Азар, ответил на мои сомнения Странник, дело в том, что вся подготовительная работа к перемещению Обсерватории уже сделана учениками. Это они создали заклятие перемещения. Особенно в этом деле отличился Кувай, хотя, впрочем, по другому и быть не могло, ведь именно ему предстоит в будущем запустить это заклятие. Каждый из учеников создал свою часть этого великого заклятия, что зачтено как успешно сданный экзамен по теоретической магии. Мне осталось только сбалансировать это заклятие, да насытить его силой. Тут мне на помощь пришла сама Обсерватория, которая щедро поделилась своей силой. Так что подготовительная, самая трудоёмкая часть работы, уже сделана, остались только кое-какие детали.

Что же касается создания вотчины для Обсерватории, то тут особых сложностей не предвидится. В отличие от со-

творения Сегурии, наша задача значительно проще. По сути, нам требуется создать лишь особое, изолированное от остального мироздания пространство, надёжно защищённое от внешнего вторжения. Всё остальное, что необходимо для жизни людей, которые уйдут вместе с Обсерваторией, она создаст сама.

Я долго размышлял над вопросом, где лучше всего пространственно поместить вотчину Обсерватории, и пришёл к выводу, что лучшим местом для этого должен стать один из пограничных с Серой империей миров, недавно подвергшихся нападению серых всадников. Этим мы убиваем сразу двух зайцев. Размещение такой силы, которой является Обсерватория, вблизи границы Серой империи, вызовет, с одной стороны, страшный переполох у главарей Серой империи, заставит их поломать голову над этим фактом. Пока они не поймут, что к чему, они вряд ли решаться напасть на нас. Это позволит нам выиграть время для глубокой разведки Серой империи, а Обсерватория нам в этом подыграет. Кроме того, Обсерватория прикуёт к себе значительные силы серых всадников, что, опять же послужит на пользу нам. Это второе. Наконец, самое главное, удобное для нас расположение Обсерватории поможет нам реализовать вторую часть плана разгрома Серой империи.

Всё сказанное Странником было настолько логичным, что я сразу же принял эту информацию почти как истину, однако мой дух противоречия всё же постарался ввести меня в

сомнения. Я спросил Странника, на чём основана его убеждённость в том, что Серая империя будет действовать именно так, как он предполагает. На это он ответил мне достаточно развёрнуто и убедительно.

Понимаешь, друг мой Азар, сказал он с лёгкой улыбкой, мои наблюдения за серыми всадниками достаточно убедительно показывают, что они слетаются на проявления силы, как осы на мёд. Вспомни, как они активны возле Вселенского маятника и, как я слышал, возле Трактира-на-перекрёстке. Да и империя Повелителей драконов так их привлекает только потому, что в ней находится Обсерватория. Я давно уже понял, что Серая империя является по существу Вселенским вампиром, вся цель существования которого является охота за силой. Поэтому она поведёт себя именно так, как я предполагаю. На это моему духу противоречия нечего было ответить, но зато, когда он начал распределять обязанности среди исполнителей, во мне проснулась гордыня.

Почему гордыня проснулась именно тогда? А как ей было не проснуться, когда я вдруг оказался не удел? Всем в представленном Странником плане нашлось место, кроме меня. Меня просто отодвинули в сторону, что бы я ни путался под ногами занятых важным делом людей. Стало очень обидно, хотя душой я чувствовал, что своей осторожностью, я сам подготовил себе такое отношение к себе. Но даже это понимание, не улучшило моего состояния.

Странник заявил, что он сразу после свадьбы Кувая от-

правляется создавать вотчину для Обсерватории. С собой он забирает учеников, кроме Кувая, и плюс к ним Яргуста. Ну, с Куваем всё понятно – кто же берёт в опасный поход новобрачного? Странник сказал, что он должен будет окончательно доработать заклятие перемещения, родить наследника и быть готовым прийти к ним на помощь, если таковая вдруг потребуется. Я, честно сказать, рассчитывал, что место Кувая в их группе он предложит мне, но я ошибся, что ещё больше испортило мне настроение.

Закончив с учениками, Странник обратился к Ляргусу, попросив его связаться с Повелителем. Ляргус, по своей всегдашней скрытности, сделал удивлённое лицо и стал уверять, что он не имеет связи с Повелителем, что он простой изгнанник и так далее, и тому подобное. Странник со снисходительной улыбкой, которую он даже не пытался скрыть, наблюдал за ним. Когда же старый жрец, наконец, кончил валять дурака, Странник достаточно твёрдо повторил свою просьбу. Она заключалась в том, что бы передать Правителю просьбу постепенно наращивать репрессии против жителей столицы.

Я ожидал всего, что угодно, но только не этого. Зачем ему понадобилось, что бы Повелитель усилил репрессии против населения столицы? Моё недоумение, по-видимому, было написано у меня на лице, поэтому Странник поспешил ввести меня в курс дела. Всё оказалось до банальности просто. Странник просто хотел спасти как можно больше жителей

столицы, а для этого было необходимо, что бы большинство горожан покинули столицу задолго до начала решающих событий, которые, судя по всему, грозили разрушить древний город до основания.

Я был просто поражён столь многоплановым сознанием Странника, кажется, он предусмотрел всё. Тот, видимо почувствовав мою обиду, заявил, что для меня предусмотрено особое очень важное поручение, если, конечно, я буду не против. Я, конечно, был не против. Странник довольно подробно рассказал мне, что я должен буду сделать. В мою задачу входило встретиться со всеми вотчинниками империи, что было довольно сложно. Всего в империи было, включая и меня, семнадцать вотчинников, которые после известных событий удалились в свои вотчины, где они и пребывали, не показывая наружу и носа. Как я понял, они просто хотели отсидеться, ни во что не вмешиваясь. Я их прекрасно понимал, ибо сам был вотчинником и знал, чем придётся рисковать, вступив в противостояние с Серой империей. Вот теперь мне предстояло встретиться с каждым из них и постараться убедить их встать в ряды борцов с серой немочью. Дело это, скажу я вам, вовсе не такое простое, как может показаться на первый взгляд.

Почему это так? Ответ достаточно прост, хотя от этого моя задача вовсе не делается легче. Дело в том, что все вотчинники являются самодостаточными личностями, а раз так, то они вовсе не нуждаются в общении с себе подобными. По-

этом, укрывшись в своих вотчинах, они ведут настолько замкнутый образ жизни, что даже для того, что бы вызвать их на связь придётся изрядно попотеть. Ну, что же. Нам ли искать лёгких путей? Самое главное, что я оказался нужным моим друзьям.

Суть моего задания заключалась даже не в том, что бы сделать вотчинников своими союзниками в борьбе с Серой империи, а в том, что бы уговорить их дать приют в своих вотчинах многочисленным беженцам, которые в скором времени должны будут заполнить дороги империи Повелителей драконов. Кроме этого я и сам должен подготовить Сегурию к приёму новых граждан.

У меня возникло одно опасение, которым я тут же поделился со Странником. Я опасался, что вместе с беженцами в вотчину могут попасть и люди заражённые серой немочью, а ни один вотчинник, включая и меня, никогда не согласится занести к себе эту заразу. На моё возражение последовал спокойный ответ, что, разумеется, он это предусмотрел. Для проверки беженцев у него есть специальное заклятие, которое ему дала Обсерватория. Этим заклятием он поделится со мной, а уж я, в свою очередь, должен буду поделиться им с теми вотчинниками, которые согласятся принять к себе беженцев.

Мои воспоминания были прерваны появлением слуги, который пришёл напомнить мне, что пора одеваться на свадьбу Кувая. Ну, что же, пора значит пора.

3

Путь в империю Повелителей драконов занял у меня совсем немного времени, тем более, что я опять воспользовался своим способом скоростного перемещения по мирам. В этот раз я вошёл в мир империи гораздо аккуратнее, чем в прошлый раз, когда буквально ввалился в мир Джона. Спасибо Учителю, который, узнав о разработанном мной методе перемещения, дал несколько очень дельных советов по вхождению в нужный мир. Его советы очень пригодились, так что, если бы случился сторонний наблюдатель, он бы увидел только, как по вечернему небу промелькнул метеор, на какую-то долю секунды осветив вечерний небосвод. Ну, световой эффект, это полбеда, тем более, что, к сожалению, избавиться от него полностью вряд ли удастся. Самое главное, что не было большого шума, того самого, с которым я ворвался в мир Джона. Во всяком случае, шум был настолько слаб, что услышать моё вхождение в мир мог лишь тот, кто непосредственно ждал моего прихода.

В мир империи Повелителей драконов я явился, когда там был толи поздний вечер, толи начало ночи. Во всяком случае, сумерки были уже достаточно тёмными, но не настолько, что бы считаться ночной тьмой, когда уже стемнело, а луна, верная спутница влюблённых, ещё не появилась из-за горизонта, на котором уже догорали последние отблески за-

ката.

Быстро настроив зрение, на ночное виденье, я огляделся, пытаюсь определить место, где я оказался. Это была небольшая, довольно уютная лесная поляна, которую окружали со всех сторон столетние дубы. Я узнал это место. Это была единственная дубрава вблизи столицы. Она росла километрах в десяти от южных ворот, и через неё проходил оживлённый тракт, по которому в прошлое посещение империи Повелителей драконов мы уходили от погони. Я убедился в правильности своей догадки спустя десять минут, когда вышел на этот самый тракт, который по случаю позднего времени был абсолютно пуст. Этим стоило воспользоваться, что бы никем не замеченным добраться до столицы.

Задача моего нынешнего посещения была так важно, что мне совсем не хотелось рисковать. Нет, вовсе не из страха, что я могу погибнуть, хотя и этого, конечно, не хотелось. Я боялся, что в случае провала моей миссии, рухнет весь грандиозный замысел моего Учителя, пропадут великие труды всей нашей группы, а кровь, пролитая моими друзьями, будет пролита напрасно. Не забывайте, что я нёс для Обсерватории ключи от её новой вотчины, ради создания которой рисковали жизнью мои друзья.

Именно, исходя из этого, я и решил до последней возможности не прибегать к магии, которая могла привлечь к моей скромной персоне нежелательное внимание. Именно поэтому я сейчас и шёл пешком, а не обратился в дракона.

Особо торопиться нужды не было – городские ворота всё равно закрыты до восхода солнца, к тому же быть в первых рядах посетителей столицы никак не входило в мои намерения – зачем привлекать лишнее внимание. Поэтому я решил, пользуясь безлюдьем на тракте, добраться до придорожного кабачка и там заночевать, а уже утром, когда на тракте начнётся интенсивное движение, смешаться с путниками и вместе с ними войти в столицу.

Довольно скоро я увидел тусклый свет фонаря, что висел при входе в кабачок, который носил звучное название «Императорская шпора» довольно коряво написанное на облупившейся от времени вывеске. Надо полагать, что хозяином кабачка, скорее всего, был отставной кавалерист. Почему-то в империи хозяевами вот таких небольших кабачков, трактиров и постоялых дворов, были в подавляющем большинстве отставные военные.

Я взялся за ручку двери и, отворив ее, вошёл в кабачок. По обычаю, принятому в империи с незапамятных времён, двери подобных придорожных заведений никогда не запирались, даже во времена смут. Существовало даже такое поверье, что если двери начнут запирать, значит, империи пришёл конец. Так что незапертая дверь внушала надежду, что империя Повелителей драконов ещё поживёт.

Я вошёл в зал, слабо освещённый несколькими факелами. Было сильно накурено, шумно, пахло жареным мясом и пивом, в общем, была та самая атмосфера, которая харак-

терна для придорожных кабачков. Короче, зал, в котором я очутился, обладал тем самым привлекательным уютом, который может оценить по достоинству только тот, кто прошёл множество дорог. Кому не раз предоставляли пищу, питьё и кров, подобные этому заведению.

Зал, не смотря на позднее время, был почти полностью заполнен посетителями, которые представляли собой достаточно пеструю картину. Справа от входа, рядом со стойкой, расположилась целая семья какого-то зажиточного горожанина. Сам глава семьи, полноватый, начинающий лысеть мужчина лет пятидесяти, сидел в окружении домочадцев и не спеша пил пиво из большой деревянной кружки. Рядом с ним сидела супруга, которая в противоположность мужу была болезненно худа. С её невыразительного лица, на котором она тщетно пыталась сохранить остатки былой красоты, не сходило брезгливое выражение, словно ей было противно находиться в таком месте, как этот кабачок. Она потягивала из рюмки сладкий ликёр, заедая его виноградом из большой вазы, стоявшей перед ней на столе. Трое взрослых сыновей, все как один похожие на отца, так же, как и он сосредоточенно пили пиво. Две девочки-подростка, явно дочери этой пары, ели фрукты и о чём-то болтали между собой.

В противоположном углу за сдвинутыми столами сидела большая компания изрядно подвыпивших мужчин, судя по их одежде и наличию оружия, наёмников, которые часто

большими группами путешествуют по всей империи, предлагая крупным аристократам свои услуги воинов. Судя по всему, он уже довольно давно бражничали здесь, и сейчас достигли того состояния, когда, как говорится, море по колено. Однако предводитель этой ватаги сорвиголов, видимо обладал твёрдым характером и железной рукой, поэтому любая попытка наёмников позволить себе что-нибудь непотребное тут же им пресекалась самым решительным образом. Самым удивительным было то, что эти пьяные головорезы под его взглядом становились тихими и послушными, как овечки. Кроме того, несколько оставшихся столов занимали, судя по одежде, крестьяне из ближнего села, только стол, стоящий возле камина, который по случаю летнего времени не топился, занимали трое молодых людей примерно моего возраста.

Судя по одежде и шпагам, которые они сняли вместе с перевязями и положили возле себя на стол, это были, скорее всего, молодые дворяне, державшие, путь в столицу в поисках службы и приключений. Они пили вино, наливая его в кружки из большого кувшина, и закусывали маринованными овощами и рыбой. Это была любимая закуска в империи.

Оглядев зал, я подошёл к стойке, за которой подобно журавлю возвышался хозяин заведения. Он был очень высок и худ, к тому же обладал чрезвычайно длинным носом, что придавало ему сходство с этой благородной птицей. На лице его смешалась приветливость, подобающая ему, как хозяину, с заметной примесью любопытства, вызванного моим

появлением в столь неурочное время.

Я подошёл к стойке, поздоровался, заказал ужин и поинтересовался насчёт ночлега.

– Ужин будет через пять минут, если вы, молодой господин, согласны разделить ужин вон с теми господами у камина, – неожиданно низким голосом, который никак не вязался с его комплекцией, ответил трактирщик. – К сожалению сегодня, на удивление много посетителей, поэтому, кроме этого, мест больше нет.

Он говорил вежливо, однако без подобострастия, столь свойственного людям его профессии, чем сразу же вызвал моё расположение.

– Уважаемый, хозяин, – ответил я. – Я человек неприередливый и с удовольствием займу предложенное тобой место, если, конечно, эти господа согласятся составить мне компанию.

– Об этом не беспокойтесь, молодой господин, – сказал хозяин. – Я обо всём договорюсь. Кроме того, свободных комнат нет, поэтому вам придётся разделить для ночлега чердак всё с теми же господами. Если вы и с этим согласны, мне остаётся только узнать, что вы будете пить и как расплачиваться.

Я заказал себе красного вина и положил на стойку золотую монету, от вида которой, лицо трактирщика расплылось в широкой улыбке. Он тут же направился к молодым дворянам, и спустя минуту, я уже сидел за столом, потягивая из

кружки отличное вино.

Прежде, чем занять своё место, я представился, назвавшись Джоном Мильтоном из усадьбы Мильтон-Хауз. Я специально назвался этим именем, зная, что встретить в империи кого-либо, знакомого с Джоном или имеющим представление, где находится этот самый Мильтон-Хауз просто невозможно.

Они в ответ тоже представились и предложили выпить за знакомство. Как я и думал, все трое были младшими сыновьями дворян с юга, с границы с южными варварами, которые направлялись в столицу в поисках удачи.

Не прошло и пяти минут, как передо мною очутилась миска полная парящего неповторимым ароматом жареного мяса, тарелка с солёными овощами и большой кувшин вина. Я страшно проголодался, поэтому сразу же набросился на еду. Мои новые знакомые тактично молчали, пока я утолял голод.

Утолив голод, я налил моим сотрапезникам вина и предложил выпить за здоровье Повелителей драконов, моих родителей. Этим тостом я преследовал цель прощупать моих случайных знакомых на лояльность к владыкам империи. Кроме того, я произнёс этот тост умышленно громко, так, что бы его могли услышать все присутствующие в этот час в зале кабачка. Мне хотелось проверить реакцию этих, в общем-то, случайно собравшихся в этом зале, людей. Реакция на мой тост оказалась очень неожиданной.

Все тут же вскочили со своих мест и поддержали мой тост. Но не это поразило меня, чего-то примерно такого я и ожидал. Меня поразили лица людей, вернее выражение их лиц. Практически на всех, за исключением лиц предводителя наёмников и хозяина кабачка отпечатался такой страх, который с полным правом можно было назвать ужасом. Я ожидал всего, но только не этого. Печально было смотреть на этих перепуганных людей, которые судорожно делали большие глотки из своих кружек, не чувствуя вкуса и с трудом проталкивая своё вино или пиво в сведённые спазмом страха глотки. Явно было видно, что им очень не хочется пить за здоровье Повелителей, с какой бы радостью они выпили бы за помин души оных, но ещё страшнее для них было отказаться поддержать мой тост. Ещё бы, это могло быть расценено, как мятеж, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Предводитель наёмников выпил свою кружку с видимым удовольствием и быстро взглянул мне в глаза. Я был готов к этому, поэтому полностью заблокировал своё сознание. Когда его взгляд натолкнулся на поставленный мною барьер, я увидел в его глазах признак испуга, хотя, надо отдать ему должное, он очень быстро справился с испугом. Да, он был серьёзным противником.

Что же меня насторожило в обычном, на первый взгляд, вожаке отряда наёмников? Просто мне очень хорошо знаком такой мгновенно оценивающий тебя взгляд, который бук-

вально за долю секунды способен прочитать всю твою подноготную. Такой взгляд присущ опытным воинам, матёрым уголовникам и шпионам. Кто же сейчас передо мной? То, что это матёрый уголовник, я сразу же отмёл, они смотрят несколько по-другому, да, и нет в нём некой бесшабашной наглости, свойственной уголовникам. Я в первый момент, было, принял его за опытного воина, что, как показали дальнейшие события, так и было, но меня смутил тот его кратковременный испуг, который я успел разглядеть. Поэтому я пришёл к выводу, что он всё же шпион, хотя при этом и опытный воин и уголовник. Да, воистину опасный тип. Останется лишь выяснить, на кого он работает.

Я, выпив свою кружку, опустил на свой стул и стал беззаботно закусывать. Расслабившись и погрузившись в себя, я начал очень осторожно прощупывать моего соперника, а что это был соперник, причём соперник очень сильный и, тем самым, опасный, я ни минуты не сомневался. Я прекрасно чувствовал, что он не оставил попытки меня прочитать, поэтому решил ему подыграть.

Нет, не подумайте, что я решил раскрыться перед ним, ещё чего не хватало, вовсе нет. Просто я решил показать ему некую иллюзию, ничего общего со мной реальным не имеющую. Я раскрылся, и он увидел слегка захмелевшего молодого человека, который отчаянно завидует таким опытным рубакам, каким был предводитель наёмников. Перед ним предстал молокосос, мечтающий сделать головокружи-

тельную карьеру при дворе, в общем, ничего интересного. Его интерес ко мне сразу же пропал, и тогда я, очень осторожно ввёл в него своё заклятие познания.

Какое-то время ничего не происходило. Позже, примерно минут через пять, перед моим внутреннем взором, сначала смутно, потом всё более чётко, предстала картина, и картина эта вызвало во мне двойственные ощущения. Постараюсь подробнее описать то, что показало моё заклятие познания, считывающее информацию напрямую из памяти предводителя наёмников.

Картина, которую показало мне моё заклятие, была с одной стороны захватывающе интересной, а с другой настолько мрачной, навевающей тоску зелёную, буквально потрясла меня до глубины души. Это заклятие познания было моей новейшей разработкой, которую я сейчас испытал в первый раз. Нет, это, конечно, не было моим изобретением. Просто я взял за основу классическое заклятие познания, которое, честно говоря, было очень громоздким и крайне неудобным в работе. Другим его недостатком, вытекающим из его громоздкости, было то, что его практически невозможно было применить незаметно. Любой, мало-мальски обладающий магическими задатками или владеющий основами Искусства, за версту его чувствовал и, конечно, тут же ставил блокировку.

Так вот, я взял за основу классическую форму этого заклятия и доработал его. В результате это громоздкое соору-

жение магической мысли, превратилось в компактное, практически незаметное заклятие, причём его способности считывать чужую память возросли многократно. Я был доволен; только один недостаток этого заклятия ограничивал его применение в обычных условиях, коими для нас, ходящих-помирам была дорога. Этим недостатком была большая затрата времени, необходимого для создания этого заклятия, которое можно было применить только один раз. Поэтому, если необходимо было прочесть память нескольких человек, приходилось каждый раз создавать заклятие заново. Однако я очень быстро нашёл выход, дабы обойти этот недостаток. Перед тем, как отправиться в путь, я создал десяток таких заклятий, так, на всякий случай и теперь пожинал плоды своей предусмотрительности.

Вообще, впервые отправляясь в путь в одиночку, я постарался хорошо подготовиться, ведь, когда ты один, то и рассчитывать можешь только на самого себя. За годы, что я учился у Азара и Странника, я хорошо усвоил, что не стоит полагаться на обычное оружие, там более, когда ты волшебник, одинаково хорошо владеющий как магией, так и Искусством. Поэтому из оружия я взял только длинный кинжал, который был достаточно лёгким, что бы ни служить обузой в дороге, но в то же время достаточно острым, что бы в случае чего мог послужить для самообороны, в крайнем случае, порезать мясо и хлеб на обед.

Отказавшись от обычного оружия, я, как говорится, под

самую завязку запаса заклятиями на все случаи жизни. Магическое оружие, конечно, очень эффективно, не занимает много места и практически ничего не весит, но все эти заклятия, как правило, одноразовые. Поэтому перед каждым очередным походом по мирам, требовалось изрядно попотеть, что бы отправиться в путь во всеоружии.

Я взял с собой, помимо десятка заклятий познания, заклятия поиска, дюжину боевых заклятий разной мощности, а так же, на всякий случай, вдруг пригодится, заклятие невидимости, самое громоздкое и требующее для поддержания его много сил. Надеюсь, что оно не понадобится. Многие из этих заклятий были разработаны лично мной, а остальные, кроме заклятия невидимости, значительно мной же усовершенствованы. Вот теперь, первое же применение заклятия познания, с блеском показало, что моё усовершенствование пошло заклятию на пользу. Мой доблестный глава наёмников совершенно ничего не заметил.

Сначала я увидел, что среди той же самой дубравы, где совсем недавно вошёл в мир империи я, открылся проход и из него один за другим вышли наши наёмники во главе со своим командиром. Но как они в тот момент отличались от тех, что пьянствовали сейчас в этом трактире. Я увидел, что через проход входили серые всадники, хотя в этот раз они были пешими. Их переход длился не более минуты, и как только проход закрылся, они тут же стали переодеваться в одежду, которую они извлекли из своих вещмешков. Через

несколько минут передо мной оказались те самые наёмники, которых я увидел в кабачке. Свои серые плащи они спрятали тут же в лесу и по узенькой тропинке направились куда-то, как я понимаю, в направлении кабачка. Моё сознание чисто автоматически запомнило координаты прохода, через который серые проникли в наш мир.

Следом за этой картинкой, я увидел удивительное зрелище, которое потрясло меня до глубины души. Почему-то я сразу же понял, что передо мной Серая империя, причём, скорее всего, её столица или, по крайней мере, резиденция правителя. Я увидел огромный, даже по меркам империи Повелителей драконов, дворец. Это было угрюмое, я бы даже сказал мрачное здание с множеством архитектурных излишеств, в виде шпилей, башенок, самых разнообразных колон. Общее впечатление от увиденного было такое, что я ни за какие коврижки добровольно не вошёл бы в этот дворец. Я огляделся и понял, что дворец стоит вовсе не в городе, как в нашей империи. Он находился посреди плоской, как стол равнины, покрытой серой от пыли невысокой, словно стриженной травой. А может, дело было не в пыли, может это была просто серая трава. Не знаю. Левее дворца, километрах в пяти просматривалось какое-то строение, толи какой-то храм, толи монастырь. Людей вокруг совершенно не наблюдалось, словно мой визави, облачённый в серый плащ с капюшоном, был единственным живым существом в этом сером мире. Мой предводитель наёмников, буду и дальше на-

зывать его так, направлялся именно во дворец, куда мне заходить не было никакого желания. Ну, ничего не поделаешь, хош не хош, а идти нужно.

Мой предводитель, проигнорировав парадный вход во дворец, уверенно направился к неприметной двери, в которую он легонько постучал костяшками пальцами, каким-то условным стуком. Судя по всему, он был здесь не первый раз. Дверь тут же отворилась, словно кто-то только и ждал этого стука. Предводитель вошёл в дверь, где его встретил невзрачного вида человек в чёрной одежде, богато расшитой золотыми нитями. Предводитель приветствовал его низким подобострастным поклоном; тот в ответ только высокомерно кивнул.

– Ты заставил нас ждать целых пять минут, – каким-то шипящим змеиным голосом вместо словестного приветствия произнёс встречающий в расшитой золотом одежде, лицо его при этом выражало предельную степень презрения пополам с брезгливостью. – Твоё счастье, что ты и твои головорезы, являетесь лучшими разведчиками империи, иначе не сносить тебе головы.

Я почувствовал, как испугался предводитель, что никак не вязалось с его обликом прожжённого рубаки. Вероятно угроза, что прозвучала из уст, судя по всему, высокопоставленного придворного, была для моего предводителя не простым сотрясением воздуха. Он в ответ на высказанное недовольство начал торопливо оправдываться, но его попытка

оправдаться была тут же пресечена.

– Оставь свои жалкие оправдания, несчастный, – голосом полным силы, прервал его придворный. – Верховный Бог очень обеспокоен положением дел в так называемой империи Повелителей драконов, а ты же понимаешь, чем эта обеспокоенность может вылиться для нас, его верноподданных.

Я почувствовал, что предводитель прекрасно знает, во что это может вылиться; по всему его сознанию прошла новая волна страха, скорее даже ужаса, которая зацепила даже меня, во всяком случае, мне стало как-то неуютно.

– Ты, я вижу, всё прекрасно понял, поэтому не будем терять зря время, – более мягким голосом сказал придворный. – Следуй за мной, нам предстоит очень серьёзный разговор.

Он повернулся спиной к предводителю, и, покинув полутёмную прихожую, где произошла их встреча, пошёл по ещё более тёмному коридору, не удосужившись даже поинтересоваться, следует ли за ним предводитель, видимо у него не могло возникнуть даже мысли, что тот может его послушаться. Ну и дисциплинка же у них.

Мы шли по полутёмным коридорам минут десять, дважды поднимались по лестнице, пока, наконец, наш проводник не открыл дверь, из-за которой хлынул поток света. Он был так яркий, что предводитель на секунду остановился и прикрыл глаза ладонью, видимо после темноты коридоров, этот свет

ослепил его. Придворный же, похоже так привык к таким вот переходам от темноты к яркому свету, что не чувствовал при этом никаких неудобств. Я поймал себя на мысли, что описывая встречу предводителя с придворным, я как-то невольно стал говорить мы, отождествляя себя с предводителем, что было вполне оправданно, ведь незримо я сопровождал предводителя и видел всё его глазами.

– Проходи, что застрял у двери, – ворчливо сказал придворный. – Нам предстоит долгий разговор, поэтому будем экономить время. Садись за стол, выпей вина и внимательно слушай, я два раза повторять не буду.

Мой предводитель, как-то суетливо вбежал в комнату и осторожно присел на стул указанный ему хозяином комнаты. Это была небольшая комната, в которой из мебели были только небольшой стол и пара стульев, вернее один простой, без всяких украшений стул, а вторым было богато украшенное резьбой кресло, в которое и опустился хозяин комнаты. Надо полагать, что эта комната служила для проведения секретных переговоров, так как я заметил наличие в ней заклятия против подслушивания. Однако стоило только хозяину заговорить, как мне стало не до рассматривания убранства комнаты, уж о больно важных вещах пошла речь. Оказалось, что придворный, который встретил предводителя у входа, был ни много не мало, а сам Главный Исполнитель Воли Благих Богов, по рангу нашей империи никак не ниже премьер министра или же канцлера. Звали его Арахонт, он

обладал почти неограниченной властью в Серой империи и был скор на расправу. Да, видимо, дело, которое хотели поручить Кваргу (так оказывается, звали предводителя), было столь важным, если такой вельможа лично занимался им, а навыки Кварга были столь необходимы для решения данного дела, и это спасло его от серьёзного наказания за опоздание. Эту информацию мне удалось вытянуть из памяти предводителя.

– Открою тебе, Кварг, государственную тайну, что бы ты хорошо прочувствовал важность поручения, которое от лица Благих Богов я намерен доверить тебе и твоим разведчикам, – спокойным голосом, в котором, не смотря на отсутствие каких-либо интонаций, явственно ощущалась сила, заговорил Арахонт. – Дело в том, что империя в настоящий момент стоит на пороге войны с так называемой империей Повелителей драконов. Ты можешь подумать – эка невидаль, очередная война, ведь империя постоянно ведёт войны. Это так, наша империя по воле Благих Богов постоянно ведёт победоносные войны и эту империю мы, конечно, разгромим, но в этот раз мы имеем дело с противником, который по своим возможностям, если и уступает нам, то очень незначительно. Сам понимаешь, что при таком раскладе, может произойти всё что угодно.

Он сделал паузу, давая Кваргу время осмыслить услышанное, а оно, судя по состоянию Кварга, его очень удивило. Видимо Серая империя впервые столкнулась с противником,

не уступающим ей в силе. Я с радостью отметил для себя, что к этому выводу их привели рейд Учителя и Джона, а так же последняя стычка, когда мои друзья чуть не погибли и только благодаря Древней силе Учителя, остались живы. Кварг своим вопросом к Арахонту, блестяще подтвердил мою догадку.

– Позволено ли мне, ваша честь, задать вопрос? – вставая и кланяясь, спросил Кварг.

– Позволено, – ответил Арахонт и сделал знак, что бы Кварг не вставал. – Давай без церемоний, дело слишком важное.

– Ваша оценка, ваша честь, основана на срыве вторжения в Хороге и на событиях в умерщвлённом пограничье? – сформулировал свой вопрос Кварг.

– В основном да, – ответил Архонт, сделав большой глоток из своего бокала. – Да, ты пей вино, разговор будет долгим.

Теперь Архонт не был тем высокомерным аристократом, распекающим слугу, как во время встречи. Это говорило, что люди, управляющие Серой империей, вовсе не были тупыми садистами готовыми ради своих сословных привилегий, пожертвовать безопасностью своей империи. Жёсткая дисциплина серого воинства в случае реальной опасности всё же позволяла некоторую гибкость, что помогало избежать излишних потерь среди своих. Если рядовые серые всадники не ведали страха и не умели отступить, то коман-

диры, особенно генералитет, вполне могли позволить своим войскам отступление, при условии, что потом они смогут доказать обоснованность этого манёвра. Я знал это из рассказов Учителя и Джона, а теперь, видя, как изменились отношения между высшим царедворцем и командиром отряда разведчиков, лишний раз убедился в правильности наблюдений Учителя.

– Я понимаю, что ты со своим отрядом все последние годы был занят поиском путей к Маятнику, поэтому плохо осведомлён о делах в империи, – Поэтому я постараюсь побыстрее ввести тебя в курс дела. Мы с тобой оба посвящённые, поэтому буду говорить открыто. Для тебя не секрет, что наша благословенная империя кровно заинтересована в постоянном притоке силы. От этого зависит наше благополучие, да и, по правде сказать, и сама жизнь. Если мы не будем стараться поддерживать уровень притока силы, Благие Боги очень быстро найдут всем нам замену. Надеюсь, что ты в этом не сомневаешься?

– Как можно, ваша честь, сомневаться в очевидном? – вопросом на вопрос ответил Кварг.

Архонт, не гнушаясь поухаживать за гостем столь низкого социального положения, налил в бокалы вина и сделал из своего большой глоток. Я же, слушая рассказ Архонта, лишний раз убедился в правильности наших предположений о вампирической сущности Серой империи. Одно было непонятно – зачем им нужно собирать столько силы в од-

ном месте? Они, что не знают о существовании закона равновесия? Тут у меня возник очень интересный вопрос – что если Серая империя может существовать, лишь в условиях нарушенного вселенского равновесия? Надо это хорошенько осмыслить, когда представится свободное время.

– Так вот, мы достаточно долго жили безбедно. Миры один за другим ложились под копыта наших всадников. Сила мощным потоком поступала в империю, в общем, было всё хорошо, – продолжил свой рассказ Архонт. – Казалось, что так будет всегда, но не тут-то было. И ведь, что самое неприятное, дело вовсе не в империи Повелителей драконов. Как раз с империей все идёт, Слава Богам, как должно. Воля так называемых Повелителей уже достаточно давно находится в полной зависимости от нашей воли. Элита их тоже склоняется на нашу сторону. По воле Благих Богов, после завоевания Хорога, наши доблестные всадники должны были начать вторжение в империю. Вроде бы ничто не предвещало беды. Со стороны Хорога серьёзного сопротивления не ожидалось, какое сопротивление от заштатного мирка, да и империя Повелителей драконов, при всей её мощности, была, по сути, колоссом на глиняных ногах. Какое государство может оказать серьёзное сопротивление вражескому вторжению, если его руководители полностью подчинены воле этих врагов? Поэтому от империи Повелителей драконов мы не ожидали никакого подвоха. Мало того, мы прекрасно понимали, что реальную опасность для наших доблестных воинов

представляли Мастера Высокого Искусства, так они называют своих магов. Особую опасность несли в себе так называемые вотчинники. Это маги настолько сильны, что смогли сотворить себе свои собственные миры, которые они назвали вотчинами. Для того, что бы снизить опасность, исходящую от них, нами уже лет тридцать назад удалось рассорить между собой вотчинников и магов более низкого уровня. В этом нам очень помогли сами Повелители, которые оттеснили от столицы вотчинников и приблизили к себе более посредственных магов. В результате этого вотчинники закрылись в своих вотчинах и совершенно, как нам казалось, не интересовались делами империи.

Архонт сделал паузу, давая Кваргу осмыслить услышанное. Я свободно читал все чувства и мысли, которые в тот момент владели предводителем и был изрядно удивлён солидной долей скептицизма, на то, как Архонт анализирует положение дел на данный момент. Помимо удивления от скептицизма Кварга, меня поразило то, что чёрная кошка, пробежавшая в своё время между вотчинниками и остальными Мастерами, была родом из серой империи.

– В отношении вотчинников мы, как, оказалось, сильно ошибались, – продолжил Архонт. – Нет, большинство вотчинников действительно закрылись в своих вотчинах и носа оттуда не показывали. Однако нашёлся один, который связался с мятежным Верховным жрецом империи Повелителей драконов Ляргусом, предавшим Повелителей, кото-

рый вопреки воле последних, не заточил новорождённого наследника в монастыре, где бы он был целиком в нашей власти, а увёз его в свою вотчину Сегурию, куда нам хода нет. Чуть позже туда же сбежал и весь род вотчинника, а так же мятежный Ляргус. Вот теперь это гнездо заговорщиков является той самой главной опасностью для нашей благословенной империи.

Он опять прервался, что бы промочить горло. Я заметил, что когда он говорил о Сегурии, руки его заметно дрожали.

– Не разъяснит ли мне, ваша честь, чем нам может угрожать какая-то вотчина, если мы свободно противостоям множеству миров? – воспользовавшись паузой, спросил Кварг. – Разве у нас недостаёт сил заблокировать Сегурию, пусть даже мы не сможем захватить её?

– О, это совсем просто, – снисходительно ответил Архонт. – Нужно только немного подумать. Отвечу сначала на вторую часть твоего вопроса. Возможно, если бы мы заблокировали Сегурию сразу же, как произошли события с Ляргусом и наследником престола, мы могли бы достигнуть успеха, но тогда мы неправильно оценили ситуацию и упустили время. Мы постоянно контролировали детей Повелителей, поэтому у нас несколько притупилась бдительность, и мы упустили последнего дракона, истинного наследника империи Повелителей драконов. Мало того, его воспитали и сделали настоящим Мастером всё тот же Ляргус и Азар, творец Сегурии. Кроме него в вотчине сформировалась целая шко-

ла по подготовке Мастеров, а так же следует помнить, что Сегурии укрылось множество драконов – ещё один фактор, требующий нашего пристального внимания. А тут ещё старая дружба Ляргуса и Азара со многими влиятельными демонами. Когда мы поняли, что в Сегурии собралось столько сильных личностей и это стало опасно для нас, было уже поздно.

Он опять замолчал и залпом допил вино из своего бокала. Было видно, как трудно ему было признаваться в собственной ошибке. Ещё бы, даже простому человеку признаться, что он был неправ, достаточно трудно, а каково аристократу, занимающему столь высокое положение в огромной и мощной империи, да ещё переполненному гордыней. Я даже слегка зауважал его, а Кварг, желая выказать ему своё уважение, наполнил бокалы новой порцией вина, за что получил благодарственный кивок от Архонта.

– Высший совет империи заседал почти две недели, пытаюсь найти достойный выход из сложившегося положения, – продолжил свой рассказ Архонт. – Многие горячие головы, так же как ты, предлагали блокаду Сегурии и даже штурмовать эту проклятую вотчину. Однако совет на это не пошёл и не только из осторожности. Было совершенно неизвестно какие силы понадобятся для блокады Сегурии; от предложения штурмовать вотчину сразу же отменили, как совершенно безумную. Никто, нигде и никогда ещё не смог ни то, что бы захватить чью-нибудь вотчину, но даже просто проник-

нуть в неё, без ведома её творца. Поэтому мы остановились на варианте самого тщательного наблюдения за Сегурией и её обитателями. На всех путях, ведущих из Сегурии, были установлены постоянные посты наблюдения, которые обязаны были в случае, если кто-то из обитателей вотчины покинет её, сразу же сообщать об этом в империю и послать за вышедшим или вышедшими опытными наблюдателей, дабы выяснить, цель их вылазки. Наше решение было закреплено вердиктом Благих Богов. Долгое время ничего не происходило, но вот однажды от наблюдателей пришло известие, что Сегурию покинул ни кто иной, как мятежный жрец Ляргус. Тут мою голову посетила интересная, как мне тогда показалось, идея: а, что если постараться захватить жреца и под пытками выведать у него истинное положение дел в Сегурии, а, если получится и планы её обитателей. Это был, пожалуй, единственный шанс хоть что-то узнать о нашем настоящем противнике. Ведь ты же сам хорошо понимаешь, что было бы очень неразумно вторгаться в империю Повелителей драконов, имея под боком такое вражеское гнездо, как Сегурия.

Слушая Архонта, я всё яснее видел картину той смертельной опасности, которая уже много лет нависает над моей родиной. Совсем в другом свете предстали передо мной события, что произошли вокруг меня за мою, ещё достаточно короткую жизнь, стали ясны мотивы моих учителей, избравших целью своей, а теперь и моей жизни, борьбу с серой мерзостью. Я вдруг увидел, как на ладони всю свою жизнь, ко-

торая оказалась сложенной из, на первый взгляд, случайных событий, а на деле, при внимательном рассмотрении, вполне закономерных. Эта закономерность создавала ощущение, а я своим ощущениям привык доверять, что чья-то могучая воля ненавязчиво, а поэтому практически незаметно, вела меня к какой-то пока неясной мне цели. Неясной для меня, но очевидной для того, кто вёл и оберегал меня от смертельных опасностей, что пришлось мне пережить, практически с самого моего прихода в этот мир. Эта ненавязчивая опека, ничуть не была для меня обременительной и не вызывало у меня какого-либо протеста, а наоборот, позволяла мне чувствовать себя уверенным и не поддаваться страху. Именно эта опека, породила во мне чувство абсолютной уверенности, что ничего плохого со мной произойти не может.

– Как только пришло известие, что Ляргус покинул Сегурию, мы сразу же послали на его поимку отряд всадников, чья специализация – поимка тех, кого нужно захватить обязательно живыми. К этому отряду поимщиков было прикомандировано десять сильных магов, хотя обычно такие отряды сопровождают один-два мага средней руки. Намеченная нами добыча была столь сильна и опасна, что мы решили подстраховаться, что бы действовать наверняка, – продолжил разговор Архонт. – Как мы не перестраховывались, но всё же допустили ошибку, которая, как я сейчас понимаю, оказалась для нас роковой. Мы даже допустить не могли, что человек столь преклонного возраста, как мятежный Вер-

ховный жрец, может оказаться настолько сильным. Впредь нам наука – никогда не стоит недооценивать врага. Наш отряд поимщиков сумел перехватить старика в одном из миров, устроив на дороге засаду. Наши маги набросили на него созданную ими магическую сеть-заклятие, но он, каким-то невероятным усилием порвал её и нанёс удар такой силы, что погибли семь магов из десяти и две трети всадников. Пока наши оправлялись от удара, старик, не смотря на то, что нанесённый им удар почти лишил его сил, каким-то образом успел сбежать. Оставшиеся маги быстро взяли след Ляргуса, и началась погоня. Старику определённо везло, его, потерявшего сознание, случайно нашёл и унёс в свой мир стихийный ходящий-по-мирам. Там он ненадолго пришёл в себя и смог вызвать подмогу. Подмога пришла очень быстро. Это был отряд из Сегурии, во главе которого был сам Азар творец Сегурии. Наши поимщики не решились напасть на столь сильный отряд врагов, поэтому решили незаметно следовать за ним, предварительно вызвав помощь. Мы, конечно, сразу же перекрыли все пути, ведущие в Сегурию, но наши беглецы направились совершенно в другую сторону. Как потом выяснилось, они направились в одну из зон, существующих в мироздании, куда нам пока нет доступа. Эта зона чем-то сходна с зоной, где находится Вселенский маятник, туда сходятся многие пути ходящих-по-мирам, но что там находится, мы не знаем. Короче, они скрылись в зоне, а нам оставалось только оцепить эту зону и ждать, когда беглецы покинут

её. Срочно собрался совет, что бы определиться с дальнейшими нашими действиями. Положение сложилось так, что однозначно не возможно было сказать, кто кого поймал. Отряд из Сегурии, даже при условии, что Ляргус серьёзно обессилил, представлял собой грозную силу, тем более что помимо вотчинника Азара в отряд входило два дракона. Если бы мы попытались перехватить их имеющимися тогда у нас там силами, то наверняка были бы разбиты. Если бы мы направили серьёзные воинские силы, для оцепления зоны, то это могло бы вызвать недовольство вселенских сил, которые создали эту зону, а это нам было совсем не к чему. Поэтому мы решили ограничиться теми силами, которые уже имелись у нас в том месте. Эти силы позволили нам лишь сопроводить отряд Сегурии, а о каких-то более серьёзных действиях не могло быть и речи.

Он опять прервал свой рассказ, что бы выпить вина. Мне же его рассказ напомнил время, когда я познакомился со Странником, ставшим впоследствии моим другом и Учителем, а так же с Джоном Мильтоном, чьим именем я назвался в трактире. Я в то время и представить себе не мог, что серые тогда нас просто-напросто боялись.

Внезапно меня окатила горячая волна, я вдруг как-то сразу осознал, что, назвавшись Джоном Мильтоном, и рассчитывая, что вряд ли кто здесь может его знать, я допустил оплошность. Оказывается шпион серых, кем, по сути, являлся Кварг, наверняка знал, и в этом я очень скоро смог убе-

даться, кто такой Джон Мильтон. Вот почему я так заинтересовал предводителя наёмников, который, не без основания, заподозрил во мне шпиона Сегурии. Да, в следующий раз, следует лучше придумывать себе псевдоним.

– Вот как раз в это время, на сцене появляется некий носитель Древней силы известный нам под именем Странник, – продолжал свой рассказ, который становился всё интересней, Архонт. – Вот здесь-то все мы и допустили ту роковую ошибку, которая повлекла за собой цепочку нежелательных для нас событий. Странник оказался буквально напичкан Древней силой, хотя сам об этом даже не догадывался. Наверно именно поэтому и наши наблюдатели тогда просмотрели его. Он явился в мир империи Повелителей драконов из невообразимой дали пространства и времени, как простой ходящий-по-мирам. Явился вместе со своим учеником и другом, который носил странное имя – Джон Мильтон. Наши наблюдатели тогда шли буквально по пятам отряда, который уводил ещё слабого Ляргуса в Сегурию и поэтому просто не заметили Странника. К сожалению, расспросить их об этом упущении не представилось возможности, они все погибли, выжил лишь один наблюдатель, который смог рассказать лишь то, что отряд уничтожили драконы, причём драконы огнедышащие. Это для нас оказалось очень неприятной новостью, до сих пор мы и понятия не имели, что драконы могут метать огонь.

Очень интересно было слушать о событиях, в которых ты

лично участвовал, в пересказе наших противников. Слушая Архонта, я посмотрел на те давние события, когда произошла моя встреча с Учителем и Джоном с точки зрения серых и мне совсем по другому представилась эта встреча. Вернее не сама встреча, а её скрытое до сих пор от меня сакральное значение. Сейчас я очень ясно видел всю судьбоносность той встречи, причём судьбоносность не только для меня, а ещё для очень многих людей, демонов и прочих разумных существ мироздания. Уже в который раз я ощутил некую предопределённость большинства событий в моей жизни, словно кто-то очень могущественный и любящий меня так, как, пожалуй, меня никто не любил, ненавязчиво, едва заметно, вёл меня по жизни к какой-то только ему известной цели. Вёл так аккуратно, так бережно, что я до сей поры в своём путешествии по жизни ни разу не споткнулся, и ни разу не почувствовал себя безвольной игрушкой в чужих руках. Наоборот, хотя я очень смутно представлял себе цель, к которой мне помогали идти, я почему-то всей душой её принял, принял просто на веру, рассчитывая всё же когда-нибудь полностью осознать её. Ещё я был твёрдо уверен, что как только я осознаю цель своей жизни, в тот же момент я её достигну, а достигнув, смогу прикоснуться к высшему наслаждению бытия – к осознанию самого себя. Тогда сольются в единое бытие все прошлые и будущие мои воплощения, я вновь стану единым с собой и мирозданием, как когда-то очень-очень давно.

– В общем, в тот раз мы допустили серьёзную ошибку, но

вовсе не в том, что упустили Ляргуса, хотя и это тоже, а в том, что просмотрели Странника именно тогда, когда он ещё не осознал, каким сокровищем обладает, – продолжал Архонт. – Ведь, что нам стоило повнимательней посмотреть на этого уникального самоучку, который сумел самостоятельно стать ходящим-по-мирам и при этом ещё умудриться уцелеть. Да, если бы тогда мы смогли рассмотреть, с кем имеем дело, то, вполне вероятно, смогли бы склонить его на нашу сторону. В этом случае империя получила бы чрезвычайно сильного союзника, вместо опаснейшего врага, коим является в настоящее время Странник. Но тут уже ничего не поделаешь – всё случилось, как случилось. Очень многие в государственном совете лишились не только своих мест, но и голов. Ты же знаешь Кварг, как скоры на расправу Благие Боги. А потом случилась бойня в Хороге, где мы практически потеряли армию вторжения. Я был на том месте спустя какое-то время и скажу тебе, что сам воздух там был пропитан запахом горелого мяса. Кроме того, нам, вопреки всем нашим правилам пришлось вступить со Странником в переговоры, пойти на уступки и даже выпустить их из кольца окружения. Хотя, говоря серьёзно, если бы мы их не выпустили, они бы вырвались и сами, уничтожив наше кольцо окружения. Так что мы ещё легко отделались. Скажу тебе по великому секрету, в тот раз даже Благие Боги заметно испугались. Я тогда еле удержался на своём посту, да и теперь чувствую, что они мной недовольны. Сейчас же у всех нас по-

явился шанс исправить ту давешнюю ошибку и вернуть себе расположение Благих Богов. В этом я очень рассчитываю на тебя и твоих разведчиков, Кварг.

Как только подключился к Кваргу, ещё задолго до того, как стал просматривать его память, я поставил совместно с заклятием познания, ещё и особое заклятие изобретённое лично мной. Его задачей было записывать всё, что я смогу извлечь из памяти моего подопечного, что бы при нужде воспроизвести в точности всё, что я сейчас вижу и слышу. Услышав последние слова Архонта, я мысленно попросил Творца о том, что бы это моё новое заклятие сработало бы без сбоев, потому что почувствовал, что мы подошли к самой важной части разговора Архонта с Кваргом.

– Ты отправишься в империю Повелителей драконов с особой миссией, – голосом, каким отдаются приказы, сказал Архонт. – Действовать будешь абсолютно самостоятельно, без права обращаться за помощью к нашим эмиссарам в империи. Вообще никто из наших не должен даже подозревать, что ты работаешь на Серую империю. Имей в виду, что если ты где-то проколешься, выпутывайся сам, помощи не жди. По выполнению задачи явишься с докладом лично ко мне. Запомни, никто не должен знать о сути твоего задания.

– Слушаю и повинуюсь, ваша честь, – вставая и низко кланяясь, ответил Кварг. – Осмелюсь спросить, в чём суть задания.

– Об этом ты узнаешь чуть позднее, – ответил Архонт уже

своим обычным тоном. — Я знаю, что ты долгие годы занимался Вселенским маятником, поэтому плохо представляешь положение дел в империи Повелителей драконов. С одной стороны это хорошо, потому что никто из наших, работающих в империи Повелителей драконов, тебя никогда не видели, поэтому не смогут помешать тебе в твоей миссии. Однако ты всё же должен знать, что тебя там ожидает в настоящее время. Не вдаваясь в подробности, должен тебе сказать, что по настоящему наше влияние там сильно лишь в столице и её окрестностях, да и то, лишь среди аристократии и чиновников. В армии, а тем более в гвардии нас откровенно не любят, и если бы не покровительство нам со стороны Повелителей, нас сразу же перебили бы. С самими Повелителями не совсем ясно; вроде бы они нам симпатизируют, но в то же время Благие Боги им почему-то не доверяют. Зато сыновья Правителей, за исключением наследника, целиком и полностью наши, тем более они уже принесли присягу на верность нашей благословенной империи. Всё бы хорошо, но года два назад империю посетил наследник, которого звали Кувай; тот самый, которого в своё время утащил буквально у нас из-под носа Ляргус. Он вырос и получил образование в Сегурии, где его учителями были сначала Азар, а позже Странник. Являясь драконом и при этом очень сильным магом, он очень не любил Серую империю и посветил свою жизнь борьбе с нами. Узнав, что Кувай собирается навестить столицу для встречи с родителями, мы с помощью его бра-

твев устроили хитрую ловушку, надеясь захватить его, а так же сопровождающего его Азара. Каково же было наше разочарование, когда вместо Азара мы увидели в сопровождающих Кувая Странника. Его присутствие в корне меняло всё дело. Зная, на что он способен, захватить Кувая с помощью наших всадников не представлялось возможным. Для этого, пожалуй, потребовалась бы ни одна армия вторжения, да и то сомнительно, что это увенчалось бы успехом. Я уже готов был отменить операцию, но тут Рогг, бывший до рождения Кувая наследником престола, предложил свой хитроумный план, как хитростью и обманом заманить Кувая в ловушку и без потерь схватить весь отряд последнего дракона. Это им удалось, но, к сожалению, не до конца. Мы опять не рассчитали сил Странника. Братьям удалось захватить Кувая и одного из его спутников, но Странник с Джоном Мильтоном вырвались из ловушки и скрылись в подземельях под городом. Было видно, что Странник не воспользовался Древней силой, видимо не желая лишних жертв и разрушений в городе, хотя я не на миг не сомневаюсь, что если бы он захотел, от столицы империи Повелителей драконов не осталось бы камня на камне. Положение было критическое; у нас в плену находился Кувай, законный наследник трона империи, носящий в народе прозвище Последний дракон, так что отчасти мы выиграли, но это только отчасти. На самом же деле на воле находился наиболее опасный для нас противник – Странник, и как я полагал, он сделает всё, что бы освободить

своего друга и ученика. Мы же в то время ещё не могли действовать в открытую, поэтому не вмешивались в ситуацию. Сложилось некое неустойчивое положение, когда ни одна из сторон не могла активно действовать. У братьев Кувая не было сил, что бы схватить Странника, а Странник не мог воспользоваться своей силой из опасения нанести вред Куваю. Нанести какой-нибудь серьёзный вред Куваю братья не решились, прекрасно понимая, что тогда последствия для них будут ужасны. Тогда он, желая снять с себя ответственность за дальнейшую судьбу Кувая, решили передать его Повелителям, что бы они сами определили участь своего младшего сына. В самый момент передачи в игру вступила третья сила, вмешательства которой мы никак не ожидали. На сцену вышла самая загадочная сила империи Повелителей драконов, которую местные жители именовали Обсерваторией.

Тут Архонт прервал свой монолог для того, что бы промочить горло добрым глотком вина. Я же, слушая его рассказ, вспоминал события связанные с нашим посещением столицы империи и в свете рассказа Архонта, я всё яснее понимал, как чудовищно низко пали мои братья в своём предательстве, и даже не меня, а своей Родины, которую они практически положили к ногам безжалостного врага, имя которому Серая империя. Врага, которому нужна не столько наша земля, хотя и от неё они не откажутся, сколько сама наша жизнь, мало того, наши души. Если империя падёт, то наш мир превратится в ту самую безжизненную серую равнину,

заваленную трупами, каких я уже много видел на своём веку, странствуя между мирами. Во мне стала просыпаться ненависть к нашим врагам, постепенно перерастающая в ярость, которую я с огромным усилием воли, сдерживал, хотя прекрасно понимал, что долго мне её не удержать и что рано или поздно она вырвется на волю, сжигая всё на своём пути. Хорошо ещё, что Архонт продолжил свой рассказ, и это помогло мне справиться с моей яростью.

– Теперь слушай меня внимательно, Кварг, – продолжил свою речь Архонт. – Потому, то, что я тебе сейчас расскажу, имеет непосредственное отношение к твоему заданию.

– Я весь внимание, ваша честь, – с почтением заявил Кварг.

– Откуда в этом мире взялась Обсерватория, толком никто ничего не знает. Имеются только самые разные предположения, которые ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно. Достоверно известно лишь то, что это артефакт невероятной силы, сродни той, что исходит от Вселенского маятника и той странной зоны, где пересекается множество путей ходящих-по-мирам. Поэтому именно Обсерватория является тем объектом, ради которого наша благословенная империя и стремиться завоевать этот мир. В противном случае мы бы не стали связываться со всеми этими Мастерами и драконами, слишком много хлопот для такого рядового мира, как мир империи Повелителей драконов. Тех усилий, что мы уже вложили для его завоевания, с лихвой хватило бы

для захвата сотни миров, а сколько ещё придётся вложить, даже представить невозможно. Однако ради обретения Обсерватории никаких усилий не жалко. Обладание ей обеспечит силой нашу империю в таком объёме, что мы сможем рассчитывать на полную и окончательную власть во всём мироздании. -

Он прервал свой рассказ, для того, что бы выпить за то, что бы эта высокая мечта правителей Серой империи поскорее реализовалась. Они с Кваргом, который искренне поддержал тост Архонта, выпили, а меня передёрнуло от того, как цинично эти двое рассуждали о моей Родине, а произнесённая вслух Архонтом мечта повелителей Серой империи привела меня в ужас. Было от чего ужаснуться, зная какой силой, обладает Обсерватория и как упорны в достижении своих целей серые. Вместе с этим на меня тяжким грузом навалилась ответственность, словно само мироздание легло мне на плечи, скорее всего, так оно и было. А раз так, то я не имею права поддаваться собственным чувствам и желаниям, а целиком и полностью посветить себя тому, что бы мечта правителей Серой империи никогда не была бы реализована. Я вновь почувствовал, что кто-то очень могущественный и бесконечно мудрый шаг за шагом раскрывает передо мной великую задачу моего нынешнего бытия. Ту самую задачу, которую я обязан был решить; ради которой я и появился на свет; ради которой безмерно рисковали мои родители, старый Ляргус и Азар; ради которой полностью отдавали мне

свою любовь и силы Учитель и мои друзья. Окончательное осознание грандиозности этой задачи и легло на мои плечи безмерной тяжестью ответственности. Ответственности перед всеми этими людьми, которых я знал, и ещё перед мириадами людей, демонов, ангелов, даже богов и других существ, населяющих мироздание, которых я не знаю и о которых, скорее всего, никогда и не узнаю.

– Ты, Кварг, – продолжил говорить Архонт. – Долгие годы занимался изучением Вселенского маятника, а так же разведывал подходы к нему. Ты, пожалуй, лучше всех в империи разбираешься в силах связанных с этим местом мироздания. Пускай ты не добился окончательной победы, но то, что тебе удалось узнать, бесценно и империя высоко ценит твой труд.

Он встал, достал из едва заметного шкафчика на стене пергаментный свиток и придал лицу официальное выражение. Кварг, вставший вместе с Архонтом, вытянулся по стойке смирно и затаил дыхание. Архонт развернул свиток и начал читать торжественным голосом.

– Сим указом капитан Кварг, за великие заслуги перед Благими Богами и нашей благословенной империей награждается высшим орденом Серой империи «Девяти конечным крестом с мечами» и ему присваивается внеочередное звание полковника, с правом иметь собственное знамя и жалованьем в десять тысяч золотых монет. Подпись: Верховный жрец Благих Богов. -

Архонт, закончив чтение указа о награждении, свернул

свиток и вручил его стоящему по стойке смирно Кваргу. Тот с поклоном принял свиток и по уставу ответил: «Слава Благим Богам».

– Теперь слушай задание, – сказал Архонт после того, как выслушал ответ Кварга на награждение и повышение в звании. – Тебе с твоим отрядом надлежит отправиться в мир империи Повелителей драконов под видом отряда наёмников. После прибытия в столицу империи ты должен будешь найти работу для твоих солдат в столице. Лучше всего наняться к какому-нибудь аристократу. Сейчас в империи очень напряжённая обстановка, поэтому многие знатные подданные империи охотно пользуются услугами наёмников для личной охраны. Это будет твоим прикрытием. Сам же ты, не посвящая в суть дела никого из твоих воинов, должен будешь каждую среду посещать трактир под названием «Заблудший монах», что расположен у южных ворот. Твои посещения трактира должны остаться втайне от твоих воинов. При следовании туда необходимо очень тщательно следить за возможной слежкой и в случае обнаружения таковой, постараться выяснить, кто ведёт эту слежку. В трактир ты должен являться точно в восемь часов пополудни, ни раньше, ни позже. Там необходимо будет занять столик, где-нибудь в углу, что бы ни бросаться в глаза, заказать большую кружку тёмного пива и, как только принесут, сделать три больших глотка и ждать. Запомни, только три глотка. Если до девяти пополудни к тебе никто не подойдёт, ты должен будешь

быстро допить пиво и сразу же уходить. Следующую попытку сделаешь ровно через неделю. Если до девяти к тебе кто-нибудь подойдёт, он должен будет спросить: «Что, приятель, пиво не нравится?» На это ты ответишь ему: «А кому понравится эта баланда?» Тогда он должен сказать: «Пойдем, приятель со мной. Я знаю здесь недалеко местечко, где пиво не в пример этому». Тогда ты должен будешь полностью довериться этому человеку. Он сведёт тебя с нашим человеком, внедрённым в орден Обсерватории. Ты встретишься с ним и передашь ему вот этот камень.

Архонт откуда-то достал светло-голубой кристалл и протянул его Кваргу. Тот с почтением принял камень и тут же спрятал его где-то в складках своего плаща.

– В ответ наш человек передаст тебе точно такой же камень, который ты не мешкая, должен будешь доставить лично мне, – продолжил Архонт. – Запомни, лично мне. На этом твоё задание будет выполнено. Какие будут вопросы? – Я всё понял, ваша честь, – почтительно ответил Кварг. – Но у меня есть несколько вопросов, если позволите. – Позволяю, – величественно ответил Архонт, после чего сделал жест, что бы Кварг занял своё место за столом. – Давай выпьем за твоё новое звание, и я отвечу на твои вопросы.

Пока они выпивали, я с нетерпением ожидал продолжения их разговора, который с каждой минутой становился всё интересней и интересней.

– Сколько времени я должен буду ожидать связного в

трактире? Месяц, два, год? – задал первый вопрос Кварг.

– Хороший вопрос, – ответил Архонт, перейдя на обычный тон разговора. – Я полагаю, что достаточно полгода. Если встреча не произойдёт, это значит, что либо связной попался в руки наших врагов, либо провалился наш агент в ордене Обсерватории. В этом случае, тебе надлежит незамедлительно вернуться ко мне, для получения дополнительных инструкций. Вручённый тебе камень тогда вернёшь лично мне. Если вдруг, тебе будет угрожать опасность ареста, камень необходимо уничтожить.

– Всё понял, ваша честь, – ответил Кварг. – Когда нам выходить?

– Как только будете готовы, – последовал ответ Архонта.

– Тогда мы отправимся прямо сейчас, – заявил Кварг.

– Отправляйся, да хранят вас Благие Боги, – напутствовал его Архонт. – Знай, что если ты хорошо выполнишь это задание, быть тебе генералом. Ступай.

Он сделал рукой знак, что разговор окончен. Тут же раскрылась дверь и слуга, одетый во всё чёрное, пригласил Кварга следовать за ним.

Я отключился от своего заклинания познания, однако снимать его не стал, зная, что оно мне ещё понадобится. Мало того, я ещё закрепил на Кварге заклятие-маячок, что бы мне всегда знать, где он находится.

Выйдя из транса, я обнаружил, что я сижу в опустевшем зале кабачка практически в одиночку, если не считать хозя-

ина за стойкой, который смотрел на меня странным взглядом, в котором смешались, страх, удивление с заметной долей осуждения. Кроме него в зале находился какой-то нищий оборванец, занявший стол, за которым до этого сидели наёмники Кварга. Он, громко чавкая, поедал из миски какую-то еду, запивая её пивом из большой деревянной кружки. Время от времени нищий бросал на меня какие-то странные взгляды, что сначала меня очень насторожило. Я осторожно прощупал его на предмет опасности, но ничего, кроме обычного любопытства не обнаружил, после чего на время позабыл про него.

Что бы окончательно очухаться, я налил себе вина и залпом выпил. Голова слегка кружилась; так бывает всегда, если долго пребываешь в состоянии магического транса. Я совсем потерял чувство времени, поэтому толком не знал, как долго моё сознание отсутствовало в сём питейном заведении. Сделав жест рукой, я подозвал хозяина подойти ко мне, что он и сделал крайне неохотно, но достаточно быстро. Хотя он старался придать своему лицу некое подобие любезности, свойственной людям его профессии, это ему плохо удавалось. На его лице довольно легко читался страх и сожаление того, что я посетил его кабачок.

– Что будет угодно молодому господину, – спросил он с плохо скрываемой дрожью в голосе, подойдя к моему столу и учтиво кланяясь.

– Не подскажет ли любезный хозяин сего благородного за-

ведения, который сейчас час? – со всей доступной мне учтивостью, спросил я его.

– Скоро рассвет, молодой господин, – ответил хозяин. – Что-нибудь ещё? Оказывается, я провёл большую часть ночи в трансе. Хотелось бы знать, куда девался бравый предводитель наёмников вместе со своей бандой.

– Принеси чего-нибудь на завтрак и ещё кувшин вина, – попросил я хозяина.

– Сию минуту, – ответил тот и чуть ли не бегом бросился исполнять мой заказ.

Что-то с ним явно было не так. Буквально через две минуты хозяин вернулся и поставил на мой стол миску с жареным мясом и кувшин вина.

– Какие ещё будут пожелания у молодого господина? – спросил он.

– Присядь, пожалуйста, за мой стол. Я хочу тебя кой, о чём расспросить, – попросил я хозяина.

– Весь к вашим услугам, молодой господин, – ответил хозяин, осторожно присаживаясь за мой стол напротив меня.

– Видите ли, – осторожно начал я разговор с хозяином кабачка. – Я прибыл с дальних окраин империи и плохо знаю обычаи столичных жителей. Когда я провозгласил тост за здоровье наших Повелителей, у всех присутствующих в этом зале была какая-то странная реакция. Мне даже показалась, что все, кроме, пожалуй, предводителя наёмников, чего-то испугались. Ответь мне по возможности прямо, я, что допу-

стил какую-то оплошность этим своим тостом?

– Ну, что вы, что вы, – замахав руками, испуганно заговорил хозяин. – Вы сделали всё правильно. Именно этот тост обычно звучал под сводами этого скромного зала до тех пор, пока Повелители были в добром здравии и рассудке. Теперь же, когда они серьёзно больны, этот тост провозглашают только шпионы, коих развелось великое множество, которые постоянно рыщут по всей империи в поисках крамолы. Болезнь повелителей сделала их настолько подозрительными, что они готовы почти в каждом видеть врага, а с врагами, действительными или мнимыми они жестоко расправляются. Вот люди и боятся шпионов, которые частенько провоцируют подвыпивших людей на крамольные разговоры, а стоит кому-нибудь сболтнуть что-нибудь лишнее, как его тут же хватают и тащат на пытку и казнь. Люди настолько запуганы, что многие бегут из столицы, стараясь уехать как можно дальше от гнева Повелителей, а остальные ведут себя ниже воды, тише травы. Поэтому не мудрено, что посетители приняли тебя за соглядатая Повелителей.

Что же, подумал я, всё идёт как надо. План Учителя, который посоветовал Повелителю постепенно усиливать репрессии, что бы как можно больше жителей столицы бежали из неё подальше и тем самым могли спастись от гибели, когда начнётся перенос Обсерватории, успешно осуществлялся. Примером тому семья зажиточного горожанина, явно бегущая из столицы. Короче, горожане уезжают, а их место за-

нимает всякий сброд, наподобие наёмников, ну и вашего покорного слуги, то есть меня.

– Не подскажешь ли, добрый хозяин, куда подевались остальные посетители? – спросил я.

– Почему нет? – ответил хозяин. – Когда вы впали в колдовской транс, все посетители так перепугались, что тут же собрались и съехали, да так, что проклятые наёмники даже забыли расплатиться за ужин. В общем, все сбежали, кроме вот этого доброго нищего, которого очень заинтересовал ваш транс.

Он хитро подмигнул мне и указал глазами на нищего, который в этот момент оторвался от еды и тоже подмигнул мне. Это меня насторожило, но, спустя мгновение, настороженность сменила радость. На какое-то мгновение спала личина нищего, и передо мной предстал сам глава ордена Обсерватории Маргус, собственной персоной. Стоило мне узнать его, как личина вернулась, и передо мной вновь был нищий оборванец, каких множество в каждом уважающим себя крупном городе.

– Благодарю тебя, Клаус, – сказал Маргус. – Ты сделал всё правильно, а теперь оставь нас, нам надо поговорить. Приследи, что бы никто не мешал нам.

Хозяин, которого, как, оказалось, звали Клаусом, поклонился Маргусу и вышел из кабачка, аккуратно закрыв за собой дверь. Когда он вышел, мы с Маргусом крепко обнялись, затем я налил нам обоим вина.

– Рад тебя видеть, Кувай, – произнёс Маргус, поднимая свою кружку.

– Взаимно, Маргус, – ответил я, поднимая свою кружку.

Мы выпили, после чего, Маргус сказал, что засиживаться, здесь не стоит. Хотя Клаус, человек надёжный и целиком преданный ордену, но среди разбежавшихся посетителей наверняка было, по крайней мере, парочка шпионов серых. Поэтому нам надо поскорее уходить от греха подальше, пока сюда не нагрянули стражники.

– Целиком с тобой согласен, – ответил я Маргусу. – Тем более что здесь околачивалось не два, а целый отряд серых, но не шпионов, а всадников. Так что давай уносить ноги.

Не мешкая, мы покинули кабачок, поблагодарив за гостеприимство Клауса, которому я компенсировал, в форме пары золотых монет, убытки, понесённые им от наёмников.

Мой проводник прекрасно знал местность, поэтому мы, спустя полчаса, без всяких приключений дошли до каких-то древних развалин, заросших густым кустарником. По еле заметной тропинке, к тому времени уже рассвело, Маргус привёл меня к остаткам древней, пожалуй, более древней, чем сама столица, стене. Мой проводник надавил на какой-то, только ему ведомый, камень, и перед нами открылся узкий проход в подземелье.

Мы скакали сквозь миры, не разбирая дороги и не стараясь сделать нашу скачку незаметной, в общем, делали всё, что бы прибыть на встречу во дворец Благих Богов вовремя. Нашу скорость ограничивали лишь возможности наших коней, хоть и очень большие, но не беспредельные, а так же наши собственные силы, которые были значительно меньше, чем силы коней. Поэтому, как бы мы не спешили, а всё же вынуждены были делать короткие привалы, что бы дать отдохнуть коням, да и сами перекусить и хоть часок вздремнуть.

Ох, не люблю я такие экстренные вызовы к начальству, тем более во дворец Благих Богов, тем более к Архонту, который является правой рукой этих самых Богов. Я знаю его, по крайней мере, уже не одну тысячу лет, а каждый раз сердце моё, сердце воина, не раз подвергавшего себя смертельному риску, сжимается от страха при очередном вызове, который, как всегда, срочный до невозможности. Вечно у него так, где бы я ни был, чем бы ни занимался – бросай всё и, сломя голову мчись на встречу к нему. Ну, ничего не поделаешь – начальство. Характер у него тот ещё, попробуй только не явиться во время – шкуру спустит. Поэтому я всю дорогу был мрачнее тучи, так что мои ребята, которые ничего на свете не боялись, не смели даже глаз на меня поднять.

Позвольте представиться, я капитан Кварг, командир отряда дальней разведки Благословенной Серой империи благоденствующей в вечности под сенью Благих Богов. По происхождению я отношусь к титульной расе империи, для которой существует только два достойных поприща: либо воинская служба, либо служение Благим Богам в качестве жреца. Когда-то, давным-давно я выбрал воинскую службу в рядах серых всадников и ни разу не пожалел о своём выборе. Карьера моя продвигалась ни шатко, ни валко, и за три тысячелетия я дослужился до звания капитана дальней разведки с правом личного набора всадников в свой отряд, а это, скажу я вам очень почётно. Так что службой я был доволен; не многим моим ровесникам удалось достичь такого же положения, как у меня.

Как я уже говорил, последнее время мой отряд занимался поиском путей к могучему артефакту, который назывался Вселенским маятником. Отряд мой вместе со мной насчитывал тридцать всадников, которые представляли собой достаточно грозную силу и в то же время был достаточно манёвренным и легко управляемым. Спаянные железной дисциплиной, мои ребята были профессиональными воинами, прекрасно владеющими всеми известными нам видами оружия. Кроме того, каждый из них был обучен магии Благих Богов и владел ей не хуже профессиональных магов, уровнем не ниже третьего. Всё это, плюс общая для всех страсть к опасным приключениям, помогала нам достаточно долго

выходить из любых заварушек без потерь.

Места, в которых длительное время пришлось действовать моему отряду, поставляли эти самые опасные приключения, практически в неограниченных количествах, причём, чем ближе мы продвигались к нашей цели, тем больше их становилось.

У меня с детства очень развита интуиция, которая уже не раз спасала нас всех от неминуемой гибели. Пробиваясь к маятнику, я был твёрдо уверен, что силы, охраняющие его, совсем не желали нашей гибели, а лишь стремились не допустить нас к нему. Эту уверенность давала мне моя интуиция, которой я привык доверять. Поэтому, убедившись, что смерть нам не грозит, я начал, говоря по-простому, наглеть, провоцируя нашего противника показать всё, на что он способен. Это была, своего рода, разведка боем, в которой я намеревался нащупать хоть маленькую щёлочку в монолитной обороне маятника. Многие века, мы делали попытку за попыткой прорваться к маятнику, но все они мягко, но в то же время очень решительно были отбиты. После одной из таких попыток, мой отряд был заброшен в какой-то бешеный поток времени, который унёс нас куда-то на край света, откуда мы выбирались больше ста лет. За всё время, что мы крутились вокруг Вселенского маятника, мы очень много узнали о силах, охраняющих подходы к нему, но о нём самом так и не узнали ничего. Я уже готов был признать себя побеждённым, когда произошёл один случай, вернувший в наши

души, хоть слабую, но надежду.

Этот момент я запомнил на всю жизнь. Расскажу о нём подробнее. Мы находились на стоянке, где отдыхали после очередного рейда. Внезапно вернулись двое наших наблюдателей, которые следили за периметром зоны, окружающей Вселенский маятник. Это могло означать только одно – произошло что-то из ряда вон выходящее, иначе они ни за что бы, ни покинули своего поста.

Дозорные сообщили, что в направлении зоны, окружающей маятник, движется некое существо, по всем приметам похожее на демона, причём движется с великим трудом, словно преодолевает огромное сопротивление.

Это было чем-то новеньким, до этого мы в здешних местах не встречали ни одного живого существа. Я вместе с наблюдателями отправился на их пост, что бы самому посмотреть на странного пришельца. Отдав распоряжение своим ребятам быть в полной боевой готовности, что бы по первому моему зову они смогли бы прийти мне на помощь. Идти было недалеко, так что спустя примерно полчаса мы прибыли на наблюдательный пост, откуда на многие километры вокруг хорошо просматривалась местность.

Один из дозорных показал мне на какую-то точку на равнине. Присмотревшись, я увидел, что точка эта шевелится и, хотя и медленно, но упорно движется к периметру зоны. Один из наблюдателей подал мне подзорную трубу, и, настроив её, я отчётливо увидел пытающуюся прорваться к ма-

ятнику существо. Это действительно оказался демон с великолепными рогами, который согнувшись в три погибели, как от сильного ветра, еле переставляя ноги увенчанными копытами, упорно приближался к границе зоны. Его упорству можно было позавидовать. Когда, по мере приближения к границе, сопротивление стало так велико, что демон упал и какое-то время лежал неподвижно, видимо отдыхая.

– Бьюсь об заклад, Зварг, этот парень прорвётся, – услышал я за спиной голос старшего наблюдателя Криза, который был в отряде моим заместителем.

– Ставлю свою кружку вечернего пива, что это вряд ли, – в тон Кризу ответил Зварг. – Скорее всего, он протянет ноги, чем перейдёт границу.

– Плохо ты знаешь демонов – они чрезвычайно живучи, – возразил Криз.

Эти двое были друзьями и великими спорщиками, готовыми заключать пари по любому поводу, однако это не мешало им дружить и исправно нести службу.

– Если он пересечёт границу, прикажу поставить вам бокал пива, – сказал я. – Если это случится у нас появляется шанс проникнуть к маятнику, так что будем наблюдать.

Я опять поднял трубу и увидел, что упрямый демон, хотя и очень медленно, но упорно ползком продвигается к своей цели, я его даже немного зауважал. Хорошо бы иметь десяток демонов в отряде, но об этом приходится лишь мечтать.

Прошло примерно часа два, прежде чем демон вплотную

придвинулся к силовому барьеру, отделяющему наше пространство от пространства маятника. Оставалось примерно полметра, когда демон опять замер неподвижно, на этот раз надолго. Я уже испугался, что он умер, но хорошо присмотревшись, увидел, что он тяжело дышит, видимо собирается с силами для последнего рывка. Спустя какое-то время он сделал этот рывок и с громким рёвом, который хорошо слышали даже мы, хотя находились на значительном удалении от места перехода, преодолел барьер. Его переход сопровождался яркой вспышкой, наподобие вспышки молнии, и громким звуком, отдалённо напоминающим гром.

– Зварг, Криз, быстро туда, где свершился переход, – отдал я приказ. – Доедите до того места, где проходил демон и проедете по следу так далеко, как смогут пройти ваши кони. После этого спешите и, оставив коней, пройдёте до того рубежа, где сопротивление будет для вас предельным. Оставьте там какой-нибудь знак, что бы зафиксировать место перехода и возвращайтесь сюда. Всё, выполняйте.

Они вскочили в седло и галопом направились к переходу, я же посредством ментальной связи вызвал отряд к себе. Когда, спустя полчаса, мои всадники прибыли на наблюдательный пункт, я отдал им приказ оцепить весь периметр сигнальным заклятием, чтобы, если демон будет выходить из зоны другим путём, мы могли бы зафиксировать это. Получив приказ, всадники разделились на две части и поскакали в разные стороны, стремясь окружить весь периметр. Я по-

чувствовал, что в ход пошла магия, окутывая периметр паутиной сигнальных заклятий. Да, мои воины хорошо знали своё дело, так что дважды повторять приказ мне ещё ни разу не приходилось. Спустя, какое-то время вернулись Зварг и Криз, доложив, что всё исполнено в точности, в чём я ни секунды и не сомневался. Они доложили, что им удалось приблизиться к границе на расстояние, примерно десяти метров. Они, к моему глубокому удовлетворению, доложили, что двигаясь точно по следу демона, они испытывали меньшее сопротивление, чем, когда сбивались со следа. Это обнадеживало. Никогда ещё до этого нам не удавалось подобраться к границе так близко. Да, ребята вполне заслужили своё пиво. Я велел дозорным сниматься с поста и возвращаться в наш полевой лагерь. Теперь не было нужды держать здесь наблюдателей, вместо них будут работать заклятия. Вечером в лагерь вернулись и остальные всадники, завершив замыкание маятника в кольцо сигнальных заклятий. Теперь оставалось только ждать, когда демон выйдет из зоны, а заклятия отметят место его выхода. Лишь тогда мы сможем приступить к попытке проникнуть в зону.

Ждать пришлось на удивление недолго, всего три дня. На четвёртый день сработало сигнальное заклятие. Как я и предполагал, демон вышел с противоположной от входа стороны зоны. Странно, если бы это было по-другому. Ни один из уважающих себя ходящих-по-мирам ни за что не стал бы возвращаться тем же путём, каким пришёл, неважно человек

ли это или демон, или ещё кто. Я сразу же послал к месту выхода неразлучную парочку – Зварга и Криза, дав им задание сделать всё так же, как они сделали на входе. Ещё я послал десяток всадников проследить, куда отправится демон, но не далее двух-трёх миров, не хватало ещё, что бы они заблудились, мотаясь меж мирами.

Я строго-настрого приказал им, что бы они были очень осторожны и ни в коем случае не обнаруживали себя. Десятник, возглавивший этот отряд, спросил, почему бы нам не захватить демона и ни выведать у него, что представляет собой этот самый маятник.

– Понимаешь, дурья твоя башка, – пришлось мне объяснить десятнику, который искренне не понимал, почему мы должны возиться с каким-то демоном. – Запомни хорошенько и постарайся довести это до своих подчинённых. Демон, который встретился нам здесь, не может быть каким-то там демоном. Кто попало, вряд ли мог добраться сюда и уж, тем более, не смог бы преодолеть границу. Это – раз. Раз он сюда добрался и смог пройти к маятнику, значит это очень сильный демон, по крайней мере, никак не ниже первой ступени магии, а то и вообще Великий мастер магии. Мы очень мало знакомы с магией демонов, поэтому не можем даже себе представить, что от него можно ожидать. Может он в состоянии уничтожить весь наш отряд одним ударом. Это – два. Наконец, мы понятия не имеем, с кем связан данный демон, кто за ним стоит. Не хватало ещё, связаться с какими-нибудь

могучими силами. У нашей благословенной империи и так хватает могущественных врагов, так что не стоит заводить ещё новых. Это – три. В четвёртых же, если бы нам удалось живьём захватить демона, то это ничего бы нам не дало. Он просто ничего бы нам не сказал. Тут не помогли бы никакие пытки – демоны совершенно невосприимчивы к пыткам и если уж не захотят говорить – ни за что не скажут. И, наконец, в пятых, настоятельно рекомендую не подвергать сомнению содержание моих приказов. Надеюсь, ты понял?

– Так точно, господин капитан! – вытянувшись по стойке смирно, гаркнул десятник, после чего легко впрыгнул в седло, и скомандовав: «Рысью!» ускакал со своим десятком туда, куда указало сигнальное заклятие.

Вообще-то он хороший парень, это десятник, только немного глуповат, но зато смел и исполнительен. После моих слов он в лепёшку расшибётся, но исполнит приказ в лучшем виде. Ну, что же, теперь дождёмся возвращения всадников и можно попытаться по следам демона проникнуть к маятнику, правда придётся человека пять оставить с лошадьми, с конями нам не пройти.

Утром вернулся десяток, следивший за демоном, и я вздохнул с облегчением, увидев, что все вернулись в целостности и сохранности. Десятник лихо спрыгнул с седла, и, передав поводья одному из всадников, строевым шагом подошёл ко мне с докладом.

– Господин капитан, ваше приказание выполнено. Все

зверенные мне люди и кони целы и здоровы, – бодро отпортовал десятник.

– Благодарю за службу, – по-уставному ответил я на его рапорт, после чего отдал команду вольно и велел доложить обо всём, что им удалось узнать о намереньях демона.

Из рассказа десятника стало известно, что, покинув маятник, демон на большой скорости, буквально понёсся через миры, нигде не задерживаясь. По всему было видно, что он очень спешит, видимо побывав у маятника, узнал что-то очень для него важное и теперь спешит поделиться этими знаниями с кем-то. Мои всадники долго скакали рысью, что бы догнать демона, но после второго мира совершенно потеряли его след и вынуждены были вернуться.

Больше не мешкая, мы направились к тому месту, где демон выходил из зоны, справедливо рассчитывая, что в этом месте, проход открывался совсем недавно, а значит, защита зоны могла ещё недостаточно восстановиться. Если бы я тогда знал, что с нами просто играют, пытаясь отвадить от этого места, но при этом вовсе не стремились нанести какой-либо вред, а уж, тем более, убить.

Оставив пятерых всадников присматривать за лошадьми, из числа тех, кто всю ночь гонялись за демоном, мы бодрым шагом направились к месту прохода, благо он был совсем недалеко. Как только мы подошли к месту, которое накануне отметили наши дозорные, все сразу почувствовали, что идти стало крайне тяжело. На плечи навалилась тяжесть, слов-

но мы шли не налегке, а несли на плечах тяжеленные мешки, ноги налились свинцом, а дышать приходилось с заметным усилием, словно воздух стал плотным, как вода и его приходилось с усилием заталкивать и выталкивать в лёгкие и из лёгких. Наконец мы добрались до небольшой пирамидки, сложенной нашими наблюдателями из камней. Это было место, куда им вчера удалось добраться.

– Осмелюсь сказать, господин капитан, – обратился ко мне Криз. – Мы легко дошли. Вчера было ни в пример тяжелее, так что может быть, проскочим.

Его слова обнадеживали. Я распорядился всем построиться в колонну по одному и идти, ступая след в след за идущим впереди. Сам я, как положено командиру встал первым и, сделав знак, следовать за мной, шагнул вперёд. Уже, где-то на пятом шаге тяжесть стала такая, что ноги мои стали предательски подкашиваться, так что мне пришлось согнуться, на подобие того, как сгибался демон. Дышать становилось всё тяжелей, в глазах темнело, а в грудь упёрлось, что-то мягкое, но в то же время настолько тяжёлое, словно я упёрся в скалу и теперь стараюсь её сдвинуть. Пришлось лечь на живот, что бы отдышаться. Стало чуть-чуть легче, и я попытался ползти. К моему удивлению, ползти оказалось гораздо легче, чем идти, и надежда во мне, которая к этому моменту сильно приуныла, вновь подняла голову. И я пополз, преодолевая сопротивление, с трудом втягивая в себя ставшим густым, как кисель, воздух. Я не знал, следует ли кто

за мной, не знал, сколько длится это мучение; мне казалось, что я ползу вот так целую вечность. Определить, двигаюсь ли я или просто копошусь на месте, было невозможно, потому что не было ориентиров, по которым можно было бы определить реальность движения. Я чувствовал, что последние силы оставляют меня, что ещё одно усилие и я просто умру. Меня охватила такая тоска, вызванная приближением конца, какой я никак не ожидал от себя.

Я всегда считал себя суровым воином, который с пренебрежением относился как к чужой, так и к своей смерти. Пройдя суровую школу серых всадников, которая никак не располагала к сентиментальности, начинаешь совсем иначе, чем штатские, смотреть на жизнь и смерть. Постоянное ощущение присутствия смерти в твоей жизни, как-то притупляет естественный для любого человека страх смерти. Её просто начинаешь не столько бояться, сколько уважать. При этом начинаешь по-другому смотреть на жизнь, больше любить, что ли, учишься ценить каждое её мгновение.

Я сделал очередную передышку, пытаюсь перевести дух и собраться с силами, но вдруг ощутил, что пространство вокруг меня резко изменилось. Я почувствовал какое-то лёгкое движение воздуха, как будто подул слабый ветерок, все вокруг замерцало удивительным серебристым светом. Это удивляло – откуда здесь мог взяться ветер, однако очень быстро моё удивление сменилось чувством какого-то тревожного ожидания. Знаете, так бывает, что просыпаешься

утром; всё как обычно, а на душе появляется чувство тревожного ожидания, которое рационально объяснить никак не возможно. Не знаю у кого как, а у меня это самый верный признак, что в очередной раз моя интуиция предупреждает, что скоро должно произойти какое-то очень важное для меня событие. Сколько я себя помню, это всегда было так, поэтому собственной интуиции я доверял абсолютно. Ну, что же я сейчас готов ко всему.

Я попытался встать, и это, хотя и с трудом удалось, пусть через страшную слабость и головокружение, я всё же довольно уверенно стоял на ногах. Кровь бешено стучала в висках, руки безвольно повисли и я никак не мог заставить их двигаться. Но только стоило мне взглянуть вперёд, как тут же моё состояние перестало меня волновать.

Навстречу мне, прямо из серебристого свечения, вышли две женские фигуры и не спеша направились в мою сторону. Одеты они были в длинные плащи с капюшонами, под которыми скрывались лица этих, совершенно неуместных здесь женщин. На одной из них был плащ ослепительно-белого цвета, на другой чёрный, но не той, привычной черноты, а черноты абсолютной, которая затягивала в себя и казалась бездонной.

Я стоял, как истукан, не в силах даже пошевелиться и, не скрывая удивления, смотрел, как странные гости не торопясь приближаются ко мне. Страх не было, но сердце моё всё же замерло в груди. Не смотря на то, что женщины шли

не спеша, однако, как-то сразу оказались рядом со мной.

Очутившись в шаге от меня, женщины откинули свои капюшоны, и передо мной оказались две одинаковые на лицо, как это бывает у однояйцовых близнецов, симпатичные женщины в возрасте, когда женщина полностью раскрывает свою красоту. Однако при всей схожести, они были далеко не одинаковы. Так, женщина в чёрном плаще была брюнеткой с роскошной гривой волос, цвета крыла ворона летящего на закате над морским простором. Её бездонные чёрные глаза смотрели на меня с лёгкой насмешкой, и от вида её создавалось впечатление, что ещё чуть-чуть, и она зальётся заразительным смехом. При всей её смешливости, от неё веяло холодом и запредельной мощью, так, что мне в её присутствии было как-то не по себе.

Женщина в белом плаще оказалась роскошной блондинкой, чьи пышные волосы были заплетены в толстую косу, которая подобно диковинной змее скрутила свои кольца у неё на голове. Её голубые глаза смотрели на меня с материнской лаской и лёгкой грустью. От её присутствия было тепло, но в то же время как-то грустно, да так, что хотелось плакать, это мне-то бывалому вояке, не ведающему жалости к врагам.

– Ты всё-таки добрался сюда, Кварг, – с усмешкой заговорила чёрная. – Мы тут с сестрёнкой немного поспорили, как далеко ты сможешь пройти. Она заявила, что ты дойдёшь именно до этого места, а я утверждала, что ты сдашься гораздо раньше. Так что благодаря твоему упорству я проиг-

рала, хотя даже проигрывая, я остаюсь в выигрыше.

Произнеся эти не совсем мне понятные слова, она весело засмеялась, да так заразительно, что спустя минуту, я смеялся вместе с ней, хотя, хоть режь меня, я так и не понял, что здесь смешного. Смех брюнетки помимо его заразительности обладал ещё одним замечательным свойством – от него всё моё напряжение и усталость, как рукой сняло.

Я при виде этих женщин сразу же понял, что это не простые женщины, вернее даже вообще не женщины, а какие-то вселенские силы, почему-то принявшие образ человеческой женщины. Я не стал ломать голову над вопросом, что это за силы, так как понимал, что сам я этого никогда не узнаю, а они, если пожелают, сами всё скажут.

– Твоё упорство достойно награды, доблестный Кварг, и очень скоро ты её получишь, вот только обрадует ли она тебя, даже я не знаю, – опять со смехом заговорила брюнетка. – А ведь многие думают, что я должна всё знать. Если тебе будут это про меня говорить, пожалуйста, не верь, всё знать не может даже сам Творец, а ведь он по определению должен знать всё.

Она опять весело захохотала, и я, как в прошлый раз, не смог сдержаться и стал смеяться вместе с ней, всё так же, не понимая над чем или почему, я смеюсь.

Пока брюнетка говорила мне малопонятные речи и при этом весело смеялась, блондинка не произнесла и слова, а лишь улыбалась какой-то отрешённой грустной улыбкой.

Я совершенно расслабился, причём даже не заметил когда, пропало сопротивление границы, и тело моё обрело возможность свободно двигаться.

– А, что это мы, сестрёнка, заставляем такого дорогого гостя стоять? – с подозрительной улыбкой спросила сестру брюнетка. – Почему бы нам, как говорится, не посидеть рядком, да не поговорить толком?

Она опять рассмеялась, что окончательно смутило и запутало меня. Слова брюнетки очень походили на насмешку, однако они не вызывали у меня ни гнева, ни обиды. Интуиция подсказывала мне, что слова брюнетки больше всего смахивали на дружеское подтрунивание, чем на насмешку.

Между тем, блондинка восприняла слова сестры буквально, хотя я склонен был их расценивать не более чем оборот речи. Блондинка сделала какое-то неуловимое движение правой рукой, и перед нами появился небольшой накрытый стол и три стула. Самое удивительное, что при этом я не почувствовал применение блондинкой хоть какой-нибудь магии, словно для появления стола и стульев ей не понадобилось никакой силы. Это просто не укладывалось в голове.

– Присядь к нашему столу, Кварг, – низким грудным голосом, в котором явственно слышалась материнская забота, – сказала блондинка. – Ты потратил много сил, пробиваясь сюда и тебе просто необходимо хорошо подкрепиться.

– Благодарю вас, госпожа, – проснулась во мне учтивость. – Я всё же мужчина и не смею сесть за стол раньше

дам. Прошу простить меня, но не знаю, как к вам обращаться.

Мои слова вызвали у блондинки улыбку, а у сестры новый приступ смеха. Я уже привык, что он постоянно смеётся и отнёс это к весёлости её нрава.

– Посмотри ка, сестрёнка, какого учтивого кавалера привела к нам судьба, – отсмеявшись, обратилась к сестре брюнетка. – Давненько никто вот так галантно не приглашал меня к столу. Если мне память не изменяет, а она мне не изменяет никогда, последним таким же вежливым мужчиной был Странник. Правда это было очень-очень давно, когда я была ещё молода.

Она вновь засмеялась и я, как-то помимо воли засмеялся тоже, причём в этот раз я смеялся так, что на глазах моих выступили слёзы.

Когда брюнетка отсмеялась, сёстры заняли места за столом, да так, что я оказался между ними, хотя стол был круглым, и как-то иначе сесть было просто невозможно, причём блондинка оказалась по правую руку от меня, а брюнетка по левую.

– Ну, теперь самое время нам познакомиться, хотя я уверена, что ты и так хорошо нас знаешь, или, по крайней мере, думаешь, что знаешь, – сказала брюнетка, которая, как я заметил, любила поговорить, чего не скажешь о её сестре. – Меня зовут Смерть, хотя обычно меня не зовут, я предпочитаю приходить сама, так сказать, без приглашения. Ты,

наверное, уже догадываешься, что сестру мою зовут Жизнь. Так вот, позволь представить тебе мою сестру Жизнь. Прощу любить и жаловать, а то вы, почему-то вечно её не замечаете и вспоминаете о ней лишь, когда я к вам прихожу.

Сказать, что удивился – ничего не сказать. Я был ошеломлён, раздавлен, потрясён, находился в глубоком нокауте. Никогда не думал, что две стороны моего бытия так похожи, а уж о том, что эти Вселенские силы снизойдут до того, что бы разговаривать с таким солдафоном, как я. К этому времени, как мне показалось, я уже не был способен ничему удивляться, но всё же удивился тому странному обстоятельству, что у меня при встрече со Смертью полностью отсутствовал страх.

– А ты молодец Кварг, – с улыбкой заявила Смерть. – Обычно люди при встрече со мной впадают в ступор, а ты, я вижу, даже не испугался. Молодец.

Она вновь улыбнулась мне, но не прежней насмешливой улыбкой, но какой-то тёплой, ободряющей, от которой на душе у меня стало абсолютно спокойно, но не покоем могилы, а радостным покоем уверенности, что, в конце концов, всё будет хорошо.

– Ну, хватит болтать, – сказала сама себе Смерть. – Как говорить, соловья баснями не кормят, а тебе, Кварг, следует хорошенько подкрепиться.

– Да я вроде не голоден, – смущённо сказал я. – Кроме того, я очень переживаю за моих людей. Не знаю, что с ними, живы ли они.

– Да, живы они, живы, не беспокойся, – спокойно сказала Смерть. – Уж, кому-кому, а мне ли этого не знать.

Она снова рассмеялась, и от её смеха мой страх за судьбу товарищей растаял как снег под лучами солнца. Да, уж, если кому и верить, то это Смерти, во всяком случае, её-то нет никакого смысла обманывать кого-либо.

– Благодарю за комплимент, – с кокетством сказала Смерть. – Обычно люди мне комплементов не говорят. А обманывать тебя у меня и правда, нет никакого желания.

Она даже не скрывала, что свободно читает мои мысли.

– Отведай нашего угощения, Кварг, – ласково предложила мне Жизнь.

Наконец-то, я смог обратить внимание на то, что находилось на столе, за которым мы сидели. Стол, покрытый белоснежной скатертью, был накрыт более чем скромно. На нём стоял большой хрустальный кувшин до половины наполненный какой-то золотистой жидкостью, слабо мерцающей разноцветными искрами. Кроме кувшина, имелось большое глиняное блюдо, на котором горкой лежали самые обычные, на первый взгляд, лепёшки. Так же здесь имелось три изящных фужера, выполненных из хрусталя и украшенных резьбой очень тонкой работы.

– Для начала выпей нашего напитка, – заботливо наливая в мой фужер из кувшина свой напиток, который при этом усилил своё свечение и издавал мелодичный звон, словно множество серебряных колокольчиков, сказала Смерть. –

Очень рекомендую.

– А разве вы со мной не выпьете? – вновь ожила моя учтивость пополам с возникшим неизвестно откуда страхом. – А то как-то пить одному не очень хорошо.

– Ты, что, думаешь, мы тебя отравим? – еле сдерживая смех, спросила Смерть. – Хочешь, что бы я выпила первой? Если не отравлюсь, то и ты выпьешь?

Она, видимо больше не смогла сдерживаться, а может просто притворялась, что сдерживается, и разразилась таким смехом, что я даже испугался, не началась ли у неё истерика. Ещё не хватало, что бы Смерть довести до истерики. Жизнь, на этот раз, поддержала сестру и тоже рассмеялась. Они смеялись очень долго, как мне показалось; во всяком случае, для меня их смех длился целую вечность. Причиной того, что время их смеха растянулось для меня в вечность, был великий стыд, что накрыл меня сразу же, как только Смерть начала смеяться.

Вообще-то я уже довольно давно не испытывал стыда, и уже думал, что избавился от него навсегда. Оказывается, я очень сильно ошибался на этот счёт. Стыд буквально сжигал меня, рвал на части, заставлял проваливаться сквозь землю. Хотелось стать маленьким-маленьким, незаметным-незаметным, что бы две эти взрослые тётки прекратили смеяться.

Внезапно, как-то сразу, сёстры оборвали смех, и стыд, что мучил меня всё это время, сразу же оставил меня в покое.

Я взял свой бокал и осторожно понюхал, чем снова вызвал смех Смерти.

– Ты посмотри, сестрёнка, на этого героя, – со смехом сказала Смерть, обращаясь к Жизни. – И это самый прославленный разведчик Серой империи. Где это видано, что бы мужчина, которому дамы подносят кубок, вот так осторожничал?

– Да, хватит тебе сестра, – с материнской интонацией ответила Жизнь. – Ты и так уже застыдила мальчика.

От её слов мой стыд как ветром сдуло. Я испытал очень тёплое чувство, словно я опять маленький мальчик, которого мать защищает от нападок старших.

– А ты пей, не сомневайся, – обратилась Жизнь непосредственно ко мне. – Это не алкоголь, который приумножает иллюзии, совсем наоборот, он поможет тебе от иллюзий избавиться, так что смело пей и ничего не бойся.

Слова Жизни окончательно меня успокоили, и я сделал большой глоток из предложенного мне кубка. О, это был удивительный напиток. Одновременно возбуждающий и расслабляющий, он слегка пощипывал язык и сам вливался в горло, так что не было даже необходимости глотать.

Выпив кубок, я прикрыл глаза и минуту сидел молча, стараясь хорошенько запомнить ощущения от выпитого, а они были чрезвычайно яркими. Их было так много, а многие из них были мне совершенно в новинку, что вначале я даже немного в них запутался. Это было подобно взрыву, который

взорвал во мне привычную картину мировоззрения, расколол её на тысячи мелких осколков, разлетающихся сейчас во все стороны. Я ощутил себя одновременно потерянным и в то же время, абсолютно свободным. Это пугало меня и одновременно ужасно нравилось; мне хотелось, с одной стороны, вернуться к столь привычному для меня видению мира, а, с другой стороны, мне вовсе этого не хотелось.

Сделав несколько вялых попыток вернуть себе прежнее мировоззрение, я махнул на это рукой и стал наслаждаться, как оказалось, совершенно незнакомым для меня чувством свободы. С чем его можно было сравнить? Не знаю. Лично у меня сразу же возникла ассоциация с человеком, который так долго носил на спине тяжёлый груз, что совершенно перестал его замечать. И вот, совершенно неожиданно для данного человека, этот груз спадает с него. В первый момент он этого не замечает, продолжая двигаться по инерции, но вдруг с изумлением обнаруживает, что чего-то не хватает, но при этом у него нет чувства потери, а наоборот, он испытывает такую чудесную лёгкость, что кажется способным летать.

В этот момент вас охватывает эйфория, да такая, какую вы, скорее всего, никогда прежде не испытывали. Вам хочется в одно и то же время и смеяться и плакать, да так, что и сам не можешь понять плачешь ли ты от смеха или смеёшься до слёз. Тебе хочется, что бы это состояние никогда не кончалось или, по крайней мере, длилась как можно дольше. Ты

готов на всё, что бы сохранить свою внезапно обретенную свободу. Готов драться за неё и даже, если придётся, умереть за неё лишь бы хоть от случая к случаю испытывать это сладостное чувство. И если ты человек, причём не по форме, а по содержанию, ты ни за какие мнимые богатства мира сего не продашь своей свободы.

Эйфория вновь обретенной свободы достигла своей вершины и застыла на этом уровне, не желая ни делаться сильней, ни слабей. Этот уровень вполне устраивал меня и страшило только одно, что это рано или поздно кончится и всё вернётся на круги свои. Я совершенно не ведал, сколько времени будет продолжаться действие на меня волшебного напитка, но всеми фибрами души моей желал, что бы это было как можно дольше.

Вы можете спросить, почему я называю мою свободу вновь обретенной? Просто я знал, хотя сам не знаю, откуда, что свобода всегда жила в душе моей, а волшебный напиток только напомнил мне о её существовании, о котором я, как видно, изрядно позабыл. Тут же возник вопрос, как получилось, что я человек, изначально одаренный Творцом практически неограниченной личной свободой, совершенно забыл о ней? Что привело меня к этому забвению? Как сделать так, что бы после окончания действия напитка, я вновь не забыл о свободе?

Все эти вопросы, не спорю очень важные, в одно мгновение лишили меня эйфории от ощущения внутренней свобо-

ды и породили во мне совершенно не характерное для меня чувство обиды. Обида эта отнюдь не была абстрактной, она была очень даже конкретной. Я очень хотел знать, кто всё устроил так, что бы я полностью позабыл о своей свободе, кто превратил меня в послушное, не рассуждающее, а лишь исполняющее приказы существо. Вслед за обидой во мне зашевелился гнев, да такой, какого я до этого никогда не испытывал. Если бы вот прямо сейчас мне указали бы на этого человека, я бы его буквально разорвал на части, таков был мой гнев, сдержать который мне удалось только огромным усилием воли.

– На-ка, выпей ещё, да закуси лепёшками, – заботливо сказала Смерть, увидев, что я пришёл в себя и наливая мне ещё напитка. – Это должно тебя подкрепить, а потом мы тебе кое-что расскажем.

На этот раз я уже не осторожничал, желая вновь испытать эйфорию свободы, однако в этот раз эффект был совершенно другой, хотя качества напитка оставалось без изменения. Вместо эйфории, моя обида достигла такой величины, что казалось, если я сию же минуту не узнаю, кто или что превратило меня в то, кем я стал, то тут же, на этом самом месте помру.

– Ничего ты не погрёшь, во всяком случае, я в этом участвовать не собираюсь, – ворчливо заявила Смерть, ничуть не скрывая, что читает мои мысли. – Ты давай закусывай, а то разговор у нас будет длинным.

Я взял с блюда обычную, на первый взгляд лепёшку и осторожно откусил. Нет, это не было той осторожностью, которую я проявил в отношении напитка, просто я не был голоден. Однако, откусив кусочек, я быстро съел лепёшку, настолько она была вкусна, и потянулся за второй. Вот уж точно, что аппетит приходит во время еды.

Моя прожорливость вызвала у хозяек стола умиление, Жизнь даже украдкой смахнула слезу, а Смерть с издевкой сказала:

– Вот видишь, мой мальчик, ничего страшного с тобой не произошло, а ведь ты даже не попросил меня отведать лепёшку первой. А вот есть всухомятку очень вредно, уж поверь мне, так ты уж запивай лепёшки, ведь тебе их нужно съесть все, а напитка у нас много. -

Лепёшки, которыми меня угощали, были самой вкусной едой в моей жизни. Они буквально таяли во рту, оставляя удивительно приятное послевкусие. В сочетании с волшебным напитком, лепёшки обнаружили в себе очень удивительное свойство. Я съел их почти все, а обычной в таком случае тяжести в желудке не ощущал. Наоборот, я был сыт, и при этом тело моё было на удивление лёгким. Я заметил, что моя недавняя рана на левой руке, которая никак не желала заживать и доставляла мне серьёзное беспокойство, совершенно не напоминала о себе. Из интереса я задрал рукав и увидел, что от раны не осталось и следа, даже не было видно шрама. Рука выглядела так, словно никогда не получала

травм. Это, конечно было удивительно, но ещё более удивительно было то, что эти лепёшки в купе с волшебным напитком утоляли голод духовный, который все мы в той или иной мере постоянно испытываем. Обычно мы не замечаем духовного голода, заглушая его суетой, погоней за иллюзорными целями, развратом. Постепенно мы привыкаем не замечать его проявлений. Подумаешь, разучились искренне радоваться жизни; подумаешь, жизнь из радости превратилась в тяжёлую ношу, которую лишь страх смерти заставляет тащить дальше; подумаешь, жизнь потеряла цель, а вместе с ней и смысл.

Сколько я себя знаю, в глубине души моей, постоянно присутствовало чувство некоего недовольства собой, недовольства жизнью, а это не позволяло мне по-настоящему радоваться жизни. Оказывается это и были проявления духовного голода, который явился следствием всей моей прошлой жизни, когда я всё время посвящал заботе о собственном теле, удовлетворяя лишь плотские желания. Душа же моя всё это время, не получая пищи, голодала и стала усыхать, подобно тому, как худеет голодающий человек. Поэтому с годами я стал жестоким, высокомерным, мстительным, не знающим пощады к тем, кого считал врагами, человеком – всё это прямое следствие усыхания души.

Так вот, обед, которым накормили меня Великие сёстры, насытил и исцелил не только моё тело, но и впервые в этой жизни утолил мой духовный голод. Закончив трапезу, я ощу-

тил давно забытое, а может быть никогда мной и не испытанное, ощущение полного счастья. Тела своего я не ощущал, его, словно не было вообще, таким оно было лёгким. Впервые за многие годы я не чувствовал усталости, боли в старых и свежих ранах, той тяжести, которая с годами ложится на плечи и с каждым годом делается всё тяжелее и тяжелее. Но это всё было ерундой по сравнению с той великой свободой, которую обрела душа моя, отведав волшебной пищи. В первых ко мне вернулось чувство внутренней свободы, но уже не в форме эйфории, а более ровное и тем самым более устойчивое или надёжное что ли. Во-вторых, в душе моей наступил великий покой, о возможности которого я даже не подозревал. Это не был покой равнодушия, наоборот, гораздо сильнее стало интересоваться всё то, что окружало меня, и чего раньше я даже не замечал. Зато исчезли все страхи, что преследуют человека с момента его рождения и до самой смерти, да и сама смерть теперь не вызывала у меня страха. Особенно радовало то, что исчез давящий страх, впитанный мной с молоком матери. Это страх перед Благими Богами, страх перед начальством, страх за свою карьеру и прочее, прочее, прочее...

Одним словом, мне было очень хорошо, и я был счастлив. Кроме того, у меня появилась некая целеустремлённость, то есть жизнь моя опять обрела смысл, который не шёл ни в какое сравнение с моими прежними целями, где на первом месте стояли богатство и карьера, а, следовательно – власть.

Нет, я ещё не мог сам себе внятно сформулировать истинную цель моей жизни, но во мне была твёрдая уверенность, что рано или поздно я найду ответ на этот, пожалуй, самый важный вопрос моей жизни.

– А, что же вы? – спросил я сестёр, когда на блюде осталось лишь две лепёшки. – Как-то неудобно получается, я всё съел один.

– Я не голодна, – очень серьёзно ответила Смерть, а Жизнь только сделала жест, что бы я продолжал свою трапезу.

Я не стал просить меня дважды и продолжил поедать лепёшки, запивая их из своего кубка, куда Смерть заботливо подливала искрящейся напиток.

– Теперь, когда ты насытился, пора перейти к серьёзному разговору, – как-то задумчиво заговорила Смерть. – Слушай меня внимательно и запоминай, что всё, услышанное от меня исходит и от Жизни, просто она, в отличие от меня, очень не любит разговаривать. Я постараюсь показать тебе истинное положение дел в Мироздании на данный момент, а уж ты, освобождённый сейчас от иллюзий, сам определишься, на чью сторону встать и что делать. Пойми, мы вовсе не желаем, что бы ты принимал решение под нашим давлением, впрочем, как и под любым внешним давлением тоже. Мы, как ты уже понял, являемся вселенскими силами, поэтому никогда не выступаем на чьей-либо стороне, а лишь на стороне вселенского равновесия. Сейчас равновесие серьёзно наруше-

но, и наша задача не позволить этому нарушению достичь той величины, когда в дело вмешается сам Творец. Поэтому мы поддерживаем сейчас тех, кто старается сохранить все-ленское равновесие. Так сложилось, что твоя Родина Серая империя, вернее те, кто ей правит, стала причиной нарушения равновесия, поэтому мы сейчас не на вашей стороне, хотя вы для нас так же дороги как могут быть дороги, пусть непутные, но всё же родные дети, для их матерей. Выбор у всех нас невелик: либо твои соотечественники откажутся от пагубного пути, который грозит неминуемой гибелью, если не всех, но уж точно большинства, твоих соотечественников, а вместе с ними и миллионов других людей и не только людей; либо вы измените свой курс, и сами поспособствуете сохранению равновесия. В этом случае пострадают лишь непосредственные виновники.

– Уважаемая, Смерть, – обратился я к моей собеседнице. – Насколько я понимаю, ты, конечно, более заинтересована в первом варианте, ведь, исходя из твоей природы, ты должна быть заинтересована в большом количестве жертв.

Только я закончил говорить, как тут же пожалел о сказанном. Если бы не моё нынешнее состояние внутреннего освобождения, я бы, наверное, умер бы от страха, такое действие произвели эти, на мой взгляд, справедливые слова, на мою собеседницу. Смерть буквально пришла в ярость, её глаза широко раскрылись, и из них на меня глянула бездна, поражая меня леденящим холодом, лишая воли к сопротивлению

и затягивая меня в себя. Я умираю, как-то отвлечённо, словно это происходило не со мной, подумал я.

– Остановись, сестра! – услышал я встревоженный возглас Жизни.

Сразу же после этого чувство умирания пропало, а Смерть разразилась гневной тирадой в мой адрес. Не скажу, что это мне понравилось, хотя её слова в отношении моих умственных способностей были полностью справедливы.

– Ты только посмотри на него, сестра, – с возмущением сказала Смерть. – Мы его тут поим, кормим, тратим на него время, а он нам в ответ хамит. Представляешь себе, этот мальчишка считает меня какой-то кровожадной фурией с садистскими наклонностями, будто я только и мечтаю, как бы побольше людей прибрать к себе. У меня, конечно, ангельское терпение, но ведь надо же и меру знать.

– Ты, сестра, сильно преувеличиваешь вину нашего гостя, – примирительно сказала Жизнь. – Он всего лишь смертный человек, который боится тебя, а этот страх и порождает его столь своеобразную логику, которая выводит тебя из себя, хотя я вполне тебя понимаю. Уж не знаю, как бы я повела себя, если бы меня объявили причиной перенаселённости в некоторых местах. Однако простим нашему гостю его бестактность.

Они говорили обо мне, вовсе не обращая на меня никакого внимания, словно меня здесь не было или я был неодушевлённым предметом. С одной стороны это было обидно, но

с другой, я чувствовал, что своими словами я чем-то очень разозлил и даже обидел Смерть, хотя и не понимал чем.

– На этот раз я тебя прощаю, – очень серьёзно сказала Смерть. – Что взять с обычного, пусть и изрядно одарённого, но всё же смертного. Сама не знаю, почему смертные так меня бояться? На основании чего появился вывод, что я заинтересована во множестве трупов? Полная глупость. Если люди, вследствие своей греховности, стараются как можно больше истребить себе подобных, то при чём здесь я? Откуда они взяли, что гора зверски убитых на полях бесконечных сражений, которые постоянно ведут меж собой смертные, доставляет мне удовольствие? Вовсе нет.

Её отповедь мне в форме вопросов, заставила меня серьёзно задуматься. Не знаю, толи подействовал волшебный напиток, толи после общения с Великими сёстрами я изменился, но очень быстро в сознании моём довольно ясно проявились ответы на вопросы Смерти.

А ведь действительно, почему в наших бесконечных войнах, которые постоянно ведёт наша империя, захватывая мир за миром, заваливая их штабелями трупов, и при этом мы во всём обвиняем Смерть, ненавидим её и боимся до такой степени, что зачастую превращаемся в некое подобие агрессивного животного с душонкой слизняка. Они неосознанно понимают, что делают нечто непотребное, что когда-нибудь им придётся за всё ответить, но мелкая перепуганная душа их не может взять на себя ответственность за

содеянные мерзости и преступления, поэтому они стараются переложить её на кого-либо, а более удобного «козла отпущения», в этом случае, кроме Смерти вряд ли отыщешь. Вот и пошло, смерть лютая, безжалостная, кровожадная, подлая, и так далее и тому подобное. Короче, сами пакостят, а Смерть виновата. Осознав это, я ощутил жгучую волну стыда за свой, как я теперь понял, вопрос.

– Прошу великодушно простить меня за мои неразумные слова, – извинился я перед Смертью. – Я вовсе не хотел вас обидеть. Надеюсь, что вы не станете держать на меня обиду.

– Извинения принимаются, – ворчливо ответила мне Смерть. – Ты, я вижу, всё понял, а обижаться я просто не умею. По крайней мере, никто из тех, кто так считал, не сможет опровергнуть мои слова.

Сказав это, Смерть весело рассмеялась. Я по достоинству оценил её юмор. Действительно, я никогда и ни от кого не слышал, что смерть на него была бы в обиде.

– Ну, ладно, шутки в сторону, – став вдруг серьёзной, сказала Смерть. – Теперь слушай и запоминай, что я сейчас буду тебе говорить. То, что ты услышишь, до поры обязан будешь сохранить в тайне, а что бы никто ни смог бы прочитать твою память, я лично поставлю защиту.

Я почувствовал лёгкий холодный укол, словно ледяная игла вонзилась мне в сердце. После этого Смерть рассказала мне такое, что остатки моего взгляда на прежнее мировоззрение и взгляда на собственную жизнь, разлетелись,

как разлетается тополиный пух под порывом летнего ветра. Все мои заблуждения стали абсолютно понятны, иллюзии со звоном рассыпались, словно разбитое стекло, выбитое мячом хулигана-мальчишки, стало ясно видно, в каком чудовищном обмане прошла моя жизнь и кто является творцом этого обмана. Душу мою накрыла волна обиды, которая очень быстро сменилась лютой ненавистью.

Закончив своё повествование, Смерть, видя моё состояние, предупредила меня, что бы я не горячился, а был предельно осторожен. Только при этих условиях я смогу многое исправить в своей судьбе и принести максимум пользы своей Родине.

– Ну, вот, – сказала, наконец, Смерть. – Всё, что мы с сестрой хотели, мы сказали. Пора прощаться. Теперь, когда твои иллюзии разбиты, ты в состоянии принять самостоятельное решение, как тебе поступить в дальнейшем. Кстати, твои люди, хотя лично и не встречались с нами, однако тоже лишились иллюзий, поэтому ты полностью можешь им доверять. А теперь прощай, тебе сейчас придётся поторопиться во дворец так называемых Благих Богов.

Мы с Маргусом сидим в трапезной при обсерватории, пьём вино, закусываем и ведём неспешную беседу, в общем-то, ни о чём; просто, когда всё важное уже сказано, а молча пить не охота, хорошо сидеть вот так, перекидываясь, время от времени, ничего не значащими фразами. В империи всё шло примерно так, как и рассчитывал Учитель. Люди частью бежали из столицы, частью прошли проверку Обсерваторией и теперь ждали условного сигнала, что бы вместе с Обсерваторией навсегда покинуть этот мир. Это были будущие жители новой вотчины, которые несли в себе и должны были сохранить бесценную память Древней крови. Сохранить и пронести через бездну пространства и времени, что бы, когда придёт срок, возродиться этому сказочному миру в новом времени, он возродил бы в себе всё лучшее, что присуще этому миру; миру, где бок о бок с людьми живут драконы и волшебники. Моему родному миру, где я появился на свет, где сделал свои первые шаги, где стал драконом и волшебником, где обрёл верных друзей, готовых за тебя хоть в огонь. Миру, в котором я встретил свою любовь, мою Ниннэль, где появились мои дети. Я не верил, я твёрдо знал, что это непременно будет, хотя не знал когда и где. Я знал, что красота, как и волшебство, бессмертна, бессмертна, как сама любовь, что правит мирами.

Мой мир смертельно болен, и если вовремя не сделать операцию, он умрёт, унося с собой навсегда всё, что я люблю, всё, что мне дорого, всё то, чем являюсь я сам. Я, конечно, не могу сказать наверняка, какая роль отведена мне судьбой в предстоящей операции; являюсь ли я хирургом или всего лишь скальпелем в руке хирурга, да это и не важно. Важно лишь то, что бы пациент, в нашем случае это мир, остался бы живым и по возможности здоровым. Поэтому не играет никакой роли то, кем или чем был ты в этой спасительной операции, главное, что бы она прошла успешно, а ты принял в ней участие. Возможно, если ты хирург, тогда ты сделаешь ещё много подобных операций; возможно, ты сыграешь роль хирургического инструмента, который так же будет участвовать во многих подобных операциях, а может быть, ты станешь всего лишь расходным материалом, и после окончания операции тебя выбросят за ненадобностью. Всё это не важно, важен лишь спасённый мир. Осознание этого легло тяжкой ношей ответственности, которая, скорее всего, раздавила бы меня, но, я постоянно ощущал присутствие друзей, а так же ещё великого множество людей, демонов и других разумных существ, населяющих мир, которые разделили со мной эту тяжесть. Это сделало груз, навалившийся на мои плечи, вполне терпимым.

Завтра мне предстояло идти на встречу с Обсерваторией и я, признаться, изрядно волновался. Нет, я не боялся этой встречи, я переживал совсем по другому поводу. Я просто

не представлял себе, каким образом я передам ключи от новой вотчины, если в своё время Обсерватория не допустила меня за заветную дверь, куда ходил Учитель. Мне почему-то плохо представлялось, что такое важное событие, как передача ключей, будет происходить в подземном коридоре. Я постарался отвлечься, справедливо посчитав, что Обсерватория сама решит этот вопрос наилучшим образом. Стало легче, и я позволил себе предаться блаженному отдыху с бокалом прекрасного вина и беседой с интересным человеком, каким был Маргус.

Мы засиделись с Маргусом допоздна, и ушли спать уже далеко за полночь. Спал я без сновидений, словно провалился в глубокую чёрную яму, но проснулся совершенно отдохнувшим, с ясной головой, из которой каким-то таинственным образом исчезли все мои вчерашние сомнения. В душе моей присутствовало чувство твёрдой уверенности, что всё сегодня разрешится самым наилучшим образом.

После лёгкого завтрака мы вместе с Маргусом направились в подземелье Обсерватории. Жрец вызвался меня сопровождать до того места, до которого он будет допущен. Он сказал, что сегодня отменены все проверки кандидатов на переселение вместе с Обсерваторией. Я был с ним полностью согласен – не стоит отвлекать Обсерваторию в такой важный для неё период, как принятие ключей от её нового места обитания.

Путь был недолог и вскоре мы вошли в знакомую дверь,

ведущую в подzemелье Обсерватории, и стали спускаться вниз. На душе моей было на удивление тихо и спокойно, словно я не шёл на встречу с величайшим чудом нашего мира, а встречался с близким другом, с которым расстался лишь вчера.

Наконец мы в том самом коридоре, который вёл ко второй двери, за которую в прошлый раз ушёл Учитель. Не останавливаясь, я пошёл вперёд так, словно мне приходилось ходить здесь каждый день. Маргус шёл рядом справа от меня. Шли мы молча, любые слова в этом месте казались неуместными. Где-то на середине коридора, отстал Маргус, и я пошёл дальше в одиночестве. Ключ и заклятие перемещения, что я хранил в своём сознании, вдруг начали пульсировать, хотя раньше я их просто не ощущал. Я расценил это, как настройку меня на Обсерваторию, что бы мы могли общаться на одной частоте.

Как-то незаметно для себя самого я оказался перед дверью и с замиранием сердца взялся за ручку. Что ждёт меня за этой дверью, за которой ещё никто из людей, за исключением Учителя, никогда не бывал?

Дверь открылась на удивление легко, как-то сама собой. Я, сделав глубокий вдох, шагнул через порог. Передо мной ярко сиял мерцающим сине-зелёный столб, толи пламени толи, просто какой-то энергии, природа которой мне показалась знакомой. В любом случае это не был огонь, потому что тепла от него не чувствовалось.

Что мне делать дальше я не знал, но тут во мне зазвучал голос. Голос был доброжелателен, я бы даже сказал, что он был мягким и ласковым, если бы он буквально не излучал силу. Сила эта показалась мне настолько знакомый, что в первый момент я даже опешил. Если я не ошибаюсь, эта же сила была присуща и моему Учителю. Значит, выходит, что Странник приходится по силе родной Обсерватории. Вот это да! Голос ненавязчиво предложил мне вступить в силовой столб, что я, не секунду не колеблясь, и сделал.

Чем-то силовой столб Обсерватории напоминал мне открытый проход, с одной лишь разницей, что проход можно было открыть и удерживать лишь на очень незначительное время, а здесь он был открыт постоянно. Кроме того, открывая проход, я всегда имел представление о том, куда он ведёт, а здесь было совершенно неизвестно куда он тебя утащит, стоит только вступить в него. Всё было так, однако это нисколько не повлияло на мою решимость воспользоваться столь любезным предложением Обсерватории, пусть, даже если силовой поток уведёт меня за пределы мироздания.

Я сделал шаг, погружаясь в сияющий поток силы, и тут же обнаружил ещё одно отличие от обычного прохода. Если обычный проход требовал от ходящего-по-мирам усилий собственных ног, здесь от меня ничего не требовалось и, как я догадывался, ничего и не зависело. Поток силы, подобно горной реке, просто подхватил меня и с непредставимой скоростью куда-то потащил. Это было так неожиданно, что сна-

чала я несколько растерялся и попробовал сопротивляться, но из этого ничего путного не вышло. С таким же успехом можно было попытаться руками остановить горный обвал, скорость только увеличилась. Я взял себя в руки и полностью доверился силе Обсерватории, тем более что полёт стал сопровождаться очень яркими видениями, которые ужасно меня заинтересовали. Я так увлёкся, осмысливая информацию этих видений, что совсем перестал ощущать невероятную скорость, с которой меня куда-то увлекал поток силы Обсерватории.

Я видел странные пейзажи, о самой возможности существования подобных ещё мгновение назад даже не мог бы помыслить, а если кто-то попытался бы рассказать, что такое бывает, ни за что бы не поверил. Я видел множество живых существ самого невероятного облика, чьи имена были для меня тайной за семью печатями. А ещё всю дорогу я видел Богов, которые на некотором расстоянии сопровождали мой полёт.

Откуда я знал, что гигантские светящиеся человекоподобные фигуры с огромными, сверкающими всеми цветами радуги крыльями, были Богами? Не знаю. Хотя я, конечно, в своей ещё очень короткой жизни, ни разу не встречал Богов, я почему-то был абсолютно уверен, что это именно Боги. Они ненавязчиво сопровождали меня, и от них исходила спокойная сила, которой я полностью доверился и отдался, позволяя нести меня к той цели, которую определили для

меня эти существа; существа столь могучие, что их не мог вместить ни один из миров мироздания.

Сколько продолжался полёт, я не знаю. Может быть, он длился одно мгновение, а может, продолжался целую вечность. Во всяком случае, мне он показался очень долгим, словно я за этот полёт прожил целую жизнь. Однако, как и всё в мироздании имеет конец, так же кончился и мой бесконечный полёт. Я оказался в очень странном месте, описать которое я, честно сказать, вряд ли могу. Здесь было много света, причём не того привычного для нас света, что воспринимаем мы своим телесным зрением, а света, который не слепил, не отбрасывал тени и воспринимался мной как некое живое, очень мудрое и в то же время любящее меня существо. Любовь, что изливал на меня этот свет, а может быть это сама любовь, излучала свет, не знаю, заполнила каждую мою клеточку, вытесняя из души остатки страхов, сомнений, каких-то застарелых обид. Пропало даже чувство душевной тяжести от недавнего осознания безмерной ответственности, которая легла на меня. Мне было на удивление легко и свободно, словно я очень долго нёс на плечах тяжеленую ношу и вдруг кто-то очень милосердно освободил меня от этой ноши. Сознание моё, свободное от необходимости быть всегда начеку, стало настолько быстрым, что я практически сразу же осознавал любую информацию, которая в этот миг обрушилась на меня подобно пресловутому девятому валу, грозя похоронить меня под собой.

Спустя какую-то долю мгновения я понял, что этот вал информации, всего на всего мысли Богов, которые после того, как мы достигли этого места, окружили меня плотным кольцом, расположившись метрах в трёх от меня. Они были совершенно открыты и даже не думали как-то скрывать от меня свои мысли. Я был поражён скорости и объёму их мышления, которые казались мне просто фантастичными. Только сейчас я смог оценить насколько они велики, но не только своим сознанием, но и телом. Я, по человеческим меркам был достаточно высок, однако по сравнению с окружившими меня мерцающими перламутровым цветом фигурами, которым я был по пояс, выглядел маленьким ребёнком, который только-только научился самостоятельно ходить. Их великолепные крылья, сложенные за спиной касались той субстанции, на которую все мы опирались. Именно субстанции, потому что назвать то, на чём я стоял землёй, язык не поворачивался. От них исходила сила спокойной уверенности, но, что самое удивительное, она не вызывала у меня ощущения какого-то их превосходства, я уж не говорю об ощущении угрозы с их стороны. Нет, от них исходила по отношению ко мне доброжелательность, я бы даже сказал любовь.

Всё было хорошо, я стоял в окружении высоких светящихся крылатых существ, которых я упорно продолжал именовать для себя Богами, однако я понимал, что всё это лишь подготовка к главному, зачем я был сюда допущен. Я почему-то был твёрдо уверен, что эти Боги, которые, конечно,

выполняют при Обсерватории свою важную миссию, однако не они были здесь главными, а были, скорее всего, высокопоставленными слугами. Тот же, кто был здесь самым главным, с любовью и интересом приглядывался ко мне, ожидая какого-то, только ему известного, момента, что бы начать со мной разговор. Я терпеливо ждал, когда хозяин этого места соизволит начать разговор и, наконец, дождался.

– Я рад тебя видеть, ученик нашего потерянного и вновь обретённого брата, – зазвучал во мне спокойный, немного усталый голос, исполненный силы. – Вы со Странником всё сделали для того, что бы перенести Обсерваторию в новое место и тем самым лишить Серую империю стимула нападать на ваш мир. Я поздравляю и благодарю всех вас от имени моего народа. Ты готов передать ключи от вотчины?

– Да, – коротко ответил я и раскрыл ментальный тайник, где до этого времени хранились ключи.

Всё произошло практически мгновенно. Я почувствовал лёгкое, на самой грани чувствительности, прикосновение и сразу же ощутил, что ключей у меня больше нет.

– Теперь между нами установилась тонкая связь, – вновь заговорил голос. – Как только ты произнесёшь заклятие, Обсерватория в тот же миг будет перенесена на новое место. Вместе с ней будут перенесены и те подданные вашей империи, которые пройдут отбор. Это, по замыслу Странника позволит сохранить самую душу империи, её знания и культуру. Пройдут многие века, даже тысячелетия, ваш мир из-

менится, его будут населять совершенно другие народы, но Древняя кровь империи Повелителей драконов не исчезнет с лица мира. Да, она будет сильно разбавлена, свежей кровью новых народов, люди забудут о том, что когда-то существовала великая империя, где драконы и волшебники мирно уживались с обычными людьми. Но каждый, в ком сохранится хотя бы мельчайшая частица Древней крови, будет нести в себе память об этой империи. Память, о которой он сам даже не будет догадываться, но которая будет тревожить его по ночам волшебными снами полными чудес, наполненных душевным млением; снами, где он будет видеть себя в прекрасном древнем городе полном красивых домов, похожих на дворцы, где на мощеных булыжником улицах можно встретить закованных в блестящие доспехи стражников или запросто может встретиться с самым настоящим волшебником, а если задрать голову к небу, то вполне можно рассмотреть парящего в синеве дракона. Просыпаются эти люди уже не теми, какими засыпали. В их душах навсегда поселяется непонятная тоска пополам с чувством ожидания чего-то чудесного, что вот-вот должно произойти. А ещё у большинства этих людей появится твёрдая надежда, граничащая порой с твёрдой уверенностью, что когда-нибудь он непременно найдёт дорогу в эту чудесную страну. Самые нетерпеливые из них навсегда покинут дом и всю жизнь будут бродить по миру, а если повезёт, то и по мирам, в поисках потерянного рая. Некоторым повезёт и где-то в бесконечных складках

времени они найдут империю и тем самым вспомнят всё и обретут самих себя. Другие, не столь нетерпеливые, напишут множество волшебных сказок, в которых будут представлены простые люди и волшебники, драконы и демоны. В этих сказках добро будет постоянно бороться со злом, поочерёдно превращаясь в свою противоположность; смерть будет шествовать за ручку с жизнью; в них великий патриотизм и самоотречение будут соседствовать с самой низкой подлостью; великая любовь и мужская дружба будет идти рука об руку с чёрным предательством. Эти сказки будут волновать тех, у кого в крови осталась хоть самая малая искра древней крови. Придёт время, когда всех носителей Древней крови призовет к себе то место, на котором сейчас находится Обсерватория и со всех сторон они соберутся туда, где сейчас красуется ваша столица. Это будет означать, что великое заветие, созданное вами, завершает свою работу и пришло время возвращения Обсерватории, а вместе с ней и возрождение империи Повелителей драконов.

Голос замолчал, давая мне осмыслить сказанное, а осмыслить было что. Занятый постоянно текущими заботами, я как-то не особо задумывался о долговременных результатах нашего заветия, а сейчас, слушая голос, я был поражён тому факту, как учитель сумел продумать события, отстоящие от нашего времени на многие тысячелетия. Всё, что сказал голос, прибавило мне оптимизма. Теперь у меня появилась реальная надежда, что моя родина сможет возродиться, а

значит, ответственность наша за наилучшее исполнение задуманного многократно возрастает. Одно дело лишить Серую империю интереса для вторжения в наш мир, коим является Обсерватория, заведомо зная, что родина твоя обречена. Совсем другое сделать это в надежде на возможное её возрождение. Действовать в надежде на возрождение гораздо приятнее, чем совершать акт отчаянья, чем я до этого времени считал план переноса Обсерватории.

– К сожалению, мы не можем тебя здесь задерживать, – продолжил голос. – Дело в том, что время здесь идёт по-другому, чем в вашем мире. Если ты задержишься здесь, то надолго выпадешь из своего мира, а это, особенно сейчас, нежелательно. Поэтому я сразу перейду к одному неприятному, но требующему скорейшего решения, делу. Я знаю, что при Обсерватории окапался шпион серых, а возможно их там целая группа, причём шпион очень хорошо подготовленный, если сумел пройти нашу проверку и при этом утаить от нас свою память. Я знаю, что ты недавно узнал о том, что в Обсерватории есть лазутчик, поэтому у меня к тебе есть просьба. Помогите нам разоблачить шпиона. Этим ты окажешь великую услугу всем нам.

Просьба голоса несколько меня озадачила, так что какое-то время я не знал, что ответить. Нет, не подумайте, что я не хотел этого или чего-то испугался, вовсе нет. Просто я не был уверен, что смогу вывести на чистую воду столь хитрого агента серых. Ещё ни разу в жизни я не выполнял функ-

ции детектива. Мне, конечно, было абсолютно ясно, что если не разоблачить врага в Обсерватории, то все наши планы могут пойти коту под хвост, в лучшем случае это создаст такие помехи, что реализация нашего плана становится, очень сомнительна. Я вполне осознавал ответственность, которая ложилась на мои плечи, если я возьмусь выполнять просьбу голоса, а не откликнуться на эту просьбу я просто не мог. Вы понимаете моё положение в тот момент? Именно поэтому я и замешкался с ответом.

– Я понимаю твои сомнения, Кувай, – заговорил голос, не дождавшись моего ответа. – Твои опасения понятны, но ты ведь будешь не один. Тебе будут помогать все члены ордена Обсерватории, да и мы не оставим тебя без помощи. Надеюсь, все вместе мы решим эту задачу.

– Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, – в смущении ответил я. – Что делать со шпионом, если его удастся выявить? Мне как-то не по нраву пытаться, а тем более казнить предателя.

– Передашь его или их главе ордена, он знает, что ему делать, – ответил голос. – Теперь нам пора прощаться, твоё время вышло. Надеюсь, что мы ещё встретимся при более благоприятной обстановке. Спасибо тебе и передай привет Страннику.

Я не успел ответить голосу, как очутился на площади перед Обсерваторией. Обратного пути я просто не заметил. Здесь стояла та часть ночи, когда луна уже зашла за гори-

зонт, а рассвет ещё не наступил. Да, долго же я отсутствовал, а мне показалось, что всё это длилось не больше часа.

Моё появление вызвало у обитателей обсерватории ажиотаж. Оказалось, что я отсутствовал, целую неделю. Да, удивительные чудеса выкидывает время. Несмотря на неурочное время, никто не спал. Меня окружила довольно многочисленная дружелюбная толпа, состоящая из монахов ордена Обсерватории и паломников, пришедших сюда пройти проверку из числа лиц, которые должны будут уйти из этого мира вместе с Обсерваторией. Паломников скопилось довольно много по причине того, что пока я находился в Обсерватории, все проверки были отменены. Моё благополучное возвращение из Обсерватории вернуло этим людям, пошатнувшуюся было, надежду на счастливый исход их дела.

– С возвращением тебя, Кувай, – сказал, обнимая меня Маргус. – Я уже начал беспокоиться за тебя, хотя прекрасно понимал, что Обсерватория не сделала бы тебе ничего плохого, но уж очень долго тебя не было. Кроме того, скопившиеся здесь паломники начали волноваться, что их эвакуация может сорваться. Нам стоило большого труда успокоить их.

Теперь стало понятно, откуда здесь столько людей и почему они с такой радостью встретили меня. Я почувствовал сильнейший голод, видимо парадоксы времени вовсе не касались моего желудка – он настойчиво требовал пищи.

– Я понимаю, что в этот час кухня ещё не работает, но не найдётся ли чего-нибудь поесть, а то я зверски проголодал-

сы? – спросил я Маргуса.

– Горячего, конечно, нет, но холодное мясо, хлеб и вино найдутся, – с улыбкой ответил глава ордена. – Следуй за мной, я постараюсь тебя накормить.

Холодное мясо, хлеб и вино, что ещё нужно голодному человеку, лишь бы всего было побольше. Мы вошли в трапезную, и один из слуг поставил на стол большую миску с жареным крупными кусками мясом, блюдо с хлебом и большой кувшин с вином. Я набросился на еду, как голодный лев на добычу, пригласив Маргуса присоединиться ко мне, но он отказался и ограничился лишь тем, что налил себе кружку вина.

Я давно заметил странную закономерность. Если ты сильно проголодался, то все твои помыслы сводятся к еде. Но этого мало. По мере того, как голод ваш возрастает, ваши фантазии насчёт еды странным образом меняются. Если сначала в ваших мыслях возникают разные вкусные вещи, главным образом из тех, которые вам очень нравятся, но поесть которые по разным причинам получается довольно редко. Позже, по мере возрастания вашего голода, желанная пища становится всё более простой, зато объём её увеличивается, до совершенно невозможного. В конце концов, твои мысли ограничиваются, простым чёрствым хлебом, но в объёме не меньше буханки. Ну вот, наконец, у тебя появляется возможность утолить свой голод, причём не только хлебом. Вы набрасываетесь на еду, желая съесть всё, что находится на сто-

ле, но очень быстро понимаете, что вы уже сыты и при всём желании не можете съесть больше ни кусочка.

Съев пару кусков мяса с куском хлеба, я почувствовал, что наелся до отвала. Наступило время вина, которое здесь было выше всяческих похвал. За вином самое время поговорить, тем более что поговорить было о чём, но разговора не вышло. Я вдруг почувствовал страшную усталость, веки мои налились свинцом, и я, впервые в жизни, уснул прямо за столом, уронив голову на столешницу.

Я увидел себя летящим высоко над покрытой мраком землёй. Стояла глубокая безлунная ночь, и только бриллианты звёзд над моей головой освещали полёт. В душе моей царило смятение; чувство до этого совершенно мне не знакомое. Причину возникшего у меня смятения я знал, но это знание отнюдь не прибавляло мне оптимизма. Подо мной в ночном мраке пряталась земля, хотя прятаться от моего взгляда было, в общем-то, бесполезно. Я и так знал, что лечу над почти безжизненной степью, ведь нельзя же считать серую траву, растущую здесь за проявление жизни, погибающей сейчас Серой империи. Почему-то всегда там, где угнездились серые, земля, даже покрытая до этого дремучими лесами, очень быстро превращается в такую вот степь, которая очень быстро покрывается серой травой, которую не едят даже лошади.

Лететь мне было далеко, я не спешил, поэтому вполне мог размышлять над парадоксом, приведшим меня в смятение.

Судя по тому, что мой изначальный враг находится на самом краю гибели, что, несомненно, должно меня радовать или хотя бы вызывать во мне чувство исполненного долга, я испытывал совершенно противоположные чувства. Это-то и приводило меня в смятение.

Когда-то, многие десятки тысяч лет назад, Серая империя самым бесцеремонным образом вторглась в мою судьбу, лишив меня родителей, детства и Родины. Всю свою жизнь я вынужден был противостоять ей. На алтарь этой борьбы легли: моя жизнь, друзья и даже любовь. Почему же сейчас, когда окончательная победа так близка, я не испытываю по этому поводу никакой радости? Что же со мной произошло?

Однако найти ответы на вопросы мне не пришлось. Картина сна резко изменилась. Теперь я сидел на берегу какого-то водоёма, скорее всего это было большое озеро. Я чувствовал себя крайне усталым, причём настолько, что даже думать не хотелось. Поэтому я просто сидел и тупо смотрел, как ленивые волны с тихим плеском набегают на песчаный берег. Сзади слышались осторожные шаги. Кто-то тихо подошёл и молча присел справа от меня.

– Здравствуй, Кувай, – спокойно поздоровался со мной Минг, словно мы расстались только вчера, хотя последний раз мы виделись почти пятьдесят тысяч лет назад – Я нашёл Ниннэль. -

Его слова произвели на меня эффект взорвавшейся бомбы. Усталость моя в купе с отрешённостью мгновенно оста-

вила меня, словно и не бывало. Меня бросило в жар, словно кто-то окатил меня из ведра кипятком. Как же я мог забыть мою Ниннэль?

Я вспомнил, при каких трагических событиях я потерял свою возлюбленную. Тогда мы все находились на волосок от смерти. Именно тогда я потерял всех друзей. На моих глазах был захвачен Яргуст. В яростном огне магии серых пропал Учитель, а с ним и все, кого я любил. Последним, что я тогда увидел, была обливающаяся кровью Ниннэль, которую Смерть, осторожно придерживая за руку, куда-то повела, и мой друг-демон Минг бросившийся за ними вдогонку.

– Я найду её, Кувай, – донёсся до меня его прощальный крик.

Что было потом? Я почти ничего не помню, видимо память, пожалев меня, постаралась всё забыть. Я остался один и, если бы не мой долг, долг последнего, кто может довести наш замысел до конца, я, скорее всего, просто бросился в самую гущу врагов в поисках смерти.

– Учитель создал Чёрного Апостола и тот выпустил Зверя, – как-то очень буднично сообщил Минг, словно говорил о самых обычных делах, словно сказанное им не означало конец моего бесконечного ожидания.

Внезапно этот сюжет сна сменился на другой, в котором я, в полном одиночестве, стоял на вершине холма, господствующего над окружающей местностью. Во все стороны, куда не глянь, простиралась унылая серая равнина, покрытая се-

рой, словно присыпанной пылью, травой. Эта же трава была и у меня под ногами, доходя почти до колен. Я кого-то ждал, но не знал с какой стороны он появиться. Поэтому я самым внимательным образом осматривал горизонт на все триста шестьдесят градусов.

На душе моей было ощущение, что вот-вот и произойдёт встреча с очень дорогим мне человеком, встретиться с которым я уже и не надеялся. Я вообще-то по натуре не большой любитель ожиданий, скорее, я человек нетерпеливый, хотя уже многие тысячелетия я только тем и занимаюсь, что жду, однако на этот раз ожидание мне пришлось по душе. Было парадоксальное ощущение, что во мне мирно уживаются два противоположных чувства – крайнее нетерпение и крайнее терпение, и это создавало неповторимое чувство твёрдой уверенности в том, что всё идёт, как надо.

Словно в подтверждение этой уверенности на горизонте показалась чёрная точка, которая стала быстро приближаться. Сердце моё радостно забило в предчувствии долгожданной встречи. Спустя пять минут, точка превратилась в крупную птицу, которая стремительно летела к холму, на котором я стоял. Я уже знал, что это никакая не птица, а громадный дракон цвета воронёной стали, который быстро взмахивая крыльями, летел на встречу со мной. Вот тут-то установившееся во мне равновесие было нарушено самым неподобающим для человека моего возраста образом. Я, словно мальчишка, закричал, тут же обратился драконом

и быстро полетел навстречу Яргусту....

Я очнулся ото сна в постели, куда меня кто-то заботливо перенёс. За окном была ночь, хотя я хорошо помнил, что уснул я за столом, когда только-только начинался рассвет. Неужели я проспал весь день? Никогда раньше я так долго не спал.

Хотя я чувствовал себя полностью выспавшемся и хорошо отдохнувшим, я всё же не спешил вставать, а продолжал лежать, стараясь осмыслить увиденное во сне. Таким снам-откровениям я привык доверять, а увиденное мной в сегодняшнем сне, породило во мне некую раздвоенность. С одной стороны, наш замысел, похоже, увенчается успехом, но это произойдёт, по крайней мере, никак не раньше, чем через пятьдесят тысяч лет, а, с другой стороны, я буду обречён все эти года на ожидание, причём ожидание в полном одиночестве. Если первое, вселяло надежду, то всего остального, я предпочёл бы избежать, если, конечно, это возможно. Что-то во мне говорило, что избежать этого вряд ли возможно, поэтому остаётся смириться и принять всё, что преподнесёт мне судьба. Ещё я очень ясно понял, что моя прошлая жизнь была всего лишь прелюдией перед чем-то по настоящему главным; ради чего я учился, ради чего я рисковал, ради чего я любил. И вот приближается время, которое потребует от меня полной отдачи, всего, чему я научился, во что верил и что любил. Сейчас я ясно понимал, что с этого момента, хотя если брать глубже, это произошло с само-

го моего рождения, я уже не принадлежу себе; что я теперь лишь орудие судьбы этого, а возможно и не только этого мира; орудия предназначенного для исцеления мира заразившегося смертельно опасной болезнью. С этими мыслями я, незаметно для себя самого, вновь уснул и проспал до утра.

Утром меня разбудил Маргус, обеспокоенный тем, что я проспал более суток. Я проснулся полностью отдохнувший, в прекрасном настроении и страшно голодный. За завтраком я в общих чертах рассказал Маргусу о том, что мне поведала Обсерватория, а так же о просьбе найти лазутчика Серой империи среди адептов ордена Обсерватории. После того, как я проспал сутки, у меня появилась ясность в том, как мне вычислить предателя.

Мне предстояло решить этакое простенькое уравнение со всеми неизвестными. Именно, со всеми неизвестными, потому что полностью доверять кому-либо, включая даже Маргуса, было нельзя. Однако если нельзя доверять полностью, почему бы не зачислить его в условно неизвестные члены моего уравнения. Это несколько облегчит мне решение. Кроме того, у меня есть ключ к этому уравнению – тот самый командир отряда разведчиков серой империи по имени Кварг. Я мысленно поблагодарил Творца за то, что я никому, кроме Маргуса, не раскрыл секрет Кварга. Суть секрета состояла в том, что Смерть раскрыла ему глаза не реальное положение дел, и он после недолгих размышлений принял нашу сторону. Он, конечно, не знал, кто в ордене Обсерватории являет-

ся агентом серой империи, но у него был ключ, с помощью которого он его узнает.

– Если я не ошибаюсь, сегодня среда? – спросил я Маргуса.

– Ты не ошибаешься, друг мой. Сегодня среда, а это значит, что Кварг сегодня с восьми до девяти пополудни должен будет встретиться со связным, – ответил Маргус.

– Вот этим-то мы и воспользуемся, – сказал я. Только проследить за встречей придётся тебе, больше ни кого посвящать в это дело нельзя. Я бы отправился сам, но Кварг уже видел меня, и моё появление в трактире сразу же насторожило бы его. Кроме того, я совершенно не знаю города и боюсь заблудиться.

– Я сам хотел предложить тебе свои услуги, – с улыбкой ответил Маргус. – Безусловно, я сделаю всё, что нужно. Я ведь неплохо могу одевать на себя личину?

– Да, в том кабачке я нипочём бы тебя не узнал, – со смехом сказал я. – Но будь очень осторожен. Мы имеем дело с профессиональным разведчиком, обмануть которого не так-то просто, а уж выследить и того труднее. Если он почувствует за собой слежку, встреча сорвётся. В лучшем случае мы сможем захватить связного, но я не уверен, что мы сможем от него узнать имя вражеского лазутчика. Наверняка шпион прошёл хорошую подготовку и в случае провала он просто умрёт, а мы так ничего и не узнаем.

– Ты прав, Кувай, – несколько обескураженно ответил

Маргус. – Сменить внешность я, конечно, могу, а вот, что касается слезки, тут я полный профан.

– Ладно, не переживай, – успокоил я его. – Время терпит. В любом случае в это дело никого больше посвящать нельзя. А сейчас же я бы хотел посмотреть город, в котором я родился, но который я толком ещё не видел. Это, я думаю, поможет мне в будущем, когда придёт время, да и может пригодиться вечером, когда нужно будет проследить за Кваргом. Не забудь, что я наложил на него заклятие, по которому легко смогу его обнаружить, так что проследить за ним, ничем не рискуя, я вполне смогу. Твоё же дело – убедиться в том, что встреча со связным состоялась и сообщить это мне.

– Всё это хорошо, мой друг, – с сомнением ответил старик. – Но для тебя очень опасно. Здесь полно шпионов серых, которые наверняка хорошо осведомлены о тебе и твоей внешности. Поэтому я бы не осмелился провести тебя по улицам города, но всё же выход есть.

– И, что же это за выход? – с интересом спросил я, прекрасно понимая, что относительно опасности лично для меня, он абсолютно прав. – Если им можно будет воспользоваться, я непременно это сделаю.

– Я полагаю, что ты сможешь им воспользоваться, – задумчиво ответил Маргус. – Ты увидишь весь город с высоты птичьего полёта и хорошо запомнишь его улицы и площади. Вернее сказать, с высоты не птичьего полёта, а полёта дракона, но при этом тебе вовсе не придётся обращаться в

дракона, что может привлечь к твоей персоне совершенно не нужное внимание.

– Ты меня заинтриговал, Маргус, – сказал я. – И как же это сделать?

– О, нет ничего проще, – смеясь, ответил Маргус. – Тебе нужно посетить утёс Небесной стражи. С него открывается прекрасный вид на город.

– А, что это за утёс Небесной стражи? – заинтересованно спросил я.

– О, это легендарное место нашего города, – с воодушевлением ответил Маргус. – Утёс этот, совершенно недоступный для восхождения. Попасть на него могут только драконы или те из людей, которых драконы захотят поднять туда на своей спине. Расположен утёс Небесной стражи на северной гряде гор, окружающих город. Когда-то в древние времена, когда империя Повелителей драконов только-только вставала на ноги, она была вынуждена вести постоянные войны с варварами, которые время от времени нападали на столицу. Что бы они не застали защитников города врасплох, стражу в воздухе постоянно вели драконы, которые и являлись крылатыми стражами города. В то время утёс служил своеобразной сторожкой для драконов. Они на нём отдыхали, что бы при необходимости сразу же подняться в воздух на отпор противника. Позже, когда нужда в крылатых стражах отпала, утёс стал своеобразным местом общения для драконов, где они собирались и обсуждали свои дела без помех со стороны

людей. С утёса весь город виден, как на ладони.

– Всё это хорошо, – сделал я замечание. – Но как мы туда попадём, если обращаться в дракона нельзя?

– Резонный вопрос, – хмыкнул Маргус. – Я обнаружил подземный ход, ведущий на утёс Небесной стражи, который прорыли, скорее всего, те люди, которые ещё задолго до империи построили здесь свой город. Видимо, у них там был в своё время наблюдательный пункт или тайное укрытие на всякий случай. Так что не будем терять время, собирайся и пойдём.

Спустя десять минут мы с Маргусом шли по подземному проходу, направляясь к утёсу Небесной стражи. Мне уже несколько раз приходилось путешествовать по подземельям столицы, и я до сих пор поражаюсь, как Маргус ориентируется в этом хитросплетении тоннелей, коридоров, каких-то узких щелей, по которым приходится порой пробираться боком, обдирая вместе с одеждой и собственную кожу. Прибавьте к этому множество поворотов, подъёмов и спусков, перекрёстков, потайных дверей, в общем, как говорится, чёрт ногу сломит. Если бы я зашёл в эти катакомбы один, то, скорее всего, заблудился бы, не смотря на все мои навыки, как в Искусстве, так и в магии.

Маргус вёл меня не спеша, время позволяло, поэтому я смог хорошо рассмотреть великолепные тоннели, в которых буквально кипела жизнь. У меня создалось впечатление, что жизнь подземного города гораздо более бурная, чем на по-

верхности. Тоннели, по которым мы шли, были хорошо освещены и многолюдны. То и дело попадались лавочки, забегаловки, какие-то мастерские, вырубленные прямо в скале. Публика, попадающаяся нам на встречу, была очень пёстрая. Здесь роскошные одежды придворных зачастую соседствовали с живописными лохмотьями нищих, хотя по преимуществу здесь были простые, но практичные одежды простолюдинов. Многие были при оружии.

– Сейчас мы идём по обжитой части подземелий, поэтому идти легко, – видя моё удивление, стал объяснять мне Маргус. – Погоди, скоро нам предстоит дорога по заброшенной части подземелий, вот тогда надо будет быть начеку.

– А, что нас там ожидает? – спросил я, просто так, что бы поддержать разговор.

– Во-первых, там будут грязь, темнота, завалы и ужасные сквозняки. Во-вторых, там скрываются шайки самых отъявленных негодяев, которые не в ладу с властями, как наверху, так и здесь, в подземном городе. Крон, ты же знаешь, очень строго обходится с теми, кто нарушает законы подземелья. Они трусливы, но когда их собирается много, они могут напасть, особенно если их противник малочисленнее. Это как раз наш случай. Ну, и, наконец, в-третьих. Мы с тобой пойдём по самым древним подземным путям, проложенным, насколько мне известно, ещё до того, как эти места освоили наши предшественники. Так вот, эти строители оставили после себя не только очень сложную сеть подземных ходов, но и

своё проклятие тем, кто изгнал их из этих мест. Хотя мы уже очень давно изгнали обидчиков древних строителей, однако, проклятие до сих пор в силе. Со временем в древних заброшенных ходах завелась всякая нечисть, которая в состоянии причинить вред и даже убить того, кто столкнётся с ней, – ответил на мой вопрос Маргус.

– Из всех перечисленных тобой трудностях и опасностях, самой большой мне видится грязь и темнота, – со смехом сказал я. – А, если говорить серьёзно, то в познавательном аспекте было бы интересно посмотреть механизм воздействия древнего проклятия, тем более заставить нас врасплох, вряд ли кому-то удастся.

– Ой, не шути так, Кувай, – с лёгким упрёком сказал глава ордена Обсерватории. – Я сам считаюсь не слабым мастером Высокого Искусства; кроме того, я нахожусь под покровительством Обсерватории, но когда однажды я столкнулся с проявлением древнего проклятия, то, скажу честно, еле ноги унёс. Если бы не необходимость для тебя быстро и безопасно посмотреть город, я бы ни за что не повёл бы тебя этим путём.

– Не обижайся, уважаемый Маргус, – примирительно сказал я. – Я вполне серьёзно отношусь к твоим предостережениям и вполне понимаю степень опасности, которую может нести в себе древнее проклятие. Однако мои учителя всю жизнь учили меня всегда идти навстречу опасности, что значит идти навстречу своему страху. Кроме того, я не думаю,

что нам с тобой кто-то или что-то сможет нанести серьёзный ущерб. Так что, всё правильно, как говорится, вперёд и ни шагу назад.

Пока мы разговаривали, подземный путь заметно изменился. Всё реже стали попадаться встречные пешеходы. Совершенно исчезли богато одетые люди; зато теперь все ходили вооружёнными до зубов. Исчезли улыбки и открытые взгляды. На лицах встречных застыло настороженное недоверчивое выражение и если бы не одежда Маргуса, а он отправился в путь в одежде жреца Обсерватории, нам бы вряд ли удалось избежать стычек.

Тоннели, по которым мы шли, делались всё более древними и какими-то обветшалыми. Всё чаще мы натыкались на следы обвалов, которые мы преодолевали с максимальной осторожностью, опасаясь вызвать новое обрушение. Освещение здесь уже отсутствовало, и Маргус хотел зажечь принесённый с собой масляный фонарь, но я остановил его. Мне не хотелось привлекать к нашему походу постороннего внимания, поэтому я произнёс заклятие, позволяющее нам видеть в темноте. Видеть мы стали, конечно, хуже, чем при освещении, однако вполне сносно и при этом, не привлекая к себе ненужного внимания.

6

Мы мчались по серой степи рысью, стараясь поскорее удалиться от дворца благих Богов. Поручение, которое дал мне Архонт, было с двойным дном. Именно такие поручения я и не любил. На первый взгляд, чего уж проще. Встретиться с человеком, забрать у него донесение, доставить начальству, чего уж проще. Но это только на первый взгляд. Для такого дела сгодился бы любой мало-мальски подготовленный разведчик, но почему-то начальство решило поручить это именно мне. Я чувствовал, что в этом деле кроется какой-то подвох, но только определить, что это за подвох я пока не мог.

Покинув коренные земли империи, и попав в мир, где трава была зелёной, а небо голубым, я приказал устроить привал – спешить было некуда. Когда я вернулся к моим ребятам после общения с Великими сёстрами, то просто не узнал их. Вместо тупых, ничем не интересующихся головорезов, передо мной были люди. Такие же обманутые, как и я, и так же свободные от иллюзий, порождённых ложью, как и я, они были моей семьёй, единственно близкими мне людьми.

Разбить лагерь, заняло не более получаса. Как раз к этому времени подоспела повозка с провизией, и я приказал приготовить праздничный ужин под предлогом необходимости обмыть моё новое звание. На самом же деле, мне просто хотелось с единственно близкими мне людьми, отметить осво-

бождение от рабства лжи, в котором все мы жили с самого момента рождения. Не прошло ещё и полчаса, как на разостланном, прямо на земле полотне, стояли миски с жареным мясом и кувшины с вином. Тут же стояли блюда с хлебом, который мы захватили ещё из империи.

Я предложил всем наполнить кружки, что с исполнительностью опытных воинов тут же было выполнено. Я поднял свою кружку и посмотрел на моих воинов. Передо мной с кружками в руках стояло тридцать побитых жизнью людей, которые в этой жизни ничего толком не умели, кроме как убивать и делать всё, что бы самим не быть убитыми. Которые умели бесконечно терпеть тяготы жизни воина, самодурство командиров, голод и холод походной жизни, а, самое главное, постоянный страх неминуемой смерти, которая терпеливо ожидает каждого, но особенно вот таких сорвиголов, как мои разведчики.

В этот вечер все мы хорошо выпили, отмечая окончание наших многолетних мытарств в окрестностях Вселенского маятника и присвоение мне звания полковника. Когда же я объявил, что нас направили в империю Повелителей драконов, все весело загомонили, предчувствуя развесёлую жизнь в большом городе, где полно кабаков и женщин. Я их прекрасно понимал. Ещё бы, попробуйте несколько десятилетий промотаться в местах диких и безлюдных, каждый день, рискуя собственной шкурой, и вдруг, как награда за труды, перевод в город. Да, не просто в какой-то заштатный горо-

дишко, а в столицу вражеской империи, куда не сегодня-завтра начнётся вторжение.

Засиделись мы до полуночи. Ребята, наверное, гуляли бы всю ночь, но завтра нужно было отправляться в путь, поэтому я приказал всем спать, оставив обычный в таких случаях караул. Вообще-то мир, в котором мы остановились, был безопасен, но многолетняя привычка к осторожности не позволяла мне пренебречь караульной службой.

Переход до империи Повелителей драконов прошёл в штатном режиме, хотя для достижения скрытности нашего передвижения мы шли в стороне от обычных дорог. Повозки и лошадей мы оставили под присмотром пятерых воинов и вошли в нужный нам мир под видом отряда наёмников. Сразу же после перехода мы убрали наши серые плащи в вещевые мешки и переоделись в одежду, которую обычно носят наёмники. Начинался новый этап нашей службы разведчиков Благословенной Серой империи.

Вошли мы в мир во второй половине дня, когда солнце уже начало склоняться к закату. Место выхода оказалось в самом центре дремучего леса, который был обозначен на моей карте. В этом отношении моё начальство в лице Архара хорошо знало своё дело. Нас снабдили всем необходимым для выполнения нашего задания, в том числе и подробными картами империи Повелителей драконов.

Вообще наша империя уделяла большое внимание подготовке к вторжению в каждый новый мир. Первыми шли раз-

ведчики, которые составляли подробные карты нового мира. После них в дело вступали агенты, которые внедрялись в местное население, а так же миссионеры, внедрявшие идеологию Серой империи. Всё это могло продолжаться ни один век. Эта незаметная, но очень важная работа подготавливала почву для победоносного вторжения серых всадников, которые завершали присоединение очередного мира к Серой империи.

Сориентировавшись по карте, я повёл свой отряд в направлении тракта, который вёл в столицу. На тракте, недалеко отсюда, располагался придорожный кабачок, где я рассчитывал заночевать. Дело шло к вечеру, а являться в столицу на ночь глядя не имело смысла. Шли мы по лесу около часа, и вышли на тракт. По тракту шло довольно интенсивное движение, правда, в основном в сторону противоположную столице. Главным образом, это были довольно зажиточные горожане, которые шли целыми семьями, везя на повозках личные вещи. Уж больно они были похожи на беженцев, которых я на своём веку насмотрелся достаточно. Да, не всё в порядке в империи Повелителей драконов. Выходить из леса на виду беженцев было бы неразумно – незачем вызывать у местных подозрений. Поэтому я приказал устроить привал. Мы отошли подальше в лес, оставив у дороги двоих наблюдателей, и завалились отдыхать.

Солнце заметно село, когда пришёл один из наблюдателей и доложил, что дорога свободна. Не мешкая, я поднял отряд,

и мы быстро вышли на дорогу. Построившись в колонну по два, так обычно ходят отряды наёмников, мы замаршировали в направлении столицы. Примерно через полчаса, мы подошли к придорожному кабачку, который назывался «Императорская шпора». На наше счастье кабачок только что покинула большая группа беженцев, и зал оказался пустым, если не считать трёх молодых дворян (при них были шпаги), обедающих за небольшим столом.

Хозяин заведения высокий тощий человек с длинным носом, встретил нас приветливо. Он позволил сдвинуть несколько столов в один общий за которым мы все и разместились. Буквально за пять минут был решён вопрос с ночёвкой и ужином. Для ночлега хозяин предложил нам сарай, полный душистым сеном, а на ужин было много солёных овощей, жареного мяса, хлеба и вина, которое оказалось на удивление хорошим.

Только мы уселись за стол и пригубили вино, как появились новые посетители. Это было целое семейство зажиточных горожан, которые, похоже, бежали из столицы, явно чем-то серьёзно напуганные. Это было хорошо – чем больше жителей столицы покинут город, тем слабее будет сопротивление, когда наши доблестные всадники устремятся на приступ столицы империи. Повелители драконов явно льют воду на нашу мельницу, и это тоже хорошо. Во всяком случае, когда начнётся вторжение, сопротивление будет минимальным. Одно не ясно, как поведёт себя Обсерватория – главная

цель вторжения.

Я поймал себя на мысли, что я размышляю привычными категориями, словно все прежние иллюзии снова вернулись ко мне, чего мне уж совсем не хотелось. Я сам себе задал вопрос – хочу ли я, что бы Серая империя захватила Обсерваторию и тем самым обеспечила бы себя неисчерпаемым источником силы? И сразу же сам себе ответил – конечно же, нет. Я с удивлением заметил, что во мне, наверное, впервые в жизни, появились внутренние противоречия. Словно моя личность разделилась на две части, одна из которых хранила все мои прошлые убеждения, которые на проверку оказались лживыми, а другая часть меня, пробуждённая к жизни великими сёстрами, говорила мне, что ни в коем случае нельзя допустить, что бы Серая империя овладела Обсерваторией. Ведь, случись это, и человечество погрузится в сонную ложь, главный продукт, который производит Серая империя. Меня даже передёрнуло, а во рту возник омерзительный привкус, так что пришлось срочно выпить целую кружку вина.

Размышляя, я не переставал внимательно наблюдать за всем, что происходит вокруг. Кроме того, и за моими ребятами нужен был глаз и глаз, тем более, когда они выпивали. Я увидел, как пришло несколько новых посетителей, скорее всего крестьян из ближайших поселений. Скоро все столы были заняты и в трактире установилась та особая атмосфера, когда разговоры сливаются в монотонный гул, а в воздухе витают запахи пищи, вина и табака. Давненько мне не

приходилось сидеть вот так, слушать эти звуки, вдыхать этот воздух, впрочем, как и моим ребятам. Я сам не спешил отпираться спать и ребят не торопил, спешить, собственно, некуда.

Время было уже за полночь, когда появился ещё один посетитель, который почему-то произвёл на меня странное впечатление и заставил меня внутренне насторожиться. Не знаю почему, но что-то во мне говорило, что эта встреча станет для меня не менее судьбоносной, чем недавняя встреча с Великими сёстрами.

Ночной посетитель оказался молодым рыжеволосым человеком. Одет он был в простую дорожную одежду. Из оружия у него был только кинжал. Вроде бы ничего особенного, человек, как человек, но чем-то он привлёк моё внимание. Может быть уверенной манерой держать себя, может взглядом, которым он посмотрел на нашу компанию, а может быть ощущением силы, до поры скрытой в этом человеке. Нет, не подумайте, он в тот момент не проявил никакой силы, совсем, наоборот, по всему было видно, что он самым тщательным образом старается скрыть наличие у него силы. Возможно именно это внутреннее напряжение человека, которому есть, что скрывать и привлекло к нему моё внимание. Я продолжал бражничать, но ночного посетителя из виду не выпускал, правда, это пришлось делать крайне осторожно, что бы он не заметил моего наблюдения.

Свободных мест в зале не было, только за столом, где си-

дели молодые дворяне, оказался свободный стул и хозяин, подойдя к ним, вежливо спросил гостей, не согласятся ли они принять за своим столом вновь прибывшего посетителя. Получив согласие, он вернулся к гостю и предложил занять место с молодыми господами. Те, хотя и сидели за столом ещё до нашего прихода и при этом изрядно выпили, были при этом достаточно трезвы, что выдавало в них опытных пьяниц. Когда же они представились выходцами из южной провинции империи, всё встало на свои места. Тамошние жители занимались виноделием, знали толк в вине и чуть ли не с раннего детства пили вино, так что не было ничего странного, что они после столь длительного застолья оставались практически трезвыми.

Вот тут-то и произошло событие, которое заставило меня всё своё внимание сосредоточить на ночном посетителе. Ещё бы, как было не обратить на него внимание, когда в ответ на представление молодых дворян, рыжеволосый молодец представился Джоном Мильтоном из Милтон-Хауса.

Услышав имя ночного гостя, которое он произнёс достаточно громко, словно специально хотел, что бы его услышали все присутствующие, я внутренне напрягся. Было от чего. Ещё совсем недавно Архар рассказывал мне о событиях, сорвавших наше очередное вторжение в один из миров. Он рассказывал о Страннике и его друге Джоне Мильтоне, которые вдвоём разгромили авангард армии вторжения. Мало того, он даже показал мне их портреты, нарисованные на-

шим художником, когда эти двое вели переговоры с командирами армии вторжения. Так вот, портрет Джона Мильтона из Милтон-Хауса не имел ничего общего с этим рыжим самозванцем. То, что это вовсе не Джон Милтон, я понял сразу же, как только ночной гость представился. Сразу же возник вопрос, – с какой целью самозванец назвался этим именем? Случайность я отмёл сразу же, в случайности я уже очень давно не верю. Кстати, именно моё неверие в случайности многократно спасала мою жизнь в моей беспокойной службе. То, что люди привыкли считать случайностью, отнюдь не случайно. Просто мы ещё слишком мало знаем о мироздании, которое является, по сути, цепочкой причин и следствий; поэтому в нём нет места случаю. То, что мы называем случайностью, имеет свои причины, а если мы эти причины не знаем, говорит лишь о том, что мы вообще мало что знаем. Поэтому мысль о том, что этот парень случайно назвался этим именем, я отмёл сразу же.

Это породило целый ряд вопросов, на которые я тут же постарался найти ответы. Ясно было, что он знал или, по крайней мере, слышал о Джоне. Почему он решил назваться этим именем? Скорее всего, он рассчитывал, что в империи Повелителей драконов навряд ли найдётся кто-то, кто слышал о Джоне Милтоне. Раз так, то значит, он скрывает своё настоящее имя. А раз так, возникает вопрос, – почему он это делает?

Вот тут-то меня посетило самое настоящее откровение. Я

стал искать ответ на этот вопрос, и в голове моей буквально выстроилась логическая цепочка, которая выглядела примерно так: ясно, что он, как и мы, пришёл из другого мира; он знаком, причём хорошо знаком, с Джоном Мильтоном, он входит в ближнее окружение Странника и Джона, плюс ко всему, он молод и рыжеволос. Сомнений нет – это Кувай законный наследник трона Повелителей драконов.

Очень интересно. Что заставило Кувая покинуть Сегурию и явиться в столицу, где его, в случае, если он будет кем-нибудь опознан, ожидает неминуемая смерть, как любого обитателя Сегурии? Совершенно не ясно, почему Кувай в этот раз не был вместе со Странником и другими своими друзьями, которые в течение нескольких лет занимались, какой-то непонятной для нас деятельностью в одном из миров завоёванном нашей благословенной империей. Как рассказал Архонт, нашим удалось нанести Страннику с учениками заметный ущерб, но уничтожить их мы всё же не смогли. Им удалось уйти прямо из-под носа преследователей. При этом погибло множество наших воинов. Даже тяжелораненый, Странник был страшным противником.

Я поймал себя на мысли, что размышляю опять старыми категориями. Это мне очень не понравилось; ещё не хватало, что бы вернулись старые иллюзии. Попробую осмыслить происшедшее по-новому.

Ясно, что противники Серой империи, которые окапались в Сегурии, не сидели, сложа руки в ожидании вторжения се-

рых в империю Повелителей драконов. Они явно имели какой-то план, которому и следовали. Об этом говорят их вылазки и столкновения с войсками Серой империи. Не сложно понять, что появление здесь Кувая, так же является частью их плана, за знание которого те же Благие Боги, наверное, отдали бы половину своей империи.

Тут меня посетило серьёзное сомнение – что если это всё же Джон, который зачем-то надел на себя личину Кувая? Я решил очень осторожно прощупать ночного гостя, однако первая же моя попытка сделать это, встретила мягкий, но решительный отпор. Второй раз я испытывать судьбу не решился.

Кувай, будем его называть так, между тем набросился на еду. Было видно, что он страшно проголодался. Наевшись, он во всеуслышание провозгласил тост – за здоровье Повелителей. Это вызвало шок среди посетителей кабачка. Если бы я не знал, кто передо мной, то посчитал бы человека произнёсшего такой тост в то время, когда горожане бегут из столицы, по крайней мере, провокатором или шпионом полиции. Я видел, что, Кувай явно старался с помощью довольно простого приёма, выяснить общее настроение людей в империи, и, похоже, это ему удалось. Пока все судорожно глотали вино за здоровье Повелителей, я вновь попытался прощупать Кувая, теперь я уже не сомневался, что это именно Кувай. Стоило мне только взглянуть на него, как на мгновение мой взгляд столкнулся с взглядом Последнего драко-

на. Это произошло так неожиданно, что я даже растерялся, а сила, что исходила из его глаз, даже напугала меня, правда испуг длился всего несколько секунд. Я понял, что испугу подверглась моя прежняя половина, полная иллюзий и пред-
рассудков, а зато новая моя часть с радостью восприняла силу дракона, готовая в любой момент духовно слиться с Ку-
ваем.

Понимая, что раскрываться ещё не время, я быстро отвёл взгляд и, выпив свою кружку, опустился на своё место. Ку-
вай тоже сел на свой стул и задумался. Я же старался вообще не смотреть в сторону Кувая, что бы ненароком не выдать себя.

Вы спросите – чего я боялся? Прежде, чем ответить на этот с виду простой вопрос, я должен рассказать о приня-
том мной решении. После ужина с Великими сёстрами, ко-
торые освободили меня от того чудовищного обмана, в ко-
тором мы все родились и живём, пока мой отряд мчался че-
рез миры, что бы успеть на встречу с Архонтом, я твёрдо ре-
шил для себя, что сделаю всё, что бы разоблачить и уничто-
жить ложь, породившую Серую империю. Этот замысел, ко-
торый я справедливо считал вновь обретённой целью и смыс-
лом моей дальнейшей жизни, я хотел до поры утаить от всех.
Поэтому я и испугался того, что Кувай может меня прочи-
тать, понять мой замысел и как-то привлечь меня на свою
сторону. Как бы я не был возмущён обманом, исковеркав-
шим мою жизнь, я всё же любил свою Родину и нанести ей

какой-либо вред, переметнувшись к врагу, я не хотел. Да, я ненавидел Благих Богов, ненавидел всех своих начальников, которых считал главными врагами, но душа моя не принимала предательства. Избавить Родину от кучки мерзавцев, должно быть делом жителей серой империи, а не внешнего врага. Может быть позже, когда я получше познакомлюсь с намерениями наших противников, смогу найти общие точки соприкосновения даже с таким человеком, как Кувай, но не сейчас.

Тост, произнесённый Куваем, разрушил атмосферу некой общности, которая, как правило, возникает вечерами в таких вот придорожных забегаловках, как этот кабачок. Нет, я совсем не хочу сказать, что здесь завязывается дружба или хотя бы приятельские отношения, отнюдь. Здесь довольно часто возникают ссоры, которые порой перерастают в драки, часто доходящие до поножовщины. Всё это так, но всё равно, в таких местах, где дорожная судьба сводит совершенно незнакомых людей, которые чаще всего никогда раньше не встречались и скорее всего никогда больше не встретятся, образуется своеобразная общность людей. Вроде бы, какая там общность? Ну, собрались случайные люди пообедать, немного выпить и переночевать, ну посидели в общем зале, а на утро разошлись каждый своей дорогой. Откуда тут взяться какой-то общности? Если вы так считаете, значит, вы или никогда толком не путешествовали, или Творец обделил вас чувствами. Всякий же, чья жизнь по большей части

проходит в дороге, знает эту особую атмосферу своеобразного уюта таких вот заведений, когда совершенно незнакомые люди вдруг осознают, что все они вечные путешественники по жизни, а значит братья по духу, братья по судьбе. Это осознание и создаёт ту неповторимую общность, возникающую, пусть на короткое время, между людьми, чей удел дорога.

Тост Кувая, вызвавший у большинства посетителей кабачка страх, мгновенно разрушил эту хрупкую общность. Все начали суетливо заканчивать застолье и собираться спать. Первыми ушли местные крестьяне, со страхом оглядываясь на Кувая, который впал в какое-то странное состояние, словно глубоко задумался.

Я, увлечённый своими мыслями, сначала не обратил внимания на его состояние, о чём очень скоро пришлось пожалеть. Следом за крестьянами засобиралась семья богатого горожанина, который даже отказался от ночлега и велел трактирщику, очень недовольному этим, запрягать его повозку. Следом за ними собралась седлать коней и молодые дворяне. Да, Повелители драконов сумели вселить в своих подданных страх переходящий в самый настоящий ужас. Ну, что же, тем легче нашим воинам будет захватить столицу, подумала старая часть моего сознания. Новая же часть обеспокоенно мне подсказала, что странная задумчивость Кувая, не что иное, как магический транс, который говорит о том, что он меня опознал, как разведчика Серой империи, и те-

перь читает мою память, словно раскрытую книгу.

Когда это дошло до меня, на какое-то, правда короткое, время я впал в ступор, не понимая, как могло случиться такое, что я не почувствовал вторжения в моё сознание. Это я-то, не слабый маг, большую часть своей жизни прослуживший в разведке, неоднократно сталкивающийся с проявлениями враждебной магии позволил какому-то мальчишке прочесть мою память. Почему я этого не почувствовал?

Меня вдруг охватил страх – что если он уже прочитал всё? Как ему удалось так незаметно влезть в мою память? Да, это очень опасный враг, не смотря на его молодость. Даже представить страшно, на что способен Странник, если его ученик легко проделывает такие штуки, какую он проделал со мной.

Я судорожно соображал, что мне теперь делать, как поступить. Мелькнувшую было мысль убить Кувая, я тут же отмёл, как совершенно безумную. Маги уровня Кувая всегда прекрасно защищены, и застать их врасплох просто нереально. Страшно было даже представить последствия, какие могли произойти поддайся я этому первому желанию, которое наверняка пробудила во мне старая часть моего сознания. Оставалось одно – бежать, как можно быстрее и как можно дальше.

Я сделал моим орлам условный знак – уходим. Слава Богам, мои воины понимали меня с полуслова. Все тут же вскочили со своих мест, разобрали вещмешки и оружие и быстро покинули кабачок, в спешке даже забыв заплатить за ужин.

Быстрым шагом, почти бегом мы направились к столице империи Повелителей драконов.

Спустя два часа быстрой ходьбы, мы подошли к городу. Городские ворота, как и положено, по случаю ночного времени, были закрыты. Стучать было бесполезно, превратная стража наверняка спит и никто нам не откроит. Пока мы добирались до империи Повелителей драконов, я успел хорошо выучить местные законы и правила, свод которых был вручён мне вместе с картами империи. В соответствии со специальным законом «О превратной страже», они могли открыть городские ворота ночью лишь по предъявлению письменного приказа Повелителей. Если такового приказа у человека нет, он должен ждать утра, когда ворота будут открыты. Приказа Повелителей у нас, конечно, не было, поэтому я повёл свой отряд в ближайшую от города рощу и здесь приказал всем отдыхать до утра. Воины мои были опытными путешественниками, не прошло и десяти минут, как на опушке небольшой берёзовой рощи был разбит лагерь, в центре которого горел костёр, у которого сидели трое караульных. Стоял конец лета, было тепло, дождя не ожидалось, поэтому мы не стали ставить шатры, а просто расстелили свои плащи прямо на земле и завалились спать.

Мне не спалось, и я просто лежал на спине, разглядывая звёздное небо. Когда вот так смотришь на звёздное небо, как-то незаметно успокаиваешься, а именно это сейчас мне было просто необходимо. Было ясно, что Кувай играючи су-

мел распознать в нас врага и что-то прочесть из моей памяти. Вот только, что он прочитал? Хотел бы я получить ответ на этот вопрос.

Да, выполнение такого, на первый взгляд, простого задания Архонта висело на волоске. Это надо же, сделать только первый шаг и тут же быть разоблачённым. Для разведчика вообще, а для меня, как лучшего разведчика Серой империи в особенности, это было равносильно провалу. Хоть поднимай ребят и в обратный путь на расправу к милейшему Архонту или, хуже того, к самим Благим Богам. Это уж никак не входило в мои планы.

Что я собственно запаниковал? Пока ещё ничего не случилось. Не беда, что Кувай раскусил меня. В конце концов, Кувай сам находится здесь инкогнито и вряд ли кому-нибудь сможет раскрыть нашу тайну. Так что, дружище Кварг, возьми ка себя в руки и спокойно выполняй задание Архонта, а там видно будет. У меня уже давно была привычка в сложные моменты моей беспокойной жизни разговаривать самому с собой, которая после встречи с Великими сёстрами превратилась во внутренний диалог двух половин моего сознания – старой и новой. Значит, решено, буду действовать так, словно ничего не случилось.

Я уже сожалел, что поддавшись испугу старой части моего сознания, я, сломя голову, бросился бежать из того кабачка, даже не заплатив хозяину за ужин. Во-первых, мне, конечно, следовало бы остаться и понаблюдать за тем, что будет де-

лать и куда направится Кувай, когда выйдет из магического транса. Во-вторых, невредно было бы послать парочку самых ловких моих ребят, что бы они проследили, куда направляется Кувай, с кем он собирается встретиться и что намерен делать в столице. Теперь эта возможность потеряна, и тут уж ничего не поделаешь.

Я начал размышлять над вопросом, как можно исправить сложившееся положение вещей. Прежде всего, не ясно, направляется ли Кувай в столицу или он пришёл из города, где выполнял какую-то только ему известную миссию. Выяснить это, на мой взгляд, возможно. Просто следует оставить где-нибудь у городских ворот парочку моих наблюдателей. Если Кувай направляется в город, то ему не миновать городских ворот, а значит, наблюдатели его заметят и смогут проследить, куда он направляется и с кем встретится. В город ведут лишь четверо ворот, и я не думаю, что Кувай не воспользуется ближайшими. Если же в течение суток он не войдёт в город, то это может значить лишь одно – он уже был в городе и теперь возвращается в Сегурию. Как первый, так и второй варианты меня устраивают. Первый, позволит мне выяснить, хотя бы отчасти, намеренья Последнего дракона, но при этом потребует с моей стороны максимальной осторожности, а второй вариант, хотя я никогда не узнаю, зачем Кувай посещал столицу, развяжет мне руки, потому что не будет угрозы с его стороны. Я немного успокоился, но всё-таки решил подстраховаться, так, на всякий случай. Я тихо

позвал одного из лучших моих наблюдателей, который носил странное имя, явно присущее скорее демону, чем человеку. Оно было так длинно, с таким невероятным сочетанием согласных, что ни запомнить, ни, тем более выговорить его не было никакой возможности. У меня это, по крайней мере, при всём старании так и не получилось. Поэтому его для удобства все звали Ургом. Он ничего не имел против этого сокращения, а злые языки утверждали, что он и сам не может произнести своё имя, но это, скорее всего, было несколько преувеличено.

– Ург, – тихо позвал я.

Спустя несколько мгновений, возле меня прямо из темноты материализовалась фигура Урга, который, сделав уставной жест рукой, застыл передо мной, ожидая распоряжений. Я похлопал по земле возле меня, приглашая его присесть рядом со мной, что он незамедлительно и сделал.

Ург заслуживает отдельного описания – он этого стоил. Никто в моём отряде, а здесь собрались только лучшие из лучших, не умел так скрытно вести наблюдение, что даже очень сильные маги не могли его заметить. По какой-то неизвестной причине на него не действовали охранные и поисковые заклятия, а если уж он вставал на след кого-либо, то всегда доходил до конца, сколько бы преследуемый ни старался запутать и скрыть свои следы. Ещё он был полиглотом – знал кучу языков и различных наречий, а для освоения нового для него языка уходило не более трёх дней, как бы этот

язык не был бы сложен.

Это был невысокий коренастый человек с непропорционально длинными руками и короткими кривыми ногами, что делало его похожим на демона. Всё те же злые языки, правда, шёпотом, кто же посмеет сказать человеку в глаза такое, утверждали, что он полукровка, то есть наполовину демон. Не знаю, может они были и правы, но он на эту тему молчал, а спрашивать его я не решался. При такой фигуре, он был способен двигаться совершенно бесшумно, обладал колоссальной силой и нечеловеческой выносливостью. При всей своей внешности, он был совершенно неприметным, прекрасное качество для разведчика, с абсолютно незапоминающимся лицом, как говорится, без особых примет. В общем, это был уникальный человек.

– Надеюсь, ты хорошо запомнил того рыжего парня в кабаке? – спросил я Урга, хотя это, конечно, было лишнее, он никогда и ничего не забывал.

– Конечно, господин полковник, – по-уставному ответил Ург. – Что я должен сделать?

– Сейчас ты быстро вернёшься к кабачку и затаишься где-нибудь поблизости, – отдал я распоряжение. – Как только рыжий покинет кабак, сядешь ему на хвост, но помни, это очень сильный маг, поэтому будь максимально осторожен. Если он пойдёт к городу, следуй за ним и узнай, куда он направляется и с кем встречается. Если пойдёт от города, проводи его в течение суток, а потом возвращайся в город, неза-

медлительно найди меня и обо всём доложи. Выполняй.

– Всё понял. Слушаюсь, – он встал и, отдав честь, скрылся в ночной темноте, словно его здесь и не было.

– Удачи тебе, – сказал я ему вслед.

Да, удача нам всем нужна позарез. Я подозвал ещё двух наблюдателей и поручил им, как только мы войдём в город, затаиться где-нибудь недалеко и внимательно наблюдать за входящими в город. Как только заметите того рыжего парня, который переполошил всех посетителей в кабачке, осторожно проследите, куда он пойдёт и с кем будет встречаться. Будьте крайне осторожны, он очень сильный маг, если заметит слежку, не сносить вам голов. Если до закрытия ворот он не войдёт в город, можете оставить свой пост и отыскать нас в городе.

Отдав все необходимые распоряжения, я окончательно успокоился и незаметно для себя задремал. Спал я без всяких сновидений и был разбужен моим заместителем, который сказал, что городские ворота открылись и можно идти в город, хотя, конечно, ещё очень рано. Я был с ним полностью согласен, поэтому, произведя побудку, распорядился готовить завтрак. Не торопясь, позавтракав, я повёл свой отряд к городским воротам, которые были открыты настежь. Для нас это было очень удивительно. Бывая в разных мирах, да и в Серой империи, хотя и редко, мы привыкли, что городские ворота открываются полностью только при торжественном выезде местных правителей или для прохода войск. Во всех

остальных случаях, открывалась лишь одна створка, что бы пропускать, помимо пешеходов, всадников и повозки. Это делалось затем, что бы в случае внезапного нападения врагов, моментально захлопнуть ворота, и тем самым предотвратить прорыв неприятеля в город. Видимо на империю Повелителей драконов уже очень давно никто не нападал. Ну, что же, тем легче будет захватить их врасплох, подала голос старая часть моего сознания.

В воротах начальник превратной стражи остановил нас.

– Кто такие, откуда, куда и зачем пришли в наш благословенный город? – грубым голосом, но вежливо спросил страж.

– Я Кварг, командир отряда вольных солдат, – не торопясь ответил я. – Прибыли с южной границы империи, где состояли в стражах границы. Наш контракт закончился, и вот мы решили попытать счастья в столице.

– Хорошее дело, – сказал страж ворот. – Времена сейчас тревожные и ваш брат, наёмник сейчас в цене, а уж целый отряд таких бравых ребят, как у тебя, дружище Кварг, точно без дела не останется. Меня можешь называть Рабеном, так, значит, меня зовут. Сам герцог Кейвалл приказал мне, если в город явится отряд вольных солдат, вроде вашего, предложить вам у него службу. Советую соглашаться – ничего лучше вам не найти.

Сразу стало понятно, что Рабен опытный вербовщик, а я таких на своём веку повидал множество. Конечно, он имеет с этого дела свой интерес и наверняка уже сегодня его поясной

кошель заметно потяжелеет. Пусть его, зато я освобождаюсь от поиска работодателя – мне меньше мороки.

– Кто же не слышал о доблестном герцоге Кейвалле, – подыграл я Рабену, хотя впервые слышал это имя. – Надеюсь, он хорошо платит своим воинам?

– О, об этом не беспокойся, – заверил меня Рабен. – Герцог очень щедрый человек и хорошо платит своим воинам. – Где я смогу найти герцога Кейвалла, любезный Рабен? – спросил я.

– Об этом не стоит беспокоиться, – заявил страж ворот. – Сейчас ещё очень рано, герцог наверняка ещё спит. Рекомендую вам пройти от ворот два квартала, повернуть налево и вы окажитесь прямо перед гостиницей «Райский уголок», где сможете с комфортом отдохнуть с дороги. Кухня там прекрасная, а уж вино – пальчики оближешь. В полдень я сменюсь и провожу к герцогу.

– Спасибо тебе, друг Рабен, – поблагодарил я любезного стража. – С меня причитается, вечером накрою тебе стол.

Без всяких формальностей мы прошли в город, который восхищал своими размерами и величественной красотой архитектуры. Прямо от ворот шла довольно широкая улица, которую вполне можно было назвать проспектом, мощённая хорошо подогнанными друг к другу каменными плитами. Вдоль улицы стояли опрятные, в основном трёхэтажные дома, крытые черепицей. Прохожих, по случаю раннего времени, было мало, поэтому мы дошли до гостиницы без задер-

жек.

Гостиница, носящая столь романтическое название, оказалась старинным трёхэтажным домом, который стоял в тупике небольшого переуллка. Место было тихим и каким-то уютным. К входной двери вело каменное крыльцо в три ступени. Массивная полукруглая дверь, сделанная из какого-то тёмного, почти чёрного, дерева была богато украшена резьбой и имела массивную бронзовую ручку в форме дракона. Я был бы изрядно удивлён, если бы в империи Повелителей не было бы обилия изображений драконов. Над дверью находилась вывеска, на которой, не без художественного таланта, были нарисованы два угрожающего вида дракона, держащие в зубастых пастьях транспарант с аккуратно выведенными буквами, которые складывались в два слова – «Райский уголок». Какое отношение к раю имеют драконы, осталось для меня тайной.

Я поднялся на крыльцо и постучал в дверь висящим на стене молотком. Спустя несколько мгновений, дверь бесшумно отворилась, и перед нами предстал величественного вида швейцар и поинтересовался, что нам угодно. Я представился предводителем отряда наёмников, прибывших наниматься на службу в столицу. Увидев сколько нас, он высокомерно заявил, что эта гостиница для богатых господ, а нам стоит поискать что-нибудь попроще. Его высокомерие было так велико, словно он был, по крайней мере, законным наследником престола.

Сказать по правде, этот надутый индюк до того меня разозлил, что я готов был прикончить его прямо здесь у дверей гостиницы с таким романтичным названием «Райский уголок». Огромным усилием воли, я подавил справедливое желание разделаться с этим невежей и сказал, что мы прибыли наниматься на службу к герцогу Кейваллу, а направил нас сюда начальник превратной стражи Рабин. Стоило швейцару услышать наши рекомендации, как он превратился в свою полную противоположность – стал самой любезностью. Он с поклоном широко распахнул входную дверь и пригласил нас войти в холл, что мы и сделали, состряпав зверские рожи, чем окончательно добились швейцара.

Холл «Райского уголка» нес на себе печать роскоши и обветшания. Вся обстановка, обилие дорогого дерева, бархата и позолоты буквально кричали о роскоши и достатке, но роскоши, какой она была лет пятьдесят назад. На всём лежала печать старости, словно слой пыли.

За роскошной стойкой красного дерева стоял портье – высокий статный человек лет пятидесяти, с солидными залысынами на голове. При нашем появлении его породистое гладко выбритое лицо расплылось в широкой улыбке, словно он долго нас ждал, как самых дорогих для него гостей. А может, так оно и было? Судя по царящему запустению, дела в гостинице шли не очень.

– Рад приветствовать столь благородных господ в нашей гостинице, – хорошо поставленным баритоном приветство-

вал нас портье. – Какая нужда привела к нам столь достойных воителей?

– Я Кварг, предводитель этих воинов, – ответил я на вопрос портье, указывая на своих ребят, которые выстроились перед стойкой, словно на смотре. – Мы намерены наняться на службу к герцогу Кейваллу, а пока то да сё пожить у вас.

– О, это очень правильное решение, – заявил портье. – У нас вам будет хорошо. Я могу вас расселить по комнатам по пять-шесть человек, но только на третьем этаже, если вы не против, конечно. Для командира у меня имеется уютный одноместный номер. Если вы не против, я распоряжусь, что бы вас проводили в ваши комнаты.

Появился мальчик подросток, который проводил и показал наши комнаты. Уходя он предупредил, что завтрак будет через час. Прежде, чем отпустить ребят по их комнатам, я велел всем привести себя в порядок, а оружие надраить так, что бы сверкало. Хотелось предстать перед герцогом в лучшем виде.

Отпустив ребят, я направился в свою комнату, что бы привести себя в порядок, хотя по многолетней привычке я в любых ситуациях научился поддерживать себя в порядке. Однако мне нужно было время, что бы почистить оружие, почему-то при переходах из мира в мир оно быстро ржавеет, а, самое главное, привести в порядок мысли.

Ровно через час всё тот же мальчик слуга постучался ко мне в номер и сообщил, что завтрак готов. Я собрал своё вой-

ско и велел всем идти завтракать. Что-что, а команду поесть мне ещё ни разу не пришлось повторять. Все были разодеты в пух и прах, словно собрались на свадьбу и сияли, словно новая золотая монета. Да, с такими орлами не стыдно было бы предстать даже перед самими Повелителями драконов.

Хотя мы ещё не успели проголодаться, завтрак, приготовленный поваром гостиницы, оказался таким аппетитным, что мы набросились на него, как стая волков на поверженного оленя и мигом проглотили его. После этого подали вино, которое было настолько хорошего качества, что мне даже пришлось сделать моим подопечным серьёзное предупреждение – не увлекаться его дегустацией. Не хватало ещё, что бы к аудиенции у герцога, они напились бы, как зюзи. Они прониклись пониманием важности момента и выпили лишь по три кружки, правда, справедливости ради, кружки эти были вместительностью не менее литра, а что такое три литра для таких молодцов.

Только колокола на городской ратуше пробили полдень, в гостиницу явился сменившийся с караула Рабин, и сразу же взял быка за рога, предложив не тянуть время, а сразу же отправиться во дворец герцога Кейвалла, который находился в центре столицы, недалеко от дворца Повелителей.

Мы шли в сторону центра, и город становился всё более величественным. Дома, по большей части четырёх-пяти этажные, всё более украшенные замысловатой резьбой, в мотивах которой преобладали всё те же драконы, всё больше

сближали свои стены, так что боковые улицы, отходящие в сторону от проспекта, по которому мы шли, делались всё более узкими, сам же проспект оставался всё той же ширины. Время от времени, он расширялся, образуя небольшие площади – своеобразные перекрёстки этой самой древней части столицы. Не знаю кому как, а мне столица империи Повелителей драконов понравилась, жаль, если она будет разрушена.

Дворец герцога Кейвалла был огромен, но в то же время не лишён изящества. Рабин подошёл к массивным, обитым позеленевшими от времени листьями меди воротам и рукояткой своего меча постучал три раза, а потом, спустя мгновение, ещё два. Судя по всему, это был условный сигнал для стражи. Я на всякий случай положил руку на эфес своей сабли – сказала многолетняя привычка никому не доверять. Боковым зрением я увидел, что мои товарищи тоже как-то сосредоточенно подобрались – сказывалась пройденная каждым из них суровая школа выживания, где двоечники и большинство троечников давно уже отправились в лучший из миров, а хорошисты добились отличия ценой своих многочисленных шрамов.

Ждать пришлось не более минуты. В воротах открылась калитка и молчаливый привратник, ничего не спросив, сделал нам жест, что бы мы вошли. Мы оказались в небольшом дворике, который был превращён в уютный сад, полный цветов и различных, по большей части экзотических растений.

Через сад к парадной двери дворца вела выложенная каменными плитами дорожка, по которой мы и последовали за привратником. Он всё так же молча довёл нас до двери, где передал из рук в руки начальнику караула дворца. Тот тоже оказался неразговорчивым, лишь махнул рукой, что означало – следуйте за мной, и спокойно пошёл по длинному коридору дворца, даже не поинтересовавшись, идём ли мы за ним. Да, видно, что во дворце герцога Кейвалла царила железная дисциплина, если начальник стражи не мог даже допустить, что его кто-то посмеет послушаться.

Это мне понравилось, ведь нет ничего лучше для разведчика, чем внедриться в такое вот место с железной дисциплиной. Вы скажите, что это абсурд? И будете не правы. Нет, для ведения войны или подготовке солдат, подходит именно такая система – в этом её сильная сторона. Но, как и у всего на свете, помимо сильной стороны имеется и свои слабые места. Главная слабость такой системы заключается в её предсказуемости, что значительно облегчает работу разведчика и позволяет ему обходиться без неожиданностей, потому что неожиданность в нашей службе – последнее дело.

Начальник стражи привёл нас в просторную комнату, по всей видимости, приёмную герцога. Велев нам ожидать, он скрылся за высокой резной дверью, скорее всего, пошёл доложить хозяину о нашем приходе. Ждали мы не более пяти минут, видимо герцогу мы были очень нужны, вернее не мы, а наши мечи, поэтому он не стал, как это принято у аристо-

кратов, тянуть с аудиенцией.

Дверь широко раскрылась, и вышедший оттуда всё тот же начальник стражи громко объявил: «Его высочество герцог Кейвалл». Следом за объявлением появился и сам герцог. Это был статный, с породистым лицом аристократа, высокий человек лет сорока, с локонами падающих на плечи тёмно-каштановых волос в которых кое-где проблёскивала ранняя седина. Он произвёл на меня впечатление сильного, уверенного в себе человека, прирождённого воина, настоящего вельможи. Однако я уловил в нём тщательно скрываемую тревогу. По всему было видно, что он чего-то очень боится, какой-то очень серьёзной для него опасности, укрыться от которой, пытается за мечами наёмников.

Мои ребята быстро построились и приняли стойку, как по команде смирно. Сделали они это так чётко и слаженно, что даже мне понравилось. Этакие отчаянные рубаки, хорошо знающие своё дело. Я исподтишка наблюдал за реакцией герцога и с удовлетворением отметил, что они произвели на него впечатление, мало того, они ему просто понравились. Герцог пару раз прошёлся перед строем, внимательно вглядываясь в лица, после чего обратился ко мне.

– У тебя прекрасные воины, Кварг, – сказал он хорошо поставленным голосом. – Я вас нанимаю. О жаловании и всём остальном будешь договариваться с моим начальником охраны. Как договоритесь, он проводит тебя ко мне, я дам тебе первое задание.

Он слегка кивнул головой, после чего развернулся и удалился в ту же дверь, откуда до этого вышел.

– Пусть твои воины отправляются обратно в гостиницу. Рабин их проводит, а мы с тобой обо всём договоримся, – сказал начальник стражи, имени которого я так тогда и не узнал.

Я отдал своим необходимые распоряжения, а Рабину сказал, что как только вернусь, устрою в честь него хорошую пьянку. Когда они ушли, начальник охраны герцога предложил для разговора пройти в его кабинет. Пройдя чуть дальше приёмной герцога Кейвалла, мы вошли в небольшую уютную комнату, где все стены были увешаны самым разнообразным холодным оружием. Пол был покрыт толстым ковром с орнаментом в тёмно-бордовых тонах (хорошо впитывает и маскирует кровь, подумал я про себя), а из мебели был небольшой изящный стол, несколько стульев и кушетка покрытая тёмным покрывалом. Сразу было видно, что здесь обитает настоящий воин.

Войдя следом за мной, хозяин кабинета, предложил мне присесть к столу, на который он поставил кувшин с вином и два кубка, явно серебряные, украшенные великолепной чеканкой. Я не стал просить себя дважды и не спеша опустился на стул, который был ближе к двери. Хозяин уселся на другой стул через стол от меня.

– На правах хозяина, позволь представиться, а то как-то нехорошо получается, я знаю твоё имя, а ты моё нет, – за-

говорил начальник охраны, предварительно наполнив кубки. – Позволь представиться, гвардейский полковник гвардии Повелителей драконов Сенгисс. В данный момент исполняю службу по охране герцога Кейвалла.

Он поднял свой кубок и отсалютовал им, давая мне понять, что бы я поднял свой. Я не стал отнекиваться и в свой черёд отсалютовал ему своим кубком. Мы выпили и Сенгисс вновь наполнил кубки. Если сказать, что вино у полковника было хорошим, значит этими словами оскорбить благородный напиток. Вино имело чудесный букет, было чуть-чуть терпким и в меру сладким, кроме того, обладало странным свойством присущим всем очень хорошим винам – когда, выпив глоток, хочется повторять это ещё и ещё. Вот таким вином угощал меня полковник Сенгисс, начальник охраны герцога Кейвалла, с этого момента мой новый непосредственный начальник.

– Когда Рабин доложил о твоём отряде, я сразу же занялся проверкой, которая полностью подтвердила твои слова о службе на границе, за исключением маленького пустячка, – задумчиво заговорил Сенгисс и не спеша начал пить из своего кубка.

Услышав его якобы случайную недомолвку, я внутренне весь напрягся, хотя внешне я этого никак не проявил. Бросив мимолётный взгляд на Сенгисса, я в последнее мгновение успел уловить его быстрый, как молния взгляд, брошенный на меня. Опытный разведчик, бросив вот такой взгляд

на интересующего его человека, может практически мгновенно прочитать его сокровенные чувства. Я и сам неплохо владею этой техникой, поэтому прочитать меня не так-то просто.

Чтобы потянуть время, я мелкими глотками пил вино из своего кубка. Сенгисс делал тоже самое, явно ожидая от меня хоть какой-то реакции. Пауза затягивалась, а реакции от меня не было никакой. Я дождался, что бы мой визави начал волноваться, и задал полковнику вопрос.

– Ну, и что это за пустячок? – спросил я с таким видом, что вопрос, заданный мной, был задан лишь для того, что бы хоть что-то спросить.

Я почувствовал, что напор внимания к моей скромной персоне сразу же резко снизился. Это был хороший знак – я прошёл проверку. Знал бы он, сколько таких проверок в своей жизни мне пришлось пройти – такова доля разведчика.

– Ты не сказал, что на границе ты командовал разведчиками, – улыбаясь, произнёс Сенгисс.

– А, это, – со смехом ответил я. – Ну, тут всё просто. Во-первых, меня никто не спрашивал, а во-вторых, я не предполагал, что здесь в столице потребуются мои навыки.

– Как сказать, – многозначительно произнёс мой собеседник. – Как сказать. Очень даже может быть.

Он замолчал, о чём-то задумавшись. Я ему не мешал, сидел себе и с наслаждением потягивал вино из кубка. Правда, это только внешне, а внутри я был серьёзно удивлён, с какой

скоростью они сумели навести справки обо мне и моём отряде. Я, конечно, полностью доверял той легенде, которую создали для меня мои начальники, уж что-что, а легенды они создавать были большие мастера, однако, как ни совершенна легенда, всегда могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Сколько наших братьев-разведчиков засыпалось именно на таких вот непредвиденных обстоятельствах.

– Я рад, что такой опытный воин, как ты будет служить под моим началом, – нарушил мои размышления Сенгисс. – Только, к моему глубокому сожалению, служить вам придётся не в столице, но об этом тебе скажет сам герцог.

Заявление полковника стало для меня столь неожиданным, словно среди летнего зноя пошёл снег. Покидать столицу никак не входило в мои планы. Нужно было срочно что-то предпринимать, но вот что, я и понятия не имел. Переспрашивать у Сенгисса, что он имел в виду, я не стал, здраво посчитав, что и так скоро сам узнаю, а проявлять излишнее любопытство для любого разведчика – последнее дело. Ничто так не пробуждает интереса к твоей персоне, как нездоровое любопытство, а интерес, который вызывает к себе разведчик, нужен ему так же, как слабительное при диарее. Все эти мысли не покидали меня весь, довольно долгий разговор с Сенгиссом. Нам нужно было договориться об условиях нашей службы, и вот на этом я решил сыграть. В тот момент я не видел другого выхода, что бы остаться в столице, кроме как поставить такие условия, при которых герцог сам от-

кажется от наших услуг. Однако плохо я знал герцога и его людей.

Когда Сенгисс спросил, какие условия меня устроят, я, не моргнув глазом, заломил цену раз в двадцать большую, чем обычно платили наёмникам. Я ожидал возмущений, торга или чего-то подобного, но к моему великому удивлению, он принял мои условия, не моргнув глазом. Тогда я сделал вторую попытку, реализовать свой план. Я потребовал новое обмундирование для своего отряда, месячный отдых с правом проживания не в казарме, а в гостинице и что бы платил за всё герцог. Сенгисс выслушал мои требования абсолютно спокойно, даже с улыбкой и тут же все их принял. Так что весь мой хитрый план с треском провалился.

Я был доволен уже тем, что месяц в столице я всё же себе выторговал, надеясь, что за это время встречу с агентом, а там прощайте, ваше высочество герцог Кейвалл.

После того, как все детали нашего контракта были обговорены и подписаны мной и Сенгиссом, наступило время аудиенции у герцога.

Герцог принял меня в роскошном кабинете, стены которого были сплошь увешаны старинными гобеленами, на которых преимущественно были изображены, угадайте с трёх раз кто, ну, конечно, драконы. Тут захочешь да не забудешь, что находишься в империи повелителей драконов.

Странное дело, всюду полно изображений драконов, а я ещё не видел ни одного. Временами у меня появлялось ощу-

щение, что драконы всего лишь миф, но, к сожалению, факты говорят об обратном. Я прекрасно помнил рассказ Архонта о столкновении наших всадников с двумя драконами, причём драконами огнедышащими, и знал на, что они способны. Тут я поймал себя на мысли, что Кувай ведь самый настоящий дракон, один из тех двух, что разгромили наших воинов. Не знай, я этого, никогда бы не подумал, что этот рыжеволосый молодой человек, на самом деле один из опаснейших врагов Серой империи. Что-то мне кажется, что Благие Боги совершили серьёзный просчёт, связавшись с империей Повелителей драконов. Уж больно серьёзных врагов приобрела Серая империя в результате этого, хотя если нам удастся завладеть Обсерваторией, все издержки окупятся с лихвой, силы будет в избытке и может быть мы, наконец, перестанем вести бесконечные войны.

Стоило вспомнить об Обсерватории, как сразу же перед моим внутренним взором возникло изображение этого чуда из чудес, таким, каким я впервые увидел Обсерваторию. Да, это зрелище впечаталось в мою память так, что я помню все свои чувства, которые испытал в тот момент, хотя это произошло вчера. У меня сложилось впечатление, что с того момента Обсерватория стала частью меня, а я стал частью её. Ещё я почему-то был уверен, что теперь навсегда моя судьба самым тесным образом связана с судьбой Обсерватории, и, что самое странное, с судьбой Кувая, Странника и ещё множества совершенно незнакомых мне людей, при-

надлежащих, как к империи Повелителей драконов, так и к Серой империи. Я знал, что теперь, оставаясь воином Серой империи внешне, внутренне принадлежу к совершенно другой общности, куда, помимо людей, входят демоны, драконы, ангелы и множество других рас разумных существ Мироздания, о которых я не имел никакого представления, но твёрдо знал, что они существуют. Все эти чувства и мысли вихрем пронеслись в моей душе, пока я шёл в сопровождении Сенгисса на встречу с герцогом.

Герцог встретил меня приветливо, мельком прочитал контракт и, не сказав ни слова, подписал и скрепил своей печатью. У меня отлегло от сердца, а то я опасался, что герцог начнёт придирааться к каждому пункту договора. Он же отнёсся к этому, как-то слишком равнодушно, словно ему это было неинтересно. Поначалу меня это насторожило, но потом, поразмыслив, я здраво решил, что у аристократов свои прихоти, и махнул на это рукой.

Герцог передал контракт Сенгиссу, и тот, поклонившись, вышел.

– Присядь за стол, – велел герцог. – Мне надо с тобой поговорить.

Мы уселись за богато сервированный стол, и герцог сам налил вина в хрустальные кубки.

– Слушай меня внимательно, – сказал хозяин, сделав большой глоток из своего кубка. – Всё, что я скажу, является государственной тайной и имеет прямое отношение к твоей

службе.

Рассказ герцога был довольно пространен, поэтому я при-
вожу его здесь в сокращённом виде, опустив не относящиеся
к сути детали.

РАССКАЗ ГЕРЦОГА КЕЙВАЛЛА

Я состою в свите Его высочества принца Рогга и осу-
ществляю его охрану. На данный момент он считается при-
знанным наследником престола Повелителей драконов, по-
этому требуется надёжная охрана. Для этого я и нанял вас,
уважаемый Кварг. До поры моему сюзерену ничего не угро-
жало, потому, что он являлся младшим ребёнком у ныне
правлящих Повелителей, а по нашим династическим законам
именно младший отпрыск мужского пола царствующего ро-
да становился наследником трона. Однако когда ему испол-
нилось три года, у Повелителей родился роковой ребёнок,
который по древним пророчествам должен был стать послед-
ним драконом, который разрушит империю. При рождении
ему дали имя Кувай, и он стал вместо Рогга законным на-
следником престола. Повелители, стремясь избежать пред-
писанной пророчествами судьбы империи, постарались из-
бавиться от него, но всё-таки просто убить его не решились,
опасаясь страшных последствий этого, предсказанных всё
теми же пророчествами.

Государственный совет долго ломал голову над вопросом

– как поступить с новорождённым наследником. Наконец, пришли к решению – увезти ребёнка в дальнюю обитель и там держать его, как в тюрьме, а право наследования престола оставить за принцем Роггом.

Это, по своему мудрое решение, к сожалению, реализовать не получилось – всё же судьба оказалась сильнее нас. Карты спутал Верховный жрец империи Ляргус, который с помощью своего лучшего ученика Мастера Высокого Искусства и владельца вотчины Сегурия Азара, похитили младенца и спрятали его в своей вотчине. Эти предатели удачно для них воспользовались вспыхнувшим в это время в столице мятежом, который, как подозревают многие, ими же был и спровоцирован. Пока подавляли мятеж, пока организовали погоню, было уже поздно. Последний дракон, оказался в месте, недостижимом для правосудия Повелителей. Сложилась двойственная ситуация, когда в пределах империи оказалось сразу два живых законных наследника. С одной стороны принц Кувай, имеющий право на престол по династическому закону империи, как младший отпрыск Повелителей, а с другой принц Рогг, утверждённый наследником Госсоветом империи и подтверждённый специальным вердиктом Повелителей.

Мы, аристократы, как истинные патриоты империи, поддерживаем принца Рогга, но, к сожалению, всегда найдутся предатели, особенно среди низких сословий, которые поддерживают принца Кувая. Поэтому, что бы защитить прин-

да Рогга, волею Повелителей драконов я был назначен в свиту принца Рогга в качестве его главного телохранителя. Не доверяя простолюдинам, я стал формировать охрану принца преимущественно из иностранных наёмников. Вот почему твой отряд, Кварг, был принят мной с распростёртыми объятиями.

Поначалу всё было спокойно. Принц Кувай безвылазно сидел в Сегурии, принц Рогг подрастал, и особых хлопот с его охраной не было. За Сегурией, где спрятались враги империи, было установлено наблюдение, так что никто незаметно покинуть вотчину не мог. Тогда в наблюдениях за Сегурией нам очень помогали серые монахи.

Ещё задолго до рождения принца Кувая, в империи появились представители совершенно незнакомой нам религии, которая очень быстро нашла отклик в душах подданных империи. Особенно по душе она пришлась элите империи. Последователи её монахи-миссионеры были постоянно одеты в длинные серые плащи с капюшоном, поэтому в просторечии их называли серыми монахами. Так вот, именно эти монахи очень помогали нам в борьбе со всякого рода крамолой.

Жалко, что лет пять назад они куда-то исчезли. Вдвойне жалко, что это произошло именно тогда, когда их помощь особенно требуется. Принц Кувай подрос и стал Мастером Высокого Искусства. Мало того, он полностью осознал себя драконом. В общем, он стал опасным противником. Все

мы понимали, что рано или поздно, он явится в столицу и предъявит свои права на престол империи. Нужно было что-то предпринять, что бы не допустить этого. Первым делом я начал создавать армию наёмников, частью которой стал и твой отряд, Кварг.

Но этого было явно мало. Требовалось нечто такое, что бы раз и навсегда решить проблему двух наследников, причём непременно в пользу принца Рогга. Наш источник в Сегурии сообщил, что принц Кувай в сопровождении своего учителя по имени Странник и нескольких друзей, собирается инкогнито посетить столицу в надежде встретиться с родителями. Это был шанс захватить принца Кувая и его друзей, что бы одним ударом покончить с верхушкой врагов империи. Для того, что бы заманить Кувая в ловушку, были использованы его братья во главе с принцем Роггом. Им удалось встретить принца Кувая в лесах на подходе к столице, где они познакомились. Братья без труда втёрлись в доверие и, спустя месяц, заманили его в свой дворец, где им удалось захватить Кувая и одного из его друзей. Это получилось лишь потому, что нам удалось на время заблокировать Искусство во дворце принцев. Однако мы не смогли правильно рассчитать силы наших врагов. Странник и ещё один человек из свиты принца Кувая по имени Джон Мильтон довольно легко вырвались из ловушки, причем, не убив никого из наших людей. Было понятно, что ни принц Кувай, ни его люди не желали проливать кровь подданных империи, хотя об их стыч-

ке с серыми всадниками в одном из миров ходили легенды.

Признаюсь, в тот момент мы испугались и не знали, как поступить с пленником. Наш первоначальный план сводился к тому, что бы захватив Кувая и его спутников, сразу же всех убить, а потом представить Повелителем, что Кувай был убит при случайной стычке со стражей столицы при попытке пробраться в город. Это было необходимо, так как мы не имели санкции Повелителей на убийство принца Кувая. После того, как Странник и Джон, вырвавшись из дворца принцев, скрылись в подземельях, мы призадумались, что делать дальше. Убить Кувая и его спутника, которого звали Марк, мы побоялись, зная, что Странник, являясь учителем принца Кувая, ни за что нам этого не простит. В ход пойдёт Древняя сила, и империя будет уничтожена, да и принц Кувай вряд ли позволит себя зарезать, словно барана. Поэтому, было решено, на другой день заточить пленников в подземную тюрьму под Обсерваторией, но и этот план сорвался. Не знаю как, но Странник сошёлся с правителем подземного города Кроном, который помог ему освободить пленников во время их конвоирования в подземную тюрьму. После этого, как нам стало известно, они укрылись в Обсерватории, а там они для нас недоступны.

– Ты, я вижу, Кварг, ничего не знаешь об Обсерватории? – прервал свой рассказ герцог. – Я коротко расскажу тебе о том, что такое Обсерватория и какую роль она играет в жиз-

ни империи Повелителей драконов, что бы тебе было понятно, тем более, что твоя будущая служба будет непосредственно связана с этим артефактом. Надеюсь, ты уже видел Обсерваторию?

Ещё бы не видел. Я, конечно, знал и много читал об этом феномене, а так же видел его изображение, но когда ночью на подходе к столице все мы замерли на месте, увидев в ночном небе яркие разноцветные сполохи, чем-то напоминающие северное сияние, но более яркие и исходящие из одного места. То, что это не полярное сияние я понял сразу, лето, даже если это конец августа, не время для полярных сияний.

– Что это, господин полковник? – спросили сразу несколько моих воинов.

– Это светится самое удивительное творение Мироздания, которое чем-то сродни Вселенскому маятнику, к которому мы так долго прорывались, – с некоторым пафосом ответил я ребятам.

Да и как можно говорить об Обсерватории без пафоса, когда даже отсветы её сияния вызвали в нас, очерстевших в боях и походах воинов, постоянно рискующих своими жизнями, небывалый прилив чувств, да так, что у некоторых глаза стали влажными. Лично я пережил волну освобождения, очень схожую с той, что пришлось мне испытать, когда я выпил волшебный напиток Великих сестёр. Под воздействием этой волны, моя новая часть сознания встрепенулась и значительно окрепла.

Когда же мы подошли вплотную к городской стене, которая заслонила собой сияние Обсерватории, но бледные отсветы её свечения продолжали свою пляску в ночном небе. Поэтому я уверенно ответил герцогу, что видел это чудо.

– Это хорошо, что ты её видел, – просто сказал герцог. – Обсерватория, это величайшее сокровище нашего мира и, в то же время, это и его проклятие. Сейчас постараюсь объяснить, что я имею в виду. Обсерватория, которая находилась здесь уже задолго до того, как было основана империя Повелителей драконов. Здесь был город, в котором жили совсем другие люди, а до них жили некие очень похожие на людей существа, но как они называли сами себя, про то знаний не сохранилось. По преданию это они построили Обсерваторию и основали некий монашеский орден, который обслуживал Обсерваторию. Для чего она служит и что за работу выполняет орден Обсерватории, об этом никто ничего достоверно сказать не может – одни домыслы. Когда наши предки штурмовали древний город, орден Обсерватории помог захватить его. Первый Повелитель новой империи заключил с орденом договор о том, что сама Обсерватория и участок земли вокруг неё на веки вечные передаётся в полное распоряжение ордена, империя не вправе без позволения ордена проникать на территорию Обсерватории. Орден, в свою очередь, обязался не вмешиваться в дела империи, а в случае необходимости помогать империи в отражении нападения внешних врагов. Этот договор действовал довольно дол-

го, но однажды один из Повелителей решил разорвать договор и захватить Обсерваторию. Он двинул на обсерваторию войско и проиграл. Войско было разбито, а самого Повелителя обнаружили в тронном зале без признаков жизни. Его наследник тут же поспешил возобновить договор, и с тех пор он безукоризненно соблюдался. Поэтому, когда мы узнали, что принц Кувай с друзьями укрылись в обсерватории, стало ясно, что мы проиграли.

Он замолчал, что бы промочить горло. Я, воспользовавшись паузой, решился задать ему вопрос, который очень интересовал меня.

– Ваше высочество, позвольте задать вопрос? – спросил я герцога, и когда он милостиво позволил, спросил. – А зачем собственно вам так нужна Обсерватория? Что имеет от неё империя?

– Правильно мыслишь, Кварг, – с улыбкой произнёс герцог. – Именно об этом я и собирался тебе рассказать. Обсерватория – это, своего рода бездонный источник силы, на которой держится всё Высокое Искусство империи. Не будет Обсерватории – исчезнет Высокое Искусство, а с ним мастера и драконы. Лишённая волшебства империя очень быстро развалится и погибнет от нашествий варваров.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА ГЕРЦОГА КЕЙВАЛЛА.

В общем, принц Кувай с друзьями укрылись в Обсерватории до поры для нас недоступные. Нам осталось лишь выста-

вить наблюдателей, на случай если они захотят покинуть столицу. Наши люди представили Повелителям дело так, будто принц Кувай явился в столицу с целью захватить трон. Повелитель пришёл в ярость и потребовал взять принца живым, а для этого задействовать все силы которые для этого понадобятся.

С этой стороны мы себя обезопасили, но вот, что делать с принцем Куваем, а особенно с его учителем Странником, мы и понятия не имели. Да, мы могли перехватить их где-нибудь вне города, могли собрать, для этого целую армию, но боюсь, это привело бы лишь к горе трупов. Думаю, что прижми мы их по настоящему, они бы применили Древнюю силу, но об этом лучше не думать. Поэтому мы решили в случае чего преследовать их малыми силами, что бы, если случится стычка, избежать больших жертв. Со стороны это выглядело бы, как простая неудача и мы надеялись, что это как-то успокоит Повелителей, а нам удастся избежать репрессий с их стороны.

О наших беглецах не было никаких известий, по крайней мере, дней десять. Наконец наблюдатели донесли, что они вышли из подземелий за городской стеной и быстрым шагом направляются на север. Я тут же отдал приказ кавалерийской сотне преследовать беглецов, но при этом соблюдать крайнюю осторожность. Если получится захватить всю группу, но только живыми, это будет большой удачей. Если же захватить не удастся, что же, значит, вам не повезло. Никаких по-

следствий вам за это не будет. Главное сохранить людей. Короче, принц Кувай благополучно ушёл в Сегурию, при этом никто не пострадал. Да, всадники честно за ними гнались, да, беглецы огрызались, но так осторожно, что пострадала только трава. В итоге в этот раз мы разошлись миром, но, думаю, что в следующий раз это вряд ли получится.

Повелители, узнав, что принцу Куваю удалось уйти, отнеслись к этому удивительно спокойно, ограничившись лишь словесным порицанием. Всё вроде встало на свои места, а я всё размышлял, пытаюсь понять, зачем принц Кувай приходил в столицу и почему Обсерватория, вопреки заключённому договору помогла ему. Сначала всё происшедшее казалось мне цепью случайных событий, но я не верю в случайности, тем более такие. Позже пришла весть, что в Сегурии над принцем Куваем был проведён обряд признания его наследником престола Повелителей драконов. Причём обряд этот был проведён в полном объёме с возложением на него короны Повелителей и вручением меча. Я знал, что принц Рогг в своё время тоже проходил этот обряд, но в сокращённом варианте, то есть без возложения реликвий. У меня сложилось впечатление, что какие-то очень могущественные силы помогают принцу Куваю занять трон своего отца, однако отношение к нему Обсерватории никак не вписывалось в общую картину борьбы за власть в империи. Именно это до сих пор оставалось для меня загадкой, не разрешив которую, мы рискуем потерять империю.

Герцог закончил свой рассказ и на какое-то время замолчал, видимо отдыхая. Во время его рассказа я очень внимательно наблюдал за герцогом, и чем дальше продолжался рассказ, тем явственней выступало ощущение, что наш бра- вый герцог ужасно напуган, хотя всеми силами старается это скрыть.

Заметив это, я вдруг очень ясно осознал, что наконец-то понял, чем поразила меня столица империи Повелителей драконов. Ещё, когда мы только подходили к городу, у меня возникло какое-то странное чувство беспричинной тревоги. Что интересно, это чувство посетило не только меня, но и моих ребят. Один из моих воинов очень метко охарактери- зовал это чувство, сказав, что здесь воняет, только не понят- но чем. И вот сейчас я понял, что воняло страхом, который буквально пропитал город, каждого его жителя.

Когда долго служишь в разведке, где существует постоян- ная угроза жизни, страх как-то притупляется, становясь тво- им постоянным спутником, и ты перестаёшь его замечать. Нет, он никуда не уходит, он всегда с тобой, он только ждёт момента, что бы ты потерял бдительность. Вот тогда он, по- добно лесному разбойнику, выскочит из своего укрытия и горе тебе, если ты поддашься ему. Он возьмёт тебя за горло, завладеет твоим разумом, заставит твои ноги не повиновать- ся твоей воле, и они понесут тебя прямо навстречу позорно- му концу. Мои ребята, как и я сам, хорошо знали эту истину,

благодаря знанию которой, все мы до сих пор живы. Поэтому мы сразу же почувствовали эманацию страха, буквально пропитавшего столицу, только я никак не мог понять, что это страх. Теперь, слушая герцога, я это понял так ясно, что тревога сразу же покинула меня, и я даже вздохнул с облегчением, хуже нет, когда не знаешь природу своей тревоги. Вы спросите, как же я, такой опытный разведчик, не понял сразу причины этой странной тревоги? Ответ прост – потому, что я опытный разведчик и окружён такими же людьми, для кого страх – привычное состояние, а потому он подавлен, я просто не узнал явного страха, который в нашей среде практически не проявляется.

– Ты пей вино, Кварг, – прервал мои размышления герцог. – Это хорошее вино, уверяю тебя, тем более, я сейчас перейду к той части нашего разговора, которая непосредственно касается твоей службы в империи Повелителей драконов.

Я не стал отнекиваться и налил себе полный кубок.

– Вино действительно превосходно, – сказал я, сделав солидный глоток. – Я весь внимания, ваше высочество.

– По полученной мной информации, принц Кувай может появиться в столице в ближайшее время, – заявил герцог. – Что он задумал, не знает никто. Я подозреваю, что его визит как-то связан с Обсерваторией. Кроме того, приближается время, когда принц Кувай, должен будет встретиться с Повелительницей – своей матерью. От этой встречи зависит, кто из двух принцев станет единственным наследником.

Я начал понимать, что служба моя будет очень не простая. Честно говоря, не очень хотелось столкнуться в бою с Куваем, а уж, тем более со Странником.

– В контракте ты выразил желание пожить в столице месяц, – сказал герцог, – Это не противоречит моим намерениям. Мало того, вы будете жить в столице гораздо дольше, хотя, сколько конкретно, я пока не могу тебе сказать. На первых парах это и будет ваша служба.

Он сделал паузу, явно ожидая моей реакции. Я был удивлён. Меньше всего я ожидал, что герцог начнёт разговор с этого вопроса. Мало того, он почему-то решил включить наш отдых в срок службы, да ещё и продлить его. Это не укладывалось в моей голове, а что в ней не укладывается, то вызывает у меня настороженность и постоянное ожидание подвоха.

– Ваше высочество, – осторожно спросил я. – Я не понял, как наш отдых может считаться службой? Если можно, поясните, пожалуйста.

– Нет ничего проще, – с улыбкой сказал герцог. – Просто мы отдых совместим со службой. Вы будете жить всё в той же гостинице, кстати, она принадлежит мне, переоденетесь в одежду обычных горожан, спрячете своё оружие и, разбившись на группы по два-три человека, будете гулять по городу. Ваша задача на этом этапе хорошо изучить город; все его улицы, площади, проспекты и перекрёстки, а так же все местные питейные заведения, рынки и просто злачные

места. Вы должны будете заводить знакомства, флиртовать, драться на дуэли и так далее. Короче столица через три месяца должна стать для вас родным городом, а вы её коренными обитателями.

Он замолчал, давая мне возможность осмыслить услышанное, молча мелкими глотками пил вино, и с любопытством смотрел на меня, определяя мою реакцию. Реакция моя, мягко говоря, была странной – на какое-то время я впал в ступор. Ещё бы было не впасть. За всю свою достаточно долгую карьеру разведчика, я впервые получал такое задание.

Это состояние продолжалось не более минуты, я быстро взял себя в руки и включил сознание, причём включилась новая его половина, а старая продолжала пребывать в ступоре. Сознание мне говорило, что это задание было неспроста. Тут явно затевается что-то такое, что может полностью перевернуть расклад сил в империи. Самое главное, что это поможет мне выполнить задание Архары в лучшем виде и не привлекая постороннего внимания.

– Я всё понял и проинструктирую моих ребят в лучшем виде, так, что они у меня через месяц будут столичными штучками, – заявил я.

– Ну, вот и отлично, – опять улыбаясь сказал герцог. – На этом, пожалуй, мы и пока закончим.

Он встал, прошёл в угол кабинета, где стояло покрытое тонкой резьбой изящное бюро, и достал из него большой ко-

жанный кошелёк. Я встал и герцог, подойдя ко мне, протянул кошелёк, который я с лёгким поклоном принял. Кошелёк приятно оттягивал руку. Не меньше тысячи золотых монет, определил я на глаз – щедрый гонорар.

– Возьми эти деньги, – устало сказал герцог. – Это вам на карманные расходы. Жалованье получите через неделю. Одежду вам доставят в гостиницу. По всем вопросам обращайтесь к портье – это мой человек. Если потребуешься, я тебя вызову. Всего хорошего.

Он протянул мне руку для прощального рукопожатия – широкий жест с его стороны. Я слегка пожал её и собрался уже уходить, но что-то во мне заставило меня остановиться. Я просто не мог уйти вот так, не узнав самой сути моей службы герцогу.

– Что-нибудь ещё? – спросил герцог, словно ждал от меня вопроса, хотя, похоже, так оно и было.

– Позвольте последний вопрос, ваше высочество? – попросил я. – Хотелось бы знать, с чем будет связана моя служба?

– Она будет связана с Обсерваторией и принцем Куваем, – спокойно заявил герцог и, повернувшись ко мне спиной, вышел из кабинета через потайную дверь.

Моя аудиенция закончилась, и в результате её я обогатился на тысячу золотых монет и приобрёл целую кучу сомнений.

Мы пробирались по самой старой, давным давно заброшенной части столичных подземелий. Здесь царили мрак и запустение. То и дело попадались следы обвалов, так что двигаться приходилось крайне осторожно, что бы не быть заваленными очередным обвалом.

– Далеко ещё? – спросил я Маргуса, вовсе не потому, что устал или мне не терпелось поскорее прийти на место, просто надоело молчать.

– Нет, уже близко, – ответил Маргус перелезая через очередную каменную глыбу, Бог весть, когда сорвавшуюся с кровли прохода. – Ещё примерно пол километра, не больше, но зато самые трудные.

– А в чём трудность? – спросил я.

– Очень узкий проход, – ответил Маргус. – Придётся буквально продирааться сквозь каменную щель. Ума не приложу, как те, что её пробили, передвигались по ней, или они были теми самыми гномами, о которых говорится в сказках.

Далее мы опять молча пробирались по полузасыпанному проходу примерно полчаса, когда, наконец, Маргус остановился возле глухой ниши, уходящей в породу, примерно на два метра. Старик пошарил по стене справа от себя и что-то нажал. Послышался лёгкий щелчок, и в нише открылся узкий проход, двигаться по которому можно было только бо-

ком и то с большим трудом.

Вы когда-нибудь пробовали ползти по узкой щели в толще горы? Если нет, то не стоит и пробовать, удовольствие, скажу я вам, сомнительное. Пока ползёшь, начинаешь понимать кротов, мышей и даже дождевого червя, но это только в начале пути. Чем дальше, тем меньше тебе это нравится. Возникает ощущение, что нет никакого прохода, что гора сдавила тебя со всех сторон, а в голову лезут самые мрачные мысли. Чуть позже наступает какое-то общее оупение, когда тебе делается уже всё равно, двигаешься ли ты вперёд или барахтаешься на одном месте. Потом проход чуть расширяется и ты готов уже бежать вперёд, да вдруг оказывается, что сил почти не осталось. Все эти прелести я испытал в полном объёме, пока мы с Маргусом поднимались на площадку утёса Небесной стражи.

Вскоре в глаза нам забил дневной свет, и я тут же погасил заклятие ночного зрения, иначе при дневном свете мы вряд ли бы что-нибудь увидели. Мы вылезли из щели прохода и оказались в каменном колодце диаметром метров десять и глубиной метров тридцать по стенке, которого шла узкая винтовая лестница. Дневной свет щедро освещал колодец.

– Нам остаётся только подняться по лестнице, и мы на утёсе, – сообщил Маргус.

Подъём по лестнице не представлял труда, и спустя десять минут, мы вышли на площадку Небесной стражи. Площадка Небесной стражи представляла собой плоский уступ от-

весного утёса на высоте примерно триста метров над городом общей площадью около ста квадратных метра, явно искусственного происхождения. Однако особо рассматривать площадку мне не пришлось – всё мое внимание было захвачено великолепным видом столицы с высоты птичьего полёта, вернее, с высоты полёта дракона.

Картина, раскинувшегося под моими ногами города захватывала дух, вызывая во мне широкую гамму чувств. Раз взглянув, я уже не мог оторвать взгляда от города, в котором я появился на свет, который изгнал меня, о котором я мечтал, который я любил и ненавидел. Несколько лет назад мне уже пришлось побывать в этом городе, но тогда было не до того, что бы хорошо познакомиться с ним. Тогда, уходя, вернее убегая из столицы, я дал сам себе слово обязательно ещё побывать здесь и вот теперь у меня есть уникальная возможность увидеть город весь целиком.

Что я испытал в тот момент? Сразу и не ответишь. Во мне смешались радость встречи с Родиной и горечь детской обиды, за то, что я оказался не нужен и даже опасен этому прекрасному городу, лежащему сейчас под моими ногами.

Город мне показался огромным, хотя, конечно, он не мог соперничать размерами с городами некоторых технократических миров, в которых мне пришлось побывать с Учителем, но по меркам нормального мира людей он был очень большим. Прямо напротив утёса, на котором находились мы с Маргусом, километрах в семи, возвышалась отдельно стоя-

щая гора с пирамидой на плоской вершине. На самом острие пирамиды яростно пылал всеми цветами радуги шар. Передо мной была Обсерватория во всей своей красе. Это зрелище, которое я видел уже не первый раз, вызывало во мне восхищение, какое обычно возникает при встрече с проявлениями настоящей силы.

С утёса хорошо было видно практически все улицы и площади города, словно на карте. Были видны ограждающие город стены, башни и ворота. Я всегда обладал хорошей памятью, поэтому увиденное мною, хорошо запечатлелось в моём сознании. Маргус показал мне, где находятся южные ворота, а возле них маленькую площадь.

– Вот там находится интересующий нас кабачок, – указал рукой старик. – Запомни хорошенько.

– Уже запомнил, – ответил я. – Отсюда я буду наблюдать, и ждать твоего сигнала. Если связной появится, ты подашь мне сигнал с помощью вот этого камня.

Я достал из поясного кошелька невзрачный на вид камень, на первый взгляд обычный булыжник и протянул Маргусу.

– Как им пользоваться? – спросил Маргус, взяв предложенный ему камень.

– О, это совсем просто, – со смехом ответил я, – Тебе достаточно при появлении связного достать его из кармана и трижды сжать в ладони. Я буду знать, что встреча состоялась.

– Я понял, – ответил старик. – Если он явится, я подам сигнал, а что мне делать дальше?

– А дальше буду действовать я, – решительно заявил я. – Тебе не стоит особо проявлять себя в этом деле. Я не хочу, что бы на тебя пало подозрение, что ты мой союзник, и тем самым нарушаешь договор Обсерватории и империи. Ты же знаешь, что здесь я вне закона, а за мою голову назначена приличная сумма.

– Всё это так, но я хотел бы быть тебе полезным, – несколько огорчённо сказал Маргус. – В любом случае ты всегда можешь рассчитывать на меня.

Здесь на утёсе ко мне пришло осознание того, что в самом скором времени я смогу выполнить просьбу Обсерватории. Откуда это пришло, не знаю, только в какой-то момент, где то на самом краю зрения на миг показалось такое знакомое лицо Смерти, а из-за её плеча показалась улыбка Жизни. Смерть мне лукаво подмигнула и тоже улыбнулась. Это продолжалось одно мгновение, но я воспринял видение, как знак, что Вселенские силы на моей стороне, а значит, хватит прятаться, пора играть в открытую.

Я не стал посвящать Маргуса в свой план, последнее время я перестал доверять кому-либо, кроме ближнего круга дорогих мне людей. Маргус не входил в этот круг, поэтому и не стоит посвящать его в свои планы, разве что в самых общих чертах.

Мы пробыли на площадке Небесной стражи не меньше часа. За это время я запечатлел в своей памяти весь великий город и окончательно сформулировал план выявления шпи-

она Серой империи, и поможет мне в этом другой шпион Серой империи. Мои размышления прервал Маргус, осторожно потеребив мою руку.

– Нам пора, – сказал Маргус. – Пока доберёмся до Обсерватории, пока ты вернёшься сюда, и время встречи со связным наступит.

– Не спеши, Маргус, – спокойно сказал я. – Я тебя доставлю в Обсерваторию за пять минут. Просто я обращусь в дракона и перенесу тебя на своей спине. Мне уже приходилось выступать в роли ездового дракона.

Судя по всему, мои слова сильно удивили старца, словно я вот прямо сейчас на его глазах сошёл с ума. Он попытался вернуть меня, как он полагал, в сознание, утверждая, что тем самым я выдам себя с головой.

– Ну и что же здесь такого? – возразил я на такие убедительные доводы Маргуса. – Наступает время, когда пора прекратить игру в прятки и выступить открыто, так сказать с поднятым забралом. Я это почувствовал здесь, буквально минут десять назад. Мало того, я уже твёрдо знаю, что гнездо вражеских лазутчиков будет раскрыто в самое ближайшее время, а после этого мне здесь уже нечего будет делать. Ты, Маргус, ничем собственно не рискуешь, даже если наши враги поставят тебе в вину общение со мной. Что они могут тебе предъявить? Ты не являешься подданным империи, поэтому тебя не смогут осудить за связь с врагом империи, коим являюсь я. Опять же, исходя из того, что я формально явля-

юсь врагом империи, но это только в глазах наших врагов, а никак не в глазах Повелителей, и тебе хорошо это известно. Так, что тебе ничего не угрожает, а что касается меня, так я сумею за себя постоять, ведь я уже не тот мальчик, каким был раньше. К тому же, не забывай, что я являюсь законным наследником империи.

Маргус на какое-то время задумался. Я ему не мешал, а что бы ни терять зря время, решил достать из заплечного мешка продукты и вино, которые мы захватили с собой. Долгая дорога по подземельям столицы пробудила во мне зверский аппетит. Время терпело, и я решил пообедать, почему бы не пообедать в таком чудном месте, как площадка Небесной стражи.

Пока старик обдумывал мои слова, я достал скатерть и расстелил её на плоском камне, который вполне мог сойти за стол. На скатерть я положил нарезанное крупными кусками холодное мясо, хлеб и флягу с вином. Затем достал два небольших серебряных кубка и наполнил их вином из фляги.

– Хватит размышлять, уважаемый Маргус, пора обедать, – с улыбкой пригласил я старика к столу.

Он, вздохнув, присел к импровизированному столу и взял в руку кубок с вином. Я, в свою очередь, поднял свой кубок.

– Я думаю, что ты знаешь, что делаешь, – с лёгкой грустью сказал Маргус. – И всё же, я за тебя очень боюсь. Ведь, если с тобой что-нибудь случится, может сорваться вся наша затея с переносом Обсерватории, а империя просто погибнет.

– Обо мне не беспокойся, друг Маргус, – серьёзно ответил я. – Я за себя сумею постоять. Что же касается нашего общего дела, то он сейчас в таком состоянии, что даже погибни все мы, оно будет доведено до конца. Так что моя смерть, хотя она вряд ли сейчас возможна, ничего не изменит, а именно сейчас мы должны действовать быстро. Это возможно лишь при условии, если мы будем действовать в открытую. Теперь же я предлагаю выпить и хорошо закусить, тем более, что вечер нам предстоит очень насыщенный событиями и нам будет не до ужина.

Это был незабываемый пикник. Мы сидели высоко над городом, где я появился на свет, ели мясо с хлебом, запивали его великолепным вином и любовались видом столицы с высоты птичьего полёта. Съев мясо и допив вино, мы были готовы тронуться в обратный путь.

– Тебе когда-нибудь приходилось летать на драконах? – спросил я у Маргуса.

Маргус отрицательно помотал головой.

– А ты когда-нибудь видел дракона или, как обращаются в дракона? – задал я следующий вопрос.

Получив отрицательный ответ, я провёл с Маргусом короткий инструктаж, как правильно усесться на дракона и как вести себя во время полёта. Маргус заверил меня, что всё понял и, спустя минуту я на его глазах обратился в дракона. Это произвело на старца такое впечатление, что он примерно на пару минут впал в прострацию. Я не стал его торо-

пить, давая время успокоиться. Постепенно он пришёл в себя и осторожно начал подходить ко мне. В этот момент мне вспомнился Джон Мильтон, который, когда впервые увидел меня и Яргуста в форме драконов, вот так же осторожно подходил к нам, словно мы могли его съесть. Что бы поддержать его, Яргуст даже разрешил Джону его потрогать.

– Да, не бойся ты меня, Маргус, – со смехом сказал я, совершенно забыв, что смех дракона воспринимается людьми, как рёв дикого зверя, что вряд ли придало смелости старцу. – Я не кусаюсь. Можешь меня даже потрогать. Ну, а когда освоишься, забирайся мне на спину и полетим. Только не забудь мои наставления.

Ещё примерно полчаса Маргус топтался возле меня, всё не решаясь потрогать. Наконец, он всё же собрался с духом и очень осторожно прикоснулся к моей золотой чешуе.

– Смелее, – подбодрил я его. – Не бойся, не сломаюсь.

Ещё минут пять он оглаживал меня, словно барышник, покупающий коня. Я подставил ему переднюю лапу, и он, очень осторожно, словно я был сделан из хрусталя, взобрался мне на спину и крепко ухватился за гребень у меня на шее, короче сделал всё так, как я ему говорил.

Я легко взлетел и стал быстро набирать высоту, что бы избежать внезапного удара от какого-нибудь Мастера Высокого Искусства, на тот случай, если вдруг таковой окажется поблизости. Набрав высоту, на которой меня не мог достать никакой магический удар, я не спеша полетел в сторону Об-

серватории. Лететь было – всего ничего, и уже через пять минут мы оказались почти над Обсерваторией. Здесь я заложил крутой вираж и начал пикировать прямо на маленькую площадь перед входом в тоннель Обсерватории. Я ощутил, как Маргус судорожно вцепился в мой спинной гребень, но я продолжал падать, и лишь у самой земли, резко взмахнув крыльями, плавно опустился на плиты площади. Когда Маргус, слегка пошатываясь, слез с моей спины, я быстро принял свой привычный человеческий облик.

Спустя пять минут, мы сидели с Маргусом в трапезной, и пили вино. Старец так был потрясён полётом на спине дракона, что долго не мог сказать ничего вразумительного.

– Сначала было страшно, а потом я испытал неземное блаженство. Жаль только, что полёт продолжался так недолго, – сказал, наконец, Маргус.

Мы ещё немного посидели, после чего Маргус стал собираться в кабачок у южных ворот, где наш разведчик Серой империи должен был встретиться со связным шпиона, что внедрился в орден Обсерватории. Маргус хотел прийти туда раньше назначенного срока. Я же, вновь обратившись драконом, полетел на площадку Небесной стражи, что бы там ожидать сигнал от Маргуса.

Я шёл на место встречи со связным, в душе надеясь, что он явится в кабачок именно сегодня. Я знал, что, только выполнив задание Архонта, я смогу покинуть этот, на первый взгляд, такой заманчивый город. При всей внешней заманчивости службы в большом и шумном городе, каким была столица империи Повелителей драконов, мне хотелось как можно быстрее уйти отсюда.

Вроде бы парадокс, столько десятилетий служить в местах абсолютно диких, где иной раз по несколько лет не встретишь никого живого, и вдруг, тебя переводят в большой город. Тут бы, как говорится, жить и радоваться жизни, а нет. Ведь вроде и служба у герцога, не служба, а малина, а интуиция моя постоянно твердит – беги отсюда, как можно быстрее и ребят своих забирай. Своей интуиции я не просто доверял, я ей абсолютно верил. Для этой веры у меня были все основания – она ещё ни разу меня не обманула, а вот спасала неоднократно. Так вот, в этот раз интуиция не просто говорила, она буквально кричала на грани истерики. Что интересно, мои ребята, узнав, какая им предстоит служба, вопреки моим ожиданиям, приняли это известие не то, что без восторга, а как-то настороженно. Вбитая за долгие годы службы дисциплина, не позволила им открыто роптать, но я прекрасно видел, будь их воля, они бы наотрез отказались

от службы герцогу. Я бы тоже отказался, но прекрасно понимал, что это невозможно. Кто же меня отпустит, когда я посвящён в тайны не только герцога, но и принцев – детей Повелителей драконов. Да, похоже, мы попались. Теперь одна надежда – на связного. Чем раньше мы встретимся, тем больше у нас шансов сбежать из этого проклятого города.

Хотя я шёл, глубоко погружившись в свои мысли, однако бдительности не терял, зорко следя за тем, что бы никто не смог незаметно следовать за мной. Я прекрасно помнил наказ Архонта про необходимость соблюдать осторожность; наказ, следует сказать, совершенно излишний, потому что соблюдать осторожность у меня в крови, словно сделанная в детстве прививка. Без этой прививки выжить в жестоких условиях Серой империи вряд ли возможно, тем более в разведке.

Я шёл по городу с видом человека, который гуляет по городу без какой-либо конкретной цели. Несколько раз я заходил в лавочки, осматривал совершенно ненужный мне товар, изображая праздного гуляку, который от нечего делать ходит по магазинам и глазееет на представленные там товары. Перед тем, как выйти к нужному мне кабачку, я сделал несколько кругов по окрестным улицам, но ничего подозрительного не обнаружен. Время встречи приближалось, и можно было с лёгким сердцем идти на встречу со связным.

«Заблудший монах» оказался одним из множества подобных питейных заведений столицы, как говорится, средней

руки. Он, конечно, был пристойнее забегаловок, где соби-рался всякий сброд, но ему было далеко до роскошных рес-торанов в центре столицы. Главным его достоинством, по-хоже, было его расположение – в достаточно глухом уголке огромного города, куда городская стража заглядывала край-не редко. Здесь можно было устраивать встречи и заключать сомнительные договора, не опасаясь, что в самый неподхо-дящий момент нагрянут представители власти.

Кабачок занимал весь первый этаж трёхэтажного дома, который, судя по его виду, был построен очень давно, знал лучшие времена, но потом состарился и обветшал. Я толкнул старинную дубовую дверь и оказался в довольно обширном зале, где справа от входа располагалась неизменная стойка с батареей бутылок самого разного вида и размера, на обшир-ной полке, что занимала всю правую стену. Прямо, напротив двери находился внушительных размеров камин, который по случаю тёплой погоды не топился. Всё пространство питей-ного зала занимали столы, причём слева стояли длинные сто-лы, за которые могла усесться сразу целая дюжина посети-телей, а справа, ближе к стойке, стояли небольшие столики, рассчитанные не более чем на четырёх человек.

В этот час кабачок был заполнен примерно наполовину или наполовину пуст – как вам больше нравится. Большие столы были заполнены примерно на две третьих мастерским людом; видимо где-то поблизости были мастерские, работ-ники которых любили после трудового дня пропустить кру-

жечку другую пивка. Они шумно разговаривали между собой и громко смеялись над довольно примитивными шутками, которыми постоянно обменивались. Половина зала, на которой располагались маленькие столы, была почти пустой, лишь семь человек насчитал я, быстро оглядев зал. Два стола занимали четыре человека, по два на каждый стол, явно мелкие торговцы, договаривающиеся о каких-то сделках, в общем, ничего интересного. Остальные посетители сидели по одному, и ни один из них не заинтересовал меня, даже после того, как я пустил в ход магию, что бы проверить, нет ли здесь кого-нибудь прячущегося за личиной. Все оказались теми, кем видели мои глаза. Двое из них, ещё достаточно молодые, были явными завсегдатаями данного заведения. Это я понял по репликам, которыми они обменивались с хозяином заведения. Третий – старик неопределённого возраста, хорошо одетый, сидел, задумавшись, время от времени делая глотки из своей кружки. Короче, в кабачке я не почувствовал никакой опасности.

Подойдя к стойке, я заказал кружку светлого пива. Трактирщик, невзрачный человек с невыразительным лицом, принял деньги, молча нацедил кружку пива и, так же молча поставил её на стойку. После чего продолжил разговор с постоянными посетителями, полностью игнорируя мою персону. Ну, что же, лишнего внимания мне вовсе не требовалось. Взяв кружку, я занял стол в углу, где царил полумрак, сделал три глотка и, отодвинув кружку в сторону, стал ждать.

Я вспомнил, как вернулся от герцога и застал моих ребят за столом, где они поили Рабина, как я ему и пообещал. Что же, дело хорошее и вполне достойное настоящих воинов, поэтому я поспешил принять в нём самое активное участие, тем более, что после общения с герцогом Кейваллом, это мне было просто необходимо. Вино и пиво текли рекой, благо за всё платит герцог. Время шло к полуночи, когда объявились наблюдатели, оставленные мной возле ворот. Они сообщили, что Кувай в ворота не входил. Это известие несколько ослабила напряжение, что подобно сжатой пружины возникло у меня после того, как я узнал, с кем столкнула меня судьба, хотя после встречи с Великими сёстрами я знал именно этой «судьбы». Я отчасти понимал, хотя, конечно, только отчасти, что все мы являемся участниками какой-то грандиозной игры разыграемой Вселенскими силами. Игрой настолько сложной, что даже такие персонажи, как Великие сёстры, вряд ли владеют ей целиком, что уж тут говорить о нас смертных. В меру своего понимания, я знал, что моя встреча со злейшим врагом Серой империи, была predetermined Великими сёстрами, а вот зачем, я мог только догадываться, но, во всяком случае вовсе не для того, что бы нам сцепиться в смертельной схватке.

Разошлись мы далеко за полночь, скорее даже ближе к рассвету. От посланного следить за Куваем Урга не было ни слуха, ни духа, что немного настораживало. Однако, здраво решив, что, скорее всего, он следил за направляющим-

ся в Сегурию Куваем и теперь вернётся не ранее, чем через сутки. Прошли сутки, затем вторые, а известий от Урга всё не было. Я начал серьёзно волноваться, так как не мог понять, что могло случиться с таким опытным разведчиком, которым был Ург. Но сегодня он объявился и поднял меня с постели. Была толи очень поздняя ночь, толи очень раннее утро, по крайней мере, за окном было ещё темно. Новости, которые он принёс, сразу же прогнали у меня остатки сна.

Вернувшись к покинутому нами кабачку, Ург затаился в кустах недалеко от входа в кабак. Оттуда ему было хорошо видно, кто выходит из заведения. Мало того, из его засады было отлично слышно, о чём говорят выходящие из кабачка. Да, Ург умел выбирать места для наблюдений.

Около часа ничего не происходило. Приближалось утро и восточный горизонт уже начал слегка светлеть, когда на дороге показался какой-то старик, который явно направлялся в кабачок. Это заставило Урга насторожиться. Ещё бы не насторожиться, когда в столь неурочное время по дорогам шляются какие-то старики, которые подозрительно похожи на нищих. Пока Ург раздумывал, что здесь делает этот прохожий, старик подошёл к двери кабачка и, странное дело, постучал в дверь. Насколько Ург знал, обычно посетители подобных заведений не стучат, а просто открывают дверь и заходят. На стук сразу же вышел хозяин, словно он ждал этого стука. Дальнейшее поведение хозяина, заставило моего наблюдателя сосредоточить всё своё внимание на диалоге хо-

зяина и странного ночного гостя.

– Это вы, ваша милость? – толи спросил, толи констатировал факт трактирщик, низко поклонившись. – Тот, кого вы ожидаете здесь.

– Здравствуй, Клаус, – спокойно поздоровался старик, в голосе которого Ург явственно почувствовал силу и ещё привычку отдавать приказы. – Много ли посетителей?

– Был полный зал, но тот, кого вы ждете, перепугал всех, – унылым голосом сказал Клаус. – Отряд наёмников, что прибыл этой ночью, уехал, даже забыв заплатить за ужин. Теперь в зале только тот, кого вы ждёте, но он находится в колдовском трансе.

– Вот и чудесно, друг Клаус, – весело сказал старик. – Значит, нам никто не помешает. Надеюсь, у тебя найдётся кружечка другая хорошего вина для нищего старика?

– Конечно, конечно, – засуетился хозяин, постоянно кланяясь странному гостю. – Прошу, ваша милость, заходите в моё скромное заведение. Вино сейчас буде. Что-нибудь ещё?

– Нет, это всё, – коротко сказал старик и вошёл в трактир.

Следом за стариком вошёл и Клаус, закрыв за собой дверь.

– Очень интересно, – сказал сам себе Ург. – Я вижу, намечается интересное дельце. А тот рыжий молодчик отнюдь не прост.

Он устроился поудобнее и приготовился к ожиданию, которое вполне могло быть очень долгим. Однако, на его счастье, спустя примерно час, дверь снова отворилась и на по-

роге показался всё тот же старик в сопровождении того самого рыжеволосого молодого человека. Они распрощались с Клаусом, причём рыжий заплатил хозяину за себя и даже заплатил те деньги, которые остались должны мы. После этого они быстрым шагом пошли в сторону города, однако, пройдя примерно километр, они вдруг свернули на едва заметную тропинку, что, подобно змее, вилась среди густых зарослей кустарника. Ург словно тень следовал за ними на расстоянии, позволяющем ему не только видеть, но и слышать всё, что говорили его подопечные. Из их разговоров Ург узнал такое из-за чего, и без того осторожному наблюдателю, пришлось втрое повысить осторожность. Он стал подобен бесплотному духу, следуя за объектами наблюдения так, что, казалось, после него на мягкой земле не оставалось даже следов, не говоря уж о каких-нибудь шорохах, включая звук дыхания.

Причиной повышенной осторожности Урга явился тот факт, что из разговоров он узнал, с кем свела его судьба разведчика. Когда он услышал, что старик называет молодого спутника Куваем, то, естественно, напрягся. Напрячься было от чего – кто же не знает одного из злейших врагов Серой империи и на что этот человек способен. Из дальнейших разговоров Ург узнал, что старик тоже не прост – он оказался, ни много – ни мало, верховным жрецом ордена Обсерватории. Как понял из их разговоров Ург, Кувай прибыл в столицу по поручению Странника и должен что-то передать

Обсерватории. Что именно и как это будет выглядеть, Ургу выяснить не удалось, но даже то, что он узнал, было архи важно.

Бесшумно, словно тень, Ург крался за своими подопечными, по узкой тропинке. Шли они довольно долго и, наконец, вышли к развалинам древней стены. К тому времени уже достаточно рассвело и все манипуляции, которые проделал у стены старик, Ург хорошо видел. Старик подошёл к небольшой нише в руинах стены и нажал там какой-то камень. Раскрылся проход в подземелье и Ург явственно ощутил толчок силы – оба его подопечных включили ночное зрение. Не медля, Кувай и жрец скрылись в проходе, который после этого сразу же закрылся.

По идее, задача Урга была выполнена, и он мог с чистой совестью возвращаться в отряд, но Ург не был бы Ургом, если бы не пожелал проследить таких важных персон до самого конца. Он выждал пару минут, затем подошёл к стене и нажал тот самый камень, который нажимал жрец. Проход послушно открылся, и Ург, не мудрствуя лукаво, включил ночное зрение и шагнул в проход.

Спустя несколько минут, он нагнал своих клиентов и осторожно последовал за ними. Шли довольно долго. Проход часто менял направление, поворачивая то вправо, то влево, то шёл на подъём, то опускался вниз. Мало того, он ещё многократно раздваивался, так что любой другой на месте Урга, с его буквально собачьим чутьём, вряд ли смог найти

обратную дорогу. Он довёл подопечных до решётки, которая отделяла город от земли Обсерватории, и здесь решил затаиться, что бы подождать, когда Кувай пустится в обратный путь. То, что Кувай прибыл ненадолго, Ург почему-то знал, хотя логически объяснить это он вряд ли мог.

В этом был весь Ург. Вот за что я его ценил. Он никогда не отделялся формальным исполнением приказа, а всегда стремился выполнить его с максимальной эффективностью. Сейчас же, находясь в глубоком подземелье под столицей империи Повелителей драконов, он ощутил редко проявляющееся, но очень нравящееся старому разведчику чувство – чувство охотничьего азарта. Он очень любил, когда в нём просыпался охотничий инстинкт, как любит охотничий пёс, когда хозяин берёт его в лес на охоту. Ург, подобно опытной ищейки, почуявшей след добычи и вставший на этот след, ни за что не может бросить его, так и Ург решил довести свою слежку до конца, и лишь, выполнив всё, что возможно, вернуться к своим. Слава Благим Богам, что у него была с собой фляга с водой, иначе он вряд ли смог бы продержаться те четверо суток, которые понадобились для того, что бы дождаться выхода Кувая и верховного жреца из Обсерватории. Ург всё же дождался, когда у него уже кончилась вода. Кувай и жрец покинули Обсерваторию и быстро пошли по подземным тоннелям, куда-то в неизвестном для Урга направлении. Некоторое время он следовал за ними, но убедившись, что Кувай в данный момент не собирается покидать город, Ург

оставил их и отправился обратно тем же путём, каким пришёл сюда. Несколько часов он брёл по подземным путям, выбиваясь из сил и, наконец, вышел на поверхность там же, где заходил в подземелье.

Выйдя на поверхность, Ург первым делом отыскал ручей и напился. После чего, он поспешил к городским воротам и появился в «Райском уголке» ровно за полчаса до моей встречи со связным. Он был крайне измотан и буквально валился с ног. Я выслушал его рапорт и приказал плотно поесть и завалиться спать, что он с видимым облегчением и сделал. Когда он ушёл, я стал собираться навстречу. Времени было с избытком, поэтому одевался я, не спеша, что позволяло мне хорошо осмыслить доклад Урга.

Подумать было о чём. То, что Кувай направлялся в город, я почти не сомневался и слова Урга лишь подтвердили мои догадки. Настораживало то, что Кувая явно встречал сам верховный жрец ордена Обсерватории. Это даже не настораживало, а прямо скажу, пугало. Всё же до этого у меня теплилась надежда, что мне в этом городе не придётся столкнуться с такими врагами, как Кувай и орден Обсерватории. Доклад разведчика полностью растоптал эту надежду и, в связи с этим, я очень остро ощутил, в какую страшную ловушку мы угодили, связавшись с герцогом Кейваллом.

Однако растоптать надежду было не так уж и просто. Она, надежда, очень быстро оправилась и стала успокаивать меня тем, что пока ничего не случилось, что возможно я се-

годня же встречу с нашим агентом и тем самым откажусь от службы у герцога. Это придало мне некую уверенность в ближайшем будущем.

Терзаемый всеми этими мыслями и переживаниями, я не спеша шёл к месту встречи, не забывая, однако внимательно наблюдать за всем, что происходит вокруг. Повышенные меры безопасности, предпринятые мной, после получения информации о связи Кувая с орденом Обсерватории, были, на мой взгляд, оправданы и сводились к тому, что у меня обострились не только физические органы восприятия, но и магические. У меня ни шло из головы то обстоятельство, что Кувай во время нашей случайной (случайной ли?) встречи в придорожном кабачке, уж больно подозрительно быстро отказался от того, что бы прочитать мои мысли. Неужели я попался, и он знает обо мне всё? На что он способен я примерно, даже очень примерно, догадывался, и мне вовсе не хотелось столкнуться с ним в открытом бою, в этом случае у меня просто нет шансов.

Что же делать? Всю дорогу до места встречи с агентом мучил меня этот навязчивый вопрос, ответа на который я до самого моего прихода в назначенный Архонтом трактир я так и не нашёл. Пока ничего не происходило, и я, от нечего делать, стал внимательно изучать посетителей трактира. Более внимательное рассмотрение посетителей опять ни к чему не привело; все были простыми людьми, в которых не было и намёка на магию, однако на сердце у меня было не спокойно.

Это заставило меня ещё раз проверить посетителей; и на этот раз, в старике, сидящим недалеко от меня мне что-то почудилось. Нет, никакой магии я так и не обнаружил, но что-то едва уловимое, на самой границе восприятия, меня ещё больше насторожило. Дед явно был не прост, хотя понять, кто он такой на самом деле, мне так и не удалось, потому что в это время ко мне подошёл какой-то оборванец и бесцеремонно уселся за мой стол. Его бесцеремонность вызвала во мне волну гнева, который я уже было собрался обрушить на нахала, как тот заговорил, и его слова стали для меня подобны лечебному бальзаму, пролившемуся на раны.

– Что, приятель, пиво не нравится? – спросил оборванец.

– Кому понравится эта баланда? – машинально ответил я.

– Пойдём, приятель, со мной. Я знаю здесь недалеко местечко, где пиво не в пример этому, – спокойно сказал оборванец и, встав из-за стола, направился к выходу, даже не посмотрев, иду ли я за ним.

Я быстро встал, бросил на стол пару мелких монет за пиво и быстро последовал за связным. Услышав пароль, я испытал большое облегчение, словно тяжеленный валун свалился с моей души. Всё складывалось наилучшим образом, да так, что у меня появилась твёрдая уверенность, что очень скоро мы сможем покинуть столицу империи Повелителей драконов, оставив с носом герцога Кейвалла. Выйдя на улицу, я увидел, что связной уже сворачивает за угол трактира и поспешил за ним, опасаясь, что он просто скроется от меня, и

я его никогда не найду.

Свернув за угол, я чуть не сбил связного с ног. Оказываясь, он, свернув за угол, остановился, поджидая меня.

– Слава Благим Богам, вы наконец-то пришли, – как-то замученно проговорил связной. – Я уже думал, что этого никогда не случится.

Было видно, что он очень устал и отчаянно чего-то боится. Я не стал ему отвечать, если захочет – сам расскажет, что его тревожит.

Мы шли по каким-то переулкам, застроенным очень старыми ветхими домами, которые стояли так близко друг к другу, что переулок превращался в узкую щель, где разойтись с встречным прохожим можно было лишь боком. На наше счастье нам встретилось только двое встречных прохожих, причём, один был небрежно одетый толстяк, такой толстый, что своим животом буквально припечатал меня к стене дома, когда мы с ним старались разминуться. Второй же, оказался банальным карманником, который тут же пожелал овладеть моим кошельком, правда, безуспешно. Получив хорошую затрещину, он как-то обречённо вскрикнул и быстро убежал.

Наконец, пропетляв примерно с полчаса, мы очутились перед небольшим двухэтажным особняком, который выглядел настолько древним, словно он был старше самого этого города. Несмотря на вечернее время, окна особняка были темны, лишь на первом этаже тускло светилось одно окно.

Мой провожатый подошёл к этому окну и осторожно постучал. Спустя мгновение, отворилась дверь и мы, не говоря ни слова, вошли в полутёмную прихожую, освещённую лишь одной свечой в подсвечнике. Подсвечник держал человек одетый в плащ ордена Обсерватории. Лица его я разглядеть не смог и это мне очень не понравилось. Мой провожатый что-то прошептал ему на ухо, и тот, молча кивнув, повернулся к нам спиной и куда-то пошёл по тёмному коридору, причём свеча горела так тускло, что скорее не освещала коридор, а делала его ещё более мрачным. Связной последовал за хозяином дома, сделав мне знак идти за ним. Я пожал плечами и шагнул через порог, причём дверь за мной сразу же закрылась. Ощутимый толчок силы недвусмысленно мне сказал, что здесь не обошлось без магии.

Я пожал плечами – к чему такие сложности? Вся моя жизнь разведчика, связанная с постоянной конспирацией, приучила к тому, что излишняя таинственность и связанные с ней сложности, скорее вредят делу, чем обеспечивают сохранение тайны. Вот скажите мне, зачем использовать магию, когда можно просто закрыть дверь? Во-первых, это бесполезная трата силы, а во-вторых, эта игра магией только привлекает ненужное внимание. Кроме того, хозяин мог бы быть поприветливей и для начала хотя бы поздоровался, но, как говорится, в чужой монастырь...

Пройдя по длинному коридору, наш провожатый поднялся по деревянной лестнице на второй этаж и открыл ка-

кую-то дверь. Всё так же молча, он вошёл в комнату и, не говоря ни слова, уселся за стол, предварительно поставив свою свечу на этот самый стол. Заняв своё место за столом, хозяин сделал жест рукой, приглашая меня занять место за столом напротив него, что я незамедлительно и сделал.

Мне хотелось побыстрее покончить с этим делом, и к тому у меня имелось целых три причины. Первая причина – мне хотелось, как можно быстрее выполнить приказ Архара, что мне позволит быстро покинуть столицу империи, где всё сильнее пахло жареным. Второй причиной было то, что само задание Архара мне не нравилось и вовсе не потому, что оно было каким-то уж очень сложным или чересчур опасным, а наоборот, слишком примитивным. Такое, пожалуй, можно было поручить курьеру, а не использовать для этого, скажу без хвастовства, лучшего разведчика Серой империи. Если же дело было настолько важным, что послали меня, да не одного, а вместе с моими ребятами, то почему же не посветили в детали этого дела. Или мне перестали доверять? Ну а третьей причиной было то, что агент, с которым я сейчас встретился, мне очень не понравился. Нет, не подумайте, что он мне не понравился лишь потому, что не поздоровался или повёл себя странно, вовсе нет. Просто бывает так: взглянешь на кого-нибудь и сразу же испытываешь к нему антипатию, причём, сам себе не можешь объяснить её причину. Просто не нравится человек и всё. В моём случае, эта антипатия возникла сразу же и, как мне кажется, навсегда.

Кроме антипатии к агенту, у меня в душе родилось и окрепло, превращаясь в твёрдую уверенность, понимание, что всё это добром не кончится. Что именно, это всё, хоть режьте меня, я вам ответить не смогу, но, тем не менее, на душе было просто отвратительно.

Усевшись за стол и взглянув на агента, я убедился, что он ведёт себя крайне разумно, как вёл бы себя любой, кто не желает, что бы его лицо кто-либо рассмотрел. Он так расположил свечу, что отчётливо я мог рассмотреть только кисти его рук, ибо только они были на свету. Всю его фигуру скрывало просторное одеяние, наподобие рясы или плаща, чёрного цвета отороченного по краям серебряным узором. Просторный капюшон его одежды создавал густую тень, которая на месте лица создавала сплошную тьму, где слегка светились глаза, так что рассмотреть черты лица или хотя бы определить возраст агента было невозможно. Человек этот носил одежду ордена Обсерватории, хотя его манера скрывать лицо и фигуру, говорила о том, что ему больше подходит серый плащ всадника.

– Давай сюда, – каким-то осипшим голосом, словно у него болело горло, сказал агент и похлопал по столу перед собой, даже не потрудившись объяснить, что именно я должен положить, хотя я, конечно, понял.

Не говоря ни слова, я достал кристалл, выданный мне Архонтом, и положил его на стол, но поближе к себе. Какого дьявола я должен ему доверять, если он мне ни на грош

не доверяет? Пусть сначала передаст мне кристалл предназначенный Архонту. Примерно минуту продолжалась пауза, когда мой визави молча смотрел на меня взглядом полным ненависти (я ощущал, что будь у него чуть больше силы, я бы уже превратился под его взглядом в кучку пепла), и я не знаю, чем бы это всё кончилось, но скорее всего магической дуэлью, исход которой для меня был не ясен. Похоже, так же думал и хозяин, если, конечно, он был хозяином этого дома. Затянувшаяся пауза была прервана самым неожиданным образом, благодаря вмешательству моего проводника, который и не подумал оставить меня с агентом наедине, а до этого скрывался где-то в темноте комнаты, размеры которой я даже себе не представлял, да это меня и не интересовало.

– Как смеешь ты, жалкий посыльный хамить здесь, – гнусавым голосом проговорил связной. – Сделал своё дело и убирайся.

Он попытался схватить меня за воротник, видимо, намереваясь силой вывести меня из комнаты. Однако такие номера со мной уже не проходили лет эдак пятьдесят. Я коротко без замаха ударил его кулаком в область гортани. Он захрипел, обмяк и повалился на пол, словно куль. Нет, я его не убил, хотя следовало. Ну, поваляется без чувств часик, месяц не сможет говорить, а так он отделался легко. Если бы не встреча с Великими сёстрами, он уже бы был трупом. Так, что ему крупно повезло.

Я был в ярости. Гнев буквально душил меня. Неслыхан-

ное дело – какие-то плебеи, не имеющие даже права поднимать на меня глаза, осмелились коснуться меня. Я с огромным трудом подавил желание свернуть шею агенту, и то благодаря новой части моего сознания.

– Ну, ты, шут поганый, – рявкнул я на всё так же неподвижно сидевшего агента. – Ты, что обмануть решил самого Архонта? Быстро кристалл сюда и не вздумай меня обмануть. И без фокусов, я владею магией не хуже тебя.

Мой напор, видимо, подействовал на этого странного человека, чьё поведение я так и не смог понять. Он быстро сунул руку под одежду и положил на стол перед собой кристалл – родной брат кристалла, что я положил возле себя. Опять возникла пауза, но теперь он была паузой лишь внешне. Внутри же, невидимая для внешнего наблюдателя, началась ожесточённая борьба сил.

Это был магический поединок, который разительно отличался от так привычных несведущему в магии наблюдателю поединков, где сверкали молнии, и гремел гром, которые, конечно были эффектными, но чаще всего малоэффективными. Нет, здесь и сейчас начался самый настоящий, и от того самый опасный, магический поединок, какие нередко заканчиваются смертью одного, а то и обоих участников. Не знаю как у моего противника, а у меня не было никакого желания убивать агента. Моя цель была лишь хорошенько его проучить, что бы он помнил своё место.

Что я делаю? – возник у меня в голове вопрос, явно из

моей старой части сознания. Я вступаю в поединок со своим соплеменником и возможно, тем самым, наношу вред своей Родине. Нужно было сражаться, а меня раздирали внутренние противоречия. Одна часть моего сознания, разбуженная Великими сёстрами, уверяла меня, что сорвав операцию, задуманную чуть ли не самими Благими Богами, я спасу множество миров от жалкой участи стать рабами вселенских вампиров, коими я с недавнего времени считал Благих Богов. Старая же часть моего сознания твердила мне о долге перед властью, о любви к Родине, коими в том понимании являлись, опять же, «благие боги». В этот раз новая часть сознания достаточно быстро загнала старую часть сознания куда-то не периферию, и вовремя – магический поединок уже был в самом разгаре.

Меня спасло то, что я многие десятилетия вёл очень активную магическую деятельность, в отличие от моего оппонента, который, в следствии специфике его деятельности, долгие годы должен был скрывать, что владеет магией. Хотя мне сильно мешал внутренний разлад, я всё же выдержал первый удар, хотя голову мою сдавило словно тисками, и сразу же нанёс свой удар, причём очень аккуратно в самом щадящим режиме. От этого слабенького удара, даже не удара, а так, лёгкой пощёчины, мой противник улетел вместе со стулом, на котором сидел, улетел куда-то в темноту комнаты. Послышался грохот падения тяжёлого тела, и наступила полная тишина. Тут пришёл испуг – неужели я его убил? Ес-

ли так, то что мне теперь делать?

Я взял свечу и пошёл посмотреть, что с жертвой моего удара. Он лежал на спине, раскинув руки в стороны, не подавая признаков жизни. Включив магическое зрение, я обнаружил, что мой соперник находится в глубоком обмороке. У меня отлегло от сердца и, воспользовавшись представившейся возможностью, я решил посмотреть, что собой представляет агент, как он выглядит, в конце концов. Склонившись над телом, я поднял капюшон его плаща и обнаружил под ним довольно упитанное лицо человека средних лет с заметными залысинами на лбу и тройным подбородком. Под закрытыми сейчас глазами были солидные мешки, что говорило о злоупотреблении вином и жирной пищей. Общее впечатление от увиденного не прибавило мне к нему симпатии. Что-то в его облике напоминало мне большую жирную жабу.

Я оставил его лежать там, где он лежал, а сам вернулся к столу и сделал, пожалуй, самый безрассудный поступок в своей жизни – я забрал оба кристалла, всё так же лежащих на столе, где мы их оставили, спрятал за пазуху и покинул столь негостеприимный дом, прихватив с собой свечу. Выйдя на улицу, я прикрыл дверь и на минуту замешкался, решая, куда мне теперь идти и что делать. Вдруг на меня навалилась какая-то тёмная тяжесть, свет в глазах померк и я, впервые в жизни, потерял сознание....

Прилетев на уступ Небесной стражи, я быстро принял свою человеческую форму и стал внимательно рассматривать город, лежащий под моими ногами. Спешить было некуда, до встречи в трактире «Заблудший монах» было ещё не меньше часа, да и не факт, что встреча состоится именно сегодня, хотя, честно признаться, мне бы этого очень бы хотелось.

Да, пожалуй, это у меня в первый раз. Хотя я и прожил, даже по человеческим меркам, всего ничего, но уже достаточно много походил по мирам и никогда не скучал по оставленным мною местам. Даже по Сегурии, которую я очень любил и считал своей Родиной; я, конечно, ощущал некую ностальгию, но это не шло, ни в какое сравнение с тем, что я испытывал в этой вылазке и поначалу никак не мог понять причину своей грусти, которая временами превращалась в самую настоящую тоску. Однако стоило лишь хорошо подумать и всё встало на свои места. Оказалось, что моя тоска вовсе не по оставленной Сегурии и даже не по оставленному дому, хотя отчасти и по ним тоже. Я тосковал по Ниннэль и по детям, по Азару и Ляргусу, Марку и Джону, и, конечно же, по Страннику и ещё множеству людей, которые были частью моей жизни. Тосковал по той неповторимой атмосфере, что окружала меня с самого детства, атмосфере состоящей

из ненавязчивой заботы каждого о всех и у всех за каждого; дружеской чуть грубоватой поддержки, постоянной готовности, не задумываясь прийти на помощь всякому, кто в ней нуждался, а, самое главное безусловной и постоянной готовности каждого до самого конца нести суровые обязанности, которые каждый из нас добровольно, и осознано, взвалил на свои плечи.

И вот сейчас, оказавшись в одиночестве, в городе, где я появился на свет и который я никогда не считал Родиной, я очень остро ощутил своё одиночество и оторванность. Оторванность от всего того, что до этого и составляло мою жизнь или дом, который вовсе не стены и крыша, а скорее всё то, что нам дорого и без чего нам плохо, да так, что нападает лютая тоска. Я вдруг очень остро почувствовал своё одиночество, ведь в первый раз за всю свою короткую жизнь я оказался совершенно один, ведь даже при всём желании верховный жрец Обсерватории не сможет мне заменить всего того, что осталось очень далеко, причём не только в пространстве, но и во времени. Поэтому я решил, как можно быстрее закончить здесь все дела и, не задерживаясь более вернуться домой.

Я смотрел на город, который, подобно путям ходящих-помирам простирался, как в пространстве, так и во времени; тянулся вверх, словно хотел достичь небес и опускался вниз глубоко в недра земли. Вдруг я увидел, что сам город является очень старым и бесконечно одиноким ходящим-по-ми-

рам, который бесконечно долго скитался по тропам Мироздания и наконец, усталый и больной вернулся туда, где когда-то появился на свет. Я это почувствовал настолько остро, что даже глаза мои стали влажными и пришлось смахнуть набежавшие слёзы рукавом куртки. Мне стало ужасно жаль его, как жалко каждого человека, чей век приближается к своему завершению. Я представил себе, что это я в конце пути вернулся домой и застал там вместо атмосферы любви и заботы, злобу, ложь, зависть и далее по списку. Я ощутил такую тяжесть и отвращение, что меня чуть не вырвало. Тряхнув головой, что бы прогнать наваждение, я в который раз осмотрел город.

Вроде всё было прежним, но в то же время что-то в городе неуловимо изменилось, настолько неуловимо, что я сначала никак не мог понять что. Однако, присмотревшись, я понял что – пока анализировал свою грусть-тоску, сменилась эпоха, а именно – наступил вечер, который, подобно новому жильцу съёмной квартиры только въехав, сразу же стал всё переделывать по своему вкусу. Вечер набросил на город некую вуаль романтической таинственности; он лишил индивидуальности дома города, стёр с них украшения дневной обыденности и вместо них набросил тёмную мантилью вечерних сумерек, наступило время влюблённых и воров.

Я смотрел на город, который, в общем-то, никогда не любил, впрочем, это у нас было взаимно и мне было жалко его. Я знал, что очень скоро этот город будет уничтожен, да так,

что от него не останется даже руин, но я так же твёрдо знал, что пройдут многие тысячелетия и город, словно волшебная птица Феникс вновь возродится. Вместе с ним возродится и бродяжий дух ходящих-по-мирам, который к тому времени изрядно рассеется в суете и мелких житейских заботах. Всё меняется, как город с наступлением вечера, не меняется лишь человек, но не тот внешний человек, что каждый день мы видим в зеркале, а тот, настоящий, истинный человек, о котором говорится в одной мудрой книге, о которой говорил мне Учитель, он был создан по образу и подобию Творца. Если вдруг произойдёт ужасная, можно сказать вселенская трагедия и этот истинный человек изменится, это будет означать лишь одно – ещё один человек умер конечной смертью. Именно эту трагедию конечной гибели множества людей я и наблюдал сейчас, стоя на уступе утёса Небесной стражи. Я видел толпы живых мертвецов снующих туда-сюда, пьянствующих в многочисленных заведениях, обнимающих женщин, целующих детей и выполняющих ещё бесконечное количество различных «важных», как они считают, дел, но это только видимость. На самом же деле я знаю, что все они умерли, причём многие из них родились уже мёртвыми.

Ещё я знал, что придёт время, и это время уже близко, и я выполню свою скорбную работу – сожгу дотла этот старый город вместе с останками людей, и тем самым я смогу дать им шанс, может быть самый последний шанс, хотя пути дра-

конов неисповедимы.

Не знаю, толи тоска по близким, толи само место на утёсе способствовало возникновению таких мыслей, но в любом случае я был рад обретению их. Они привели в порядок моё растрёпанное сознание, напомнили мне о чувстве долга, что в той или иной мере свойственно каждому живому человеку, который сам выбирает свои дороги, а дороги в ответ выбирают их, навешивая на избранного тяжёлую ношу ответственности, что проявляется в нас в обострённом чувстве долга.

Тут мои размышления прервал камень – полный двойник того, который я дал Маргусу. Он ярко засветился и заметно нагрелся, а когда я взял его в руки, он запульсировал, сообщая, что встреча в «Заблудшем монахе» состоялась. Сразу же пропали тоска и философские мысли, одолевающие меня до этого. Сознание моё обрело привычную ясность, что появлялась у меня каждый раз, когда наступало время действовать.

Я привёл в действие заклятие поиска, и спустя минуту, засёк свой маячок, который я установил на Кварге. Он удалялся от «Заблудшего монаха» в сторону городских трущоб. Так, по словам Маргуса, назывался один из самых старых районов города, где селился разный сброд. Узкие грязные улочки и переулки трущоб никогда не освещались. Городская стража избегала заходить сюда, а если возникала нужда, то заходили не менее чем по десять человек. Ничего удивительного, что агент серых назначил встречу в таком месте; по

крайней мере, здесь им не помешает вмешательство властей. Я на его месте поступил бы точно так же.

Я быстро вышел на связь с Маргусом и сообщил ему о направлении движения Кварга. Жрец сказал, что он уже отдал распоряжения своим людям, которые должны будут захватить всех, кто будет на встрече и доставить в Обсерваторию. Я предупредил его, что всех надо захватить живьём, а с Кваргом следует быть очень осторожным – он опытный воин и так легко его не взять. Поэтому к самой развязке я буду на месте и поддержу вас магией.

Я внимательно наблюдал за перемещением Кварга, и когда увидел, что он зашёл в какой-то дом, не мешкая обернулся и стремительно полетел туда, где скрылся Кварг. Что бы особо не привлекать внимания, я стремился лететь над самыми крышами. Не прошло и двух минут, как я приземлился на небольшом пустыре вблизи нужного мне дома, и сразу же принял свой привычный человеческий облик.

Здесь было уже темно, и я, включив ночное зрение, осторожно стал продвигаться к интересующему меня дому, где, как говорил мне маячок, до сих пор находился Кварг. Стоило мне только сделать несколько шагов по узкой улочке, как я увидел несколько человек, которые явно наблюдали за нужным мне домом. Это оказался Маргус со своими людьми. От него я узнал, что его люди окружили дом плотным кольцом, так что никто не сможет покинуть дом незамеченным.

Я обратил внимание, что Маргус чем-то сильно озабочен,

но расспрашивать его в тот момент я посчитал неуместным, а лишь спросил его насчёт того, перекрыты ли подземные пути, которые наверняка имеются под домом. Маргус заверил, что у него есть договорённость с Кроном, поэтому там им не пройти. Это меня успокоило, всё же Маргус знал, что делает.

Мы стали совещаться, как нам сейчас поступить – войти ли в дом сейчас и захватить всех, кто там находится или дожидаться, когда они закончат свои дела и взять их на выходе. Однако судьба распорядилась по-своему. Внезапно я ощутил эхо магических ударов – кто-то пустил в ход силу. В доме явно шёл магический поединок. Это меня несколько озадачило. Неужели Кварг сцепился с агентом, но этого просто не могло быть, я ведь знал задачу Кварга, которая сводилась по существу к элементарному обмену кристаллами, который мог сделать даже простой курьер.

Когда эта мысль пришла в мою голову, я вначале даже опешил, почему не подумал об этом раньше? Действительно, почему на такое, в общем-то, простое задание, послали одного из лучших разведчиков Серой империи? Почему такая простая истина не пришла мне в голову раньше? Да, тут можно понять это так: либо задание настолько важно, либо оно не такое уж простое. Однако особо раздумывать над этим, не было времени, вернее нам его не оставили.

Входная дверь дома, за которым мы наблюдали, внезапно распахнулась, и из неё вышел Кварг, лицо которого выража-

ло крайнюю степень растерянности, я бы даже сказал потерянности. У меня сложилось такое впечатление, что он не знает, что ему делать и куда идти. Я, прекрасно понимая, что Кварг опасный боец и справиться с ним будет не просто, поэтому, не мудрствуя лукаво, я применил к нему парализующее волю заклятье. Оно сработало в лучшем виде – Кварг вдруг замер, затем глаза его закатились и он, как подкошенный свалился на мостовую. Я быстро подошёл к лежащему без чувств серому и, наклонившись быстро обшарил его карманы. Я искал кристалл с информацией, который передал ему Архонт. Он обнаружился у него в потайном кармане на груди, но к моему удивлению их оказалось два. Абсолютно одинаковые, словно братья-близнецы, и понять какой из них тот, что Кварг получил от Архонта, было просто невозможно. Ладно, позже разберёмся. Я спрятал оба кристалла в карман, надеясь на досуге прочитать их – нужно же знать, что Архонт приказывает своему агенту.

Люди Маргуса не стали терять времени даром. Трое из них подскочили к лежащему без чувств разведчику серых и быстро связали ему руки. По тому, как ловко они это сделали, было видно, что они проделывали подобное уже не раз. Я не стал терять время и, распахнув дверь, ринулся в дом, пока его обитатели не успели очухаться и попытаться скрыться. В доме стоял глубокий мрак, и было так тихо, что в первый момент, я подумал, что дом пуст, однако моё чутьё говорило, что агент и связной здесь, но, судя по всему, затаилась. Вот

здесь-то и пригодилось мне ночное виденье. Пройдя по коридору, я оказался в комнате, где обнаружил два тела, не подающих признаков жизни, однако присмотревшись, я понял, что они просто без сознания. Подошедший за мной Маргус и его люди быстро скрутили мою находку, а затем отправились обыскать дом на случай наличия в нём ещё кого-нибудь. Зажгли факела, и уже при свете я смог хорошо рассмотреть нашу добычу. Тот человек, что лежал ближе к входу в комнату, оборванец неопределённого возраста, с незапоминающимся, каким-то словно смазанным лицом, оказался, по словам Маргуса, тем самым связным, которого в «Заблудшем монахе» ожидал Кварг. Он интересовал нас, как говорится, поскольку-постольку. Гораздо больший интерес представлял для нас второй пленник – дородный человек, одетый в одежду ордена Обсерватории, лицо которого мне показалось знакомым, однако я никак не мог вспомнить, где я его видел.

– Ты знаешь этого человека? – спросил я Маргуса, чьё лицо, когда он смотрел на пленника, выражало высшую степень презрения вперемешку с удивлением.

– К моему глубокому стыду, знаю, – понурившись, ответил старик. – Но об этом я сейчас не хочу говорить. Нужно, как можно скорее забирать пленников и идти в Обсерваторию, где мы сможем их допросить и поговорить обо всём.

Я не стал настаивать, потому что понимал, что он прав, нам действительно нужно скорей уходить – вся эта магия, что была пущена здесь в ход, не могла остаться незамечен-

ной. А раз так, то с минуты на минуту следует ожидать, что сюда явятся те, кто покровительствует нашим пленным, или городская стража. Ни то ни другое нас не устраивало. Люди Маргуса обшарили весь дом, но ничего так и не нашли. Прихватив с собой пленных, мы быстрым шагом пошли по какой-то улочке, ширина которой с большим трудом вести пленных, но всё же более широкой, чем та, на которой стоял тот приснопамятный дом, где мы захватили пленных. Время от времени нам попадались местные жители, которые, стоило им заметить одежды ордена Обсерватории, старались поскорее исчезнуть из вида, лишь бы не встречаться с суровыми адептами ордена. Шли мы примерно полчаса и, в конце концов, оказались в каком-то тупике, образованным двумя мрачного вида ветхими домами и высокой каменной стеной неясного назначения. Один из адептов подошёл к этой стене и нажал один из камней. Послышался лёгкий щелчок, затем скрип и в стене открылся проход. Все мы быстро вошли в него, и проход закрылся. Я не стал прибегать к ночному зрению, потому что тут же зажглись факелы. Открывшийся нам подземный ход был шире улочки, по которой мы шли, дорога под ногами гораздо ровнее, так что идти стало гораздо легче.

Примерно минут через десять-пятнадцать вдаль замелькало несколько факелов, и навстречу нам вышло несколько человек. Впереди шёл высокий человек с благородным лицом аристократа. Это был Повелитель подземного города Крон, которого я видел последний раз на собственной сва-

дьбе. Он мне нравился, и я с радостью обнял его.

– Уважаемый, Маргус, – почтительно обратился Крон к жрецу. – С твоего позволения я похищу этого молодого человека до завтра. Завтра утром он будет в целости и сохранности возвращён в Обсерваторию. У меня к нему есть серьёзный разговор.

– Может, мы спросим об этом самого Кувая? – смеясь, спросил жрец. – Может он ещё не захочет?

Они говорили так, словно меня здесь вовсе не было, а моё мнение никого не интересует, но говорили они это так, что у меня даже не возникло и мысли обидеться.

– Захочу, конечно, только как быть с пленными? – смеясь, спросил я.

– Ну, об этом не беспокойся, – успокоил меня Маргус. – Сейчас уже поздно, все устали, так что дела могут подождать до завтра. Пленных мы поместим в надёжные камеры, а завтра допросим, тем более что сегодня они вряд ли смогут что-нибудь сказать, уж больно они помяты. Так, что иди с Кроном и ни о чём не переживай, всё будет хорошо.

Маргус обнял меня и пошёл со своими людьми дальше, а мы с Кроном свернули в боковой проход.

Голова моя раскалывалась от боли, словно с дикого перепоя. Во рту стоял противный привкус металла, а тело болело так, как если бы по мне пробежал табун диких лошадей. Однако муки, которые испытывало моё тело, не шли ни в какое сравнение с тем, что было в душе моей. А в душе, подобно селёдке в бочке, теснились: животный страх – что же теперь будет?; горькая обида – за что мне это?; бесполезное сожаление – зачем только я стал разведчиком, и ещё много чувств подобного рода набилось в бедную душу мою. Там они ругались между собой, толкались, как пьяницы в трактире и вытворяли всякие непотребства. Всё это было до такой степени больно и тяжело, что хотелось завывать, рвать на себе волосы, кататься по полу, разбить голову о каменную стену....

Всё это было ещё ничего, это ещё можно было выдержать, если бы в душе оставалась хоть искра надежды, но, увы.... Стоило надежде чуть шевельнуться или подать голос, как вся эта братия, что обосновалась в моей душе, временно прекращала свои распри и сообща набрасывались на бедную мою надежду, стремясь загнать её в такие глубины души, откуда её голос не смог бы достичь моего сознания. Они, эти незваные гости души моей, стремились лишить меня надежды, что бы стать полноправными хозяевами моей души, что бы искривить судьбу мою, и так достаточно кривую, а это станет

возможным, если моя надежд не выдержит и сдастся. Вот тогда всё... Вот тогда конец....

Пробую пошевелить рукой – очень больно, но ничего, это даже хорошо, а терпеть боль, давно вошло у меня в привычку. Раз чувствую боль – значит, я до сих пор жив и это уже хорошо. Словно расслышав мои мысли, моя надежда вновь подала свой голос, не испугавшись превосходящих сил противника. Я почувствовал, как враги мои переполошились по этому поводу и вновь объединившись, набросились на бедную мою надежду, стремясь заткнуть ей глотку. Но не тут-то было. Надежда оказалась крепким орешком. Она раз за разом отражала яростные наскоки тех, кто стремился лишить меня воли к жизни. С каждой такой победой, голос надежды звучал во мне всё громче, а вместе с ним воскресла и стала всё больше укрепляться вера в то, что в очередной раз всё обойдётся, что всё будет хорошо. Я окончательно пришёл в себя и понял, что лежу на соломе в каком-то полном мрака помещении, скорее всего в тюремной камере. Где я? Как я сюда попал? Ничего не помню....

Попытка вспомнить, что произошло, вызвало у меня острый приступ головной боли. В сознании возник калейдоскоп ярких картинок, которые с огромной скоростью проносились перед моим внутреннем взором. Они проносились с такой скоростью, что ни одну из них я не смог запомнить, и это вызывало во мне широкий спектр чувств преимущественно негативного плана – от испуга до ощущения полной своей

беспомощности. Внутри начиналась паника, а вдруг это навсегда, вдруг я всегда буду таким. В ответ на это тело моё свели жестокие судороги, меня бросало то в жар, то в холод, я сильно вспотел, а дыхание стало таким, словно я только что пробежал этак километров десять. Не знаю, сколько это продолжалось и чем бы это для меня кончилось, но вдруг где-то в глубине меня прозвучал спокойный уверенный голос, который посоветовал мне успокоиться, что ничего страшного не произошло, просто у меня заблокировано сознание.

Это заявление, как-то сразу успокоило меня, задавив панику в самом зародыше. Сразу же вернулась возможность логически мыслить, что ещё больше успокоило меня. Я быстро составил логическую цепочку – раз меня сразу не убили, значит, я им зачем-то нужен, иначе они не притащили бы меня сюда. Это раз. Раз зачем-то мне блокировали сознание, значит, кто-то хочет, что бы я забыл что-то важное. Возник вопрос – важное для меня или для того, кто заблокировал моё сознание? Скорее всего, важное и для меня, и для того, кто захватил меня, именно поэтому меня и не убили. Это нужно запомнить. Это точка, в которой сходятся как мой интерес, так и интерес моего врага. Здесь есть шанс выйти сухим из воды. Знать бы ещё, кто мой враг.

Эти логические построения окончательно успокоили меня, да так, что даже тело моё почти перестало болеть и мне удалось сесть. Боль была терпимой, только слегка кружилась голова. Я убедился, что тело, хотя и с трудом, но всё

же подчиняется мне – это внушало надежду, которая, получив столь солидную поддержку, окончательно расправилась с незваными гостями души моей. Настроение моё значительно улучшилось, но зато захотелось пить. Да, многое бы я сейчас отдал за глоток простой воды. Но воды не было, значит, нужно терпеть.

Подведём промежуточный итог моим размышлениям. Мой враг, или враги, лишили меня сознания и захватили в плен. Что-то им от меня нужно, знать бы ещё что. Тело моё, с горем пополам, но всё же слушается меня. Вот, пожалуй, пока и всё. Ну, что же и это немало.

В голове возникает неожиданный вопрос – а, что это я до сих пор не проверил, доступна ли мне сейчас магия? Значит, я владел магией; интересно, откуда я это знаю? Для проверки моих магических возможностей я избрал заклятие, позволяющее видеть в темноте. Только я этого захотел, сразу же в памяти моей возникли слова заклятия, которые я и произнёс, с трудом ворочая непослушным языком. В камере, а это действительно была тюремная камера, посветлело, но это не добавило мне информации о моём местоположении, разве что подтвердило то, о чём я и сам догадывался. Камера моя являлась самым обычным каменным мешком, без окна и какого-либо освещения. Голые сырые каменные стены, вместо туалета отверстие в углу, вместо постели – охапка гнилой соломы, вот и всё убранство; да ещё, чуть не забыл, массивная дверь окованная полосами железа. И зачем здесь зрение?

По-моему лишь для того, что бы я не забывал, что нахожусь в тюрьме.

Надежда во мне опять начала слабеть, а мои страхи наоборот подняли головы, стремясь взять реванш за прошлый проигрыш. Я старался изо всех сил не впадать в уныние, но что-то это плохо получалось. Не помогло даже то, что я отключил ночное зрение, что бы не видеть своей тюрьмы, поэтому, когда я услышал лязг отодвигаемого засова, я даже обрадовался, пусть даже пришли за тем, что бы проводить меня на эшафот, это всё же лучше, чем проклятая неопределённость.

Дверь отварилаь, и в первое мгновения меня ослепил свет факелов, которые принесли с собой пришедшие по мою душу люди. Когда зрение моё восстановилось, я увидел перед собой двух хмурых мужиков в одежде ордена Обсерватории. Нет, я бы не сказал, что они как-то неприязненно смотрели на меня, скорее всего, я был им глубоко безразличен, а они просто выполняли свои обязанности. Увидав, что зрение моё в порядке, они молча подхватили меня, завернули руки за спину и куда-то потащил по коридору, скупо освещённому светом факелов. Куда меня тащили, я не знал, да, честно говоря, мне было не до раздумий – еле успевал переставлять ноги. Пройдя коридор, мы стали подниматься по винтовой лестнице. Стало светлее, и мои конвоиры оставили факела на одной из промежуточных площадок, воткнув их в специальные держатели. Идти было тяжело – силы ещё не верну-

лись ко мне, и поэтому конвоирам пришлось буквально тащить меня волоком.

Наконец лестница кончилась, и я оказался в комнате, где кроме моих конвоиров находилось ещё несколько монахов ордена Обсерватории. Они очень ловко одели на мои руки и ноги кандалы, затем, окружив меня со всех сторон, повели через небольшую площадь, мощённую каменными плитами, в направлении двухэтажного здания, что стояло на другой стороне площади. Мне удалось осмотреться, и я увидел, почти над самой моей головой, чёрную пирамиду с яростно сияющим на её вершине шаром. Всё понятно – я нахожусь в Обсерватории. Значит, меня захватили жрецы Обсерватории. Интересно, что им от меня нужно.

Особо поразмышлять мне не дали, быстро провели меня через площадь и ввели в здание, которое, как снаружи, так и внутри имело более чем скромный интерьер. Мы оказались в небольшой прихожей, где мои конвойные остановились, а старший конвоя скрылся за одной из дверей, выходящих в прихожую, видимо пошёл доложить о моём прибытии, догадался я. Не прошло и минуты, как он вернулся, и стража буквально втолкнула меня в комнату, из которой только что вышел старший конвоя.

Я оказался в просторной комнате, вся обстановка которой состояла из массивного стола, стоящего против входной двери и единственного стула, стоящего напротив стола в некотором отдалении от стола. Стул, видимо, предназначался для

меня.

За столом сидели три человека, скорее всего судьи, одного из них, я знал. Увидев его, я тут же всё вспомнил, но легче мне от этого не стало. Значит, сложнейшая операция Серой империи с треском провалена, и я отчасти стал виновником этого провала. Вот уж действительно попал из огня да в полымя. По всему видно, что моя карьера разведчика Серой империи, подходит к финалу, если эти меня не угробят, то свои точно прикончат. Ну, что же, значит, такова моя судьба. Эх, не бывать мне генералом. Жаль только моих ребят. Хоть бы догадались поскорее смыться отсюда.

Задумавшись, я несколько замешкался и один из конвойных достаточно ощутимо ударил меня под рёбра, там, где печень. Это подействовало, и я стал быстрее переставлять ноги. Меня подвели и усадили на тот одинокий стул, как я и думал, что он приготовлен для меня.

Как я уже говорил, судей было трое. В центре сидел осанистый старик, скорее даже старец, облачённый в мантию ордена Обсерватории. Судя по богатой серебряной вышивке, что оторачивала края его мантии, он занимал довольно высокий пост в иерархии ордена. Справа от него сидел высокий человек средних лет с правильными чертами лица аристократа, одетый в роскошный камзол. Кто он такой и какое отношение имеет к Обсерватории, я не имел понятия, да, честно говоря, мне было на это наплевать. Третьим же судьёй оказался моё знакомый по придорожному кабачку «Имперская

шпора» был Кувай, который очень хотел, что бы его считали Джоном Мильтоном. Я сразу понял, что это именно он пленил меня, закрыв моё сознание на пороге того злополучного дома в трущобах.

Я сидел на своём стуле и исподтишка поглядывал на «судей», которые самым внимательным образом рассматривали меня так, словно я был каким-то редким животным. Ладно, пусть их смотрят, от меня не убудет. И так, я сижу на стуле, эти трое смотрят на меня и молчат, ну и я тоже молчу, держу, как говорится, марку, а на душе моей почему-то полный покой, даже самому удивительно, словно меня это всё вовсе не касается.

– И так, ты полковник Кварг, командир отряда дальней разведки Серой империи, – толи спрашивал, толи утверждал, старец, прервав, наконец, молчание, видимо насладившись созерцанием моей особы. – Меня зовут Маргус, я верховный жрец ордена Обсерватории. Этот человек справа от меня, некоронованный повелитель подземелий столицы Крон, и наконец, молодой человек слева, ни кто иной, как Кувай, законный наследник трона Повелителей драконов. Ну, с ним ты кажется знаком.

– Не скажу, что близко, но так, встречались, – с сарказмом ответил я.

Молчать мне не было смысла. Судя потому, что сказал Маргус, который прекрасно осведомлён обо мне и моей миссии, Кувай всё же сумел прочесть меня. Не даром же он

той ночью впал в транс. Но как осторожно он это сделал, я даже ничего не почувствовал. Знать бы ещё, как много ему удалось прочитать. Поэтому строить из себя героя и гордо молчать под пыткой, сейчас неуместно. Мне дважды в своей жизни пришлось быть подвергнутым пыткам, и скажу, что это удовольствие на любителя, к каковым я не отношусь, поэтому я решил говорить, но говорить ровно столько, сколько нужно будет мне, а сам тем временем попытаюсь разгадать планы Кувая. Как же я тогда заблуждался, но об этом разговор будет позднее....

– Мы, спасибо Куваю, всё о тебе знаем, – продолжил верховный жрец. – Поэтому допрашивать, а тем более, судить тебя мы не собираемся. Мало того, мы тебя отпустим, и не будем преследовать, ты всего лишь исполнитель чужой воли.

Закончив говорить, он сделал знак и с меня сняли оковы.

– Ты свободен и волен распоряжаться собой по своему разумению, – объявил Маргус.

Сказать, что я был удивлён, слишком мало. Я был раздавлен. Уж чего-чего, а такого поворота в своей судьбе я уж точно не ожидал. Какое-то время я сидел, опустив голову, не в силах поверить, что свободен. Как только первое удивление прошло, передо мной встал вопрос – куда мне теперь податься? Вернись я в Серую империю с докладом, что задание провалено, меня ожидал бы немедленный арест, допрос с пристрастием и мучительная смерть. Ну, допустим, я это заслужил, но ведь то же самое ожидает и моих ребят, кото-

рые уж точно не имеют никакого отношения к провалу операции. Так, что из Обсерватории я уйду, а вот, что делать потом – ума не приложу. Тут мои скорбные размышления прервал Кувай.

– Уважаемые, Маргус и Крон, – спокойно сказал Кувай. – Я, пожалуй, оставлю вас и провожу этого несчастного человека. Если позволите, я прежде проведу его в трапезную и накормлю, а то как-то нехорошо отпускать гостя голодным.

Да, конечно, – ответил Маргус. – А как же допрос агента и связного?

– Ну, это вы можете и без меня, – махнул рукой Кувай. – Вы и сами хорошо умеете это делать. К вечеру я вернусь, и вы мне всё расскажите.

Он встал из-за стола, и, подойдя ко мне, слегка коснулся моего плеча.

– Пойдём со мной, – спокойно, как хорошему знакомому, сказал он.

Я встал и нехотя пошёл за ним, но здесь, на территории обсерватории не было моей воли, так что хошь не хошь, а иди куда ведут. Мы вышли из комнаты суда, так я её назвал, хотя, конечно, это была обычная комната для советов, где собирались члены ордена для решения текущих вопросов ордена. Выйдя из комнаты, опять в прихожую мы собрались пройти в другую, как я понял, трапезную; Кувай уже взялся за ручку, как в это время открылась наружная дверь, и в прихожую под конвоем ввели того, с кем ещё вчера я сражался в маги-

ческом поединке. Как он изменился! Вместо оплывшего от сытной жизни, самоуверенного человека, я увидел перед собой буквально развалину. Лицо его за одну ночь осунулось так, словно он не обедал, по крайней мере, месяц. В глазах застыли ужас и отчаянье.

Увидев меня в обществе Кувая, он разразился ужасными проклятиями в мой адрес, справедливо считая, что я являюсь непосредственным виновником его провала. В этом он был отчасти прав, но лишь отчасти. Да, я являюсь косвенным виновником провала нашего агента, но лишь косвенным. Вся моя вина заключалась в том, что я позволил Куваю прочесть мою память, но хотел бы я увидеть человека, который смог бы ему в этом помешать. Так что предателем я себя не ощущал.

Арестованного увели на допрос, а Кувай, отворив дверь в трапезную, пригласил меня проходить, что я и сделал. Усевшись за большой стол, Кувай, которого, похоже, здесь все знали и уважали, распорядился подать обед. Только сейчас я почувствовал, как проголодался. Ещё бы, уходя на встречу с гонцом, я не пообедал, а поужинать, по известным вам причинам, мне не удалось.

Обед был превосходный. Сочное жареное мясо истекало ароматным соком, а пахло так, что даже сытый человек вряд ли бы смог устоять. Закуски тоже были на высоте, как и свежий ароматный хлеб. Про вино я вообще молчу. Короче накормили меня от души.

Когда я наелся и не смог уже съесть ни кусочка, как-то незаметно для самого себя у меня с Куваем завязался разговор. Первым делом он спросил, почему у меня оказалось два кристалла. Мне пришлось ему подробно рассказать всё, что произошло в том доме в трущобах. Кувай самым внимательным образом выслушал меня, после чего спросил:

– Послушай, Кварг, – осторожно начал Кувай. – Что ты теперь намерен делать? Как я понимаю, дорога домой тебе и твоим товарищам заказана.

– Не знаю, – просто сказал я.

– Я бы мог тебе помочь, если ты, конечно, сам захочешь, – продолжил Кувай, наливая себе и мне вина. – Мне почему-то кажется, что мы нужны друг другу, а главное делу, которому я служу, да и ты тоже, просто ты пока об этом не знаешь.

Сказав это, Кувай не спеша стал пить вино, видимо проверяя мою реакцию на его предложение. Такого предложения я, конечно, не ожидал и был немного сбит с толку. С одной стороны, его предложение очень смахивало на вербовку, а с другой, я в его голосе уловил интонацию искреннего сочувствия мне. Что-то надо было ответить, а я не знал что. Поэтому я решил тянуть время и пока ничего не отвечать.

Кувай, видимо понял выбранную мной тактику осторожного выжидания, и с улыбкой пил своё вино, время от времени бросая на меня короткие, как вспышка молнии взгляды, от которых сердце моё прокалывала ледяная игла страха. Я с ужасом понимал, что наследник престола, играючи счи-

тывает мои мысли, но что-либо противопоставить этому не мог. Все мои попытки выставить защиту, ни к чему не приводили, Кувай ломал мою защиту с такой лёгкостью, что я даже заподозрил, что он её просто не замечает.

– Успокойся, Кварг, – спустя примерно пять минут заговорил Кувай. – Мне вовсе нет нужды ни читать тебя, ни вербовать в свои ряды. Ты обречен быть с нами, своей собственной судьбой, иначе просто погибнешь без всякой пользы для нашего общего дела, а что оно действительно наше общее, ты очень скоро сам убедишься.

– Извини меня, но я почти ничего не понимаю, – осторожно сказал я. – Что за общее дело? С чего ты взял, что у нас могут быть общие дела? Ты не забыл, что Серая империя и империя Повелителей драконов непримиримые враги, а значит и мы с тобой враги? Разве у нас могут быть общие дела?

– Я тебя понимаю, – спокойно заговорил Кувай. – Постараюсь ответить на твои вопросы и доказать, что ты сильно заблуждаешься, правда, не по своей вине. Прежде, чем отвечать тебе, хочу поставить тебя в известность – я, как и ты, побывал у Вселенского маятника, где встречался с Великими сёстрами. Я знаю, что ты понял там тот великий обман, который ты впитал с молоком матери и после этого возненавидел своих, так называемых Благих Богов, которые по сути никакие не Боги, а обычные вампиры, правда, вселенского масштаба.

Он замолчал, давая мне время осмыслить его слова. А

осмыслить было что. Я не ожидал, что этот молодой человек, который раз в десять моложе меня, сумел за столь короткое время продвинуться так далеко, что был удостоен встречи с Великими сёстрами. Да, сразу видно, что у него были, в отличие от меня, хорошие учителя. После его слов, я уже примерно знал ответы на свои вопросы, мало того, я заранее принял их, однако, я не стал забегать вперёд и решил выслушать Кувая до конца.

– Ты спрашиваешь, какое у нас может быть общее дело? – продолжил Кувай. – Ну, хотя бы общая борьба с вампирами, провозгласившими себя Богами, да ещё и благими. Разве это не общее наше дело? Ведь от них страдают не только многие миры, но и народ самой Серой империи. Они враги для любого человека, в каком бы мире тот ни жил. Что же касается вражды между нашими империями, то я полагаю, ты и сам уже понял, что она искусственно раздута всё теми же вампирами, весь смысл бытия которых, заключается в похищении жизненной силы, у всего, что ей обладает. Я видел множество некогда цветущих, полных жизни миров, из которых были высосаны все жизненные силы, которые эти вампиры превратили в мёртвые оболочки. Вот в том, что бы остановить их деятельность, пойми не народа Серой империи, а лишь Богов самозванцев, мы вполне сможем сотрудничать. Надеюсь, я ответил на твои вопросы? Примерно это я и ожидал услышать и против этого я ничего не имел. Внутренне я уже сотрудничал с Куваем, только никак не мог принять

то обстоятельство, что его учитель и друг, совсем недавно, перебили куче подданных Серой империи.

– Ваши намеренья мне понятны, – осторожно начал говорить я. – Что касается Благих Богов, то тут я на вашей стороне. Меня смущает только одно обстоятельство. Ты и твои единомышленники убили множество подданных Серой империи, а я ни за что не могу и не буду воевать против своих. Вот поэтому мы вряд ли сможем сотрудничать.

Закончив говорить, я сделал большой глоток вина, ожидая, чем на мои слова ответит Кувай. Он, как и я, сделал солидный глоток и всё так же мягко, не проявляя никаких эмоций, стал отвечать мне.

– Да мне пришлось убивать серых всадников, но лишь затем, что бы они не убили меня и моих друзей, – говорил Кувай. – Да, мой Учитель и Джон Мильтон почти полностью перебили армию вторжения серых в один из миров. Всё это так. Но теперь посмотрим почему мы это делали. Мы воины и наш долг сражаться с такими же воинами, как мы сами. Заметь Кварг, мы сражаемся только с воинами. Армия вторжения Серой империи стремилась захватить очередной мир и убивала всех, как воинов, так и мирное население, а это уже преступление. Так что вылазка Странника спасла миллионы человеческих жизней, которые, в случае удачного вторжения были бы обречены либо на смерть, либо на беспросветное серое прозябание в качестве рабов Серой империи, отдавая свои жизненные силы вампирам. Учитель и Джон, сорвали

планы вампиров и тем самым спасли множество людей, убив при этом несколько десятков тысяч воинов, подчёркиваю – воинов, Серой империи. Мало того, Удар Странника так напугал ваших богов, что они на время прекратили свою агрессию в соседние миры. Тем самым было спасено столько народ, что и представить себе невозможно. Да, что бы сделать это, пришлось убить ваших воинов, но без этой цены, нам ни за что не одолеть вампиров. Скажу больше, Странник обладает таким объёмом Древней силы, что вполне может один уничтожить всю Серую империю со всеми её обитателями, но он никогда на это не пойдёт. Все мы, кто противостоит вам, с ним совершенно согласны – мы никогда не будем убивать мирных жителей Серой империи, да и ваших воинов без крайне на то необходимости. Пойми, мы совсем не те кровожадные убийцы, как внушают вам прихлебатели вампиров. Что поделаешь, хотим мы того или не хотим, но между нашими государствами война, хотя до последнего времени, между нами не было вооружённых стычек. Заметь, что до того, как ваши эмиссары стали проникать к нам, мы и понятия не имели о существовании Серой империи, а соответственно не испытывали, да и не могли испытывать к вам вражды. Вражду посеяли ваши серые монахи, поэтому и вы в ответ получили вражду.

Кувай замолчал, переводя дух. Всё, что он сказал, я прекрасно знал и был с ним полностью согласен. Да, Серая империя – не подарок, но, как говорится, Родину не выбирают.

Что-что, а чувство патриотизма впитывалось в нас вместе с материнским молоком, затем тщательно взращивалось за время учёбы, и вся дальнейшая моя служба проходила под знаком патриотизма, закреплённым присягой. Именно патриотизм явился для моей старой части сознания последним рубежом, на котором она, после разгрома учинённого Великими сёстрами, закрепилась, и уходить с которого не собиралась.

Нет, не подумайте, что патриотизм, это что-то недостойное, если это, конечно истинный патриотизм, который подразумевает любовь к Родине. Каждый человек должен любить землю, на которой он родился, но у нас в Серой империи, где всё основывается на страхе и лжи, любовь к Родине хитро подменена любовью к государству, а это значит к Благим Богам. Именно этот ложный патриотизм и отстаивала сейчас старая часть моего, некогда единого сознания.

– Полностью с тобой согласен, – ответил я Куваю. – Но в меня так долго вдалбливали любовь к Благим Богам, что отказаться от ложных понятий не так-то просто. На это требуется время, которого, как я понимаю, у нас почти не осталось.

– Ты правильно понимаешь, что времени у нас действительно мало, – вновь заговорил Кувай. – Так что, как бы не было трудно, но старые заблуждения следует изживать и как можно быстрее. Скоро грядут важные события, которые всё расставят по своим местам, а кто не сможет соответствовать

новым условиям – обречены. Я прекрасно понимаю, что ты не можешь выступить против своих, да это от тебя и не требуется, но выбрать за Родину ты или за своих Благих Богов ты обязан. Нет, не подумай, что я тебе навязываю выбор, во-все нет. Сама жизнь ставит тебя перед этим выбором. Я не думаю, что твоё общение с Великими сёстрами прошло для тебя бесследно. Ты сам прекрасно понимаешь, что тебе придётся выбирать, и лучше, если ты будешь готов к этому выбору.

Он прервал свой монолог, что бы промочить горло. Я молчал, но вовсе не потому, что нечего было сказать, а потому, что нет смысла повторять очевидные истины.

– Понимаешь, Кварг, – продолжил Кувай. – Не смотря на мою молодость, мне пришлось делать выбор, тем более, что особого выбора у меня, в общем-то, и не было. Я его сделал и ни разу об этом не пожалел, хотя то, что мне придётся сделать в ближайшие год-два, очень мне не нравится, но сделав выбор, я взял на себя за него всю ответственность. Ты можешь спросить, почему я с раннего детства стал врагом Серой империи? Всё очень просто, это благодаря ей я был лишён детства, а если бы не Ляргус с Азаром, меня, скорее всего, просто бы убили. Это благодаря ей я никогда не видел ни отца, ни матери, которых мне заменили мои учителя и товарищи. Это она опустошает целые миры, заваливает их кучами трупов. Это она превращает ваш народ в злобных убийц и тупых рабов. Это к ней у меня претензии, а вовсе

не к обманутому народу, который является слепым орудием ваших Благих Богов.

Он опять сделал передышку, предлагая мне как-то среагировать на его слова. Но что я мог сказать? Похоже, свой выбор я тоже сделал ещё там, возле Вселенского маятника. Пусть он не был таким конкретным, как у Кувая, но и условия принятия решения у нас тоже кардинально отличаются. Он принимал решение считать врагом некоего внешнего противника, а мне предлагается считать врагом тех, с именем кого я родился и жил всю свою жизнь. Примерно это я и сказал Куваю, который выслушал меня с большим пониманием.

– Да, я понимаю тебя, Кварг, – выслушав меня, заговорил мой собеседник. – Да, ты прав. Я осуществил свой выбор в гораздо лучших условиях, чем у тебя. Самое главное, что я был тогда ещё ребёнком и надо мной не довлел багаж воспитания. Поэтому мой выбор мне достался без больших усилий. Я понимаю, что на тебя давит груз прожитых лет и многолетние привычки, поэтому, хотя ты и сделал свой выбор, но для того что бы отказаться от багажа прошлого, требуются огромные усилия с твоей стороны, но зато и ответственность у тебя несравненно меньше, чем у меня.

Последние слова Кувай произнёс с лёгкой горечью, которая меня насторожила.

– Если можно, поясни мне, что ты имеешь в виду, говоря о разном уровне ответственности у меня и у тебя? Почему ты считаешь, что твоя ответственность больше, чем моя? Если

это так, то в чём причина этой разницы? – спросил я Кувая.

– Сейчас я открою тебе тайну, за которую ваши «боги» отдали бы, что угодно, – с грустной улыбкой сказал Кувай. – Моя личная ответственность предусматривает то, что я должен в скором времени, своими руками, уничтожить империю Повелителей драконов.

Он замолчал, наблюдая за моей реакцией. Я же даже раскрыл рот от удивления. Ещё бы, я ожидал чего угодно, но только не этого, а самое главное, что его заявление, если, конечно, он не пошутил, на мой взгляд, было совершенно абсурдно. Я ожидал, что он будет говорить об его ответственности по обороне своей империи, либо, что-то подобное, а он заявил, что сам должен уничтожить свою империю.

– Я не понял, почему ты сам должен уничтожить собственную империю, вместо того что бы попытаться уничтожить мою? – задал я вопрос.

– Ну, тут всё просто, – ответил Кувай. – Странник считает, и я в этом полностью с ним согласен, что прямое военное столкновение с вами ни к чему хорошему не приведёт, а только истощит наши ресурсы – уж больно сильна на этот час Серая империя. Значит нужно сделать так, что бы Серая империя, потеряла интерес к нашему миру. Значит необходимо убрать отсюда то, ради чего твоя страна стремится захватить нас. Как ты понимаешь, то, что влечёт ваших «богов» на наши земли, это вовсе не наша империя, а Обсерватория, как постоянный источник силы. Вспомни Вселенский маятник и

ваши попытки проникнуть к нему. Но маятник лишь обеспечивает равновесие Мироздания, а Обсерватория является главным распределительным центром силы Мироздания. Вот главная цель ваших «богов», только они не знают одного, что, как Вселенский маятник, так и Обсерватория, разумны и обладают собственной волей, которая ни как не совпадает с волей Серой империи. Так что вам ни при каких обстоятельствах не захватить Обсерваторию, она будет перенесена в недоступное для вас место, и я буду вынужден сделать это, когда наше противостояние с вами достигнет опасного уровня. При этом от города останется только пепел, а Серая империя потеряет всякий интерес к нашему миру. Не зря же меня многие называют Последним драконом.

Он опять замолчал, а я сам себе задал вопрос – смог бы я на месте Кувая разрушить собственную империю, лишь бы не позволить врагу воспользоваться силой Мироздания? Ответа на него у меня не было, но зато я, пусть не полностью, но в первом приближении ощутил, какую тяжесть носит на своих плечах этот рыжеволосый молодой человек. Мои же сомнения, на фоне огромной ответственности Кувая, показались мне настолько мелкими, что мне стало даже немного стыдно.

– Послушай, Кувай, – задал я вопрос. – А в чём состоит моя ответственность? Чем я должен заплатить за свой выбор?

– Здесь я ничего конкретного я сказать не могу, – немного

подумав, ответил Кувай. – Ты сам должен определить свой долг, который и станет твоей ответственностью за выбор. Внимательно слушай себя и ответ придёт. Наверняка могу сказать лишь одно – с «благими богами» тебе теперь не по пути. Я не тороплю тебя с ответом, подумай хорошенько, а когда что-либо решишь, свяжись со мной.

Он достал из кармана небольшой, невзрачный на вид, камешек, размером с мелкую монету, подвешенный на простом кожаном ремешке, для ношения на шее.

– Вот, возьми этот камень, – сказал Кувай, протягивая мне свой талисман. – Если захочешь со мной встретиться, возьми его в правую руку и крепко зажми в кулаке. В течение минуты я отзовусь, где бы ни находился. -

Я взял талисман Кувая и сразу же повесил его на шею, тем самым показывая, что я принимаю его предложения. Он меня понял и неожиданно подмигнул правым глазом, давая понять, что мы поняли друг друга. Я уже собирался встать, что бы покинуть это гостеприимное место, но Кувай остановил меня.

– Задержись ещё на минуточку, уважаемый Кварг, – попросил Кувай. – Нам осталось решить пару вопросов. Первый вопрос – что ты намерен делать дальше? Выполнишь ли ты приказ Архонта?

– Как же я могу выполнить приказ, если дело провалилось? – с горечью ответил я вопросом на вопрос.

Всё же была уязвлена моя профессиональная гордость –

дело-то было провалено, что мне, как разведчику не делало чести.

– Ну, тут ты не прав, – быстро ответил Кувай. – То, что дело провалилось, знаем лишь мы с тобой, да ещё люди Обсерватории, а они никогда своих тайн не выдают. Так что твоё начальство ни о чём не догадывается. Что тебе помешает выполнить задание и передать кристалл агента Архонту?

Чего-чего, а этого я никак не ожидал. Во мне вновь ожила надежда. Значит, Кувай хочет, что бы я передал кристалл Архонту. Конечно, он уже прочитал оба кристалла и наверняка заменил информацию агента на свою. Вот это мне нравится. В такую игру я, пожалуй, сыграю.

– Я готов рискнуть, – дал я своё согласие.

– Вот и хорошо, господин генерал – с улыбкой сказал Кувай. – Я и не сомневался в тебе. А вот, что делать с твоим отрядом? Насколько я знаю, ты должен оставить его здесь и в одиночку отправиться в Серую империю. Значит, Архонт решил использовать тебя и твой отряд здесь. Это хорошо. Скорее всего, ты, передав кристалл, сразу же вернёшься. Вот тогда мы и поговорим. А то, что ты будешь служить у герцога Кейвалла – очень хорошо. Мы сможем всегда быть в курсе, что замышляют эти предатели – мои братья.

– Всё это так, – сказал я. – Только ты ошибся, я не генерал а всего лишь полковник, что и так для моего происхождения прекрасная карьера.

Вместо ответа Кувай дословно рассказал мне послание

Архонта агенту, где называл меня уже генералом. Особенно напрягло меня, будущее задание Архонта, поручить мне и моим ребятам захватить Обсерваторию. Я спросил Кувая, что он думает по этому поводу, но тот сказал, что об этом мы поговорим, когда я вернусь.

Вот так вот, быстро и незаметно даже для меня, был вербован лучший разведчик Серой империи, ваш покорный слуга Кварг.

Мы сидели с Кроном в его резиденции, пили вино и разговаривали. Комната, в которой мы находились, была обставлена с большим вкусом, что делала её очень уютной. Вино было превосходно, а разговор, который мы вели с Кроном, была очень важна, как для Крона, так и для меня. Ради этого разговора Крон и «похитил» меня.

Сначала разговор крутился, как говориться, вокруг да около. Я видел, что Крон рад нашей встрече, что было взаимно. Поэтому он расспросил меня о Ниннэль, о делах в Сегурии. Рассказал о последних новостях в столице. Я отвечал на его вопросы, а сам чувствовал, что все эти разговоры ни о чём, а главное, зачем Крон зазвал меня к себе ещё впереди, просто он никак не может решиться завести его со мной. Видя это, я решил ему помочь.

– Послушай, Крон, дружище, – сказал я. – Ты ведь пригласил меня сюда вовсе не для того, что бы обмениваться любезностями. Давай мы с тобой выпьем, и ты мне расскажешь, что тебя волнует.

Крон, улыбнулся, видимо для того, что бы снять напряжение, наполнил наши кубки и, подняв свой, произнёс тост:

« Я хочу выпить этот кубок за тебя, Кувай и за твоих друзей. Судьба свела нас всех в это тревожное время, так пусть же и дальше она ведёт нас по своим запутанным путям. На-

ше же дело – крепко держаться друг за друга, что бы никакие житейские бури ни смогли порвать нашу дружбу».

Он залпом осушил свой кубок. Я с энтузиазмом поддержал его тост. Прежде, чем заговорить Крон на пару минут задумался. Я не стал его торопить, молча сидел, потягивая мелкими глотками вино из своего кубка.

– Знаешь, Кувай, – задумчиво заговорил Крон. – Похоже, сама судьба свела нас сегодня с тобой. Прежде, чем я изложу тебе свою просьбу, прочти послание, которое передал для тебя твой отец царствующий Повелитель драконов.

Он встал, подошёл к небольшому изящному бюро, что стояло в углу, достал из него свиток с печатью Повелителя и с поклоном вручил мне. Я взял свиток с некоторым душевным трепетом – впервые в этой жизни я получил письменное известие от отца. Сломал печать и развернув свиток, я погрузился в чтение. Письмо было написано крупным размашистым почерком, так что читать было легко. Ясно было, что Повелитель писал это послание лично – вряд ли он доверил бы это кому-либо. Письмо было очень личным, поэтому я перескажу лишь общее его содержание.

Отец писал, что события развиваются очень стремительно, поэтому времени остаётся от силы год. Он делает всё, что бы протянуть время, но долго сдерживать уже созревшую ситуацию не сможет; поэтому мне необходимо через год явиться в столицу для встречи с моей матерью. Эта встреча послужит сигналом к активной фазе задуманной нами опе-

рации. Оказывается, мои братья под предводительством герцога Кейвалла, составили заговор с целью захвата власти. В их планы входит убийство Повелителей и коронование в Повелители принца Рогга. Отец писал, что главным в заговоре, является герцог, который рассчитывает в случае удачного мятежа, стать теневым правителем империи. Начало мятежа, они приурочили к моей аудиенции у Повелительницы, рассчитывая одним махом покончить и с Повелителями и со мной. Поэтому мне нужно будет прибыть в столицу, вполне официально такого-то числа (дату и время я до поры опускаю). Далее отец писал, что он в курсе наших дел и надеется, что и впредь всё пройдет, как было задумано. Далее была приписка, в которой отец писал, что Маргусу и Крону я могу доверять полностью, что именно они будут встречать меня во время моего официального визита в столицу, безопасность же моя будет возложена на личную гвардию Повелителей.

Прочитав письмо, я надолго задумался. У меня было какое-то двойственное ощущение. С одной стороны было великое облегчение, наконец-то определилось точное время, когда закончится пассивная стадия грандиозного по своим масштабам и последствиям замысла и начнётся его активная стадия. Целая сложнейшая система заклятий, которая создавалась десятилетиями, сначала Ляргусом и Азаром, затем Странником, Джоном, Марком, Яргустом ну и мной, конечно, будут приведены в движение, а начальной точкой этого

будет заклятие переноса Обсерватории в приготовленную ей вотчину.

С другой стороны было очень грустно. Я ясно понимал, что закончился, пожалуй, лучший период моей жизни, жизни, с детского возраста связанной с волшебством, приключениями и опасностями. Период, в котором я познал, вкус приключений, надёжность настоящей мужской дружбы, встретил свою первую и, надеюсь последнюю любовь. Короче, заканчивается период моей юности, заканчивается моё взросление. Было немного грустно прощаться с юностью, хотя я прекрасно понимал, что впереди ещё целая жизнь, причём жизнь, явно не скучная, а, скорее всего насыщенная многими интересными событиями, но, не смотря на это, было грустно. Мне почему-то вспомнилось прощанье с детством, там возле пещер в Сегурии, тот ночной полёт с Яргустом, когда, оставив детство своё в пещерах, я летел навстречу бурным событиям моего отрочества и юности.

Я встал, прошёл к горящему в комнате камину и бросил письмо отца в огонь, не хватало ещё, что бы оно попало в чужие руки. Убедившись, что бумага полностью сгорела, я ещё для верности пошевелил пепел кочергой. Я слышал, что существуют заклятия, способные прочесть даже сожжённую бумагу, а рисковать я не хотел. Покончив с этим делом, я вернулся за стол, где меня молча дожидался Крон.

– Что нового? – спросил он.

– Время заканчивается, – односложно ответил я и налил

себе вина. – Поэтому хватит ходить вокруг да около, говори, зачем я тебе понадобился. Я полностью к твоим услугам.

– Я знаю, Кувай, что скоро столице, а вместе с ней и империи, конец. Когда свершится перенос Обсерватории, здесь останется только выжженная пустыня, – с печалью в голосе заговорил Крон. – Я в курсе, что нынешний исход беженцев из столицы в последнее время направляется в различные вотчины. Спасибо вотчинникам, которые открыли свои вотчины для беженцев. Кстати, заметь, что бегут в основной массе люди приличные, по большей части мастеровые, предприимчивые. В городе же остаётся всякий сброд и сюда, как вороньё на падаль, устремились всякого рода проходимцы, искатели лёгкой наживы, авантюристы, которые только и ждут момента, что бы поживиться на гибели великой империи. Среди моих подданных, осмелюсь назвать их так, тоже полно проходимцев и негодяев, однако много и достойных людей. Я понимаю, что ты, Кувай не вправе решать, примут ли этих людей в Сегурии, где хозяин господин Азар, но ты смог бы его об этом попросить. Со свое стороны обещаю, что отберу лишь самых порядочных. Вот этот вопрос меня последнее время особенно волнует.

– Что же ты сразу не сказал мне этого, а то я всё ломаю голову, что тебя так тревожит? – с улыбкой ответил я на горячую речь Крона. – Я, конечно, не могу ничего гарантировать, кроме того, что, вернувшись в Сегурию, первым делом изложу твою просьбу Азару, а что он решит, знает лишь он,

хотя я почему-то уверен, что он не оставит вас на погибель. Это всё, что я могу тебе обещать.

Мои слова подействовали на Крона самым ободряющим образом, он улыбнулся, а с лица его сошла маска внутреннего напряжения, что так удивила меня при встрече, и он опять стал прежним весёлым и уверенным в себе человеком.

Другого ответа я от тебя и не ожидал, – с улыбкой сказал Крон и поднял свой кубок.

Я, в свою очередь, поднял свой, и мы выпили. Время было позднее, я очень устал, поэтому Крон, видя, что я зеваю, отправил меня спать, пообещав завтра чуть свет разбудить и отвести меня в Обсерваторию. Я не стал сопротивляться и спустя пять минут уже крепко спал.

Рано утром, как и обещал, Крон разбудил меня. Наскоро позавтракав, мы покинули гостеприимное жилище Крона, и пошли подземными коридорами в Обсерваторию. Я шёл следом за Кроном и не переставал удивляться, как он ориентируется в этом переплетении подземных ходов. Лично я, окажись один, непременно бы заблудился и ни за что не нашёл бы дороги назад. Крон же шёл так спокойно, как коренной горожанин ходит по улицам знакомого с детства города на поверхности. Наверное, долгая жизнь под землёй вырабатывает особую способность ориентироваться под землёй, совершенно недоступную нам, жителям поверхности. Менее, чем через полчаса, мы прошли через калитку в железной решётке, отделяющей землю империи от земли Обсерватории.

Мы сразу же прошли к Маргусу, который, не смотря на столь раннее утро, был в полной готовности произвести допрос наших пленников. Я попросил его с допросом не спешить, мне нужно было ещё кое-что сделать, что бы допрос дал нам максимальный результат. Он не возражал. Поинтересовавшись у нас, не голодны ли мы, и услышав, что мы только чуть-чуть перекусили, настоял на том, что бы отправиться в трапезную и хорошенько позавтракать.

– Кто знает, когда нам удастся пообедать, – мотивировал он свою настойчивость.

Спорить с верховным жрецом по поводу еды было бесполезно, поэтому нам с Кроном оставалось лишь подчиниться хлебосольному хозяину обители, тем более, что наша быстрая ходьба по паутине подземных ходов, пробудила у нас аппетит. У меня были дела, поэтому я быстро съел тарелку с кашей, выпил стакан молока и, сославшись на занятость, ушёл в свою комнату, предупредив моих товарищей, что бы без меня пленных не трогали.

Придя в комнату, я первым делом запер дверь и присел к столу. Успокоив поток мыслей, и очистив сознание от повседневной суеты, я достал кристаллы, которые забрал у бесчувственного Кварга. На первый взгляд они были совершенно одинаковыми, но это лишь на первый взгляд. Да, внешне они выглядели близнецами, но на самом деле они кардинально отличались, но не по виду, а по содержанию. Содержанием же кристаллов, являлась информация. Так вот, на одном из

этих кристаллов была записана информация агента, которая интересовала меня куда больше, чем информация второго кристалла, где был записан приказ агенту от Архонта, а может и самих Благих Богов. Я прекрасно знал, что догадаться, на каком из кристаллов записана та или другая информация по их внешнему виду просто невозможно, но я загадал себе, что если угадаю, на каком камне содержится донесение агента, то очень скоро увижусь с моей Ниннэль. Чушь, конечно, но все-таки. . . .

Какое-то время я сидел глядя на кристаллы, лежащие передо мной. Наконец взял наобум один из них. Положив его на ладонь правой руки и сосредоточенно, не моргая стал смотреть, стараясь сознанием погрузиться вглубь камня. Вскоре возник контакт. Всё пространство вокруг меня окрасилось в голубой цвет камня, и я понял, что сознание моё вошло в кристалл. Перед глазами появилось небольшое облачко светло-голубого тумана, образовавшего перед моим внутреннем взором некое подобие экрана. Вскоре на экране возник облик человека средних лет с полным, несколько обрюзгшим лицом, одетого в одежду Обсерватории. Я сразу же узнал агента серых. Слава Творцу, подумал я, значит, я угадал и скоро мне предстоит встреча с женой.

Агент заговорил, и я совершенно забыл обо всём на свете. Слушая его, я испытал самый настоящий страх, но не за себя, а за дело, которое мы все готовили столько времени. Попади этот кристалл по назначению, и весь наш план рас-

сыпался бы, как карточный домик. Это вызвало бы немедленное вторжение Серой империи, то есть большую войну, к которой наша империя совершенно не готова, особенно учитывая такое количество предателей среди правящей верхушки империи. Недаром герцог Кейвалл воспользовался моими братьями, что бы составить заговор против моих родителей именно в это время. Всё сходится, события происходят с такой скоростью, что только успевай поворачиваться.

Прослушав весь текст донесения агента, я надолго задумался. Да, нам несказанно повезло, что удалось перехватить это донесение, иначе даже не хочется думать, как развивались бы события. Что же теперь делать? Как поступить? Эти вопросы, раз возникнув, никак не желали отстать от меня, требуя от меня ответов, которых у меня пока что не было. Ладно, с ответами подождём, а пока попробую прочитать второй кристалл. Интересно, что приказывает своему агенту господин Архонт?

Я убрал кристалл агента в ладанку, висящую у меня на шее, что бы, не попусти Творец, не перепутать, после чего занялся вторым кристаллом. В нём содержался достаточно лаконичный приказ, который, с одной стороны, достаточно серьёзно меня насторожил, а с другой, подарил мне шанс исправить вред, нанесённый нашему делу шпионом.

Дословно приказ Архонта звучал следующим образом:

«Сим посланием, приказываю тебе, добыть ключи от заклятий, охраняющих и запирающих Обсерваторию и пере-

дать их генералу Кваргу. При невозможности исполнить это задание, следует отыскать способ, дабы пропустить на территорию Обсерватории отряд разведчиков генерала Кварга, дабы он мог захватить землю Обсерватории и удерживать её до подхода основных сил вторжения. Это твоё последнее задание, по выполнению коего, тебя ждёт великая награда».

Вот так вот, ни много, ни мало, они намерены силами отряда Кварга захватить Обсерваторию. Как всё точно рассчитали. Братья под руководством герцога Кейвалла свергают Повелителей и быстренько коронуют Рогга, а в это же время отряд серых захватывает Обсерваторию. Сразу же начинается вторжение войск Серой империи, успех, которого обеспечен – новый повелитель не оказывает противодействия, потому что уже давно продан серым. Да, перспектива, скажу я вам. Однако долго раздумывать и унывать, не было времени. Наоборот приказ Архонта подсказал мне ход, который позволит нам подкинуть серым дезинформацию, на которую они обязательно клюнут. Всего-то необходимо чуть-чуть подправить донесение агента и склонить к сотрудничеству Кварга, которого, как я понял, уже произвели в генералы. Первое, было технически сложно, но выполнимо, а второе.... Впрочем, прочитав Кварга, я не сомневался, что рано или поздно, он будет на нашей стороне. Хотелось всё же, что бы это произошло пораньше.

Всё, решение принято, пора заняться пленными, но

прежде следует поговорить с Маргусом и Кроном. Я убрал послание Архонта отдельно от кристалла агента, чтобы не перепутать и отправился к друзьям, которых нашёл в трапезной, где они дегустировали вино.

Я подсел к ним, и мой кубок тут же был наполнен. Мы выпили, и я попросил рассказать, кто такой этот агент серых. Я запомнил, что Маргус вчера как-то болезненно воспринял мой вопрос и отказался говорить, сославшись, на то, что нам нужно было быстрее уходить. Сейчас же я решил получить от него ясный ответ, тем более, что лицо агента показалось мне смутно знакомым, правда, где я его видел, никак не мог вспомнить.

– Шпионом оказался наш отец-эконом, – опустив голову, ответил Маргус. – Он вот уже лет двадцать занимает эту должность и, конечно, был вне подозрений. Ты его мог видеть мельком, когда впервые появился в Обсерватории. Его имя Сатур. Мне стыдно признаться, что я оказался настолько близорук. Это всё моя проклятая самонадеянность и доверчивость. Никогда такого не было, что бы в ордене хоть раз был выявлен вражеский шпион. Ни я, ни мой предшественник об этом не слышали. Кроме того, мы все свято верили, что это просто невозможно. Видимо всё вокруг настолько изменилось, что стало возможно всё. К сожалению, в ордене отставка не предусмотрена.

Мне его было по-настоящему жаль. Я не мог себе даже представить, что бы ощущал, я случись, что среди моих

близких вдруг оказался бы предатель. Однако жалость жалостью, а дело оставалось делом, и делать его нужно было нам, ведь никто за нас наши дела не сделает.

– Ладно, друг Маргус, тут нет твоей вины, – сказал я. – Самое главное, что мы его всё же взяли. Страшно подумать, что бы было, если бы его донесение попало в Серую империю.

– Ты, сумел прочитать его донесение? – спросил Маргус – Интересно, что он там написал.

– Конечно, это не сложно, когда знаешь, что делать, – ответил я. – А в донесении он практически изложил всё, что мы задумали, в общих чертах, разумеется.

У Маргуса и Крона вытянулись лица, когда они услышали, что серые могли узнать всё о наших замыслах.

– Интересно, как простому отцу-эконому, удалось так подробно узнать о наших планах? – с удивлением спросил Крон. – Этот Сатур должно быть очень ловкий человек.

– Всё дело ни в ловкости Сатура, хотя и в этом ему нельзя отказать, а в нашей собственной беспечности, – подавленно сказал Маргус. – Мы так привыкли, что к нам не может проникнуть ни один шпион, что вели разговоры, особо не скрываясь, а у Сатура есть одно интересное качество – он умеет быть незаметным. Он вроде есть, но его никто не замечает – прекрасное качество для шпиона.

– Что же теперь нам делать? – опять спросил Крон. – Необходимо поскорее уничтожить это проклятое донесение.

Надеюсь, Кувай, ты так и сделал.

– Ни в коем случае, – ответил я. – Наоборот, его как можно быстрее нужно доставить адресату, поэтому мне потребуется Кварг, тем более, что про него я и так всё знаю, так что допрашивать его нет смысла. Когда его приведут в комнату для допросов, ты, Маргус объяснишь ему, что мы всё про него знаем, а затем я его заберу, он мне нужен для дела.

Я вовсе не собирался никого посвящать в детали задуманной мной операции, но не потому, что не доверял им, а так, на всякий случай. Просто в таком деле, какое я хотел провернуть, чем меньше посвящённых, тем лучше.

Мои слова вызвали у Маргуса и Крона, удивление, граничащее с шоком. Они смотрели на меня так, словно я прямо тут, на их глазах повредился умом, и теперь несу чушь несусветную. Крон даже, правда, в шуточной форме пощупал мой лоб, на предмет – нет ли у меня температуры. Это вызвало у меня приступ смеха – я был доволен, что мне удалось так их удивить.

– Успокойтесь, друзья мои, – отсмеявшись, сказал я. – С головой у меня всё в порядке, а подробности узнаете позже. Ваше дело допросить Сатура и связного. Особо выясните у связного, с кем в городе он имел дело.

– Надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, – после недолгого раздумья, сказал Маргус. – Мы со своей стороны сделаем всё, что ты сказал. Только будь осторожен, в городе полно шпионов серых, а твою рыжую шевелюру за версту видать,

да и портреты твои есть у каждого городского стражника.

Мы выпили по кубку вина и отправились в комнату для допросов, куда по очереди должны будут доставляться наши пленники. Мы уселись за длинный стол, и Маргус приказал привести Кварга.

Его привели закованным в ручные и ножные кандалы. Выглядел он усталым, но страха я в нём не заметил, скорее он был весь внутренне собран, хотя внешне выглядел, как человек полностью равнодушный к собственной судьбе. Да, это был сильный духом человек, совсем не тот, умственно ограниченный садист, какими мы раньше представляли серых всадников. Я представил себе, что сейчас творится в его душе и зауважал его. Представьте себе, что вы опытный разведчик, прошедший, как говорится, Крым и Надым, блестяще прошедший сотни сложнейших операций, и вдруг такой провал в деле, которое спокойно мог сделать обычный курьер. И вот, этот человек, только что переживший крах всей своей жизни спокойно изображает перед нами полное равнодушие к своей участи, что говорит о его мужестве, а мужественный враг заслуживает уважения.

Я обратил внимания на Кварга ещё в кабачке «Императорская шпора». Он привлёк моё внимание своей решительной уверенностью, то есть, это был человек уверенный в себе, но в отличие от множества уверенных в себе людей, этот был постоянно готов действовать и действовал при первой возможности, причём действовал так точно, как хорошо от-

регулируемый механизм. Это хорошо было видно в той манере, как он управлялся со своей бандой отъявленных головорезов, которые слушались его как смиренные овечки своего пастуха, хотя, конечно, они были далеко не овечки. Вот с таким человеком свела нас судьба, и этот человек сидел сейчас передо мной закованный в цепи и делал вид, что всё происходящее его никак не касается. Такого человека, даже если он враг, терять было жаль, и я решил, что он должен стать для нас уж если не другом, то хотя бы союзником, тем более, что Великие сёстры в этом деле были на моей стороне. Именно на этом расчёте, строился мой план, как избежать последствий предательских действий Сатура, а если удастся, то ещё и заработать дивиденды.

Когда конвоиры усадили Кварга на стул, стоящий в отделении напротив стола, где сидели мы, он поднял голову и быстро и внимательно оглядел нас, начиная с Маргуса. Его цепкий взгляд разведчика мгновенно запечатлел наши образы, так что теперь, сколько бы времени не прошло, он узнает нас. Когда он посмотрел на меня, наши глаза встретились, и какое-то мгновение мы смотрели друг на друга. В его взгляде я прочитал, что он меня узнал, но вида при этом не подал. Что же, всё правильно – он выжидает, стараясь понять, что мы о нём знаем и что хотим. Маргус без всякой подготовки обрушил на полковника серых известие, что мы всё о нём знаем, сославшись при этом на меня. Я внимательно наблюдал за реакцией Кварга и, скажу вам, он выдержал это изве-

стие, не моргнув глазом, хотя мелкие приметы волнения, я всё-таки у него заметил, и то лишь потому, что внимательно за ним наблюдал.

Маргус, молодец, сказал всё правильно. В результате его речи до Кварга было донесено то, что мы действительно знаем о нём больше, чем он мог ожидать. Пришла пора мне забрать его, как ранее договаривались. Допрос Сатура и связанного меня мало интересовали. Я знал, что удалось узнать шпиону, а как он это сделал, меня вовсе не интересовало, пусть об этом болит голова у Маргуса, он всё же глава ордена, а Сатур его подчинённый.

Я прекрасно видел, что физическое состояние Кварга было, мягко говоря, не очень. Ещё бы, я вчера довольно жёстко обездвижил его, а это, поверьте мне, очень болезненно. Я не считал, что поступил жестоко, просто был страх упустить его, а это могло привести всех нас к ужасным последствиям. Поэтому я решил немного поддержать его, а что может быть лучше для подкрепления физического состояния человека, чем хороший обед, сдобренный хорошим вином. Поэтому я повёл его в трапезную, преследуя сразу две цели: накормить пленника и поговорить с ним. Вы, наверное, сами хорошо знаете, что лучший разговор получается, как правило, за столом.

Пока Кварг ел, а ел он так, что сразу было видно, что он сильно проголодался, я молчал, давая ему утолить голод. Когда он наелся, я налил вино – наступило время разговоров.

Первый вопрос, который я ему задал, был, на первый взгляд, простой, ничего не значащий, так удовлетворение собственного любопытства. Я просто спросил его, почему у него оказалось сразу два кристалла, хотя Архонт приказал ему взять кристалл у агента, а взамен передать задание Архонта.

Кварг с совершенно спокойным выражением лица выслушал мой вопрос, сделал глоток из своего кубка и ответил.

– Понимаешь, Кувай, надеюсь, ты позволишь к тебе так обращаться, ты ведь всё-таки принц, – заговорил Кварг, пожав при этом плечами. – Я и сам не пойму, что произошло. У меня такое ощущение, что агент от страха свихнулся. Понимаешь, он почему-то с самого начала мне не понравился.

– Чем же он тебе не понравился? – быстро спросил я.

– Сам не знаю, это где-то на грани предчувствия, – ответил мой собеседник. – Знаешь, так бывает, увидишь человека, совершенно тебе незнакомого, который не сделал тебе ничего плохого, а внутреннее чувство говорит, что бы ты ни в каком случае не доверял ему. Вот это как раз и был такой случай. Агент потребовал у меня кристалл Архонта, но моя осторожность предупредила меня, что бы я не отдавал свой кристалл раньше, чем получу его донесение. Поэтому я вытащил свой и положил его возле себя, ожидая, когда агент достанет свой. Он, немного поколебавшись, достал свой кристалл и тоже положил возле себя. Я ожидал, что мы просто обменяемся кристаллами и делу конец, но не тут-то было. Он зачем-то затеял со мной магическую дуэль, да вдобавок

ко всему связной попытался напасть на меня. Я вырубил его, а затем нанёс удар магией агенту, от которого он тоже отключился. Тогда на меня словно, что-то нашло. Я схватил оба кристалла и покинул здание, а дальше ты и сам знаешь.

То, что Кварг так охотно рассказал о происшествии с кристаллами, обнадёжило меня. Рассказ его был правдив – это я понял сразу. Не давая ему опомниться, я задал ему следующий вопрос.

– Что ты намерен делать дальше? – спросил я.

– Не знаю, – просто ответил Кварг.

Вот тут-то я и предложил ему доделать порученное ему Архонтом дело – отвести послание Сатура в Серую империю. Это предложение его не то, что бы удивило, оно его ошеломило, так что ему потребовалось время, что бы мне ответить.

– Кстати, могу тебя поздравить с присвоением генеральского чина, – сказал я. – В послании Архонта он величает тебя генералом, видимо не сомневаясь, что ты прекрасно исполнишь порученное тебе. Может не стоит его разочаровывать?

– Так, значит, ты сумел прочесть послание Архонта? – толи спросил, толи констатировал Кварг. – Может, ты знаешь, как Архонт собирается использовать меня, и что будет с моим отрядом?

– Конечно, знаю, но скажу лишь, получив твоё согласие сделать то, что я тебе предлагаю, – твердо ответил я.

Я видел, что он колеблется между своим привычным чув-

ством долга и желанием узнать перспективы своей ближайшей судьбы. Особенно его тревожила необходимость войти в сговор с врагом империи, коим для него являлся ваш покорный слуга. Мне пришлось довольно долго убеждать его, что настоящие враги империи вовсе не мы, а его, так называемые, «благие боги». Этот долгий разговор всё же помог ему принять решение и он, в конце концов, согласился доставить донесение Сатура Архонту. Я подал ему кристалл, который он принял и тщательно спрятал у себя за пазухой.

– Теперь расскажи, в чём заключается послание Архонта, – попросил он.

Я дословно пересказал ему содержание послания Архонта, который он выслушал с большим интересом, а когда я закончил, облегчённо вздохнул.

– Слава Богам, – сказал он с облегчением. – Значит, я надолго задержусь в вашей столице, а то я боялся, что меня разлучат с моими ребятами. Когда мне отправляться к Архонту? Чем скорее, тем лучше, – ответил я. – Только советую прежде повидаться со своими, что бы они не вздумали тебя искать.

– Ну, это-то ты мог бы мне не говорить, – заявил Кварг. – Плохой бы я был командир, если бы не позаботился о своих людях.

– Да, когда вернёшься обратно, дай мне знать, что бы мы могли встретиться, нужно же нам решить будущее твоего отряда, – сказал я, протягивая ему один из моих талисманов

связи. – Надеюсь, ты умеешь пользоваться? Кварг принял талисман, заверив меня, что даст мне знать, сразу же, как окажется опять в нашем мире.

– Я вернусь дня через три, по времени этого мира, – заверил он меня.

Я протянул ему для прощания руку и он, чуть помедлив, пожал в ответ мою. Так зародились наши отношения, обещающая в будущем, перерасти в дружбу. Я проводил Кварга до выхода из Обсерватории и поручил одному из людей Крона вывести его на поверхность, что тот мне клятвенно обещал. Ещё раз пожал Кваргу руку, пожелал удачной дороги и, повернувшись, отправился обратно в комнату для допросов.

Наконец-то мои дела в столице закончены, и можно отправляться домой, где ждёт меня моя семья, которая за время моего отсутствия должна была увеличиться на одного человека. Однако, прежде, чем вернуться в Сегурию, мне нужно побывать в имении Мильтон-Хауз, где до сих пор восстанавливаются после полученных ран мои друзья. Я был им нужен, что бы помочь им эвакуировать в Сегурию Яргуста, который до сих пор не оправился от ран и не может самостоятельно передвигаться.

Я не спеша шёл по знакомой дороге, которая вела из города в направлении той самой дубравы, где уже почти десять дней назад, вошёл в этот мир. Я, конечно, мог покинуть этот мир где угодно, однако мне не нужны были лишние трудности, тем более тогда, когда я был нужен моим друзьям. Поэтому я решил отправиться в имение Джона по уже раз пройденному пути, а это всегда легче, чем каждый раз торить новый путь. Кроме того, на таком пути меньше неожиданностей, а мне они сейчас вовсе не требовалось.

Из города меня вывели Маргус и Крон, в который раз воспользовавшись подземными путями. Тепло, простившись с ними и пообещав им вернуться примерно через год, я пошёл по знакомой уже дороге. Был самый конец лета, когда уже нет летнего зноя, а осенняя прохлада ещё не наступи-

ла; когда птицы уже не так громко приветствуют наступающий день, но ещё не сменили свои весёлые песни на грустный клич осени. Когда листва на деревьях всё ещё по-летнему зелёная, но уже кое-где в роскошной причёске местных берёз кое-где мелькают отдельные жёлтые пряди. Подобно тому, как отдельные седые волосы в тёмной шевелюре человека, напоминают ему о приближающейся старости. Дул тёплый, совсем летний ветерок, ласково теребя кроны берёз, стройными рядами росших вдоль дороги, по которой я шёл навстречу с теми, кого я любил и по которым, честно признаюсь, очень соскучился. Настроение моё было более чем хорошим. На какое-то время я напрочь забыл о всегдашней ответственности, что тяжким грузом с самого раннего детства лежала на моих плечах, не позволяя душе моей свободно парить в океане жизни. Из-за этой ответственности я всё время был кому-нибудь должен, моё прошлое и настоящее было заточено на исполнение этой ответственности, а будущее было темно и не ясно. Я, конечно, в общих чертах, предполагал, что предстоит мне в будущем, но лишь в самых общих чертах. Поэтому моё будущее представлялось мне настолько туманным, что я ощущал себя персонажем одной странной философской сказки, однажды рассказанной мне Странником, кажется, она называлась «Ёжик в тумане».

События, происшедшие со мной в столице, а особенно посещение самых глубин Обсерватории, а так же знакомство с людьми, сотворившими этот артефакт, полностью развея-

ли туман, покрывающий моё будущее. Я ясно увидел, что и когда я сделаю, и к чему это приведёт. Эта удивительная ясность превратила тяжкую ношу моей ответственности в столь лёгкое дело, как ходить или дышать. Всё оказалось настолько просто, что я даже поразился своей недогадливости. Как я раньше-то этого не понимал? Чуть позже до меня дошло, что эта моя ответственность была до этого для меня чем-то чуждым, инородным, что ли, словно её мне кто-то навязал. Теперь-то я понял, что эта ответственность плоть от плоти моя, и была моей изначально. Как только я это понял и принял, мне сразу же стало так легко, как не было ещё легко никогда, разве что в раннем детстве, пока я просто не знал, что существует какая-то ответственность.

Появившаяся лёгкость, вместе с прекрасной погодой, волшебной природой и осознанием того, что ты молод, здоров, что у тебя есть те, кого ты любишь, и кто любит тебя, плюс к этому ты твёрдо знаешь, что будешь делать в ближайшие годы твоей жизни и породили то удивительное настроение, какое было у меня в то утро.

Что бы сохранить это настроение, я решил особо не спешить – когда ещё выдастся такой денёк, что бы можно было вот так просто идти по лесной дороге и радоваться жизни. Вначале я предполагал обратиться драконом и быстро долететь до места перехода, но ощутив такую лёгкость, здраво решил не спешить.

Вскоре показался приснопамятный кабачок «Имперская

шпора», где я десять дней назад встретился с Кваргом и его отрядом. Я решил заглянуть, что бы выпит пивка, и немного посмаковать моё нынешнее состояние. Клаус, увидев меня, тут же вышел из-за своей стойки и приветливо поздоровался. Я заказал пиво и, взяв кувшин и кружку, уселся за тот же стол, за каким сидел в прошлый раз. По случаю раннего времени зал был пустой, если не считать двух гвардейских офицеров, которые пили вино и играли в кости, громко комментируя каждый бросок. Они были изрядно пьяны и, судя по всему, провели за этим занятием всю ночь. Мне они несколько не мешали. Я выпил кружку пива и задумался о том, сколько важных дел я успел сделать за неполные десять дней. Да, эта моя вылазка получилась крайне насыщенная событиями и, хотя в этот раз мне не пришлось ни с кем сражаться, я всё же одержал серьёзную победу, которую не одержишь ни с помощью оружия, ни с помощью магии. Я победил свою неуверенность, которая так долго мешала мне жить и отравляла мне радость бытия. Она, эта неуверенность в себе, застилала моё будущее туманом, не позволяя ясно видеть истинные цели собственной жизни. Да, ради этого стоило на время оставить семью, раненых друзей и в одиночку явиться в город, где я родился и где мне на каждом шагу ожидает смертельная ловушка.

Я налил себе ещё пива, и стал пить мелкими глотками. Странное дело, теперь, даже простое питание пива доставляло мне помимо физического удовольствия ещё ни с чем несрав-

нимую душевную радость, которая буквально распирала меня.

Моё одиночество прервал Клаус, который незаметно для меня подошёл к столу и поинтересовался, не хочу ли я ещё чего-нибудь. Что бы ни обижать его, я заказал мясо и ещё кувшин пива, утром я не позавтракал, желая скорее пуститься в дорогу, а теперь голод напомнил мне о себе. Спустя пять минут, хозяин принёс заказ и я с огромным аппетитом принялся за поздний завтрак, или ранний обед, а, впрочем, это не важно, а важно то, что как еда, так и питьё доставляли мне огромное удовольствие. Как это здорово получать от всего удовольствие! Почему же я раньше этого не замечал?

Быстро, что бы ни остыло, съев мясо, я сидел и наслаждался пивом, которое здесь было отменного качества. На меня нахлынули воспоминания последних десяти дней моей жизни. Именно здесь, за этим вот столом, я сумел прочитать Кварга, и это во многом определило все дальнейшие события, происшедшие в столице империи Повелителей драконов за последние десять дней.

Кварг ушёл, унося с собой кристалл с донесением Сатура Архонту, а я не находил себе места. На меня навалилась целая куча сомнений, словно я попал где-то в горах под обвал или лавину. Они, эти сомнения мяли и давили меня, стремясь перекрыть мне воздух, что бы я превратился в ничего не чувствующее и ничего не понимающее существо, способное только жрать и гадить. Эти сомнения толкали меня ни в

чём не доверять людям, видеть в окружающих лишь плохое, наплевать на всех. На короткое время я поддался этим сомнениям и вдруг увидел, что они подтащили меня к бездонной пропасти, на дне которой что-то шевелилось, булькало, вздыхало. Оттуда несло нестерпимым зловонием, от которого меня чуть не вырвало, и которое привело меня в чувства, и тем самым, не позволило упасть. Я пришёл в себя и запретил себе даже думать, что человек, которому я доверился, может меня обмануть. Нет, я сделал всё правильно и это ещё нам очень поможет в будущем. Я лишний раз убедился, что сомневаться следует до тех пор, пока не принято решение. После этого от сомнений лишь вред.

Через трое суток, как и обещал, Кварг вышел на связь и сказал, что нужна встреча. В первый момент, как он вышел на связь, я испытал острый приступ стыда за то, что я позволил себе сомневаться в этом человеке. Мне покидать Обсерваторию было слишком опасно, слишком много шпионов серых в этом городе, да и просто предателей, желающих услужить власти, тоже хватало. Было бы глупо попасться тогда, когда все дела здесь практически завершены, и пора отправляться домой. Кроме того, если бы кто-нибудь увидел Кварга в моём обществе, это было бы для него провалом, а этого я вовсе не желал.

Я сказал, что его проводит в Обсерваторию, где мы можем спокойно поговорить, мой человек. Специально для таких случаев Маргусом ко мне был представлен специальный че-

ловек. Я спросил Кварга, где он сейчас, и получив ответ, что в гостинице «Райский уголок». Я велел ему оставаться там и ждать моего человека, который предъявит тебе мой перстень. Он проводит тебя ко мне.

Примерно часа через полтора, мы встретились. Разговор наш происходил в моей комнате. Когда он вошёл в комнату, я встал ему на встречу, и мы пожали друг другу руки, как старые друзья.

– Ну, что, тебя можно поздравить, господин генерал? – спросил я Кварга. – Удачно сходил?

– Всё хорошо, мой принц, – с солидной долей иронии ответил мне Кварг. – Мне действительно присвоили генеральское звание и даже наградили орденом, а так же дали послание для агента.

Он выложил на стол кристалл, родной брат первых двух.

– Я думаю, тебе будет интересно прочесть это, – продолжил он уже серьёзно. – Кроме того, мне поручено захватить Обсерваторию, когда мне придёт команда лично от Архонта. Для этого он дал для связи свой талисман, но я из осторожности оставил его в гостинице. Знаешь, эти талисманы очень удобны не только для связи, но с помощью их легко наблюдать носящего этот талисман. Я, конечно, не могу знать наверняка, что талисман Архонта позволяет следить за мной, но, как говорится, бережённому Бог бережёт.

Да, Кварг был настоящим профессионалом. Я тоже слышал о таком свойстве талисманов связи, но, правда, никогда

не пытался использовать эти свойства на деле. Кварг сделал всё правильно, ещё не хватало, что бы наши с ним разговоры прослушивал вельможа серой империи.

– О том, что тебе поручат захватить Обсерваторию, я знаю из предыдущего послания Архонта, – сказал я. – Но, как я понимаю, это ещё не всё. Что ещё поручил тебе Архонт?

– А ещё, Кувай, – очень серьёзно сказал Кварг. – Перед захватом Обсерватории, я лично должен убить тебя, в тот момент, когда ты выйдешь с аудиенции у Повелительницы. Там у них разработан целый план по твоей ликвидации. Специально для этой цели мне будет выслана целая группа лучших наёмных убийц Серой империи. Отнесись к этому очень серьёзно, они действительно лучшие из лучших.

Вот эта новость для меня. Да видимо я сильно насолил верхушке серой империи, поэтому они решили взяться за меня всерьёз. Ещё я отметил, что в глазах Кварга, когда он говорил о моём убийстве, было самое настоящее искреннее сочувствие. Это о многом говорило, а я ещё сомневался в нём.

– Да, это действительно серьёзно, – сказал я. – Спасибо тебе я учту. Как говорится, предупреждён – значит вооружён. А не пойти ли нам в трапезную чего-нибудь съесть и выпить. Там и продолжим наш разговор.

Кварг с воодушевлением поддержал моё предложение, и мы отправились в трапезную, где, как я знал в это время не было никого; обед недавно закончился, а до ужина было ещё

далеко, так что нам ни кто бы, ни помешал поговорить. Заказав послушнику, вино и закуску мы выпили и продолжили наш разговор. То, что меня решили убить, было для меня совсем не новостью, новостью было то, что обеспечить моё убийство, поручено Кваргу. Поэтому я не стал муссировать эту тему, а лишь попросил Кварга сразу же сообщить мне, когда в этот мир явятся мои убийцы.

– Знаешь, Кварг, а ведь тебе действительно придётся захватить Обсерваторию, но вовсе не затем, что бы передать её серым. Захватить её для того, что бы все, кто должен уйти вместе с Обсерваторией успели там собраться, – в заключение нашего разговора сказал я. – Тебе же надлежит охранять Обсерваторию от вторжения мятежников до тех пор, пока последний из тех, кто должен уйти, не явится в Обсерваторию. После этого у тебя будет лишь час, что бы, как можно быстрее убраться из города. Как только ты и твои люди окажетесь за городской чертой, сразу же бегите, как можно дальше, это спасёт вам жизнь. Когда Обсерватория покинет этот мир, вам следует затаиться где-нибудь в глуши и связаться со мной. Я постараюсь вас переправить в Сегурию – это у вас единственный шанс остаться в живых.

Да, помимо того, что я передал ключи от вотчины Обсерватории, поймал шпиона серых, я приобрёл надёжного человека, даже не одного, а целый отряд серых, который очень нам пригодится в будущем. На душе было легко, я выполнил всё, что поручил мне Учитель; мало того, я обрёл человека

приближённого к верхушке Серой империи, который, я чувствовал это собственной шкурой, очень может нам помочь в не таком уж далёком будущем. Однако хватит пить, пора в дорогу. Я расплатился с хозяином и, быстро пошёл по дороге, направляясь к месту перехода.

Лес, чуть тронутый первой желтизной недалёкой уже осени, встретил меня шуршанием под ногами прошлогодней листвы, запахом грибов и непередаваемым чувством предстоящей дороги. Прав был Азар, который говорил, что ходящему-по-мирам вредно долго оставаться на одном месте. Всё, что произошло со мной в столице, стало для меня прошлым, в настоящем была вот эта лесная дорога, а в будущем меня ждала дорога между мирами, в конце которой ждала встреча с друзьями. Я был молод, свободен и счастлив – что ещё желать человеку? Наконец, я вышел на поляну, где десять дней назад вошёл в этот мир. Ну, что же, прощай мой родной мир, через год мы увидимся с тобой вновь.

Проход раскрылся на удивление быстро и я, бросив прощальный взгляд на окружающий пейзаж, шагнул в проход. Вновь применив скоростной метод перемещения между мирами, я развил сумасшедшую скорость. В этот раз выход в мир Джона Мильтона я рассчитал более точно и успел погасить скорость, поэтому в мир я вошёл очень плавно, так, что если бы, кто-то пожелал засечь моё появление в мире, это вряд ли бы ему удалось.

Я оказался совсем недалеко от усадьбы Джона. Здесь

уже стояла осень, и вересковые пустоши, которые занимали близлежащие холмы, были раскрашены в различные оттенки осени. Я попал в свежее, но не холодное утро, какие иногда случаются осенью. Дул лёгкий ветерок, пахло сыростью, похоже, ночью прошёл дождь, хотя небо было ласково-голубого цвета, а облака теснились где-то у самого горизонта, и над ними уже показалось солнце, которое только что взошло.

Переход дался мне легко, и я всё так же пребывал в том прекрасном расположении духа, в котором покинул империю Повелителей драконов. Быстро осмотревшись, я сориентировался и быстро пошёл по тропинке, что вилась между холмами. Не прошло и часа, как показалась уже знакомая мне крыша Мильтон-Хауса – я прибыл на место. Быстро подойдя к воротам, я позвонил в висящий у ворот колокольчик. На мой звонок явился пожилой слуга, который спросил меня, что мне угодно. В интонации его голоса я явственно расслышал ворчливые ноты.

– Что вам угодно, сэръ? – спросил высокий осанистый старик с роскошными седыми бакенбардами и брезгливым выражением лица. – Хозяин не здоров и никого не принимает.

Высказав всё это, привратник не стал дожидаться моего ответа, а повернулся ко мне спиной с явным намерением закрыть ворота перед моим носом. Я, никак не ожидая столь холодного приёма и на минуту опешил. Старый слуга уже приступил к закрытию ворот, явно не собираясь меня пускать. Это меня никак не устраивало, поэтому я взялся рукой

за створку ворот, не давая слуге их закрыть.

Моё действие страшно возмутило старого слугу, он оставил в покое ворота и, приняв гордый вид оскорблённого достоинства, обрушился на меня с довольно пространном монологом. Смысл речи привратника сводился к тому, что хозяин болен, а тут ходят всякие проходимцы и беспокоят серьёзных людей, что современная молодёжь совершенно не уважают старших, что если так пойдёт и дальше, то наш мир обречён.

Он бы, наверное, ещё долго выговаривал мне, благо у меня было хорошее настроение, а старик любил поворчать. Было раннее утро, спешить было некуда, почему бы не поговорить с хорошим человеком. Вот так мы и стояли минут десять: я улыбался и держался за створку ворот усадьбы, а привратник в позе оратора распекал нравы нынешней молодёжи. Однако, моя улыбка, которую старик, наконец, заметил, обескуражила его так, что у него тут же иссяк словесный запас. Воспользовавшись наступившей тишиной, я представился:

– Доложите вашему хозяину, что пришёл принц Кувай, законный наследник престола империи Повелителей драконов, – представился я полным титулом, что бы немного досадить вредному старику.

Услышав, кто я такой, привратник изменился в лице, искренне извинился, посетовав, что я не представился сразу, после чего широко отворил створки ворот и попросил меня

следовать за ним, что я с удовольствием и сделал. Поднявшись вслед за моим провожатым на крыльцо, я следом за стариком вошёл в дом и оказался в уже знакомом мне холле, который по случаю раннего времени был пуст.

– Ожидайте здесь, сэр, – всё в той же ворчливой интонации сказал слуга. – Я доложу хозяину.

Он, тяжело ступая, поднялся по лестнице на второй этаж и скрылся за дверью. Я окинул взглядом холл. Здесь ничего не изменилось, если не считать того, что в прошлый раз на диване все в бинтах сидели мои друзья. Сейчас же я находился здесь в полном одиночестве, которое, правда, тут же было нарушено. Наверху открылась дверь и по лестнице, чуть ли ни бегом спустился Джон. Мы крепко обнялись, и я спросил о том, как чувствуют себя: Учитель, Марк и Яргуст.

– Они сейчас спустятся, – ответил Джон. – Сэмуэль пошёл их будить, ведь ты же явился ни свет, ни зоря. – Ты, я гляжу, молодцом. Удачно сходил?

– Джон, дружище, у меня всё хорошо, – улыбаясь, заговорил я, оглядывая Джона, и пытаюсь определить состояние его здоровья. – Ты-то как себя чувствуешь?

– Ну, я-то совсем здоров, хоть сейчас в дорогу, – ответил Джон.

Он действительно выглядел совершенно здоровым, так что в отношении его здоровья можно было не беспокоиться. В это время на лестницу вышел Странник и, быстро спустившись, заключил меня в свои объятия. Судя по тому, как

крепко он обнял меня, он был в хорошей форме. Пока мы с Учителем обменивались приветствиями, на лестнице показались Марк и Сэмюэль, которые вели под руки Яргуста, помогая ему спуститься вниз. Я подошёл к лестнице и очень осторожно обнял Яргуста. Он же в ответ, обнял меня одной рукой, левая до сих пор была в гипсе. Зато ноги его уже были без повязок, хотя шагал он с большим трудом и то, лишь с костылями или поддерживаемый как сейчас под руки. Он сильно похудел, лицо его осунулось и стало более жёстким, что ли. Марк же, с которым мы крепко обнялись, внешне был здоров, хотя выглядел бледным и каким-то постаревшим. Да, дорого заплатили мои друзья за свой последний поход.

Стоило лишь затихнуть шуму и обычной суете, которая случается при встречах, когда несколько человек встречают одного и все стараются проявить свои чувства, я вдруг увидел довольно крупную собаку, которой прошлое моё посещение я не видел. Собака была вся в бинтах, видимо побывала в переделке, наподобие той, в которой побывали мои друзья. Крупная, размером с волка, она медленно проковыляла ко мне и уткнулась влажным носом в мою ладонь. Я осторожно погладил её, и она в ответ, слегка вильнув хвостом, отошла к камину и там легла.

– Смотрите ка, – с удивлением сказал Странник. – Наша волчица признала Кувая за своего. Это хороший знак.

– Так это волчица, а я её принял за собаку, – удивлённо сказал я. – А как она здесь оказалась? Насколько я понимаю,

волки в любом из миров не очень-то дружат с человеком.

– О, это длинная история, мой мальчик, – ответил Учитель. – Эта волчица прибилась к нам в одном из миров по дороге, когда мы шли устраивать вотчину для Обсерватории. Она была с нами всё время и ей, как и нам, серьёзно досталось в последней передрыге. Так что она у нас теперь полноправный член нашего небольшого отряда. Я намерен забрать её в Сегурию.

– Господа, завтрак готов, – объявил Сэмуэль, появляясь в холле. – Прошу к столу.

Мы прошли в столовую, где уже был накрыт завтрак. Я не был голоден, ведь буквально два часа назад я плотно поел в «Имперской шпоре», а вот вина я бы выпил с удовольствием. Усевшись за стол, мои друзья принялись с аппетитом поглощать завтрак, я же, сославшись на сытость, мелкими глотками пил вино, которое у Джона было очень хорошим. Я не стал пока говорить о своей вылазке в империю Повелителей драконов, давая им спокойно позавтракать. Я просто сидел и смотрел, как близкие мне люди завтракают, и это зрелище доставляло мне такое удовольствие, что ещё больше подняло градус моего и без того прекрасного настроения.

Я сидел и смотрел на друзей, со всей ясностью понимая, как все они мне дороги. Вот задумчиво жуёт свою кашу Странник – мой Учитель, обладающий огромной силой, который при желании один смог бы уничтожить Серую империю. Если бы на него посмотрел кто-нибудь, не знающий его,

он, скорее всего, не обратил бы на него внимания – подумаешь, старичок ест кашу, чему тут удивляться. А ведь этот человек, пришедший сюда через непредставимые для простого смертного глубины пространства и времени; пришёл для того, что бы помочь нам справиться с серой заразой.

Вот с серьёзным лицом завтракает Марк, который вообще всё делает с серьёзным лицом. Кто не знаком с ним близко, может подумать, что это типичный педант, который серьёзен до занудности, и ошибётся. На самом деле, за внешностью педанта, скрывается очень весёлый человек, который в компании близких людей любит пошутить, посмеяться, обожает розыгрыши. Сейчас, после ранения, он тщательно скрывает свою слабость, не желая быть обузой для остальных.

Вот хозяин имения Джон Мильтон, завтракает с видом истинного джентльмена, коим по-сути и является. Его спокойное лицо не выражает никаких эмоций, что говорит о его воспитании. Опять же, на первый взгляд он может показаться высокомерным, чопорным человеком, хотя, на самом деле, он очень смелый, решительный человек, готовый за друзей рисковать собственной жизнью, что он многократно демонстрировал. Что же касается его мнимого высокомерия, то это всего лишь жалкая попытка скрыть свою застенчивость, под маской такого высокомерного аристократа, которого просто невозможно чем-нибудь удивить или вывести из себя. Лишь тот, кто прошёл с ним ни одну опасную дорогу, может оценить его по достоинству.

Вот сидит с хмурым видом человека, которому наверняка осточертела утренняя овсянка, которой принято кормить по утрам всех, кто посещает родной мир Джона, дядя моей Ниннэль, суровый Яргуст. Ну, допустим, суровый он лишь для врагов и людей с ним незнакомым. А так, он истинный воин, который, если бы не моё рождение, наверняка сделал бы блестящую карьеру в армии. Это он, без колебаний прикнул к мятежному Азару, который, кстати, до сих пор считается в империи Повелителей драконов мятежником и изменником. Это он, посвятил свою молодость воспитанию меня, это он учил меня летать и сражаться любым оружием, это с ним я принял первый реальный бой с серыми всадниками, когда мы спасали дедушку Ляргуса. Очень спокойный, всегда готовый действовать, хотя и не очень разговорчивый человек, сейчас явно мечтал заменить овсянку хорошим куском жареного мяса – его любимой едой.

Наконец, мои друзья покончили с завтраком, и наступило время вина и разговоров. Когда вино было налито и выпито, Странник заявил, что все с нетерпением ждут рассказа о моих делах в столице империи.

– Давай, Кувай, расскажи нам всё, что ты хочешь нам рассказать, а то, я вижу ты того и гляди, лопнешь от желания поделиться с нами своими успехами, – с извечным своим сарказмом, сказал Странник, давая мне добро на рассказ.

Я сделал большой глоток из своего бокала и начал свой рассказ. Сначала я рассказал о встрече с наёмниками в «Им-

перской шпоре» и о том, что мне удалось прочитать, подключившись к полковнику Кваргу. Затем поведал о моём общении с Обсерваторией. В заключении, я в деталях описал эпопею по разоблачению агента серых, окопавшегося в Обсерватории и чуть не сорвал наш план, а так же рассказал о вербовке Кварга, который уже начал работать на нас. Закончив свой рассказ, я осушил бокал вина, что бы промочить горло. Пока я говорил, меня ни разу не перебили, не задали ни одного вопроса, так захватил их мой рассказ.

– Да, не зря я отправил тебя в столицу, – задумчиво заговорил Учитель. – Ты не только хорошо справился с задачей, но и сделал гораздо больше. Насколько я понимаю, всё идёт так, как в своё время, в день, когда ты родился, увидел Ляргус, а это значит, что твоя судьба наконец-то смилостивилась над нами и пошла по самому лучшему варианту, хотя лично для тебя он не будет лёгким.

Тебя ждут тяжёлые испытания, ты должен будешь своими руками уничтожить собственную империю и тем самым оправдать себя, как Рокового ребёнка, как Последнего дракона. Причём ты сделаешь это по собственной воле, ибо только так мы сможем избежать окончательной гибели империи Повелителей драконов.

– Извини, Учитель, – спросил я. – Я не понял, что ты имеешь в виду, говоря, что я должен добровольно уничтожить империю, и этим избежать окончательной гибели империи. Если можно, объясни, пожалуйста.

– Нет ничего проще, – ответил Странник. – Мы уже, который год только этим и занимаемся. Постоянное усиление террора со стороны Повелителей приводит к бегству из столицы её жителей, причём бегут, как правило, самые активные её жители, кто является носителем навыков науки, ремесла и искусства, то есть людей, которые хранят в себе многовековую мудрость империи. Своим бегством они сохраняют самое главное – наследие империи, а это семена, которые смогут пролежать не одно тысячелетие, дожидаясь благоприятных условий, что бы вновь прорости. Вместе с ними возродится и империя. Когда через год, ты произнесёшь заклятие перемещения Обсерватории, столица будет уничтожена вместе с оставшимися жителями, причём погибнут в основном люди в разной мере заражённые серой немочью.

– Это мне понятно, но совершенно не понятно, почему я должен перед кем-то оправдываться за то, что я, как ты говоришь, Роковой ребёнок, а уж, тем более за то, что я Последний дракон? – с недоумением спросил я.

– Ну, и вопросы же у тебя, Кувай, – озадаченно ответил Странник. – Лучше всего тебе об этом спросить Ляргуса, ведь это он просматривал все вероятности твоей будущей судьбы, я же могу высказать тебе только личные соображения по этому поводу. Если тебе интересно, я расскажу, что я сам думаю по этому поводу.

– Конечно, мне интересно, Учитель, – сказал я. – Почему-то раньше я не интересовался этим вопросом, а теперь

непременно расспрошу Ляргуса, когда вернусь в Сегурию.

– Ну, ладно, если тебе интересно моё мнение, слушай, – начал свой рассказ Странник. – В этом вопросе мы сталкиваемся с грозной и малопонятной силой Мироздания, которую мы называем Судьбой. В неё можно верить, можно не верить, но это объективная реальность нашей жизни. Коротко её можно охарактеризовать, как результат множества помыслов и поступков, которые человек производит в своей жизни. Иными словами, судьба – это то, что человек имеет каждую минуту настоящего. Эту часть судьбы можно назвать судьбой настоящего. Однако помимо сиюминутной судьбы существует судьба долговременная или судьба будущего. Зная закономерности построение цепочки причинно-следственных связей, можно, хотя и очень приблизительно, прогнозировать будущее того или иного человека. Это то, что касается личной судьбы человека. Кроме личной судьбы существует и судьба различных сообществ людей, в том числе и судьба государства, в общую структуры вплетаются судьбы людей так или иначе имеющие или имевшие, дело с государством. Судьбу государства, как и судьбу отдельного человека можно прогнозировать, но в этом случае задача многократно сложнее. Лишь очень немногие люди, которых современники считали пророками, могут с большей или меньшей степенью точности просчитать судьбу государства, то есть его будущее. Именно пророки древности увидели в нашем времени крах империи Повелителей драконов и определили при-

меты этого краха. Одной из таких примет являешься ты, мой мальчик.

Он замолчал, давая всем нам осмыслить услышанное. Я сидел с несколько потерянным видом, так что Странник, посмотрев на меня, продолжил разговор, но уже в несколько другом ключе.

– Успокойся, Кувай, – голосом полным сочувствия, заговорил Странник. – В том, что Судьба избрала тебя на роль Рокового ребёнка, нет твоей вины. Это не вина, это твоя судьба. Иначе говоря, не мы выбираем судьбу, а она выбирает нас. Не знаю огорчаться ли тебе, что ты стал избранником Судьбы, или радоваться, но это данность. Не принять ты её не можешь, но в твоей воле выполнить всё, что ты должен сделать в этой жизни и сделать это так, как решит твоя душа и как позволит твоя совесть.

– Значит, если я правильно тебя понял, раз Судьба избрала меня для разрушения империи Повелителей драконов, я должен беспрекословно ей подчиниться? – спросил я. – А, что будет, если я не захочу разрушать империю?

– Она будет разрушена без тебя, а ты просто бестолково погибнешь, – жёстко ответил Учитель. – Судьба выбрала тебя вовсе не для того, что бы ты уничтожил, а лишь разрушил империю.

– Я не понимаю тебя, Учитель, – сказал я, выслушав ответ Странника. – Какая разница, разрушить или уничтожить империю? Всё равно, это конец.

– Ну, это как сказать, – ответил Странник. – По мне так между разрушить и уничтожить, то есть превратить ни во что, большая разница. Что разрушено, можно восстановить, а, что уничтожено, того не вернёшь. Если ты откажешься выполнять то, что предназначено тебе Судьбой, империя будет уничтожена, а если выполнишь свой долг, то империя будет разрушена, но когда-нибудь обязательно воскреснет. По сути, у тебя нет выбора, вернее он есть, но вряд ли ты им воспользуешься.

– И что же это за способ? – осторожно спросил я.

– Перейти на сторону Серой империи, – очень серьёзно, я бы даже сказал жёстко, ответил Учитель. – Тогда тебе не придётся разрушать империю, это за тебя сделают серые. Они уничтожат империю так, что она никогда не возродится.

– Учитель, чем я так провинился, если ты предлагаешь мне такое? – возмущённо спросил я.

– Ты не желаешь принять то, что назначено твоей судьбой, – всё так же жёстко ответил Странник. – Если мужчина, а я до сегодняшнего дня считал тебя мужчиной, не хочет принять собственную судьбу, как подобает настоящему мужчине, он перестаёт им быть и встаёт на скользкую дорожку предательства самого себя. Коли так, отсюда один шаг до предательства друзей, общего дела и всего того, что предавать человеку никак нельзя.

Меня накрыло волной стыда. Да, разрушать империю, наследником которой я был, мне очень не хотелось. Не хоте-

лось, это ещё мягко сказано, душа моя, каждой своей частицей, не желала этого. Странник, своими горячими речами пробудил, задремавшее было во мне чувство долга, которое, проснувшись, хорошенько встряхнула размякшую за последнее время мою душу. Омытая стыдом душа откинула не свойственную мне мягкотелость и снова была готова к борьбе.

Странник и все, сидящие за столом, внимательно наблюдали за мной, ожидая, чем я отвечу на резкие слова, сказанные в мой адрес, а я, стыдно признаться, не знал, что ответить на жёсткие, но справедливые слова Учителя. Видя, что я не знаю, что ответить, мне на помощь пришли Марк и Джон.

– Ты немного преувеличиваешь, Учитель, – примирительно сказал Марк. – По-моему он вовсе не отказывался от выполнения своего долга, а лишь посетовал, что это ему очень не нравится.

– Да, по-моему, ты, Учитель несправедлив к Куваю, – поддержал Марка Джон. – Уж кто-кто, а он никогда не праздновал труса. Минутные слабости могут быть у всех, но почему-то не все делаются предателями. Просто ему действительно тяжело принять необходимость разрушения собственной Родины. Не знаю, смогу ли я разрушить мой мир, доведись попасть под раздачу Судьбы. Не уверен. А Кувай, выполнит свой долг, когда придёт время. Я в нём не сомневаюсь.

– Да я тоже не сомневаюсь, – со смехом сказал Стран-

ник. – Вы что, защитнички, сговорились. Ишь, набросились все на старика, дескать, обидел несчастенького Кувая, а я лишь хотел его встряхнуть, напомнив о долге. У меня и мыслей не было заподозрить нашего молодого друга в трусости и предательстве, я лишь предостерёг его от слабости духа, ибо слабость духа порождает предательство.

Последние слова Учителя разрядили ставшую напряжённой атмосферу за столом, а мне вернули прекрасное расположение духа, которое чуть было ни оставило меня. Последнюю точку в этом разговоре поставил молчавший до этого Яргуст, который всё это время сидел молча с лёгкой улыбкой на губах и мелкими глотками пил вино.

– Кувай никогда и ни за что не изменит долгу и не предаст, – резюмировал разговор Яргуст, впервые за всё утро заговорив. – Я готов заложить собственную душу, что он всё сделает в лучшем виде, а я ему в этом помогу. Ведь империя Повелителей драконов не только Родина Кувая, но и моя.

– Спасибо вам, друзья, – растроганно сказал я. – Я, конечно, исполню всё, что в моих силах, как бы тяжело мне не было, но не подведу вас. Однако хотелось бы послушать, как Ляргус сумел выбрать мне Судьбу. Разве это в человеческой власти? Я сам в этом вопросе могу только предполагать, точно это знает лишь сам Ляргус, – быстро ответил Учитель, видимо, стремясь загладить свои резкие слова в мой адрес. – Уж не знаю, как ему это удалось, но он сумел это сделать. Ты только представь себе, какой невообразимый объём инфор-

мации пришлось ему пропустить через себя, сколько вариантов твоей судьбы должен был он просмотреть, прежде чем выбрать наилучший для империи, но, отнюдь, не для тебя, мой мальчик. Более досконально тебе расскажет сам Ляргус, если, конечно, захочет.

Мы засиделись за столом, так, что завтрак плавно перешёл в обед, который оказался простым, обильным и очень вкусным. Повар Джона оказался мастером своего дела, хорошо понимающим, что таким бродягам, как мужчины, собравшиеся в столовой особняка, нужна обильная, вкусная, а главное сытная еда, которая, кроме прочих своих достоинств, способствовало усилению жажды. Жажду эту, естественно, можно было затушить лишь большими объёмами вина либо пива. Как того, так и другого было в имении Джона в избытке, причём отличного качества.

До обеда и в самом начале его, Странник рассказал мне подробно об их работе, по подготовке вотчины для Обсерватории. Его рассказ иногда прерывался репликами кого-нибудь из его учеников, которые уточняли некоторые детали, предавая рассказу большую реалистичность. Не позабыл Странник рассказать и о том, как по дороге в мир, намеченный для вотчины, к ним прибилась старая волчица, получившая имя Церба, которая, к слову сказать, всё время пока мы бражничали, лежала под столом возле ног Учителя. Во время рассказа, я наклонился к ней и осторожно погладил. В ответ на мою ласку, она подняла голову и внимательно

посмотрела на меня своими янтарными глазами, в которых светилась древняя мудрость самой природы.

Подали горячее, которое было представлено несколькими блюдами мяса, зажаренного на можжевеловых углях, от которого исходил такой аромат, что мой рот мгновенно наполнился слюной, словно я не ел уже неделю. Помимо мяса, на столе появилось несколько блюд с различной пернатой дичью, жареной рыбой и овощами. Хлеб, который, судя по всему, только недавно испекли, благоухал так, что мой желудок заурчал, требуя пищи. Завершали сервировку стола несколько изящных хрустальных кувшинов с вином, бутылок с бренди, который так нравился землякам Джона и бочонка с пивом, снабжённого краном, для удобства желающих отведать пенный напиток.

Хотя мы сидели за столом с самого утра, но почти не ели, если не считать лёгкого завтрака, а больше пили и разговаривали. Поэтому все дружно набросились на еду, отдавая должное мастерству повара. Не обделили и Цербу, которой был подан изрядный кусок сырого мяса на кости. Волчица быстро съела мясо и теперь наслаждалась сахарной косточкой. Не прошло и часа, а от горячего осталось одно воспоминание в виде груды птичьих и рыбных костей. Все наелись и теперь, вальяжно развалившись в своих креслах, отдыхали. Наступало блаженное время выпивки и задушевных разговоров, тем более, что все серьёзные разговоры мы переговорили ещё до обеда.

Поэтому остаток дня мы посвятили воспоминаниям и планированию будущего. Друзья мои, кроме Яргуста, уже практически поправились, только были ещё слабы, а грозные события грядущего стояли уже на пороге и настойчиво требовали от нас быть готовыми встретить их во всеоружии. Нужно было, как можно быстрее возвращаться в Сегурию и уже там долечивать Яргуста. После недолгого обмена мнениями решили, что носилки с Яргустом понесем, я с Учителем, а Цербу, которая была ещё очень слаба после ранения, понесут Марк и Джон. Решили больше не тянуть, а выходить прямо завтра, поэтому засиживаться не стали и рано ушли спать засветло.

Мне не спалось, и я решил перед сном прогуляться, что бы познакомиться с окрестностями Мильтон – Хауса. Компанию в вечерней прогулке мне составил Джон, который решил исполнить роль моего проводника по окрестностям.

Стоял чудесный осенний вечер. Нежаркое солнце ещё не закатилось за гряды холмов, темнеющих на западе, но уже окрасило небо над холмами в различные оттенки красного. Длинные тени от холмов, не спеша ползли по вересковым пустошам, напоминая всему живому, что пора готовиться к ночи, что она уже близка, что пора каждому искать убежище на ночь. В недалёком от усадьбы поселении фермеров, мычали коровы, ожидая вечерней дойки, женщины гремели подояниками, мужчины, уставшие от дневных работ, поодиночке и небольшими компаниями тянулись в местный трактир вы-

пить кружку другую пива, да послушать последние новости. В воздухе пахло, нагретой за день землёй, пылью, опавшими листьями, грибами, парным молоком и навозом; тем букетом запахов осени, что обычен для сельской местности в любом из миров, где обитают люди. Стоял обычный осенний вечер, и мирным обывателям было невдомёк, что все они находятся на пороге грозных событий, виновниками которых, отчасти, были гости, что недавно поселились в хозяйской усадьбе.

Мы с Джоном побродили по окрестностям, полюбовались осенними пейзажами, подышали воздухом и ноги наши, как-то сами собой привели нас в местный трактир. Построенный из тёмного кирпича и крытый черепицей, он стоял на краю поселения аккурат у мощённой булыжником дороги, которая, по словам Джона, вела в ближайший городок, название которого я так и не запомнил.

– А не выпить ли нам по кружечке пива? – толи спросил, толи сделал предложение Джон.

– Это можно, – согласился я, прогулка пробудила во мне жажду.

Внутри трактир почти ничем не отличался от множества подобных ему, что довелось мне посещать в самых разных мирах. Разный был вид у посетителей, по-разному они были одеты, говорили на разных языках, но всех их объединяло одно – все они были тружениками, а значит людьми самостоятельными, привыкшими всегда рассчитывать лишь на себя.

Здесь всё было так же, как в сотнях других, виденных

мною трактирах. Вечная стойка, с рядами бочек вдоль стены за ней, с полками, уставленными самыми разнообразными бутылками и кувшинами, обязательный камин у дальней от входа стены, либо топящийся, либо потухший, в зависимости от сезона. Грубые, под стать публике, столы на любой вкус и на любую компанию, согласно пожеланиям посетителей. Тот же вечный гул голосов, звон посуды, стук кружек о столы и друг, о дружку. В воздухе висит постоянный запах табака, жареного мяса, свежего хлеба, пива и свежих новостей, что приносят с собой случайные посетители, пришедшие из дальних мест и щедро делящиеся ими с местными, в обмен на здешние новости. Всё это в разных вариациях напоминает мне тот единственный истинный трактир, в котором мне посчастливилось однажды побывать; трактир, побывать в котором – заветная мечта Учителя и Джона.

Мы с Джоном заняли свободный столик возле камина, который по случаю вечерней прохлады, затопили. Хозяин и местные, которые хорошо знали хозяина Милтон-Хауса, тепло приветствовали нас. Джона, похоже, здесь любили. Трактирщик, невысокий, коренастый человек среднего возраста, с небольшим брюшком и лысиной, принёс нам корчагу с пивом, две деревянные кружки и солёную рыбку на закуску. Поставив всё это на стол, он пожелал нам хорошо посидеть, с достоинством поклонился и вернулся за свою стойку.

Пиво оказалось хорошим, спать не хотелось и мы решили посидеть в трактире и послушать, что говорят люди. Народа

было немного, время всё же было не столь позднее, когда в трактире набивается полный зал посетителей.

Мы с Джоном выпили по кружке, и я налил по второй, когда распахнулась входная дверь и в зал вошли трое одетые в форму странного вида. Джон сказал, что это полицейские. Они подошли к стойке и заказали себе ужин и пива. Вид у них был усталым, словно они очень давно находились в дороге. Так и оказалось, когда хозяин заговорил с ними, как с хорошими знакомыми. Став невольными свидетелями их разговора, мы узнали такое, что заставило чаще стучать наши сердца, а руки сами собой сжались в кулаки.

Из короткого разговора, который произошёл у трактирщика с полицейскими, мы узнали, что где-то там, на севере, милях в двадцати отсюда, произошло непонятное и встревожившее власти происшествие. Сегодня рано утром группа лесорубов увидела странное зрелище, как прямо из воздуха на лесную дорогу, по которой шли лесорубы, стали выезжать всадники в серых плащах с капюшонами, почти полностью закрывающими лица всадников. Единственный из выживших лесорубов, когда добрался до полиции, рассказал, что всадников он насчитал не менее двадцати. Чуть позднее, когда они проезжали мимо спрятавшихся от страха лесорубов, последних накрыла волна такого страха, что трое из них тут же умерли, один сошёл с ума и бросился под копыта всадников и тут же погиб, а оставшийся в живых потерял сознание. Очнулся он спустя часа два. Его всего трясло, а ко-

гда он увидел своих товарищей мёртвыми, его охватил такой ужас, что он бросился бежать и так бежал пару миль до полицейского участка. Начальник полиции того городка здраво рассудил, что со своими пятью подчинёнными ему с этой напастью не справиться, решил отправить гонца в столицу графства с донесением о случившемся, однако в одиночку ехать никто не захотел, вплоть до увольнения. Кто же захочет ехать двадцать миль, когда на дороге можно встретить такой ужас? После долгих переговоров с взбунтовавшимся личным составом, сошлись на том, что поедут трое. И вот они доехали до Мильтон-Хауса, а теперь остановились здесь, что бы хоть чуть-чуть передохнуть и перекусить.

– Может вам, господа, не стоит ехать на ночь глядя? – спросил трактирщик. – Уже стемнело, а вам ещё ехать не менее пяти миль. Вы что думаете, что тамошняя полиция среди ночи кинется выяснять, что у вас случилось? Вы лучше хорошо покушайте, переночуйте у меня, а завтра с рассветом в путь.

Полицейские, скорее для вида посоветовались, хотя по всему было видно, что ехать ночью им никак не хочется, и решили остаться. Я посмотрел на Джона, а он посмотрел на меня. Да, дела наши не очень...

– По моему, это по нашу душу, – грустно сказал Джон. – Когда мы пропустили удар, Учитель успел выдать им обратный удар, да такой, что мы вырвались оттуда безо всякого преследования. Однако, похоже, мы недооценили противни-

ка. Они оправились от удара довольно быстро, и, судя по всему, бросились в погоню. То, что мы сегодня услышали, говорит, что сюда по нашим следам прибыл отряд разведчиков, который должен обнаружить нас и вызвать подкрепление.

– Ты прав, – ответил я Джону. – Но меня сейчас волнует то, как уберечь твой родной мир от вторжения серой заразы. Мы оказались очень опасными гостями для твоего мира, хотя, как и для любого другого неподвластного Серой империи. За то, что произошло на севере, несём непосредственную ответственность мы. Это на нас смерть этих несчастных. Поэтому, я думаю, что бы как-то исправить это, мы должны уничтожить серых, да так, что бы они надолго забыли, что твой мир вообще существует.

– Что ты предлагаешь? – спросил Джон. – Предупредить Странника и совместными усилиями уничтожить серых всадников? А затем нам тревожить друзей? – ответил я. – Их всего двадцать или чуть больше. Разве мы с тобой сами не справимся? Насколько я знаю, ты, в своё время вдвоём с Учителем сумел уничтожить многие тысячи серых. Мы сейчас допьём своё пиво, потихоньку покинем этот гостеприимный трактир, я обернусь драконом, возьму тебя на спину, и мы полетим искать серых, а когда найдём, то знаем, что с ними делать.

– Может ты и прав, – с сомнением в голосе ответил Джон. – Но я всё же за то, что бы предупредить наших.

– Хорошо, – согласился я. – Можно поступить так: ты от-

правишься предупредить Учителя, а я полечу на поиски серых. Имей в виду, они перемещаются в основном по ночам, и сейчас они активно двигаются к Мильтон-Хаусу, так что медлить нельзя. Я бы не хотел, чтобы твоё родовое имя превратилось в руины.

– Но, как же ты полетишь один? – возмутился Джон. – Ты, что предлагаешь мне бросить тебя, когда ты полетишь сражаться? За кого ты меня принимаешь? Если бы ты не был мне другом, за такие слова я вызвал бы тебя на поединок.

– Ну, вот видишь, у тебя не остаётся выбора, так что не будем терять времени, а полетим искать серых, – со смехом ответил я на возмущённые слова Джона.

Джон был хорошим товарищем, он всё правильно понял и тоже засмеялся, снимая остатки раздражения. Мы быстро допили своё пиво, попрощались с трактирщиком и вышли на воздух. Уже было совершенно темно, над головой сияли звёзды, заметно похолодало – прекрасная погода для ночных полётов.

– Ты уверен, что мы поступаем правильно? – спросил Джон, видимо сделав последнюю попытку остановить меня. – У нас ведь даже нет оружия.

– Доверься мне, я знаю, что делаю, – уверенно сказал я. – А оружия нам и не надо, сегодня наше оружие магия.

Мы отошли метров на двадцать от трактира, и я обернулся драконом. Джон, видимо откинув свои сомнения, быстро забрался на мою спину и я взлетел, предварительно настроив

ночное виденье. Поднявшись метров на тридцать, я не спеша полетел на север, здраво полагая, что гости придут именно оттуда. Я уже было собрался бросить вперёд заклятие поиска, как вдруг мой нос дракона почуял запах серых, так что необходимость в заклятии отпала сама собой. Когда я сказал запах, я невольно покривил душой. Это был не запах, а самая настоящая вонь, словно где-то рядом находилась гора хорошо разложившихся трупов. Сразу стало ясно, что совсем близко находится отряд серых всадников, который движется под прикрытием устрашающего и парализующего волю заклятия (именно от него погибли несчастные лесорубы), причём, судя по мощности заклятия, отряд был значительно более многочисленный, чем предполагаемые двадцать человек. Я полностью погасил все заклятия, кроме ночного виденья, засечь которое практически невозможно.

– Джон, внимание, я их вижу, – телепатически сказал я Джону. – Погаси всю магию, что бы нас не заметили раньше времени.

– Понял тебя, – услышал я ответ Джона, которого я тут же перестал ощущать, словно он ненароком свалился с моей спины. Да, Джон умел так закрываться, что почувствовать его не было никакой возможности. – Что дальше?

– Сейчас я попробую их пересчитать, а потом будем принимать решение, – ответил я.

Снизившись метров на пять, я набрал скорость и, как только завидел авангард противника, перестал махать кры-

льями, и тихо стал планировать почти над самыми головами серых всадников. Их устрашающее заклятие на нас не действовало – мы давно выработали у себя иммунитет против него. Я не просто бесшумно планировал над колонной серых всадников, а ещё успевал их пересчитывать. Мало того, я ещё определял среди них магов. То, что я насчитал, пролетев над колонной серых всадников, меня несколько ошарашило. Их оказалось немного-нимало, а ровно двадцать тысяч, причём магов среди них было около трёх тысяч, да не простых магов, а магов очень высокого уровня. Да, они знали, за кем охотятся. Бьюсь об заклад, что и всадники здесь собрались одни из самых лучших.

Посчитав, что серым осталось ехать до Мильтон-Хауса ещё миль пять, и, учитывая скорость их движения, у нас оставалось в запасе часа два, не больше. Нужно было спешить. Я набрал высоту и сделал большой круг, что бы определить, нет ли поблизости ещё серых, но, на наше счастье, таковых не обнаружилось, хотя и те двадцать тысяч всадников, были не подарок. Однако времени было мало, нужно было, что-то решать. Я приземлился и принял свой человеческий облик.

– Послушай меня внимательно, друг мой Джон, – сказал я. – Дело оказалось серьёзнее, чем я полагал. Всадников оказалось чуть больше, чем мы предполагали. Кроме того, среди них оказалось множество магов и, поверь мне, магов очень высокого уровня. Отряд через пару часов будет в твоём име-

нии. Мы, конечно, их побьём, но Мильтон-Хаус будет, скорее всего, разрушен. Сейчас нам с тобой следует принять решение, как мы поступим.

– Насколько больше оказалось всадников? – как всегда спокойно, спросил Джон. – Ты можешь назвать конкретную цифру? Я ведь знаю, что ты успел их всех пересчитать. Ну-ка, признавайся.

– Всадников ровно двадцать тысяч, плюс-минус сотня, особо точно посчитать, как ты понимаешь, мне было недосуг, – ответил я. – Среди них три тысячи магов, причём не ниже третьего уровня. Идут без магии, что бы не привлечь внимание. Надо полагать, что здесь собраны лучшие из лучших. Видно, что ты с Учителем очень их напугали, если они, что бы захватить вас тяжелораненых, отправили такой серьёзный отряд.

Выслушав меня, Джон и бровью не повёл, и в этом был весь Джон; стоит только запахнуть жареным, с него сразу же слетает налёт аристократа вместе со снобизмом и вальяжностью, и он превращается в настоящего воина, бестрепетно глядящего в лицо смертельной опасности.

– Я всё понял, – сказал Джон. – Как же мы теперь поступим?

– Первым делом, я обращусь в дракона и отвезу тебя поближе к имению, – стал я излагать свой план. – Ты должен будешь быстро добраться до дома и, не мешкая, увести всех в Сегурию. Я же вижу, что вы ещё очень слабы, даже Учи-

тель, хотя он и хорохорится. Поэтому ты и Марк понесёте Яргуста, а Учитель возьмёт Цербу. Я же полон сил и у меня куча не испытанных ещё боевых заклятий, с удовольствием встречу эту банду.

Не дожидаясь ответа Джона, о содержании которого догадывался, я обратился драконом, подхватил Джона на спину и пулей полетел в сторону Мильтон-Хауса. Там, быстро ссадив Джона, и не обращаясь опять в человека, я попрощался с Джоном, причём прощание вышло скомканным.

– До свидания, друг Джон, – сказал я. – Поспешి спасти наших друзей, а за меня не беспокойся, я сделаю всё в лучшем виде и догоню вас. Да, Мильтон-Хаус обещаю вернуть в целости и сохранности. Прощай.

Я взмыл в небо, но успел заметить, что Джон, помахав мне рукой, повернулся и побежал в сторону расположенного метра в ста, от места, где я его оставил, Мильтон-Хаусу.

Оставшись один, я полетел навстречу с серыми всадниками, на ходу проверяя свой арсенал боевых заклятий. Следует сказать, что спокойный период моей жизни после свадьбы, я использовал с пользой. Любовь любовью, а дело забывать не стоит. В своё время Азар и Странник научили меня многим боевым заклятьям, так что базовые умения их использования у меня имелись, однако мастерство применения боевых заклятий необходимо было оттачивать самому. Это как с обычным оружием, тебя обучают основным приёмам использования того или иного оружия, а уж то, как ты им смо-

жешь владеть, зависит только от тебя.

Имея базовый арсенал, я, конечно, усиленными тренировками довёл своё мастерство до, смею утверждать, достаточно высокого уровня. Кроме того, я обучался сразу двум системам волшебства. В детстве я учился у Азара Высокому Искусству, в котором он был признанным мастером. Позднее меня учил магии Странник. При том, что как одна, так и другая системы волшебства происходили из одного источника, всё же между ними было много различий. Поэтому я, обладая базовыми знаниями обеих систем, и не отдавая предпочтения ни одной из них, стал создавать свою систему волшебства, включающую в себя всё лучшее обеих систем. И это мне удалось.

Будучи с раннего детства очень изобретательным человеком, я создал множество абсолютно новых заклятий, а многие старые усовершенствовал. Так что я летел навстречу врагам во всеоружии и с огромным желанием испытать мои заклятия в деле. Что самое удивительное, настроение моё было аналогично настроению, с каким я покинул империю Повелителей драконов, то есть у меня не было никакого напряжения, никакого волнения, которое непременно бывает перед схваткой, не было так же и боевого азарта, который, правда, возникает уже во время боя. Был лишь интерес, как работают мои заклятия, а так же озабоченность тем, как мне поступить, что бы серые надолго забыли о мире, где стоит Мильтон-Хаус.

Эта мысль не давала мне покоя всю дорогу, пока я летел навстречу врагу. Я почему-то был уверен, что смогу уничтожить их всех, но вот как раз этого-то делать и не следовало. Ведь, если все они погибнут, то серые рано или поздно захотят узнать, что случилось с их отрядом, а значит, пришлют поисковый отряд, а мне надо, что бы они надолго забыли об этом мире, что бы они боялись сюда заглядывать. Поэтому необходимо небольшую группу серых всадников всё же отпустить; магов же их надо уничтожить поголовно, хотя нет, парочку самых слабых, наверное, стоит пощадить – пусть думают, что их спасло чудо.

Я поймал себя на мысли, что я веду себя так, словно и не лечу навстречу смертельной схватке, а как делец, подсчитываю плюсы и минусы от выгодной, на первый взгляд, сделки. Как будто не прольётся сейчас человеческая кровь, словно десятки тысяч человеческих жизней не оборвутся в скором времени от страшного удара магии. Да, это серые всадники, которые уничтожают людей миллионами, да, они пришли сюда, что бы убить моих друзей и меня в том числе, но всё же они были людьми, пусть замороченными собственной властью, а я вынужден их убить.

Всё дело в том, что до сих пор я участвовал лишь в мелких стычках, где счёт противника шёл не единицы, редко на десятки. Кроме того, я ещё ни разу не сражался в одиночку. Всё это на какой-то миг привело меня в смятение чувств, я чувствовал, какая тяжёлая ответственность ляжет

на мои плечи, причём не когда-то в будущем, а вот совсем скоро, всего через несколько минут. Вдруг, словно вспышка, перед моим внутреннем взором возникло лицо Учителя, такое, каким оно было в наш разговор о долге, стоящем передо мной, и все сомнения мои канули в Лету. Всё, хватит сомнений, пора исполнять свой долг, иначе никак, иначе предательство; предательство друзей, предательство общего дела, предательство самого себя. Моё настроение стало прежним, что мне придало дополнительной уверенности в правоте моего дела. В заключение, перед моим взором показались Великие сестры, и Смерть самым непосредственным образом подмигнула мне.

Как только впереди показалось войско серых всадников, я опустился на землю и принял свой человеческий образ, здраво посчитав, что образ дракона пригодится мне чуть позже, когда нужно будет преследовать врагов. Я прекрасно понимал, что исход боя, особенно магического, во многом зависит от первого удара, поэтому именно этот удар я готовил особенно тщательно.

Первой задачей этого удара, по моим расчётам, было уничтожение примерно половины личного состава врага, и тем самым, деморализация последнего. Прежде всего, следовало уничтожить магов врага. Без них серые всадники особой угрозы не представляют, являясь всего лишь удобной мишенью для моих заклятий.

На землю я опустился на невысоком холме, с которого хо-

рошо просматривалась пустошь, по которой проходила дорога. Серых всадников пока видно не было, но они должны были вот-вот показаться на дороге. Позиция была превосходна. Отсюда я мог нанести по противнику свой первый ошеломляющий его удар. У меня всё было готово, оставалось лишь ждать, что я и сделал, полностью расслабившись и прикрыв глаза. Со стороны могло показаться, что я задремал. На самом же деле, я был весь как взведённая пружина, готовый в нужный момент разрядиться убийственным, уничтожающим всё на своём пути, заклятием.

Не знаю, сколько прошло времени, в такие моменты время останавливается, но когда, наконец, появился авангард всадников, я даже обрадовался. Никогда не любил ожидания. Действие – вот моя стихия.

Я сразу же начал нацеливать своё заклятие, что бы мой первый удар был максимально эффективным. Целью этого удара были маги серых, а так же командиры разного уровня. Одномоментное уничтожение тех и других, лишит управления воинство серых, превратив их в неуправляемую толпу, справиться с которой в дальнейшем не составит труда.

Пролетая прошлый раз над воинством серых, я посчитал только самую общую численность магов, идущих с серыми всадниками. Теперь я быстро проводил их разделение на соответствующие уровни. Это было важно, так как первый удар должен был уничтожить в первую очередь самых сильных магов, что давало мне шанс избежать ответного удара. Обыч-

но перед магической схваткой, маг выставляет защиту, которая в какой-то степени помогает отклонить или, в крайнем случае, смягчить удары противника. Однако у этой защиты есть свои недостатки. Помимо того, что она для собственного поддержания требует от мага много сил, она ещё выдаёт его противнику с головой, а вот этого-то мне совершенно было не нужно. Поэтому я отказался от заранее возведённой защиты, что бы ни потерять преимущество внезапного удара. Это, конечно, рискованно, но всегда и за всё приходится расплачиваться, да я всегда был за разумный риск, ведь без него жизнь становится пресной, как блюдо без соли и пряностей.

Мой анализ серых магов меня очень удивил. Неужели «благие боги» до такой степени боятся нас, раз для уничтожения четверых тяжелораненых врагов, они собрали, пожалуй, весь цвет собственной магии? Только Великих Мастеров магии, я насчитал сотню. Вот с этими-то и следует покончить в первую очередь, потому что если позволить им нанести совокупный удар, то от большей части родного мира Джона Мильтона, останется лишь пепел. Этого я никак допустить не мог. Около тысячи составляли маги первого и второго уровней – их тоже нужно уничтожить первым ударом. Остальные маги, третьего и ниже уровней были не так опасны, но и их следовало серьёзно проредить первым ударом.

Высшее командование со своим штабом двигалось ком-

пактно в центре войска, вместе с Великими Мастерами, что было мне на руку. Гораздо сложнее было бы выставить прицел, будь они равномерно распределены среди войска.

Ну, вот, цели определены, заклятие готово, и в любой момент можно спустить курок, выпуская на волю гигантские силы, сжатые и сдерживаемые до поры моей волей. Остаётся подпустить врага поближе. Вот в этом-то и кроется секрет настоящего воина-победителя, который наносит свой удар именно в то время и в том месте, когда это приносит победу, ни раньше и ни позже, если ты, конечно, хочешь быть победителем, иначе тебя просто не будет. Вот такая-то скорбная арифметика.

Когда я сочту, что время пришло, я произнесу всего лишь одно слово, да и то не вслух, и моё заклятие оживёт и придёт в движение. Первым ринется вперёд авангард самых грубых и поэтому самых концентрированных сил. Его задача – буквально смять защиту серых, а для этой цели особой тонкости и не требуется. Следом за авангардом ринутся в бой мириады мелких, но очень эффективных убивающих заклятий, которые должны почти мгновенно лишить жизни всех тех, на кого заклятие нацелено. В заключение по вражескому войску прокатится каток давящего заклятия, который должен уничтожить большую часть серых всадников.

Я ждал, погасив в себе все чувства и эмоции, вплоть до состояния полного безмыслия – не хватало ещё, что бы серые почувляли меня раньше времени. Наконец во мне что-то

щёлкнуло, и я понял, что время пришло. В полном внутреннем безмолвии я произнёс слово и тут же ощутил сильный толчок. Земля под моими ногами заходила ходуном, как при землетрясении, а там, где находилось всё руководство войском и сильнейшие маги, произошла яркая вспышка, настолько яркая, что я на мгновение ослеп, сопровождающаяся грохотом, подобным раскату грома над головой. Это было ещё самое начало. Спустя мгновение, огонь охватил всё войско серой империи, ярко осветив окрестности, которые быстро затягивал чёрный дым. В воздухе ощутимо запахло горелым мясом, а из тысяч глоток вырвался последний предсмертный вой – всё же сейчас там умирали не маги и серые всадники, а просто люди. Всё это продолжалось несколько секунд, затем огонь погас, причём вереск на пустоши ничуть не пострадал, а из дыма стали вырваться небольшие группы серых всадников, которые метались во все стороны, не зная, куда им направиться и имея лишь одно желание – убраться подальше от этого страшного места.

Эффект, вызванный моим заклятием, превзошёл все мои ожидания. Я насчитал не более трёх тысяч серых всадников, которым удалось вырваться из огненной купели устроенной моим заклятием. Среди них было с десятков магов и все они уровнем ниже третьего.

Сам факт того, что одним ударом было убито не менее семнадцати тысяч человек (соответственно столько же коней), потряс меня до глубины души. Нет, умом я понимал,

что враг, в общем-то, разгромлен, а значит, моя миссия может считаться выполненной. Добить остальных, было делом времени. Но вот душа моя никак не могла всё это принять. Короче говоря, первая победа радости мне не принесла, и я, заглянув в себя, понял, что этот бой, вернее бойня, что-то сильно изменил во мне, но, что именно я понять не мог, да и времени на самоанализ у меня просто не было – пора было что-то делать с оставшимися всадниками.

Те, пока я приходил в себя после потрясения, видимо были опытными воинами. Они быстро оправались от потрясения. Среди них сразу же нашлись командиры, которые быстро превратили разрозненные кучки всадников в серьёзный отряд профессиональных воинов. Они минут пять посоветовались (я им не мешал, наблюдая за тем, что они будут делать), затем, построившись в колонну по восемь, развернулись на сто восемьдесят градусов, и рысью поскакали на север. Я понял, что они спешат вернуться к месту перехода, для того, что бы именно там совершить переход туда, откуда они пришли. Я решил для себя, что если они решили убраться из этого мира, то не буду им в этом препятствовать, да и лишние жертвы мне не к чему, лишь провожу их до места перехода. Если же они замешкаются, я найду способ их поторопить; поэтому, подождав минут пятнадцать, я опять обратился в дракона и неспешно полетел за отрядом оставшихся после бойни серых всадников.

Я немного успокоился, хотя внутренний раздрай всё

ещё оставался, что мне не очень нравилось. Только спустя несколько часов я успокоился, однако навсегда запомнил, что магические сражения не идут ни в какое сравнение с поединками, в которых мне до сего времени приходилось сражаться. Поединок чем-то напоминал игру; это выброс адреналина, азарт, игра со смертью. Магическое сражение, – это тяжёлая, грязная работа, после которой на душе остаётся такой осадок, что вспоминать обо всём этом противно, а на земле лишь горы обгоревших трупов.

Был самый пик долгой осенней ночи; серые всадники, которые, как я знал, предпочитали передвигаться в тёмное время суток, всюду прищипывали своих коней, спеша до рассвета добраться до места перехода, я же, всё так же медленно следовал за ними.

Дело шло к рассвету, когда, наконец, всадники достигли известного им места перехода. Несколько магов, провозившись минут десять, открыли проход, и всадники, один за другим, стали пропадать в нём. Когда маги открывали проход, у меня появилась интересная идея, которую я тут же решил осуществить. Пока всадники проходили в проход, я вернул себе человеческий облик и сразу же применил заклятие невидимости. К сожалению, это заклятие очень сложно и долго удержать его не удаётся; надо будет в свободное время им заняться, что бы как-то модернизировать.

Как только все всадники ушли из этого мира, и маг, который должен был пройти последним и закрыть за собой про-

ход, взял своего коня за уздечку, что бы шагнуть в проход, я быстро проскочил проход и сразу же отбежал в сторону, что бы идущий за мной маг не натолкнулся на меня.

Я оказался в мрачном мире, где практически отсутствовала всякая жизнь, на небе не было ни солнца, ни звёзд, стояли серые сумерки, и всё это мне очень напоминало местность вблизи Трактира-на-перекрёстке, только здесь было холодно и пахло плесенью. Моя интуиция подсказала мне, что мы находимся где-то вблизи границ Серой империи. Вот это да... Значит, они умеют ходить напрямик, а не как мы, которые вынуждены, желая попасть в какой-либо из миров, должны проходить целую цепочку промежуточных миров, что значительно усложняет хождение по мирам. Надо будет при встрече расспросить об этом Кварга. Держать невидимость стало трудно, поэтому я быстро спрятался в развале валунов, который очень уместно оказался поблизости. Сделал я это очень своевременно; не прошло и минуты, невдалеке от меня засветился открывающийся проход. Ещё через минуту, из полностью открывшегося прохода вышли трое в серых плащах, одного из которых я сразу же определил, как мага чрезвычайно высокого уровня; он, судя по тому, как его спутники оказывали ему знаки подчинения, был очень важной персоной Серой империи. Я возблагодарил Творца, что вовремя погасил заклятие, иначе этот маг мигом бы меня обнаружил.

Всадники, выжившие после моего разгрома, опустились на колени перед пришедшим и так стояли, низко опустив го-

ЛОВЫ.

– Я так понимаю, что это всё, что смогло выйти оттуда? – толи спрашивал, толи просто констатировал факт, сказал скрипучим голосом, полным презрительного высокомерия пришелец и откинул капюшон своего серого плаща.

Пришедший оказался крепким на вид сухощавым стариком, с гладко выбритым лицом аристократа, украшенное крупным крючковатым, как клюв совы, носом, тонкими брезгливо поджатыми губами и слегка выпуклыми крупными глазами светло-серого цвета, которые, казалось, жили своей собственной жизнью. Да, это были удивительные глаза, они одновременно притягивали и отталкивали; в них было сосредоточие жизни этого человека, который, по-видимому, заслуженно обладал огромной властью, мог казнить и миловать, но всё же предпочитал казнить. Это был воистину страшный человек.

– Кто сейчас возглавляет этот сброд? – всё так же брезгливо спросил он одного из своих спутников, даже не взглянув на стоящих в позе полного подчинения, словно их здесь и не было. Чем-то он мне напоминал Архонта.

– Сейчас выясню, ваша милость, – с поклоном ответил тот.

Он повернулся к воинам и хорошо поставленным командирским голосом спросил, кто в данный момент исполняет обязанности командира. Один из всадников встал и строевым шагом подошёл к тому, кто задал вопрос.

– Командир тысячи, капитан Яндырь, ваша честь, – чётким голосом доложил серый, откинув капюшон и согнув правую руку в локте, направив открытую ладонь в сторону спрашивающего. – Исполняю обязанности командира всадников, уцелевших после гибели остальных воинов. Взял командование на себя, после гибели почти всех офицеров нашей армии, Вывел всех, кто остался в живых.

Он закончил доклад и опустил руку.

– Спроси его, как получилось, что вас разбили, да ещё так быстро, – приказал главный, даже не глядя на капитана.

– Расскажи, как получилось, что вас сразу же вычислили и разгромили, – приказал тот, кто спрашивал. – Говори конкретно и не вздумай врать.

– Как можно врать, ваша честь, – ответил капитан. – Я командовал тысячей всадников, двенадцатого отдельного полка, что входил, в части обеспечения армии. Наше дело было организация ночлега, провиант для армии и фураж для лошадей.

– Это можно пропустить, – приказал спрашивающий. – Мы отлично знаем обязанности интендантов. Давай ближе к делу.

– Слушаюсь, ваша честь, – ответил капитан. – Вошли мы в тот мир крайне неудачно – уже всходило солнце, поэтому командир выслал вперёд разведку, а остальным было приказано отдыхать до вечера. Ну, мы интенданты занялись своей работой, когда вернулась разведка. Оказывается, они сразу

же при входе в тот мир нарвались на местных, которые на наше счастье, сразу же умерли от соприкосновения с нашей защитой. Командиры по этому поводу были очень расстроены, а командующий армией приказал снять защиту, что бы нас через неё не засекли. Мы дождались сумерек и выступили в направлении имения, где засели враги империи. Шли очень осторожно, выслав вперёд и по бокам разведку. В таком боковом охранении был и я с двумя десятками всадников. Основную охрану выполняли маги, которые должны были уловить малейшее проявление вражеской магии, но всё было спокойно. Если на дороге появлялся кто-нибудь из местных, следовал сигнал от охранения; всё войско тут же освобождало дорогу и пряталось в лесу, возобновляя движение лишь после того как путники проедут. На наше счастье движение по дороге было не интенсивным. Так мы и шли, ничем не выдавая своё присутствие. Один раз нашу колонну обогнало три всадника, в форме местной полиции. По всему было видно, что они очень торопятся. У меня ещё появилось предчувствие, что спешная поездка полицейских, да ещё на ночь глядя, как-то связана с нашим появлением. Когда мы пошли дальше, я сказал, что бы они были особенно внимательными и обо всём подозрительном сразу же докладывать мне. Когда до нашей цели оставалось часа два, командиры отдали приказ удвоить осторожность. Ничто не предвещало беды, как вдруг, произошёл такой мощный магический удар, который в одно мгновение убил всех сильнейших магов и

командиров вместе со всем штабом. Мне повезло, я был в боковом дозоре, и это меня спасло. Когда огонь погас, а дым рассеялся, я оказался единственным уцелевшим офицером. Потом я собрал всех уцелевших и вывел их сюда.

Капитан окончил свой доклад и стоял, опустив голову, покорно ожидая решения своей судьбы. На какое-то время воцарилась гнетущая тишина, все ожидали, что скажет столь важная персона, какой, очевидно являлся пришедший через проход человек.

– Встаньте храбрые воины, – заговорил пришедший. – Вы сделали всё, что могли и заслужили награды, а не наказания. Я Догар, личный эмиссар Благих Богов объявляю всем вам благодарность. Имена всех павших будут занесены в пантеон героев храма Благих Богов. Всем будет выплачено жалование за полгода, в качестве премии, кроме того, всем предоставляется месячный отпуск.

Я обратил внимание, что когда Догар говорил о наградах для всадников, в его голосе абсолютно отсутствовало высокомерие, которое я поначалу посчитал основной чертой характера этого человека. Значит, этот Догар только играет роль этакого высокомерного аристократа, а на самом деле это очень умный, а значит и опасный для нас человек. Самый опасный враг – умный враг.

Всадники, выслушав Догара, дружно рявкнули: «Слава Благим Богам!»

– Капитан Яндырь, – продолжил Догар. – За заслуги пе-

ред империей, тебе присваивается звание полковника с вручением патента на командование дивизией, а так же премия в размере одной тысячи золотых монет. Отпуск, к сожалению, предоставить не могу – слишком много дел.

Бывший капитан, который до этого, похоже, уже прощался с жизнью, справедливо полагая, что его сделают козлом отпущения за провал операции, словно заново родился. Да, теперь он ещё более рьяно будет служить своим Богам. Молодец Догар, хорошо умеет создавать для империи преданных людей.

Догар повернулся к одному из своих сопровождающих, который записывал все слова своего начальника и отдал распоряжение, что бы всё, что он объявил сегодня, было незамедлительно выполнено. После этого он, как-то играючи, открыл проход и, велел следовать за ним, скрылся в нём. Серые всадники быстро построились в колонну по два и, ведя в поводу своих коней, стали уходить в проход. Последним ушёл один из секретарей Догара, закрыв за собой проход.

Оставшись один, я выждал несколько минут и вылез из своего укрытия. У меня был шанс последовать по следам серых прямиком в их империю, и соблазн сразу же воспользоваться этим шансом был очень велик, так что мне пришлось сделать над собой солидное усилие, что бы не поддаться этому соблазну. Проникнуть в серую империю прямо сейчас, скорее всего мне бы удалось, но что бы я там мог сделать? Скорее всего, границу очень тщательно охраняют, и вряд ли

мой переход остался бы незамеченным. Раз так, то меня постарались бы захватить или уничтожить, и наверняка у них это бы неплохо получилось. Нет, я ещё не готов в одиночку сражаться с Серой империей. Поэтому я ограничился тем, что очень осторожно исследовал место прохода с помощью познающих заклятий. Конечно, мы почти ничего не знали о магии серых, но я здраво полагал, что общие принципы их магии зиждутся на тех же самых законах, что и наша магия. Пропотев минут тридцать и выжав из этого места всю информацию, в которой я как ни старался, мало чего понял. Ладно, над этим можно будет потрудиться и в Сегурии, а пока оставляю как я здесь маячок; что-то мне говорило, что я ещё вернусь сюда, причём вернусь не один.

Оставив заклятие-маяк, я подошёл к месту, где ранее был открыт серыми проход, по которому я и проник сюда. Тут меня с огромным опозданием посетила мысль, а смогу ли я открыть прямой путь в мир Джона Мильтона, как это, правда в обратную сторону, сделали остатки воинства серых? Что, если мне придётся пройти множество миров, прежде чем сумею вернуться туда, откуда совсем недавно я проник сюда? Интересно, сколько на это потребуется времени? К моему великому сожалению, ответов на эти вопросы у меня не было. Ответить на них можно было, только эмпирическим путём, то есть своими ногами.

Я махнул рукой на все сомнения и принялся открывать проход. Он открылся легко, и это вселяло надежду, что у ме-

ня всё получится. Прежде, чем вступить в мерцающий передо мной проход, я, со всей возможной для меня степенью концентрации, представил Мильтон-Хаус, таким, каким я его запомнил. По наитию, я решил воспользоваться уже опробованному мной способом скоростного перемещения через миры. Когда всё было готово, я смело шагнул в проход и, быстро набрав скорость, понёсся по межмирию. Опять же, то же самое наитие, или интуиция, или инстинкт подсказали, когда нужно было начать торможение.

Я вошёл в мир Джона примерно в полукилометре от усадьбы Джона. Вот, как всё просто. Как говорится, а ларчик просто открывался.... Значит, мой метод скоростного перемещения через миры оказался родственным методу, разработанному в Серой империи, только мои разработки находились на начальном этапе, а серые довели их до такого совершенства, что были способны очень быстро перебрасывать из мира в мир целые армии. Конечно набор заклятий, которые применял я, не шли ни в какое сравнение с той очень сложной системой, которую я пытался разгадать. Ну, ладно, займусь этим позже, а сейчас меня ожидает Мильтон-Хаус.

Я быстрым шагом дошёл до закрытых ворот усадьбы и постучал. К моему удивлению, Сэмуэль почти сразу же открыл калитку, словно ожидал меня, хотя судя по приметам, было ещё очень рано – солнце только показалось из-за горизонта.

– Здравствуйте, сэр Кувай, – приветливо сказал Сэму-

эль. – Я жду вас уже третий день. Заходите, пожалуйста.

– Доброе утро, Сэмуэль, – поздоровался я, входя в калитку, которую он сразу же за мной запер. – Давно ли ушёл Джон с гостями? Да, вот, как раз трое суток, – ответил слуга, провозжая меня в дом. – Пойдёмте, сэр. Я должен вас хорошо накормить и всё рассказать.

Он провёл меня в столовую и усадил за стол на почётное место хозяина. Только оказавшись в имении, я понял насколько проголодался, ведь если учесть парадоксы времени, я не ел уже три дня.

– Одну минуту, сэр, – сказал Сэмуэль. – Я вас оставлю на минуту, что бы распорядиться насчёт обеда.

Он удалился, а я подумал, что обед – это хорошо, потому что завтрак, который поедали мои друзья, мне не приглянулся. Обед в Мильтон-Хаусе был несравненно лучше завтрака. Скоро вернулся Сэмуэль в сопровождении слуги, который поставил передо мной большую миску исходящего ароматным соком жареного мяса, блюдо с различными овощами и хлеб, порезанный крупными ломтями, запах от которого так обострил мой аппетит, что я чуть не захлебнулся слюной. В завершение обеда на столе оказался солидный кувшин с вином. Сэмуэль в почтительной позе стоял возле стола, явно готовый выполнить любую мою прихоть. Он был гораздо старше меня, и мне было неудобно изображать перед ним такого господина.

– Присоединяйся ко мне, уважаемый Сэмуэль, – предло-

жил я ему. – Обед всегда вкуснее, если ешь не в одиночестве.

Сэмуэль не стал отнекиваться, а, поблагодарив, уселся за стол. Слуга тут же поставил перед ним тарелку, изящный бокал и положил столовый прибор. Я тут же налил ему вина. Мы выпили, и я набросился на мясо. Минут двадцать я поглощал вкуснейшее мясо с овощами, заедая его свежим, ещё тёплым хлебом. Сэмуэль тоже взял себе мяса, но ел очень медленно, стараясь всем своим видом показать, что он не голоден, а ест только из уважения ко мне. Это меня позабавило – куда девался тот чопорный суровый старик, который совсем недавно не хотел пускать меня в имение Джона?

– Ответь, Сэмуэль, – спросил я. – Почему ты так заботливо принял меня, ведь хозяин твой ушёл?

– Да, сэр Кувай, они ушли, но перед уходом мой хозяин строго настрого мне велел встретить вас и обязательно хорошо покормить, – ответил старик. – Я исполняю то, что он мне поручил, хотя я сделал бы это и без приказа хозяина. Я ведь понимаю, что вы спасли Мильтон-Хаус, а может и вообще наш мир, от страшной опасности, так неужели ты думаешь, что я бы оказался столь неблагодарным, что даже не накормил бы тебя.

Было видно, что он сильно волнуется, поэтому незаметно для себя самого перешёл на ты. Меня это ни сколько не напрягло, скорее наоборот, мне было приятно, что этот славный старик не испытывает ко мне неприязни.

– Расскажи мне, что здесь происходило, когда твой хозяин

вернулся в усадьбу, – попросил я Сэмуэля.

– Он буквально прибежал в усадьбу и сразу же велел мне разбудить всех, – начал подробный рассказ старый слуга. – Когда все собрались в холле, он объявил, что сюда направляются серые всадники. Я-то слышал о них впервые, но по тому, как серьёзно восприняли это известие остальные, я понял, что дело очень серьёзно. Руководство сразу же взял на себя Странник. Первым делом он спросил, про вас, сэр, а когда узнал, что вы решили атаковать врага, он нахмурился и задумался. Думал он минут пять, потом спросил хозяина, сколько всего всадников, а когда узнал, что их двадцать тысяч и, что среди них много магов, нахмурился ещё больше. Спустя минут пять он спросил хозяина, что вы передали им, а когда узнал, что им надо быстро уходить, сказав, что вам видимо виднее и велел всем собираться. Они быстро оделись, взяли своё оружие, уложили раненого на носилки и вышли из дома. Тут на севере сильно загремело, словно началась гроза, а на небе засверкали сполохи. Земля под ногами затряслась, словно началось землетрясение. Странник внимательно прислушался, потом улыбнулся и сказал, что, вы сэр Кувай, вполне справитесь, а им действительно пора уходить. Я хотел им дать людей, что бы они помогли нести раненого, но Странник наотрез отказался. Он лишь попросил пока оставить волчицу Цербу, а когда вы явитесь в усадьбу, попросить вас, что бы вы взяли её с собой. Я, конечно, был не против, только попросил приготовить для неё сумку, что

бы я мог уложить в неё раненую волчицу и нести её, особенно, когда обращаюсь в дракона.

Всё время, пока я обедал, Церба крепко спала возле камня. Присмотревшись, я понял, что Учитель наложил на неё заклятие сна. Очень мудро, в таком виде я безо всяких хлопот донесу волчицу до Сегурии.

Мы просидели за столом часа два, я наелся до отвала, и пора было в путь, догонять друзей. Тепло, попрощавшись со стариком, и забросив за спину сумку с крепко спящей волчицей, я покинул Мильтон-Хаус. Сразу же за воротами я почувствовал след моих друзей, который был настолько отчётлив, что совсем не сложно было догадаться, что друзья мои специально об этом позаботились, зная, что я непременно пойду по их следам.

Пройдя с полмили, я добрался до места, где Учитель открывал проход. Не теряя даром времени, я в свою очередь, тоже открыл проход и очутился в мире, где царила зима. Вся округа, представляющая собой всхолмлённую равнину и поросшая чахлым лесом, была завалена глубоким снегом, на котором отчётливо были видны человеческие следы. Не сложно было догадаться, что эти следы принадлежали моим друзьям. Снега было примерно по пояс, так что им пришлось не сладко, с раненым на носилках, да ещё и сами не оправившиеся от ран. Однако мне это было только на пользу – значит, они не могли далеко уйти.

Не теряя времени даром, я снял со спины сумку с Цербой,

и обернулся драконом. После этого, прихватив сумку со спящей волчицей зубами, легко взмыл в воздух и полетел, ориентируясь по цепочке следов, которые отчётливо были видны. Примерно через полчаса полёта я обнаружил, что след резко обрывается, это означало, что здесь Учитель открыл следующий проход. Я плавно приземлился и сразу же, даже не обращаясь в человека, открыл проход. Прихватив с собой волчицу, я влетел в проход и сразу же был ослеплён заходящим солнцем нового для меня мира.

Здесь царствовала толи поздняя весна, толи раннее лето, что явилось резким контрастом с заснеженным миром, только что покинутым мной. Пролетев по инерции метров сто, я оказался на опушке дремучего леса, где увидел костёр и сидящих вокруг него людей. Это были мои друзья, по-видимому, отдыхающие после тягот прошлого мира. Я решил сделать им сюрприз. Быстро приземлившись, я принял свой человеческий облик, закинул сумку с Цербой на спину и стал подкрадываться к костру. Когда до костра оставалось шагов десять, я услышал насмешливый голос Учителя.

– Кувай, мой мальчик, хватит валять дурака. Я ещё не настолько стар, чтобы не почувствовать твоё приближение, – сказал Странник своим обычным ворчливо-насмешливым тоном. – Да, ты не забыл взять с собой Цербу?

– Конечно, не забыл, – несколько обиженно ответил я. Обида моя была наигранной. Это была у нас с ним своеобразная игра – я каждый раз старался подкрасться к нему, а

он всякий раз пресекал мои попытки. — Как я рад всех вас видеть, вы даже не представляете. Теперь-то мы мигом доберёмся до Сегурии.

Учитель встал и крепко обнял меня. Следом подошли Джон и Марк. К Яргусту я подошёл сам. Какое-то время была обычная суета, которая всегда бывает при встрече друзей, с которыми пройдена ни одна дорога. Я был счастлив; наконец-то вся наша дружная компания была в сборе, как долго мы не собирались вместе в общем походе. Пускай сейчас мои друзья были не в лучшей форме, но всё это поправимо. Самое главное, что все были живы.

Спешить нам было особенно некогда, а здесь у костра было уютно, как-то спокойно. Странник достал из своего мешка вместительную флягу и пустил её по кругу. Ласково светило солнце, дул лёгкий ветерок, пахло травой, какими-то неизвестными цветами, летали разноцветные стрекозы, весело щебетали птицы. Стоял обычный мирный летний день, а у меня было предчувствие, что это один из последних мирных дней, что предстоят всем нам в будущем. Впереди только война, и война эта очень и очень надолго, но если отказаться от неё, отойти в сторону, оставить всё так, как есть, то в будущем, причём в очень близком будущем, случится такое, что вот таких вот дней просто никогда больше не будет. Поэтому, хотя я и не люблю применять магию против людей, пусть это даже серые всадники, мне придётся этим заниматься, и заниматься долго.

Как бы ни было здесь хорошо, но дела толкали нас вперёд. Нужно было возвращаться в Сегурию, однако тащиться с раненым по мирам мне как-то не очень хотелось. Я помнил, как меня тяжелораненого в Запредельных горах несли на носилках Учитель и Джон, и чего это им стоило. Настало время отдавать долги, тем более, что у меня была одна идея, которая пришла мне в голову ещё до того, как я открыл проход из мира Джона Мильтона. Суть её заключалась в том, что бы обернувшись драконом, перенести скоростным способом моих друзей к входу в Сегурию, причём самым банальным образом – на собственной спине. А что? Я здоров и полон сил. Почему бы и нет? Ну а если не получится, то придётся топтать ножками.

Все собрались в дорогу и уже забросили свою дорожную поклажу на спины, когда я остановил их, предложив свои услуги в качестве ездового дракона. Сначала они засомневались, но я не стал их слушать, а тут же обратился в золотого дракона.

– Усаживайтесь все на спину, – прорычал я, и для большей убедительности выпустил изо рта тонкую струйку огня. – Я доставлю вас к самым дверям Сегурии.

– Ну, хорошо, мы согласны, – со вздохом сказал Учитель. – Проход мне открыть?

– Нет, я всё сделаю сам. Должны же вы ощутить прелести скоростного передвижения по мирам, – ответил я. – Садитесь и устраивайтесь поудобнее, да крепче держитесь.

Когда все разместились на моей спине и Учитель сказал, что они готовы, я, предварительно настроившийся на пирамидальную гору на пороге Сегурии, открыл проход и, не теряя даром времени, ринулся в него. Я уже не в первый раз летал по межмирию, поэтому для меня не была в диковинку скорость, с которой это происходило, чего не скажешь о моих пассажирах. Я очень явственно почувствовал их удивление и даже некоторую растерянность.

К моему удивлению полёт происходил легко, я даже почти не чувствовал тяжести моих друзей, которые, надо отдать им должное, очень быстро освоились на моей спине. Учитель даже, очень тактично, обратил моё внимание, что бы при выходе из межмирия, я учёл добавочный вес, который я приобрёл за счёт своих пассажиров. В ответ я заверил его, что обязательно учту этот фактор.

Мы летели, на мой взгляд, довольно долго. Наконец я почувствовал, что пора тормозить. Предупредив друзей, что бы держались крепче, я начал торможение. Вот тут мне пришлось попотеть, если бы драконы могли потеть, я бы был весь мокрый, так трудно было тормозить с лишним весом на спине. На будущее это надо будет учесть.

Наконец произошла яркая вспышка, и я вышел из межмирия. Совсем близко я увидел гору, так похожую на рукотворную пирамиду – мы долетели. Для того, что бы ещё больше сбросить скорость, я заложил лихой вираж и в восторге, что мы наконец-то дома, издал клич ликующего дракона.

Глава 4. Я принимаю тебя, Судьба

Прими Судьбу, как дар бесценный Бога,
Пусть будет тяжела она подчас;
Пускай она – дорога от порога,
Но лишь она счастливая для нас.
Ступи лишь на неё – она твоя на веки,
Она тебя не выдаст, не продаст,
И всё, что есть в тебе, как в Человеке,
Проявится и сил тебе предаст.
А жизнь твоя воздаст тебе сторицей,
За выбор твой, тебя в пути храня,
И Смерть, что Жизни вечная сестрица
Тебе не тронет, вечности даря.

Войско собралось возле терема владельца вотчины Сегурии, Мастера Высокого Искусства Азара, что бы оттуда выступить в поход. Хотя обитатели Сегурии в большинстве своём были воинами, они уже давно не принимали участия в войнах, и должно было произойти что-то действительно серьёзное, что бы войско Сегурии собралось покинуть вотчину и отправиться в поход на встречу с врагом.

Что же заставило, в общем-то, миролюбивых обитателей вотчины, взяться за оружие и собраться в поход, покинув

свою неприступную крепость, коей была вотчина Сегурия, ведь им самим ничего не угрожало. Долгие годы мирной спокойной и сытой жизни в вотчине, по идее должны были полностью вытравить в этих людях воинский дух, а не. Стоило только объявить набор добровольцев, желающих выступить на защиту империи Повелителей драконов, как, чуть ли не всё мужское население и немалая часть женского выразили желание вступить в ополчение и отправиться драться с серыми всадниками.

Не смотря на то, что население Сегурии уже давно жило в отрыве от своей Родины, которой являлась для них империя Повелителей драконов и для неё все они считались мятежниками и предателями, известие, что ей угрожает Серая империя, всколыхнуло в душах этих людей спящую до поры любовь к Родине, которую они никогда не путали с государством. Пришлось устроить отбор, разделив добровольцев на две неравные части. Большая часть добровольцев оставалась в Сегурии для защиты её, случись нападение на неё. Эту половину возглавил Ляргус, который, сославшись на свою старость, решил остаться в вотчине, что бы сохранить её в лучшем виде, как он выразился. Эта большая часть была представлена, в основном, простыми воинами, умеющими хорошо сражаться простым оружием, но вовсе не способными противостоять магии. Менее многочисленное, но зато более сильное войско, отобранное для похода, почти целиком состояло из драконов, хотя там были и маги, а так же неболь-

шой отряд демонов, примкнувший к войску в последний момент. Возглавлял этот отряд, который составляли самые отчаянные сорвиголовы Пограничья, повзрослевший Минг.

Сегодня Азар проводил последний смотр войскам, причём одинаково был придирчив, как к уходящим с ним воинам, так и к остающимся оборонять Сегурию. Деда было не узнать. Последние годы он почти не покидал Сегурию, и это дурно сказалось на его внешности и характере. Внешне он заметно постарел, в нём появилась какая-то, ранее не характерная для него, суетливость. Он стал, подозрительным, ворчливым, очень обидчивым, и хотя был много моложе Странника и даже Ляргуса, выглядел, по крайней мере, их ровесником. Хотя, в своё время, он сам передал меня в ученичество к Страннику, сейчас он заметно ревновал меня к нему. Вот уж воистину, ходящему-по-мирам противопоказано долго сидеть на одном месте, это его портит.

Когда на большом совете Сегурии было решено, выставить войско против Серой империи, все мы единодушно решили, что во главе его непременно должен был быть Азар, который ранее предложил командование Страннику. Учитель наотрез отказался, заявив, что он вообще не намерен участвовать в походе. Его заявление прозвучало, как гром среди ясного неба. Все были удивлены, не понимая очередного сюрприза Странника, и требовали у него объяснений, но он загадочно молчал, лишь заявил, что в своё время мы всё узнаем. Расспросы сразу же прекратились – все знали,

что пока Странник сам не захочет, он ничего не скажет. Никто, конечно, не заподозрил его в трусости, однако все ломали головы, пытаясь понять, что же задумал этот неугомонный человек.

Не ломал голову и не удивлялся лишь я, но вовсе не потому, что я был шибко прозорливым или меня это не интересовало, а потому, что я знал, что задумал мой Учитель, но знал лишь потому, что он сам посвятил меня в свои намеренья.

Когда волнения по поводу заявления Странника несколько улеглись, он встал и обратился к собравшимся на совет с довольно пространственной речью, суть которой сводилась к тому, что военный поход должен возглавить Азар, как хозяин Сегурии и опытнейший Мастер Высокого Искусства. Эта речь придала деду второе дыхание – он сразу даже, как бы помолодел, почувствовав свою нужность для общего дела.

Думаю, что я его понял. Ведь то, что с ним сделала оседлая жизнь в вотчине, есть следствие того, что его затворничество было predeterminedено моей судьбой, которая вплела в себя судьбы множества людей, в том числе и судьбу Азара. Причём, судьбы многих, происходящих не только из мира империи Повелителей драконов, но и из многих других миров, разделённых между собой не только пространством, но и временем. Все они, в общем-то, добровольно, взяли на себя тяжкую ношу ответственности, облегчив мою ношу. Вот поэтому-то эти люди были моими друзьями, мало того, они являлись моей семьёй, и я готов был в любой момент по-

жертвовать ради каждого из них собственной жизнью, да что там жизнью, даже посмертием, а что это значит для мага, могут понять лишь маги. Азар же ради меня пожертвовал всем, превратившись из бесстрашного ходящего-по-мирам в ворчливого старика, судить которого я не хотел, да и не имел на это никакого права.

Всё воинство, уходящее в поход, было разделено на три полка. Первый полк поголовно состоял из драконов и был главной ударной силой Сегурии. Помимо чисто боевых задач, перед ним стояла ещё и транспортная задача – быстро перебросить войско в нужное место. Возглавил этот полк Яргуст, уже оправившийся от ран. Он был, как всегда, спокоен, в меру суров и отлично знал каждого из своих воинов.

Второй полк был сформирован из магов и людей, которые, хотя и не владели магией, но зато прекрасно владели всеми видами обычного оружия. Этот полк был поручен Марку, чему он несказанно был удивлён, однако, как всегда, безропотно принял командование и занимался обучением подчинённых с обычной своей тщательностью, доходящую до педантизма, однако делал он это так аккуратно, что ни один из них не возмущался въедливостью командира.

Наконец, третий полк, самый малочисленный, составляли демоны, возглавил который заметно повзрослевший мой друг Минг. Все демоны были родом из Приграничья, привыкшие и умеющие воевать. Кроме того, среди них было много магов, в совершенстве владеющих своеобразной ма-

гией, присущей этому племени. Минг раздался в плечах, и хотя по меркам демонов он был ещё очень молод, у него уже отросли небольшие рожки, которыми он очень гордился, как и тем, что его назначили командовать своими сородичами.

Азар долго давал напутствие своему воинству, на мой взгляд, даже чересчур. Слов я не слышал, так как наблюдал за смотром из окна наших с Ниннэль покоев, находящихся на втором этаже терема Азара (своим жильём мы так и не обзавелись – всё было недосуг).

Вы спросите, почему я сидел в своей комнате, вместо того, что бы участвовать в смотре войск? Ответ предельно прост – меня попросил об этом Учитель, а уж если он просит, никто из нас, его учеников, даже мысли не допустит, что бы ни выполнить его просьбу. Может быть, именно поэтому Странник крайне редко приказывал, предпочитая просить. Он попросил, что б я ожидал его в моей комнате, никуда не отлучаясь. Как всегда объяснять он ничего не стал, а спрашивать его было просто бесполезно, пока сам не захочет – ни за что не скажет. Уж такой он человек. Вот поэтому смотр я наблюдал в окно своих покоев, а это достаточно далеко, так что видел я хорошо, а слышал плохо. Конечно, я мог бы применить магию, но не хотел – я и так знал все слова, которыми любой военачальник вдохновляет своих солдат на смертный бой. Всякие там: только вперёд, ни шагу назад, стоять насмерть и так далее, и тому подобное. Примерно такие понятия вкладывал в головы своих воинов Азар, хотя те и так

буквально рвались в бой. Но, судя по всему, Азар по другому не мог.

День выдался жарким и, глядя на стройные ряды войска, облачённого в полный доспех, в шлемах с опущенными забралами, мне было их по человечески жалко. Не хотел бы я вот так жариться в стальных латах на солнцепёке. Наконец Азар сжалился над своим воинством, а может у него просто иссяк запас торжественных слов, но он скомандовал торжественный марш.

Первым проходил полк драконов, на который я смотрел особенно внимательно. Для этого у меня была очень веская причина – в этом полку среди бравых широкоплечих воинов, чеканил шаг невысокий, хрупкий подросток; так, по крайней мере, на фоне высоких драконов-мужчин, выглядела неукротимая драконица Ниннэль, которая одна из первых записалась в войско.

О том, как Ниннэль оказалась в войске, отправляющемся сражаться с серыми всадниками, следует рассказать особо. Еще, будучи беременной дочерью, она мне заявила, что будет учиться боевому искусству. Я сначала от этих слов растерялся, но потом посчитал, что это всего лишь прихоть беременной женщины, и что бы ни расстраивать её сказал, что она вольна поступать, как ей заблагорассудится, лишь поинтересовался, зачем ей это нужно. Вот тут-то я и попался. Она с полной серьёзностью сказала, раз я будущий Повелитель, то она, будучи моей женой, будущая Повелительница,

а раз так, то обязана сражаться, да ещё напомнила мне, что моя мать, нынешняя Повелительница, всегда отправлялась на войну вместе с мужем и считалась настоящей воительницей. Что я мог на это возразить?

Видя, что Ниннэль настроена решительно, и отступать, не намерена, я решил посоветоваться с Ляргусом. Ни Учителя, ни Азара я тогда не нашёл поэтому пришлось потревожить старого жреца. Только я подошёл к его двери и ещё не взялся за ручку, как услышал голос старика, который ворчливым тоном приглашал меня войти, а не топтаться у порога. Хотя я знаю дедушку Ляргуса с самого рождения, всё никак не могу привыкнуть к его пронизательности. Открыв дверь, я обнаружил старца сидящим в своём любимом кресле и изучающим какой-то старинный манускрипт.

Когда я вошёл в комнату, он отложил свиток и внимательно посмотрел на меня своими совсем не старческими глазами.

– Я вижу у тебя ко мне разговор? – толи спросил, толи констатировал факт мудрец. – Присаживайся, Кувай. Рад тебя видеть. Давненько ты не заходил к старику.

Я прошёл в комнату и сел на стул возле стола Ляргуса. Зная, что старик очень не любит всякие словесные церемонии, я сразу же повёл разговор о главном. Я подробно рассказал о своём разговоре с Ниннэль и её желании обучаться Высокому Искусству, а так же освоить боевые искусства. В заключение я спросил его, что мне делать и как поступить.

Ляргус внимательно меня выслушал, затем с минуту подумал и заговорил.

– Чего-то такого я и ожидал, – еле сдерживая смех, заговорил Ляргус. – А насчёт того, что тебе делать и как поступить скажу одно – ты уже всё сделал и уже поступил, теперь время пожинать плоды.

Он не выдержал и весело рассмеялся, да так заразительно, что вскоре и я стал ему вторить, хотя, честно говоря, не видел в создавшейся ситуации ничего смешного.

Когда мудрый старик отсмеялся, я с некоторой долей досады, спросил, что его так рассмешило, ведь я вроде не сказал ничего смешного, а лишь попросил совета. В ответ Ляргус опять засмеялся и смеялся так, что на глазах его выступили слёзы.

– Это же надо было так умудриться, из всех невест Сегурии выбрать именно драконицу, а потом прийти ко мне за советом, как ему поступить, – отсмеявшись, сказал Ляргус. – Коли выбрал драконицу, будь добр принять её необузданный нрав. Это тебе не простая сельская девушка, которая безропотно слушается мужа. Ты сам дракон и прекрасно понимаешь, что суть дракона – огонь, а разве ты удержишь огонь в руках? Поэтому дай ей волю в её желаниях. Если будешь упорствовать – потеряешь её любовь. Поэтому не мешай ей. Кроме того, владеть Искусством и уметь обращаться с оружием в наше время очень может пригодиться, тем более твоей жене. Сам знаешь, что приближаются суровые времена,

и учёба вполне возможно, поможет Ниннэль просто выжить самой и защитить детей. Об её учёбе я позабочусь. Искусству я буду учить её сам, а для овладения техникой боя привлеку лучших бойцов Сегурии. Так, что насчёт её можешь не беспокоиться, тем более похоже, что в скором времени ты будешь очень занят.

Закончив говорить, старый жрец опять занялся своим манускриптом, давая мне понять, что аудиенция закончена, и мне пора убираться восвояси, что я и сделал, вежливо попрощавшись со стариком.

Теперь, вспоминая тот разговор, я с восхищением качал головой – да, за хрупкой внешностью моей молодой жены, скрывался неистовый дракон, который до поры, до времени дремал где-то в глубине её души, а теперь проснулся во всей своей красе и требует, что бы с ним считались. К любви, которую я испытывал к Ниннэль, добавилась значительная доля уважения, которое она, безусловно, заслуживала. Вместе с тем у меня появился страх за мою буйную жену, которая, как оказалось, ни в чём не знала меры. Страх этот для меня был некой новостью. Вообще-то раньше я просто не знал страха, разве, что присутствовал страх за своих друзей, спутников в моих хождениях по мирам, да ещё страх подвести товарищей, а теперь появился совершенно новый страх за жизнь любимого человека, и этот страх мне очень не понравился. Только много позже я понял, что страх этот является вечным спутником любви в её бесконечных странствиях по

пространствам и временам мироздания. Это страх за того, кого мы любим. До встречи с Ниннэль я даже не догадывался, какой высоты может достигать любовь, поэтому и не ведал страха, хотя любил практически всё, что меня окружало, особенно людей, которые стали моей семьёй. Но все они были взрослые сильные люди способные за себя постоять, поэтому в своей детской наивности я был уверен, что с ними никогда ничего не случится. Вот почему в то время у меня не было страха за близких мне людей.

Однако стоило мне полюбить Ниннэль, как всё стремительно изменилось, да так, что я временами сам себя не узнавал. Первым, на что я обратил внимание, была совершенно не свойственная мне робость, временами переходящая в самую откровенную трусость, стоило только мне увидеть её. Сознание говорило мне, что надо подойти к Ниннэль, заговорить, протянуть руку, а невесть откуда взявшийся страх тут же превращал меня в этакое неуклюжее косноязычно-го придурка. Близкие мои, а все они были зрелыми мужчинами, если не считать Минга, буквально потешались над моим поведением. Они давали мне такие советы, что я готов был тут же обратиться в дракона и улететь, куда глаза глядят, чем слышать насмешливые реплики типа – вот, что делает любовь с людьми, такого дракона потеряли и тому подобное. Я сам себя ругал последними словами за мою трусость, много раз принимал решение, что вот сейчас подойду и всё ей скажу, и каждый раз с позором ретировался.

1

Это было удивительное состояние, которое мне одновременно и ужасно нравилось и страшно пугало, и которое я ни за что на свете не хотел бы лишиться. Я похудел, плохо спал, иначе говоря, весь извёлся; тогда три моих старца – Странник, Ляргус и Азар, видимо сжалились над моими муками, решили посватать за меня мою Ниннэль. Когда же сватовство и следующая за ним помолвка успешно произошли, я испытал огромное облегчение и одновременно новую форму страха. Если до этого страх был какой-то ирреальный, физиологический, что ли, то теперь он стал более понятным, во всяком случае, я понял его, как опасение огромной ответственности за судьбу моей возлюбленной, которую я взял на себя, решив связать жизнь свою с Ниннэль.

Рождение первенца добавило к ответственности ещё страх за жизнь этого крошечного существа, который смотрел на мир моими глазами. Затем жена моя благополучно родилась дочерью, в которой я увидел отражение моей Ниннэль, а хорошенько присмотревшись, увидел маленькую драконицу. Тогда ответственность моя возросла до такой степени, что превратилась в страх за семью. Сначала мне это не очень нравилось, но затем я как-то свыкся и стал почти не замечать этого страха, который просыпался во мне только, когда я покидал Сегурию, принимая форму тоски по семье.

Я уже вполне освоился, когда незадолго до моего ухода на выручку отряда Учителя, моя скромная жена, глядя на меня своими прекрасными глазищами, заявила мне, что намерена заниматься магией и боевыми искусствами, как только родит дочь. Это-то было ещё ничего, но она твёрдо заявила, что намерена стать воительницей, подобно моей матери Повелительницы драконов. Все мои попытки отговорить жену упёрлись в мягкую, но непробиваемую стену; да, у моей Ниннэль был характер, проявлений которого я, честно признаться, иногда даже побаивался.

Когда в Сегурии объявили мобилизацию добровольцев на войну с Серой империей, моя маленькая Ниннэль была в числе первых добровольцев, заявивших о своём желании идти громить серых всадников. Когда я воспротивился, сославшись на маленькую дочь, которую надо кормить, она ответила, что уже нашла кормилицу, а о детях есть, кому позаботиться – в роду Белого облака хватает тётушек и бабушек. Глянув в глаза жены, я прочёл в них такое твёрдое решение, что сдался и перестал возражать, а в душе моей поселился тот, новый для меня страх, который только много позже я смол понять, как страх за жизнь любимого человека, который был перемешан с гордостью, что у меня такая жена.

Теперь я с волнением наблюдал из окна прохождения закованного в сплошную стальную броню полка драконов, пытаюсь разглядеть в его рядах мою Ниннэль. Впереди с мечом наголо чеканным шагом шёл Яргуст, который этим пол-

ком командовал. Он слегка прихрамывал, видимо недавняя рана ещё напоминала о себе. Он один шёл с поднятым забралом своего глухого шлема, украшенного султаном чёрных перьев.

Все остальные воины полка шли с опущенными забралами, так, что лиц их видно не было. Азар твёрдо придерживался старинных обычаев империи Повелителей драконов. Согласно одному из них, воины, отправляющиеся на войну, должны были скрывать свои лица. На первый взгляд, это был один из странных обычаев, возникших в глубокой древности, коих в империи было множество. Практически никто не понимал смысла их, но, тем не менее, свято соблюдал. В этом была мудрость, переданная нашими далёкими предками, которая позволила существовать империи не один десяток тысячелетий. Я понял этот обычай так, конечно, это лишь мои предположения, что в древности, когда империя только создавалась и вела постоянные войны с соседями, лучшие воины, что бы ни быть убитыми по подлому, специально нанятыми для этого наёмными убийцами, вынуждены были прятать свои лица. Существовал тогда такой подлый, по сути, способ ведения войны, надо полагать, достаточно эффективный. Представьте себе, что какой-либо правитель решил напасть на соседа. Если известны лучшие воины врага, то можно нанять наёмных убийц, которые быстро покончат с элитой воинов врага, а это, чаще всего, решало исход войны. Существовал даже орден убийц, которому было всё равно,

кого убить, лишь бы деньги платили. Поэтому правитель, который нанял убийц, приказывал своим воинам скрывать лица, дабы враг не мог запомнить особо выдающихся воинов и потом заказать их убийцам, ведь этот правитель знал, что его противник вполне мог тоже заказать убийство его лучших воинов.

Полк прошёл, а я так и не рассмотрел в его рядах Ниннэль, но не огорчился по этому поводу, зная, что вечером смогу не только увидеть её, но и обнять. Однако я очень сильно ошибся. Только начал маршировать сборный полк людей, которым командовал Марк, как в комнату без стука вошёл Учитель.

– Быстро собирайся, мы уходим, – приказал Странник, тоном нетерпящим возражений. Когда он так говорил, его надо было слушать, не задавая вопросов. – Идём налегке, возьми только самое необходимое. Всё остальное ты получишь, когда встретишься с нашим войском. Идти будем молча, максимально скрытно. Разговаривать можно будет, когда я скажу. У тебя десять минут, жду внизу.

Он повернулся, и, не говоря больше ни слова, вышел из комнаты. В этом был весь Странник. Если уж он на что-то решался, то нипочём заранее не скажет, что задумал, а мы – его ученики зачастую всю дорогу ломаем головы, пытаюсь догадаться, что он задумал в этот раз. Как правило, ни одному из нас так и не удалось заранее разгадать ни один из его замыслов. Поэтому я даже не стал пытаться этого делать,

здорово рассудив, что он сам посветит меня в свои намерения, когда сочтёт нужным, а быстро переоделся в дорожную одежду и, прихватив свой заплечный мешок, спустился на первый этаж. Из оружия я взял с собой только привычный кинжал, который ничуть не был обузой при ходьбе. Оружие для серьёзного боя, хотя я полагал, что до этого не дойдёт, мне доставят, так что оказаться без оружия в момент серьёзного сражения мне не грозило, да, я и сам по себе был грозным оружием.

Спустившись в холл, я застал там Учителя, который о чём-то говорил со старым Ляргусом, причём, я заметил, что у них полное согласие, что бывало нечасто. Я поздоровался со старцем и тот в ответ тоже тепло меня приветствовал.

– Следуй за мной, Кувай, – коротко бросил Учитель, и, попрощавшись с Ляргусом, вышел во двор.

Я тоже попрощался и вышел следом за Странником, который своим быстрым пружинистым шагом уже шагал к месту открытия прохода. Ждать он меня, судя по всему, не собирался, поэтому мне ничего не оставалось, как прибавить шагу, чтобы не отставать.

Мы стремительно перемещались по мирам, причём, ни смотря на объявленную скрытность нашего похода, Странник как-то очень небрежно открывал сразу по несколько проходов, производя при этом столько шума, что нас не слышал только глухой, причём сами мы всю дорогу не обмолвились и словом. Из всех открытых проходов Учитель, по

какой-то известной лишь ему, закономерности выбирал для нас один, куда мы быстро входили, что бы всё повторить сначала. Не трудно было догадаться, что Странник путает следы, видимо опасаясь, что за нами наблюдают. Наконец, когда мы оказались в одном из миров, Учитель объявил привал. Мы шли уже достаточно давно, и уже стала сказываться усталость, так что привал оказался кстати.

Я осмотрелся, и мне показалось, что я когда-то в этом или подобном ему мире, уже бывал. Странник, видимо обратил внимание на то, как я осматриваю этот мир, наконец-то прервал молчание и заговорил.

– Что, что-то знакомое? – с усмешкой произнёс Учитель, и, видя, что я теряюсь в догадках, пришёл мне на помощь. – Это же мир Джона Мильтона, мой мальчик. Неужели не узнал? Мы сейчас недалеко от его усадьбы. Теперь мы немного отдохнём, а я тебя пока посвящу в мои дальнейшие намеренья.

После слов Странника стало понятно, почему мне этот мир показался знакомым, просто мы вошли в него в месте, где я ещё не бывал. Бывает, что даже в своём родном городе, человек может оказаться в совершенно незнакомом ему районе и нипочём не узнает своего города, при условии, если он не помнит, как там очутился. То же самое случается и с ходящими-по-мирам, причём достаточно часто, ведь редко удаётся войти в один и тот же мир в одном и том же месте. Поэтому, войдя в очередной мир, ходящий-по-мирам дол-

жен какое-то время адаптироваться, что бы определить, бывал он уже в этом мире или нет. Учитель, очень тактично, за что я был ему очень благодарен, избавил меня от этой адаптации – страшно не люблю тратить время на всякую ерунду, типа этой пресловутой адаптации.

– Ты стал взрослым, Кувай, – с лёгкой печалью в голосе заговорил Учитель, присев на землю и предложив мне сесть рядом. – Ты научился ждать и не задавать лишних вопросов, а именно это является самым верным показателем того, что человек стал взрослым. Ты многому научился, а во многом превзошёл меня, и я очень рад этому – ученик просто обязан превзойти учителя, иначе учитель никуда не годится. Будем считать, что твоё ученичество у меня заканчивается. Это наша с тобой вылазка будет для тебя что-то типа выпускного экзамена.

Он замолчал, о чём-то задумавшись. Я тоже молчал – что тут можно было сказать, лишь банальное, что все, мол, проходит. Проходит-то, проходит, но почему-то на душе грустно и печально. Вот и ещё одна страница жизни прочитана до конца и сейчас будет перевернута, что бы открыть новую, ещё девственно чистую. Что будет написано на этой странице – Бог весть, об этом мы узнаем позже, когда она будет написана до конца, и придёт время переворачивать и её. Однако почему-то жалко, что предыдущая страница закончена. Хотя прекрасно понимаешь, что она никуда не денется, что в любой момент я могу прочитать её вновь в своей памяти, а

всё же жалко той неповторимой свежести новизны, которая присутствовала во мне в то время, когда я писал эту страницу.

– Я взял тебя с собой в качестве проводника, но это не главное, – задумчиво заговорил Странник. – Главное – мне нужно с тобой поговорить, и разговор будет у нас строго конфиденциальный. Всё, что ты сейчас услышишь от меня, должно в тебе и умереть, ибо весь мой замысел основан на абсолютной скрытности. Однако я тебя ни в коей мере не хочу к чему-либо принуждать – это не в моих правилах. Если ты не готов принять и хранить в себе информацию, которую я хочу тебе передать, так и скажи, что бы я мог рассчитывать только на себя. Этим ты меня несколько не обидишь, наоборот, я буду спокоен уже тем, что не втянул тебя в очень сомнительное дело, а реализация того, что я задумал и вправду очень сомнительна. Решение за тобой, мой мальчик.

Он высказался и теперь ждал моего ответа, а я, по правде говоря, сначала немного растерялся и даже слегка обиделся, но подумав пару минут, понял, что слова Учителя продиктованы вовсе не желанием меня обидеть, а наоборот они выражают самую искреннюю заботу о моей персоне. В этом был весь Странник, привыкший всю свою жизнь полагаться лишь на себя, а самые трудные и подчас самые опасные свои замыслы предпочитал осуществлять в одиночку, дабы не подвергать смертельному риску друзей. Я видел, что сейчас Странник задумал, что-то грандиозное, причём на столь-

ко, что хочет поделиться своим замыслом со мной, что бы я, в случае его гибели, мог реализовать до конца его замысел. Естественно, что я не мог отказать Учителю в такой просьбе, прекрасно понимая, что ему больше некого попросить об этом.

– Я сохраню всё, что ты скажешь, – просто ответил я.

– Я в тебе никогда не сомневался, мой мальчик, – так же просто ответил Учитель. – А теперь слушай и постарайся не задавать вопросов, я на них пока не отвечу. Всё в своё время.

Когда Учитель произнёс эту фразу, я почувствовал серьёзный толчок силы – Странник поставил очень мощную защиту от подслушивания. Да, дело, видать, действительно очень важное, раз Учитель прибегнул к такому мощному заклятию.

Рассказ о своём замысле, по времени занял у Странника не менее двух часов, настолько он был масштабен и многопланов, причём, как в пространстве, так во времени. Он потряс меня до глубины души, да так, что, выслушав Учителя, я сидел придавленный обрушившейся на меня лавиной информации, по крайней мере, полчаса.

Я думал, что хорошо знал своего Учителя, но оказывается, что знал я лишь малую часть того, что представлял собой Странник. Мне сразу же вспомнилось моё недавнее посещение Обсерватории и те могучие светящиеся существа, что называли Странника братом. Да, удивительные коленца иногда выделяет судьба, сводя нас с такими удивительны-

ми людьми (людьми ли?), как Странник.

Придя в себя, я обнаружил, что Учитель, как-то отрешённо смотрит на меня, словно, здесь находится лишь его плоть, а дух его пребывает где-то очень-очень далеко. Я понял, что он уже давно живёт в своём замысле, а здесь он присутствует малой своей частью, достаточной, что бы грамотно действовать, как говорится, здесь и сейчас.

– Вот ты и принял то, что будет занимать твоё сознание много-много тысячелетий, – грустно сказал Странник. – То, что будет для тебя целью и смыслом всей твоей жизни, а она будет у тебя удивительно длинная. Не пройдёт и полгода, как закончится агония и рухнет империя Повелителей драконов. Мы сделали всё возможное, что бы гибель великой империи прошла максимально безболезненно. Так оно и будет, но конец империи Повелителей драконов – это начало гибели величайшего в мироздании вампира, пожравшего множество миров, коим является Серая империя. Скоро ты, мой мальчик, завершишь увиденный Ляргусом вариант твоей судьбы. Однако на этом твоя судьба не заканчивается, ибо сейчас, приняв от меня информацию, ты обрёл новую судьбу, которая пока дремлет в тебе, ожидая своего часа. Она откроет глаза и властно поведёт тебя за собой лишь тогда, когда завершится твоя предыдущая судьба. Тогда то, что ты услышал от меня, станет твоей судьбой, которая уже давно стала моей. Две наши судьбы теперь переплетены так, что станут для нас общей. К сожалению, судьбы наших друзей,

хотя и близки нашим, но рано или поздно мы с ними расстанемся, поэтому они не должны знать ничего из того, что я тебе рассказал, даже твоя возлюбленная Ниннэль, даже твои дети, иначе эта судьба может измениться до неузнаваемости, а это крах всего нашего дела.

Я сидел несколько ошарашенный таким поворотом дела. Почему-то раньше я не задумывался посмотреть на свою жизнь в этом ракурсе. Ведь действительно, ту часть жизни, которую я прожил до сих пор, в общих чертах определил старый Ляргус, как судьбы наиболее приемлемый для меня и для мира, в котором я появился на свет, с его точки зрения, конечно. Мне нисколько не претило то, что старый жрец так определил мою жизнь на период от рождения до завершения моей миссии, которая заключается, в том, что бы ценой гибели империи Повелителей драконов спасти её наследие и тем самым обеспечить её возрождение в отдалённом будущем. Я не был в обиде на Ляргуса, ибо на очень глубоком уровне моего сознания понимал, что Ляргус лишь озвучил то, что было определено когда-то очень давно и очень далеко отсюда, и определено тем, кто единственный имеет право определять судьбы живущих в мироздании, будь то люди, демоны, драконы или даже Боги. Я принял и жил этой судьбой, понимая, что это мой долг перед тем, кто в своей бесконечной милости дал мне возможность просто жить. Причём жить не бесцельно, как у многих мне подобных, а жить, устремляясь к высокой цели – внести свою лепту в непредставимо

сложный замысел, направленный на поддержания мироздания в некоем устойчивом равновесии. Я вдруг почувствовал, что стою в одном ряду с Вселенским маятником и Обсерваторией. Да, масштабы наших возможностей очень различались, а вот функции наши были схожи – все мы должны были поддерживать Равновесие мироздания, обеспечивая его устойчивость. Поэтому изначально передо мной не стояло выбора, чью сторону принять, тем более что выбор был невелик. Хотя, как я понимал, моей задачей было разрушение, но это разрушение должно было обеспечить сохранение равновесия, которое ко времени моего рождения было уже серьёзно нарушено.

Я твёрдо знал, что выполню задачу, поставленную предо мной самой жизнью, а вот, что я буду делать дальше, для меня было покрыто мраком. Было такое ощущение, что исполнив долг, я должен буду уйти, так как не вижу конкретной задачи на остающуюся часть жизни моей, ведь нельзя же считать целью абстрактную борьбу с Серой империей. Потому что любая борьба, всего лишь средство достижения какой-либо конкретной цели, а вот конкретной же цели моей последующей жизни я тогда и не видел. Выслушав Учителя, я сразу же понял, что вот она цель дальнейшей жизни моей, а посему с радостью и каким-то облегчением принял эту новую для себя судьбу, хотя если хорошо подумать, она являлась закономерным продолжением моей нынешней судьбы. Опять же, меня ничуть не обидело то, что эту новую судьбу,

по большому счёту, сформировал для меня Учитель, сделавший для меня даже больше, чем в своё время Ляргус, который лишь опосредованно был связан с моей судьбой. Нет, он пошёл значительно дальше, напрямую связав две наши судьбы, создав одну общую для нас обоих судьбу, и за это я был ему безмерно благодарен. Всё же привычка постоянно жить целеустремлённо, не позволяла мне жить без цели, поэтому я с трудом представлял себе, то, как буду жить после завершения моей первой судьбы. Теперь же всё встало на свои места, я вновь обрёл конкретную цель.

Мы сидели со Странником ещё примерно полчаса, не говоря не слова. Да, и о чём говорить, когда всё сказано, когда каждый из нас понял друг друга и, как я почувствовал, мы оба испытали облегчение; я от того, что вновь обрёл цель, а значит и смысл собственной жизни, а Учитель от того, что я так легко согласился разделить с ним нашу общую судьбу, тем более что задача, стоящая перед нами была столь грандиозна, что ни один из нас в одиночку не смог бы её решить.

Молчание начало тяготить меня; всё же я был человек действия. Я достал из заплечного мешка изрядную флягу с вином и протянул её Учителю.

– Давай выпьем за нашу общую судьбу, что бы все, что нам положено мы исполнили, а если получится, то и больше, – произнёс я тост, впервые нарушив субординацию по отношению к Учителю.

– Хорошо сказано, сынок, – ответил Странник и, сделав

большой глоток, вернул флягу мне. – А теперь я объясню тебе, что ты должен будешь сделать, тем более что никто кроме тебя этого сделать не сможет.

– Слушаю, Учитель, – со вниманием сказал я, сделав предвзвешенно глоток из фляги. – Всё, что в моих силах и даже больше....

– Ну, думаю, что больших усилий от тебя не потребуются, – с улыбкой сказал Учитель. – Тебе нужно будет лишь провести меня тем путём, каким ты недавно сопровождал серых всадников, аккуратно до места, где они открывали проход в свою империю. Ты говорил, что оставил там заклятие-маяк.

– Что ты задумал? – с тревогой спросил я Странника. – Неужели ты хочешь....

– Да, именно этого я и хочу, – перебил меня Странник, видимо опасаясь, что нас могут услышать, хотя мои магические чувства говорили мне, что вокруг, по крайней мере, на милю, никого, способного нас подслушать, не наблюдается, но Учителю видней. Я бы тоже, реши совершить то, что задумал учитель, соблюдал бы сверх бдительность. – Я отправляюсь в глубокую разведку противника. Как я посчитал, это самое подходящее время и место, что бы заглянуть в логово. Как только вы ввяжетесь в бой, и серым будет не до охраны своих проходов, я пройду через тот проход, которым они в тот раз ушли.

Он был, как всегда, прав, лучшего места и времени для

проникновения в Серую империю трудно было найти. Когда ещё представится такая возможность? Однако и риск был огромен, ведь проникнуть в Серую империю – полдела, нужно ещё оттуда выбраться, да так, что бы это было по возможности без шума. Я не стал отговаривать Учителя, тем более, что это и не имело никакого смысла – если уж Учитель чего-то твёрдо решил, нипочём не откажется от своего замысла.

– Я понял тебя, Учитель, – сказал я. – Конечно, замысленное тобой очень рискованно, но, пожалуй, это единственная возможность более-менее незаметно проникнуть в Серую империю. Мне не нравится лишь одно – то, что ты идёшь туда один. Почему бы тебе не взять меня с собой?

– Вижу, что рано посчитал тебя взрослым, – ворчливо ответил Странник. – Именно потому, что ты знаешь нашу общую судьбу, я и не могу взять тебя с собой. Если со мной что-нибудь случится, ты сможешь реализовать наш замысел, а если мы пропадём оба, то и замысел пропадёт вместе с нами, а события в мироздании пойдут совсем по другому сценарию, и я не уверен, что этот сценарий тебе бы понравился. Кроме того, ты не забыл, что у вас тут война и тебя ждут в войске?

Он был, как всегда прав, поэтому мне нечего было возражать ему. Мы ещё выпили по глотку и отправились в путь. Для ходящего-по-мирам нет ничего проще, чем повторить однажды пройденный путь, поэтому я был абсолютно спо-

коен в том, что выведу Учителя к тому самому месту, где я оставил своё заклятие-маяк, нужно было лишь выйти на то место, где в прошлый раз я вышел в этот мир. Я прикинул, где это, и спустя минуту, уже знал место, где нужно будет открыть переход. Оно находилось километрах в трёх северо-западнее места, где были мы. Примерно через сорок минут спокойной ходьбы мы подошли к месту перехода, которое я сразу же узнал. Всё, можно было открывать проход, но тут произошло то, чего ни я, ни Учитель не ожидали.

Только я приготовился открыть проход, как послышался топот скачущих лошадей и на поляну, где мы находились, выехал конный отряд, судя по форменной одежде, это были полицейские. Этого только не хватало. Я уже было приготовился применить отводящее глаза заклятие, но Учитель остановил меня.

– Давай прежде узнаем, что привело сюда полицейских, – шепнул мне Учитель.

Отряд подъехал к нам и предводитель его, спешившись и передав коня одному из своих спутников, подошёл к нам.

– Джентльмены, – отдавая честь, обратился к нам полицейский. – Позвольте представиться, капитан Тракс, к вашим услугам. С кем имею честь?

– Мы гости сэра Джона Мильтона, – представился Странник. – Я Альберт Эйнштейн, а это мой друг и ученик Нильс Бор. Вот вышли прогуляться по окрестностям. У вас здесь чудесные виды.

– Рад познакомиться, джентльмены, – радушно ответил Тракс. – У нас действительно очень живописные места. Только будьте осторожны. Полгода назад здесь произошли трагические события. При загадочных обстоятельствах погибли люди. С тех пор мы вынуждены постоянно патрулировать окрестности. Вы здесь не встречали кого-нибудь или не видели чего-нибудь странного?

Учитель был самой любезностью, так что капитан, который подошёл к нам с некоторой напряжённой настороженностью, расслабился и даже позволил себе улыбку.

– Нет, ничего такого мы не видели, – с улыбкой ответил Странник. – А позвольте узнать, что здесь конкретно произошло?

– Хотел бы я сам знать это, сэр, – со вздохом ответил полицейский. – Просто милях в десяти-двенадцати к северу отсюда погибли, причём достаточно странной смертью, несколько лесорубов, а позже произошла какая-то странная гроза, это осенью то. Гремело так, что все подумали, что наступил конец света. Утром на этом месте нашли целую кучу обгоревших до неузнаваемости человеческих и конских тел. Понаехало начальство, аж из столицы. Долго все гадали, что это за люди и почему они здесь погибли, но так ничего и не поняли. Потом пригнали сюда сотню каторжников из каторжной тюрьмы, что в Брингсфельде. Они выкопали большую яму, собрали туда все останки и похоронили их вместе с останками лошадей. Теперь там братская могила. Это в полумиле

отсюда, но не стоит туда ходить. Место это пользуется дурной славой, сэ́р.

– Благодарю вас, мистер Тракс, вы очень любезны, – с поклоном сказал Странник. – Благодарю за предупреждение. Мы, конечно, не пойдём туда.

Тракс отдал честь, и, повернувшись к нам спиной, отправился к своим. Спустя минуту полицейские скрылись в ближайшем перелеске.

– Да, натворил ты здесь дел, Кувай, – задумчиво сказал Учитель. – Теперь это место у жителей округи ещё очень долго будет пользоваться дурной славой. Пройдут века, и это место обростёт множеством легенд и страшных историй, которые местные жители будут пересказывать чужеземцам, впервые появившимся в здешних местах, сидя в местном трактире, под треск дров в камине и завывание осеннего ветра. Однако нам пора.

– А что за странные имена, которыми ты представил нас Траксу? – спросил я, открывая проход.

– О, это очень известные имена в моём родном мире, – со смехом ответил Учитель. – Пусть теперь попытаются нас по этим именам найти.

– Не проще бы было применить заклятие забвенья? – спросил я.

– Безусловно, проще, – сразу же ответил Учитель. – Но только для нас. А каково будет этим ни в чём не повинным людям жить с зияющей дырой в памяти. Я достаточно долго

жил с такой дырой в памяти и лишь смертельная опасность, и огромные личные усилия помогли мне частично закрыть эту прореху, хотя до конца память ещё не восстановилась. Так что, стоит ли травмировать память случайных людей?

Он опять был прав, не стоит смотреть на случайно встреченных людей только как на досадную помеху или средство реализации твоих планов. Ведь если так относиться к людям, особенно если они не являются твоими врагами, то очень легко стать серым, как те самые пресловутые серые всадники, с которыми мы боремся. Да и боремся-то мы ради этих самых «случайных» людей.

Наконец проход передо мной засиял всеми цветами радуги, а я, обратившись драконом, подставил свою спину Учителю. Он оценивающе осмотрел меня, почему-то улыбнулся и не спеша взобрался мне на спину. Как только он это сделал, я, взмахнув крыльями, рванулся в проход, разгоняясь, для того, чтобы проскочив по грани множества миров, достичь нужной нам точки мироздания. При этом я дал команду моему заклятию-маяку активизироваться, что бы мне часом не промахнуться.

Бешено замелькали миры и уже спустя совсем недолгое время, я начал торможение. Да, мой способ скоростного перемещения между мирами, хотя принципиально отличался от способа перемещения серых всадников, однако не уступал ему по эффективности, а во многом даже превосходил, по крайней мере, так его оценил Учитель, когда мы призем-

лились точно в том месте, куда нам было надо.

Мир, куда мы попали, был всё так же безжизненен, как и прошлый раз. Оставленные мной сторожевые заклęcia показали, что с тех пор никто не пользовался имеющимся здесь проходом в Серую империю.

– Что ты теперь намерен делать? – спросил я Учителя, после того, как проверил свои заклęcia.

– Да, ничего особенного, – ответил Странник. – Схоронюсь вон в тех камнях и дождусь, когда войско Сегурии схватится с армией вторжения Серой империи. Как только напряжение боя достигнет максимума, я открою проход и постараюсь незаметно проскочить границу Серой империи, а уж там – как карта ляжет.

План Учителя мне понравился – я бы сам так поступил на его месте. Однако долго задерживаться я не мог – мне нужно быстрее вернуться в войско, которое уже должно было выступить из Сегурии. Связаться с Азаром, я намерен был позже, когда покину Учителя, что бы ни привлечь к этому месту ненужного внимания.

– Ну, что же, тебе пора, сынок. Береги себя, – сказал Странник и обнял меня. – Всё лети. Со мной всё будет хорошо.

Я быстро обернулся драконом и, открыв проход, ринулся в него, успев, однако оглянуться на Учителя, который стоял у груды камней и прощально махал мне рукой.

2

С тех пор, как Кувай стал учеником Странника, я оказался вроде как ни у дел. Столько лет, занимаясь с Куваем и другими учениками, я жил достаточно интересной жизнью, и пусть всё реже ходил по мирам, да и то теперь только в компании учеников, чувствовал себя востребованным и имел определённую цель жизни своей. Следует сказать, что ученики мои, особенно Кувай, оказались на редкость талантливы и очень быстро освоили Высокое Искусство, достигнув моего уровня. Сказать по честному, мне уже было нечему их учить. Как раз в это время и появился Странник; этот странный человек, наделённый невероятным объёмом Древней силы, однако не знавший об этом ничего. Явно, что с ним что-то произошло, да такое, что он забыл сам себя. Было очень похоже, что кто-то очень могущественный потрудился с его памятью, поэтому он помнил только своё нынешнее воплощение, напрочь забыв, кто он такой и откуда.

Встретились мы с ним во время нашей вылазки предпринятой для спасения подвергнувшегося нападению серых всадников Ляргуса, моего старого Учителя. Он со своим другом Джоном Мильтоном странствовал по мирам, мечтая когда-нибудь попасть в Трактир-на-перекрёстке, в это странное место силы, где сходятся пути-дороги многих ходящих-по-мирам, и где мне приходилось бывать. С этой встре-

чи началась наша дружба. Мы с Ляргусом сразу же рассмотрели, какое опасное сокровище носит в себе этот человек, который, не смотря на все препятствия и опасности, поджигаящие каждого, кто вступит на пути-меж-мирами, сумел всё же самостоятельно отыскать их, научиться по ним ходить, чудесным образом избежав неминуемой гибели. Для нас, воспитанных на том, что каждый, кто решится вступить на пути-меж-мирами, должен иметь Учителя, опытного ходящего-по-мирам, который должен научить своего подопечного этой сложной науке. Я, став учителем для Кувая, Яргуста и Марка, как раз, наряду с основами Высокого Искусства, учил их хождению-по-мирам, передавая им то, что в своё время передал мне Ляргус, плюс мой личный опыт, накопленный за долгие годы практики Высокого Искусства и хождения-по-мирам. Так у нас повелось с глубокой древности, и, вдруг, встречается человек, сумевший самостоятельно, то есть без всякого внешнего обучения, освоить вершину любой формы магии – умение ходить по мирам, да ещё и уцелеть при этом.

Мы с Ляргусом решили помочь этому удивительному человеку вспомнить самого себя и тем самым научиться владеть Древней силой, что дремала в нём, где-то очень-очень глубоко. Пробуждение её, как мы с Ляргусом считали, очень опасно, поэтому решили сделать это подальше от империи Повелителей драконов, где, случись что непредвиденное, последствия для нас были бы минимальными. Поэтому мы по-

просили Странника и его ученика и друга Джона, разыскать в землях демонов некоего учёного демона, побывавшего в своё время возле Вселенского маятника, ещё одного удивительного артефакта Мироздания, наряду с Трактиром-на-перекрёстке и Обсерваторией, что расположена в столице империи Повелителей драконов.

Странник, прибывший из мира далёкого будущего, по нашим меркам, конечно, с радостью воспринял нашу просьбу. Мы тогда ещё плохо знали его, поэтому не стали посвящать в главную цель похода в земли демонов, сказав лишь, что это очень опасно. Наши планы едва не смешал Кувай, который, чуть ли ни потребовал отпустить его со Странником. Мы, скрепя сердце, отпустили его. Лишь, когда они ушли, и несколько лет от них не было ни слуху, ни духу, мы с Ляргусом поняли, какую ошибку в отношении Странника допустили. Ошибку в том, что не рассказали ему всё и не предупредили об опасности, которая наверняка ожидает его, да ещё, плюс к этому, отпустили с ним Кувая, хотя он так настаивал, что удержать его можно было, разве что, заперев в темнице.

Они вернулись, и у нас произошёл крайне неприятный разговор со Странником, которому всё же удалось овладеть Древней силой и кое-что вспомнить о себе. Он не стал ходить вокруг и около, а прямо заявил, что мы обошлись с ним бесчестно, бросив это обвинение нам в лицо со свой, свойственной ему прямоотой. Тогда я вспылел, и мы чуть было

не поссорились. Спасибо Ляргусу, которому удалось смягчить разговор. Позже, когда эмоции несколько поутихли, я признал себе, что был не прав и испытал при этом острый приступ чувства вины, за свой поступок. Под воздействием этого чувства и, понимая, что передал ученикам своим всё, что сам знал и умел, я попросил Странника принять моих учеников в обучение к нему. Я и сам был готов попроситься к нему в ученики, но тогда моя гордость ещё не была готова и я, к своему глубокому сожалению, не сделал этого.

Быстро шло время. Странник с учениками редко бывал в Сегурии, совершая бесконечные перемещения по Мирозданию. Я же, впал в состояние какого-то внутреннего опустошения, чем-то сходное с полной апатией. Мне ничего не хотелось, все мои нынешние намеренья казались мне мелкими и ненужными, я целиком погрузился в управление вотчиной. Постепенно суета, которую я в глубине души считал имитацией бурной деятельности, полностью захватила меня; дни стали какими-то серыми, однообразными; всё меньше я испытывал радости от жизни моей. Несколько оживал я, лишь встречая отряд Странника, когда они ненадолго возвращались в Сегурию. Вероятно встреча с людьми, которых я любил всей душой, на какое-то время срывала с меня покрывало суеты, и я мог видеть жизнь мою зрением свободным от пелены суеты.

Я стал замечать, что характер мой портиться, я стал мнительным и очень обидчивым, чего никогда раньше за мной

не водилось. Всё это привело к тому, что я стал быстро стариться, и вскоре, глядя в зеркало, увидел, что стал почти таким же, как Ляргус, хотя был намного моложе его. Это меня испугало до такой степени, что я стал сам себе задавать вопрос – смириться ли с этой ранней старостью, или предпринять что-то такое, что может, если уж не остановить этот процесс, то, хотя бы, затормозить его. Ответа я не находил, и после долгих мучений, пришёл к моему старому Учителю, спросить у него совета.

– В тебе говорит обида и зависть, – выслушав меня, жёстко сказал старый жрец. – Твоё завышенное самолюбие никак не может принять то, что кто-то оказался сильнее, мудрее, а главное великодушнее, чем ты. Всё это вызывает зависть к сопернику, хотя Странник тебе вовсе не соперник. Ты ведь спишь и видишь, как бы стать его учеником, но толи гордость не позволяет тебе попросить его об этом, толи боишься меня обидеть, не знаю. Если гордость – стоит её преодолеть, если же страх обидеть меня, то, уверяю тебя, этим ты ни сколько этим меня не обидишь.

Да, Ляргус был воистину мудр. Как быстро он прочитал меня. Я был целиком с ним согласен, но что-то ещё не давало душе моей обрести прежний покой и уверенность, что я делаю всё правильно.

– А ещё, друг мой Азар, тобою владеет ревность, которая буквально пожирает тебя изнутри и не даёт радоваться жизни. Ты ревнуешь Кувая, которого ты по-настоящему лю-

бишь, как собственного сына. Ревнуешь к Страннику, хотя сам отдал Последнего дракона ему в ученики, – словно услышав не заданный мною вопрос, ответил Ляргус и слова его были наполнены самого искреннего сочувствия ко мне.

Внутренне я вздрогнул, ощутив, что слова старого моего Учителя попали точно в цель, вызвав во мне ощутимый укол совести, которая проявилась в этом случае в форме стыда. Я давно подозревал в себе ревность, хотя ранее это чувство было мне абсолютно незнакомо. Может быть потому, что, будучи мастером Высокого Искусства, я так и не испытал любви к женщине. Да её просто и не могло быть. Сам образ жизни, особенно в молодости, был, по сути, сплошным трудом. Вначале, с самого детства, всё время моё было занято интенсивной учёбой, когда ни на что больше времени не оставалось, а все молодые годы я увлечённо бродил по мирам. В зрелом возрасте я был занят сотворением Сегурии, которая на долгие годы была моей жизнью, так что на женщин времени просто не оставалось. Они, видимо понимая, что в их отношении от меня толку не будет, избегали меня. Это было закономерно – все мои коллеги по цеху были не женаты. Поэтому я не испытал любви к женщине, да и вообще настоящей любви к кому-нибудь из людей. Вероятно, поэтому мне не знакома была и ревность. Всё изменилось в тот час, когда ко мне попал Кувай, который сумел пробудить во мне любовь. Ревность никак не проявляла себя, пока Кувай был моим учеником, но стоило передать его Страннику, как рев-

ность во мне пробудилась и стала исподволь пожирать меня. Вот главная причина, почему я так быстро стал стареть и характер мой испортился. Поняв это, я испытал огромное облегчение – враг был обнаружен и теперь я знал, с чем и как мне необходимо бороться с этим врагом. Кроме того, я почувствовал глубокую признательность к моему старому Учителю, который своей прозорливостью, так легко, словно играючи, вскрыл нарыв, который давно созрел в душе моей, грозя отравить своим гноем всю жизнь мою.

– Твоя беда, Азар, состоит в том, что ты никому полностью не доверяешь, – задумчиво продолжил Ляргус. – Кувай вырос и у него своя судьба и своя дорога. Прими это. Я знаю, что ты его любишь, но и я его люблю, а ещё Ниннэль, Странник, Джон, Яргуст, Марк и многие другие. Все мы, как и ты желаем помочь ему в его непростой судьбе – тебе ли это не знать? Ты же своей ревности пытаешься присвоить Кувая, его жизнь и судьбу себе, а это, как ты наверняка понимаешь, невозможно. Это твоё желание, что бы Кувай был всецело твоим, мешает ему, а тебя лишает радости жизни и ведёт к преждевременной старости. Подумай об этом.

Он был прав, и осознание его правоты, вызвало во мне новый приступ стыда, да такого, что мне хотелось прямо здесь в эту самую минуту провалиться сквозь землю. Мне было стыдно поднимать глаза на Ляргуса.

– Ты посмотри вокруг, мой лучший ученик, – не меняя тона, продолжил Ляргус. – Все, кто любит тебя, все, кому

ты дорог, заняты грандиозным по своему масштабу и последствиям делом, лишь ты подменяешь настоящее дело суеютой, по собственной вине отстранившись от великой работы. Сейчас Странник, Яргуст, Джон и Марк завершают одну из важнейших частей этой работы, которая сопоставима по масштабам с сотворением Сегурии, а по последствиям многократно превышает её. Почему бы тебе не подключиться к этой работе, оставив в стороне свои обиды?

Мне был задан прямой вопрос, и он требовал от меня незамедлительного ответа.

– Чем я могу им помочь? – стыдясь поднять глаза и посмотреть на старого мудреца, спросил я.

– Хотя бы тем, что приступить, наконец, к исполнению того, о чём перед уходом просил тебя Странник, – довольно жёстко ответил Ляргус.

Новая волна стыда, обжигая, окатила меня с головы до ног. Я вспомнил то, о чём в своей суеде совершенно забыл, а это было особенно стыдно, ведь я же обещал. Когда Странник собрался уходить создавать вотчину для переноса Обсерватории, он попросил меня поговорить с другими вотчинниками, о приёме ими беженцев из империи. Я пообещал, но потом, закрутившись в суеде, совсем забыл о его просьбе. Это ещё добавило мне стыда. Это надо же, я, будучи уроженцем империи Повелителей драконов, совсем забыл о спасении жителей этой самой империи, а Странник, человек пришлый, для которого наша империя всего лишь эпизод в

его бесконечных странствиях по Мирозданию, не забыл. Да, как же низко я пал....

– Спасибо тебе, Ляргус, – сказал я, прощаясь. – Завтра же соберу совет вотчинников. Ещё раз, спасибо тебе.

– На здоровье, – уже закрывая за собой дверь, услышал я полное сарказма пожелание старого жреца.

Разговор с Ляргусом очень помог. Я вызвал к себе управляющего и передал ему все текущие дела в Сегурии, а дел этих, следует сказать, было предостаточно. Уже начали прибывать беженцы из столицы и других городов империи. Однако массовый исход начнётся месяца через два-три. К тому времени нужно построить множество домов, что бы у каждого вновь прибывшего была крыша над головой. Нужно было позаботиться и о пропитании, поэтому ускоренно распахивались под пашни всё новые земли. До разговора со старым жрецом, всем этим занимался я. Теперь же, всю эту текущую работу я поручил своему управляющему, а сам занялся подготовкой к встрече с другими вотчинниками.

Это было сделать не так-то просто. Дело в том, что вотчинники крайне редко общались с коллегами по цеху, предпочитая сидеть в своих вотчинах и заниматься своими делами. Я тоже не был исключением из этого правила, и, хотя был знаком с большинством из них, дальше коротких приветствий и редких совместных застолий в Трактире-на-перекрёстке, наши отношения не простирались. Вотчинники, как правило, мало интересовались делами, что творились в им-

перии Повелителей драконов и, хотя формально считались подданными Повелителей, жили совершенно независимо от метрополии, по своим законам. Когда-то, очень давно, отец нынешнего Повелителя пытался привести вотчинников в повиновение своей власти, но из этого ничего не получилось – они просто закрылись в своих непреступных вотчинах, отбив все попытки взять их штурмом. С тех пор и появилось убеждение, что взять штурмом вотчину просто невозможно, и вотчинников оставили в покое. Вот этих-то свободных мастеров Высокого Искусства мне и надо было убедить принять к себе беженцев из гибнущей империи. Да, задачка, скажу я вам, ещё та....

Целую неделю я только и делал, что пытался связаться с тем или другим вотчинником, что бы договориться о встрече. К сожалению, большинство из них сразу же наотрез от встречи отказались, сославшись на занятость, а те, что согласились встретиться, никак не могли определиться с датой и местом нашей встречи. Тут мне пришлось прибегнуть к самой тонкой доступной мне дипломатии, которая, через неделю тяжких трудов с моей стороны, привела к тому, что семеро вотчинников согласились встретиться, в Трактире-на-перекрёстке. Всё, большего мне пока не добиться. Однако я не терял надежды, что вслед за этими семерыми подтянутся и многие другие, так что задачу, стоящую передо мной я выполняю.

Попрошавшись с Ляргусом и попросив его присмотреть

за Сегурией, я покинул вотчину, направляясь в Трактир-на-перекрёстке. Кувая, целиком занятого семьёй, я тревожить не стал, прекрасно понимая, что его короткое семейное счастье скоро кончится.

Здравствуй, дорога! Давненько я не вступал на тебя в одиночку. Хорошо памятное мне место – гора с удивительно ровными склонами, напоминающая рукотворную пирамиду, невысокие холмы, покрытые цветущим кустарником, название которого я так и не удосужился узнать. Где-то здесь недалеко, героически пали в неравной схватке наши фантомы, спасая жизнь младенца Кувая. Да, много воды утекло с тех пор.

Дорогу искать не пришлось, она сама послушно легла мне под ноги, словно старая собака, ложащаяся на брюхо, приветствуя своего долго отсутствовавшего хозяина. В этот раз дорога приняла форму хорошо натоптанной лесной тропы – один из любимых мною вариантов. Стоило сделать несколько шагов по открывшейся передо мной дороге, как с меня свалилась вся тяжесть прожитых лет. Ноги, как встарь легко несли меня вперёд, зрение очистилось от мути повседневной суеты; я вновь почувствовал себя молодым, полным сил, готовым без усталости идти до самого конца, этой бесконечной дороги. Я шёл и каждой клеточкой моего организма впитывал мир, что развернулся передо мной. Мир, полный голубого бескрайнего неба, зелени травы и листьев, благоухания цветов, пения птиц, в общем, всего того, что в суете мы не

замечаем, но без чего невозможна полноценная жизнь. Стоило мне почувствовать радость от прекрасного мира, в котором я находился, как дорога резко изменилась, а вместе с ней изменился и мир, вернее это был уже совершенно другой мир – произошёл переход.

Сколько раз в своей жизни совершал я такие переходы из мира в мир, но до сих пор это вызывает у меня чувство удивления пополам с восторгом, как в первый раз. Наверное, к этому нельзя привыкнуть; видимо совершать переходы из мира в мир невозможно без удивления и восторга. Как только эти чувства исчезнут – значит, ещё один ходящий-по-мирам приказал долго жить. Нет, это совсем не означает, что в этот момент человек умер, напротив, он ещё долго сможет, как говориться, коптить небо, но как ходящий-по-мирам, он труп, и ничего уже тут не поделаешь.

Ощувив чувства перехода, я настолько обрадовался этому, что даже глаза мои стали влажными и мне пришлось вытереть их тыльной стороной ладони. Объятый радостью, что я ещё жив, что ещё на что-то гожусь, я в первый момент даже не заметил суровости мира, в котором очутился.

Если предыдущий мир обладал, если так можно выразиться, нежной красотой, которая располагала скорее к лирике, навевала отвлечённые мысли о мировой гармонии и твоём месте в этой гармонии, мир, куда в данный момент привела меня дорога, обладал суровой красотой побывавшего во многих переделках старого воина-ветерана. Стоило мне шаг-

нуть ему на встречу, как в лицо мне ударил порыв холодного резкого ветра, который в один миг опустил мои чувства с облачных высот, окрашенных романтикой лирики, до, пусть прагматичного, но вполне оправданного сурового реализма каменистой горной тропы, которая шла по узкому горному ущелью. Было холодно, но не морозно; это вселяло надежду, что здесь, по крайней мере, ещё не зима. Ужасно не люблю дороги в горах зимой, а здесь, во всяком случае, снега не было. Вообще в горах очень трудно бывает определить время года, особенно, если, как в моём случае, отсутствует растительность. Это, с равной вероятностью, могли быть поздняя весна или ранняя осень, а случается, и в разгар лета выпадают вот такие холодные деньки. Так что сказать, какой сезон был в этом новом для меня мире, я не мог, да, по большому счёту, это было не так уж и важно. Важно было то, что я моментально замёрз – сказалось моё долгое пребывание в комфортных условиях Сегурии. Ну, уж тут ничего не поделаешь – придётся терпеть, пока дорога не сжалиться надо мной и не выведет в какой-нибудь более тёплый мир. На моё счастье, дорога не стала долго испытывать меня на устойчивость к холоду; примерно часа через два, она превратилась в хорошо наезженный большак, который тянулся куда-то за горизонт по раскалённой холмистой степи, покрытой выжженной солнцем травой. Было жарко, словно я попал в раскалённую печь. Горячий воздух был насыщен ароматами степных трав до такой степени, что у меня сначала даже закружилась го-

лова. Я моментально согрелся, а спустя каких-то десять минут уже изнывал от жары. Да, воистину, человеку трудно угадать.

Все эти дорожные перипетии мало трогали мою душу, которая, наконец-то, избавившись от повседневной суеты, вновь ожила и испытывала подлинный восторг от того, что предавалась любимому делу со всей, присущей ей изначально, радостной увлечённостью. Когда душа твоя занята тем, что ей очень нравится, то как-то само собой перестаёшь замечать трудности и неудобства пути, по которому ведёт тебя твоя душа. Тогда любая дорога легка, любая цель достижима, а все неприятности, вроде холода или жары, жажды или голода, сбитых ног и натруженных плеч, кажутся настолько неважными, что просто перестаёшь обращать на это внимания. Примерно в таком состоянии находился я тогда всю дорогу до Трактира-на-перекрёстке.

Трактир встретил меня своей обычной погодой, когда толи шёл дождь, толи просто в воздухе повисла водяная пыль; было тепло и сумеречно. В общем, всё, как обычно. Трактир-на-перекрёстке, это, пожалуй, единственное место, над которым не властно время, и этим-то он и привлекает ходящих-по-мирам, потому что здесь очень легко встретиться со своим прошлым, понять настоящее и увидеть будущее, стоит лишь заказать соответствующее блюдо из меню, которое предлагается всякому, кто переступит порог этого заведения.

У крыльца я немного замешкался, стараясь подольше подышать здешним влажным воздухом, который в моём сознании пробудил множество приятных для меня воспоминаний. Воздух около Трактира-на-перекрёстке, помимо того, что был наполнен влагой, причём влагой не обычной, а влагой где перемешалась холодная вода нудных осенних дождей с тёплыми летними ливнями, где талая вода весны несла в себе крупинки зимнего снега, помимо этого, воздух здесь был буквально пропитан духом чудесных приключений и дальних странствий. В нём самым причудливым образом перемешались запахи удивительных стран, его заполняла чудесная музыка дальних странствий, в нём, каким-то уж совсем невозможным образом перемешались радость победы и горечь поражения, смех победителя и горькие слёзы отчаянья проигравшего. Я вдыхал этот воздух, как путник, умирающий от жажды пьёт воду из попавшегося вдруг на его пути источника, и никак не может напиться. Я дышал этим воздухом, и с каждым вдохом всё лучше понимал то, как долго я испытывал эту жажду, пытаюсь заглушить её суррогатом суеты, а с каждым выдохом я чувствовал, что всё меньше суеты остаётся во мне, и всё больше я приближаюсь к тому состоянию, какое было присуще мне в молодости. Иначе говоря, я срывал с себя всё чуждое мне, что налипло на меня за эти годы, что бы войти в трактир прежним – как-то стыдно было заходить туда старой развалиной, в которую я превратил себя за эти годы сидения в Сегурии.

Наконец я почувствовал себя способным войти в Трактир-на-перекрёстке. Поднявшись на невысокое крыльцо, я открыл дверь и шагнул за порог. Сразу же меня оглушили шум и лавина запахов, которые обрушиваются на каждого входящего в подобное заведение, в любом из бесконечных миров Мироздания, где обитают люди или близкие им существа. Услышав шум, который создают в трактире посетители, и, ощутив волну запахов, пропитавших воздух Трактира-на-перекрёстке, я вдруг очень ясно понял, насколько я соскучился по людям и проголодался.

Я не стал дожидаться, когда подойдёт служанка, а на правах завсегдатая просто повесил на вешалку у входа свой дорожный плащ и прошёл к стойке, где меня одарил своей замечательной улыбкой трактирщик, как всегда занятый тем, что протирает мытые кружки и зорко посматривал за посетителями.

– Давненько ты к нам не заглядывал, Азар, – добродушно, как старого приятеля, приветствовал меня трактирщик. – Я рад видеть тебя у нас. Занимай место, которое понравится и хорошенько подкрепись. Те, кого ты ожидаешь, будут с минуту на минуту, но ты, я полагаю, успеешь поесть.

Я от всего сердца поблагодарил хозяина, ничуть не удивившись его осведомлённости. Слишком давно зная хозяина Трактира-на-перекрёстке, я перестал удивляться тому, что он, по моему, свободно читал в сердцах и душах своих посетителей и был способен так ненавязчиво дать дельный совет,

что никому бы и в голову не пришло посчитать, что он лезет не в свои дела. Напротив, его советам старались следовать, и я никогда ни от кого не слышал, что его совет оказался неверным. Правда, следует признать, что на советы он был достаточно скуп и давал их крайне редко, поэтом и ценились они гораздо дороже пресловутого золота, а каждый, кто получил от него совет, считал за благо строго следовать ему, почему всегда оказывался в выигрыше.

Я занял большой стол в дальнем от двери углу зала, с таким расчётом, что бы все семь вотчинников, которые согласились встретиться со мной, могли с комфортом устроиться за столом. Разговор предстоял трудный, поэтому я был готов к долгим дискуссиям.

Молоденькая симпатичная служанка принесла меню, и, замерев в почтительной позе, стала ждать, когда я сделаю заказ. Я раскрыл довольно солидную книгу, коей являлось меню Трактира-на-перекрёстке, и стал с интересом читать названия блюд, написанные чётким каллиграфическим почерком.

– Интересно, кто же здесь так красиво пишет? Неужели сам хозяин? – машинально подумал я.

Здесьнее меню само по себе было интереснейшим чтивом. Таких блюд, как здесь нигде больше не встретишь, посети даже самые экзотические миры. Выбирать здесь нужно, следуя не призывам живота, а слушая то, что подсказывает на данный момент душа твоя. Здесь были блюда, утоляющие голод

ностальгии, такие как: крошка из несбывшихся надежд или жаркое из нереализованных желаний. В меню были и острые блюда, помогающие едоку лучше понять собственное настоящее, такие как похлебка, из прошлых ошибок, или, отличающееся особой остротой вкуса, в котором доминировала горечь, второе блюдо, напоминающее рагу, приготовленное из забытых обязательств, несбывшихся надежд и горьких разочарований.

Ностальгия по прошлому меня в этот момент не мучила, острого тоже не хотелось, поэтому я, не мудрствуя лукаво, заказал себе приготовленного на вертеле мечты, не рождённого барашка, который должен будет появиться на свет никак не раньше, чем лет эдак через сто; так, по крайней мере, объяснила мне служанка, принимая у меня заказ. К барашку полагался гарнир из благих намерений, приправленный острым соусом опасности и пряными травами надежды. К барашку, который, как я надеялся, должен был, как-то прояснить моё будущее, я заказал солидный кувшин красного, как свежепролитая кровь, вина. Это было вполне уместно – в недалёком будущем я видел много именно свежепролитой крови.

Служанка, принёсшая вино, а так же тарелку с хлебом, сказав, что мой заказ будет исполнен через пять минут, исчезла, видимо убежала исполнять заказ. Я налил себе вина и стал пить его мелкими глотками, ожидая заказ. Вино было превосходно, как, впрочем, и всегда; никогда в Трактире-на-

перекрёстке не подавали дрянных напитков. Вино обладало богатым букетом и имело какой-то непривычный, слегка солоноватый вкус, оставляя во рту странное послевкусие, чем-то напоминающее вкус крови. Оно вызвало во мне странные чувства, которые представляли собой хитрую смесь из радости, перемешанной с лёгкой грустью, в которую гармонично вплеталось чувство облегчения, что, возникает у любого, выполнившего до конца свой долг, когда, наконец, можно расслабиться и отдохнуть. Я спросил служанку, когда она принесла мой заказ, что это за вино; на что она ответила, что это достаточно редко востребованный сорт вина, который называется «Сладость победы», после добавила, что пить его надо очень осторожно – у многих от него сильно кружится голова.

Барашек был настолько вкусен, а может потому, что я был сильно голоден, что я съел его так быстро, словно это был кролик. После еды, которая помимо голода, утолила ещё и мои сомнения относительно ближайшего будущего, я отдался приятному расслаблению, дожидаясь вотчинников, которые, по словам трактирщика должны были появиться с минуты на минуту, не спеша, потягивая чудесное вино из своей кружки.

Они пришли все вместе примерно через полчаса, как я покончил со своим обедом. Все мы друг друга хорошо знали и в представлении не нуждались, поэтому просто поздоровались, и, заказав вина, сразу же приступили к делу. Сначала я подробно рассказал им о положении дел в империи

Повелителей драконов и нависшей над нею опасности вторжения Серой империи. К моему удивлению, они восприняли эту информацию безо всякого интереса, я бы даже сказал, равнодушно, словно всё это их не касается. Я никак не мог взять в толк, откуда это безразличие, тем более, что поведал им о самой, что ни на есть реальной угрозе самого их существования. Я прекрасно понимаю, что тут собрались самодостаточные личности, сумевшие создать собственные вотчины, этакие миры в миниатюре, которые уже давно прервали всякие сношения со своей Родиной, и которых совершенно не интересует, что там сейчас происходит. Замкнувшись в своих замкнутых мирках, они потеряли всякий интерес к тому, что происходит за границами их вотчин, почти перестали путешествовать, а это, как я уже испытал на себе, дурно влияет на ходящих-по-мирам. Так и случилась с моими коллегами по цеху, а расшевелить их было очень не просто.

Я чувствовал, что дело, для которого я собрал здесь этих вотчинников, трещит по швам, грозя рухнуть грудой обломков, похоронив под ними всякую надежду на удачный исход моего предприятия. Нужно срочно что-то делать, иначе мой поход сюда станет простой вылазкой туриста, решившего вспомнить былые дни, прогулявшись по знакомым местам.

– Так ты, что, Азар, – заговорил самый старший из вотчинников Страг, после того, как я окончил свою пламенную речь. – Вызвал всех нас сюда, что бы сообщить то, что мы

и так знаем? Ты ведь знаешь, что нам дела нет до всех этих империй и их повелителей, неважно какого они цвета. Пускай они перебьют друг друга, нам же легче. По крайней мере, никто не будет лезть в наши дела, и пытаться навязывать нам свою волю. Пусть будет большая война, пусть они уничтожат друг друга, нам то что? Захватить наши вотчины всё равно никто не сможет, так зачем нам нужно ввязываться в грядущую войну? Вот, если ты сможешь меня убедить в противном, я, пожалуй поддержу тебя, а если нет – не обессудь....

Остальные вотчинники поддержали Страга дружными возгласами. Всё сводилось к тому, что я должен предъявить им такие аргументы, которые смогли бы поколебать их твёрдую уверенность в том, что они в любом случае, что бы ни случилось с их родным миром, откуда все мы родом, они смогут отсидеться в своих неприступных до сих пор вотчинах. Вот здесь-то они и попались, вот здесь-то и было то слабое место в их уверенности в неприступностях их маленьких миров. А откуда, собственно, взялась аксиома, что вотчины неприступны? Кто это доказал? Разве какая-то неуверенная попытка прошлого Повелителя, осадившего пару вотчин, привести их к повиновению, когда для этого не было привлечено сколь-либо серьёзных воинских и магических сил, может являться доказательством неприступности вотчин? А может за нас просто ещё никто серьёзно не брался? Правильно и вовремя вставшие передо мною вопросы, давали мне шанс всё же склонить вотчинников к сотрудничеству.

Однако действовать придётся очень осторожно, иначе можно всё испортить.

– Друзья мои, – обратился я к собравшимся за столом мастерам Высокого Искусства. – Я один из вас и поэтому все ваши аргументы мне близки и понятны. Я, как и вы, долго жил этими же убеждениями, но, на счастье, никогда надолго не закрывался в своей вотчине, а всегда интересовался тем, что происходит за границами Сегурии. Именно поэтому, в своё время, я внял просьбе моего учителя, старого Ляргуса, чьё имя, как я знаю, всем вам хорошо известно, и спас наследника Повелителей. Ему, агентами Серой империи, было предопределено умереть, что повлекло бы за собой воистину вселенские катаклизмы, в которых вряд ли бы уцелели и наши вотчины.

Я сделал паузу, зорко наблюдая, как мои слова подействовали на слушателей. Когда я сказал о возможных катаклизмах, в связи с возможной гибелью малыша, некоторые из вотчинников заметно напряглись, что вселяло в меня надежду быть по-настоящему услышанным теми, кто привык слушать лишь себя.

– Откуда тебе известно, что в случае гибели мальчишки, нас ожидали бы серьёзные потрясения? – спросил Ярг, пожилой вотчинник с седой окладистой бородой, сидящий за столом напротив меня. – Чем ты можешь подтвердить, что это не твои выдумки?

– А зачем мне это выдумывать? – с возмущением ответил

я вопросом на вопрос Ярга. – Какой мне в этом интерес?

– Ну, не знаю.... Возможно, ты ведёшь какую-то свою хитрою игру. Ты ведь известный интриган.... – как-то неопределённо протянул Ярг.

Я проглотил нанесённое мне Яргом оскорбление мимо своих ушей – было не до обид. На кону стояли миллионы жизней и возможно само существование независимых вотчин, если неминуемый крах империи Повелителей драконов пойдёт по худшему варианту. Ради этого я готов был вынести даже оскорбления.

– Ну, хорошо, – продолжил я свою горячую речь. – Допустим, что вы мне не доверяете, хотя я вроде бы не давал для этого никакого повода. Но, надеюсь, все здесь присутствующие хорошо знают и доверяют Ляргусу, тем более что он является учителем для доброй половины здесь присутствующих. Ему-то вы верите? Мои слова вызвали некое оживление среди вотчинников, которые на самом деле в большинстве своём учились Искусству у Ляргуса; видимо его авторитет всё же подействовал на этих законченных эгоистов.

– Но уважаемого Ляргуса здесь нет, – опять взялся за своё Ярг. – Откуда мы знаем, что он говорил?

– Ты, что, Ярг, – еле сдерживаясь, процедил я сквозь зубы. – Считаешь меня лжецом? Сказать мне такое при свидетелях, равносильно вызову на поединок.

Я был так возмущён поведением этого зануды, что даже вскочил со стула, на котором сидел. Дело принимало опас-

ный поворот. Всё висело буквально на волоске. Мне было публично нанесено оскорбление, и тут уж просто отмолчаться было невозможно. Все присутствующие за столом зашикали на Ярга, обвиняя его в недопустимом поведении. Наша ссора за столом привлекла внимание трактирщика, который, как-то странно посмотрел в нашу сторону, после чего мой гнев мгновенно иссяк, словно и не бывало. Меня словно обдало потоком горячего воздуха, и я вдруг отчётливо понял, что победил, что всё будет, как нельзя лучше. Мысленно я поблагодарил трактирщика за своевременную помощь.

– Прошу меня простить, уважаемый Азар, – не глядя на меня, выдавил из себя Ярг. – Я вовсе не хотел оскорбить тебя, но если всё же задел твою честь, прошу милостиво простить меня.

Было видно, как трудно далась ему эти слова, это при его-то гордости! Будь это при других обстоятельствах, ни за что не отпустил бы его без хорошей трёпки, но сейчас было не до мелких разборок – дело превыше всего.

– Ладно, забудем это досадное недоразумение, – принял я его извинения. – Что же касается Ляргуса, то надеюсь, что если я с ним свяжусь, вы сами сможете задать ему все интересующие вас вопросы.

Я достал зеленовато-голубой кристалл, размером с указательный палец, который перед уходом вручил мне Ляргус, сказав при этом, что если понадобится его помощь, я с помощью него могу с ним связаться, и установил его на сто-

ле в предназначенной для этого специальной подставке. После этого я попросил всех быть внимательными и сосредоточиться на кристалле. Когда всё было готово, я произнёс заклятие и кристалл засветился мягким светом, который образовал некое подобие мерцающей сферы, центром которой был кристалл. Ещё спустя мгновение все мы увидели в сфере Ляргуса, сидящего в своей комнате за столом и что-то читающего. Видимо, он почувствовал, что все мы на него смотрим. Отложив книгу, он посмотрел на нас и улыбнулся.

– Рад приветствовать почтенных вотчинников, – услышался его тихий голос, который звучал так, что слышать его могли только сидящие за нашим столом. – Вижу, у вас появились ко мне вопросы. Ну, что же, господа, задавайте ваши вопросы, а я постараюсь на них ответить.

– Уважаемый, Ляргус, – первым начал задавать свой вопрос Ярг. – Расскажи нам, действительно ли последствия, которые могли возникнуть в случае гибели наследника были бы столь катастрофичны, что могли привести к гибели наших вотчин?

– Безусловно, – тут же ответил Ляргус. – В этом случае империя Повелителей драконов пала бы под натиском Серой империи, а это было бы концом всему.

– Позволь с тобой не согласиться, уважаемый Ляргус, – упорствовал Ярг. – Ну, пала бы империя Повелителей драконов, ну, заняла бы её место Серая империя, какая разница? Мы-то, как жили в своих вотчинах, так и будем жить. Для

нас ведь ничего не изменится. Как формально мы были подданными империи Повелителей драконов, так же формально будем подданными Серой империи. Какая разница?

– Да, Ярг, ты всегда был неважным учеником, таким, видимо, и остался, – ворчливо ответил Ляргус. – Если устоит империя Повелителей драконов, тогда ваши вотчины могут просуществовать достаточно долго, по крайней мере, пока кардинально не изменится наш мир. Ведь наша империя не требует от вас ничего, кроме формального признания её власти над вами, что вас ни к чему не обязывает. Если же победит Серая империя, то всем вотчинам очень скоро наступит конец.

– Ты, что, Ляргус, думаешь, что серые смогут штурмом овладеть вотчинами? – забыв о вежливости, быстро спросил Ярг. По всему было видно, что он испуган, иначе, насколько я его знаю, он не позволил бы себе так грубо разговаривать со старым Учителем. – Пусть попробуют, у нас есть чем им ответить.

– Да, ты не меняешься, Ярг, – всё тем же тоном, словно не заметил грубости в словах Ярга, возразил Ляргус. – С чего ты взял, что они станут штурмовать вотчины, хотя если им приспичит, они это сделают, будь уверен, они умеют добиваться своего. Вообще, вам, господа, пора уже распрощаться с наивным убеждением, что вотчину невозможно захватить штурмом. С чего вы это взяли? Действия прошлого Повелителя вовсе не были попыткой настоящего штурма, а лишь

демонстрацией силы, не более того. Вам просто указали, кто в доме хозяин, а вы в своей гордыне и эгоизме вбили себе в голову, что неуязвимы. Запомните хорошенько, неприступных крепостей не бывает. Кроме того, ваше заявление, что и серым вы будете подчинены лишь формально, основано на том, что вы и понятия не имеете, что собой представляет Серая империя. Однако связь поддерживать довольно трудно. Об остальном вам расскажет Азар, который хорошо знает, что такое Серая империя. Прощайте.

Сияющая сфера погасла – связь с Ляргусом была прервана. Вотчинники сидели, глубоко задумавшись, и я видел, что слова жреца они услышали, и это на них произвело сильное впечатление. Страг выглядел отрешённым, полностью погружённым в свои мысли, и мысли эти, надо полагать, были не слишком приятны. Ярг, который откровенно трусил, сидел с обиженным видом и что-то бормотал себе под нос, словно подбирал аргументы в мысленном споре с Ляргусом. О чём-то переговаривались Джен, Иррм и Кэрри, чьи вотчины были самыми крупными в империи Повелителей драконов. Говорили они так тихо, что разобрать слов было невозможно, да я, собственно и не пытался услышать, считая, что слушать непредназначенное для моих ушей, просто неприлично. Самый молодой из вотчинников Зерд, весь подался вперёд, словно намереваясь сразу куда-то бежать и что-то делать. Он вообще был человек импульсивный и чаще предпочитал действовать, чем думать. Последний из вотчинников,

сидящих за столом, но далеко не по своим силам, Вард, был спокоен, словно всё, что здесь происходит, его совершенно не касается. Он молча потягивал вино из своей кружки и внимательно наблюдал за всеми, словно пытался прочитать их мысли. Когда наши взгляды на мгновение встретились, он вдруг, слегка улыбнулся и подмигнул мне.

Примерно полчаса вотчинники размышляли, затем на меня посыпались вопросы, на которые я отвечал, стараясь, что бы ответ мой был максимально подробен.

– Расскажи ка нам, Азар, желательно подробно, что представляет собой Серая империя и чем она отличается от других империй? – попросил Страг, видимо, решивший взять обсуждение в свои руки. – Откуда вообще взялись эти серые и чего они добиваются?

Я подробно рассказал об истории появления серых на периферии посещаемых нами миров, о том, что мы долго не придавали им значения, пока не увидели, что они делают с захваченными ими мирами, о первых стычках с ними.

– Подводя итог всему, что мы сейчас знаем об этом удивительном государстве, мы пришли к выводу, что оно является, по-сути, вселенским вампиром, главной целью и смыслом существования которого является нескончаемая охота за силой, – подвёл я итог моего рассказа о Серой империи. – Зачем им это нужно, мне пока неизвестно, но то, что она буквально высасывают силу, а вместе с ней и жизнь из захваченных ею миров, в этом мы убеждались многократно. Вот по-

этому, если серые захватят империю Повелителей драконов, то и наш мир ожидает та же участь, что и другие миры. Вот почему нам уже не удастся отсидеться в своих вотчинах.

– Это ещё почему? – взвился Ярг, который, видимо, решился до конца отстаивать свою точку зрения, которая сводилась, в общем-то, к простой форме реакции – моя хата с краю.

– Да, потому, глупый ты человек, что все наши вотчины получают силу от нашего мира, – резко ответил Яргу Вард. – Включи мозги и подумай, что будет, если серые высосут все силы из нашего мира? Да, действительно дела наши плохи, ведь им даже нет нужды штурмовать наши вотчины.

Он замолчал и опять глубоко задумался. Остальные тоже молчали, лишь получивший отповедь Ярг, что-то недовольно бурчал себе под нос. Настроение за столом резко понизилось – наконец-то до вотчинников дошло, что опасность действительно реальна, и просто необходимо что-то делать. Привыкшие в своём вотчинном затворе думать лишь о благополучии собственной вотчины, а, следовательно, лишь о собственном благополучии, они вдруг оказались один на один с опасностью исходящей от внешнего мира, которому требуется помощь, и помощь эту они просто вынуждены оказать. В противном случае, все они обречены. Какое-то время они смогут продержаться, обороняя свои вотчины от врага, но рано или поздно их сопротивление будет сломлено и они просто погибнут. Я был удовлетворён – первый раунд

остался за мной; вотчинники испугались и поняли реальность опасности нависшей над всеми нами. Сделан первый шаг к решению проблемы беженцев.

– Что же мы можем сделать, что бы остановить эту напасть? – спросили сразу несколько вотчинников, с которых слетели маски напускного равнодушия. – Мы должны послать своих людей в войско империи Повелителей драконов? Самим ввязаться в войну?

– Тише, господа вотчинники, – успокоил я коллег. – Не все сразу, пожалуйста. Вам никто не предлагает вступить в уже начавшуюся войну с Серой империей. Мы уже давно поняли, что привычная война с Серой империей, абсолютно бесперспективна. Да, мы будем удерживать какое-то время серых от прямого вторжения в наш мир, но это лишь до той поры, пока мы не создадим условия, при которых Серая империя сама откажется от вторжения. Именно созданием этих условий и занимается сейчас Странник со своими учениками, о котором вы все наверняка слышали. Я сейчас не могу подробно говорить о плане, сказать честно, он мне самому не до конца ясен, но поверьте мне, если у Странника всё получится, а я в это свято верю, Серая империя потеряет всякий интерес к нашему миру. Однако при реализации этого плана, империя Повелителей падёт – такова цена предотвращения вторжения серых.

Все вотчинники очень внимательно выслушали мою речь, после чего на некоторое время за столом установилась ти-

шина. Да, им было о чём подумать.

– Что-то я никак не возьму в толк, в чём смысл вашего гениального плана, если в любом случае падёт империя Повелителей драконов? – с издевкой спросил Ярг. – Если серые расхотят завоёвывать наш мир, то почему должна погибнуть наша империя, и, в конце концов, возникает законный вопрос – кто же её разрушит?

Он явно продолжал отстаивать свою точку зрения, и хотя формально принял опасность, грозящую всем нам, но, похоже, до конца не верил, что нельзя просто отсидеться в вотчине, пока всё само собой как-то устаканится. К сожалению, мне очень часто в своей жизни приходилось иметь дело именно с таким типом людей, которые так и норовили въехать в рай на чужом горбу, правда, все они, в конце концов, поплатились за это. Однако иметь дело с такими людьми очень хлопотно – всю дорогу приходится держать ухо востро, что бы они в самый ответственный момент не предали бы и не ударили бы тебя в спину. Я всегда старался избегать их, но судьба моя норовила каждый раз подсунуть мне именно такого человека. Так вышло и в этот раз.

– Ты, я вижу, Ярг, в своей вотчине совсем разучился соображать, – с досадой сказал Вард. – Ведь ясно же, что бы серые потеряли интерес к нашему миру, надо сделать нечто такое, что бы им не было смысла воевать с нами. Что именно сделать, знают те, кто непосредственно этим занимаются, а тебе-то, зачем нужны подробности? Может, ты сможешь

чем-нибудь помочь, так ведь Азар вроде не просил о помощи в этом вопросе?

– Может и помогу, но для этого я должен понять, что хочет от нас Азар. Что бы это понять, мне нужны подробности, – с обидой в голосе выпалил Ярг. – Я палец о палец не ударю, если до конца не пойму план Странника. Да, и вообще, – кто такой этот Странник? Откуда он взялся? Может он вообще шпион серых? Кто из нас, кроме Азара знает его на столько, что готов поручиться за него?

Над столом повисла мёртвая тишина. Я почувствовал, что моя миссия весит на волоске, что Ярг, подлая натура, мастерски нанёс свой удар, и я видел, что большинство вотчинников заколебалось. Все сидели молча, потупив глаза в столешницу; тишина стала гнетущей, казалось, она приобрела плотность, которая гасила в себе все посторонние звуки.

– Господа, я могу поручиться за Странника, – прозвучал в тишине голос, исполненный силы. От звука этого голоса, тишина шарахнулась, куда-то под потолок и там затаилась, ожидая своего часа. – Надеюсь, что мне вы доверяете?

Голос принадлежал старому трактирщику, который, как-то незаметно выбрался из-за своей стойки и предстал перед нами. Глаза его светились мягким светом, и этими глазами он пристально посмотрел на Ярга, который вмиг утратил свой пыл, весь сжался, стал маленьким и незаметным. Было ощущение, что, будь его воля, он бы совсем исчез, лишь бы только трактирщик перестал так смотреть на него.

Уж не знаю, по каким приметам, трактирщик понял, что с Ярга достаточно, но он погасил свой взгляд, повернулся к нам спиной и не спеша, шаркающей походкой старика, отправился за свою стойку. Его заявление потрясло всех. Все мы, в той или иной мере были завсегдатаями Трактира-на-перекрёстке, но никогда, (во всяком случае, я) не слышали о том, что бы трактирщик вот так вот встрял в разговор посетителей. Потребовались не менее десяти минут и хорошая порция вина, прежде чем мы смогли вернуться к нашему разговору, который после реплики трактирщика плавно пошёл по намеченному мной руслу.

– Не слушай Ярга, Азар, – наконец заговорил Страг. – Он недалёкий и мелочный человек, который думает, что если спрятаться под одеялом, то его никто не обнаружит и он сумеет переждать нависшую над нами всеми опасность. Нет, господа, как я понял, отсидеться не получится, поэтому, что бы зря не терять время, которого, я думаю, у нас и так немного, давайте решим: объединимся ли все вместе, что бы присоединиться к Сегурии в её борьбе с Серой империей, или будем по-прежнему отсиживаться в своих вотчинах. Давайте голосовать.

Вопрос был поставлен на голосование, и вотчинники проголосовали единогласно за то, что бы помочь нам, при одном воздержавшемся. Кто это был – догадаться несложно. Ярг оказался верен себе, одно только радовало – после вмешательства трактирщика его дух противоречия сильно сдал.

Он стал какой-то тихий, я бы даже сказал испуганный, словно постоянно ждущий, что вот-вот на него нападут с целью лишить его жизни. Я не стал вникать в его тонкую душевную организацию, полагая, что он просто напуган и обижен на коллег за то, что ни один из них не поддержал его. Как потом оказалось, зря я не присмотрелся повнимательнее к этому человеку, но что сделано, то сделано и по другому уже не переделаешь.

– И так, Азар, общество приняло решение помочь тебе – подвёл итог голосованию Страг. – Теперь ты, не раскрывая, конечно, никаких тайн, должен поставить перед нами конкретную задачу – что именно мы должны сделать, что бы внести свою лепту в общее дело. Непосредственное участие нами в военных действий, как я понял, от нас не требуется. Тогда возникает законный вопрос – что мы должны сделать?

Слова Страга вызвали со стороны вотчинников всеобщую поддержку. Я понял, что победил, и мне осталось лишь правильно поставить перед ними задачу. У меня, словно гора свалилась с плеч, такое облегчение я испытал, когда понял, что моя миссия подходит к счастливому завершению.

– Господа, вотчинники, – обратился я к сидящим за столом. – Все мы уже много лет знаем друг друга, поэтому никому из нас нет нужды притворяться, и мы можем говорить откровенно, не разглашая, однако тайны, которую я не вправе разглашать. Поэтому я отвечу на все ваши вопросы, кроме тех, которые прямо или косвенно будут затрагивать тайну

борьбы с серыми. Но прежде, чем перейти к главному, позвольте от всего сердца поблагодарить вас, за то, что вы вняли моим словам и согласились с ними. Это принесёт спасение не только нам – вотчинникам, а и миллионам людей, которые благодаря вам, смогут спастись и передать потомкам память древней крови империи Повелителей драконов, что бы когда-нибудь империя смогла возродиться. Всё же все мы родом из этой империи, пусть даже сейчас наши пути с ней разошлись. Предлагаю выпить за это, а уже потом перейти к нашим текущим делам. -

В этом деле все, даже Ярг, дружно меня поддержали. Осушив по кружке и закусив, мы перешли к финальной части нашего застолья. Не буду вдаваться в подробности, но моё предложение принять в своих вотчинах беженцев из империи, которые скоро в огромном количестве хлынут из столицы и других городов империи, было встречено с полным пониманием. Причём я ясно почувствовал, что они испытали заметное облегчение, когда узнали, что исполнят свой долг с самыми малыми затратами, лишь приютив беженцев, (всё же мои собратья по цеху были порядочными жмотами). Когда же дело дошло до подробностей, возникли вопросы, главным образом связанные с безопасностью вотчин. Опасения на этот счёт были вполне обоснованы. Суть их заключалась в том, что бы вместе с беженцами в вотчины не проникли бы шпионы серых или прост люди, заражённые или несущие в себе заразу серой немочи.

В своё время над этим вопросом думали все мы. Было множество споров, различных предложений, некоторые из которых были очень экзотичны, однако точку в нашей полемике поставил Кувай, предъявив в один прекрасный день созданное им самим довольно простое заклятие, которое позволяло практически сразу определять людей, заражённых серой немочью, не говоря уж о шпионах Серой империи. Следует сказать, что Кувай показал себя с наилучшей стороны в теоретической магии. Он не только сумел усовершенствовать многие старые заклятия, но и создал множество новых; видимо у него в этом деле был большой талант.

Заклятие Кувая было достаточно простым, поэтому я с лёгкостью передал его вотчинникам, объяснив предварительно, как им пользоваться. Это серьёзное препятствие было обойдено с лёгкостью; вот так бы со всеми препятствиями. Мы быстро договорились о том, сколько беженцем сможет принять та или иная вотчина, обменялись кристаллами для связи, а в конце определились, что они переговорах с остальными вотчинниками, не явившимися на эту встречу и постараются склонить их на нашу сторону.

Всё, моя задача выполнена, и можно с лёгким сердцем возвращаться домой. В заключение нашей встречи мы хорошо выпили и стали расходиться. Перед уходом, трактирщик каждого из нас одарил своей неповторимой улыбкой.

Вернувшись в Сегурию, я вместе с Ляргусом закрутился в целой куче дел, которые необходимо было быстро сде-

лать, что бы ожидаемый вскоре приток беженцев, встретить в полной готовности. Буквально на глазах Сегурия преобразалась. На месте лесов и пустошей появлялись новые посёлки, которые в скором времени должны были принять новых граждан Сегурии, для них вотчина должна стать не просто убежищем, а новой Родиной.

События вне Сегурии, однако, развивались стремительно. Создавалось такое впечатление, словно время, шедшее до этого не шатко, не валко, вдруг спохватилось, и припустило во всю прыть, спеша к какой-то, только ему известной, цели. Сначала Кувай, получив известия от Странника и его людей, что они все ранены и находятся в усадьбе Джона Мильтона, быстро собравшись, помчался на выручку. Затем до нас стали доходить слухи, что, во многих мирах, прирывающих к империи Повелителей драконов, чрезвычайно активизировались серые всадники – всё говорило о готовящемся полным ходом вторжении. Наконец, это странное магическое возмущение, что внезапно ощутили все, в ком была хоть искра Искусства. Продолжалось он всего пару минут, и имело такой характер, словно где-то в нашем мире кто-то очень могучий применил Древнюю силу, причём применил её так осторожно, словно хотел о чём-то заявить, но при этом очень не хотел кому-либо навредить. Я сидел у себя, ломая голову над вопросом – что же это могло быть? Вошёл с озабоченным видом Ляргус, и мрак в моём сознании, возникший после магического возмущения, рассеялся.

– Похоже, что Обсерватория получила ключи от своей вотчины, – толи, говоря мне, толи, размышляя вслух, сказал Ляргус. – У Странника всё получилось. Отсюда можно сделать вывод, что ключи доставил в столицу Кувай. А раз так, то скоро нам следует ждать их возвращения.

Я сразу же согласился со старым жрецом. Понятно, что никто кроме Кувая не смог бы доставить ключи в Обсерваторию. Значит, это странное магическое возмущение было, скорее всего, некой реакцией на обретение ключей и последующую за этим настройку потоков сил на новую реальность. Ясно, что закончив дело, о котором его, скорее всего, попросил Странник, Кувай вернётся в мир Джона Мильтона, что бы помочь раненым друзьям. Ну, что же, наберёмся терпения и будем ждать их возвращения, тем более у нас столько дел, что скучать не придётся.

Наконец-то вернулся Странник со своим отрядом. Сам Странник был весел, хотя и выглядел усталым и вроде похудевшим, если, конечно, это в его отношении возможно; он и до этого был крайне худ. Марк был, как всегда спокоен, а о его недавнем ранении напоминала лишь бледность лица. Джон слегка хромал, и в его тёмных волосах заметно прибавилось седины. Больше всех досталось Яргусту, который был внесён в Сегурию на носилках, и ему ещё предстояло долго восстанавливаться. Всё это так, их поход отнюдь не был лёгкой прогулкой, да и дело, которое они успешно завершили, не было ординарным. По большому счёту, оно завершало

подготовку к реализации сложнейшего и не имеющего до сих пор аналога, замысла спасения империи Повелителей драконов через её гибель. Я был счастлив, что принимаю, пусть и не очень значительное, но всё же участие в этом грандиозном проекте. Что же касается ран, то они, к сожалению, случаются; самое главное, что все живы.

Со Странником прибыл и Кувай, переполненный информацией, которую, однако, он приберёт до вечера. Быстро обняв меня и Ляргуса, он убежал к семье, сославшись на то, что хочет увидеть недавно рождённую дочку.

– Все разговоры позже, – заявил он, убегая. – Надеюсь, у нас состоится вечером пир, вот на нём и поговорим, тем более что у меня много новостей.

Вечером, когда усталое солнце уже настроилось на отдых, и дневной зной пошёл на убыль, на поляне под навесами были накрыты столы. В этот раз по настоянию Странника, число гостей ограничилось лишь самыми приближёнными ко мне людьми. Я был согласен со Странником, что разговоры, которые пойдут за столом, могут напрямую или косвенно затронуть план Странника. Хотя мы доверяли людям, окружающим нас, но в этом случае лучше перестраховаться – чем меньше людей посвящено в наши планы, тем лучше. Как говорится – бережённого Бог бережёт. Сказать по правде, я и сам-то до конца не знал намерений Странника, да, я думаю, что полностью они были известны, пожалуй, лишь ему самому.

Когда до начала вечера, посвящённого встрече наших героев, оставалось два часа, ко мне в комнату зашёл Кувай. Он выглядел отдохнувшим и счастливым, однако настроен он был на деловой лад.

– Дед, – сказал Кувай. Так он меня называл только, когда мы были наедине или в тесном кругу друзей. – Нам надо поговорить об одном очень важном деле, которое можешь решить только ты, и о котором не должен знать никто, кроме тебя и Учителя. Это нужно сделать именно сейчас, пока не началось застолье. Я осмелился пригласить к тебе Учителя. Как только он подойдёт, начнём разговор.

– Хорошо, я готов, – спокойно ответил я, прекрасно понимая, что предстоящий разговор действительно важен, иначе Кувай ни за что бы не попросил о нем – не такой он был человек, что бы без крайней нужды о чём-либо просить. – А пока не пришёл Странник, ты посиди, а я поразберусь тут со своими бумагами.

Спустя минут пять в дверь постучали и на моё приглашение в комнату вошёл Странник, который, видимо, успел поспать, так как выглядел гораздо свежее, чем при встрече утром. Я пригласил его присесть, отложил свои бумаги и приготовился выслушать Кувая. Тот встал, налил из графина, стоящего на небольшом столике в углу, вина в хрустальные кубки, и преподнёс каждому из нас – сначала мне, потом Страннику, а третий взял себе.

– Давайте сначала выпьем за встречу, за то, что все живы

и относительно здоровы, за то, что судьба подарила нам ещё одну возможность собраться вместе, – проникновенно сказал Кувай и поднял свой кубок, вино в котором ярко полыхнуло кроваво-красным светом, когда на него упал солнечный луч.

В этом багряном отблеске в кубке Кувая, я увидел погибающий в огне пожаров город, и город этот очень напоминал столицу. Видение длилось лишь мгновение, но оно произвело на меня ошеломляющее воздействие. Я вообще-то привык доверять своим видениям, поэтому к промелькнувшему в кубке видению, я отнёсся очень серьёзно, посчитав его за знак Судьбы.

Обычно люди воспринимают судьбу по факту уже свершившегося события, которое чаще всего становится для них полной неожиданностью. Таков удел людей, которые живут неразумно и просто плывут по жизни, как по течению реки, совершенно забыв, что у них есть и вёсла, и руль. Забыв, что они вовсе не пленники течения, которыми они считают Судьбу, а творцы этой самой Судьбы. Если же человек понимает, что Судьбу он творит сам и добровольно принимает её, как результат собственного творчества, то она сама начинает помогать такому человеку, посылая ему свои знаки. Разумный человек умеет читать и понимать эти знаки, и тем самым избегать ненужных ему жизненных ситуаций. Поэтому своё видение я запомнил, связав его с недалёким будущим.

– Я собрал вас здесь, что бы поделиться с вами очень важ-

ной для решения наших задач информацией, – начал говорить Кувай, осушив кубок. – Выслушав её, вы сами оцените её важность и степень её секретности. Но расскажу всё по порядку, а вы сами оцените то, что я скажу.

Не стану полностью передавать рассказ Кувая, расскажу лишь общее содержание его. Когда Кувай начал рассказ о своих приключениях я так его заслушался, что даже стал видеть глазами Кувая и переживать услышанное его переживаниями. А ещё я поймал себя на том, что отчаянно завидую ему, как может завидовать пожилой человек чужой молодости. Не скажу, что зависть мне понравилась, а такая откровенная, тем более. Мне удалось довольно быстро разобраться в природе этой зависти, которая, как оказалось, происходила из того же самого источника, который помог мне раскрыть Ляргус. Поэтому я достаточно быстро сумел подавить в себе это скверное чувство, не дав ему набраться сил и схватить меня за горло. Эта моя внутренняя борьба с грехом, желающим захватить меня, лишит меня воли и увлечь к неминуемой гибели, происходила под аккомпанемент интереснейшего рассказа Кувая. Он рассказывал о своих приключениях, переживаниях, открытиях, сомнениях и прочих чувственных атрибутах, присущих каждому, психически здоровому человеку, проживающему активную, полную впечатлений интересную жизнь. Кувай оказался очень талантливым рассказчиком. Есть такие люди, которые, если уж начнут рассказывать о чём-либо, не важно было ли то, о

чем он рассказывает или это выдумка рассказчика, слушатели, которых теряют чувство времени и места и могут часами слушать рассказчика, раскрыв рот. Именно таким рассказчиком оказался наш Кувай, хотя чему же здесь удивляться – талантливый человек – талантлив во многом, а Кувай был наделён талантом, как говорится, выше крыши.

Из его рассказа я понял очень многое, причём не только о наших делах, не только о Серой империи, и даже не только об Обсерватории, хотя всё это и было очень важно, но и узнал очень многое о самом Кувае, о Страннике, да и о себе самом. Информацию о событиях связанных с вылазкой Последнего дракона я мгновенно усвоил, оценил её важность и сумел сделать выводы, которые я и изложил, по окончании рассказа Кувая. Однако, на мой взгляд, то, что я почерпнул из рассказа Кувая касающегося его чувств, переживаний и поступков, было несравненно важней всего сказанного о делах. Во-первых, я увидел своего воспитанника в совершенно другом свете, нежели видел его до сих пор. Оказавшись один на один со смертельно опасной и крайне запутанной ситуацией, в которую он бросился сломя голову, Кувай проявил себя, как вполне зрелый человек, способный молниеносно оценивать обстановку, мгновенно принимать решения, причём находить самые неординарные, самые неожиданные способы решения задач, которые то и дело загадывала ему Судьба. Однако при этом я не мог назвать его безрассудным или безответственным человеком, который действует исходя из

принципа – авось пронесёт. Нет, Кувай повёл себя, как человек, прекрасно отдающий себе отчёт, какая ответственность лежит на нём, он прекрасно понимал цену ошибки, если он её допустит. И это было второе, что я понял о Кувае, и чем гордился. Ведь для того, что бы он стал таким, каким стал, многие вложили в него свой труд, в том числе и я. Я мог гордиться тем, что труд мой не пропал даром, он принёс свои плоды, причём плоды самого высокого качества.

Понимание того, что Кувай смог стать таким, с одной стороны был коллективный труд всех нас: воспитателей, учителей, друзей, возлюбленной и даже отчасти врагов наших, а с другой стороны упорный, каждодневный труд самого Кувая. Всё это, в совокупности с тем, что он принял свою Судьбу, превратило его, не смотря на его молодость, в личность такого масштаба, что сейчас, глядя на него, даже не верится, что из того маленького комочка плоти, каким он впервые попал ко мне, получилось такое.

Глядя на этого удивительного человека, я с абсолютной ясностью понял, что сам, в одиночку, я не смог бы сотворить личность такого масштаба – её мог создать лишь большой коллектив заинтересованных в этом людей. А раз так, то не остаётся место для обид, ревности и уж, тем более, зависти. Понимание этого, похоже, полностью излечило меня от всего, чем я обзавёлся благодаря суете. Я почувствовал, что тяжкий груз, который последние годы я всё явственней ощущал на своих плечах, куда-то исчез, а я вспомнил ту удиви-

тельную лёгкость, которая свойственна молодости, когда ноги мои не знали усталости, а за спиной явственно ощущались крылья. И последнее, что я понял из рассказа Кувая, было то, что я совсем по другому увидел Странника. До этого, в самом начале нашего с ним знакомства, я смотрел на него с огромным искренним удивлением; позже, особенно когда передал ему в обучение Кувая, всё чаще стал посматривать на него с некой ревностью, которая соседствовала и до поры мирно уживалась с моим к нему уважением. Теперь же я видел в нём воистину великого человека, который сумел дать моему воспитаннику то, чего я при всём желании не мог дать; и теперь я был по настоящему благодарен ему.

Слушая молодого дракона, я всё время поражался его удачливости. Это же надо, зашёл в трактир и встретился с отрядом разведчиков Серой империи, причём лучших разведчиков, как считали сами серые. Мало того, он ещё умудрился прочитать их предводителя, и вот вам, пожалуйста, завербовал агента из серых, да не простого, а целого полковника. Пошёл с Джоном ночью прогуляться, и предотвратил вторжение серых всадников. Всё это, я посчитал следствием того, что Кувай полностью осознал и принял свою судьбу, а она, в свою очередь, выстраивает для него события самым наилучшим образом. Теперь я за него был спокоен, конечно, в той мере, в какой можно было позволить себе в наше, столь тревожное, время. Мои размышления прервало окончание рассказа. Пора было переходить к решению конкретных во-

просов, которые появились у меня и Странника, за время его рассказа.

– Ты доверяешь Кваргу? – спросил Странник, после того, как все мы выпили по кубку вина.

– Ну, до конца я никому не доверяю, как вы учили меня, – ответил Кувай сразу нам обоим. – Однако у меня есть средства, которые позволят мне сразу же определить, если он начнёт двойную игру. Всё же я склонен доверять ему, вспомните его общение с Жизнью и Смертью возле Вселенского маятника.

– Чем ты смог его подкупить, если это не секрет, конечно? – задал я свой вопрос, хотя, какой будет ответ, я примерно догадывался.

– Какие там секреты, – со смехом ответил Кувай. – Его не нужно было даже подкупать. Смерть так с ним поработала, что он буквально возненавидел своих начальников. Кому же понравиться, когда узнаешь, что тебя всю жизнь обманывали те, кому априори он изначально доверял, как своим Богам? Единственное, что он попросил за своё сотрудничество со мной, была гарантия сохранения жизни его воинам, которую я и дал ему.

– Как ты можешь гарантировать отряду Кварга безопасность? – с явным удивлением спросил Странник. – Ты что, хочешь, что бы они укрылись в Сегурии? А разумно ли допустить серых в вотчину?

– Я никогда не соглашусь пустить сюда шпионов Серой

империи, пусть даже перевербованных, – категорически отверг я само предположение об этом.

– Разве я это предлагал? – не наши вопросы и заявления, вопросом же ответил Кувай. – Это было бы очень неразумно с нашей стороны, да и опасно в первую очередь для самого Кварга и его отряда. Не стоит недооценивать возможности разведки Серой империи, тем более, что империя Повелителей драконов буквально кишит их шпионами, да и наших предателей всех мастей то же хватает. Поэтому главной нашей задачей во время ближайших активных действий против Серой империи, а я предвижу, что мы скоро всерьёз столкнёмся с ней, необходимо сделать всё возможное для того, что бы никто ни смог догадаться о связи Кварга со мной. Так что Кваргу нельзя ни то, что бы укрыться здесь, в Сегурии, а и близко к ней подходить.

– А что тебе с того, что его разоблачат? – осторожно спросил я.

Во мне говорила естественная для любого человека, считающего себя человеком чести, чувство некой брезгливости к шпионам и всякого рода предателям, а Кварг в моих глазах был именно таким. Нет, головой я понимал, что это обманутый главарями Серой империи, он был скорее жертва, но сразу избавиться от прирождённой брезгливости я всё же не мог. Я прекрасно понимал Кувая, который хорошо представлял себе ценность этого человека для нашего дела. Мало того, в этом я был полностью с ним согласен; мне просто

хотелось услышать, как Кувай сам обоснует такую заботу о своём агенте.

– Ну, как же ты, дед, не понимаешь, что он будет нам очень полезен сейчас, когда против Повелителей готовится мятеж, но ещё больше пользы он может принести в не таком уж далёком будущем, – с горячностью ответил Кувай. – Я намерен всячески оберегать его и весь его отряд, вплоть до того как рухнет империя Повелителей драконов, и спасти их в последний момент. Мало того, я постараюсь спасти их так, что бы они в глазах своих выглядели настоящими героями. Я постараюсь, что бы карьера Кварга в Серой империи была стремительной и блестящей. Вот что я намерен для него сделать.

– Я, конечно, понимаю, что тебе удалось завербовать очень важного агента, и ты всячески готов сохранять его, – упорствовал я. – Но подумай, мальчик мой, не слишком ли ты собираешься опекать его, тем более он никак ещё себя не проявил? Может пусть сначала сделает для нас что-нибудь полезное, хотя бы в ближайших наших делах, а уж потом будем думать, как ему помочь в его карьере.

– А разве я против? – ответил Кувай. – Конечно, его ещё надо проверять и проверять, а для этого в ближайший год, как я думаю, у нас будут все возможности. Просто я говорю, что делать это надо очень осторожно, что бы не потерять, я бы даже сказал не агента, а союзника. Вы только посмотрите, ещё совсем недавно мы почти ничего не знали о серых всад-

никах, а сейчас мы уже знаем о них гораздо больше. Теперь, когда у нас появился союзник, а я верю, что Кварг всё же не просто агент, а союзник, у нас появился уникальный шанс узнать о Серой империи гораздо больше. Да, что там греха таить, возможно, с его помощью нам удастся проникнуть на территорию Серой империи.

Он замолчал, видимо давая себе передышку, а нам, что бы осмыслить его слова, сделал большой глоток из своего кубка, и продолжил излагать нам свои аргументы в пользу Кварга.

– Я ведь в последней вылазке много размышлял, – задумчиво говорил Кувай. – И многое понял и переосмыслил. Ведь когда я родился старый Ляргус, желая спасти меня от неминуемой гибели, подобрал для меня такой вариант судьбы, при котором я мог выжить, и это не привело бы наш мир к катастрофе. Раньше я об этом особо не задумывался, но с годами, когда развязка этой моей судьбы неумолимо приближалась, я много об этом думал и спрашивал сам себя, а выбрал бы я сам эту судьбу, если бы имел возможность выбирать? Какое-то время мне было обидно, что с самого рождения за меня всё решают другие. Но потом, до конца осознав, кто эти другие, и как они мне дороги, я понял, что будь у меня выбор, я бы всё равно выбрал бы вас, мои воспитатели, учителя и друзья. А значит, выбрал бы эту нынешнюю судьбу. В конце концов, что значит крах какой-то империи, пусть это даже империя Повелителей драконов в сравнении с гибелью целого мира; и я полностью и совершенно осозна-

но принял свою судьбу.

Он опять замолчал и сделал глоток из кубка. Видимо эта откровенность давалась ему нелегко. Мы со Странником тоже молчали потрясённые его откровенностью.

– В общем, я принял свою судьбу, – продолжил Последний дракон. – Причём принял её полностью, без всяких оговорок и условий. Тревожило лишь одно – я не знал, чем буду заниматься, когда полностью исполню свою судьбу, а жить без цели я просто не умею, да и не хочу. Но теперь я знаю, чем я буду заниматься после завершения этого этапа собственной судьбы. Ведь с падением империи Повелителей драконов принципиально ничего не изменится. Мы лишь предотвратим захват нашего мира Серой империей, и тем самым он избежит участи, полностью лишится жизненных сил, но сама-то Серая империя никуда не денется, и всё так же будет угрожать окружающим её мирам. Мы уже поняли, что уничтожить её извне вряд ли удастся, даже если в ход пойдёт Древняя сила, причём в неограниченном объёме; в этом случае мы сможем её полностью уничтожить, но последствия этого поголовного уничтожения будут катастрофическими, причём не только для нас, но и ещё для множества миров мироздания. Нарушения равновесия Вселенского маятника без последствий не проходят. Остаётся лишь одно – разрушить Серую империю изнутри, а для этого нам необходимо иметь в ней союзников из числа её подданных. Я полагаю, что Кварг и его люди, будут первыми ласточками на этом пу-

ти, который обещает быть очень долгим и трудным, но другого выхода я не вижу. По большому счёту, в этом нет ничего нового, как говорится – всё новое, это хорошо забытое старое. Точно так же поступает и Серая империя, внедряя к нам своих агентов, которые находят людей согласных на них работать. Когда же наступает время вторжения, эти люди начинают действовать, да зачастую так, что местная власть оказывается не в состоянии оказать сопротивления, в результате чего, ещё один мир ложится к ногам серых. А почему бы нам не воспользоваться их же оружием?

Он закончил свой рассказ и залпом осушил свой кубок. Было видно, что ему нелегко далась эта речь, которая поразила меня своей железной логикой и чрезвычайным пониманием сути. Да, мальчик вырос и стал настоящим человеком, которым я, знавший его с самого рождения, вполне мог гордиться, как может гордиться любящий отец состоявшимся как личность взрослым сыном.

В своё время я избрал судьбу мастера Высокого Искусства, и тем самым выбрал путь, который исключает наличие семьи, а соответственно и детей. Я был молод, честолюбив, меня влекли дороги и приключения, ни до какой семьи не было дела, тем более что я покинул семью родителей моих ещё ребёнком, и с тех пор моей семьёй стал Ляргус и несколько его учеников, некоторые из которых, впоследствии стали вотчинниками. С тех пор я постоянно находился в мужской компании, либо моих сверстников, таких же уче-

ников, как и я, либо уже зрелых мужчин – моих учителей. Всё моё время целиком было занято интереснейшей учёбой, занятиями по овладению боевым искусством и верховой езде, которая в империи Повелителей драконов считалась достоянием только элиты – лошадей в империи было очень мало и они ценились на вес золота. Кончилась учёба – начались мои хождения по мирам, которые так меня захватили, что я первые пятнадцать лет только этим и занимался. Позднее, видимо повзрослев, я почувствовал, что мне нужен дом, но не обычный дом, куда можно привести молодую жену, а свой, пусть небольшой, но мир. Будучи тогда отъявленным максималистом, ни на что меньшее я согласиться не мог. Так родилась Сегурия, сотворённый мной мир, ставший моим домом, где мне всегда было хорошо, как было хорошо в доме у Голубого озера в моём раннем детстве. Сотворение Сегурии заняло у меня несколько десятков лет, которые я считаю одними из лучших в моей жизни. О, эти незабываемые годы, когда я ходил пьяный от одной мысли, что я творю мир; о, эти бессонные ночи, когда я решал сложнейшие задачи, связанные с сотворением; о, эти взлёты до самых сверкающих вершин творчества, когда дух мой испытывал райские наслаждения от того, что я делаю; о, эти бездонные пропасти отчаянья, когда казалось, что всё кончено, что ничего-то у меня не получится. Однако всё получилось, и я стал вотчинником, тем самым приобрёл статус одного из высших аристократов империи. Формально я был подданным Повели-

телей драконов, но это только формально. На самом же деле я был свободен, как ветер – вотчинники в империи никакой службой империи себя не утруждали, имел свой дом, куда было так приятно возвращаться после долгих и, зачастую опасных, странствий по дорогам мироздания. Жизнь моя до отказа была заполнена интереснейшими приключениями, которые совершенно не оставляли места в душе моей для любви к женщине, хотя многие из них были не прочь повязать меня брачными узами. Когда же я был уже в зрелом возрасте и имел седую бороду, беспокойная судьба моя подкинула мне Кувая, которого я полюбил всей душой и который раз и навсегда занял всю мою душу, не оставив в ней места ни для одной из земных женщин. Поэтому сейчас, когда я видел, каким стал Кувай, я искренне был рад и горд за него.

– Я рассказал всё, что хотел рассказать, – вновь заговорил Кувай. – Теперь слово за вами, самыми близкими мне людьми. Принимаете ли вы мои намеренья или нет?

На какой-то период времени образовалась немая сцена. Я молчал, молчал и Странник, видимо, решивший первое слово предоставить мне. Наконец, Странник прервал молчание довольно странным образом.

– От всей души поздравляю тебя, Азар, – улыбаясь, сказал Странник, подойдя ко мне и протягивая мне руку для рукопожатия. – Ты вырастил настоящего человека и, смею тебя уверить великого волшебника. Бьюсь об заклад, не пройдёт и пяти лет, а наш мальчик заткнёт за пояс нас обоих.

Я тут же встал и крепко пожал ему руку, но видимо чувства переполняли нас обоих, поэтому мы крепко обнялись, и это проявление обоюдных чувств, растопило последние льдинки недоверия, которые ещё имелись в отношениях между нами. Улыбающийся Кувай в это время наполнил наши кубки.

В комнату кто-то осторожно постучал. Я снял с двери запирающее заклятие и на пороге обнаружился слуга, который сообщил, что для вечернего застолья всё готово и ждут только нас.

– Иди, успокой гостей, – приказал я ему. – Мы будем через пять минут.

– Я предлагаю выпить этот кубок за то, что бы ты, Кувай исполнил свою судьбу в лучшем виде, а мы, твои друзья поможем тебе в этом, – произнёс я тост, как только за слугой закрылась дверь.

– Сильно сказано, – поддержал меня Странник, поднимая свой кубок.

3

Я зовусь Странником, хотя откуда взялось это странное имя, хоть режьте меня, не знаю. Нет, не подумайте, что у меня проблемы с памятью. С памятью-то у меня как раз всё в порядке. Я отлично знаю, откуда я родом, кто мои родители, знаю имя, которым нарекли меня в одном из очень далёких отсюда, как в пространстве, так и во времени, миров, где много лет назад открылись глаза мои. Всё это я хорошо помню. Там до сих пор некоторые люди помнят меня, туда я вынужден время от времени возвращаться, туда, где, как принято считать, находится мой дом, если, конечно можно считать домом маленькую однокомнатную квартиру в блочном пятиэтажном доме. Почему-то меня туда совершенно не тянет, особенно, когда знаешь, что после смерти родителей ты там никому, в сущности, не нужен.

Скучаю ли я по тому далёкому миру, где совершилось моё нынешнее воплощение? И да, и нет. Скучаю, потому что мир тот волшебен красив, хотя и несколько суров; скучаю, потому что в том мире прошло моё детство, которое в большей степени определило моё нынешнее состояние; скучаю, потому что человеку, если он действительно человек, свойственно тосковать по Родине.

Именно в том мире я одержал самую первую и возможно самую главную победу в своей жизни, по крайней мере,

в этом своём воплощении. Вообще, когда у тебя более-менее восстановилась Древняя память очень трудно разделять всю свою жизнь с отдельными её воплощениями в телесной форме. У большинства людей, чья память ограничена лишь одним воплощением, таких проблем с определением важности того или иного события обычно не возникает, ибо для них это воплощение является единственной, а значит и всей жизнью.

Я спрашиваю себя, чем является для меня Древняя память, которая не так давно, по человеческим меркам, конечно, открылась мне и поменяла во мне очень многое? Благо это или проклятие? Что я приобрёл и что потерял в результате этого? Вопросы, вопросы, вопросы....

Вот уже две недели, как мы вернулись в Сегурию, после успешного завершения достаточно трудного дела, где в заключение получили приличную трёпку. Все вопросы обсуждены, все празднования нашего возвращения прошли, друзья мои наконец-то оправились от ран и даже Яргуст уже начал ходить, правда, пока с помощью костылей. Завершена грандиозная работа по созданию вотчины для Обсерватории, сам я тоже полностью восстановил свои силы, так что можно было в спокойной обстановке, что сейчас подарила нам наша беспокойная судьба, подвести итоги сделанного и наметить планы на будущее. Однако, вместо того, чтобы поразмыслить о наших делах, я углубился в себя, стараясь разобраться в собственных переживаниях.

Окружающие меня люди, за исключением разве что Джона, видели во мне могучего волшебника, чрезмерно одарённого Древней силой, всегда уверенного в себе, всегда знающего, что делать, спокойного в любых житейских перипетиях. А был ли я таков, как выглядел со стороны? Естественно, что хотелось заявить всем, а главное себе самому, что я именно таков, каким стараюсь выглядеть; но стоит ли в очередной раз пытаться обмануть самого себя? И я говорю самому себе, что вовсе не уверен, что соответствую моему внешнему образу, хотя больше никому на свете я ни за что не признаюсь в этом; я и себе-то признаюсь в этом не до конца откровенно.

Откуда пошло у меня это такое раздвоение, или оно было присуще мне изначально? Как только я задал себе этот, простой, на первый взгляд, вопрос, ко мне пришло понимание того, что, ответив на него, я гораздо лучше пойму себя, что ещё на один шаг приблизит меня к пониманию самого себя.

Обладая Древней памятью многих своих воплощений, я, по отношению к другим людям находился в привилегированном положении. Это происходило из того, что я мог, проведя глубокий самоанализ нынешнего моего воплощения, сравнить его с анализом других воплощений, и таким путём достаточно точно определить принадлежит ли эта раздвоенность этому моему воплощению или она является свойством любого воплощения. Поняв это, я смогу достаточно убедительно определить, какая часть меня предопределена

судьбой, а какая является плодом моего личного труда. Это позволяло мне определить параметры доступного мне в данном воплощении, что значительно бы облегчило мне жизнь и позволило лучше распределять свои силы.

Я родился очень чувствительным человеком, остро реагирующим на окружающий меня мир. Пока весь мой мир заключался в моей матери и частично в отце, которые очень любили меня, всё было хорошо, и мир этот мне очень нравился. Но подрастая, я поневоле столкнулся с совершенно другим миром, который встретил меня достаточно агрессивно, для которого я был лишь мизерной частицей, не заслуживающей ни любви, ни внимания. Оказалось, что в этом новом для меня мире, я оказался не единственным, как в мире моих родителей. Оказалось, что в этом мире, таких как я, великое множество, и каждый из них стремился занять в этом общем мире своё место. Пришлось и мне заняться этим, хотя душе моей претило насилие, без которого, как оказалось, этот мир существовать не может. Физически я был не очень крепок, поэтому своё место в мире мне пришлось отстаивать, прикладывая колоссальные усилия там, где более сильные мои конкуренты делали это играючи. В этом был свой плюс, постоянная борьба за место под солнцем приучила меня к труду. Я научился терпеть, преодолевать свою врождённую робость и неуверенность в себе, прекрасно понимая, что в мире, в котором мне суждено было воплотиться, иначе нельзя. Таковы были жестокие законы жизни в этом мире,

и любой, кому судьба предопределяла родиться в нём, обязан был постоянно отстаивать своё место под солнцем. Это делало каждого его обитателя либо сильным, либо мёртвым, причём это могла быть не обязательно физическая смерть, которой заканчивается любое воплощение. Гораздо страшнее для любого обитателя этого мира была смерть духовная, когда человеческое тело вроде бы живёт, а дух человека и его душа либо сломлены, либо находятся в коме. Таков удел слабых, и в этом есть своя справедливость, ибо слабый человек умирает либо при родах, либо в раннем детстве. Коли ты выжил, то быть слабым просто не имеешь права, ибо «слабости», которыми человеку свойственно прикрываться при совершении греха, порождают все мерзости этого мира. Конечно, человек может быть от рождения физически слабым или больным. Это-то, как раз к человеческим «слабостям» не относится. Настоящей слабостью для человека является отсутствие у него духовной силы или духовного хребта, наличие которого и определяет истинную силу любого человека. Это я понял очень рано, и, хотя Творец обделил меня физической силой, а так же наглостью и агрессивностью, я сделал ставку на развитие именно духовной силы и выиграл, хотя выигрыш этот дался мне очень нелегко. Помогли мне в этом, как ни странно, врождённая робость и повышенное чувство собственного достоинства. Робость я испытывал, лишь сталкиваясь с людьми. Особенно меня обезоруживали хамство и наглость многих представителей человеческого рода, зача-

стю вызывая во мне самый настоящий страх. Стоило мне кого-нибудь испугаться, как тут на защиту моей чести вступало чувство собственного достоинства, для которого потеря мной самоуважения была страшнее физической смерти. И тогда я начинал противиться собственному страху.

А, чего я, собственно, в детстве боялся? Боли я, по большому счёту не боялся, хотя и испытывать её, как-то не было желания. Я почему-то совершенно не боялся природы, ни густого дремучего леса, ни крутых гор, ни бурь, ни дождя и снега, ни диких зверей, в общем, ничего такого, чего положено бояться, особенно маленьким детям. Оказалось, что больше всего на свете я боялся унижения, которое, на мой взгляд, влекло за собой потерю самоуважения, как тогда я трактовал понятие чести. На втором месте, после страха потери чести у меня был прирождённый страх обидеть окружающих людей, нанести им хоть какой-то моральный или физический вред. Наверное, именно поэтому я до сих пор не могу первым ударить человека, особенно по лицу, и не люблю оружия. Поэтому в детстве мне часто приходилось драться, причём я всегда дрался лишь тогда, когда кто-либо, невзирая на его возраст или физическую силу, пытался ударить или оскорбить меня. Это же правило осталось у меня и поныне, хотя теперь всё меньше желающих ударить или оскорбить меня. Таким образом, страх, являющийся по, большому счёту, чувством в основе своей негативным, использовался мной, по большей части, неосознанно, для формирования меня, как личности

и вместо вреда, здорово помог мне стать тем, кем я стал, во всяком случае, вместо вреда он пошёл мне на пользу. Отсюда совсем не сложно прийти к выводу, что внешний образ мой, вовсе не был предопределён судьбой, а я сам создал его своим трудом, за счёт предопределённых судьбой моих душевных свойств, главными из которых были, повышенное чувство чести и боязнь как-либо навредить самому себе, а так же себе подобным. Эту боязнь я много позже стал понимать, как страх человека перед грехом.

Осмыслив собственную роль по сотворению своего внешнего образа в это воплощение, я стал сравнивать многие прошлые мои воплощения, я обнаружил интереснейшую закономерность, которая так тесно переплела судьбу с моей собственной свободной волей, что отделить одно от другого просто не было никакой возможности. Судьба направляла мою волю, а воля творила судьбу, а что первично, что вторично – попробуй, разберись, тут, как говорится, сам чёрт ногу сломит.

Долго размышляя над этим вопросом, я, в конце концов, пришёл к выводу, что судьба, которая определяется моими прошлыми воплощениями, под воздействием моей свободной воли, приобретает новую форму, образуя своего рода кольцо. Иными словами, судьба направляет волю в нужном ей направлении, а воля творит новую форму судьбы. То есть, здесь невозможно однозначно сказать, что в этой связке первично, а что вторично.

В свете этих новых осознаний, как-то сам собой отпал вопрос, является ли Древняя память благом или проклятием моим. Я однозначно уверился, что это одно из величайших благ, доступных воплощённому человеку. Ни за какие сокровища мира сего не отказался бы я от этого дара, который, сам не понимаю почему, преподнёс мне Творец, и мне жаль людей, не обладающих памятью прошлых воплощений. Хотя, если вдуматься, для многих забвение собственного прошлого, является высшим благом, и они панически боятся вспомнить всё. Ну, как говорить – каждому своё.

Размышления мои были прерваны осторожным, но при этом настойчивым стуком в дверь. Вот так вот, нигде не обретёшь покоя. Я вздохнул и пригласил гостя прекратить стучать и войти. Дверь отварилась, и на пороге я увидел хмурого, чем-то серьёзно озабоченного Кувая. Значит, случилось что-то по-настоящему серьёзное, раз вечно жизнерадостный Кувай хмур и озабочен.

– Добрый день, Учитель, – поздоровался дракон, входя в комнату. – У меня к тебе дело, решение которого не терпит промедления.

– Ну, что же, присаживайся. Рад тебя видеть, – ответил я своему лучшему ученику. – Что-нибудь выпьешь?

– Кубок вина, если можно, – ответил Кувай, присаживаясь к столу, за которым я предавался своим размышлениям.

Я наполнил два кубка и один протянул Куваю. Он с благодарностью принял его, мы чокнулись и выпили вино.

– Ну, и что за срочное дело привело тебя ко мне? – спросил я, поставив свой кубок на стол.

Кувай, какое-то время молча сидел за столом, крутя в руках пустой кубок, видимо обдумывая, с чего начать. Я не торопил его. Нет ничего хуже, когда начинают торопить человека, собирающегося сказать нечто важное и незнающего, как это сделать наилучшим образом. Тем более что, хорошо зная Куваю, я был уверен, что ради какого-нибудь пустяка, он ни за что не стал бы меня беспокоить.

– Пришли тревожные вести от Кварга, – наконец поставив кубок на стол, сказал Кувай – Нужно обсудить, как нам на них реагировать. По всему видно, что события начинают развиваться стремительно, что, впрочем, не является для нас неожиданностью, но всё же....

Он опять замолчал, видимо давая мне возможность переключиться от моих мыслей и настроиться на серьёзный разговор. Кувай оставался самим собой; человеком, который очень не любил ставить, кого бы-то ни было в неудобное положение, поэтому всегда старался подготовить собеседника, особенно, если предстоял серьёзный разговор. Так и сейчас, поняв, что я был занят серьёзными размышлениями, он дал мне время перестроиться.

– Что случилось? – спросил я, что бы показать свою готовность со всем вниманием выслушать его.

– Кварг доносит, что ему стало известно о конкретных сроках вторжения Серой империи в наш мир, – ответил Ку-

вай, внимательно посмотрев на меня, словно пытался определить мою реакцию.

Чего-то примерно такого я и ожидал, лишь не думал, что серые решаться напасть так быстро, словно они что-то поняли и теперь торопятся опередить нас. Ещё бы, получив от нас хорошую взбучку, когда мы направлялись устраивать вотчину для Обсерватории, они сумели ответить, да так, что весь мой отряд чуть не отправился на свидание с моей давней знакомой, симпатичной такой брюнеткой и лишь чудо спасло нас. Эта их первая осязаемая победа над нами, видимо, прибавила главарям серых уверенности, что они могут победить нас. Пытаясь окончательно добить нас, они отправили серьёзный отряд, что бы напасть на имение Джона и захватить или уничтожить нас, и если бы не Кувай, плохи бы были наши дела. Все эти соображения мгновенно пронеслись в моём сознании, породив очередное озарение. Картинка одной из частей моего плана, которую так долго я не мог увидеть, ярко вспыхнула в моём сознании, и теперь я ясно представлял, чем буду заниматься в ближайшее время.

– А почему ты пришёл с этим ко мне? – спросил я. – Разве ты забыл, что я тебе больше не учитель? Вообще-то в Сегурии главными являются Азар и Ляргус, и это дело, скорее их, чем моё. Я ведь живу в Сегурии на правах гостя. Азар и так обижается на меня. Я вовсе не хочу быть здесь яблоком раздора. Ты уж, будь добр, иди с этой информацией к Азару, пусть он решает.

Кувай, умница, сразу всё понял. Он вежливо попрощался и покинул мою комнату, надо полагать, отправился к Азару. Оставшись один, я ещё раз обдумал полученную от Куваей информацию, и пришёл к выводу, что война неизбежна. Причём война, которая по своим масштабам, не пойдёт ни в какое сравнение с прошлыми нашими стычками с серыми, которая потребует от всех нас полной отдачи сил, а возможно потребует сами наши жизни.

Я опять погрузился в свои размышления, из которых меня вывел очередной стук в дверь. Нет, сегодня мне решительно не дадут поразмыслить. Я пригласил стучавшего войти, дверь открылась, и появился слуга, который в крайне вежливых выражениях передал мне просьбу Азара прийти к нему в кабинет, где в это время собирается совет старейшин Сегурии. Я заверил слугу, что буду через пять минут, и тот, вежливо поклонившись, удалился. Значит, Азар собирает совет старейшин, подумал я. Что же, всё правильно, я бы поступил точно так же, самое время объявить мобилизацию.

В обширном кабинете Азара, помимо его самого и старого Ляргуса, уже находились почти все старейшины Сегурии, со многими из которых я был знаком. Здесь же были и мои ученики во главе с Куваем, который, увидев меня, как-то загадочно посмотрел на меня. Ох, не люблю я такие взгляды, всегда они предвещают какой-то подвох, а то, что Кувай очень любит разные розыгрыши, мне было хорошо известно. Я подошёл к Джону, который, при виде меня призывно по-

махал мне рукой, показывая на свободное место возле себя. Ученики мои, по старой привычке держались поближе друг к другу. Здесь были все, даже Яргуст приковывал на своих костылях и занял место в покойном кресле в углу кабинета Азара.

Азар встал со своего места во главе стола, и хорошо поставленным голосом объявил причину, почему так экстренно был собран совет Сегурии.

– Уважаемые, господа, – сказал Азар. – Я пригласил вас по чрезвычайному важному поводу – мы находимся на пороге войны с Серой империей. Сейчас с информацией, полученной из надёжного источника, выступит всем вам хорошо известный Кувай. Прошу отнестись к его словам крайне внимательно.

Кувай поднялся со своего места и прошёл в центр кабинета, откуда его всем было хорошо видно и слышно.

– По полученным мною данным, примерно через месяц в столице вспыхнет мятеж против царствующих Повелителей. Его организовали и возглавляют высшие аристократы империи. Но этот мятеж произойдёт синхронно с началом вторжения армии Серой империи в пределы империи Повелителей драконов. Я полагаю, что вторжение и мятеж произойдут одновременно, потому, что всё это единый план, организованный разведкой серых и предателями из числа элиты нашей империи. Нам надо очень серьёзно отнестись к этому и предпринять какие-то меры для срыва этих замыслов. -

Кувай закончил свою речь, и на него обрушился шквал вопросов. Все вопросы, ответы на которые требовали разглашения источника информации, он сразу же отнёс, но зато на вопросы, как говорить, по делу, он дал исчерпывающие и грамотные ответы. По количеству вопросов и тревоге звучащей в голосах спрашивающих было видно, что услышанное задело их за живое.

Началось обсуждение, которое в скором времени выявило два имеющихся у участников дискуссии противоположных мнения. Одни считали, что надо закрыться в Сегурии, благо она неприступна, и переждать трудные времена, пока либо империя Повелителей драконов, либо Серая империя одержат верх. Вот тогда решать с победителем вопросы путём переговоров. Таких «миротворцев» набралось примерно половина присутствующих на совете.

Я до поры только слушал, стараясь пока не высказывать своё мнение вслух, хотя предложение устраниваться от борьбы и позже примкнуть к победителю, вызвало у меня, мягко говоря, неприязнь; как-то оно, при всей его рациональности, припахивало, и припахивало весьма скверно. Этим людям, привыкшим к спокойной мирной жизни в благословенной Сегурии, которых очень испугала стоящая у самого порога их дома война, которые вместо того, чтобы встретить её, как подобает мужчинам, готовы на предательство, я не осуждал. Я вообще редко осуждал кого-либо, тем более что никогда ещё мне не приходилось бывать в их шкуре, а раз

так, то как мог я осуждать их, если сам наверняка не знал, как бы повёл себя сам, случись мне выбирать между войной и компромиссом, который очень смахивает на капитуляцию. Нет, я их не осуждал, скорее мне было их жалко. Они не понимали, с каким противником свела судьба империю Повелителей драконов, потому что, зная кто такие эти серые, ни один человек в здравом уме, даже не мог бы и подумать о каком-либо компромиссе с ними. В любом случае, кто бы ни победил в предстоящей схватке, обитатели Сегурии окажутся в проигрыше. Если победит Серая империя, то рано или поздно Сегурия падёт, ибо миф о неприступности вотчин, всего лишь миф, основанный лишь на том, что ещё никто серьёзно не пытался захватить вотчину. Что будет потом – не было желания даже помыслить. Если же победу одержит империя Повелителей драконов, то все обитатели Сегурии, которые, ни смотря, ни на что, формально остаются подданными Повелителей, окажутся предателями и их ожидает лютая кара со стороны империи Повелителей драконов. Повелители, так же, как и серые, умеют добиваться своего, и, скорее всего, они сумеют развеять миф о неуязвимости вотчин. Поэтому миролюбивая позиция «миротворцев» ни к чему хорошему в данном случае не приведёт.

Другая точка зрения была противоположной точки зрения «миротворцев». Странники её были в большинстве из рода Белого облака, которые, как мне рассказывали, эмигрировали в Сегурию в связи с событиями, связанными с рож-

дением и спасением Кувая. В империи Повелителей драконов они считались мятежниками и пока живы нынешние Повелители, родина для них была закрыта. Эти вообще предлагали собрать войско и первым делом вычистить столицу от предателей и шпионов Серой империи, которые, по их словам, свили в столице гнездо, а уж затем разгромить силы вторжения серых. Некоторые горячие головы предлагали даже сместить с престола нынешних Повелителей и посадить на трон Кувая, благо он законный наследник. Одним словом, страсти накалялись. Что интересно, сторонников, как одной идеи, так и другой было примерно поровну, так что ни одна сторона не могла взять верх. Дело дошло даже до оскорблений и, как я видел, вот-вот могло перерасти в самую банальную драку. Дело принимало серьёзный оборот – не хватало нам ещё междоусобицы в Сегурии; вот бы серые порадовались. Пришлось мне вмешаться, хотя, видит Бог, я этого не хотел; всё же я человек здесь пришлый и не мне влезать в дела Сегурии, хотя дельный совет я дать мог. Вопрос состоял в том, захотят ли эти разгорячённые спором люди, услышать мой совет?

– Уважаемые, господа, – заговорил я, вставая. – Позвольте мне высказать моё мнение по этому вопросу.

Моя просьба застала их врасплох, даже Азар и Ляргус, взглянули на меня с удивлением, причём Азар даже как-то напрягся, видимо не понимая, чего от меня ожидать. Хорошо зная меня, они никак не ожидали, что я попрошу слова.

Обычно на больших собраниях, вроде этого, я отмалчивался, не желая своими словами помешать свободному выбору сегурийцев, а тут сам запросил слова, поневоле напряжёнсья. Слово мне, конечно, дали, но как сторонники мира, так и сторонники войны смотрели на меня с напряжением, видимо приняли меня за третейского судью, который должен был разрешить возникшие между ними противоречия.

Получив разрешение говорить, я начал объяснять этим людям, которые, конечно, любили Сегурию и готовы были отдать за неё жизнь, истинное положение дел в мироздании, так как прекрасно понимал, что хорошо известно об этом лишь узкому кругу лиц, приближенных к Азару и Ляргусу. Я, в общем-то, никогда не числился в числе ораторов, предпочитая небольшие компании, но тут, как мне кажется, я превзошёл самого себя. Я так подробно и при этом в очень простых словах нарисовал картину, сложившуюся в настоящее время вокруг империи Повелителей драконов, а значит и Сегурии; показал, что за силы противостоят нам и на что эти силы способны. Моя речь произвела на слушателей эффект, который, в общем-то, я и ожидал. Миротворцы убедились, что за оружие всё же придётся браться, хотим мы этого или не хотим, а партия войны несколько поубавила свой пыл, особенно, когда Кувай, желая развить намечающийся вследствие моей речи эффект, заявил, что никогда не пойдёт на свержение своих родителей.

Моя пламенная речь возымела своё действие – споры пе-

решили в более конкретное русло. В заключение прений Азар вынес свою резолюцию. Было решено объявить набор добровольцев в ополчение. Из добровольцев сформировать два войска. Первое, которое должно было покинуть Сегурию и отправиться сражаться с серыми всадниками, должно было состоять преимущественно из драконов и магов, а второе войско, состоящее из людей, должно будет остаться для обороны Сегурии. Тут опять возникли споры, но теперь уже не по поводу воевать – не воевать, а кто должен возглавить войско, отправляющееся в поход, а кто возглавит оборону Сегурии. Большинство членов совета считали, что обороной Сегурии должен заняться Азар, а уходящее в поход войско предложили возглавить мне. Но тут, как говорится, нашла коса на камень, и Азар, и я наотрез отказались от предложенных должностей. Азар мотивировал своё несогласие тем, что, как мастер Высокого Искусства, просто обязан быть среди тех, кто отправиться навстречу серым всадникам, что он уже очень засиделся в вотчине и теперь, когда Кувай стал взрослым, он имеет полное право активно включиться в борьбу с Серой империей, тем более что он вместе с Ляргусом были в самом начале этой борьбы. Сегурию же, которой на данный момент ничего серьёзного не угрожает, вполне можно оставить на попечение Ляргуса. Его слова были вполне логичны, и я его прекрасно понимал. Этот благородный человек, взявший на себя великую ответственность по спасению и воспитанию Кувая, посвятивший этому столько

лет, сейчас чувствовал себя задвинутым на второй план, что он принять никак не желал. Будучи ещё полным, сил, он не мог позволить себе быть на вторых ролях в деле, которому он посвятил свою жизнь. Я решил поддержать его, не раскрывая при этом до поры своих планов относительно противостояния с Серой империей. Однако меня опередил старый жрец. Он попросил слова, и когда получил его, то, со свойственной ему прямоотой, заявил, что он уже стар и дальние походы ему уже не по силам, а вот здесь, в Сегурии он отлично справиться. С его предложением согласились единогласно, и Ляргус стал командующим армии обороны Сегурии.

Остался нерешённым вопрос с командующим армией уходящей навстречу с серыми всадниками. Все присутствующие обратили свои взоры на меня, желая узнать причины, по которым я отказываюсь возглавить армию. Я понял, что отмолчаться, не получится, и вынужден был мотивировать мой отказ, причём так, что вроде бы и не мотивировал, при этом помогая Азару вернуть его несколько пошатнувшийся за последнее время статус.

– Господа, друзья мои, – заявил я, вставая. – Благодарю вас за оказанную мне честь, но я вынужден отказаться от этого, столь лестного для меня предложения, которого, уверяю вас, я просто не заслуживаю. Я считаю, что наиболее достоин, командовать армией господин Азар и никто кроме него. –

Высказавшись, я опустил на своё место. Собравшиеся сначала пообсуждали мой отказ, но очень быстро пришли к

решению назначить на место командующего Азара, что было им с благодарностью принято. Я уловил короткий взгляд, брошенный на меня Азаром, в котором светилась горячая благодарность за мою услугу. В ответ я улыбнулся ему и слегка подмигнул – дескать, я всегда к вашим услугам.

– Благодарю высокое собрание за оказанное мне доверие, – вставая, сказал Азар, когда совет постановил назначить его командующим. – Я сделаю всё, что бы мы вернулись с победой и при этом с минимальными потерями. Тебе же, Странник, я предлагаю должность моего первого заместителя.

Все дружно поддержали Азара, и опять все взоры обратились на меня. Хош ни хош, а отвечать надо.

– Благодарю тебя, Азар за столь лестное для меня предложение, но вынужден ответить тебе отказом, – ответил я.

– Я, что чем-то оскорбил тебя? – с удивлением и значительной долей обиды спросил опешивший Азар. – Назови мне причину твоего отказа, и если это в моих силах, я сделаю для тебя всё, что ты потребуешь.

– Извини, Азар, если своим отказом обижаю тебя, – ответил я. – Видит Творец, что твоей вины здесь нет. Просто я не собираюсь учувствовать в вашей войне. Ты не забыл, что я не принадлежу вашему миру? Просто у меня своя война, в которой мы союзники, и эта война требует моего присутствия совершенно в другом месте. Однако это совсем не значит, что мы перестали быть друзьями и что наши пути расходят-

ся. Вовсе нет. Просто они раздваиваются, что бы в своё время и в своём месте сойтись вновь. Тебе ли, столь опытному ходящему-по-мирам не знать этого. Я обучил своих учеников, и они остаются здесь в твоём войске, а меня мой долг влечёт в совсем другое место, но об этом я умолчу.

Сказав всё это, я опустил на своё место, внимательно наблюдая из-за полуприкрытых век за реакцией присутствующих. Первой реакцией на мои слова было всеобщее удивление, сопровождающееся самыми разнообразными возгласами, среди которых, однако, не было ни одного обвиняющего меня в трусости. И на том спасибо.

Реакция членов совета Сегурии меня интересовала постольку-поскольку, чего не скажешь о моих друзьях и учениках. Ляргус, например, выслушав мой ответ, слегка улыбнулся своей загадочной улыбкой и чуть заметно кивнул головой, что означало – надеюсь, ты знаешь что делаешь. Азар, чьё недоумение после моих слов полностью рассеялось, улыбнулся мне открытой улыбкой, в которой я прочитал благодарность и понимание. Что же касается учеников, то они умели хорошо скрывать свои чувства, и по их лицам ничего нельзя было прочесть, хотя я знал, что в скором времени мне придётся выдержать серьёзный натиск с их стороны, когда они явятся ко мне с требованием взять их с собой. Лишь, Кувай, единственный знавший мои намеренья, улыбнулся мне простой доброй улыбкой, которая наполнила моё сердце приятным теплом.

Совет завершился тем, что в Сегурии был объявлен набор добровольцев в объединённое войско Сегурии, и возле берега Азара началось подлинное столпотворение – создавалось впечатление, что всё взрослое население вотчины, как мужское, так и женское, решило записаться в ополчение. Азар, Ляргус и старейшины рода Белого облака были целыми днями заняты формированием войска, его организацией и снабжением, поэтому я их почти не видел. Им активно помогали Яргуст и Марк, поэтому поговорить с ними мне удалось лишь незадолго до дня, назначенного выступления войска Сегурии.

Всё это заняло примерно неделю, и всё это время я находился в своего рода изоляции. Так бывает, когда большой коллектив людей занимается одним общим делом, а кто-то вдруг оказывается не удел, причём, неважно по какой причине. Ощущение твоего выпадения из дружеского окружения не самое приятное из ощущений, и лишь понимание его временности, связанной с необходимостью не участвовать в общем деле, как-то смягчает его. Мою компанию в это время скрашивали только Джон и Кувай, которые прекрасно поняли моё состояние и старались хоть как-то поддержать меня, причём Джон из искренней любви к моей персоне, а Кувай – потому что знал мои намеренья. Крайне тактичный и очень щепетильный в вопросах чести, Джон Мильтон явно хотел последовать со мной, хоть на край света, но боялся как-то помешать мне своей просьбой, да и просить он был не боль-

шой любитель, я же делал вид, что не понимаю его желания.

По какому-то странному совпадению, Джон и Кувай оказались, так же как и я, неприкаемыми. В этой всеобщей суете им просто не нашлось дела, а может, это они сами решили заполнить собою моё одиночество, дабы скрасить его. Не знаю, хотя я больше склоняюсь ко второму....

Обычно, где-то ближе к вечеру, когда мои одинокие размышления начинали мне изрядно надоедать, появлялись эти двое с солидным кувшином вина. Я откладывал все свои дела, и мы до глубокой ночи предавались дружеским разговорам и восхвалению Бахуса. Вообще я заметил, что за это время Джон и Кувай очень сблизились, что было очень хорошо. Зная Джона, зная какой он надёжный товарищ, я был спокоен за Куваю, рассчитывая, что он, вкуче с Мингом, прибытие которого ожидалось со дня на день, сможет заменить меня, на время моего отсутствия, особенно, когда Последнему дракону придёт время завершающего аккорда его непростой судьбы. Я очень надеялся, что Джон и Минг смогут поддержать его в этом чрезвычайно важном для всех нас деле. По крайней мере, в такие решающие моменты жизни, очень хорошо иметь рядом с собой парочку верных друзей. Я, конечно, не сбрасывал со счетов Азара, Яргуста и Марка, которые не меньше меня любили Куваю, но они, в силу их занятости, не могли быть постоянно при Кувае, да тот бы и не допустил при себе никакой охраны, если бы почуял это.

За три дня до назначенной даты выступления войска в по-

ход против Серой империи, в Сегурию прибыл небольшой, но очень сильный отряд демонов из Пограничья, во главе с заметно возмужавшим Мингом. Он немного подрос, плечи его, и без того широкие, заметно расширились, а голову его украшали два уже достаточно длинных рога. Он зашёл ко мне в сопровождении Кувая и Джона. Мы крепко обнялись с Мингом, да так, что кости мои чуть не затрещали. Да, Минг стал уже почти взрослым, хотя демоны взрослеют поздно. Как всегда мы выпили, а так как наша компания увеличилась на один рот, который, как говорится, был не дурак выпить, наш обычный кувшин вина быстро истощился. Я попросил Кувая принести ещё вина и заодно зайти на кухню и разжиться жареным мясом – я что-то проголодался.

Только за Куваем закрылась дверь, я, воспользовавшись отлучкой дракона, завёл разговор с Джоном и Мингом.

– Друзья мои, – начал я свой монолог. – Я хочу вам кое-что сказать, пока Кувая нет. Это касается лично его, но сам он об этом до поры не должен ничего знать. Я знаю, что вы очень привязаны к нашему золотому дракону, поэтому я прошу вас во время похода быть поближе к нему. Его непременно нужно сбересть. К сожалению, судьба распорядилась так, что я, скорее всего, не смогу вернуться до момента, когда Кувай завершит нынешний этап своей судьбы, поэтому очень прошу вас быть рядом с ним, когда он направится на встречу со своей матерью. Это надо сделать непременно, даже если он в своей гордости пожелает всё сделать сам. Я

очень надеюсь на вашу преданность Последнему дракону.

Только я успел закончить свой монолог, как за дверью слышались шаги, это пришёл Кувай, который принёс целых два кувшина и большое блюдо жареного мяса, да плюс к этому изобилию извлёк из-за пазухи буханку свежеиспечённого хлеба.

– Вот, я подумал, что бы два раза не ходить, – с улыбкой сообщил Кувай, ставя припасы на стол.

Его инициатива была встречена дружным криками одобрения со стороны присутствующих. Короче, мы тогда хорошо посидели. На следующий день я встал поздно, и только успел привести себя в порядок, как в дверь мою постучали. Я открыл дверь, а за ней оказались Азар и Ляргус, которые приветствовали меня открытыми улыбками. Я пригласил их войти, мучаясь про себя вопросом, что могло привести этих уважаемых людей ко мне в такую рань? Не иначе назревает важный разговор, который, если говорить откровенно, уже давно назрел. Я прекрасно понимал, что просто расстаться со мной, сейчас, в самый канун войны, причём не просто войны, а войны, от которой зависит будущее не только империи Повелителей драконов, но и Сегурии они не смогут. Наверняка у них накопились вопросы ко мне, на которые я не смогу не дать ответов, не обидев их, а как раз обижать-то их мне вовсе не хотелось – всё же долгие годы мы были друзьями. Что же придётся отвечать так, что бы и их не обидеть и не засветить свои намеренья.

Азар, войдя в комнату, поставил на стол кувшин – значит, разговор предстоит долгим. Ну, что же я готов.

Когда все уселись за стол, и Азар разлил вино, слово взял старый жрец. Мы слишком давно знаем друг друга, поэтому не было смысла тянуть кота за хвост, и Ляргус сразу же перешёл к делу. Это было по мне – не люблю, когда, как говорить, ходят вокруг да около.

– Друг мой, Странник, – начал разговор Ляргус. – Мы пришли к тебе сегодня потому, что позже у нас просто не будет времени, а поговорить нам необходимо. Ни я, ни Азар не хотим расстаться, оставив в душах своих яд непонимания. Я понимаю, что ты поступаешь так, как считаешь нужным. Это твоё право, и мы его уважаем. Понятно, что ты что-то задумал и что ты сейчас не можешь посвятить нас в свои планы. Уважая это, мы всё же хотели прояснить некоторые вопросы, конечно если они не будут идти поперёк твоих намерений. Если ты не пожелаешь по какой-либо причине отвечать, на некоторые наши вопросы, мы будем не в обиде.

Он замолчал и взял свой кубок, но пить не стал, ожидая моего ответа. Узнаю Ляргуса, как точно он определил положение, в котором я находился и как тактично повёл себя. Да, это действительно мудрый человек. Бьюсь об заклад, что этот разговор – его инициатива.

– Рад вас видеть, друзья, – сказал я, поднимая свой кубок. – Ты прав, уважаемый Ляргус. Негоже расставаться с камнем на душе, тем более что все мы отправляемся не на

лёгкую прогулку. Кто знает, удастся ли встретиться вновь. Ты прав, я действительно должен именно сейчас отправиться в дорогу, из которой, вполне вероятно мне не суждено вернуться. Если я не вернусь, то Кувай расскажет всё, он единственный полностью знает мои намеренья. Берегите его – он единственный, кто сможет довести это дело до счастливой конца. Мой замысел чрезвычайно важен и поэтому очень уязвим. Только поэтому я никому его не раскрываю. Но все не потому, что не доверяю вам, а потому, что преждевременная информация ляжет тяжелой ношей на ваши плечи и может помешать вам, достойно выполнить свою часть этой колоссальной работы, которую все мы взвалили себе на плечи. Поэтому, если на некоторые из ваших вопросов я буду отвечать уклончиво, уж не обессудьте. А теперь предлагаю выпить за всех нас, что бы пришло время, и мы могли бы опять этим же составом собраться в этой уютной комнате. Вот тогда наступит время ответов на все ваши вопросы, хотя большинство этих ответов вы в своё время найдёте сами.

Мы выпили и я заметил, что некое напряжение, правда тщательно скрываемое, с которым пришли мои гости исчезло. Видимо мои слова, вкупе с выпитым вином оказали на них своё благотворное воздействие. Какое-то время мы молчали, затем заговорил Азар, и слова его, словно лечебный бальзам, исцелили раны душ наших, нанесённые возникшими между нами недомолвками и непониманием друг друга.

– Странник, друг мой, – задумчиво заговорил Азар. В го-

лосе его я явственно ощутил напряжение, причём не напряжение непонимания, а скорее то напряжение, которое обычно возникает у человека, долго носящего в себе какие-то неприятные для него мысли и чувства, и который так привык носить их в себе, что ему очень трудно бывает их высказать. Отсюда и напряжение, с которым начал свой разговор в то, памятное для меня утро, Азар. – Я полагаю, что именно сейчас мы окончательно поняли друг друга, да так, что вопросы, а думаю, не потребуются. С самой нашей первой встречи с тобой, Странник, я испытывал к тебе двойственные чувства. С одной стороны я был поражён и восхищён тобой, но вовсе не потому, что ты обладаешь огромным потенциалом Древней силы, хотя и это тоже, а потому, что ты сумел добиться всего сам, счастливо избежав гибели, где другие непременно бы погибли. С другой же стороны, я боялся тебя, и, как я потом понял, отчаянно завидовал тебе.

Он замолчал и сделал глоток из своего кубка, который я предварительно наполнил. Своими словами он меня изрядно удивил – вот уж никогда не предполагал, что такой многопытный и смелый человек, которым был Азар, может кого-то бояться, а уж тем более меня. Поражала меня так же и та искренность, с которой он сейчас говорил. Это какую же силу воли надо иметь, что бы вот так, при свидетеле признаваться в чувствах столь низкого качества, коими являются страх и зависть.

– Да, да, именно боялся и завидовал, – с горечью продол-

жил Азар, видимо, стремясь поскорее выговориться, словно опасаясь, что его не захотят слушать. – Я наблюдал, как просыпается твоя сила и это одновременно вызывало у меня восхищение и страх. Я думал, что будет, если, не дай Бог, ты встанешь на сторону врагов наших. Поэтому я очень дорожил нашей дружбой в то время. Позже, узнав тебя лучше, я перестал тебя бояться, но зато зависть во мне стала ещё сильнее. Представь себе, Странник, я завидовал твоим ученикам, а к Куваю даже ревновал, хотя сам отдал его тебе в ученики, понимая, что ты сможешь дать ему несравненно больше, чем я. Ты спросишь, чему я завидовал? Завидовал я тому, что твои ученики могли у тебя учиться, а мне попроситься к тебе в ученики просто не позволяла гордость. И вот столько лет я жил в аду, который в душе моей создала зависть. Я стал быстро стареть, характер мой стал портиться. Сначала я этого не замечал, а когда заметил – ужаснулся. С этого момента началось моё выздоровление, и вот сейчас, когда, наконец, высказал всё, что накопилось в душе моей, я чувствую, что опять становлюсь собой прежним.

Он закончил говорить и одним большим глотком осушил свой кубок. Моему же удивлению не было границ. Как же я мог, при моей хваленой прозорливости просмотреть, как страдает рядом со мной человек, которого с самого момента нашего знакомства я уважал всей душой? Да, положим, Азар хорошо умел скрывать свои чувства, но всё же это не снимает с меня вины за невнимательное отношение к близким

мне людям. Мне отчётливо вспомнился один давнишний с ним разговор, когда я попросился к нему в ученики, это было ещё до того, как я осознал Древнюю силу в себе, а в ответ получил от него отповедь, что, мол, это ему впору проситься ко мне в ученики. Меня обдало горячей волной стыда, я почувствовал, что краснею. Давно мне не было так стыдно, как в этот момент.

– Прости меня, благородный Азар, за мою невнимательность, – с чувством сказал я, вставая со своего места. – Даю тебе слово, если вернусь из той маленькой экспедиции, которую я должен осуществить по воле судьбы моей, первым делом буду просить твоего согласия стать моим учеником, если, конечно, к тому времени ты не передумаешь.

Азар, в ответ на мои слова тоже встал. Мы шагнули навстречу друг другу и крепко обнялись. Слова были больше не нужны.

– Вот и хорошо, мальчики мои, – с лучезарной улыбкой сказал Ляргус. – Вот теперь каждый из нас может с лёгким сердцем исполнять свой долг. Ты же, Странник поступай так, как считаешь нужным. С нашей стороны ты всегда получишь необходимую помощь и без всяких вопросов.

– Ну, тогда у меня сразу же будет просьба, – со смехом сказал я. – Мне нужен Кувай, который должен будет проводить меня в одно место. Это недолго. Он успеет присоединиться к войску ещё задолго до столкновения с серыми всадниками. И ещё, рекомендую прислушиваться к советам Джо-

на Мильтона – он, если не считать Кувая единственный имеющий опыт сражения с серыми всадниками. Вообще, Азар, постарайся держать Кувая поближе к себе. Сражений ещё будет много, а Последний дракон у нас один.

– Спасибо тебе, Странник, – сказал Азар. – Я учту твои рекомендации. Кувай, конечно, тебе поможет. Сейчас же нам пора расставаться – много дел. Желаю тебе выполнить всё, что ты для себя наметил и во здравии вернуться в Сегурию, где тебя всегда ждут.

Мы выпили прощальный кубок и обнялись на прощанье. Я знал, что увижусь с ними теперь не скоро, да и то в том случае, если конечно повезёт.

Войско Сегурии я нагнал в то время, когда оно занимало позиции в одном из миров, непосредственно примыкающих к миру империи Повелителей драконов, намереваясь встретить здесь армию вторжения Серой империи. Мир этот являлся важным узлом, на который завязано множество дорог, проложенных между мирами, и который вряд ли могла миновать армия серых. Наша разведка сумела достаточно точно определить место возможного прохода, которым воспользуются серые. Поэтому наша армия укрылась за грядой невысоких холмов расположенных в пяти лигах от ожидаемого места перехода. Азар всё рассчитал правильно. При межмировых войнах, когда противники вынуждены периодически открывать проходы между мирами, сам этот процесс и особенно собственный переход из мира в мир войска, являются наиболее уязвимыми моментами такой войны. Достаточно противнику правильно рассчитать место открытия такого прохода и устроить там засаду, и победа может быть достигнута одним ударом. Поэтому противоборствующие стороны придают огромное значение средствам разведки действий противника и маскировки собственных действий. Грамотно укрытое от взглядов разведки врага войско Сегурии, имело возможность, оставаясь незамеченным, наблюдать за переходом армии вторжения, что бы в нужный момент на-

нести сокрушительный удар по авангарду противника и тем самым решить исход битвы.

Азар большой мастер скрытного передвижения по мирам в этот раз превзошёл сам себя. Одно дело скрытно провести небольшую группу людей, а другое – многолюдное войско. Первое, что сделал Азар перед тем, как войско покинуло Сегурию, это послал небольшой, но очень мобильный отряд разведчиков, в задачу которых входило уничтожение выявленных наблюдателей серых, что свили свои гнёзда в непосредственной близости от границ Сегурии. Когда разведчики, в основной своей массе драконы, блестяще справились со своей задачей, наступила очередь тех, кто владел Искусством. Было создано множество фантомов, которые, выйдя из вотчины, направились в разные стороны, так что маги серых должны были поломать голову, вычисляя, сколько у нас войск в действительности и куда нацелен наш удар. Войско же, под прикрытием этой магической завесы прошло в этот мир, воспользовавшись моим методом скоростного перемещения через миры. Вот здесь-то и пригодились драконы, которые взяли на себя перевозку людей и демонов. Все эти меры, как надеялся Азар, должны были обеспечить скрытность нашего присутствия в этом мире. Теперь оставалось только ждать известий от разведчиков, высланных на встречу с армией вторжения Серой империи. Вот в это время я и прибыл в войско Сегурии.

Когда я вошёл в мир недалеко от лагеря наших войск, ме-

ня почти сразу остановил патруль, но разглядев, кто перед ними, отсалютовали мне и проводили к шатру Азара, который, как вы, наверное, помните, командовал экспедиционным войском Сегурии. Часовой при входе в шатёр беспрекословно пропустил меня внутрь, где я сразу же попал в объятия дедушки, коим я до сих пор считал Азара. Кроме деда в палатке были: Яргуст, Марк, Джон, Минг и несколько людей и драконов из рода Белого облака.

– Как там Странник? – спросил Азар.

– Всё хорошо. Я довёл его до места, теперь он в руках собственной судьбы. Надеюсь, что она будет к нему благосклонна, – ответил я.

– Ты не голоден, мой мальчик? – спросил дед.

– О, ужасно. Сейчас бы я, наверное, съел бы дракона, – пошутил я.

Азар тут же распорядился об обеде, а пока слуги накрывали стол, я вкратце рассказал о своём путешествии с Учителем. Разлили по кубкам вино, и Азар провозгласил первый тост за Странника, которому сейчас было трудней всего, ибо он был один на один со смертельной опасностью в отличие от нас, о которых можно было сказать, что на миру и смерть красна.

За обедом Азар и остальные рассказали о положении дел, о том, что ожидают появления авангарда армии вторжения серой империи со дня на день, что все готовы обрушить на серых ошеломляющий удар, надеясь остановить вторжение

одним ударом, и тем самым свести наши потери к минимуму. Ещё Азар заявил, что назначает меня своим первым заместителем и на меня, вместе с Джоном Мильтоном возлагается обязанность общей координации взаимодействия всех трёх частей войска, тем более только у Джона и меня имеется опыт непосредственного боевого контакта с серыми всадниками, который хорошо бы было, передать войскам.

Я с благодарностью принял назначение, и так, как здесь, за обеденным столом собралось всё руководство армией Сегурии, можно было провести военный совет, прямо не отрываясь от обеда. Первым делом я попросил Азара посветить всех нас в его план действий. Шатёр был прекрасно защищён от подслушивания магией, поэтому бояться, что кто-то узнает наши планы, не стоило, так что говорить, можно было смело.

План Азара заключался в следующем. Получив от наших разведчиков весть о приближении серых всадников, особенно их конной разведки, войско должно было укрыться в специально подготовленных для этого подземных укрытиях, которые к вечеру должны быть готовы. Уже сегодня все шатры должны быть сняты, а люди переведены в землянки. Как только придёт весть, что разведка серых на подходе, ни одного человека на поверхности быть не должно, кроме специальных наблюдателей. С этого же момента полностью должна быть исключена магия, причём сняты даже защитные чары. Именно от того, насколько незаметны мы будем для раз-

ведки и авангарда серых, зависит успех всей операции, а значит и наши потери. Атаку мы начнём лишь тогда, когда почти всё войско Серой империи совершит переход, используя неразбериху, которая обычно бывает в случае перехода большой массы войск. План был до примитивности прост и оттого реален. Ведь замечено, что чем сложнее план, тем больше вероятность его провала. В этом плане была суть характера деда, который всегда очень много уделял времени и сил обеспечению скрытности своих намерений, что практически всегда приводило к их реализации. Здесь разница сводилась лишь к разнице масштабов предстоящего действия и обычных действий деда.

План в общих чертах всем понравился. Я предложил несколько замечаний, которые были учтены и одобрены всеми присутствующими. Я, исходя из моего опыта сражение с серыми всадниками в мире Джона Мильтона, предложил разделить войско не три штурмовых отряда. Учитывая, фактор внезапности, который зачастую является определяющим в стычках с серыми всадниками, первый штурмовой отряд должен быть представлен драконами, умеющими метать огонь, и сильнейшими магами из числа людей, которых понесут на себе драконы. Возглавить этот отряд я хотел сам, но моя кандидатура почему-то была отклонена практическими всеми членами совета.

Поначалу я даже опешил, не понимая причины отказа, когда не только Азар, но и все мои друзья, включая Минга, вос-

противились моему предложению пойти в бой с этим отрядом.

– Нет, мой мальчик, этого не будет, – категорически заявил дед, причём таким тоном, что вступать с ним в полемику было бесполезно. – Война только начинается и я во все не горю желанием потерять тебя в первом же сражении. Не забывай, что ты мой первый заместитель. Кроме того, в скором времени тебе предстоит перенос Обсерватории, а без тебя это не возможно. Кстати по этому поводу я вообще не хотел тебя брать на эту войну, тем более, что ты уже внёс в неё свою немалую лепту в мире нашего друга Джона.

Спорить с ним не приходилось, тем более, как бы не было мне обидно, он был прав, а против правды не попрёшь. В конце концов, после недолгой дискуссии было решено, что штурмовой отряд возглавит Яргуст, который совмещает в себе, так же как и я, сильного мага и огнедышащего дракона. Для усиления поражающей силы он будет усилен Джоном, который стал очень сильным магом, и которому уже приходилось сражаться с серыми всадниками.

Второй отряд войска, самый многочисленный, должен состоять из людей, которых с воздуха будут прикрывать драконы, не умеющие метать огонь. На этот отряд ложится главная нагрузка по пресечению попыток серых продвинуться вперёд. Этот отряд должен будет закрепиться на холмах и сдерживать напор основных сил серых всадников, выбивая и изматывая их. Возглавить этот отряд должен Марк, а для уси-

ления его Азар решил войти в этот отряд лично, поэтому общее управление войсками он возлагает на меня. Третий отряд, состоящий из демонов, во главе с Мингом, должен будет обойти войско Серой империи и отсечь им отступление к проходу, через который они проникнут в этот мир. После чего они должны будут закрепиться, что бы ни дать серым бежать, и удерживать проход вплоть до полного окружения и разгрома серых. При мне же будет небольшой резерв из людей и драконов, которых я смогу использовать по своему усмотрению. Кроме того при мне будет постоянно десяток молодых драконов в качестве связных.

Кроме того, было решено предупредить всех владеющих в той или иной степени магией, что в первую очередь они должны выбивать магов противника, а также прикрывать войска от ударов серых магов. На этом наш толи обед, толи военный совет закончился. Все разошлись по своим делам, остались лишь Азар, Яргуст и я.

– Как там моя Ниннэль? – спросил я Яргуста, зная, что он является её непосредственным командиром.

– О, она у тебя молодец, – с улыбкой ответил тот. – Женщина, а ни кому из мужчин не уступит ни в полёте, ни в драке.

– Вот именно, что в драке, – озабоченно сказал я. – Сам понимаешь, что мне очень не хочется, что бы она участвовала в сражении. Мало ли что... Если можно, направь её ко мне связной, только сделать это надо так, что бы она не

поняла, от кого происходит этот приказ, иначе греха не оберёшься. Ты же её знаешь.

– Хорошо, Кувай, я постараюсь, – без особого энтузиазма сказал Яргуст. Глядя на него, было видно, что он действительно знает свою племянницу и прекрасно понимает всю сложность поставленной перед ним задачи.

– Приказ будет исходить лично от меня, – пришёл на помощь ему Азар. – Я и так хотел назначить её связной к себе, так что теперь она будет связной при тебе, Кувай.

У меня словно камень с души свалился; по крайней мере, моя неистовая жена будет у меня под присмотром. Азар не стал откладывать дело в долгий ящик, а сразу же отдал распоряжение выделить в мое распоряжение десять молодых драконов для связи, в том числе и драконицу Ниннэль. Яргуст позвал к себе вестового и что-то сказал ему на ухо. Тот отсалютовал командиру и скрылся, а спустя две минуты в шатёр вошли десять облачённых в сверкающие доспехи молодых воинов. Шлемы они держали на сгибе левой руки, поэтому я смог хорошо рассмотреть их молодые красивые лица. Ниннэль стояла предпоследней в этом ряду статных молодцов. Я сделал вид, что не знаком с ней, и она, видимо соблюдая субординацию, подыграла мне. Как ни странно, но доспехи, которые она носила так же грациозно, как бальное платье очень шли ей, так словно она всю жизнь в них ходила. Её роскошные волосы, видимо для того, что бы не мешали носить шлем, выполненный в форме дракона с оскаленной

пастью, были собраны на макушке в замысловатый узел, который в совокупности с ярким румянцем щёк и слегка вздёрнутым носом, создавали неповторимо прекрасный образ моей жены и возлюбленной. Глаза её светились каким-то мягким нездешним светом, от которого на душе моей вдруг стало тепло и уютно.

Когда прибывшие молодые драконы построились, Азар объявил им, что они поступают под моё командование, в качестве воинов обеспечивающих связь и должны беспрекословно мне подчиняться.

Я слегка встряхнул головой, чтобы стряхнуть оцепенение, которое возникало у меня всякий час, стоило мне почувствовать на себе этот мягкий взгляд любимой женщины, и прошёлся вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица моих будущих подчинённых. Проходя мимо Ниннэль, я старался не задерживать свой взгляд на ней, понимая, что если встречу с ней взглядом – мгновенно стушуюсь, словно неопытный мальчишка, а это мне, как командиру просто не к лицу.

– Для вас готова отдельная землянка, – вновь выручил меня из щекотливого положения Азар. – Мой вестовой проводит вас. Как только расположитесь, прошу тебя Кувай, сразу же прибыть ко мне, взяв с собой одного человека для связи.

Я скомандовал своим подопечным следовать за мной и покинул шатёр Азара в сопровождении одного из вестовых командующего. Идти пришлось недалеко, каких-то метров триста. Мы поднялись на вершину ближайшего холма, где

был оборудован наблюдательный пункт, с которого прекрасно просматривалась вся долина, где ожидался выход серых всадников. Дело уже шло к вечеру, солнце заметно приблизилось к западному горизонту за нашими спинами, тени отбрасываемые холмами, за которыми расположилось наше войско, покрывали долину, создавая в ней полумрак. Что же, для серых всадников, которые так не любят солнечного света, самая подходящая обстановка. Почему-то мне показалось, что серые проявят себя в ближайшее время, так что спать сегодня ночью нам вряд ли придётся.

Я велел моим воинам обустраиваться в землянке, что была вырыта здесь же не наблюдательном пункте, а сам глубоко задумался о предстоящем сражении. На душе моей было удивительно спокойно, словно не предстояло мне, как и всем здесь присутствующим, в самом скором времени сцепиться в смертельной схватке с полчищами врагов, число которых мы даже себе не представляем. Врагов, которые хотят забрать не только наши жизни, но и души; которые в бою ведут себя подобно хорошо отлаженному механизму, не имеют страха и отступают, как правило, лишь получив команду отходить. Врагов, которыми командуют хорошо знающие своё дело и умеющие думать командиры. Вот с таким врагом в скором времени сойдёмся мы, в этой самой, скрытой тенями холмов долине, что находится в одном из бесчисленных миров мироздания. Мире, чьей судьбой оказалось стать ареной жестокого сражения между двумя силами, в общем-то, не имею-

щими никакого отношения к этому несчастному миру. Чья вина заключается лишь в том, что он оказался на пути Серой империи, и что нам пришлось именно здесь устроить свою засаду.

Я смотрел на густую изумрудно-зелёную траву, которая густо покрывала долину и холмы. Кое-где в долине паслись небольшие группы каких-то местных травоядных животных с небольшими рожками на голове. Этот, исключительно мирный пейзаж, совершенно не вязался с картинами разорённых войной миров, множество которых мне довелось видеть в моих недолгих странствиях по мирам. Неужели и судьба этой чудесной долины такова, что она превратится в выжженную магическим огнём и заваленную трупами землю, где не останется ничего живого. Даже здешний воздух, наполненный тонким ароматом трав и цветов, будет заполнен пеплом и вонью разлагающихся трупов. В этот момент я люто возненавидел войну во всех её проявлениях.

В детстве и ранней юности, я буквально зачитывался книгами о войне, подвигах и приключениях, связанных с войной. Тогда всё с ней связанное казалось очень мужественно, благородно и красиво. Читая о древних битвах и подвигах героев, произошедших ещё до моего рождения, я невольно воображал себя участником этих битв, ставил себя на место героев древности. Однако моё детское представление о войне очень быстро исчезло, стоило мне только увидеть место, где спасая меня, дед вынужден был убить множество людей,

пусть даже это были враги, но они были наши соотечественники и просто выполняли свой долг. Их смерть легла тяжким грузом на мою совесть, и я почувствовал, как это тяжело, даже при том, что сам лично я никого ещё не убивал. Тогда же мне пришла в голову мысль, что же будет с моей совестью, когда я, исполняя мой долг, вынужден буду убивать? Эта мысль так напугала меня, что я постарался быстрее прогнать её, с детской непосредственностью решив, что всё как-нибудь обойдётся само собой, однако романтический ореол, которым я в детстве окружил всё связанное с войной, заметно потускнел. Потом был первый выход на тропу между мирами, разрушенный город, заваленный трупами, да ещё этот запах разлагающихся трупов, ощущение мёртвых тел под ногами, когда нам пришлось буквально идти по трупам, всё это лишило для меня любую войну всякой романтики. На смену восторженному романтизму детства, пришло осознание того, что, пожалуй, на этом свете нет ничего более отвратительного, низкого и бессмысленного, чем война. Я возненавидел войну всеми фибрами моей души, и эта ненависть к войне, которая родилась благодаря тому, что я уже в детстве видел её плоды, заставила меня совсем по-другому взглянуть на себя самого и на свою судьбу, которую, благодаря Азару и Ляргусу, я уже более-менее знал.

Тогда я смотрел на себя и свою судьбу глазами мальчишки напуганного зримыми плодами войны, причём войны, которая напрямую не касалась меня. Я не знал, кто и с кем во-

свал, кто был прав, а кто виноват. По большому счёту это было и неважно, важны были только эти трупы, эти развалины и ничего более. Во мне вспыхнуло и буквально впечаталось в мою душу понимание того, что ни в какой войне, будь она захватнической или трижды освободительной нет победителей. Во всяком случае, даже если люди защищают свой дом, своих близких, собственную жизнь, а для этого вынуждены убивать, побеждают, эта победа всё равно всегда имеет обратную сторону, на которой всё те же трупы и пепелища. Мало того, победители, вынужденные ради победы убивать, до конца дней своих носят в душе своей тяжкий груз совершённых, пусть и вынужденно, убийств. Уже тогда я понял, что обречён судьбой, а значит и своим выбором воевать, хотя это меня теперь совсем не привлекало, но если я откажусь это делать, то не выполню свой долг перед самим собой. Значит, кто-то из тех, кого я люблю, должен выполнять эту грязную работу за меня. Значит, он будет вынужден брать грех убийства на себя. На это я согласиться никак не мог; было в этом что-то грязное, что-то ещё более зловонное, чем запах тех гор разлагающихся трупов. Состояние моё было таким, словно я попал между двух жерновов. С одной стороны отвращение к убийству, а с другой это мерзко пахнущее чувство, название которого я тогда не знал. Спасибо деду, который увидев моё состояние, спросил, что со мной? Когда я ему рассказал, что со мной, он как-то странно, как мне показалось с уважением, посмотрел на меня, а потом объяснил,

что зловонное чувство называется предательством, и что так воняет каждый, кто отказался выполнять свой долг. После этого он добавил, что никто из настоящих людей не любит войну, а уж тем более не любит убивать. Однако каждый из людей приходит в жизнь с тем или иным долгом, отказ от исполнения которого, является высшей формой предательства – предательством себя самого. В своё время каждый оказывается перед выбором: следовать ли своему долгу или нет. Ты молодец, что уже в столь юном возрасте познакомился с этим выбором, и, как мне кажется, ты его сделал.

Мои размышления были прерваны тем, что кто-то осторожно тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел перед собой Ниннэль, которая сказала мне, что меня ждут в шатре Азара. Я улыбнулся, почему-то, когда я видел свою жену, у меня на лице всегда сама собой появлялась улыбка, и, велев ей следовать за мной в качестве связного, быстрым шагом пошёл к шатру.

Войдя в шатёр Азара, который, кстати сказать, остался последним ещё не свернутым, я, к моему изумлению, увидел там помимо Азара и его советников, старого Ляргуса, который почему-то облачился в доспехи (первый раз в жизни видел старого жреца при полном вооружении и в доспехах). Рядом стоял человек, с каким-то незапоминающимся лицом в доспехах воина храмовой стражи.

Справившись с удивлением, я сделал шаг и обнял Ляргуса, после чего поздоровался с храмовником. Тот ответил мне

КИВКОМ.

– Уважаемый Ляргус, что случилось? Почему ты не в Сегурии? – спросил я жреца.

– Всё очень просто, мальчик мой, – ответил старец, улыбаясь одними глазами. – Я привёл к вам подмогу в лице храмовой стражи. Думаю, что непревзойдённое мастерство этих воинов окажется не лишним. Я по своим каналам получил известие, что войско серых, которое направляется сюда значительно больше, чем мы себе представляли. Так как Сегурии пока ничего не угрожает; вряд ли хозяева Серой империи решаться одновременно с вторжением в наш мир начать штурм вотчины Азара, я решил вам немного помочь. Ты же знаешь, что храмовая стража подчиняется только мне, поэтому я и прибыл сюда вместе с ними и теперь поступаю в твоё распоряжение.

Я понял, что Ляргус уже в курсе моего назначения руководителем предстоящего сражения. Конечно, старый жрец, получивший тревожные известия о войске Серой империи, не смог остаться в стороне, поэтому поспешил сюда нам на помощь, с храмовой стражей. Ну, что же, это даже хорошо, по крайней мере у меня будет резерв, который я смогу использовать по необходимости.

– Я рад, дед, что ты с нами, – сказал я. – Ты и воины храма будете в моём стратегическом резерве. Для связи придаю тебе Ниннэль. Вас разместят в непосредственной близости от моего наблюдательного пункта.

Я отдал необходимые распоряжения интенданту. Он отсалютовал мне и пригласил Ляргуса и командира храмовников следовать за ним. Вместе с Ляргусом ушла и Ниннэль, причём лицо её выражало крайнюю степень недовольства. Я её прекрасно понимал, как неохота моей неистовой дараконице находиться в резерве, когда все её родственники и друзья в первых рядах схватятся с серыми всадниками. Однако и меня можно было понять. Я совсем не собирался подвергать собственную жену смертельному риску, только потому, что не смог в своё время не уступить её стремлению идти на войну. Да, много женщин-воителей из рода Белого облака, да и из других родов, хотели стать добровольцами, но всем им было твёрдо отказано. Это я считаю правильно – не место женщинам на войне, пока война не пришла в дом. Если нападению подверглась бы Сегурия, то в этом случае женщины с полным правом встали бы на защиту родных очагов, а до этого им не место в войске. Так что Ниннэль сколь угодно может надувать свои губки, но в бой я её не пущу. Я специально поручил её Ляргусу, хорошо зная, что на него все эти женские уловки просто не действуют, значит, она будет с ним в безопасности, а я избежну разборок с женой.

Как только Ляргус и храмовник ушли, я попрощался с Азаром, Яргустом, Марком, Джоном и Мингом, распорядившись, что бы они к полуночи заняли свои позиции и хорошенько замаскировались. О своей готовности доложить через связных мне на наблюдательный пункт. После чего покинул

шатёр, напомнив всем ещё раз, о не применении до поры никакой магии.

Вернувшись на НП, я продолжил прерванные размышления. Моя интуиция практически открытым текстом говорила мне, что сегодняшней ночью всё решится, а свое интуиции я всегда доверял, тем более что она меня ещё ни разу не подводила.

Долина, лежащая передо мной, уже погрузилась в сумерки, хотя солнце ещё не зашло. Только я стал вспоминать первые в моей жизни стычки с врагом, как мои размышления были вновь прерваны. На этот раз на связь вышел мой агент Кварг, причём вышел по линии срочной связи. В своём послании он сообщал, что в империи Повелителей драконов всё готово к мятежу, начало которого назначено на завтра ровно в полночь. В это же время начнётся вторжение армии Серой империи, которая должна сегодня ночью выйти в пограничный мир, для того что бы совершив переход, отдохнуть днём а ночью начать вторжение. Это, как он сказал, привычная тактика серых. Кроме того, он предупредил, что наученные горьким опытом серые, равномерно рассредоточили своих магов среди войска, дабы избежать уничтожения их одним ударом. К тому же они идут без привычного прикрытия – заклятия, вызывающего ужас. Да, интуиция моя меня в очередной раз не подвела.

Я вызвал к себе трёх связных драконов и отдал им приказ – лететь к командирам частей и передать им следующую

ший приказ: ускорить сосредоточение вверенных им войск в известных им районах не позднее двадцати трёх часов сегодня; усилить маскировку, исключив магию, вплоть до того, что запретить драконам обращение; выставить магов наблюдателей, которые должны будут засечь место, где будут открываться проходы серыми всадниками и незамедлительно передавать данные мне. Имею достоверные сведения, что они придут сегодня в полночь. О готовности войск доложить мне. Обо всех непредвиденных происшествиях сообщать мне. Никаких военных действий самостоятельно не предпринимать. Ждать приказа. Убедившись, что мои посыльные хорошо запомнили содержание моих приказов, я приказал им как можно быстрее добраться до командиров частей войска, передать мой приказ и дожидаться от них ответа, который незамедлительно доставить мне, и чтобы безо всяких обращений в дракона.

Когда мои гонцы разбежались выполнять мой приказ, у меня образовалось свободное время, и я предался своим размышлениям. На моё счастье в первую свою вылазку по мирам я зарубил своим кинжалом лишь какую-то летучую тварь, что пыталась полакомиться мной, но даже это не вызвало у меня восторга, мало того, это вызвало во мне бурный протест, словно всё заключённое во мне противилось убийству, даже такой малосимпатичной твари.

Вторая моя вылазка, когда я вместе со Странником и Джоном отправился в земли демонов, потребовала от меня боль-

ших духовных усилий, дабы избежать убийства. Да, мы шли через страну, раздираемую на части гражданской войной, большую часть пути мы прошли с войсками демонов, выступивших против власти империи Мрака, но даже тогда не пришла в голову мысль убить кого-нибудь, хотя я имел уже вполне приличный меч. Самой большой трагедией моей жизни тогда было то, что я поднял оружие против себя самого, и это кончилось плачевно – я чуть не умер и лишь то, что Странник оказался в хороших, я бы сказал дружественных отношениях, с самой Смертью спасло меня в тот раз. Из этого я приобрёл бесценный опыт. Оказывается, поднимая оружие, на кого-либо, мы всякий раз поворачиваем его против нас самих, ибо убивая, мы берём на себя не прощаемый грех убийства ближнего своего, пускай даже перед тобой лютой враг. Ведь, совершая убийство, мы лишаем себя радости жизни, а жизнь без радости хуже самой смерти. Ведь мужество воина, защищающего свой дом, семью, Родину, состоит вовсе не в том, что он, преодолев свой страх, победит врага. А в том, что он, ради дома, семьи, Родины, готов лишиться радости жизни, принимая на себя убийство себе подобного. В этом и состоит честь и доблесть воина, а вовсе не в количестве убитых им людей.

Я продолжал вспоминать и вдруг ясно вспомнил, что свои первые убийства я совершил ещё в первый свой поход меж мирами, когда спасая Ляргуса, а чуть позже Странника и Джона, я сжёг не меньше десятка серых всадников. Но это

первое убийство прошло для меня незаметно, возможно потому, что я боялся за жизнь дорогих для меня людей, и этот страх не позволил мне осознать того, что я стал убийцей. Потом был мир Джона и мой страх за его судьбу и чувство вины, что это я являюсь косвенным виновником этого вторжения и опять страх за судьбу близких мне людей. Кроме того, и тогда я не вступал в непосредственный контакт с врагом, когда его просто режешь. Всё же, согласитесь, что поливать серых всадников огнём, находясь в воздухе, не идёт ни в какое сравнение с рукопашным боем, когда люди буквально режут друг друга.

В конце концов, я пришёл к выводу, что, хотя мне уже пришлось сражаться, и душа моя уже достаточно отягощена убийствами, я до сих пор так и не осознал себя убийцей; видимо для полного осознания не хватает того, что бы руки мои испачкались кровью убитых мной врагов, а это возможно лишь при рукопашном бое. Ну, что же, похоже, сегодня ночью мне представится случай измазать кровью руки мои.

Солнце коснулось западной кромки горизонта и наступило то загадочное и тревожащее душу время, когда день уже закончился, а ночь ещё не вступила в свои права. Это время сумерек, время сгущающихся теней, когда меняются привычные дневные формы, а на смену им приходят совершенно новые непривычные и от того загадочные. В это время у человека оживают спрятанные до поры страхи, а вместе с ними просыпаются проспавшие дневную суету вера и смутная

надежда; надежда на то, что вот-вот случится чудо и оживёт детская сказка, что она в тебе никогда не умирала, а лишь ждала подходящего случая, что бы расправить крылья свои и увлечь тебя в свою чудесную страну....

Мои размышления были прерваны лёгким толчком силы, кто-то открывал проход, причём открывал так аккуратно, словно хотел, что бы это осталось максимально незаметно для наблюдателей, если такие имеются. Тут же по ментальной связи мне пришло известие с координатами открывающегося прохода. Всё правильно, проход открывался как раз в той самой долине, что сейчас скрывалась во мраке передо мной. Значит, мы рассчитали всё правильно, серые войдут в этот мир именно здесь.

Получив это известие, я ощутил облегчение, которое вызывали у меня сомнения по поводу места прохода серых. Нет, я, конечно, доверял расчётам Азара и Ляргуса, даже сам их проверил, но в таком деле невозможно быть уверенным на сто процентов. Всегда остаётся элемент сомнения, который и вызывает в душе тревогу. Сейчас же, когда наши расчёты блестяще подтвердились, неуверенность, а вместе с ней и напряжение оставили меня.

Ясно, что этот небольшой проход, который можно открыть почти бесшумно, не предназначен для прохода большой массы войск, и только то, что мы этого ожидали, позволило засечь его. Такие проходы открываются с целью прохода небольшого количества людей, скорее всего разведки.

Сейчас успех нашей операции целиком зависел от разведки серых и нашей маскировки. Сейчас небольшой отряд обшарит окрестности, после чего откроются проходы и через них последует армия вторжения Серой империи.

В долине, разрывая покрывающую её темноту, возникло радужное свечение – это открылся, наконец, проход. Он находился примерно в километре от моего НП и я, напрягая зрение, успел рассмотреть, что через него вышел примерно десяток серых. Я ожидал увидеть всадников, но это оказались пешие, причём, половина их были магами. Да, серые хорошо подготовились, и, видимо, наученные горьким опытом в мире Джона Мильтона, пустили вперёд очень сильную группу разведчиков. Я ожидал, что они разделятся, что бы обшарить всю окружающую местность в радиусе двух-трёх километров от прохода, но они, на наше счастье, не стали этого делать, видимо понадеялись на свою магию. Это с их стороны явилось для меня подарком, к такому развитию событий я был готов. Как только серые маги начали сканировать окружающую местность, я подключил к их сканирующему лучу своё заклятие-обманку, которое показало наблюдателям абсолютно безлюдную местность на три километра в окружности от открытого серыми прохода. Это заклятие-обманка, разработанное лично мной, оказалось сюрпризом не только для серых, но и для моих друзей. Ну, что же, люблю преподносить сюрпризы.

Разведка серых ещё какое-то время посовещалась, а затем

снова скрылась в проходе, однако трое самых сильных магов-разведчиков расположились возле мерцающего прохода. Это было хорошо. Значит, они отправились доложить, что место прохода безопасно и можно открывать проходы для перехода войск. Теперь, только бы никто не попытался бы применить магию, а когда войска Серой империи пройдут проходами и те за ними будут закрыты, наступит время драконов. Я подозвал одного из драконов и велел ему бежать к Яргусту и передать, что сигналом для его атаки будет закрытие переходов, сразу же после того как всё войско серых перейдёт в этот мир, пока они ещё не успеют построиться в походные колонны. Здесь нужно будет нанести ошеломляющий удар, причём главной задачей будет уничтожение магов серых. Мой посыльный скрылся в густых сумерках, а я продолжил наблюдение за долиной.

Ждать пришлось недолго, и скоро моему взору открылось красивое зрелище. Вся долина осветилась ярким радужным светом, словно сполохи северного сияния вдруг расцвели прямо на земле. Из этого сияния буквально хлынули войска серых, словно где-то открылись шлюзы, и масса серой воды хлынула в долину.

Я пытался сосчитать врага, но очень быстро сбился со счёта. На глаз выходило, что нам предстоит схватиться в смертельной схватке с противником, по крайней мере, в десять раз превосходящих нас по численности. Войска совершали переход на удивление организованно. Не было каких-либо

заминок, непременно случающихся при перемещении таких масс людей. Было видно, что они хорошо подготовились, и что ими командуют опытные военачальники, хорошо знающие своё дело. Сейчас всё зависело от чёткости наших действий, что бы находящийся на нашей стороне фактор внезапности смог бы уж если и не уравнивать численный перевес врага, но хотя бы его уменьшить.

Я наблюдал за выходящим из проходов войском Серой империи и с горечью отмечал, что они умеют извлекать пользу даже из своих поражений. Если раньше их маги шли компактными группами, то теперь я видел, что и маги, и командиры серых были равномерно рассредоточены по всей массе войск, и покончить с ними, одним хорошим ударом, не получится. Это, как я понял, значительно снижало эффект нашей внезапной атаки.

Возвратился от Яргуста мой посыльный, который доложил, что у него всё готово и в нужный момент все драконы одновременно обратятся и начнут атаку. За Яргуста я был спокоен, он уже сталкивался с серыми, да и Джон имеет, пожалуй, самый большой в нашем войске опыт в стычках с серыми, так что полк драконов должен будет, наилучшим образом выполнить свою задачу.

В долине уже собралось огромное войско, а колонны серых всадников шли и шли через открытые проходы, хотя уже и не такой плотной массой, как вначале. Похоже, это шёл арьергард войска Серой империи. Да, Странник с учениками се-

рьёзно напугали этих самых Благих Богов, что правят Серой империей, иначе они бы не собрали против империи Повелителей драконов такую силищу.

Противник не спеша строился в походные колонны, которые тут же начинали движение в сторону, где со своими воинами затаились Азар и Марк. Движение через проходы наконец-то закончилось, и они медленно гасли, возвращая долину во владение ночной темноты. Сейчас начнётся, заявила моя интуиция, и я призвал своих драконов-связных к себе. Они дружно предстали передо мной; все молодые, почти мальчишки, готовые выполнить любой мой приказ. Глаза их светились боевым азартом, и ни у кого из них я не заметил даже намёка на страх. Я глядел на них и понимал, что поступил правильно, взяв в своё распоряжение этих молодых драконов. Их молодое бесстрашие, так свойственное молодости, в атаке могло бы сыграть с ними дурную шутку. Во все времена, в любом из миров, в любой войне именно такие мальчишки первыми идут в бой и первыми же умирают. Я же хотел вернуть их матерям в целости и сохранности.

– Слушайте меня внимательно, – обратился я к моим воинам. – С минуты на минуту наши драконы начнут атаку. Как только они начнут, вы сразу же обращайтесь в драконов и будьте готовы выполнять мои поручения.

Произнеся эту речь, я приказал одному из связных пригласить ко мне Ляргуса и командира храмовой стражи. Он убежал и минут через пять появился в сопровождении Ляр-

гуса и предводителя храмовников, имя которого я так и не узнал. Ляргус, увидев, сколько войск Серой империи собралось в долине, нахмурился, храмовник же смотрел на серых так, словно перед ним никого не было. Да, этот человек умел владеть собой, и если даже у него и были какие-то чувства, то он их так умело скрывал, что понять его чувства не было никакой возможности.

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил я пришедших, махнув рукой в сторону долины.

– А, что тут думать? – ответил вопросом на вопрос Ляргус и пожал плечами. – Я думаю, что правильно сделал, приведя сюда храмовую стражу.

– Мы сделаем всё, что прикажет нам Верховный жрец империи и наша присяга, – будничным голосом сказал командир храмовой стражи. В его голосе я почувствовал такую убеждённость и силу, что мне стало немного не по себе. Счастья, что эти воины выступают на нашей стороне.

Только он закончил, как я почувствовал мягкий толчок силы, а вслед за ним грозный рёв, переходящий в визг, настолько высокий, что он незаметно перешёл в ультразвук. От этого визга у меня прошёл мороз по коже, хотя я знал, правда, лишь из рассказов Яргуста, что это знаменитый боевой клич драконов империи Повелителей драконов. Всё же, как не крути, а все мы являемся пусть и опальными, но всё же подданными империи.

Мои связные, моментально обратились в драконов, и, ви-

димо захваченные боевым кличем, хотели взлететь, но были во время остановлены моим окликом. Что греха таить, я и сам под воздействием этого клича, чуть не обратился в дракона, остановив обращение заметным усилием воли. В этот момент я увидел Ниннэль, которая, будучи охваченная боевым порывом, разбуженным в ней боевым кличем драконов, была прекрасна, а глаза её буквально метали молнии.

– Присмотри за ней, дед, – шепнул я на ухо Ляргусу.

На это старый жрец кивнул мне – дескать, присмотрю.

Мы с Джоном, лёжа на вершине холма, наблюдали за тем, как лежащую перед нами долину, словно наводнение заполняли бесчисленные войска Серой империи. Их было так много, что умей я испытывать страх за свою шкуру, непременно бы поддался панике, но слава Творцу, я был напрочь лишён этого чувства. Джон, что наблюдал за противником рядом со мной, тоже был не робкого десятка, и если даже испытывал страх, то очень умело его скрывал. Мы столько прошли вместе с ним рука об руку, что я был уверен в нём, даже больше, чем в себе.

– Ну, и что ты об этом думаешь, друг Яргуст? – спросил Джон.

Вопрос был явно риторическим и ответа не требовал, но я всё же ответил.

– Я думаю, что нам сегодня придётся постараться, друг Джон, – Ты заметил, что их маги и офицеры равномерно распределились между рядовых серых всадников, а поэтому сегодня не жалею магии, причём самых убийственных заклятий. Я же, в свою очередь не пожалею огня, а ты покрепче держись.

Мои драконы с высокомерным равнодушием встретили появление полчищ противника. Да, они были истинными драконами, как говориться, до мозга костей. Так же спокой-

но встретили появление врага и несколько сильных магов, приданных моему штурмовому отряду для усиления. Я отдал распоряжение, что бы драконы по моей команде одновременно обратились и в бою следовали за мной. Джон, в свою очередь отдал последние указания насчёт применения магии. Всё, мы были готовы победить или с честью умереть, но предварительно погубить, как можно больше врагов, хотя я постараюсь сделать так, что бы с нашей стороны жертв бы было как можно меньше.

Прибыл гонец от Кувая, который приказал нанести нам удар в тот самый момент, когда войско Серой империи завершит переход, и проходы начнут закрываться. Я отпустил гонца, велел передать Куваю, что мы всё сделаем, как надо. Про себя я подумал, что ни за что не хотел бы быть на его месте. Это надо же, взять на себя такую ответственность. Гораздо легче самому броситься в гущу боя и отдаться боевому безумию, чем посылать на смерть кого-то, а самому вынужденно наблюдать за всем сражением, находясь в безопасности на наблюдательном пункте. Эта мысль совсем неожиданно привела меня к осознанию правильности поступка Азара, который уступил командование Куваю. Оказывается, та великая ответственность, которую возложила на плечи золотого дракона судьба, требовала для него соответствующей подготовки, поэтому руководство сражением будет для него хорошей школой. Кроме того, выводя Кувая из-под риска прямого сражения с серыми всадниками, Азар стремился убе-

речь его от роковой случайности, от которой никто не может быть застрахован в бою. Я в очередной раз склонил голову перед мудростью моего первого учителя.

Наблюдая за врагом, я, наконец, дождался момента, когда поток серых иссяк, а проходы начали медленно гаснуть. Всё, наступило наше время, наступил звёздный час для драконов, может быть единственный шанс показать всё, на что мы способны. Я скомандовал драконам обратиться, а людям занять свои места на спинах драконов, и сам тут же обратился. Как только убедился, что Джон надёжно уселся на моей спине, я тут же взлетел и рванулся в сторону противника, не оглядываясь, следуют ли остальные за мной, настолько я был в них уверен.

Сейчас ты услышишь знаменитый боевой клич драконов, предупредил я Джона и из глотки моей вырвался грозный рёв, который очень быстро перерос в пронзительный визг, который, находясь на самой грани слышимости, буквально заставлял мою душу лететь далеко впереди моего, такого неповоротливого, на мой взгляд, тела. Этот клич, родившийся у драконов ещё в глубокой древности, проявлялся лишь тогда, когда драконы шли в смертельную атаку. Он оповещал мир, что дракон готов умереть, но не отступить; он внушал ужас врагам, лишая их надежды победить. Летя с этим кличем навстречу врагам, дракон разгонял своё мышление до такой степени, что время вокруг него замедлялось, поэтому движения его становились столь стремительными, что отра-

зить их удары было почти невозможно – противнику просто не хватало времени.

Что интересно, ни один из летящих за мной драконов, в том числе и я сам, никогда не слышали этого клича, однако все мы его знали, какой-то своей генетической памятью свойственной всем драконам, поэтому стоило мне начать, как клич подхватили все драконы моего штурмового отряда. Да, это было очень впечатляюще.

Нам потребовалось меньше минуты, что бы набрать высоту и начать пикировать на походные колонны войска Серой империи. Серые этого явно не ожидали, когда на них в рёве и визге ярости обрушились потоки огня и магии. Первые колонны врага погибли, даже не успев понять этого. Мы про барражировали над колоннами серых всадников, поливая их огнём и нанося удары магией, затем, сделав круг с набором высоты, повторили нашу атаку. Следует отдать должное командирам серых всадников. Они очень быстро оправились от шока, вызванного нашей внезапной атакой. Колонны всадников рассредоточились, что значительно снизило их потери. Оправились и маги серых – в нас полетели молнии и огненные болиды. Благодаря тому, что маги в этот раз не шли тесной группой, а были равномерно рассеяны среди всадников, многие из них сумели избежать гибели от нашего первого удара. Однако это сослужило им и плохую службу – это снизило поражающую мощь их ударов. Никогда удар одного мага, если это, конечно, не обладатель Древней кро-

ви, как Учитель, не сравнится по своей силе совокупному удару нескольких магов, поэтому многочисленные удары серых магов не смогли причинить нам заметного ущерба, если не считать двух легкораненых молодых драконов. Их удары помогли нам определить места нахождения серых магов, и уже вторая атака, пусть не столь эффектная, но зато оказалась более эффективной. В ходе её, были уничтожены почти все маги серых. Те же, что уцелели, попытались объединить усилия, собравшись вместе, но они безнадежно опоздали, и с третьего захода с ними в основном было покончено.

Теперь мы обеспечили себе господство в воздухе, не опасаясь магического удара со стороны серых. Однако эту победу мы оплатили страшной ценой. Объединившиеся маги серых, успели— таки нанести по нам удар, в результате которого мы потеряли пятерых. Погибли три дракона и два наших мага. Кроме того, было много раненых, которые больше не могли участвовать в наших атаках. Да, это была страшная цена, и не только потому, что погибли мои родственники и друзья, и не только потому, что наш род и так понёс большие потери во время ухода из столицы империи, а просто потому, что не мы пришли в Серую империю, а Серая империя пришла к нам. А посему не будет им от нас пощады, ни один из них не вернётся в свою серую страну, уж мы об этом позаботимся. За каждую пролитую слезу наших матерей, жён и сестёр, они заплатят потоками слёз их женщин, которые никогда больше не увидят своих сыновей, братьев и мужей.

Я был в ярости, да и остальные тоже, однако не давал ей затмить мой рассудок. Мыслил я всё так же ясно, и уже знал, что свою задачу драконы выполнили, во всяком случае, лишили войско врага магической поддержки.

Я отдал своим ментальный приказ, как только они истощат свои возможности по метанию огня, а у магов усиления иссякнут боевые заклятья, самостоятельно возвращаться на исходную позицию, обратиться, оказать помощь раненым и присоединиться к наземным войскам в качестве рядовых ратников. Сам же я с драконами, которые ещё способны были метать огонь, пошёл в новую атаку, и пусть нас оставалось чуть больше половины мы нанесли серым такой урон, что во многих частях их войска началась паника, которая усилилась от того, что в спину им ударил сводный отряд демонов, во главе с внуком старого Грымза Мингом. После этой последней нашей атаки я приказал всем возвращаться, мы были обессилены и истощены до такой степени, что еле держались в воздухе. Да, дорого приходится платить за кураж боевого клича драконов. Мы выполнили свою задачу, и даже больше того, своими атаками мы спасли множество жизней людей и демонов, сражающихся на земле.

Я тяжело приземлился, даже по инерции пробежав три шага, словно глупая жирная гусыня, а не благородный дракон. Слава Творцу, что никто не обратил на это никакого внимания, а то бы впору от стыда провалиться сквозь землю. Джон, спускаясь с моей спины, буквально свалился, словно

куль и потерял сознание. Я быстро обратился и бросился к нему. Он лежал на земле бледный, словно присыпанный мукой, а из носа его текла тонкая струйка крови – он выложился полностью, исчерпав все свои силы. Рядом со мной приземлялись драконы, причём приземление многих из них больше было похоже на падение. Кто-то из них, шатаясь, направлялся к раненым, что бы хоть чем-то им помочь, но большинство просто падало на землю, совершенно обессилив. Да, нелегко досталось нам выполнение нашего долга.

Минут десять я занимался тем, что приводил в чувства Джона. Наконец он глубоко вздохнул и открыл глаза. Я протянул ему свою флягу, и он сделал из неё солидный глоток, после чего встряхнул головой и окончательно пришёл в себя, хотя был ещё очень слаб. Я тоже приложился к фляге, и спустя минуту почувствовал, что слабость моя потихоньку начала уходить. Всё же крепкое спиртное в малых дозах неплохо помогает, особенно в таких вот случаях, как сейчас.

Теперь я имел возможность осмотреться. Передо мной, загибаясь вправо, проходила линия нашей обороны, где наша пехота, построившись фалангой и ошестинившись копьями, сцепилась в смертельной схватке с серыми всадниками. Оттуда доносился грохот столкновения стальных наконечников копий о доспехи серых всадников, которые до поры скрывались под серыми плащами всадников. Этот грохот дополнялся ржанием коней, боевыми кличами обеих сторон, криками боли первых жертв, которым не повезло в самом

начале боя пропустить роковой удар. Наличие доспехов у серых всадников оказалось для нас очень неприятным открытием. До сих пор во всех известных мне столкновениях с серыми всадниками, на них не было никаких доспехов, даже лёгких кольчуг. Да, видимо серые хорошо подготовились и сейчас бросили против нашей пехоты свою ударную, законную в латы конницу, причём защиту имели не только люди, но и кони.

Мой отряд приземлился в тылу нашей пехоты, совсем близко от переднего края и выглядел, мягко говоря, потрепанным. К нам уже спешили интенданты, а маги-целители занимались множеством раненых, которые каким-то чудом сумели сюда долететь. Да это было чудом, что даже тяжелораненые драконы смогли дотянуть до своих, в противном случае они бы погибли под копытами наступающей тяжёлой конницы. Где-то там, где сейчас попирают землю сотни тысяч конских копыт, остались, выполнившие свой долг до конца, наши погибшие товарищи. Я дал сам себе клятву – если мне посчастливится выжить в этом сражении, обязательно разыщу останки их, что бы со всеми положенными почестями предать их тела земле.

Интенданты принесли с собой большие котлы с варёным мясом, (интересно, когда успели сварить), и кувшины, в которых оказалось горячее вино с пряностями. Лучшего средства для быстрого нашего восстановления и придумать было нельзя. Мы с Джоном распорядились, чтобы все, кто мог

держат в руках оружие, постарались быстрее восстановить силы, что бы скорее влиться в ряды наших пехотинцев. Моих бойцов уговаривать не пришлось – все дружно навалились на мясо и вино, да так, что через час я имел хороший отряд закованных в доспехи мечников буквально рвущихся в бой.

Сейчас, когда почти все маги серых были уничтожены, и у нас было превосходство в магии, наступил тот момент битвы, который можно было назвать переломным. Враг всё так же имел значительное превосходство в численности, был крепок духом и не помышлял об отступлении. Лишившись магической защиты, а вместе с ней и возможности отступить через проходы, которые просто не кому было открыть, командование войском Серой империи не стало впадать в уныние. Напротив, определив, что наше войско в десять раз менее многочисленное, чем их армия вторжения, командование серых решило до конца использовать своё преимущество. Они очень быстро разобрались в обстановке, и правильно определили главную для них угрозу, которую представляла наша пехота. Поэтому, оставив против отряда Минга заслон, для сдерживания демонов, они всей своей мощью обрушились на полк Азара и Марка, который встретил врага оцетинившейся сталью копий железной фалангой, действующий, как единый механизм.

От острых массивных копий, наконечники которых были длиной в локоть, плохо защищали доспехи, поэтому перед фалангой быстро образовалась и стала неумолимо рас-

ти гора трупов людей и лошадей. Смертный вой пронёсся над долиной, где ещё недавно паслись стада мирных травоядных. Шла обычная грязная работа ратников, которая требовала от каждого бесконечного терпения, а так же ясного понимания, что, как бы там не было, ты должен стоять здесь на этом клочке вытопанной земли; земли, которая от пролитой крови вот-вот превратится в болото; понимания того, что ты лишь часть этого единого организма, которым является строй фаланги, а отступление и нарушение строя ведёт к неминуемой гибели, причём главное не то, что погибнешь ты, а то, что из-за тебя погибнут все.

Вал мёртвых тел быстро рос, так что всадникам вскоре стало невозможно приблизиться к строю нашей пехоты. Осознав это, командование армии серых изменила тактику боя. Понимая, что лобовые атаки тяжёлой кавалерии против фаланги пехотинцев бессмысленны, серые спешили своих, защищённых латами всадников, и в пешем строю бросили на нашу пехоту, однако их атака была скорее не для того, что бы смять наши ряды, а скорее удерживать их на месте. Своих всадников, лишённых доспехов, командующий серыми генерал, или кто там у них за главного, разделил на две примерно равные части, поставив им задачу, обойти нашу пехоту с флангов и окружив, постараться уничтожить. Этот, в общем-то, хороший план, был моментально раскрыт Куваем, который очень внимательно наблюдал со своего НП за действиями противника и успел предупредить Азара и Марка.

Поэтому, когда я доложил Азару, что мой отряд готов к наземным действиям, тот приказал мне занять оборону на левом фланге и ни в коем случае не позволить серым всадника обойти нашу пехоту. Я отсалютовал и хотел уйти, что бы быстрее занять позицию для отражения врага, но был остановлен Азаром.

– Задержись на минуту Яргуст, – очень проникновенно сказал мой дядя и Учитель. – Во-первых, хочу выразить твоему отряду огромную благодарность. Вы сделали всё, что могли и даже больше, а сейчас вы моя последняя надежда, что бы спасти пехоту. Ты же понимаешь, что если я прикажу фаланге сворачивать фланги, мы будем окружены, и наши шансы на победу будут ничтожны. Поэтому делай что хочешь, но всадники пройти не должны. Выделяю тебе в помощь тридцать сильных магов, они прикроют отряд. Теперь иди и исполни свой долг.

Я отсалютовал и бегом бросился к своим, спеша занять позицию на левом фланге. Я ещё с воздуха, когда мы устремились в свою первую атаку, заметил место, где по моим прикидкам в случае чего будет удобно держать оборону от превосходящего численностью противника. Она находилась как раз на левом фланге нашей пехоты. Чуть левее этого места в долину в виде мыса вдавался отрог довольно крутого холма, который густо порос колючим кустарником, так что всадникам, по крайней мере, верхами было не пройти. Достаточно разместить там тридцать моих мечников из чис-

ла молодых драконов, чьи силы восстанавливаются несравненно быстрее, чем у их старших товарищей и придать им для усиления магов, выделенных нам Азаром, и мы сможем устроить серым хороший сюрприз.

Вернувшись к своим, я подозвал к себе Рикса, который был моим старшим братом, а ещё моим первым заместителем в отряде. Когда он подошёл ко мне и отсалютовал с лихостью, которая выдавала в нём бывшего блестящего офицера гвардии Повелителей драконов, я объяснил ему его задачу. Он спокойно выслушал мой план, который, судя по всему, ему понравился.

– Разрешить строить людей? – спросил Рикс. – Я понимаю, что нам предстоит сложная задача, поэтому желательно, чтобы ты сам посвятил их в суть дела. Они доверяют тебе, Яргуст и пойдут за тобой, но всё же люди должны знать, ради чего они идут на смерть.

– Да, строй отряд. Времени у нас мало, а нам ещё надо занять позиции, – одобрил я предложение Рикса. – У меня будет к тебе просьба, брат. Я прошу тебя по возможности сберечь молодых драконов, что пойдут с тобой, если, конечно, у тебя будет такая возможность.

– Я понял тебя, брат, – широко улыбнувшись, ответил Рикс, после чего козырнул и быстро пошёл строить отряд.

На душе у меня было спокойно. Я хорошо знал и любил моего старшего брата, который вложил столько труда, чтобы я стал настоящим драконом. Я знал, что он сделает всё,

что бы выполнить задачу и сберечь своих молодых подчинённых.

Я не спеша шёл вдоль строя, вглядываясь в такие знакомые мне лица, ведь больше половины моего отряда были мои родственники знакомые мне с раннего детства. Ещё бы мне их не знать, когда здесь был мой отец, мои дяди и братья, а так же сверстники с кем я в своё время, вместе рос в доме у Голубого озера. Были здесь и совсем зелёные мальчишки, которые родились уже в Сегурии, для которых вотчина Азара была самой настоящей Родиной, ибо другой они просто не знали.

Именно таким зелёным мальчишкам, каждый из которых мнил себя великим воином и героем, я командовал выйти из строя. Да, великими воинами они, конечно, ещё не были, хотя, как герои они уже состоялись. Это было наше будущее, в котором эти мальчишки станут великими воинами, но что бы это было возможно, я и хотел вывести

их из-под смертельного удара, который вскоре должен был обрушиться на наш отряд.

Молодых драконов набралось как раз три десятка; к ним я добавил тридцать магов, и в результате собрался довольно внушительный отряд, возглавляемый моим старшим братом Риксом, который, не откладывая дело в долгий ящик, отдал приказ обращаться, взять на спины магов и следовать за ним. Драконы, которые пусть и не отличались размерами, но были достаточно дисциплинированы, быстро выстроились в

боевой порядок и полетели в сторону того отрога холма, о котором я говорил Риксу. Весь наш отряд дружно махал им вслед, ведь отцы этих мальчиков были в моём отряде, и, хотя и не показывали свою радость, но конечно были рады, что у их сыновей появился шанс выйти живыми из этой мясорубки, куда мы все угодили.

Подоспели интенданты, которые доставили копья и большие щиты, что позволило нам построить собственную фалангу, которая хотя и была гораздо меньше, чем у Азара и Марка, но всё же достаточно боеспособна, тем более что против нас шли всадники, лишённые доспехов.

Только успели мы занять позицию, как на горизонте появилась масса серых всадников, которые наступали клином, стремясь рассечь нашу фалангу на две части, что бы выйти во фланг и тыл нашей пехоте.

Я, как и положено командиру, располагался позади строя ратников на небольшой возвышенности, с которой мне хорошо было видно поле боя. При мне было три десятка драконов – весь мой резерв, с которым, если придётся, я буду вынужден закрывать брешь в строю, если, не попусти Творец, серым всадникам удастся прорвать наш строй. Не густо, конечно, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Дело шло к рассвету – восточный горизонт уже посветлел; видимо, поэтому серые торопились, так как, насколько мы знали, серые всадники избегают активности при яркой солнечной погоде, предпочитая сумерки и ночную темноту. Это

было нам на руку. Стоит только нам выдержать до восхода солнца, и мы получим солидное преимущество, ибо восточный горизонт находился у нас за спиной. Тогда серым придётся наступать против солнца, а это вряд ли придётся им по вкусу.

Серые командиры явно торопились; поэтому, лишь завидев наш строй, они пришпорили коней и с пронзительным визгом, который видимо, являлся их боевым кличем и чем-то напоминал боевой клич драконов, понеслись на наш, закрывшийся высокими щитами и ошетилившийся остриями копий строй. Топот тысяч копыт, яркий блеск длинных кривых сабель, коими были вооружены серые всадники, слились с боевым кличем серых всадников, всё это в первый момент оглушило нас, но лишь на одно мгновение. Тут же, на встречу раздалось грозное рычание незаметно переходящее в пронзительный визг – мои драконы приняли вызов серых и на их боевой клич, ответили своим. В этом кличе, что вырвался из сотен глоток, в которых клочкотала боевая ярость, было столько силы, что кони первых рядов наступающих шархнулись, вставали на дыбы, стремясь избежать столкновения с этой грозной силой. Надо отдать должное противнику – серые оказались прекрасными наездниками и очень быстро справились с происшедшей заминкой.

Наконец конная лавина ударилась о нашу фалангу. Главный удар серые нацелили на стык моей фаланги и фаланги Азара, видимо посчитав, что здесь наиболее слабое место на-

ших войск. Наш правый фланг, принявший на себя основной удар, слегка попятился, но всё же устоял. Перед передним краем нашей фаланги образовался и стал быстро расти вал мёртвых и тяжелораненых тел людей и лошадей. Воздух наполнился криками умирающих людей и предсмертным ржанием лошадей. Лошадей, которые, казалось, перед смертью, таким образом, выражали свой протест хозяевам. Хозяевам, которых они любили до обожествления, и которые так подло бросили их на острые наконечники копий. К общей какофонии боя прибавился звон сабель ударяющих в щиты пехоты, и жуткий, отвратительный до тошноты, скрипуче-чавкающий звук, с которым наконечник копья входит в живую плоть, причём, неважно, чья это плоть – человека или лошади. И ещё, воздух наполнил приторно-сладковатый запах крови и вываливающихся наружу внутренностей, в общем, всем тем, чем пахнет смерть на поле боя.

Выросший перед правым флангом моего отряда вал мёртвых тел, не позволял всадникам приблизиться, а тем более прорваться; атака серых захлебнулась, и они вынуждены были отойти. Я прекрасно понимал, что они или вынуждены, будут спешиться и наступать в пешем строю, или попытаться прорваться в другом месте. Наступать пешим строем незащищённым доспехами всадникам, было равносильно самоубийству, поэтому я посчитал, что, скорее всего, они ударят в центр, что бы рассечь мою фалангу, а потом по частям уничтожить. Я отправил связного, что бы командир моего пра-

вого фланга, передал часть своих воинов в центр, дабы по возможности усилить его, тем более что правому флангу в настоящее время вряд ли что-нибудь угрожало. Как показало время, я оказался прав. Серые очень быстро разобрались в обстановке, перегруппировались, подтянув свою главную ударную силу, сняв закованных в доспехи всадников, которые противостояли фаланге Азара и направили против центра моего отряда. Фронт, который занимали мои драконы, был по протяжённости довольно растянутым, поэтому из-за меньшей, чем у Азара и Марка численности воинов, плотность его была раза в три меньше, чем у большой фаланги. Военачальники серых, надо отдать им должное, сумели очень быстро провести передислокацию своих войск, которые до сих пор имели значительное численное преимущество. Удар по нам был столь мощным, что центр дрогнул и начал подаваться назад. Крылья моей фаланги напор противника выдержали, вследствие чего вся фаланга прогнулась и напряглась наподобие натянутого лука. Наступил решающий момент схватки.

Серые, почуяв успех, ещё сильнее надавили на центр моего отряда, стремясь смять его и выйти в тыл фаланги Азара и Марка, но и мои драконы, понимая ответственность момента, упёрлись, и хотя продолжали отходить под воздействием во много раз превосходящих сил противника, но отход этот был уже значительно замедлен.

Ощетинившись копьями, центр фаланги собирал свою

кровоавую жатву, которая была столь урожайна, что наступающим латникам серых пришлось буквально идти по телам своих товарищей, что сильно снижало боевой напор серых. Они словно вязли в смертельных объятиях драконов, которые были вынуждены пустить в ход даже остатки своей магии.

Я со своей возвышенности наблюдал, как изогнувшись дугой, моя фаланга напряглась из последних сил, но и силы противника тоже были на пределе. Численное превосходство сыграло с серыми дурную шутку. Стиснутые с двух сторон крыльями моей фаланги серые всадники набились в относительно небольшое пространство в таком числе, что просто мешали друг другу.

Видя, что наступил решающий момент боя, я послал в распоряжение Джона, командующего центром, весь свой резерв, оставив при себе лишь троих связных. Это помогло – отход центра прекратился, и битва перешла в стадию, когда люди просто монотонно убивают друг друга. Вся их задача в это время сводится лишь к тому, что каждый должен буквально врасти в эту землю, убивая всякого, кто хочет заставить тебя сдвинуться с неё, а если не повезёт, то даже труп твой, должен стать помехой для врага, затрудняя его продвижение.

Я чувствовал, что примерно такое же положение создалось и на других участках сражения, а это значит, что в любой момент всё может кардинально измениться, тем более

что на нашей стороне начинающийся рассвет, который явно не по нраву нашему противнику. Передо мной, сцепившись в смертельной схватке, многие тысячи людей из последних сил старательно убивали друг друга, и казалось, что это будет продолжаться до тех самых пор, пока в живых останется лишь один из всех, который вскоре тоже скончается от ран или смертельной усталости. Я вдруг остро ощутил всё безумие того, что все мы называли войной, и люто возненавидел это явление. Мне стало даже немного стыдно, что я раньше рассматривал воинское искусство, как, пожалуй, самый привлекательный лично для меня вид искусства. Однако особо осмыслить этот новый для меня взгляд на войну, не было времени.

На правом фланге пехотной фаланги Азара и Марка, где находился наблюдательный пункт Кувая, начались стремительно развиваться события, которые в скором времени привели к решительному перелому ночной битвы. Сначала в ход пошла магия Кувая, доказав всем, что Последний дракон не зря считался лучшим учеником Странника. Удар был столь силён, что даже земля под моими ногами вздрогнула; я, грешным делом, подумал, что в ход пошла Древняя сила, а в плотно сбитых колоннах наступающего врага образовалась широкая просека, словно по серым прошёлся гигантский каток. В эту брешь устремилась колонна храмовой стражи, поддержанной магией Ляргуса, спутать которую с чьей-либо ещё было просто невозможно. Этот клин закован-

ных в сталь лучших воинов империи Повелителей драконов рассёк войско серых на две части, подобно острому ножу, разрезающем на две части каравай хлеба. Они так стремительно произвели свой манёвр, что командиры серых просто не успели среагировать, а когда постарались оказать храмовникам сопротивление, было уже поздно – армия Серой империи была расколота на две неравные части. Большая часть войск Серой империи оказалась между храмовой стражей и фалангами нашей пехоты, а меньшая между войском демонов и храмовой стражей.

Храмовники, которые рассекали войско серых, двигаясь колонной по четыре, по завершению манёвра развернулись вправо и влево, образовав, таким образом, два подобия пехотных фаланг, которые в отличие от других больших фаланг, построенных, как минимум, пятью-шестью шеренгами, были всего в две шеренги. Не смотря на это обстоятельство, эти, на первый взгляд, такие малочисленные фаланги, сразу же перешли в наступление, неспешно тесня войско серых и устилая свой путь, трупами врага, действуя, как хорошо налаженный механизм.

Прибыл посыльный от Кувая с приказом перейти в наступление навстречу храмовой страже. Я сразу же передал приказ Риксу, ударить своими драконами во фланг наступающим на нас войскам серых. Спустя минуту, я вновь услышал боевой клич атакующих драконов. Наши мальчишки успели восстановить свои силы и выполнили мой приказ

наилучшим образом, не потеряв при этом никого.

Как только драконы начали свою атаку, пришла в движение и фаланга Азара и Марка. Тысячи воинов, шагая по горе трупов, что была нагромождена перед ними, сначала медленно, затем все, ускоряясь, устремились в атаку, ломая сопротивление противника и преумножая количество трупов. Серые всадники отнюдь не были трусами, но наш порыв был столь стремителен, что серые воины ничего не могли противопоставить нам, разве что свой численный перевес, который в толчее битвы скорее мешал им маневрировать.

Мои драконы тоже не мешкали, а тоже перешли в наступление, пустив в ход остатки своей магии. Не прошло и часа, а практически вся большая часть войска Серой империи оказалась в окружении. Меньшую же часть полностью уничтожили совместными усилиями демоны и храмовники. Это была полная победа, постепенно перешедшая просто в избивание врага, который при свете восходящего солнца стали терять силы, движения их стали какими-то вялыми, они словно засыпали.

Хотя я и ненавидел серых, помня, что они творили в захваченных ими мирах, но работа палача мне очень не понравилась, поэтому я вздохнул с облегчением, когда поступил приказ Кувая, остановить бойню и отойти от соприкосновения с врагом на сто метров. Наши войска стояли, плотным кольцом окружив стремительно теряющего силы врага. Я стоял на возвышенности, с которой хорошо было видно

всё поле ночной битвы, тем более что солнце за моей спиной уже поднялось над горизонтом и полностью осветило долину, которую с этой ночи можно было назвать долиной смерти. От наблюдательного пункта, где располагался штаб Кувая шли два человека в сверкающих на солнце доспехах. Тот, что пониже, шёл с белым флагом в левой руке. Второй, тот, что повыше, шёл, держа свой шлем на сгибе левой руки. Правая рука его была поднята на уровне плеча, а открытая ладонь её была направлена на замершего противника. Это шли парламентарёры с предложением к серым сдаться и тем самым избежать ненужного кровопролития. Присмотревшись, я узнал в парламентарёре Кувая, а вот кто был с флагом, на голове которого был шлем с опущенным забралом, я узнать не смог. Они шли не спеша, всем своим видом показывая свои мирные намеренья. Оружия при них не было, во всяком случае, я его не видел. Всё правильно, командир победившего войска проявляет великодушие, предлагая обречённому врагу сдаться и тем самым спасти множество жизней.

Не доходя до вражеского войска примерно половину пути, Кувай остановился, а знаменосец откинул забрало и начал трубить в рог, вызывая командиров серых на переговоры. Приглядевшись, я узнал в знаменосце свою племянницу Ниннэль. Да, эта отчаянная драконица видимо сумела совершить чудо, раз Кувай согласился взять её с собой на столь рискованное дело, тем более что все мы хорошо знали, как Кувай дорожит своей горячо любимой женой.

Трижды протрубив призыв к переговорам, Ниннэль опустила рог и воткнула древко белого флага в землю. Началось ожидание, которое разрешилось спустя пять минут, выходом из строя серых двух человек в серых плащах так же с белым флагом. Парламентарии серых подошли к Куваю и Ниннэль и откинули капюшоны своих плащей. Присмотревшись, я увидел, что с Куваем о чём-то разговаривает представительного вида старик с крючковатым, похожим на клюв хищной птицы носом, а флаг держит невзрачный человек неопределённого возраста. Предводитель серых и Кувай поговорили минут десять, после чего знаменосец серых воткнул свой белый флаг рядом с нашим, обе стороны повернулись кругом и направились каждый к своим войскам. Кувай вернулся на НП и спустя пять минут, я получил приказ прибыть на НП Кувая. В этот момент я окончательно понял, что мы победили и остаётся лишь решить, что делать дальше.

6

Мы с Марком, построив своё воинство в форме фаланги глубиной в шесть шеренг, которая перегородила самый удобный путь выхода из долины, в которой они совершили свой переход в этот мир, стали ожидать начало сражения, зная, что наша очередь вступить в сражение сразу же после того, как драконы сделают свою часть работы. Наши оружейники постарались на славу. Каждый пехотинец был облачён в сплошной стальной доспех. Каждый имел длинное копье с наконечником длиной в локоть, которое являлось основным оружием пехотинца против конницы. Каждый имел помимо этого длинный меч, или боевой топор, или массивную с устрашающими шипами булаву. Дополнительной защитой от вражеского оружия были окованные железом большие щиты, которые передняя шеренга смыкала так, что в результате образовывалась сплошная стена, пробить которую было достаточно трудно. Прибавьте к этому частокол копий, встречающий рискнувшего напасть врага, причём копья каждой последующей шеренги длиннее предыдущей, что создавало такую плотность наконечников, преодолеть которую можно лишь завалив фалангу собственными трупами.

Основу нашей пехоты составляли гвардейцы, в своё время перешедшие на нашу сторону и их взрослые сыновья, которых обучили воинскому ремеслу сами родители. Здесь же

были все те, кто не пожелал отсиживаться в Сегурии, у кого руки, привыкшие к серьёзному делу, лесорубов, плотников, кузнецов, пахарей, сами собой сжимались в кулаки, лишь только они узнали, что их жизни труженика угрожает враг. Я знал и любил этих людей, которые обжили мою вотчину, и которая стала для них Родиной. Это были, хотя и простые, но по-настоящему надёжные люди, для которых слово Родина не была пустым звуком. Я любил этих людей и, если нас постигнет неудача, не задумываясь, погибну вместе с ними.

Командиром пехоты был Марк, который всегда отличался своей сдержанностью и не многословием, за которым скрывался железный характер, абсолютное бесстрашие и преданность тем, кого он любил и считал своими. Он был в том замечательном возрасте, когда про человека говорят, что он находится в самом рассвете. Ещё молодой человек, он заметно возмужал; его стройная фигура, утратив юношескую угловатость и порывистость, приобрела некую основательность, за которой угадывалась серьёзная сила и уверенность в себе. За годы ученичества у меня и Странника он стал очень сильным магом, причём одинаково хорошо владел как Искусством, так и магической системой Странника. Все эти данные делали его превосходным командиром, и если бы он пожелал, то смог бы стать выдающимся полководцем, однако, видно было по всему, душа его к карьере военного всё же не лежала.

Когда я принял решение передать командование Куваю, а

самому вместе с Марком возглавить пехоту, я опасался этим обидеть Марка, однако он принял моё решение абсолютно спокойно, я бы даже сказал с неким облегчением, словно был рад разделить возложенную на него ответственность со мной.

– Я рад, Учитель, что мы будем сражаться вместе, – спокойно сказал он. В этом был весь Марк.

Мы договорились с ним, что он будет заниматься непосредственным командованием на поле боя, а я вместе с небольшим резервом и обозом расположусь метрах в тридцати в тылу на небольшой возвышенности, с которой мне будет хорошо видно поле боя. Оттуда я смогу посредством ментальной связи координировать действия Марка, а в случае чего прийти на помощь с резервом и моим Искусством.

Мы сидели, укрывшись в низкорослом кустарнике, которым поросли подножия холмов, окружающих долину. Стояла полная тишина, все были предупреждены о том, что бы максимально соблюдать маскировку, была запрещена всякая магия. Для успеха дела нам необходимо было, что бы враг не догадался о нашей засаде. Мы покинем своё укрытие сразу же после того, как Яргуст со своими драконами нанесёт первый удар.

– Своё укрытие мы покинем лишь тогда, когда атака драконов завершится, – сказал Марк, услышав моё решение. – Я полагаю, что твой опыт и мастерство помогут нам в сражении, – нужно затаиться и ждать.

Ждать нам, однако, пришлось недолго. Примерно через четверть часа, когда показались приближающиеся колонны серых всадников, Яргуст нанёс свой удар. Небо над нашими головами словно расколосось, это раздался знаменитый боевой клич драконов, который я не слышал уже очень давно, пожалуй, с войны между империей Повелителей драконов и демонической империей Тьмы, в которой мне пришлось поучаствовать. Драконы стремительно налетели на войско серых, нещадно поливая их огнём и нанося удары магией. Понеслось протяжный вой сгорающих заживо людей и коней, а в воздухе отчётливо запахло жжёным мясом. Драконы наносили свои удары раз за разом, убив множество врагов, которые поначалу растерянно заметались, но очень скоро восстановили свои порядки и стали, хотя и слабо оказывать драконам магическое сопротивление. Несколько драконов упали, видимо убитые или раненые, но маги серых, раскрывшие себя были быстро уничтожены. В какой-то момент мне показалось, что драконы и одни справятся с врагом, но теми, по всей вероятности командовали опытные командиры, сумевшие заставить своих воинов не смотря ни на что продвигаться вперёд. Пора было строить пехотную фалангу, тем более что драконы начали выдыхаться. Я крепко обнял Марка, и он ушёл отдавать приказ к построению.

Я стоял на холме и смотрел, как строится пехота. Все действия людей были слажены, быстры и при этом совершенно бесшумны. Да, не даром Марк и командиры подразделений

до седьмого пота гоняли своих подчинённых. Первой вытянулась поперёк долины первая шеренга, плотно сомкнув щиты и уперев древки своих толстых тяжёлых, но при этом относительно коротких копий в землю. Этой шеренге принимать на свои копья коней, и от того насколько они выстоят, будет зависеть успех всей фаланги. Вторая и последующие шеренги выстраивались за первой. Щиты у них были заброшены за спину, а копья, хотя были и с более тонкими древкам, но зато значительно длиннее, чем у первой шеренги. Свои копья они помещали на плечах воинов передней шеренги, так что весь фронт фаланги превращался в некое подобие стального ежа, иглами которого были копья пехотинцев. Прошли не более пятнадцати минут, и фаланга была готова к бою.

К этому времени атаки драконов подошли к концу, лишь Яргуст и десяток самых сильных драконов устремились, как я понял, в последнюю свою воздушную атаку. Остальные или раненые, или смертельно уставшие просто валились на землю и, обратившись, продолжали лежать без чувств. Да, они сделали всё, что могли, честь им и слава.

Ещё до начала атаки драконов, я отправил обозников в тыл, где хорошо укрытые в овраге, они в больших котлах варили мясо и готовили вино с пряностями. Теперь же я отдал распоряжение интендантам хорошо накормить вернувшихся из боя драконов, что бы они скорее могли восстановить свои силы. С интендантами отправились и целители, владеющие

лечебной магией, дабы помочь раненым. Почему я это сделал? Всё очень просто – сам по себе полёт дракона не требует много силы, но вот постоянное использование магии для метания огня, буквально высасывает силы. Зная это, я позаботился заранее о том, что бы они могли быстрее восстановить свои силы.

Пока я был занят помощью драконам, войско Серой империи, которое понесло значительные потери, а самое главное практически потеряло своих магов, перестроилось, и с протяжным боевым кличем, который был схож с завыванием стаи голодных волков, обрушилось на нашу пехоту. Как я и предполагал, главный удар пришёлся на центр фаланги, который Марк по моей рекомендации усилил до восьми шеренг, сняв дополнительных людей с флангов.

Топот десятков тысяч копыт по сухой земле, протяжный вой серых всадников, поднятая ими пыль вперемешку с пеплом сгоревших в безжалостном магическом пламени драконов серых воинов и их коней, заставили меня и всех, кто был рядом со мной, испытать в душе трепет ожидания неизвестного. Этот трепет породил во мне загнанные до поры вглубь души сомнения, которые невольно возникают у каждого, когда видишь надвигающуюся на тебя грозную силу, которая многократно превышает твою собственную.

Это ещё не страх, однако, стоит только поддаться этим сомнениям и страх, который всегда присутствует в каждом живом человеке, схватит тебя за глотку, лишит сил и возмож-

ности сопротивляться, превратит тебя в перепуганное животное, стремящееся любой ценой спасти свою жизнь. Этот страх смерти свойственен каждому человеку, он дан ему в форме инстинкта самосохранения и сопровождает его всю жизнь. Если человек говорит, что он ничего не боится, он явно лукавит, бояться все. Смелость заключается не в том, что бы ни бояться, а в умении контролировать свой страх, подчинять его своей воле. В противном случае, страх подчинит тебя, и ты, подчиняясь этому страху, ради спасения своей бесценной жизни, ты готов на всё, но выбор этого всего крайне невелик, я бы даже сказал – скуден. Тебе предлагается либо бежать, хотя шансы на спасение крайне невелики, но всё-таки есть, либо сдаться на милость этому страху, попасть ему в плен. И в том и в другом случае ты спасёшь лишь своё тело, но потеряешь то, что делает тебя человеком – собственную душу, жизнь без которой теряет всякий смысл и превращается в истинный ад. В любом случае это путь предательства, который прямиком приводит человека в ад.

Вы спросите, кого это я предаю, если стремлюсь спасти свою шкуру? Разве человек не вправе спасти свою жизнь? Конечно, вправе, только существует одно маленькое, но очень важное но. Для спасения собственной жизни допустимо всё, кроме предательства. Человек должен всю жизнь учиться выживать в самых разных ситуациях; и жизнь постоянно этому всех нас учит. Причём выживать человек должен всегда за свой счёт, за счёт своих личных навыков и усилий,

при этом зачастую ещё и спасать жизнь других людей. Вот тогда вероятность его гибели будет минимальна, хотя полностью исключить её невозможно. Что интересно, человек способный спасти сам себя, способен спасти и других и у него есть все шансы, что когда-нибудь кто-то спасёт и его. Только так и не иначе.

Вот сейчас, стоя на возвышенности, я наблюдал, как развивается ситуация, в которой сама жизнь проверяет каждого из нас, насколько мы соответствуем званию человека в его высшем понимании. Я стоял в отдалении от шеренг фаланги и то испытывал солидный страх, видя, как на нас накатывается грозная лавина серых всадников, а каково было воинам, стоящим в первой шеренге, упревшим древки своих копий в землю и прикрывшимся щитами? А ведь всё зависело от каждого из них. Стоит хотя бы одному из них дрогнуть и фаланга будет смята, а всех нас втопчут в землю, так, что потом и узнать никого не будет возможности. В том и состоит мужество воина, что видя, как на него накатывает сама смерть, он продолжает оставаться на месте, выполняя тем самым свой долг воина и человека. В противном случае, стоит ему побежать, он становится предателем, который погубит всех и в первую очередь себя, ибо ещё до того, как погибнет его тело, с вечным клеймом предателя погибнет его душа. Остальные воины, погибшие по его вине, умрут так, как достойно умирать человеку; он же умрёт подобно твари дрожащей, как сказал один литератор из мира Странника.

В облаке пыли вперемешку с пеплом, в оглушающем топоте копыт, с пронзительным боевым кличем серые всадники сшиблись с нашей пехотой. Воздух наполнился лязгом металла о металл, диким ржанием умирающих коней, с ходу напоровшихся на копыта, крики умирающих от ударов копий нашей пехоты людей. Все эти звуки слились в дикую какофонию боя, и все мои сомнения тут же улетучились.

Так бывает всегда; сомнения, проявляющиеся в нас в результате страха, перед боем, мгновенно исчезают, стоит только начаться схватке. Страх уползает куда-то в дальние закоулки души и там до поры затаивается, а на смену ему приходит спокойная, какая-то, можно сказать, отстранённая расчётливость, словно всё происходящее происходит не с тобой, а ты лишь сторонний наблюдатель. Тело твоё, в это время наилучшим образом выполняет своё назначение, реализуя всё, чему ты успел научиться в изнурительных тренировках.

На наше счастье малодушных трусов среди первых шеренг нашей фаланги не оказалось. Все сумели преодолеть свой страх, а древки копий выдержали удар закованных в сталь лошадиных грудей. То, что атаковавшие нас серые всадники были в доспехах, включая их лошадей, оказалось для нас неприятной неожиданностью. До этого мы имели дело с всадниками лишёнными всяких доспехов. Видимо руководство Серой империи, столкнувшись с таким мощным государством, как империя Повелителей драконов сделали

свои выводы и против нашей, закованной в доспехи пехоты пустила тяжёлую конницу. Приняв на себя удар тяжёлой кавалерии, наши ряды дрогнули и слегка попятились, но устояли, нагромоздив перед собой груды лошадиных трупов, вперемышку с трупами их хозяев. Скорость, на какой мчались всадники, сыграла с ними дурную шутку, упёртые в землю древки копий приняли на себя массу разогнавшихся лошадей и пробивали защиту последних. Кони падали, а их седоки вылетали из сёдел, сбитые копьями второго и следующих шеренг фаланги и попадали под копыта коней своих товарищей. В результате, не прошло и пяти минут боя, а перед фалангой вырос вал мёртвых тел, который не позволял всадникам приблизиться к нашим воинам. Конная атака сама собой захлебнулась.

Командир тяжёлой конницы быстро понял всю бессмысленность атаки нашей пехоты верхами, поэтому он приказал им отойти и спешиться. Манёвр этот, надо отдать должное выучке противника, был произведён очень быстро и чётко, однако он дал воинам нашей первой шеренги время, что бы освободить свои копья, которые застряли в тушах убитых лошадей. Противник понёс значительные потери, мы же, насколько я мог судить со своего наблюдательного пункта, обошлись без потерь. Ну, что же, если так пойдёт и дальше, то у нас есть шанс выстоять, однако, если командир серых сменит тактику и ударит по ничем не прикрытому левому флангу, то дело может обернуться для нас самым скверным образом. За

правый фланг я несколько не беспокоился, потому что тот упирался в крутой склон холма, подняться на который верхом можно было лишь в районе командного пункта Кувая. Там находилась храмовая стража, приведённая Ляргусом, а уж эти-то сумеют отбиться. На левом же фланге стояла жалкая кучка наших пехотинцев, жалкая по численности, но отнюдь не по боевому опыту, построенных всего в две шеренги. Это были ветераны гвардии, которые, если уж упрутся, то сдвинуть их будет возможным только мёртвыми. Однако, учитывая огромное численное превосходство противника, в случае, если серые попытаются перенести главный удар по левому флангу, не поможет ни боевой опыт, ни упорство ветеранов. Вся надежда была на Яргуста, чей потрёпанный штурмовой отряд сейчас приходил в себя, оправляясь после тяжёлого воздушного боя. Я молил Творца, что бы силы драконов быстрее восстановились.

Адъютант доложил, что от Яргуста прибыл связной с просьбой Яргуста принять его. Да, Яргуст был в своём амплуа благородного дракона. Пусть рушится мир, он всё равно будет соблюдать этикет. Я велел адъютанту передать Яргусту, что я жду его на своём НП, что бы поручить ему оборону левого фланга нашей пехоты.

Яргуст появился возле меня спустя минут десять, как раз тогда, когда спешившиеся всадники вошли в соприкосновение с нашей пехотой. Наша фаланга, для получения некоторого преимущества, перешла вал трупов врага, заняв более

свободное от трупов место.

Серые почему-то совершенно не использовали копий и щитов, сражаясь лишь лёгкими, слегка изогнутыми саблями, которыми так удобно было пользоваться верхом, но которые совершенно не годились против нашей закованной в стальной панцирь и закрывшейся щитами пехоты. Наткнувшись на нашу, ошестинившуюся подобно гигантскому стальному ежу, фалангу, они со своими саблями ничего поделаться не смогли, лишь образовали новый вал трупов, теперь уже только человеческих. Спустя десять минут они отошли чуть назад, так, чтобы наши копья не могли их достать и так замерли, видимо не понимая, что следует предпринять. Время от времени небольшие отряды серых, видимо самых храбрых, а может быть самых глупых, бросались на ряды наших воинов, и, добавив к уже существующей горе трупов некоторое количество новых, опять откатывались на прежние позиции. Образовалось некое подобие равновесия, так что можно было немного отвлечься от сражения и поговорить с Яргустом.

Яргуст явился ко мне в доспехах, некогда блестящих, а теперь покрытых копотью и местами помятых. Шлем он держал на сгибе левой руки и его чёрные волосы, обычно аккуратно причёсанные, в этот раз были взлохмачены, лицо перемазано в саже, а на правой щеке была свежая ссадина. Да, нелегко дался ему этот бой.

Подойдя ко мне он, как принято у имперских гвардейцев,

отсалютовал мне и чётким голосом отрапортовал.

– Благородный, Азар, – доложил Яргуст. – Драконы свою задачу выполнили и теперь готовы участвовать в сражении в качестве пехотинцев. Жду твоих распоряжений.

– Благодарю тебя и твоих людей, храбрый Яргуст, – как положено, сказал я. – Приказываю тебе... Нет, прошу тебя и твоих драконов занять оборону на левом фланге пехоты, что бы противник ни смог выйти во фланг и тыл нашей фаланги. Щиты и копья вам уже отправлены. Я надеюсь на вас, так как я думаю, что следующий удар, скорее всего, будет именно там.

– Мы сделаем всё, что возможно и даже больше, но не позволим серым окружить нашу пехоту, – с металлической ноткой в голосе, ответил дракон.

Я слишком хорошо знал своего племянника, что бы ни сомневаться в его словах. Да, он и все его люди скорее погибнут, чем позволят врагу пройти. Я понимал, что положение наше таково, что этот наш разговор вполне может быть последним в жизни и мне не хотелось расставаться с Яргустом, не сказав на прощание несколько тёплых неофициальных слов вопреки всяческим уставам и этикетам, поэтому я попросил его немного задержаться.

Отбросив официоз, я попросил Яргуста сделать всё, что бы обезопасить пехоту. Так же горячо поблагодарил его и всех людей его отряда за их действия, особенно за то, что им удалось практически лишить серых их магии, а это, как ни

крути, давала нам шансы одолеть противника, не смотря на его подавляющее численное превосходство.

Яргуст ушёл выводить своих людей на позиции, а у нас тем временем сражение превратилось в вялотекущий процесс противостояния, когда ни серые, ни мы не могли предпринять активных действий. Понимая, что время работает на нас, ведь серые очень не любят яркого солнечного света, я мог предположить, что командиры серых будут вынуждены спешить, а посему такое противостояние долго не продлится. Так что с минуты на минуту следует ожидать удар по флангам, благо сил серым не занимать. Уверенный, что по центру фаланги противник ничего серьёзного предпринять не сможет, я посоветовал помаленьку перебросить пару шеренг на левый фланг, на случай, если серым удастся потеснить Яргуста. В этом случае мы накопим силы, которые смогут ударить во фланг прорвавшимся всадникам Серой империи.

Как я и предполагал, серые всадники перегруппировались и ударили по флангам фаланги, причём они сняли с центрального направления панцирных всадников в пешем порядке и перебросили их против отряда Яргуста. Однако бой начали не они, а крупный отряд серых всадников, лишённых доспехов. Видимо серые посчитали, что отряд драконов устал и не представляет для них серьёзного препятствия, рассчитывая одним ударом опрокинуть отряд Яргуста и выйти во фланг и тыл нашей пехоте, пока мы не успели укрепить

левый фланг.

Я с тревогой наблюдал, как масса дико визжащих серых всадников сшиблась с жалким подобием фаланги, которую сумел организовать Яргуст. Его шеренги вздрогнули и сперва подались назад, особенно в центре, куда был направлен главный удар конницы противника. Однако решительные действия Джона Мильтона и приданных отряду магов остановили отход на флангах отряда, позволив центру медленно отходить назад. При этом их фаланга выгнулась подобно натянутому луку. Однако запал серых был исчерпан и центр вскоре тоже остановился, оградив себя от наступающей кавалерии валом, образованным мёртвыми телами людей и лошадей.

Мне стал ясен замысел Яргуста и Джона, которые этим своим мнимым отступлением заставили набиться в образовавшейся мешок такое количество всадников, что они стали просто мешать друг другу. Пока наши ратники убивали передних, задние бестолково топтались на месте, ожидая своей очереди. Замысел был простой, но крайне рискованный. Стоило только центру не выдержать напора, мнимое отступление могло легко превратиться в подлинное, но командующие отрядом драконов Яргуст и Джон Милтон видимо абсолютно доверяли своим людям и это доверие они блестяще оправдали.

Командование серых всадников видимо поняло, что смять отряд Яргуста с наскока не удалось, поэтому они по-

спешили заменить легковооружённых всадников на закованную в доспехи пехоту. Замена войск в такой тесноте сопровождалась ещё большей неразберихой, в которой все друг другу мешали. Попытка всадников выйти из боя, что бы пропустить вперёд панцирную пехоту сразу не удалась. Просто, когда всадники попытались развернуть лошадей, что само по себе в такой толчее было дело отнюдь не простым, фаланга Яргуста сделала шаг вперёд и копыта наших драконов собрали обильную жатву. Ратники специально не трогали лошадей, а били исключительно по всадникам. Оставшиеся без седоков кони начали метаться, внося ещё больший разброд в ряды противника и затаптывая многих спешенных всадников, спешивших войти в соприкосновение с нашей фалангой. Всё это позволило Марку перебросить на левый фланг дополнительные силы, готовые в нужный момент нанести сокрушительный удар по противнику.

Наконец серые разобрались с передислокации своих войск и начали напирать на центр отряда Яргуста, однако в этот раз его люди ошетились стальными наконечниками копий, прикрывшись щитами, и не отступили ни на шаг. Напрасно серые воины наседали на драконов, они лишь теряли своих. Да, закалённый стальной наконечник длиной в локоть делал своё дело, легко пробивая доспехи и забирая жизни.

Я облегчённо вздохнул, положение на левом фланге стабилизировалось. В это время прибыл посыльный от Кувая. Он приказывал держаться, не проявляя активности, что бы

приковать к себе как можно больше серых всадников. Как только в дело вступит храмовая стража, сразу же перейти в наступление, с задачей взять противника в кольцо. Что же всё правильно, тем более уже почти рассвело и вот-вот должно взойти солнце. Я уже заметил, что по мере наступления рассвета, серые воины делались какими-то вялыми, словно из них уходила жизнь.

На правом фланге в это время происходили следующие события. Холм, в который упёрся мой правый фланг, имел достаточно крутой склон, въехать по которому верхом было просто невозможно. К тому же этот склон охранялся небольшой группой магов, которые в случае попытки подняться здесь на вершину, без особых усилий могли пресечь эти попытки. Чуть дальше от нас, где начинался другой холм с такими же крутыми склонам, имелась лощина, по которой пешком можно было подняться на седловину между двух холмов. Оттуда было рукой подать до командного пункта Кувая. Я увидел, что большой отряд всадников спешили и направились вверх по лощине с явным намерением захватить КП и обезглавить нашу небольшую армию. Я отправил к Куваю его же гонца, сообщив о нависшей над КП опасности.

Гонец убежал, а я стал наблюдать, что будет дальше. Ждать пришлось недолго. Всё новые колонны врага скрывались в лощине, Кувай же пока никак не реагировал, словно ничего и не происходило. Я уже начал волноваться. Что, они там все уснули, что ли? Но ни Кувай, ни Ляргус, как оказа-

лось, не спали – просто они решили собрать в этой злосчастной для врага лощине побольше врагов, что бы накрыть их одним мощным ударом магии.

Вдруг в лощине полыхнуло и загремело, да так, что даже земля вздрогнула под моими ногами. Я сразу же узнал почерк Ляргуса, который в этот раз применил одно из самых мощных и убийственных заклятий. Что случилось с серыми, не хотелось даже думать.

В это время высоко в небо взмыл золотой дракон, а минуту спустя вслед за ним, торопливо взмахивая крыльями, устремился небольшой дракончик радужной окраски. Показавшееся из-за горизонта солнце отразилось в их сверкающей чешуе, которая ослепительно вспыхнула, придавая обоим драконам облик каких-то призрачных сказочных существ, хотя они и были, по сути, сказочными существами.

Всё же Кувай не смог удержаться от соблазна непосредственно самому поучаствовать в сражении, а моя пылкая племянница решила ни в чём не уступать мужу. Кувай издал мощный боевой клич, сопроводив его одним из своих разрушительных заклятий, изобретать которые он был большим мастером, подкрепив его потоком пламени, которое прожгло в войске широкую просеку. Это был знак к всеобщему наступлению. Ещё не погасло драконье пламя, а на левом фланге началась атака молодых драконов, возглавляемых старшим братом Яргуста Риксом. Одновременно с этой атакой пришла в движение фаланга Яргуста и Джона. Ле-

вый её фланг устремился в брешь пробитую отрядом Рикса, охватывая слева серых всадников, которые под действием солнечных лучей вяло сопротивляясь, начали отход. Одновременно пришёл в движение правый фланг отряда Яргуста поддержанный левым крылом моей фаланги. Не прошло и получаса, и вся группировка серых на моём левом фланге оказалась окружена, и началось избиение слабо сопротивляющегося врага.

Последней перешли в наступление пехотинцы большой фаланги, которые, сначала медленно, затем, все, ускоряя шаг, стали теснить серых всадников. За всеми этими событиями, я не заметил, как в дело вступила храмовая стража. Они так стремительно оказались на поле битвы, как умели только они. Воспользовавшись просекой проложенной во вражеском войске Куваем, эти лучшие воины империи стремительно разделились на две шеренги, одна из которых, развернувшись, начала теснить серых всадников в направлении нашей наступающей фаланги, завершив тем самым окружение большей части войск противника. Вторая шеренга развернулась в сторону, откуда начали своё наступление демоны под предводительством Минга, окружив оставшуюся часть вражеского войска. Битва перешла в стадию массового избиения вяло отбивающегося противника.

Кувай, будучи по натуре человеком гуманным, видя это избиение, поспешил остановить его, для чего начать переговоры с командованием серых о капитуляции подчинённых

им войск. От него поступил приказ, прекратить избиение и отойти от соприкосновения с войсками серых на сто метров, ожидая результатов переговоров, которые он намерен провести. Я передал распоряжение Кувая Джону, непосредственно командовавшему фалангой, и последняя сначала остановилась, а затем начала пятиться назад до тех пор, пока расстояние между нашими войсками не составила примерно метров сто.

Когда войска остановились, со стороны КП я увидел двух закованных в доспехи воинов – одного высокого с копной рыжих волос, в котором я без труда узнал Кувая (свой шлем он нёс на сгибе левой руки), а второго невысокого, словно подросток с белым флагом парламентёра в правой руке. Определить, кто это я так и не смог – воин был в шлеме с опущенным забралом. Кувай с сопровождающим его парламентёром не спеша шли по направлению вражеского войска, окружённого нашей пехотой и храмовниками.

Пройдя примерно полпути пространства, разделяющего два войска, парламентёры остановились. Тот, что пониже, воткнул древко своего флага в землю, снял свой шлем, при этом его длинные волосы рассыпались по плечам, отцепил от пояса сигнальный рог, и трижды протрубил. Это был сигнал вызова на переговоры. В сигнальщике я наконец-то узнал Ниннэль. Да, эта неистовая драконица, всё же своего доби-лась.

Куваю пришлось ждать недолго. Прошли не более деся-

ти минут, как из рядов серого воинства раздался ответный сигнал рога и вышли двое переговорщиков в серых плащах. Один из них тоже нёс белый флаг. Не доходя метров десять до Кувая и Ниннэль, парламентёры серых остановились, а человек с флагом так же воткнул древко своего флага в землю, после чего оба откинули капюшоны своих плащей.

Какое-то время обе стороны стояли молча, рассматривая друг друга. Потом Кувай сделал шаг на встречу серым, Ниннэль же осталась на месте. Предводитель серых тоже шагнул на встречу Куваю, и они стали медленно сходитьсь, оставив своих сопровождающих на месте. Наконец они сошлись на расстояние вытянутой руки и отсалютовали друг другу. О чём шёл разговор, слышно не было, однако, проговорив минут десять, они вновь отсалютовали друг другу и разошлись, каждый в свою сторону. Белые флаги остались трепетать на утреннем ветерке. Это был хороший знак. Он говорил о том, что предводители обменялись своими мнениями о прошедшем сражении и теперь должны обдумать предложения обеих сторон. От их решения будут зависеть наши дальнейшие действия.

Только Кувай и Ниннэль отошли на несколько метров от своего флага, как тут же обратились в драконов и не спеша полетели в сторону КП. Спустя ещё десять минут с приглашением от Кувая всем старшим командирам прибыть на совещание на КП. Я вызвал Марка и мы с ним, оставив фалангу на младших командиров, поспешили на КП.

Ночь перевалила за свою середину, а сражение, которое мы вели с врагом, имеющим многократное численное преимущество, было в самом разгаре. Наша пехотная фаланга, на которую, оправившись от жестокого удара нанесённого драконами, обрушилась вся мощь серых всадников, выдержала натиск, нагромоздив кучу трупов перед своей первой шеренгой. Вышедшие из боя обессиленными драконы Яргуста и Джона, удивительно быстро восстановили свои силы, и хотя воздушный бой им пока был не по силам, сколотили некое подобие пехотной фаланги, правда, всего в две шеренги. Когда противник, убедившись в бесперспективности попыток рассеять нашу пехоту по центру, перенёс свой удар на левый фланг, намереваясь ударить во фланг и тыл пехоте Азара и Марка, их встретил, хотя и неплотный, но вполне боеспособный отряд драконов, чьи шеренги хотя и попятись, но всё же не позволили себя прорвать, тем самым спасая большую фалангу. Серые всадники буквально завязли в обороне драконов, а их численное превосходство было сведено к минимуму благодаря возникшей тесноте и давке, в которую втянуло их ложное отступление драконов.

В тылу основной массы вражеского войска сражался отряд демонов, усиленный людьми, владеющими боевой магией. Командовал демонами мой друг детства Минг. Демоны,

как принято, было у этих вольных обитателей пограничья, дрались без всякого строя, яростно нападавая на серых всадников, пугая их коней, причём до такой степени, что те полностью переставали слушаться своих седоков, сбрасывали их с себя, или, не подчиняясь командам, норовили покинуть поле боя. Всё это вносило полную неразбериху и очень затрудняло управление войсками.

Демоны нападали так яростно, что даже сначала смогли потеснить серых, заставив их отступить. Всё это вынудило командование серых перебрасывать против Минга всё новые и новые части серых всадников. Их героические действия очень помогли нашей пехоте и драконам, так как демоны оттянули на себя во много раз большие силы, чем можно было ожидать, зная малую численность демонов. Вот и сейчас они яростно сражались, оглашая долину своим диким хохотом, который было слышно даже на моём КП. Напомню, что смех демона означает гнев, а такой вот дикий хохот значит ни мало, ни много крайнюю степень ярости. Да, не зря демоны всегда считались очень серьёзными противниками; во всяком случае, я предпочитаю дружить с ними, чем враждовать.

Моему КП пока ничего серьёзно не угрожало, видимо генералы серого воинства ещё не разобрались, где находится командование нашей небольшой армии. Я вообще-то не очень переживал по этому поводу, зная наверняка, что они очень быстро с этим разберутся.

Я, как в воду смотрел, серые очень быстро вычислили мой КП. Вы спросите, как это им удалось? Нет ничего проще. Драконы, конечно, убили большинство магов серых, однако далеко не всех. Многие уцелели, правда, постарались никак себя не проявлять, но, тем не менее, вычислить командный пункт они, не выдавая себя, они вполне были способны. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что любой их военачальник наверняка владел началами магии, во всяком случае, произвести разведку он вполне мог. Короче, так или иначе, но они определили местонахождение моего КП, а определив, мешкать не стали, а сразу же послали значительные силы серых всадников захватить мой КП и уничтожить всех, кого там застанут. План был превосходен, если бы не два но. Первое, но, заключалось в том, что здесь находилась тщательно укрытая Искусством Ляргуса храмовая стража, о боевых возможностях которой серые, при ихто разведке, просто не могли не слышать. Второе но, было в том, что они не представляли моих возможностей.

Мой командный пункт находился не вершине довольно высокого холма, и с него хорошо просматривалась вся долина, в которой развернулось сражение. Холм имел довольно крутой склон, обращённый в сторону долины, подняться по которому ни то, что верхом, а и пешком, было непростой задачей. Однако между моим холмом и соседним имелась более пологая лощина, по которой пешком можно было относительно легко подняться на седловину между холмами, а

там рукой подать до моего КП. Вот в эту-то лощину и устремились спешившееся серые всадники в количестве никак не меньшем нескольких тысяч человек.

– Что думаешь предпринять? – спросил меня Ляргус. – Может мне ударить по ним своим заклятием?

– Не спеши, дед, – ответил я старому жрецу. – Дай им поглубже втянуться в лощину и подойти поближе. Будем ждать.

– Что ты задумал, Кувай? – с интересом посмотрев на меня, спросил Ляргус.

– Скоро увидишь, – не стал я раскрывать свои намерения. – Просто доверься мне и жди моего сигнала.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на седловину вышли первые шеренги наступающих серых воинов. Недолго осмотревшись, они направились в сторону командного пункта, торопясь поскорее расправиться с нами.

– Ну, что же, похоже, пора, – сказал я, обратившись в дракона. – Как только я взлечу, нанеси по воинам в лощине сокрушительный удар, а затем, когда я рассеку воинство серых, вводи в бой храмовую стражу.

Я взлетел, не дожидаясь ответа старого жреца. О чём говорить, когда мы уже давно с полуслова понимаем друг друга. Поднявшись повыше, я с боевым кличем обрушился на войско серых, огнём и магией рассекая его на две части. За моей спиной что-то ухнуло и меня довольно ощутимо толкнуло в спину. Было такое ощущение, что я получил пинка по тому месту, откуда у дракона растёт хвост. Это был побоч-

ный эффект от применённого Ляргусом боевого заклятия. Да, старый жрец с годами не растерял своих способностей.

Мой пролёт над вражеским войском образовал в его рядах довольно широкую просеку, заваленную отнюдь не поваленными деревьями, а мертвыми обугленными телами людей и лошадей. Что же, это необходимая дань войне, и я внёс в эту дань свою ощутимую лепту.

Развернувшись, я чуть было не натолкнулся на небольшого радужного дракона, который, как, оказалось, летел вплотную за мной. Я был изрядно удивлён и возмущён, таким явным неподчинением моим приказам и своеволию жены моей, однако долго сердиться на неё я был не в состоянии. Кроме того, она выглядела испуганной и полной раскаяния, в которое я не верил ни на грош. Рывкнув, что бы она следовала за мной, и, добавив, что нам ещё предстоит разговор, я полетел обратно на КП не оглядываясь, и так чувствуя, что Ниннэль, как привязанная следует за мной.

Ляргус чётко выполнил моё распоряжение. Ещё не погас огонь, вызванный моей атакой, а жрец ввёл в образовавшуюся в войске серых брешь храмовую стражу, которая своим стремительным маршем уже занимала позиции между двумя частями вражеского войска.

Приземлившись на командном пункте, я уже был абсолютно спокоен, как бывает, спокоен человек уверенный в том, что всё идёт правильно. Кроме того моя надежда на нашу победу сменилась твёрдой верой в победу над врагом.

Рядом со мной приземлилась Ниннэль, на лице которой явственно отразились чувство вины и испуг, который я сначала ошибочно посчитал за страх проявления моего недовольства её последним поступком. Однако, как оказалось, я серьёзно ошибался, причина была совершенно в другом.

Всегда весёлая и уверенная в себе, жена моя, сейчас выглядела подобно обиженной маленькой девочки, ожидающей строгого наказания, которое она, говоря честно, вполне заслужила. Мой опыт походов по мирам сначала с Азаром, затем с Учителем, приучил меня к строгой дисциплине, которая многократно спасала жизнь не только мне, но и моим товарищам. Самоуправство Ниннэль могло её дорого обойтись, а если бы с ней, не пропусти Творец, что-нибудь случилось....

Нет, даже думать об этом не желаю. Я повернулся к жене с самыми решительными намереньями преподать ей хороший урок, но стоило мне лишь взглянуть в её перепуганное лицо, как всякое желание проявлять в отношении её педагогические изыски, как-то само собой пропало. Мне стало жаль её. Видимо сурового воспитателя из меня не выйдет.

Я обнял жену и она, прижавшись ко мне, вдруг расплакалась. Тут я совсем растерялся, не зная, что делать. Почему-то женские слёзы всегда выбивают меня из привычной колеи, превращая в какого-то не ведающего, что делать придурка.

Вообще-то Ниннэль плакала крайне редко, и каждый раз я хотя бы мог понять причины её плача, но в этот раз это

произошло, на мой взгляд, без всяких видимых причин. Я её начал было успокаивать, но она, вопреки моим стараниям, заплакала ещё громче, потом вырвалась и убежала в блиндаж. Я хотел пойти за ней, но подошедший в это время Ляргус удержал меня, заявив, что Ниннэль лучше сейчас побыть одной. Пусть поплачет, успокоится, потом сама всё тебе расскажет, если захочет, конечно.

– Не понимаю, что с ней, – сказал я. – Она никогда раньше так себя не вела. Может ты, Ляргус, знаешь, что с ней?

– Конечно, знаю, – с улыбкой ответил старик. – Она у тебя просто сильно напугана. Видишь ли, мой мальчик, она вообразила себя великой воительницей, наподобие твоей матери, а когда столкнулась с реальностью войны, самовольно бросившись за тобой в бой, испытала страшное потрясение. Когда она, неожиданно для себя, оказалась между твоим и моим закланием, её так потрясло, что она лишь чудом удержалась в воздухе. В этот момент она была на волосок от гибели. Ты же, как чурбан неотёсанный, ничего не понял и кинулся к ней со своей жалостью, тем самым ещё больше унизил её и так уязвлённую гордость. Ну, ничего, это ей даже полезно – нечего безумно рисковать жизнью.

Выслушав старого жреца, и в который раз, поразившись его прозорливости, я, наконец, успокоился и стал заниматься текущими делами. События на поле боя в это время развивались стремительно. По мере наступления рассвета серые всадники становились всё менее активными; их действия

стали медлительными, они выглядели так, словно последние жизненные силы покидают их бранные тела. Наши же воины, наоборот, воспрянули духом и по всем направлениям перешли в наступление.

Храмовники, заняв проделанную мной во вражеском войске брешь, разделившись на две шеренги, теснили серых. Воодушевлённые моим ударом демоны сильнее надавили на врага, в результате чего эта часть противника была полностью окружена. Спустя недолгое время, та же участь постигла и оставшуюся часть войска Серой империи.

Это был полный разгром, грозивший перерасти в полное истребление противника, чего я никак не желал. Нужно было что-то делать, дабы избежать совершенно ненужных жертв. Я свято помнил, наказ самой Смерти, которая после моего ранения в Запределье посоветовала мне аккуратнее относиться к чужой жизни, и то, что она сама неплохо справляется со своими делами и помогать ей не надо. Нужно остановить бойню и постараться принудить серых к переговорам, тем более что опыт таких переговоров уже имелся. В своё время Странник и Джон Мильтон сделали вылазку против Серой империи и нанесли им такой урон, что командующие армией серых были вынуждены начать с ними переговоры.

Не откладывая дело в долгий ящик, я решил взяться за дело. Первым делом я разослал посыльных с приказом прекратить избиение и отойти на сто метров от соприкосновения с противником. После этого я вызвал к себе Ниннэль,

и когда она пришла, уже совершенно успокоившаяся, я, как ни в чём не бывало, велел ей приготовить белый флаг.

– Пойдём с тобой, как парламентарёры на встречу с серыми, предложить им капитуляцию, – ответил я на не высказанный вопрос жены. – Так что приведи себя в порядок и надень полный доспех.

Ниннэль, отсалютовав мне, как положено, убежала исполнять мои распоряжения, я же решил предварительно посоветоваться с Ляргусом.

– Ну, что тебе сказать, – задумчиво заговорил старый жрец. – В целом я одобряю твоё решение; мне самому претит избиение обессиленного противника, так что тут я на твоей стороне. Нужно только будет хорошенько подумать, что нам делать с серыми в случае их капитуляции. В любом случае своё оружие и коней они должны будут сдать нам, а потом, самое лучшее, это помочь им открыть проходы и отправить их восвояси. Кони же, я думаю, нам очень пригодятся; хватит перемещаться меж мирами пешком – задумчиво ответил Ляргус на мой вопрос, что делать? – Так что, сынок действуй, а я тут за всем пригляжу.

Появилась Ниннэль в полном доспехе с белым флагом, который она соорудила из копыя и обрывка простыни. Я велел ей прицепить к поясу сигнальный рог, одеть шлем и опустить забрало, мотивируя это тем, что до поры серые не должны увидеть в ней женщину. После этого, попрощавшись с Ляргусом, я, в сопровождении Ниннэль с белым флагом, обра-

тился в дракона и полетел в сторону противника, не сомневаясь, что жена следует за мной.

Приземлились мы в непосредственной близости от цепи храмовой стражи, которая, следуя моему же приказу, отошла от противника на сто метров. Вновь приняв человеческий облик, мы с Ниннэль не спеша зашагали в сторону застывшего в отдалении противника. Мы шли не спеша не только потому, что были парламентёрами и шли на переговоры, а переговоры, как вы сами понимаете, не терпят торопливости, а ещё и потому, что вся долина здесь была засыпана трупами людей и лошадей, и нам пришлось шагать прямо по ним. Я уже имел в своей жизни некоторый навык хождения по мёртвым телам, чего никак не скажешь о Ниннэль, она ни то, что бы ходить по трупам, а и трупы-то видела, пожалуй, впервые. Я из-за забрала на лице Ниннэль не видел выражения его лица, но прекрасно понимал, в каком она состоянии. Однако она видимо собрала в кулак всю свою волю, которой, кстати сказать, ей было не занимать, поэтому не подавала вида, насколько ей плохо. Так мы прошли примерно половину пути, отделяющего нас от войска противника. Я велел Ниннэль воткнуть флаг в землю и трижды протрубить в рог, призывая командуемого войском Серой империи на переговоры. По моей команде Ниннэль воткнула древко флага в землю, затем сняла сой шлем и трижды протрубила в рог. Всё было сделано правильно, и нам оставалось лишь ждать, какой ответ последует от серых.

К счастью, ждать нам пришлось недолго, не прошло и четверти часа, как из рядов серых всадников вышли двое в серых плащах, один из которых так же был с белым флагом. Не доходя до нас шагов десять, эти двое остановились, а человек с флагом воткнул древко своего флага в землю, так же, как незадолго до этого сделала Ниннэль. Это означало, что серые согласны на переговоры – ещё бы они не согласились.

После того, как согласие на переговоры было получено, я медленно пошёл на встречу серым, оставив Ниннэль возле флага. Одновременно навстречу мне вышел один из переговорщиков, сняв со своей головы капюшон. В идущем мне на встречу человеке я узнал приснопамятного Догара, и почему-то совсем не удивился. Ясно было, что нападение на империю Повелителей драконов было детищем этого самого Догара, поэтому Благие Боги серых и поставили его командовать армией вторжения, что бы в случае чего можно было с него спросить за неудачу, если такая случится. Если же дельце выгорит, то, естественно, лавры победителей достанутся этим самым Богам, а сам Догар удосужится какого-нибудь очередного ордена или звания; такова плата за инициативу при диктаторах.

Мы остановились, не дойдя друг до друга на расстояние вытянутой руки. Он приветствовал меня прижатым к груди, там, где сердце, кулаком. Я ответил ему тем же. Какое-то время мы молча глядели друг на друга, стараясь как можно больше узнать, друг о друге. Магию для этой цели мы при-

влекать не стали. Это было бы просто глупо – я видел перед собой очень сильного мага и моя попытка прочитать его магическими способами, наверняка натолкнулась бы на его защиту. Он, судя по всему, мыслил аналогично.

Вообще, если умеешь внимательно смотреть на человека, прочитать его не составляет труда без всяких там магических штучек. В данном же поединке внимательности у меня были некоторые преимущества. Дело в том, что я уже имел возможность понаблюдать за ним без его ведома, в то памятное мне время, когда мне удалось перехватить отряд серых всадников в родном мире Джона Мильтона. Поэтому я решил воспользоваться своим преимуществом и начать разговор первым, что бы сразу ошарашить собеседника, а если повезёт, несколько подавить его волю.

– Ты проиграл, Догар, – начал я свою речь. – Тебе здесь не пройти в империю Повелителей драконов. Вы или сдадитесь, или все будете уничтожены. Надеюсь, что ты это понимаешь. Мы вполне можем перебить вас всех, тем более что, на сколько я понимаю, сражаться при солнце вы вряд ли сможете. Нам совсем не хочется, что бы были совершенно не нужные жертвы, как с вашей, так и с нашей стороны. Мы воины, а не палачи.

– Что нас ждёт, если мы сдадимся? – осипшим голосом спросил явно удивлённый вождь серых всадников.

– Пока я могу обещать лишь одно – вам сохранят жизнь, а дальнейшую вашу судьбу определит наш совет, – ответил

я на вопрос Архонта. – Однако, в любом случае, вы должны будете сдать оружие, доспехи и ваших коней.

– Мне надо посоветоваться с отдающими приказы, а для этого потребуется не менее трёх часов, – после некоторого раздумья сказал Догар.

– Ну, что же, я понимаю, что ты единолично не можешь принять такое решение, поэтому я даю тебе три часа времени, – достаточно твёрдо заявил я. – Однако ровно через три часа я жду тебя здесь же с ответом. Твоя неявка на встречу будет означать ваш отказ. В этом случае мы вынуждены будем уничтожить всех вас, а возможностей для этого у нас вполне хватит, ты уж мне поверь.

Догар снова отсалютовал мне и, развернувшись, отправился к расположению своих войск, прихватив с собой своего сопровождающего. Я вернулся к Ниннэль и мы, обратившись, быстро полетели на наш командный пункт.

На пустом пространстве, разделяющем наши войска, остались трепетать на утреннем ветерке два белых флага, означающие, что безумие, произошедшее этой ночью в долине, чья вина заключалась лишь в том, что она оказалась на пересечении путей двух враждующих армий, близится к завершению. До какой же степени безумия нужно дойти человеку, что бы вот так, всего за одну ночь, превратить цветущую, полную жизни долину в выжженную огнём драконов, заваленную трупами людей и лошадей землю, на которой ещё очень долго не будет ничего живого. Вот он, наглядный ре-

зультат войны, её апофеоз, если хотите.

Приземлившись на командном пункте, я первым делом разослал гонцов к командирам частей, предлагая им прибыть ко мне на совещание. У нас было в запасе около трёх часов, что бы сообща решить, что нам делать со сдавшимися серыми всадниками, если, конечно, они сдадутся. Понятно, что решить это единолично я не мог.

Примерно через полчаса прибыли командиры отрядов нашего войска, которым номинально командовал Азар, а фактически я. Собрались мы в большом командном шатре Азара, который после того, как отпала нужда в маскировке, я распорядился вновь установить на прежнем месте. Мне так же пришлось напрямч ответственного за провиант, что бы повара, как можно быстрее приготовили хороший обед для войск, а так же обеспечили обед для командиров прямо в шатре. Все мы очень устали и сытная еда и хорошая выпивка нам бы не помешала.

Только я покончил с этими распоряжениями, начали прибывать командиры частей. Первыми прибыл Азар с Марком; оба изрядно усталые, в помятых доспехах, так что, глядя на них сразу же можно было понять, что победа далась им нелегко, хотя каких-либо серьёзных ран я у них не увидел. Они обнялись сначала со мной, а потом с Ляргусом, встречавшим вместе со мной наших героев.

Только мы успели обменяться с Азаром и Марком несколькими фразами, как с диким рёвом явился командир

отряда демонов, мой друг детства Минг в сопровождении своего двоюродного брата и заместителя носящего неимоверно длинное и совершенно непроизносимое для человеческого языка имя. Он был совсем молод, даже по нашим меркам, при этом был чрезвычайно широкоплеч и силен. Звали его Черрбраззилянйяй, но он вполне хорошо отзывался на имя Черр. У обоих были повязки на головах, а у Минга, плюс к этому был сломан рог, поэтому он стал очень похож на своего деда старого Грымза, о чём я ему не преминул сказать. В ответ на моё замечание он дико зарычал и заявил, что горд этим. Вторя ему, Черр издал такой рык, что я расхохотался, присоединившись к веселию демонов.

После демонов пришёл командир храмовой стражи со своим заместителем. На этих не было ни одной царапины, и выглядели они так, словно и не участвовали в сражении. Мне почему-то пришла в голову мысль – как хорошо, что эти идеальные воины сражаются на нашей стороне. Не хотел бы я видеть их своими противниками.

Последними пришли Яргуст и Джон. Этим досталось больше всего. Доспехи бравого дракона были изрядно помяты и покрыты копотью. Кроме того, на левой щеке его была свежая рана, которая, видимо, доставляла ему серьёзное беспокойство, поэтому при разговоре он морщился.

Доспехи Джона были не в лучшем виде, чем у Яргуста. Кроме того, он потерял свой шлем, поэтому хорошо была видна окровавленная повязка на голове, а под правым глазом

красовался солидный синяк, однако всё это не мешало этому доблестному воину широко улыбаться при виде собравшихся здесь друзей.

При виде их, я облегчённо вздохнул – все, кто мне был близок и кого я любил, оказались живы и относительно здоровы, ведь нельзя же считать за серьёзные раны синяки, ушибы и ссадины, когда завершилось такое яростное по своему напряжению сражение.

Первым делом я опросил всех собравшихся о потерях с нашей стороны и, к моему удивлению и несказанной радости, обнаружилось, что потери наши относительно невелики. Погибло семь драконов, семнадцать пехотинцев и три демона, хотя раненых было очень много; на счастье тяжелораненых было человек семьдесят. Ими уже занимаются наши целители, поэтому есть надежда, что число погибших не увеличится. Отдав все необходимые распоряжения по оказанию помощи раненым, мы перешли к обсуждению, что нам делать с пленными серыми всадниками, если они всё же решат капитулировать.

Да, эта, на первый взгляд несложная задача, оказалась ни такой уж простой, как могло показаться сначала. Действительно, что нам делать с толпой пленных, число которых в несколько раз превышает нашу численность? Ведь их надо кормить, лечить, охранять, при этом всегда быть на чеку, что бы не получить от них удар в спину, что при их численности и организованности было по настоящему опасно. Мало того,

при них многочисленное поголовье лошадей, которых надо тоже чем-то кормить и, в конце концов, куда-то девать, ведь не пускать же на колбасу.

Когда мы расселись за столом во вновь установленном штабном шатре, я попросил всех присутствующих на совещании высказаться по этим вопросам.

– Позвольте мне, как самому старшему по возрасту, начать нашу дискуссию и высказать моё личное мнение по этим вопросам, – первым взял слово Ляргус. – То, что мы в этот раз победили, надеюсь, ни у кого не вызывает сомнения. То, что серые рано или поздно сдадутся, тоже у меня не оставляет сомнений, весь вопрос лишь во времени. Во всяком случае, они постараются потянуть время до вечера, когда с заходом солнца силы у них возрастут, и они постараются вырваться из ловушки, в которую угодили. Поэтому, я думаю, переговоры о капитуляции следует вести очень жёстко, не позволяя противнику тянуть время. Необходимо предъявить им очень простые требования, что бы они ни смогли втянуть нас в совершенно ненужную нам дискуссию. Проще говоря, нужно предложить им сдаться без всяких оговорок, в противном случае необходимо заявить, что все они будут уничтожены. То, что мы это можем реально сделать, противник уже понял. По условиям сдачи, они должны будут сдать нам своё оружие и лошадей. Только при этих условиях мы можем гарантировать им жизнь.

Ляргус прервал свой монолог, для того, что бы промо-

читать горло. Сделав весьма ощутимый глоток из своей кружки, старый жрец продолжил, перейдя от констатации очевидных фактов к тому главному, что не давало покоя не только мне, но, смею думать, и всех здесь присутствующих.

– А вот здесь-то и начинается самое интересное, – продолжил Ляргус. – Допустим, что враг капитулировал, сдал оружие и лошадей. У нас вдруг оказывается толпа пленных, во много раз превышающая нашу численность. И, что с ними делать? Оставить их здесь, в непосредственной близости от империи Повелителей драконов слишком опасно. Ведь они вполне могут связаться со своим руководством, те пошлют обоз с оружием и лошадьми, что, как я думаю, для них не составит труда, и под боком у нас опять окажется целая армия, пусть даже лишённая своих магов, хотя, что им помещает направить в это войско магов. Не думаю, что у серых найдётся достаточного числа магов. Если мы так поступим, то, скорее всего, не успеем мы добраться до Сегурии, а эти серые ребята уже начнут штурмовать столицу империи, тем более, что все мы прекрасно понимаем цель их нападения. Так что, я ума не приложу, как нам поступить.

Он закончил свою речь и опустил на своё место. Ляргус, как всегда, точно охарактеризовал сложившуюся ситуацию, однако выхода из неё он либо не видел, либо по какой-то, только ему известной причине, не хотел говорить. Я видел, что все присутствующие здесь были с ним согласны.

Вторым взял слово Азар, который заявил, что видимо

нам, придётся какое-то время охранять наших пленных, пока не будет найдено выхода из сложившейся ситуации. Он сказал, что все мы плохо себя представляем, в какое трудное дело мы ввязываемся, что нам придётся их кормить, лечить, охранять, пасти их коней и много ещё чего нам придётся делать, например, строить бараки – не держать же пленных под открытым небом. Из его речи выходило, что мы застрянем здесь надолго, если не навсегда.

Речь Азара не добавила мне оптимизма. Не знаю кому как, а меня вовсе не радовала перспектива застрять здесь на долгие года; я чувствовал, даже знал, что как раз этого-то времени у нас и не будет. Мои мысли, следует сказать, достаточно не весёлые, серьёзно встряхнули меня и я заставил их потечь по другому руслу.

Сразу за Азаром взял слово Яргуст, говоривший с едва сдерживаемой яростью. Мне было понятно его чувство – в этом сражении он потерял много своих, а то о чём он говорил, заставило взглянуть на наше положение с другой, отличной от привычной, точки зрения. Это мне настолько помогло; я вдруг понял, что знаю, как всем нам наилучшим образом выйти из создавшегося положения. Однако это осознание пришло ко мне чуть позже, а сначала речь чёрного дракона меня потрясла.

– А почему, собственно, мы должны их щадить? – начал свою речь с простого, на первый взгляд, вопроса Яргуст. – Разве они бы нас пощадили? По мне так перебить из все до

одного и дело с концом. Вы же все видели, что они делают с захваченными ими мирами. Я считаю, что следуя высшей справедливости, их следует безжалостно уничтожать, а не вступать с ними в переговоры. Мои драконы практически восстановили свои силы и готовы выжечь всю эту серую плесень. Я против переговоров. Нам следует, не теряя времени, перебить их всех, пока они ослаблены.

Яргуста горячо поддержал Минг, который заявил, что его демоны буквально рвутся в бой и им очень не нравятся все эти переговоры. Ну, что-то подобного я от него и ожидал, ведь не зря же мы с ним вместе съели не один пуд соли и я знал его, пожалуй, даже лучше, чем самого себя. Поэтому его речь меня не удивила, а вот речь Марка, всегда спокойного, миролюбивого человека, которого я никак не мог заподозрить в кровожадности, буквально поразила меня.

– Друзья мои, – как всегда спокойно, без всяких внешних проявлений эмоций заговорил Марк. – Я сегодня, как и многие из здесь присутствующих, стоял в рядах нашей пехоты и видел с какой яростью, не щадя себя, сражались серые всадники. Я видел искажённые яростью лица, в которых не оставалось ничего человеческого. А эти абсолютно пустые глаза фанатиков, в которых не было даже ненависти к нам, а лишь досада на нас, как неожиданную помеху реализации какой-то их безумной идеи. Когда-то Странник рассказывал об истории его родного мира, где полчища вот таких же фанатиков, только периодически меняющих свою окраску, по-

стоянно развязывали кровопролитные войны, в которых гибли миллионы людей. Остановить этих фанатиков удавалось лишь ценой огромного кровопускания, ибо никакие увещевания и призывы к разуму на них не действовали. Сегодня, глядя на приближающуюся лавину врагов, я очень ясно понимал, что мы имеем дело с теми же самыми фанатиками, что когда-то действовали в мире Учителя. Раз так, то почему бы нам не применить уже проверенный способ исцеления от фанатизма. Поэтому я целиком согласен с Яргустом и Мингом, и считаю, что если сейчас мы проявим наш гуманизм, то потом очень дорого за это заплатим. Я и мои пехотинцы готовы взять на себя эту кровь.

Он закончил эту, пожалуй, самую длинную в своей жизни речь, уселся на своё место и залпом осушил свою кружку. Ляргус предложил, что бы ни терять времени, проголосовать. Я согласился и объявил голосование, которое, к сожалению, так и не принесло ответа на вопрос – как нам поступить, голоса распределились поровну, правда я ещё не подал свой голос, а так же командир храмовой стражи, который после того как голоса были подсчитаны обратился к Ляргусу.

– Ваше святейшество, – с поклоном, в котором читалось огромное уважение к старому жрецу, обратился командир лучших в мире воинов. – Дозволено мне будет принять участие в голосовании? Не нарушу ли я в этом случае данную мною присягу?

– Оставь эти формальности, друг мой, – торжественным

тоном ответил ему Ляргус. – Что бы ты ни сказал, я знаю, что это будут слова чести.

– В таком случае, я за гуманный вариант решения, сложившейся ситуации, Ваше святейшество, – с поклоном заявил глава храмовников, после чего с достоинством опустился на своё место.

Заявления командира храмовой стражи, застало меня врасплох. Ещё бы, все мы помнили, с какой жестокостью эти воины подавляли мятеж, возникший в столице в день, моего появления на свет, почему-то тогда они даже не думали о гуманности, а убивали направо и налево. Я, конечно, был ему благодарен, ведь его голос решил дело в пользу гуманного выхода из ситуации, но при этом я его не понимал, а я очень не люблю, когда начинаю не понимать собеседника. Однако, сейчас было не время и не место для того что бы задавать вопросы о его мотивах, тем более с моей стороны это было бы верхом неучтивости. Я решил поговорить с этим человеком позже, когда представится случай и если, конечно, он пожелает со мной говорить.

Голос храмовника привёл к тому, что я с чистой совестью смог объявить, что победила гуманная точка зрения, однако это нисколько не продвинуло нас к ответу на вопрос, что же делать дальше.

– Друзья, – обратился я к участникам совещания. – Я жду ваших предложений, что нам делать дальше и как поступить с пленными.

За столом воцарилась унылая тишина; явно никто толком не знал, что нам делать с такой толпой пленных. Ну, разоружить и забрать лошадей, это понятно, а что потом? Оставить их здесь, в надежде что они, лишённые своих магов, будут заперты в этом мире, как в тюрьме? Нет, это не выход. Я вообще не уверен, что все их маги погибли, тем более Догар, а уж он-то маг не из слабых. Раз так, то они свободно могут послать гонцов в Серую империю, а оттуда пришлют подкрепление, новых магов и оружие. Так что держать такую массу серых, пусть даже временно разоружённых, у самых границ империи Повелителей драконов, по крайней мере, неразумно. Увести их с собой? Но это значит, привести в империю огромное войско серых с их идеологией, когда и без них империя наполнена разного рода сторонниками серых, от попавших в их сети дурачков, до откровенных предателей, наподобие моих братьев, и просто шпионов Серой империи. О том, что бы тащить плененных в Сегурию, и речи не может быть. Во-первых мы очень тщательно следим, что бы зараза серой немощи не проникла в вотчину Азара, а во-вторых, количество пленных явно превышает численность населения Сегурии.

Вот тут-то я и решил огласить своё предложение, как выйти из сложившейся ситуации. Видя, как приуныли мои товарищи, я взял слово.

– Друзья мои, – заговорил я. – Мне кажется, я нашёл выход. Да, серые непременно сдадутся – у них просто нет дру-

того выхода. Мы их разоружим и заберём лошадей. Заставим похоронить павших, а затем под конвоем отведём их к границе Серой империи, и там, открыв проходы, отпустим их.

Какое-то время за столом царила тишина, потом на меня обрушился шквал вопросов, на которые я по мере возможности постарался ответить.

– Замысел хорош, но только для его реализации нужно знать пути серых, а мы их, к сожалению, не знаем, – первым вступил в обсуждение предложенного мной плана Ляргус. – Ты, что, рассчитываешь, что серые раскроют нам свои пути?

– И, да и нет, – сразу же ответил я. – Я, конечно, не знаю всех их путей, но смею надеяться, что, по крайней мере, один из их путей я знаю. Не зря же я увидел во главе их войска некого Догара, который в своё время открывал проход в мире Джона, что бы забрать остатки отряда, направленного им для захвата раненых Странника, Джона, Марка и Яргуста. Я же не зря проследил их маршрут и оставил в том месте маяк. Так что до этого места я их смогу довести, а там уж Догару придётся самому открывать проход в Серую империю.

– А не случится ли так, что, как только мы отпустим серых, они быстро восстановят свои силы и обрушатся на нас в то время, когда мы будем ещё не готовы? – спросил Азар.

– Ну, это вряд ли, – ответил я. – Они ошеломлены нашим нападением, испуганы и не знают, как им выбраться из ситуации, куда, благодаря нашим действиям, попали. Так или иначе, им потребуется какое-то время, что бы осмыслить проис-

шедшее и сделать выводы, для того, что бы в следующий раз не повторить тех же самых ошибок. Вспомните рейд Учителя и Джона, когда они нагнали на серых такого страха, что они долго не решались проводить какие-либо действия против империи Повелителей драконов, разве что занимались разведкой. Если бы не наши предатели в столице, я думаю, они бы и в этот раз не предприняли бы активных действий. А наши манипуляции с созданием вотчины для Обсерватории? А разгром мною их карательного отряда? Всё это говорит, что наш противник очень озабочен нашей вознёй вокруг Обсерватории, и лишь это заставляет их торопиться, хотя руководят ими отнюдь не глупые люди. После стольких провалов они постараются хорошо подготовиться, поэтому время у нас будет, по крайней мере, до того, как решится моя судьба, а с ней и судьба нашей империи.

Было задано ещё множество вопросов, которые грозили похоронить меня под собой, но в это время явился вестовой, который сообщил, что делегация генералов войска Серой империи просит принять их. Оказывается, пока мы здесь заседали, серые приняли своё решение, и теперь хотят сообщить нам об этом. Наше заседание на этом было окончено – нужно было принять капитуляцию противника, а то, что речь пойдёт именно об этом, я нисколько не сомневался.

– Друзья мои, – сказал я, вставая. – Прекратим до поры нашу дискуссию, а посему примем моё предложение за основу. У нас ещё будет время обсудить детали, а пока, насколь-

ко я понимаю, ни у кого нет принципиально новых предложений, прервём наше обсуждение и примем парламентёров. Прошу всех присутствующих оставаться на своих местах, у меня нет от вас секретов. Так же прошу воздержаться от резких заявлений в адрес противника. Особенно это касается тебя, дружище Минг.

Закончив свою речь, я попросил адъютанта, роль которого при мне, как-то сама собой, стала исполнять Ниннэль, пригласить в шатёр парламентёров. Когда они вошли, их оказалось пятеро. Я попросил сидящих напротив меня пересесть, что бы освободить места для парламентёров.

Они покорно прошли к своим местам, заняли их, после чего откинули капюшоны. Прямо против меня оказался Догар, его сопровождали четыре человека с лицами, чем-то напоминающие посмертные маски; настолько они были сухие, что создавалось ощущение, что это действительно маски, а не лица живых людей. Однако это было лишь первое впечатление. Стоило лишь взглянуть им в глаза, как ты помимо воли оказывался, втянут в бешеный круговорот страстей, бушевавших в этих, похожих на живых мертвецов, людях. Тебя охватывали желания, причём желания самой низкой пробы, а от картинок, которые рисовало твоё воображение, было стыдно даже поднимать глаза, словно ты совершил какое-то непотребное действие, за которое до конца дней твоих тебе станет стыдно. Ты стараешься отвести глаза свои, оторвать их от источника мерзости, коим являются глаза сопровожда-

ющих Догара людей, но они вновь и вновь притягивают твой взгляд, смотрят в твою душу, пытаясь отыскать в ней некое созвучие страстям, бушующим в душах людей, сопровождающих Догара. Ты с ужасом начинаешь понимать, что если они, эти глаза, найдут в душе твоей хотя бы намёк на некую общность с этими страстями, то ты раз и навсегда пропал; словно ты и не жил вовсе, словно ты не смог ничего понять за свой, пусть очень недолгий, срок жизни своей, словно ты годен лишь на то, что бы быть рабом этого пустого холодного взгляда.

Я встряхнул головой, отгоняя наваждение, наваянное этими глазами, и приступил к переговорам. Голова моя гудела, словно накануне я изрядно перебрал с красным вином. Да, не очень-то приятно иметь дело с этими серыми, будь они неладны.

– Приветствую тебя, Догар, – спокойно произнёс я. – Надеюсь, что вы приняли моё предложение, в противном случае нам не о чем говорить.

– Да, благородный Кувай, – голосом, который казалось, ничего не выражал, ответил Догар. – Мы приняли решение о капитуляции и просим вас проявить милосердие к нашим солдатам, которые лишь выполняли наши приказы. Что касается генералов и офицеров, то вы вправе поступить с ними, как сочтёте нужным.

Он замолчал и опустил свой взгляд на столешницу. Было видно, что его речь далась ему нелегко. Почему-то мне стало

жаль его. Он был единственный среди всей делегации, обладающим открытым человеческим взглядом, взглядом проигравшего и очень усталого человека. Я решил поддержать его и предложил ему представить членов его делегации.

– Простите мне мою бестактность, – извиняющимся голосом сказал Догар. – Позвольте представить вам членов нашей делегации. Все они генералы и пользуются полным доверием Благих Богов.

Он начал называть имена и должности своих спутников, которые при этом вставали и кланялись, причём, самое удивительное, лица их превращались в обычные лица очень усталых людей. Не понятно, куда подевались их маски мертвецов, глаза их превращались в обычные глаза много переживших немолодых людей, на которых лежит тяжкий груз ответственности за содеянное. В общем, перед нами оказались обычные люди, потерпевшие поражение. Среди них, помимо Догара, который был во главе войска, присутствовали: его первый заместитель, он же начальник штаба, два генерала командующие соответственно всадниками, лишёнными доспехов и всадниками в тяжёлых доспехах, которых они называли катафракиями. Пятым был генерал, начальник разведки армии. Когда Догар представил его, всегда невозмутимый командир храмовой стражи, саркастически хмыкнул и пробормотал себе под нос, но так, что бы его услышали: « На месте Догара, первое, что бы я сделал, это приказал бы повесить этого негодяя за качество его разведки, а вместе с

ним и всех его разведчиков».

Расслышав эту реплику, Догар позволил себе улыбнуться, правда, одними глазами, и ответить храмовнику.

– Доблестный воин, извини, не знаю твоего имени, – сказал Догар, обращаясь к храмовнику. – Я бы так и поступил, но на мою беду, не нашлось в долине ни одного подходящего для этого дерева, а строить виселицу было не с руки. Кроме того, сдаётся мне, что произошедшее – следствие не плохой работы нашей разведки, а скорее высокого уровня вашей. Я внутренне напрягся, услышав эти слова. Явно Догар намекал, что кто-то в из серых работает на нас. Нужно будет предупредить Кварга, что бы и без того осторожный, он был бы ещё осторожней, ведь, судя по Догару, верхушка Серой империи, отнюдь не состоит из тупых фанатиков. Наоборот, глядя на представших перед нами генералов, я видел, что они лишь носили, правда, очень убедительно, маски садистов и примитивных фанатиков, ловко скрывая за ними истинную свою сущность. Однако сейчас нужно было брать переговоры в свои руки.

– Надеюсь, что у господ Догара и начальника храмовой стражи ещё будет время продолжить свою интересную беседу, однако пора перейти к делу, – заговорил я, стараясь придать голосу официальность. – Давайте вернёмся к нашим переговорам. Итак, наши требования следующие: вы сдаёте нам оружие, доспехи и лошадей, а так же всю документацию, казну и снабжение армии. Кроме того вы осуществляете за-

хоронение ваших погибших солдат. С нашей стороны, мы гарантируем всем жизнь, а в дальнейшем возвращение на родину. Если вы принимаете наши условия, мы сейчас же подпишем необходимые бумаги и перейдём к реализации вашей капитуляции. Вам будет позволено воспользоваться услугами наших вестовых для передачи ваших приказов войскам и связи с нами. Прошу всех присутствующих подписать договор; сначала представителями Серой империи, а затем нашей стороной.

Необходимая бумага была заготовлена заранее; писарям осталось только внести имена подписывающих договор и поставить дату. Когда все подписались, сначала Догар и я, а потом все остальные, было подано вино и все мы выпили за успешное окончание переговоров. После этого серые отбыли к своим для организации сдачи в плен, наши командиры тоже отправились в войска для приёма пленных и трофеев, а у меня выдалась свободная минутка, которой я решил воспользоваться для разговора с командиром храмовой стражи.

Когда все стали покидать шатёр, я попросил командира храмовников задержаться для частного разговора. Имени его я так и не узнал, что поделаешь, законы храмовников, запрещают озвучивать свои имена для непосвящённых, так что имя моего собеседника, скорее всего, знал лишь он сам, да ещё, может быть, Ляргус, который являлся патроном корпуса храмовой стражи. Вообще, этот религиозный орден империи Повелителей драконов был второй, после ордена Об-

серватории, загадкой нашей империи. Основанный в глубокой древности, он являлся силой, уравнивающим силу светской власти, тем самым, придавая устойчивость государству. Вступить в храмовую стражу человеку со стороны было невозможно, из века в век, военная наука передавалась по наследству от отца сыну. За долгие века из ордена, который изначально создавался для охраны храмов империи, он превратился в некую третью силу, уравнивающую две основных – светскую и духовную власть. Я не знал, будет ли со мной говорить предводитель этого прославленного ордена, но я всё же решил испытать судьбу.

Когда шатёр опустел, я налил два кубка вина, протянул один храмовнику, а второй взял себе.

– Благодарю тебя за то, что ты со своими воинами пришёл к нам на помощь, – произнёс я, поднимая бокал. – Без твоих людей нам бы пришлось плохо. У меня есть к тебе несколько вопросов, и хотел бы услышать твои ответы, если, конечно, мои вопросы не покажутся тебе недопустимыми. Дело в том, что я, как, пожалуй, и все люди империи, не знают, что для вас допустимо, а что нет. Так что если мои вопросы покажутся тебе неуместными или, не дай Бог, оскорбительными, не посчитай это за оскорбление. А теперь давай выпьем и поговорим.

Мы сели за стол и выпили по кубку вина. Лицо моего потенциального собеседника оставалось таким же неподвижным, как обычно, лишь в глазах его я в какое-то мгновение

усмотрел искру интереса вперемешку со с трудом сдерживаемым смехом. Несколько минут он молчал, я же терпеливо ждал ответа на мои слова.

– Ты законный наследник трона империи Повелителей драконов, благородный Кувай, – наконец заговорил храмовник, причём голос его разительно отличался от привычного, полного металла голоса, которым он отдавал приказы или докладывал Ляргусу об исполнении очередного задания старого жреца. Теперь это был голос усталого, мудрого человека, который много пожил и много чего видел и готов рассказать об этом несмышлёному подростку, каким, в сущности, в его глазах я и являлся. – Поэтому ты вправе спрашивать меня обо всём, что не является тайной ордена. Если твои вопросы будут касаться наших тайн, я тебе об этом скажу, а что касается случайного оскорбления меня, то, уверяю тебя, это просто невозможно. Так что смело задавай свои вопросы, да плесни ка ещё вина, уж больно оно у господина Азара превосходно.

– Понимаешь, когда ты поддержал идею пленить серых, я очень удивился, – осторожно начал я. – Я-то как раз думал, что ты поддержишь полное уничтожение серых всадников. Ответь мне, почему ты поступил именно так? Ведь, насколько мне известно, из рассказов Азара, Яргуста и Марка, ты с твоими людьми крайне жестоко подавил мятеж в столице, перебив множество людей.

Храмовник на минуту задумался, при этом не спеша, мел-

кими глотками, явно наслаждаясь букетом, пил из своего кубка вино. Затем с интересом глянул на меня и начал говорить, и чем дальше он говорил, тем больше я поражаюсь тому, насколько мне ещё не хватает наблюдательности, того умения читать в душах людских, как в открытой книге, той уникальной наблюдательности, которой сполна обладали Ляргус и Учитель. Как говориться, ещё учиться и учиться.

– Да, Кувай, – каким-то грустным голосом заговорил храмовник. – Мы тогда крайне жестоко подавили мятеж, как впрочем, и все мятежи до этого. Я тебя прекрасно понимаю; наши действия для тебя, как и для любого человека, наблюдающего за нашими действиями со стороны, могли показаться излишне жестокими, а мы в ваших глазах выгядим этакими мрачными садистами, которым нравится убивать людей. Это мнение справедливо для людей способных видеть лишь внешние проявления тех или иных событий, совершенно не понимая при этом тех внутренних процессов, которые приводят к появлению подобных ситуаций, но для тебя, наследника престола, получившего блестящее образование, дракона и, наконец, неслабого волшебника, это неприлично. Обвинять нас в жестокости, это всё равно, что обвинять скальпель хирурга за то, что он режет плоть живого человека, причиняя ему боль.

Он прервал свой рассказ, что бы промочить горло, я же пристыженно опустил глаза, чувствуя, как краснею от стыда. Он вокруг прав; прежде, чем говорить о жестокости хра-

мовников, следовало хорошенько подумать. Что бы как-то загладить свою оплошность я вновь наполнил наши кубки.

– Пойми, Кувай, – продолжил говорить храмовник. – Ведь все мы, включая и твоих друзей, да и тебя самого, зачастую лишь скальпель в руках великого хирурга, имя которому судьба. Нет, мы вовсе не рабы судьбы, как может показаться. Рабство – удел слабых, а здесь слабых нет. Наша судьба – это наша ответственность за наш выбор. При поверхностном взгляде может показаться, что судьба предписана нам сверху, и нам остается лишь подчиниться ей, но нам ли смотреть поверхностно....

Он прервал свою речь, и надолго задумался. Я же воспользовался образовавшейся паузой, что бы осмыслить услышанное от этого удивительного человека, каким предстал передо мной этот старый командир храмовой стражи. А ведь, правда, если посмотреть в корень, взять хотя бы меня и мою судьбу, то тут же возникает множество вопросов. Кто я творец своей судьбы или раб; навязана ли она мне или я сам её выбрал? На первый взгляд мою судьбу выбрал для меня Ляргус, а я лишь с годами понял и принял её. Но это только на первый взгляд, а если капнуть глубже, то всё далеко не так однозначно.

Я прекрасно знаю, что в пределах Мироздания случайностей нет и быть не может. Случайность – это некое явление, причина которой нам не ясна, однако недостаток наших знаний не может быть поводом для отрицания причины, ибо ни

одна форма без причины просто не может быть проявлена. Отсюда не сложно сделать вывод, что и рождение человека, в данном случае меня, было закономерно predetermined. Кем же? Да многими людьми, причём не только людьми, но и различными вселенскими силами, однако главную скрипку в этом хоре всё же сыграл я в своих прошлых воплощениях. Для того же, что бы я ни считал свою судьбу навязанной мне, и нужно было что бы моя судьба переплелась с множеством людей зачастую даже понятия обо мне не имеющих. Именно для этого нужны были Ляргус и Азар, Яргуст и Марк, Джон и Странник, а так же ещё очень многие люди и даже демоны. Я даже подумал, что и серые всадники тоже помогли мне в этом, и эта мысль не показалась мне лишённой смысла.

– Моя судьба определила моё нынешнее место в этой жизни, только потому, что во множестве моих воплощений, я был воином, причём в каждом из них моё воинское мастерство только повышалось, – продолжил разговор храмовник. – А это значит, что это дело мне нравится. Человеку вообще свойственно стремиться к тому, что ему по душе, и если он исполняет это стремление, он выбирает судьбу, связанную с его наклонностями, ибо это и есть первопричина нашего выбора и дальнейшего построения личной судьбы. Однако не следует думать, что человек, однажды избравший судьбу, навсегда привязан к ней, словно раб. Отнюдь, нет. У человека могут поменяться наклонности, что рано или поздно заставит поменять собственную судьбу, хотя сделать это

чертовски трудно, но возможно. Я в своей длинной жизни встречал, по крайней мере, троих, кому удалось поменять собственную судьбу самым кардинальным образом.

Он опять прервал разговор, что бы промочить горло, а меня в это время посетило озарение, словно кто-то внутри меня зажёл светильник – я понял, почему храмовая стража состоит из воинов, лучше которых нет ни в одном из известных нам миров. В страже собрались не случайные люди, а прирождённые воины, которые учились своему мастерству ни одно воплощение, избрав когда-то для себя судьбу воина и до сих пор не разочаровавшиеся до сих пор в своём выборе. Да, таких людей победить невозможно ни оружием, ни волей, и я очень сильно подозреваю, что и магия здесь практически бессильна.

– Однако я что-то разговорился, – продолжил храмовник. – Видимо старею. Нам, как и любому настоящему воину, совсем не по нраву убийство людей, хотя нам частенько приходится этим заниматься, но поверь мне, для нас это грязная, но необходимая работа, которую мы умеем делать лучше многих. Мастерство моих воинов находится на таком уровне, что мы убиваем врагов одним стремительным ударом, причём они умирают практически сразу же, не испытывая ни страха, ни физических страданий.

В это время нас прервали. Пришла Ниннэль, исполняющая при мне роль адъютанта и сообщила, что серые начали сдавать оружие и коней и пока в точности исполняют усло-

вия, подписанного ими договора. Поблагодарив и отпустив жену, я повернулся к храмовнику, ожидая продолжения его рассказа.

– Теперь перейдём к ответам на твои вопросы, благородный Кувай, – вновь заговорил командир храмовой стражи. – Когда Верховный жрец империи вызвал нас для подавления мятежа, вспыхнувшего в столице, он поставил перед нами конкретную задачу – максимально быстро прекратить избиение драконов, которое было спровоцировано не очень разумным указом твоих венценосных родителей. Мы всегда рассматривали мятежников не как вооружённого врага, а как некую форму массового безумия, очень заразного, кстати сказать. У нас богатый опыт подавления этой заразы. Тут главное стремительность действий и не жалеть крови. Если сделать всё быстро, будет, конечно, много жертв, но в любом случае гораздо меньше, чем, если не действовать быстро и решительно. Стоит лишь передать инициативу мятежникам, безумие будет охватывать всё больше и больше людей, а подавление мятежа принесёт значительно больше жертв. Совсем другое дело наша схватка с воинами Серой империи. Мятежники покушаются на власть, которой мы вовсе не присягали, и в случае их победы сменится лишь власть, что, в общем-то, ничего принципиально не изменит. Поэтому в этом случае мы выступаем, как хирурги, вернее, как хирургический скальпель в руках духовной власти. В столкновении с воинами Серой империи, мы имеем дело с врагом

внешним, в случае победы которого, погибнет само государство, которому мы присягали, а это допустить нельзя. Чувствуешь отличие? Присяга государству, коей является империя Повелителей драконов, вовсе не означает, что мы присягали её светской власти. Поэтому победа мятежников нас не пугает, в этом случае меняются только светские устои, а духовная составляющая государства остаётся прежней. Верховный жрец империи определяет для нас методы подавления народных возмущений. Но серые всадники покушаются вовсе не на светскую власть, они даже могут оставить во главе империи нынешних Повелителей в качестве марионеток. Их замысел гораздо страшнее и не приемлем для нас. Они покушаются на то вечное, чем живёт империя – на её духовность и культуру, а это не допустимо. Вот поэтому мы и выступили на вашей стороне.

Он остановился и залпом выпил свой кубок, который я тут же поспешил снова наполнить.

– Я ответил на первую часть, пусть не высказанного тобой вопроса – почему мы вместе с вами выступили против серых всадников? – продолжил свою речь храмовник. – Теперь постараюсь ответить на вопрос, почему я поддержал пленение вражеской армии. Всё очень просто. Мятежников мы рассматриваем, как некоторую болезнь государства, которую можно вылечить лишь кровопусканий. Поэтому мы их не берём в плен, а избиваем до тех пор, пока они не перестанут безумствовать и разбегутся. При этом мы их не пресле-

дуем, давая им возможность спасти свои жизни. Здесь же мы имеем дело с воинами подобными нами и отношение к ним должно быть, как к воинам. Если мы явно одерживаем победу, им надо дать возможность сдаться на нашу милость, а нам следует, проявить великодушие – высшую доблесть любого воина, иначе мы теряем честь и превращаемся в палачей.

Он закончил говорить и стал не спеша пить вино из своего кубка.

– Я тебя понял благородный воин, – с чувством сказал я, и протянул ему руку для рукопожатия. Мы встали, и руки наши заключили крепкое рукопожатие. На душе было легко, как бывает всегда, когда удаётся получить ясный ответ на мучающий тебя вопрос.

Храмовник ушёл к своим, а я вышел из шатра и стал смотреть, что происходит в долине. Дело шло к обеду и жаркое солнце на чистом, ни одного облачка, небе стояло в зените. Было тихо, а может после грохота битвы мне это просто показалось. На душе было одновременно и радостно и тревожно. Радостно от того, что мы всё-таки победили. Это было первое сражение войска Сегурии с войском Серой империи, и оно вселило во всех нас уверенность, что им можно противостоять. Мало того их можно бить. А вот откуда взялась тревога, я сначала не понял, и лишь много позже до моего сознания дошло, что тревога эта связана с неумолимо приближающейся развязкой судьбы моей. В общем-то, я был к ней готов, но это только, в общем. На самом же деле не было

в душе моей того спокойствия уверенности, которое обычно присуще окончательно принятому решению.

Нет, головой я всё понимал и даже принимал; нет, я не собирался уклоняться от выполнения моего долга; однако душе моей было наплевать на все мои логические построения, что я сам сотворил и принял свою судьбу, судьбу разрушителя собственной Родины. Ей было жаль этого прекрасного города, в котором мне суждено было воплотиться, ей было жалко его жителей, многие из которых погибнут благодаря, тому, что я принял свою судьбу. Стоп, сказал я сам себе. Прекрати самокапание. Поздно сомневаться и пытаться что-то менять. Смирись с отведённой тебе Высшими Силами ролью, тем более, что ты сам её выбрал. Пусть всё идёт своим путём. У тебя и без этого полно текущих дел. Я подозвал Ниннэль, которая издали, наблюдала за мной, и мы вместе не спеша направились в лагерь нашей пехоты, где происходила сдача оружия и коней.

До лагеря Азара идти было минут тридцать, и это время я решил использовать для разговора с женой. Поговорить было о чём. Как-никак, это был первый выход Ниннэль за пределы Сегурии, да не простой выход, а самый настоящий военный поход. Мне было очень важно послушать её впечатления, пока события ещё свежи, а чувства ещё не улеглись.

Я хотел вывести её на разговор, но так, что бы ни обидеть. Вначале я хотел отругать её за её безумный поступок, когда она ринулась в атаку следом за мной, и чуть было не погибла,

попав под отдачу одновременно и моего и Ляргуса магических ударов. Сразу отругать её у меня не вышло – просто не было времени, а сейчас я поостыл, и желание ругать её пропало. Наоборот, мне хотелось, что бы она рассказала о пережитом – это помогло бы ей снять напряжение от полученного ей испуга, а мне лучше понять свою любимую. Я специально шёл медленно, пытаюсь протянуть время, и всё никак не мог начать разговор. Может Ниннэль почувствовала мою нерешительность, что, по сути, было очень похоже на трусость, подобно тому, как я вёл себя при нашем с ней знакомстве. Однако с тех пор много воды утекло, у нас уже двое детей, а я по-прежнему робею перед моей женой, особенно в такие вот минуты, когда требуется серьёзный разговор, способный задеть самолюбие жены моей. Не знаю почему, но она сама начала разговор, и повела его так, что наш разговор очень быстро превратился в монолог моей жены.

– Прости меня, любимый, – просто сказала Ниннэль.

– Интересно, за что же мне тебя прощать? – притворившись, что не понял, с иронией спросил я.

– Не притворяйся, Кувай, – голосом, от которого у меня тут же пропала всякая охота иронизировать, сказала жена. Когда она так говорила, было совершенно бесполезно свести разговор к шутке или каким-то образом пытаться уйти от разговора. Да, у жены моей был железный характер. – Ты же прекрасно понимаешь, о чём идёт речь.

Она остановился, остановился и я. Некоторое время мы

стояли молча, глядя в глаза друг другу.

– Знаешь, милый, – тихо заговорила Ниннэль. – В тот момент, когда дядя Яргуст с нашими драконами пошли в атаку, и я впервые услышала боевой клич драконов, во мне возникло сразу два противоположных чувства. Первым было чувство общности с грозно летящими навстречу врагу драконами, во мне воспылал боевой дух дракона, и только усилием воли я не полетела вслед за ними, и то, только потому, что я увидела, каким волевым усилием ты сам остался на месте. Я поняла, что если я не справлюсь с собой и полечу вслед за моими родичами, то предам тебя, и только это удержало меня на месте.

Вторым чувством, которое возникло во мне, был страх, причём страх такого рода, который ещё никогда в своей жизни мне испытывать не приходилось. Когда я увидела в том аду, в который превратилось пространство, где столкнулись драконы и серые всадники, как падают несколько драконов, поражённые магией серых, мне стало страшно. Стыдно признаться, что страшно было не за своих родственников, которые в любой момент могли погибнуть, хотя и этот страх тоже присутствовал, а страх, я бы даже сказала ужас, когда я представила себе, что могло бы случиться, если бы я последовала за моими родичами. Ведь меня могли убить, и я никогда бы больше не увидела этот прекрасный мир, не увидела бы тебя, любимый, не смогла бы обнять детей. Страх этот длился совсем недолго, а на смену ему пришёл стыд, причём такой

сильный, что мне казалось, ещё немного и я сгорю от стыда. Мне было стыдно, что я, находясь в безопасном месте, так боюсь за себя лично, вместо того, что бы переживать за моих близких и друзей, которые в это время, рискуя жизнью, отражают натиск серых всадников. Никогда не думала, что я окажусь такой трусихой. Одно дело строить из себя воительницу, находясь в безопасности в Сегурии, говорить по этому поводу высокие слова, а совсем другое оказаться вон там, прямо на смертном поле, где люди с остервенением рубят и колют друг друга. Этот стыд сначала придавил меня до такой степени, что я начала презирать себя; затем презрение сменилось яростным неприятием того, что я трусиха, и я стала сама себя убеждать, что я сегодня же совершу подвиг, что бы все увидели....

Она замолчала, видимо собираясь с силами. Она не плакала, хотя глаза её были полны слёз, которые она невероятным напряжением сдерживала, не давая им выхода. Видя, в каком она состоянии, я хотел её как-то успокоить, но она, почувствовав это, сделала отстраняющий жест, заставивший меня отказаться от своих намерений.

– Всё время, пока шло сражение, я сражалась сама с собой, – продолжила говорить Ниннэль. – Во мне наивная романтическая девчонка, какой я, в сущности, и была, противостояла зрелой женщине, которую привела сюда великая любовь; любовь к своему единственному избраннику, любовь к людям среди которых я родилась и выросла, любовь к нашим

детям, любовь к родной земле, над которой нависла смертельная угроза. Девочка, ведомая романтикой, этой младшей сестрой любви, не могла долго сопротивляться женщине, ведомой любовью. Поэтому она шаг за шагом сдавала свои позиции, отступая всё дальше и дальше вглубь души. Ещё немного и она окончательно бы сдалась на милость победительницы, но в это время ты устремился в свою атаку. Это был последний шанс для романтической девчонки, и я сломя голову, бросилась за тобой. Когда вы с Ляргусом нанесли свой удар, меня буквально смяло, и чуть не швырнуло, но землю. Каким-то чудом мне удалось выровнять полёт. Когда мы вернулись, то назад прилетела уже зрелая женщина, ведомая любовью, а сбалмошная, романтическая девчонка, какой я была до этого, навсегда спряталась в глубине души моей, оставив о себе, светлую память, память детства. Я поняла, что именно тогда я стала, наконец, взрослой.

Она замолчала и посмотрела на меня удивительно чистым, словно лучащимся взглядом. Я обнял её, а она меня и так мы простояли с ней минут десять, а может больше, кто знает – счастливые часов не наблюдают. Я понял её, мало того, я понял, что именно сейчас, в этот самый момент мы стали настоящими супругами.

Когда мы пришли в лагерь Азара, там вовсю шла приёмка пленных. Специально назначенные воины принимали у сдающихся воинов оружие, другие принимали лошадей, которых предварительно рассёдлывали, после чего отпускали

пасть в степь. Серые воины еле двигались, видимо, бодрствовать днём было выше их сил, и как только их конвоировали к местам, где было натянуто множество полотняных тентов, они тут же, едва добравших до затенённого мест валились на землю и мгновенно засыпали. Одним словом шла рутинная работа по приёму пленных и трофеев, грозившая затянуться надолго.

Азара, Марка и Яргуста я застал разговаривающими с Догаром и ещё двумя генералами, присутствовавшими на переговорах о капитуляции. Азар хотел доложить мне о том, как идут дела, но тут уже я воспротивился, заявив, что сражение окончено и все вручённые им полномочия по командованию войском возвращаются непосредственно к нему.

– Так что теперь не ты мне, а я тебе должен докладывать, – шутя, замахав руками, сказал я. – Я пришёл обсудить условия эвакуации пленных в Серую империю. Нужно спешить, иначе мы можем застрять здесь надолго.

– Согласен с тобой, мой мальчик, – с улыбкой сказал Азар. – Я принимаю от тебя командование войском Сегурии. Что же касается эвакуации, то тебе и карты в руки, только следует подробно обсудить эту непростую операцию. Надеюсь, ты посветишь нас в свои планы.

Он повернулся к Марку и Яргусту.

– Берите с собой Кувая, ну, и конечно, его очаровательного адъютанта, и отправляйтесь в мой шатёр, – распорядился Азар. – Я скоро присоединюсь к вам. Пришла пора детально

обсудить наши дальнейшие действия.

– Ниннэль, дочка, – с улыбкой обратился он к моей спутнице. – Похозяйничай там, что бы на столе было что выпить и закусить. Разговор, я думаю, выйдет долгим.

Я попросил пригласить в шатёр ещё и Догара, так как он должен иметь ясное представление о том, как они будут возвращаться домой, ведь именно ему предстоит руководить своими людьми. Азар прекрасно меня понял и сказал, что чуть позже он придёт в шатёр и приведёт с собой Догара.

В шатре Ниннэль развила буйную деятельность. Она загрузила работой по обустройству стола троих вестовых Азара, которые хорошо зная характер моей жены, и поэтому беспрекословно ей подчинились, хотя каждый знает, какими капризными бывают иногда чужие вестовые. Одного из них, по-видимому, самого расторопного, она отправила к интенданту за вином, второго за закуской, а вместе с третьим взялась за сервировку стола. Нас троих, что бы мы ни путались под ногами и не мешали ей, она выставила на улицу, заявив, что бы мы носа в шатёр не показывали, пока она нас не позовёт. Делать нечего, мы покинули шатёр, и, расстелив наши плащи, улеглись в тенёчке недалеко от входа в шатёр.

Солнце клонилось к вечеру, было не жарко, а все мы очень устали за последнее время, да и в животе изрядно сосало и урчало от голода. Что бы ни уснуть, мы время от времени перекидывались отдельными фразами, так как вести разговоры никому, по правде говоря, не хотелось. Все мы нахо-

дились в том своеобразном состоянии, какое обычно испытывает человек, исполнивший свой долг и, каким-то чудом выживший. Это чувство хорошо знакомо тем, кому приходилось исполнять свой долг с риском для жизни. Нам трое, не раз приходилось испытывать судьбу в многочисленных стычках с врагом и силами природы, но чувства, которые переполняли нас тогда после сражения, были всё же для нас в новинку, потому что по своей остроте восприятия многократно превосходил все прошлые ощущения.

Минут через двадцать к нам присоединились Рикс и Минг, которые, как и мы направлялись к шатру Азара, но увидев нас развалившихся в тени шатра, не стали заглядывать туда, а направились прямо к нам. Мы встали, что бы приветствовать друзей. Я крепко пожал руку брату Яргуста, с которым был знаком, хотя особо близки мы не были. Не успел я после рукопожатия оглянуться, как был сграбастан крепкими ручищами демона, и рёбра мои затрещали в его дружеских объятиях, при этом мой друг Минг грозно рычал и корчил передо мной самые страшные гримасы.

Рикс, который плохо был знаком с манерами демонов, увидев, как Минг набросился на меня, явно испугался за мою жизнь и схватился за эфес своего меча, намереваясь спасти меня. Его жест вызвал у всех нас взрыв смеха, да, что там смеха, это был самый откровенный хохот, чем-то отдалённо напоминающий ржание лошадей. Все буквально заходились от хохота, а Минг при этом рычал, как голодный

лев, перед выходом на охоту. Рикс сначала не понял причины нашего смеха и нахмурил брови, явно намереваясь, обидеться, но потом до него, видимо, дошла вся комичность происшедшего, и он присоединился к нам. Это была разрядка, снимающая с нас то великое напряжение, которое владело нами уже не первые сутки. Так весело смеющихся нас и застал Азар.

– А, что это вы на улице прохлаждаетесь, а не в шатре? – с улыбкой задал он вопрос. – А, понял. Вас туда Ниннэль не пускает. Правильно, нечего без меня бражничать.

– Твоя прозорливость, господин Азар, достойна великого уважения, – продолжая смеяться, ответил Рикс. – Ты угадал. В шатре сейчас хозяйничает моя племянница, которая развела там такую бурную деятельность, словно готовит там пир на весь мир. В связи с этим она не постеснялась выгнать собственного дядю, даже двух, учитывая, что Яргуст тоже приходится её дядей. Мало того, она указала на дверь даже своему горячо любимому мужу, которому давала клятву любить до гробовой доски.

Слова Рикса вызвали новый взрыв смеха, к которому присоединился и Азар. Не знаю, сколько бы мы ещё просмеялись, но тут Ниннэль позвала нас к столу. Мы направились в шатёр, и тут я увидел, что к нам направляется Догар, сопровождаемый одним из своих генералов. Нам их на подписании договора представлял сам Догар, но разрази меня Бог, я так и не запомнил их имён – для меня они все были на одно

лицо. Мы подождали, когда они подойдут и приветствовали их кивками головой. Они приветствовали нас на свой манер, прикладывая правую руку на область сердца, и сгибались в своеобразном полупоклоне.

В шатре нас ожидал роскошно накрытый стол, а Ниннэль приветствовала нас так, как подобает радушной хозяйке встречать дорогих гостей. Азар на правах хозяина стал рассаживать гостей. Сам Азар занял место во главе стола.

Я стою перед сияющим проходом, готовясь покинуть этот скорбный мир, где войско Сегурии впервые сошлось в битве с армией Серой империи и одержало убедительную победу. Позади осталось десять дней, за которые было сделано очень много разнообразной работы по реализации моего плана по эвакуации наших многочисленных пленных серых всадников. За эти дни было собрано всё оружие и амуниция серых всадников, для перевозки которых было задействовано множество подвод, так же конфискованных у серого воинства. Наши люди с несколькими опытными табунщиками серых, осваивали науку обращения с лошадьми, ведь в Сегурии лошадей просто не было. Тут очень помогло то, что многие драконы при получении образования в имперском военном училище, где готовили офицеров для армии и гвардии, умели обращаться с лошадьми, так как проходили специальный курс верховой езды. Нами было решено большую часть лошадей перегнать в Сегурию, где для них вполне хватало пастбищ.

Целую неделю наши пленные были заняты скорбным трудом по захоронению своих павших сослуживцев. Убитых серых всадников было так много, что потребовалось вырыть несколько могил, которые больше смахивали на котлованы. В эти могилы были собраны убитые всадники, причём могильщики по каким-то своим приметам определяли, какого покойника в какую могилу положить. Мы не вмешивались, позволив серым хоронить своих павших товарищей так, как это было принято в Серой империи.

На тоже не миновал сей скорбный труд, только мы не стали хоронить своих убитых в земле чужого мира, а решили доставить их в Сегурию, где с почестями предать земле. Для сохранности на наших мертвецов были наложены специальные заклятия, а для перевозки выделены подводы.

Часть подвод пришлось выделить и для перевозки тяжело раненых серых всадников. Мне, назначенному начальником конвоя, который должен будет сопровождать пленных до границ Серой империи, пришлось много общаться с Догаром, обговаривая порядок открытия проходов и следования колон пленных.

Наконец, всё необходимое было сделано и наступило время расставаться. Прямо напротив прохода, открытого мной, был открыт Азаром другой проход, который вёл в Сегурию. В него одна за другой уходили подводы с ранеными и трофеями. Большая часть воинов Сегурии уже ушла, и теперь здесь оставался только немногочисленный арьергард, кото-

рый должен замыкать движение войска Сегурии. С ним уходили Азар, Ляргус и моя Ниннэль, которую я наотрез отказался взять с собой в конвой.

Через проход открытый мной прямо к границе Серой империи унылой колонной двигались пленные всадники, на этот раз пешим порядком. Этот поход помог мне открыть сам Догар, которому явно не понравилось моё предложение уходить через проход, отмеченный моим заклятием-маячком. Он заявил, что этот путь очень долог, а у них много раненых, которые просто не дойдут, поэтому он предложил свои услуги в открытии прохода. Я после недолгих раздумий, принял его предложение, преследуя ни только гуманную цель, но и надеясь поближе познакомиться с методами, которыми серые открывают свои пути. К чести Догара, он не стал делать из своей работы тайны, и я впервые увидел как работает магия серых, которую я хорошенько запомнил, надеясь на то, что когда-нибудь это мне пригодится.

Конвоировать пленных со мной отправились: Яргуст, Марк, Джон, Рикс и десять самых сильных в Искусстве драконов. Мы здраво решили, что такого количества конвойных вполне хватит, что бы пресечь любую попытку серых взбунтоваться, тем более, что они были настолько сломлены духом, что ни о каком бунте и думать было нечего. Кроме того, все мы отметили исключительную порядочность генералов и офицеров нашего противника, которые, подписав договор о капитуляции, строго его соблюдали.

Всё, пора прощаться. Все мои конвойные уже ушли; остались лишь я и Яргуст. Я тепло попрощался с Ниннэль, пообещав ей скоро вернуться в Сегурию. После меня с ней стал прощаться Яргуст, я же крепко обнял Ляргуса и Азара, попросив не хоронить погибших до нашего возвращения. Закончив с прощаниями мы шагнули в проход, который тут же стал гаснуть.

Глава 5. Дракон грядущий

И как бы зло не лютовало на нами преданной земле,
Оно не властно что-то сделать и что-то изменить во мне.
Оно способно только как-то утяжелить земной мой путь,
Но не способно, уж поверьте, заставить нас с пути свер-
нуть.

Ты сам решил, куда идёшь ты, и что стремишься обрести,
Ведь крест свой, что несёшь ты, куда-то нужно донести.
Ведь нужно же во что-то верить, ведь не в пустые же слова,
Коль цель ясна, куда шагаешь, надуться нужные слова.

А счастье обретенья цели, доступно каждому, Бог даст,
Коль твоё сердце на пределе, то путь не выдаст, не пре-
даст.

Коль путь исходит из души, и этот путь нам дан судьбою,
То сколько в жизни не кружи, но цель твоя всегда с тобою.

И сколько злобе не кружить, не возводить из лжи препо-
ны,

Нам остаётся только жить, и жизни соблюдать законы.
Легка ли жизнь иль тяжела, идёшь ты весел или грустен,
Нам жизнь оценку даст сама, насколько был в пути иску-

сен.

Сумел ли правильно в душе ты цель свою переосмыслить?
Ну, а любовь в пути нашёл? И верно ли в дороге мыслишь?
Сумел в дороге избежать соблазна, пить до посиненья?
И искушения солгать, как говорится, во спасение?

Пусть путь извилист и тернист, но пусть не кончится во
веки,

Пусть зло лютует, ложь пусть врёт – не велики у них успе-
хи.

Надежда, Вера и Любовь – в пути надёжнейшие вехи,
И для тебя они, мой друг, друзья и прочные доспехи.

Погоня шла по пятам. Степь, плоская, как столешница,
вся серая, толи от пыли, толи от странной серой травы, что
сплошным покровом покрывала эти унылые места, не поз-
воляла укрыться от погони. Да, похоже, в этот раз мне без
шума не уйти, а шуметь, ой как не хочется. Это надо же, так
гладко провести разведку, что бы в конце, когда можно было
бы возвращаться домой, так влипнуть.

Когда-то я был неплохим наездником, но было это так
давно и, конечно, не в этом воплощении, что мне пришлось
вновь учиться этому несложному, правда, лишь на первый
взгляд, делу. И вот я во всю прыть моей лошадки скачу
по серой равнине к синеющим на самом горизонте горам,

где можно открыть проход, что бы поскорее покинуть столь негостеприимную Серую империю, будь она неладна.

Слава Богу, лошадь мне досталась прекрасная. Это была кобыла, серая в яблоках, которая сразу же мне приглянулась. Я чувствовал, что шпионы серых идут по моему следу, и вот-вот настигнут меня, поэтому я, что бы сбить их со следа и максимально оторваться от них, решил разжиться лошадью, благо здесь их было великое множество.

Вы спросите меня, где я взял лошадь? Отвечу честно – я её украл. Вот уж, никогда не думал, что на старости лет сделаюсь конокрадом. Я оказался в небольшом приграничном городишке, полным серыми всадниками, пылью и скукой. Центром, где было сосредоточение жизни городка, был постоянный двор, в котором, как это заведено практически во всех мирах находился трактир, гостиница, а так же довольно обширная конюшня. В этих местах люди практически не ходили пешком, а предпочитали перемещаться верхом, поэтому любой пешеход поневоле выглядел подозрительным.

Городишко был окружён довольно густым мелколесьем, которое милях в двух от городка резко, словно кто-то обрубил, переходило в унылую плоскую степь, покрытую чахлой серой травой. Степь эта тянулась до самых подножий синющих на горизонте гор, по которым проходила граница Серой империи.

Я пришёл в этот городок ночью, в то время я старался передвигаться в империи по ночам, дабы не мозолить лишний

раз глаза пограничным патрулям. Удивительное дело, в наших мирах серые всадники предпочитают передвигаться по ночам, в сумерках, на худой конец в пасмурную погоду, здесь же они были активны лишь днём, благо солнце здесь никогда не было, а дни напоминали наши ранние сумерки. Мало того, у них считалось, что в ночной темноте могут ходить лишь преступники, с которыми местные власти не церемонились. Расправа всегда была короткой. Просто пойманному человеку, который имел неосторожность пуститься в путь, на ночь глядя, быстро, без всяких разбирательств и, тем более суда, просто отрубали голову, если местность была безлесной или вешали, если несчастный попался в лесу.

Пока я шёл по лесистой местности, где можно было легко спрятаться в случае чего, мыслей обзавестись лошадью, как-то не возникало, но впереди меня ждала степь, которую, если я хотел вернуться домой, нужно было пересечь быстро, желательно за одну ночь, я понял, что без лошади мне не обойтись. И вот я под покровом ночной темноты пробираюсь в конюшню, где мерно жуют свой овёс два десятка разномастных лошадей. Конюшня была полна запахов сена, конского пота и навоза, всем тем, чем обычно пахнут конюшни в любом из миров, где водятся лошади. Этот запах волнует кровь, пробуждает уснувшую в душах людских романтику и её верную спутницу – страсть к дальним путешествиям и приключениям.

Осторожно отворив дверь, я оказываюсь в длинном кори-

доре, где слева от меня расположена коновязь, а на правой от меня стене развешаны уздечки и сёдла. Впереди в конце коридора имелась полуоткрытая дверь, откуда в тёмное помещение конюшни пробивался тусклый свет. Скорее всего, там находились дежурные конюхи. Я прекрасно видел в темноте, поэтому сразу же обратил внимание на мою Ласточку, так я назвал приглянувшуюся мне лошадку. Это имя почему-то само возникло в моём сознании, а раз так, быть ей с этого момента Ласточкой.

Прежде, чем оседлать Ласточку, я решил усыпить сторожей, дабы они не подняли шум раньше времени – я хотел получить максимально возможную фору перед погоней, которая непременно начнётся, стоит лишь серым узнать, что кто-то похитил кобылу. Я осторожно прошёл по коридору и посмотрел в щель, что бы определить, сколько там сторожей и чем они заняты. За столом сидели трое здоровенных мужиков и предавались пьянству. Это мне будет на руку – все подумают, что сторожа перепились и уснули, а пока их разбудят, когда выяснится, что кто-то украл лошадь, пока то да сё, я уже буду далеко. Я навёл на сторожей заклятие сна, и они тут же уронили головы на столешницу и дружно захрапели. Всё, теперь их до самого утра не разбудишь.

Я был страшно голоден – последний раз перекусить мне удалось дня три назад, хорошо ещё, что воды было вволю. Войдя в комнату сторожей, я собрал всё съестное, которое мне удалось обнаружить. На моё счастье, конюхи были из той

породы пьяниц, которые, выпивая очень мало едят. Кроме еды я обнаружил приличную баклажку пива, которое на вкус оказалось очень даже ничего....

Не спеша, поев и выпив солидную порцию пива, я почувствовал, что насытился. Теперь можно было уходить – нечего рассиживаться.

Подойдя к Ласточке, я погладил её и прошептал на ухо её новое имя. Судя по всему, она меня прекрасно поняла, обнюхала меня, знакомясь, и, видимо удовлетворённая знакомством положила свою голову на моё плечо. Всё, наше знакомство к обоюдному удовольствию состоялось, пора собираться в путь.

Я уже говорил, что в этой жизни иметь дело с лошадьми мне не приходилось, однако взявшись седлать свою лошадку, я довольно быстро справился с этой нелёгкой задачей. Да, Древняя память хороший подсказчик, как говорится, навыков не пропьёшь.

Худо ли, бедно ли, но Ласточку я оседлал. Прежде, чем вывести её из конюшни, я порезал все имеющиеся в конюшне уздечки и подпруги, что, как я рассчитывал, даст мне дополнительный выигрыш времени перед преследователями.

Очень осторожно мы с Ласточкой выбрались из города, на моё счастье никем не замеченными. Ведя лошадь в поводу, я прошёл по мелколесью, и лишь выйдя в степь, уселся в седло. Кобыла моя оказалась очень спокойного нрава; пока я взбирался в седло (хорошо ещё, что никто этого не видел,

иначе бы позора не избежать).

Ласточка оказалась не только спокойной, но и очень разумной. Создавалось впечатление, что она прекрасно поняла, что мне следует торопиться, поэтому она, убедившись, что я освоился в седле, побежала ровной резвой рысью, причём я чувствовал, что она от такого аллюра получает удовольствие и может бежать так сколько угодно долго. Короче, не прошло и часа, а мы с Ласточкой настолько сблизились, что стало казаться, что я и лошадь одно целое.

Так мы и скакали весь остаток ночи, стараясь, что бы к рассвету между нами и покинутым нами городком было максимально большое расстояние. Рассвет застал нас примерно на полпути к заметно приблизившимся горам. Заблудиться я не боялся – впереди очень ясно виднелась невысокая седловина между двух довольно высоких гор, Именно по этой седловине проходила граница Серой империи, и именно там можно было открыть проход, что бы покинуть эту негостеприимную страну.

Я спешил, но не только по причине того, что за мной стала охотиться контрразведка Серой империи, хотя и этот факт имел место, но отнюдь не главное. Не подумайте, что в случае попытки захватить меня или, в крайнем случае, убить, я бы вел себя аки жертвенный агнец на заклании. Уверяю вас, уж я бы сумел постоять за себя, но вот именно этого-то мне и не хотелось. Вообще-то целью моего проникновения в Серую империю, была разведка, основной задачей которой яв-

лялось желание побольше узнать о Серой империи, как государстве, его устройстве, порядках и целях. Всё это позволило бы мне детализировать мой замысел борьбы с Серой империей. Хороший разведчик тот, кто выполняет свою задачу абсолютно скрытно, а уж коли дело дойдёт до открытой схватки, то это означает лишь провал разведки и грош цена такому разведчику. Именно поэтому, всё время моего пребывания в Серой империи я старался упрятать свою Древнюю силу, а самые отдалённые закоулки своей души.

Вы спросите, зачем я это делал? Да, всё очень просто. У серых было очень много магов, разного уровня возможностей, которые, вздумай я проявить Древнюю силу, тут же учуяли это, что было равносильно провалу моего замысла. Вообще складывалось ощущение, что почти всё население империи серых является в той или иной мере магами. Вот почему, находясь здесь, я старался применять магию в очень ограниченном объёме, да и то лишь самую примитивную, не большую, чем у большинства местных жителей, а о Древней силе я постарался вообще забыть.

Благодаря тому, что я был очень осторожен, мне удалось продержаться в Серой империи почти полгода. Я узнал об этой удивительной стране очень много, мой замысел пополнился такими деталями, которые раньше я не мог себе и представить, и без которых реализация его была просто невозможна. Можно было считать, что разведка моя удалась, и так же незаметно, как проник сюда, так же незаметно и по-

кинуть Серую империю, к тому же я почувствовал, а своим предчувствиям я привык доверять, что Служба имперской безопасности заинтересовалась моей персоной. Я бы, наверное, не стал бы так торопиться, но тут случилось событие, заставившее меня поторопиться с отъездом. Однако об этом следует рассказать подробнее.

Тогда я находился в столице империи, огромном и по-своему красивом городе. Людей там было тьма тьмущая, они буквально кишели на улицах и во множестве питейных заведений самого разного пошиба. Если вы хотите узнать больше о нравах и порядках какой-либо страны, а так же последние новости, то нет ничего лучше, чем вот такой человеческий муравейник, каким являлась столица Серой империи. Кроме того, в таких местах, находясь среди людской толпы, легко оставаться никем не замеченным, а если возникнет необходимость, легко раствориться в этой толпе. Что может быть лучше для нелегально проникшего в страну разведчика, а проще говоря, шпиона? Вот я и проводил целые дни, занимаясь тем, что переходил из одного питейного заведения в другое, где не столько пил, сколько слушал разговоры посетителей; ведь нет же лучшего источника информации для шпиона, чем разговоры подвыпивших людей, которым хмель развязывает языки быстрее, чем самый опытный заплечных дел мастер.

Так вот, сижу я в одном кабачке, пью потихоньку пиво и слушаю, о чём люди разговаривают. Разговоры по большей

части ни о чём, как вдруг кто-то сидящий у меня за спиной повёл разговор, который заставил меня забыть о своём пиве. Разговаривали два серых всадника, и разговор их, меня крайне заинтриговал.

– Так вот, дружище Страг, – сказал один из них громким шёпотом. – Ни сегодня-завтра объявят мобилизацию, будь они неладны.

– Откуда ты это знаешь, Тур? – ворчливым голосом пессимиста спросил своего собеседника тот, которого звали Страгом. – Ты, что вхож в штаб? Все вокруг болтают неведь что, а ты принимаешь их враньё за чистую монету. Мы же с тобой не первый год знакомы, а ты меня до сих пор поражаешь своим легковерием. Давай лучше выпьем за то, что нам повязало выбраться из той мясорубки, в которую мы тогда попали. На наше счастье враги наши оказались милосердны, а может, глупы, потому что не вырезали всех нас до последнего человека, а отпустили домой. Я-то уже не надеялся остаться в живых.

– Да, вот и не верь после этого в чудеса, – вновь заговорил Тур, после того, как приятели выпили. – Там мы остались живы, и я не в обиде на воинов империи Повелителей драконов. Они повели себя благородно, не то, что наши проверяющие, когда мы с позором вернулись домой. Они же эти полгода буквально жили из нас тянули, всё выпытывали, почему это мы остались живы. Я ведь только сегодня вернулся из лагеря, а ты, я слышал, на воле уже целую неделю. Чего

же не встретил меня, чай мы с тобой старые друзья?

– Как же я мог тебя встретить, коли сам только вчера смог подняться с постели, так меня отделали на прощание в лагере, – всё тем же сварливым тоном ответил Страг. Жена рассказала, когда я пришёл в себя, что меня привезли на телеге и бросили на пороге, как падаль. Она сначала думала, что я помер, но потом, увидев, что я ещё жив, затащила меня в нашу клетушку и там, как могла, выхаживала меня.

Они замолчали, видимо вспоминая недавно пережитое, я же весь превратился вслух, ожидая продолжения разговора, особенно меня заинтересовала реплика Тура о какой-то мобилизации. Нутром я чувствовал, что это очень важно. Значит, они готовятся к большой войне, раз пошли слухи о мобилизации, а из лагерей стали отпускать штрафников, которых стало особенно много после разгрома армии вторжения в империю Повелителей драконов. Да, Азар задал серым всадникам хорошую взбучку.

– Да, Страг, сейчас выпустили из лагерей очень много народа, который нужно будет чем-нибудь занять, – продолжил разговор Тур. – Кстати, насчёт того, что скоро мы все опять потребуемся империи, мне сообщил начальник лагеря, когда отпускал меня на волю. Посуди сам, тот разгром, что мы с тобой пережили, является, пожалуй, первым во всей истории нашей благословенной империи. Неужели ты думаешь, что Благие Боги не попытаются отомстить?

– Похоже, ты прав, Тур, – после недолгого молчания со-

гласился Страг. – Как по мне, так я бы оставил этих драконов в покое. Видно, что не дадут нам отдохнуть, друг Тур. По всему выходит скоро опять собираться в поход, будь он неладен.

– Не ворчи, Страг, – ответил Тур. – Мы же с тобой кроме как воевать ничего не умеем, а тут опять намечается работа. Не идти же нам в пахари, в конце концов.

– Это точно, – со смехом согласился с Туром Страг. – Ну, какие из нас пахари? Давай сегодня хорошенько напьемся, пока за нас опять не взялись отцы-командиры.

Дальше стало не интересно, дальше пошёл обычный разговор двух хорошо выпивших людей, и я, допив своё пиво, покинул кабачок. Посетив ещё несколько питейных заведений и убедившись, что мобилизация действительно начнётся со дня на день, я в ту же ночь покинул столицу, намереваясь, как можно быстрее покинуть и саму Серую империю.

Я очень серьёзно воспринял новость о готовящейся большой войне, и, прекрасно понимая с кем, эта война будет вестись, поспешил вернуться в Сегурию, что бы предупредить друзей моих о нависшей опасности. Это была главная причина моей спешки.

Видимо Ласточке передалась моя спешка, и она, проникнувшись этой спешкой, резво бежала по степи покрытой серой травой, да так, что понукать её не было никакой нужды. Что бы обнаружить погоню, я перед тем, как сесть в седло, установил несколько сигнальных заклятий, которые в слу-

чае пересечения их нитей кем-нибудь из людей, совершенно незаметно для других дадут мне знать об этом. Пока всё было спокойно, и я решил, достигнув предгорий, где должна расти трава пригодная в корм моей лошади, дать ей отдых и возможность пощипать травку. Она этого честно заслужила.

Уже полностью рассвело, когда я, наконец, пересёк плоскую степь и въехал в холмы предгорий, покрытые низкорослым кустарником и сплошь поросшие густой изумрудной травой. Путь мой лежал к хорошо видимой отсюда седловине. Когда степь за моей спиной скрылась за холмами предгорий, я сделал привал на чудесной полянке, по которой протекал быстрый ручей, берущий свои истоки высоко в горах. Отпустив лошадь пастись, предварительно достав из седельной сумки провиант и баклажку с пивом, я расстелил серый плащ, прихваченный мной в конюшне, уселся на него и начал трапезничать.

Погода была прекрасная, хотя мне и не хватало солнца, которого в Серой империи никогда не бывает; на душе спокойно; у меня была еда и питьё; я практически достиг места, откуда могу открыть проход туда, где ярко светит солнце, где люди обычно не прячут своих лиц под надвинутыми на лицо капюшонами своих серых плащей, туда, где с нетерпением ждут меня друзья мои. Я полулежал на плаще, уминая за обе щёки грубую, но питательную пищу серых всадников, запивая её хорошим пивом, как вдруг подало голос одно из моих сигнальных заклятий. Это означало лишь одно, наконец-то

серые разобрались, что к чему и бросились в погоню по свежему следу. Ну, что же, флаг им в руку.

Я настроил своё дальновиденье, что никак не могло помочь противнику обнаружить меня, и увидел, что по степи во всю прыть своих лошадей, мчалось, по меньшей мере, десяток серых всадников. Я оценил их скорость и убедился, что они, достигнут предгорий не раньше, чем часа через три. Мне, что бы добраться до места открытия прохода необходимо от силы час. Похоже, что я выиграл, однако расслаживаться всё же не стоило.

Я подозвал мою Ласточку, которая не заставила звать её дважды, быстро собрался и спустя десять минут мы были уже в пути. Дорога заметно стала забирать в гору, поэтому я придержал мою ретивую лошадку, заставив её перейти с рыси на шаг, благо запас времени у меня был. Кустарник сменили деревья, тропа делалась всё более каменистой, а горы, приблизившись, образовали довольно узкое ущелье, и тут я выехал на торную дорогу. Первое чувство, которое посетило меня, было удивление – откуда здесь дорога? Через мгновение сознание моё подсунуло единственно правильный ответ – это один из путей серых всадников. Так вот почему именно здесь открывается путь, как в Серую империю, так и путь из неё. Я почувствовал, что если следовать путём серых всадников, то я, так или иначе, достигну места, где возможен выход из этой серой страны.

Тут меня настигло очередное озарение, которые послед-

нее время всё чаще посещали меня. Так вот в чём секрет проходов в Серую империю. Если в других мирах любой проход позволяет ходить, как туда, так и обратно, то здесь отдельно были проходы, ведущие в империю и проходы, ведущие из империи. Мне повезло, что я вышел на эту дорогу, которая явно вела к месту, где можно было открыть проход, ведущий из империи.

Я пустил Ласточку в галоп, благо дорога позволяла. Теперь уже все мои сигнальные заклятия буквально надрывались. Казалось, что все серые всадники империи гонятся за мной, при этом гонятся с такой скоростью, что расстояние между ними и мной неумолимо сокращается, и если так пойдёт и дальше, они меня скоро догонят.

– Ласточка, милая, – прошептал я на ухо моей лошади, которую за короткое время нашего общения успел полюбить. – Если можешь, поспеши. Постарайся, а я уж сумею тебя отблагодарить.

Не знаю, толи это было в действительности, толи это мне послышалось, но в моём мозгу чётко прозвучал ответ: «Я постараюсь». Моя кобылка понеслась по дороге с такой прытью, какую я никак не мог ожидать от неё. Вот что делает доброе слово.

Прошло примерно полчаса, и мы оказались на месте, где можно было открыть проход. Что-что, а такое место я чувствую каждой клеточкой моего тела. Быстро соскочив с тяжело переводящей дух Ласточки, я начал открывать проход,

чувствуя спиной, что ещё мгновение и сюда набьётся целая толпа серых всадников. Как они так быстро сюда добрались, осталось для меня загадкой, которую я намерен рано или поздно решить. Проход послушно засиял передо мной, когда на поляну, где я находился, выскочило не меньше сотни серых всадников. Я вскочил в седло, но направил Ласточку не в проход, а в сторону. Всадники же с боевыми криками ринулись в проход. Вы спросите меня, что произошло? Постараюсь ответить, хотя, честно говоря, я и сам до конца не понимаю, почему всё так произошло. Словно кто-то очень могущественный взялся мне помогать. Теперь-то я понимаю, что на помощь мне пришла сама дорога. Да, да, та самая дорога, которая когда-то впервые открыла мне путь между мирами.

Что же заставило меня не ринуться, сломя голову в открытый мной проход? Да вроде бы ничего особенного, просто в последний момент я увидел уводящую в сторону от прохода тропинку, еле заметную здесь, где земля была покрыта сплошными камнями. Что-то внутри меня велело вступить на эту сомнительную тропу, и я, ни минуты не сомневаясь, направил туда мою лошадь, которая с удивительным смирением подчинилась мне, хотя перед этим сильно нервничала, не желая идти в проход.

Стоило мне лишь с Ласточкой на тропу, как мы тут же исчезли для преследовавших нас серых всадников, которые, видимо, посчитали, что мы прошли проход, поэтому поспешили за нами вдогонку. Не прошло и двух минут, как наши

преследователи исчезли в проходе, который медленно угасал закрываясь.

Ну, что же, каждому своя дорога, мы же пойдём другим путём, как в своё время очень точно заявил один деятель из мира, в котором я родился в этот раз. Я уже понял, что старый добрый способ хождения по мирам, где не я выбираю дорогу, а она меня, пришёл мне на помощь, и был абсолютно уверен, что именно он выведет меня за пределы Серой империи наилучшим образом. Я спешился и пошёл по тропе, ведя лошадь в поводу. Я привык ходить по тропам меж мирами пешком; кроме того, тропа была еле заметна, и я попросту боялся потерять её, сидя в седле. Чем чревата потеря такой дороги для ходящего-меж-мирами, я толком не знал, а проверять, что из этого может получиться, как-то не хотелось. Просто с самого начала моих хождений по мирам, я принял эту установку, как закон, как некий постулат, как, наконец, аксиому.

Я воспрянул духом, оказавшись, наконец, в привычных для меня условиях пути между мирами. Давненько я так не путешествовал, тем более в одиночку, если не считать, конечно, за спутник Ласточку. Все чувства, что наполняют тебя в такой дороге, обретают новую свежесть. Они вроде бы те же самые, вроде бы неоднократно испытанные мной во множестве пройденных дорог, вроде бы хорошо знакомы мне, но всё же, чем-то неуловимо отличаются от всех пережитых мной раньше. Вот уж, воистину не войдёшь в одну реку два-

жды.

Ласточка моя вела себя выше всех похвал, словно всю жизнь только тем и занималась, что скакала по путям между мирами. Я ловлю себя на мысли, что так оно и есть, ведь она же принадлежала какому-то серому всаднику. Тропа стала более натоптанная, и я уже не боялся сбиться с пути. Я уселся в седло, и дальнейший путь продолжил уже верхом.

Примерно час я ехал под серым небом Серой империи по пограничным горам, но вдруг всё резко поменялось. Сначала меня ослепил яркий солнечный свет, от которого за полгода моих странствий по Серой империи я совершенно отвык. Глаза мои нестерпимо резало, так что мне пришлось прикрыть их рукой, хотя это плохо помогало. Тут я вспомнил, что прихватил с собой в конюшне помимо Ласточки и еды, ещё и серый плащ какого-то всадника. Я быстро достал его из седельной сумки, надел и прикрыл голову капюшоном. Это помогло; под капюшоном образовался приятный для глаз моих полумрак, и я наконец-то смог открыть глаза и оглядеться. Так вот почему серые, появляясь в наших мирах, старались не откидывать капюшоны своих серых плащей. Если я, пробыв в империи всего полгода, совершенно отвык от солнечного света, то, что говорить об уроженцах этой загадочной страны.

Пейзаж, да и вся обстановка вокруг меня разительно изменились. По ярко-синему небу плыли мелкие кучевые облака, подсвеченные с одного бока солнечными лучами, ко-

торые придавали им нежно-розовую окраску. Солнце стояло низко над горизонтом, и было не ясно, что это – утро или вечер, да это было и неважно. Важно было лишь то, что я наконец-то покинул негостеприимную Серую империю и теперь направляюсь домой, где меня ждут друзья мои. Я ловлю себя на мысли, что назвал домом Сегурию, хотя мой, так сказать, настоящий дом находится в бездне километров отсюда, мало того, ещё и в бездне тысячелетий. Я почти забыл о том формально моём доме, где меня никто не ждал, да и мне там никто не был нужен.

Дорога, на этот раз хорошо наезженный просёлок, петляла по чудесной холмистой равнине, где рощи сменялись полями, которые, в свою очередь, уступали место новым рощам. Здесь была ранняя осень, когда общий фон листвы был ещё зелёным, однако в кронах нет-нет, да и мелькнёт золоти-сто-жёлтая прядь. Природа в это время напоминает человека, вступившего в пору зрелости, когда молодость уже прошла, а до старости ещё далеко, глядящего в зеркало и замечающего у себя первые седые волосы. Ласточка рысцой бежала по этой прекрасной дороге, всем своим видом показывая, что это ей очень нравится. Мне тоже пришлось по сердцу место, куда привела нас наша дорога, я расслабился, придавшись размышлениям о доме, как таковом.

Многие считают, что дом, это стены и крыша; по своему они правы, но это лишь самое примитивное понимание сущности дома. На самом же деле дом, как философское поня-

тие, включает в себя целый комплекс понятий, которые можно свести к одному достаточно простому определению, которое я для себя определил ещё в юности. Звучит оно примерно так: дом, это часть мира, где тебе хорошо, откуда не хочется уходить и куда всегда приятно возвращаться. Может быть, это было продиктовано юношеским максимализмом, не знаю, но и сейчас, спустя много лет, я не откажусь ни от одного слова из этого простенького определения. Как правило, у большинства людей вовсе не один дом, а несколько, только люди об этом чаще всего просто не догадываются. А может это и к лучшему, не знаю....

Тут мои размышления пошли по другому пути. Что нам даёт дом? Вернее спросить, что мы ждём или хотим от дома? Ответить на этот вопрос, на первый взгляд, просто. Но это на первый взгляд. На самом же деле мы зачастую и сами не знаем, чего мы хотим. Однако каждый, кто после разлуки, особенно долгой разлуки, находит в доме своём, кто покой, кто защищённость, кто отдых, кто любовь, а кто воспоминания или новые идеи. Если подумать, то получается, что дом лучше нас самих знает, чего мы хотим, и даёт нам это. Именно это определяет нашу тоску по дому, наше желание когда-нибудь вернуться и сказать: «Ну, здравствуй, дом родной». И несчастен тот, у кого нет своего дома, кому некуда возвращаться.

Все эти мысли так увлекли меня, что я даже не заметил, как дорога опять изменилась. Я очнулся от своей задумчи-

ности, только когда увидел перед собой гору удивительно похожую на рукотворную пирамиду. Вот так незаметно я оказался на самом пороге Сегурии.

Только я это осознал, как тут же почувствовал на себе мощное магическое воздействие и по почерку тут же определил моего друга и ученика Джона Мильтона. Но почему он так агрессивен по отношению ко мне, не мог я взять в толк, осторожно ставя защиту, что бы, не дай Бог, не навредить Джону. Он, что меня не узнал? И тут до меня дошло, что верхом на лошади, да ещё в сером плаще, я был неотличим от серых всадников, за одного из которых и принял меня Джон.

Джон был от меня на расстоянии примерно с полкилометра, и, присмотревшись, я увидел там открытый проход, который переливаясь всеми цветами радуги, переливался возле места, где находился Джон. Там же было множество людей, которые один за другим, входили в проход. Я всё понял, это был пункт пропуска беженцев в Сегурию, а Джон проводил проверку их на предмет наличия у них серой немочи. Естественно, завидев нахально едущего прямо к проходу серого всадника, он не мог не среагировать. Да, Джон стал очень сильным магом, способным вот так вот играючи бросит столь мощное заклятие, которое, если бы я не был постоянно настороже, могло превратить меня в лишённую воли куклу.

Я решил разыграть Джона, и заодно проверить его боевое

мастерство, поэтому не стал раскрываться. Я пустил Ласточку шагом и не спеша стал приближаться к проходу. Беженцы, завидев меня, страшно перепугались и стали метаться перед проходом, однако Джон, видимо выполняя инструкцию дежурного по пропускному пункту, никого без проверки к проходу не допускал.

Вдруг проход ярко вспыхнул, и из него вышли две фигуры, которые тут же обратились в драконов и полетели в мою сторону с самыми не дружественными намерениями. Хотя меня душил смех, а душу мою переполняла радость при виде как машут крыльями золотой и чёрный драконы, я всё же решил довести свою игру до конца, поэтому просто усилил защиту и всё так же шагом продолжал приближаться к проходу.

Драконы дико зарычали, рык их перерос в визг, переходящий буквально в ультразвук. Это был знаменитый боевой клич атакующих драконов. Они набрали высоту и оттуда сверху буквально падали на меня, обрушив море огня; я же продолжал всё так же спокойно двигаться к проходу, до которого оставалось не более пятидесяти метров. Я уже отчётливо видел искажённые ужасом лица беженцев, удивлённое лицо Джона, который никак не мог взять в толк, что происходит. Откуда ему было знать, что я вовсе не боролся с ними, а просто пустил в дело блокирующее заклятие, которое поддерживается за счёт направленных на меня заклятий, превращая их в безобидные сотрясения воздуха.

Я вплотную приблизился к Джону, поэтому драконы прекратили свои огненные упражнения, опасаясь зацепить Джона и беженцев. Джон побледнел, и, оставив магию, взялся за оружие, обнажив свою шпагу. Он так рьяно взялся за дело, что я в серьёз стал опасаться за судьбу моей лошадки. Вскоре к нему присоединились и два дракона, приняв свой человеческий образ. Все они неплохо владели оружием, но я слишком хорошо их знал, поэтому легко нейтрализовал все их попытки нанести мне какой-либо физический вред, при этом я не обнажал своего оружия, которого, надо сказать у меня и не было, и даже не слезал с Ласточки. Со стороны всё это выглядело так, словно эти трое прыгали вокруг меня, бестолково размахивая своим бесполезным железом, а я спокойно наблюдал за этим безобразием, сидя в седле.

Понаблюдав за этим примерно полчаса и вдоволь насмеявшись, я решил закончить эту канитель, пока они не вызвали подмогу, да и обижать я их вовсе не хотел.

– Да, хорошо же вы встречаете гостей, – обратился я к ученикам, немного изменив голос. – Что же вы, не разобравшись, сразу же набрасываетесь со своей магией и этими железками? Вам, что законы гостеприимства не знакомы? Мои слова подействовали на троицу моих учеников, как ушат ледяной воды, опрокинутый на их горячие головы. Они прекратили свои телодвижения, а я отключил блокирующее заклятие.

– Кто ты такой, серый всадник, и что тебе понадобилось в

здешних местах? – после недолгого совещания, обратился ко мне Кувай, которому друзья доверили право вести со мной переговоры.

– Куда же катится этот мир, если даже лучшие ученики не узнают своего учителя? – ерничая, ответил я своим обычным голосом и откинул капюшон. При этом мне пришлось прищуриться – глаза ещё не привыкли к солнцу.

Тут, как говорится, произошла немая сцена. Мои ученики буквально окаменели от удивления, полу открыв рот, и выпучив глаза. Я даже немного испугался за состояние их психики, мало ли что....

– Ну, что, здороваться будем или как? – спросил я, спешиваясь и делая шаг к ним на встречу.

Наконец оцепенение отпустило моих учеников, и они бросились ко мне с самыми радостными чувствами, которые они выражали так бурно, что я уже стал подумывать, не восстановить ли мне защиту. Короче, из церемонии приветствия я вышел изрядно помятым.

– Учитель, как ты нас напугал, – с радостью в голосе сказал Кувай. – Я уж подумал, что явился кто-то из сильнейших магов Серой империи, что бы отомстить за гибель своих.

Оправившись, мои ученики засыпали меня целой кучей вопросов, на которые я сейчас не хотел отвечать.

– Поимейте совесть, дорогие мои, – в притворном испуге замахал я на них руками. – Нет, что бы встретить старого усталого человека и дать ему отдохнуть, они сначала изгаля-

ются над ним с помощью магии, а когда это не действует, начинают тыкать в него разнообразными железяками, убедившись, что и этим меня не пронять, засыпают вопросами. Ну, уж нет, я отвечу на все вопросы, но не сейчас, а когда все мы соберёмся за накрытым столом, а то я в этой Серой империи что-то проголодался.

– Странник, я очень рад, что ты вернулся живым и, как я вижу, здоровым, – обратился ко мне Джон. – У меня к тебе просьба, если позволишь. – Что за просьба, дружище, Джон? – спросил я. – Я сделаю всё, что в моих силах.

– Я знаю, что ты очень устал и нуждаешься в отдыхе, но, если тебя это не очень затруднит, не мог ли ты побыть здесь ещё час. Через час закончится моё дежурство, и я с радостью провожу тебя в Сегурию, – сказал Джон, с обожанием глядя на меня.

Вообще было видно, что друзья очень соскучились по мне и не желали даже на минуту со мной расстаться. Я был очень тронут этим, и даже где-то глубоко в душе шевельнулся стыд, за тот розыгрыш, что я себе позволил в их отношении.

– Хорошо, друг мой, будь по сему, я подожду тебя здесь, – ответил я. – Заодно отдохну и дам попасться своей Ласточке.

Я хотел снять с лошади уздечку и ослабить подпругу седла, что бы она могла пощипать травку, но тут Кувай решительно взял это дело в свои руки.

– Отдыхай, Учитель, – просто сказал он. – Я позабочусь о

твоём скакуне. Кстати, где ты взял такую красавицу?

– Её зовут Ласточкой, и она не только красива, но ещё и умна, мой мальчик,– с улыбкой сказал я. – А насчёт того, где я её взял, мне стыдно признаться, но я её украл, проще говоря, спёр.

Услышав мои слова, все трое рассмеялись и я с удовольствием к ним присоединился. Кувай увел лошадь на ближайшую поляну, где она с удовольствием придалась чревоугодию. У Яргуста нашлась внушительная фляга с вином, которую он и предложил нам распить, что бы отметить встречу со мной. Естественно, что я отказываться не стал....

1

Все жители Сегурии, способные держать в руках оружие, были мобилизованы во вновь формируемую армию, которая должна быть, по крайней мере, раз в пять больше, чем та, что предотвратила прошлую попытку Серой империи вторгнуться в мир империи Повелителей драконов. Беженцы, чей поток последнее время сильно поиссяк, тоже набирались в ополчение. Делалось всё, что бы превратить Сегурию в неприступную крепость.

Я с утра до ночи был занят вопросами формирования войска, хотя прекрасно понимал, что все наши потуги тщетны. Если мы соберём войско, которое будет превышать прошлое максимум в пять раз, то, в свете информации принесённой Странником, Серой империи ничего не стоит собрать армию, которая будет в сто, а может и больше раз по численности превосходить нашу, даже если мы поставим в строй даже женщин и детей.

Всё это не давало мне повода для оптимизма, но нужно было чем-то заполнить ту образовавшуюся тревожную пустоту, которая стала неотъемлемой частью нашей теперешней жизни. Все прекрасно понимали, что в одиночку Сегурии с врагом не совладать. Требовалась объединить усилия вотчин и тех, оставшихся верными империи Повелителей драконов людей, которых можно набрать в ополчение. Всё

это было настолько сложно, что у меня временами опускались руки.

А как им было не опускаться? Вотчинники, даже те, что согласились принять у себя беженцев, ни в какую не желали собирать войска, а у кого они были, не желали передавать их объединённому командованию. В общем, все наши попытки организовать общее сопротивление супостату разбивались о железное правило вотчинников, которое гласило – наша хата с краю и авось пронесёт. Поэтому, убедившись, что наши усилия ни к чему не приведут, я махнул на объединение рукой и стал готовить Сегурию к обороне.

Войско мы собрали, причём в него вошло все обитатели Сегурии, включая беженцев. Для этого была введена всеобщая воинская повинность, обязательная военная подготовка и составлен план мобилизации, по которому в случае возникновения непосредственной военной угрозы Сегурии все граждане, невзирая на пол и социальное положение, достигшие возраста четырнадцати лет, обязаны взяться за оружие. Кроме того, в вотчине было введено военное положение, по которому все граждане должны ежедневно заниматься военной подготовкой, не менее чем четыре часа в день. От этой обязанности освобождались лишь кормящие матери, больные и кузнецы, которые, отложив все мирные заказы, день и ночь ковали оружие и доспехи.

Всё вроде бы было сделано правильно, а во мне не было той внутренней уверенности, что все эти мероприятия не де-

лаются впустую. Ведь я отлично понимал, что вся наша армия, даже если к ней присоединятся ополченцы других вотчин и верные Повелителям войска империи, серые рано или поздно нас разобьют; всё это лишь вопрос времени. Опять же я знал, что судьба империи и соответственно вотчин, решится вовсе не противостоянием армий, а самоотречением Последнего дракона, который, выполняя свой долг, завершит свою судьбу.

Я, как впрочем, и все мы, очень жалел Кувая, правда, при этом, не показывая вида. Кувай со свойственным молодости максимализмом, а так же в силу своего характера, не потерпел бы откровенной жалости по отношению к себе. Его гордость не потерпела бы этого, сочтя нашу жалость за унижение. Все мы, его друзья, прекрасно понимали это, поэтому тщательно скрывали свои чувства по отношению к нему, стараясь всячески помочь ему в его судьбе, для того, что бы снять с него хотя бы часть непомерно тяжёлого груза ответственности, которая легла на его плечи с момента рождения, как плата за жизнь.

Я с самого начала был посвящён Ляргусом в судьбу Кувая, и делал всё, что бы он был готов встретить свою судьбу во всеоружии, когда придёт его время, которое, как мне казалось, наступит ещё очень не скоро. Как оказалось, это моё «нескоро» должно будет произойти очень скоро, извиняюсь за тавтологию. Да время иногда выкидывает такие вот коленца. Нам кажется, что впереди ещё уйма времени, а не

успеешь оглянуться, как оно заканчивается. Так же вышло и с Куваем. Не успели мы очухаться, а пролетело почти тридцать лет, и на пороге замаячил как раз тот рубеж, на котором и должна окончательно реализоваться судьба Последнего дракона. Что при этом случится с империей Повелителей драконов, мы примерно себе представляли, хотя и очень примерно, а вот, что будет с самим Куваем, которому судьба предписала быть причиной гибели собственной Родины мы могли лишь гадать. Было абсолютно неясно, обречён ли на гибель вместе гибнущей империей «роковой ребёнок», которым являлся Кувай, или он всё же выживет. Если ему суждено выжить, тогда всплывает закономерный вопрос – как будет выглядеть его дальнейшая судьба?

То, что Кувай до конца исполнит свой долг, никто из нас не сомневался, а все наши страхи за него сводились лишь к тому, не слишком ли большую цену за реализации своей судьбы он заплатит, ведь терять его никто из нас не хотел. Так родился тайный замысел, который был и остаётся, я надеюсь, тайной для Кувая. Он сводился в общих чертах к тому, что бы все мы, кто любит его, сделали всё возможное и даже больше, для того не дать ему погибнуть.

Хорошо помню, как был организован этот заговор против смерти. Инициатором его оказался, как всегда, Странник, который, вернувшись из Серой империи, мало того, что принёс грозные вести о готовящемся нападении Серой империи на наш мир, но и первым обратил внимание на грозя-

щую Куваю прямую угрозу его жизни, запусти он заклятие перемещения Обсерватории.

Разговор произошёл, сразу же после застолья, на котором Странник рассказал о той, что он узнал о Серой империи в результате проведённой им разведки, а мы рассказали о нашей победе над серыми всадниками. Когда было уже далеко за полночь, и участники застолья разбрелись кто куда, за столом остались лишь Странник, Ляргус и я. Вот тогда-то Странник и завёл разговор, предварительно установив очень сильную защиту от подслушивания, о том, что станет с Куваем, когда он выполнит свой долг. Как ни странно, мы с Ляргусом почему-то об этом не подумали. Кроме того, нас обоих удивило, что этот вопрос сопровождался столь мощной защитой, саму возможность которой я, признаюсь честно, даже не мог себе представить. Помню, я даже задал ему, видимо спяну, бестактный вопрос: «От кого это он ставит столь уникальную защиту?»

– Разумеется, от Кувая, друг мой Азар, – очень серьёзно ответил Странник. – Неужели ты думаешь, что я допускаю в Сегурии наличие шпионов серых?

– А зачем нам что-то утаивать от Кувая? – задал я, пожалуй, глупейший в моей жизни вопрос, и тут же пожалел об этом.

Я не стал дожидаться ответа, а заявил, что я всё понял. Странник коротко кивнул, дипломатично не заостряя внимания на моём промахе. Лично я был ему за это очень бла-

годарен.

– Нам, как-то следует собраться всем, кто по-настоящему любит Кувая, и разработать план действий, которые мы можем предпринять для его спасения, – заявил Странник. – Тянуть с этим, я думаю, никак нельзя – время неумолимо приближается. Только сделать это нужно очень осторожно, что бы Последний дракон ни о чём не догадался, иначе всё пойдёт насмарку.

Мы с Ляргусом горячо поддержали Странника. Его замысел был нам понятен, оставалось лишь сделать так, что бы Кувай в это время отсутствовал, иначе даже речи не могло быть о какой-то конспирации. Он, со своей проницательностью, вмиг бы раскрыл наши планы. Незаметно удалить Кувая взял на себя Ляргус, который сказал, что для этого дела он привлечёт Ниннэль. На этом и порешили. Как только Ниннэль удастся под каким-либо предлогом удалить мужа из посёлка, мы все собираемся и ищем решения нашей задачи.

Лишь через три дня нам удалось собраться. Ниннэль заявила, что Кувай отправился показывать пещеры Матвею, которому он это обещал ещё в прошлом году, да было всё недосуг. Драконица не стала скрывать, что инициировала эту экскурсию она сама, отправляя мужа подальше от Сегурии.

Как только Кувай улетел, усадив на спину маленького Матвея и двух его друзей, мы все собрались в моём кабинете. Мы все, это Ляргус, Странник, Джон, Яргуст, Минг, Марк, Ниннэль и я, ваш покорный слуга. Одним словом собрались

все те, кто любил нашего Последнего дракона и хотел всеми своими силами помочь ему в его трудном и смертельно опасном деле.

Как только все мы собрались, Странник поставил очень мощное заклятие против подслушивания, мотивируя это тем, что, мол, от нашего Кувая можно ожидать чего угодно. Как ни странно, в этом вопросе все были с ним солидарны.

Как только все формальности были выполнены, слово взял Странник.

– Друзья, – сказал он, и голос его при этом был полон тревоги. – Приближается то, во истинно роковое время, о котором мы все знали, которого ждали и которое, всё же, наступает для нас неожиданно. Так уж устроен человек, что когда он чего-либо ждёт, не важно, что это, то это, как правило, происходит неожиданно для него. В этом положении сейчас оказались и все мы. Может быть, я сейчас говорю банальности, но, подумайте сами, как хитро судьба разложила свои карты. Не мне вам объяснять, что вся наша компания собралась здесь не случайно. Теперь все мы знаем, с каким врагом свела нас судьба. Да, Серая империя оказалась не просто сборищем тупых фанатиков, хотя и они тоже имеются. Мне пока не ясно как их, так называемые Благие Боги, сумели создать столь устойчивую империю, где все её подданные сплочены настолько, что ей не страшны практически никакие внешние воздействия и внутренние потрясения. Зато я теперь убедился, что Серая империя действует не только в

пространстве, но и во времени. Об этом я сужу по тем процессам, которые происходят в моём родном мире, который, как вы знаете, расположен очень далеко от вашего мира, как в пространстве, так и во времени. Мы ещё очень мало знаем о нашем противнике, но уже сейчас я могу уверенно сказать, что в простом противостоянии с серыми, мы обречены на поражение, если, конечно, мы не решимся на поголовное истребление всех поражённых серой немочью, как вы эту мерзость называете. Я уже ранее говорил, что я на это не пойду, да и вы сами вряд ли согласитесь на такой шаг. Кроме того, я очень сильно подозреваю, что это нам не позволят сделать и Вселенские силы, поддерживающие равновесие Мироздания.

Странник сделал паузу, что бы промочить горло и дать нам время осмыслить сказанное им.

– Я долго анализировал вариант судьбы Кувая, во многом обусловленный прозрением уважаемого Ляргуса, который сумел ещё тогда найти путь спасения Кувая; честь и хвала ему за это, – продолжил Странник свою речь. – Наверно в то время это был единственный вариант судьбы, который позволил выжить Последнему дракону, однако в расчёты Ляргуса вкралась одна досадная ошибка. Нет, нет, я во все не хочу в чём-нибудь упрекнуть Ляргуса, он тогда сделал всё, что возможно и даже более. Беда в том, что задача провидеть будущее столь сложна, что просто невозможно предусмотреть всё. Я преклоняю голову перед мудростью Ляргуса,

ведь он даже сумел в своих расчётах застраховаться от возможных ошибок, дабы свести их к минимуму. Этой страховкой явилось то, что Кувай получил блестящее образование и приобрёл опыт противостояния силам, стремящимся уничтожить его. Даже то, что все мы его друзья собрались здесь, что бы решить, как помочь ему в трудную минуту, является частью этой страховки. Однако, по моему мнению, к которому я пришёл в процессе анализа сложившейся ситуации, роковая ошибка заключается в том, что, хотя на нашей стороне и играют очень могущественные силы, наш противник не менее могущественен. Пока Кувай рос и учился, ситуация находилась в более-менее устойчивом равновесии, но сейчас, когда своим открытым столкновением с Серой империей, мы нарушили это равновесие, в результате чего противостоящие нам силы получили солидное преимущество в лице этой самой Серой империи. Поэтому теперь перенос Обсерватории будет стоить нашему Куваю жизни. Однако это дело не совсем безнадежно. Всё же есть маленький, но шанс спасти жизнь Последнего дракона. Но что это за шанс и какую роль должен сыграть каждый из нас, вы узнаете не от меня, а от одной, всем вам хорошо знакомой очень могущественной гостьи, которая попросила меня подготовить вас к разговору с ней и которая будет здесь с минуты на минуту.

После слов Странника все мы напряглись, особенно я, ведь никогда ещё не было такого, что бы кто-то, пусть и очень могущественный, мог посетить Сегурию без моего ве-

дома, да ещё проникнуть в комнату, находящуюся под мощной магической защитой. Выражение лиц остальных членов нашей компании, за исключением, пожалуй, Минга, по чей физиономии определить чувства, владеющие демоном в это время, было затруднительно, выражали крайнюю степень удивления.

– Что ты имеешь в виду, Странник? – после небольшой паузы спросил Ляргус. – Объясни, пожалуйста.

– Потерпите немного, друзья, – отозвался на вопрос Ляргуса Странник. – Наша гостя сама за себя всё скажет. Потерпите минуточку, а пока предлагаю выпить по кружечке вина.

Его предложение все дружно приняли, и я, на правах хозяина разлил всем вино. Только мы собрались осушить наши кружки, как в комнате внезапно изменилось освещение, словно за окном на мгновение наступила темнота, которая вновь сменилась дневным светом. Я, как впрочем, пожалуй, и все присутствующие в комнате ощутили мощный толчок силы, вызвавший у меня состояние, чем-то отдалённо напоминающее самое начало паники, которое, правда, очень быстро исчезло. В глазах моих на какое-то время потемнело, а когда зрение вернулось ко мне, я обнаружил в комнате женщину в длинном чёрном, как сама тьма, плаще с накинутым на голову капюшоном.

Почему я сразу же понял, что передо мной женщина? Не знаю. Возможно потому, что Странник предупредил о появ-

лении гости, а может по тому, что фигура её выглядела как-то миниатюрно. Может быть....

При виде фигуры в чёрном плаще, Странник встал и галантно поклонился гостье. Вспомнив, что я здесь хозяин, я сделал шаг в сторону гости и поприветствовал её.

– Рад приветствовать в нашем скромном жилище столь высокую гостью, – придав своему голосу всю возможную любезность, приветствовал я гостью. – Не погнушайтесь присесть за наш скромный стол и выпить с дороги доброго вина.

Гостья не заставила меня просить дважды, а просто прошла к свободному месту за столом, которое оказалось, как раз, между Странником и Ниннэль. После этого она откинула капюшон своего плаща, и я увидел милостивую брюнетку, неопределённого возраста, от лица которой исходило слабое свечение, исполненное силы. Особенно меня поразили её глаза, жгуче-чёрные, бездонные, которые одновременно и притягивали, и пугали.

Видимо, я чем-то развеселил её, потому, что она широко улыбнулась мне, сверкнув при этом, ослепительно-белыми зубами и сказала довольно приятным голосом:

– Не думаю, уважаемый Азар, что ты был бы так уж рад, если бы знал, что за гостья посетила твой терем, – сказала она приятным голосом, в котором явно чувствовался еле сдерживаемый смех, хотя, хоть реж меня, я не понимал, что так развеселило эту странную гостью. – Хотя вы все хорошо знакомы со мной, а я хорошо вас всех знаю, я всё же пред-

ставлюсь, что бы не находиться в двойственном положении. И так, позвольте представиться, я Смерть, собственной персоной, поэтому я не прошу вас, меня любить, а вот жаловать было бы неплохо.

Тут произошла, как говорится, немая сцена. Все мы на какое-то время оцепенели, за исключением Странника, который беззвучно смеялся. Было от чего впасть в прострацию, ведь не каждый день тебе наносит визит сама Смерть, одна из самых могучих, если ни самая могучая, сил Мироздания. Все мы в этот момент выглядели, наверное, очень глупо, потому что Смерть, видимо не в силах больше сдерживаться, весело рассмеялась. Смех её был так чист и заразителен, что не прошло и минуты, как мы все, кто находился в комнате, присоединились к ней. Мы смеялись не менее пяти минут, сами не понимая причины нашего веселья, причём смех наш гармонично вплетался, образуя некое подобие симфонии, которую даже не портило рычание, переходящее в рёв, нашего демона. Я не понимал, да, в общем-то, и не хотел понимать причину нашего веселья, потому, как смех этот снял напряжение, возникшее от прихода такой гостьи.

– За что пьём? – задала риторический вопрос Смерть, поднимая свою кружку, и игриво рассматривая нас. От её игривости мороз пробежал по моей коже и я почувствовал, как волосы зашевелились на голове моей. – Здесь кто-нибудь произнесёт тост или мне всё придётся делать самой?

– Ну, что ты, – ответил ей Странник. – Конечно, тост про-

изнесёт хозяин этого терема, он просто немножко растерялся от столь неожиданной встречи.

– А что, ты не предупредил их о моём визите? – всё с той же игривой интонацией спросила Смерть.

– Как раз я собирался сказать им о твоём визите, – в тон ей сказал Странник. – Но ты, госпожа, немного поспешила. Так что не беспокойся, сейчас они оправятся от потрясения и мы сможем начать разговор.

– Ты же знаешь, друг мой, Странник, что я никогда не спешу, а прихожу всегда во время, – с сарказмом заявила Смерть. – Но я сегодня располагаю достаточным запасом времени, так что подожду, когда твои друзья придут в себя. Ты же знаешь, что я умею ждать, как никто другой.

– Не сомневаюсь в этом, госпожа, – с почтением ответил ей Странник. – Уж, кто-кто, а ждать ты умеешь. Что бы ни ждать нам в пустую, предлагаю выпить этого чудесного вина, которое, надеюсь, скрасит твоё ожидание. Мы получим удовольствие, а друзья мои тем временем придут в себя.

Смерть молча подняла свою кружку, игриво подмигнула Страннику и стала не спеша пить вино, прищурив свои пронзительные глаза. Я же, тем временем, пришёл в себя, настолько, что смог внятно говорить. Как только Смерть и Странник поставили на стол опустевшие кружки, я поторопился наполнить их вновь и, подняв свою, произнёс тост, предлагая всем выпить за здоровье нашей гостьи, но во время опомнился и свёл его к банальному «за знакомство», по-

сле чего вновь стушевался. Короче, все мои потуги выглядеть в глазах Смерти любезным хозяином потерпели полное фиаско, что не добавило мне уверенности в себе. К моему великому изумлению, Смерть сама пришла мне на помощь.

– С удовольствием поддержу твой тост, Азар, – усмехнувшись, сказала Смерть. – Я-то со всеми вами хорошо знакома, ну, а вам это удовольствие ещё предстоит.

Сказав это, Смерть опять весело засмеялась. Меня же от её слов пробил озноб, но стоило нашей страшной гостье засмеяться, как озноб прошёл, а на душе моей стало удивительно легко и спокойно. В голове моей прояснилось и я отчётливо понял, что всё нами задуманное сложится в лучшем виде.

– Ладно, шутки в сторону, – сказала Смерть, осушив свою кружку, и переходя на серьёзный разговор. – Хотя у меня есть запас времени, однако не стоит его терять напрасно. Перейдём к делу.

Она сделала небольшую паузу, что бы мы от веселья, вызванного её смехом, могли настроиться на серьёзный лад. Я понял, что прелюдия окончена, и наступает время серьёзного разговора.

– Надеюсь, Странник рассказал вам, с каким врагом вы столкнулись и какие силы в связи с этим разбудили, – толи, задавая вопрос, толи, констатируя факт, сказала Смерть, на этот раз даже без намёка на усмешку. – Я не буду вам пересказывать всю достаточно длинную историю нынешнего про-

тивостояния. В своё время её вам поведает Странник, если, конечно, вы всё сделаете правильно. Скажу одно – рождение Кувая было предназначено для разрушения, которое он обязан совершить, исполняя свою судьбу, опрометчиво приняв им бездну тысячелетий назад. Воплощаясь в этом мире, он обязан был уничтожить империю Повелителей драконов, и этот долг, правда отсроченный стараниями уважаемого Ляргуса, так и остался на нём. Кувай его исполнит в любом случае либо по своей воле, либо его к этому принудят. Надеюсь, это вам ясно?

Мы все дружно подтвердили, что всё поняли.

– Перед нами стоит вопрос, как сделать так, что бы Кувай исполнил свою судьбу и при этом остался бы жив? – продолжила Смерть. Если Последний дракон совершит разрушение по своей воле, у него будет солидный шанс остаться в живых, к тому же вы сделали всё правильно, что бы это разрушение повлекло за собой минимальное число погибших людей, а это самое главное. Если же противоборствующим силам удастся принудить его произвести разрушение по их правилам – его ничто уже не спасёт, да и всех вас, пожалуй, тоже. –

Наша гостья замолчала, давая нам возможность осмыслить услышанное. Образовавшаяся пауза была прервана самым неожиданным образом. Нарушила её наша неистовая драконица Ниннэль.

– А разве не от тебя зависит, останется ли мой муж жив или нет? – с вызовом спросила Ниннэль и дерзко посмотрела

в глаза нашей гостьи. – Ведь это же ты решаешь кому жить, а кому умирать. Так сделай же так, чтобы Кувай остался жить, а я со своей стороны, сделаю всё чего ты только пожелаешь.

Пока Ниннэль говорила, Смерть с каким-то весёлым изумлением смотрела на неё. Я же весь похолодел от страха, что эта несносная девчонка наговорит нашей гостье такое, что обидит её. Страшно было даже помыслить, чем это может кончиться для Ниннэль.

– Не бойся Азар за свою любимицу, – криво улыбнувшись, сказала Смерть, даже не скрывая, что свободно читает мои мысли. – Вообще-то я не обидчива. Обычно многие обижаются на меня, я же не в обиде ни на кого. -

Развеяв мои страхи, смерть обратилась непосредственно к драконице, которая выглядела оробевшей, видимо до нее, наконец, дошло с кем она разговаривает.

– Ты молодец Ниннэль, – с лёгкой печалью в голосе сказала Смерть. – Так и надо вступаться за любимого человека, не боясь последствий своих слов. Но, смею тебя заверить, я не определяю кому жить, а кому умирать. Мне очень по нраву твой рыжий шалопай, с которым я встречалась уже дважды, и я совсем не хочу забрать его к себе. Однако, я вынуждена подчиняться вселенским законам и не могу решать за Исполнителями судьбы, это, к сожалению не моя епархия. Все теперь зависит от вас людей. Если каждый из вас в нужное время сделает для Последнего дракона всё, что должен сделать, Кувай останется жить, а Исполнители судьбы не смо-

гут предъявить ему свои претензии. Вот тогда я не заберу его. Если же хоть один из вас не выполнит всего, что должен, претензии будут предъявлены, и Кувай уйдёт ко мне.

Смерть опять замолчала, а я вдруг оказался в центре силового водоворота который подхватил моё сознание и понёс с огромной скоростью куда-то вдаль. Я был словно в эпицентре гигантского взрыва; вокруг меня со страшной скоростью замелькали фрагменты каких-то картин, а может это были обломки разорванных на части миров, не знаю... Сколько длился мой полёт, мне тоже неизвестно, но в какой-то момент я остановился. Картина, которая предстала перед моим внутренним взором была залита огнём и очень мне не понравилась. Я увидел гибнущую в огне столицу империи Повелителей драконов, над которой в дикой ярости, абсолютно ему не свойственной, метался золотой дракон, безжалостно выжигая город яростным пламенем из своей широко открытой пасти. Я увидел как шар на вершине Обсерватории вспыхнул нестерпимо-ярким светом, раздался грохот взрыва, который оглушил меня и я вновь пришёл в себя, оказавшись в той же комнате, где мы разговаривали со Смертью.

Придя в себя, я увидел, что все мои товарищи, кроме Странника пребывают в каком-то странном оцепенении, очень похожем на транс. Странник же о чём-то тихо беседовал со Смертью, при этом у меня создалось впечатление, что они старые приятели и им есть, что вспомнить. Слов я не слышал, а прислушиваться было неудобно, поэтому я слегка

покашлял, что бы они услышали, что я пришёл в себя.

– Ты, я вижу, очнулся, – сказала мне Смерть. – Вот и хорошо. Никому не говори, что ты видел, даже мне, иначе ты не сможешь выполнить свой долг и все наши усилия пойдут прахом.

Я не стал ничего отвечать, лишь кивнул головой, давая понять, что понял. Тут один за другим стали приходить в себя остальные, и всем им Смерть говорила то же самое, что и мне. Последним, с видимым трудом, вышел из транса Ляргус.

– Ну, вот, теперь каждый из вас знает, что должен будет сделать, когда наступит ваше время. А теперь вы всё, что видели, забудете, дабы не дать возможности нашим, надо сказать очень могущественным врагам, прочитать вас, – с печалью в голосе сказала Смерть. – Нам пора расставаться, но мы ещё непременно встретимся.

Она весело рассмеялась и растаяла в воздухе. Мы довольно долго сидели за столом стараясь вспомнить, что это было. Не знаю, как долго мы бы ещё просидели вот так молча, но вдруг в комнате отчётливо прозвучал насмешливый голос Смерти, которая нам настойчиво посоветовала в этот вечер хорошенько напиться, что мы и сделали.

2

Я, неспешно махая крыльями, летел в сторону далёких отсюда гор. На спине моей, уютно устроившись, сидел Матвей. Мы отправились с ним в дальние горы осматривать имеющиеся там пещеры. Когда-то, уже достаточно давно я уже бывал там со своими друзьями. Именно оттуда тогда забрал меня Яргуст, для того что бы я совершил своё первое путешествие между мирами. Именно там я навсегда попрощался с детством. Сколько же воды утекло с тех пор. Нет уже моего друга Василиска, которого все мы мальчишки, его приятели звали просто Васькой. Он погиб в первой же атаке драконов Яргуста, и я лично нашёл его обезображенное тело среди груды тел серых всадников.

Сердце мое остро кольнуло, словно кто-то невидимый легонько уколол его тонкой иглой. Это случалось всегда, стоило мне вспомнить, как мы разыскивали тела наших павших товарищей, на том проклятом, покрытом горами мёртвых тел, поле битвы. Когда мы, после того, как сопроводили пленных восвояси и вернулись в Сегурию, первое, что я сделал, это посетил место захоронения павших героев. В тот день я взял с собой сына и, не делая никакой скидки на его возраст, подробно рассказал о сражении с воинами Серой империи. Судя по тому, как Матвей меня слушал, он всё понял правильно. Там, на могиле Васи и нашла нас Ниннэль.

Она, как-то сразу всё поняла и, не говоря ни слова, обняла меня и сына. Так мы и простояли невесть, сколько времени, пока солнце, окрасив мир в цвета заката, не скрылось за горизонтом.

Я встряхнул головой, отгоняя грустные воспоминания, и постарался подумать о чём-нибудь приятном. Сразу же перед моим внутреннем взором предстала Ниннэль, такой, какой она провожала нас с Матвеем в дорогу.

Тут же мне вспомнились события, которые явились причиной нашего с Матвеем полёта к пещерам. Где-то с год назад я рассказал сыну о пещерах в горах, где я однажды побывал, и тот захотел там побывать, что бы всё увидеть своими глазами. Тогда мне нужно было уходить на выручку моих товарищей, потом была война и только сейчас выдалась небольшая передышка в делах. Я, к стыду своему, совсем забыл об обещании сыну, однако он не забыл и как-то на третий день после моего возвращения с войны, спросил, когда же мы, наконец, сможем посетить пещеры. Я вопросительно посмотрел на жену, но она лишь улыбнулась и пожалала плечами – дескать, ты обещал, тебе и отвечать.

Прежде чем ответить сыну, я подумал – почему бы нам не слетать туда прямо завтра с утра пораньше, тем более что у меня образовалась приличная пауза в делах. Я предложил Ниннэль слетать со мной и Матвеем в пещеры, полагая, что побывать там будет интересно не только сыну, но и жене, но она наотрез отказалась, сославшись на какие-то неотложные

дела. Я был удивлён; обычно она старалась отложить все дела, лишь бы побыть со мной и детьми, но тогда я не придавал этому значения, полагая, что у Ниннэль, как и у всех женщин могут быть свои причуды.

И вот, на другой день, ранним утром, когда солнце только-только показало из-за горизонта свою макушку, окрасив лёгкие перистые облака в нежно-розовые тона, я, усадив на спину сына и походные принадлежности взлетел, взяв направление на дальние горы. Утро было чудесным, настроение – лучше не бывает, что ещё надо человеку для полноценного наслаждения жизнью. Вот я и наслаждался полётом, этим чудесным утром, близостью с сыном.

Горы приближались, и с высоты своего полёта я уже мог различить долину между гор, в вершине которой находились входы в пещеры. Матвей на моей спине заснул, видимо его усыпила неспешная монотонность моего полёта, когда крылья мои поднимаются и опускаются в одном темпе. Эта монотонность действует на моих наездников действительно усыпляюще. Признаться честно, даже я при таком полёте начинаю дремать, а совсем недавно я научился спать в полёте. Этот навык мне очень пригодился, когда мы возвращались в Сегурию, после того, как отправили наших пленных восвояси.

Да, вспоминаю наш полёт тогда, когда вконец замотавшись, голодные и не спавшие уже неделю, мы полетели домой. Остаться в месте, где закрылся проход за последним серым

всадником ни у кого не было никакого желания. Все драконы хотели поскорее добраться до дома, что бы обнять своих родных и близких. В состав конвоя я специально набрал молодых драконов, которых в сражении спасло от гибели заботливое отношение к ним Яргуста и Джона, честь им и хвала за это. Я специально взял их в конвой, так как они были менее усталыми, чем их старшие товарищи, тем более я ясно понимал, что в этом конвоировании им ничего не угрожает, настолько деморализованы, оказались наши враги. И хотя молодёжь ещё очень слабо владела Искусством, я выбрал именно их, надеясь в случае чего прикрыть их своей магией. Молодые драконы прекрасно справились с возложенной на них задачей, но всё же у них не хватило выносливости, которая нарабатывается годами. Целую неделю, сопровождали мы пленных, а это оказалось чертовски утомительным делом. Мне пришлось, вместе с генералами серых открывать и поддерживать проходы, пока серое воинство, еле переставляя ноги от усталости, а идти им пришлось пешком, проходило через проходы в очередной мир. Мы тоже шли пешком. Если я в странствиях, сначала с Азаром, затем с Учителем, привык к долгим переходам, то мои молодые подчинённые очень быстро уставали, потому что в Сегурии они ходили пешком очень мало, предпочитая летать. Надо будет подсказать Азару, что бы он в подготовке войск обратил внимание на этот факт и занялся бы подготовкой к пешим маршам, особенно среди молодёжи.

Когда все переходили в другой мир, начинался утомительный марш до места, где можно было открыть проходы в следующий мир. Определяли эти места генералы серых по известным только им приметам. Как назло эти места оказывались достаточно далеко от мест входа. Короче говоря, эта волянка тянулась целую неделю. Все мы выбились из сил, были голодны и буквально валились с ног от усталости и бессонницы.

Наконец-то я закрыл последний проход и остался только со своими молодыми драконами. Все хотели поскорее покинуть это место, что бы поскорее добраться домой, однако силы у всех были на исходе. Тогда я решил определить место, где можно было открыть проход в мир, расположенный максимально близко от Сегурии. Как назло, такое место обнаружилось, но очень далеко отсюда, так что идти туда пешком не могло быть и речи. Сделать большой привал, что бы восстановить силы и выспаться все наотрез отказались. Еды у нас не было – мы просто не предполагали, что так задержимся, и уже три дня обходились лишь водой, благо её было с избытком. Идти мы тоже не могли, так как ноги нас просто не держали. Тогда я предложил обратиться и воспользоваться крыльями, хорошо зная, что полёт не требует большой отдачи сил, правда, если это не знаменитая атака драконов. Все с энтузиазмом восприняли моё предложение и тут же обратились в драконов.

Я велел всем следовать за мной и легко взлетел, беря на-

правление на нужное нам место. Все драконы дружно взлетели и полетели за мной, но очень скоро стали отставать, видимо они истратили сил гораздо больше, чем я думал. Сам-то я чувствовал неплохо, если не считать чувства голода и желания спать. Увидев, что заданная мной скорость оказалась слишком большой для молодых драконов, я замедлил полёт до такой степени, что полёт мой был таким медленным, что для того, чтобы держаться в воздухе я едва махал крыльями. Увидев, что все мои товарищи без лишних усилий поспевают за мной, я расслабился и вдруг поймал себя на том, что засыпаю, продолжая всё в том же темпе махать крыльями. Сначала я попытался прогнать сонливость. Это удалось, но ненадолго, сонливость с новой силой навалилась на меня. Какое-то время я боролся со сном, но он наваливался на меня всё сильнее и сильнее. Я уже начал подумывать, чтобы отыскать удобное местечко и сделать привал, но тут меня осенила очень простая мысль, которую я тут же попробовал предварить в жизнь.

Я подумал, что лететь нам далеко, летим мы по прямой, значит заблудиться мы не должны, а почему бы мне не подремать прямо в воздухе, хотя бы часок? Я сделал себе установку поспать один час, этому я уже давно научился, правда, лёжа на земле, и перестал бороться с сонливостью, которая сразу же погрузила меня в глубокий сон.

Как ни странно, сон на лету почти ничем не отличался от сна на земле. Мне даже приснился сон, который я, правда, не

запомнил. Проснулся я ровно через час и обнаружил, что я всё так же лечу, монотонно взмахивая крыльями. Посмотрев на моих спутников, я убедился, что ни один из них не отстал, а так же летел, вяло махая крыльями. Приглядевшись, я понял, что все они спят замороженные моим полётом. Я успокоился. Пусть спят; во сне они восстановят свою силу, и будут лететь за мной, как на привязи. Я быстро прикинул расстояние до цели нашего полёта; рассчитал, сколько времени потребуется на перелет, и заказал сон примерно на полчаса меньше требуемого, что бы проснуться за полчаса до подлёта к цели. После чего закрыл глаза и тут же глубоко заснул.

Проснулся я, как и намеревался, примерно за полчаса до цели. Посмотрев на своих спутников, я обнаружил, что они тоже просыпаются. Интересно, какая чёткая связь меня с моими спутниками. Этот феномен группового сна, когда один задаёт время засыпания и пробуждения, а все остальные чётко следуют установкам своего лидера. Над этим надо хорошенько подумать на досуге, это может очень пригодиться в будущем.

Я отключился от своих воспоминаний и стал осматривать пейзаж, что медленно проплывал подо мной. Места, над которыми я летел, были удивительно красивы. От созерцания их у меня, дракона, которому уже пришлось повидать самые разные удивительные места, захватывала дух. Я подумал, что Матвею стоит полюбоваться своей Родиной с высоты полёта дракона, а выспаться он ещё успеет. Я разбудил сына, испы-

тывая острую необходимость поделиться своим восприятием красоты с родным мне человеком.

Да, я часто замечал, сталкиваясь с истинной красотой, созданной Творцом, что переполнение восторгом души моей в какой-то момент достигает такой величины, что просто необходимо с кем-то поделиться своим восторгом. Словно тебе подарили прекрасное вино, которое просто грех пить в одиночку.

Матвей, не смотря на свой малый возраст, будучи разбуженным, не проявил никакого недовольства, а напротив, выразил бурную радость от своего пробуждения, залившимся смехом, словно маленький серебряный колокольчик зазвенел у меня на спине. Вообще, следует сказать, что Матвей с самого рождения своего был очень весёлым, покладистым ребёнком. Он очень редко капризничал, а когда чуть подрос, стал, на мой взгляд, идеальным ребёнком. Постоянно погружённый в себя, он предпочитал одиночество, стараясь избегать шумных компаний сверстников. К сожалению, я редко бывал дома и не мог уделять ему много внимания, однако он никогда не обижался на моё долгое отсутствие. Создавалось такое впечатление, что он всё прекрасно понимает, порою даже лучше, чем многие взрослые. Оказываясь с ним наедине, мы больше молчали, лишь изредка он задавал какой-нибудь вопрос, ответ на который я не вдруг мог найти.

Когда он был ещё в младенческом возрасте, я разглядел в нём дремлющую до поры силу, причём силу пугающую сво-

им объёмом и природой; а ещё в нём дремал маленький дракончик. Ниннэль иногда жаловалась мне, что первенец порой пугает её. Она несколько раз ловила на себе его взгляд, когда он думал, что она за ним не наблюдает. Ниннэль уверяла меня, что в такой момент ей казалось, что на неё смотрит вовсе не грудной ребёнок, а древний, очень могучий старик, который знает о ней всё. В этот момент глаза его светились каким-то нездешним светом, и жена, прижавшись ко мне, признавалась, что в такие моменты ей бывает по-настоящему страшно. Это ей-то, драконице, горячке, которая скорее наложила бы на себя руки, чем призналась бы, что чего-то боится. Да, первенец мой был очень интересным ребёнком, и как раз в этой нашей экскурсии в пещеры, я хотел к нему получше приглядеться.

Проснувшись, Матвей удивлённо посмотрел на меня с таким видом, словно я его оторвал от очень важного дела, однако ни тени недовольства я в нём не ощутил. Уже в этом возрасте он в совершенстве владел своими эмоциями, и понять, что он по-настоящему испытывает, не мог даже я. Насильно входить в его сознание я не хотел, хотя Ниннэль неоднократно меня об этом просила. При одной мысли прозондировать сознание сына, меня брала оторопь; я по-настоящему боялся, хотя совершенно непонятно чего же я боялся, причём моральная сторона вопроса здесь не стояла на первом плане. Что же мне мешало?

Дело в том, что я уже однажды попытался войти в созна-

ние Матвея, но мне это не удалось. Да, я рассмотрел в нём какую-то совершенно незнакомую мне силу, да, увидел спящего в нём дракона, но как только я захотел заглянуть поглубже, меня буквально выбросило на поверхность, да так жёстко, что я даже испытал испуг. Этот испуг поставил некую границу в моих отношениях с сыном, границу, за которую я без позволения Матвея не мог заглянуть. С тех пор я внимательно наблюдал за сыном, не пытаюсь больше применять по отношению к нему никакой магии.

Я предложил Матвею полюбоваться видами земли, над которой мы летели. Он кивнул головой и как-то, словно, между прочим, кинул взгляд на землю, проплывающую под нами. После чего впал в состояние очень похожее на транс, но не уснул, а как бы задумался. Так случается практически с каждым, когда он вдруг замирает, глаза его стекленеют, и он словно выпадает из этой реальности.

Я не стал его тревожить, наивно посчитав, что он ещё до конца не проснулся, однако очень скоро я убедился, что заблуждаюсь. Вдруг я почувствовал толчок силы и сразу же определил её природу. Ещё бы мне не узнать эту силу, силу присущую серым магам. Но откуда здесь взяться серым? Подумать над этим вопросам мне не пришлось, так как вместе с толчком силы я почувствовал, что мои заклятия удерживающие Матвея на моей спине пропали, а сам мальчишка вдруг спрыгнул со спины моей и стал падать. Вот тут я страшно испугался и, развернувшись, бросился к сыну стремясь пе-

рехватить его в воздухе, что бы ребёнок ни разбился о быстро приближающуюся землю. Матвей же, ничуть не испугавшись, весело засмеялся и на моих глазах обратился в дракона цвета яростно бушующего пламени. От удивления я чуть не врезался в землю, едва успев выставить вперёд задние лапы и отчаянно тормозя крыльями. Со стороны это, может быть выглядело и забавно, но мне тогда было не до смеха. Я, пробежав несколько шагов по земле, вновь взмыл в небо и устремился вслед за пламенным драконом, в которого превратился мой сын.

Ну, допустим, до дракона он ещё не дорос, так дракончик, однако летел он довольно шустро, так, что я не враз догнал его. Первое удивление от внезапного обращения прошло, в конце концов, я с его рождения рассмотрел в нём дракона. Удивляло другое – как ловко он избавился от моего удерживающего заклятия, да и обращение в прыжке со спины летящего дракона, тоже впечатляло. Создавалось впечатление, что для него обращение было так же привычно, как дышать, да и летел он вполне уверенно, словно прошёл до этого хорошую школу.

Но и это всё было не самым удивительным. Удивляло то, что от моего первенца, летящего рядом со мной буквально потоками изливалась сила, и сила эта была силой магии серых. Вот те на. А это-то откуда? Неужели мой сын поражён серой немочью? Нет, этого просто не может быть.

Вконец ошарашенный происшествием я решил сейчас не

ломать голову, а когда долетим до места и сядем обедать я постараюсь осторожно переспрашивать Матвея. Приняв это решение, я сбавил скорость так, что бы пламенный дракончик мог, не затрачивая больших сил, поспевать за мной, и полетел в сторону уже недалёкой горной долине, в верховьях которой находились пещеры, хотя, говоря честно, в тот момент мне было наплевать на все пещеры Мироздания.

Я установил походный шатёр на той самой поляне у ручья, откуда был виден вход в одну из пещер, и где уже много лет назад отдыхали мы с друзьями, пока не появился Яргуст. Матвей, обратившись опять в маленького мальчика, усердно собирал топливо для костра, а я, расстелив на земле скатерть, стал раскладывать на ней всякие вкусности, которые приготовила нам в дорогу Ниннэль. Закончив с продуктами, я сел на землю, покрытую мягкой невысокой травой, и стал наблюдать за сыном, время от времени делая глоток из фляги.

Натаскав приличную кучу хвороста, мой сын не стал утруждать себя, высекая искру и раздувая трут, а просто сделал быстрый взмах рукой и костёр тут же вспыхнул. Я при этом ощутил заметный толчок всё той же силы. Я опять был удивлён, ведь огненное заклятие считалось одним из труднейших, как в системе Высокого искусства, так и в магии. Нет, хочешь-не хочешь, а с Матвеем нужно поговорить и как можно раньше. А чего, собственно тянуть. Вот прямо сегодня за едой и поговорю, только сделать это надо очень осто-

рожно.

Управившись с костром, Матвей подбежал ко мне и, усевшись напротив меня, начал за обе щёки уплетать обед. Да, что-то, а аппетит у него всегда был хороший. Пока он ел, я мучительно думал, как начать разговор с сыном, что бы он меня понял. Всё же он был ещё мал, хотя и умел уже играючи делать многое такое, чего я взрослый человек, прошедший обучение у сильнейших волшебников, и то мог сделать с трудом. Не знаю, смог бы я тогда начать разговор, но тут сам Матвей пришёл мне на помощь.

– Расслабься, папа, – перестав жевать, с совершенно взрослой интонацией сказал Матвей. – Если мне мало лет, это не значит, что я ничего не понимаю. Давай поговорим по-взрослому. Я же вижу, что у тебя ко мне накопилась куча вопросов. Пожалуйста, можешь их задавать, а я постараюсь на них ответить так, что бы тебе было понятно.

Сказав это, мой малыш Матвей улыбнулся и пристально посмотрел на меня. Вот тут-то я увидел тот самый взгляд, о котором говорила мне Ниннэль. Я увидел перед собой древнего старца, который зачем-то вселился в тело ребёнка. Да, было, отчего испугаться. Его глаза буквально притягивали мой взгляд, да так, что создавалось ощущение, что ещё немного и меня затянет куда-то в бездну. При этом глаза Матвея светились каким-то нездешним светом. Видимо почуввав мой испуг, Матвей пригасил свой взгляд и вновь стал маленьким мальчиком.

– Кто ты? – напрямую спросил я того, кого считал своим сыном. – Почему ты вселился в тело моего первенца? С какой целью?

Матвей на минуту задумался, причём взгляд его стал опять взглядом древнего мудреца, и взгляд этот буквально лучился силой, которая одновременно была идентична силе серых и в то же время удивительно схожа с Древней силой присущей Страннику. Похоже, я в конец запутался.

– Я тот, кем ты меня считаешь, – задумчиво заговорил Матвей. – Я твой сын и останусь им до конца моего нынешнего воплощения. В меня никто не вселялся, это моё и только моё тело. Кто я такой внутренне, я пока и сам еще не понял, но, думаю, что обязательно пойму в своё время. Ну а цель моего воплощения мне пока ещё не ясна, хотя я чувствую, что я всем вам очень пригожусь. Вот и всё, что я могу сказать, что бы тебе было понятно. Я, конечно, могу сказать и больше, но, боюсь, что ты мало что поймёшь из слов моих.

Ответ сына одновременно удивил меня и возмутил. Он, конечно, очень одарён и развит не по годам, но считать, что я, его отец, настолько не умен, если не сказать, глуп, причём глуп до такой степени, что даже не способен понять пусть даже очень умного, малыша. Я уже было собрался раскрыть рот, что бы прочитать зазнавшемуся сыну отповедь, как Матвей, явно прочитавший мои мысли, снова начал говорить, притом такие вещи, что я от удивления раскрыл рот, да так и просидел, пока тот не кончил говорить.

– Пойми, папа, – извиняющимся тоном заговорил Матвей, даже не скрывая, что свободно читает мои мысли. – Я вовсе не хотел тебя обидеть, тем более ни сколько не сомневаюсь в твоих умственных способностях, просто всё настолько сложно, что я даже не знаю, как тебе объяснить это таким бедным человеческим языком. С одной стороны я результат очень сложных процессов, которые порождают ту или иную личную судьбу человека, а с другой я плод, порождённой твоею судьбой. Проще говоря, я, по сути, являюсь результатом взаимодействия моей личной судьбы, согласно которой я не должен был воплощаться в этом мире в это время; с другой стороны твоя судьба, которая породила нынешнюю ситуацию с тобой, со всеми нами, с этим миром и ещё множеством миров Мироздания, изменила мою личную судьбу. Принятое тобой очень-очень давно одно, скажем так, неосмотрительное решение породило всё то, с чем мы сейчас столкнулись и вынудили меня, изменить собственную судьбу, что бы помочь тебе.

Он задумался, а я сидел, затаив дыхание, боясь прервать его молчание, начиная понимать, кто сейчас передо мной в образе сына.

– Да, я принял это воплощение осмысленно, и Тот, Который решает, милостиво сохранил мне память моих прошлых воплощений, – продолжил Матвей. – Однако это настолько трудно осознать, а воплотился я столь недавно, что до конца осмыслить своё прошлое, а вместе с тем и цель воплощения,

я имею в виду, конечно, высшую цель, я пока не успел. Уж больно много суеты в этом мире, которая отрывает человека от дела. Сначала мне пришлось учиться управлять своим телом, затем учиться говорить, плюс эта навязчивая забота обо мне, которая вяжет меня по рукам и ногам. . . . Короче половину своей короткой жизни я потратил на всякую ерунду, но тут уж, я думаю, ничего не поделаешь. Я очень люблю тебя и маму, и хотел бы многое для вас сделать пока я здесь. Ведь когда я уйду, мне уже будет не до того, что бы осмысливать цель своего воплощения, потому, что там, куда я уйду, суеты будет многократно больше, чем здесь.

Он опять замолчал. Я смотрел на него и видел, что сознанием он сейчас далеко-далеко отсюда. Глаза его всё так же светились мягким нездешним светом, хотя силы поубавилось, видимо этот разговор даётся ему не просто. Мне стало жаль его, моего маленького сына, который, как оказалось, был напрочь лишён детства, в нашем, конечно, понимании. Оказывается всё время младенчества, он был занят тяжким трудом осознания самого себя, спеша полностью вспомнить цель своего воплощения, стараясь быть нам полезным. Мы же смотрели на него как на маленькое, ничего не понимающее существо, за которым нужно ухаживать, заботиться и всему учить, а он в это время делал то, о чём мы, взрослые даже не имеем понятия, а если и имеем, то очень туманное. Меня обдало волной стыда. Как же так, мы, «великие волшебники», так много знающие об окружающем нас Мироздании,

здании, пытающиеся разгадывать его тайны, не смогли разглядеть великую тайну, коей являемся мы сами? Мне было стыдно, что мой маленький сын гораздо лучше знает самого себя, чем мы, и, понимая это, всеми силами хочет помочь нам понять, что все тайны Мироздания заключены в каждом из нас, а ни где-то там за тридевять земель и веков.

– Что значат твои слова, о том, что ты скоро собираешься куда-то уходить? – с тревогой спросил я. – Что это, твоё желание или это неизбежность?

– Это значит лишь то, что я скоро оставлю вас с мамой, – печально ответил Матвей. – Хотя я буду очень скучать по всем вам, а особенно по сестрёнке, но мой уход неизбежен, потому что он является одной из ступеней, ведущих к моей цели.

Я понял его, и это понимание лишила меня всякой надежды на то, что он всё-таки передумает со своим уходом. Кроме того, я остро почувствовал скорую разлуку со всеми, кто был мне дорог, ведь надо мною, словно Дамоклов меч, нависала моя судьба, завершить которую я должен был в ближайшее время. Останусь, ли я жив после этого? Кто знает.

– Папа, у тебя всё обойдётся, хотя ты и пройдёшь между смертью и жизнью, как по лезвию ножа, – сказал Матвей, несколько не скрывая, что читает меня словно открытую книгу. – У тебя очень сильные покровители и преданные друзья, так что мы с тобой ещё встретимся, но это будет очень и очень не скоро. Прежде каждый из нас должен будет сде-

лать много очень важных и смертельно опасных дел, завершая очередной этап своей судьбы.

Я был потрясён и раздавлен прозорливостью сына, который буквально играючи рассказал мне об очень отдалённом будущем. Я тогда, конечно, и представить не мог, насколько это будущее окажется отдалённым.

– Откуда ты всё это знаешь, сынок? – совершенно сбитый с толка, задал я глупый вопрос.

– Не знаю, папа, – просто ответил Матвей. – Не спрашивай меня об этом. Я просто знаю и всё. К сожалению, я не имею права рассказать тебе всё, что я знаю и вижу, это может сыграть с тобой дурную шутку, однако об одном я всё же тебя предупрежу. Довольно скоро ты потеряешь нашу маму, но всё обойдётся благодаря верности твоих друзей. Они спасут её, так, что больше всего на свете цени и береги друзей своих; без них ты вряд ли сможешь сделать и десятую часть того, что ты должен сделать. На этом всё, я умолкаю. Больше о будущем ни слова.

Он замолчал, а в душе моей его слова вызвали ураган чувств. Здесь смешалось всё: любовь к сыну и жене, страх их потерять, горячее чувство к друзьям, ненависть к тем, кто не даёт мне жить так, как я сам хочу. Этот ураган обрушился всей своей мощью на стержень чувства долга, укреплённый волей моей. Тот сначала согнулся, но выдержав первый удар, распрямился, и далее оставался незыблемым до той поры, пока ураган чувств не источил свой потенциал и не превра-

тился, в конце концов, в лёгкий летний ветерок.

Матвей, опять превратился в ребёнка, а я, придя в себя, сделал большой глоток из фляги, который позволил мне окончательно успокоиться.

– Ладно, сынок, – сказал я, полностью успокоившись. – Оставим будущее в покое. А можешь ли ты мне ответить, давно ли ты научился обращаться в дракона, да ещё таким экзотическим способом, как прыгнув с моей спины во время полёта? А так же ответь, если можно, конечно, как ты смог так легко разорвать мои удерживающие заклятия?

– Ну, папа, на эти вопросы ответить легко, – почти сразу ответил Матвей. – Я никогда не учился обращаться в дракона, а просто с самого рождения знал это. Просто я посчитал за лучшее, что бы никто ни знал, что я дракон, Все эти годы я находился под присмотром мамы, тётушек и бабушек, поэтому попробовать обратиться я никак не мог. Сегодня же, когда ты нёс меня сюда, меня что-то толкнуло изнутри – прыгай и обращайся. Этому своему внутреннему голосу я бесконечно доверяю, поэтому незамедлительно последовал его совету, полностью уверенный в том, что у меня всё получится. Так что ты зря так за меня испугался – я никогда не сделаю ничего такого, что навредит мне или моим близким. Ну, а что касается твоего второго вопроса, то это и вовсе просто. Это только тебе и дедушкам кажется, что вы накладываете сильные заклятия. Да, они непреодолимы для слабых, но там, откуда я пришёл, это несерьёзно; я просто не обратил

внимания на удерживающее заклятие, кстати, и без него я бы не упал с твоей спины.

Я уже устал удивляться своему сыну, наверно потому, что слишком многим он меня удивил, так что даже способность удивляться у меня несколько притупилась.

– Стоит ли рассказать маме или ещё кому-нибудь, о том, что я здесь узнал? – спросил я сына, что бы знать, как мне вести себя дальше.

– Я бы не хотел, что бы кто-то кроме тебя знал о том, о чём мы с тобой говорили, – сказал Матвей. – Особенно мама, ведь ей ещё предстоит расставание со мной. Пусть лучше это станет для неё сюрпризом.

Я был согласен с ним. Я-то, в какой-то мере, был уже подготовлен к расставанию с ним, тем более что буквально на днях мне предстоит расставание не только с сыном, но и с семьёй, и с друзьями. Кроме того я вообще был привычен к расставаниям, а вот каково Ниннэль будет расставаться с сыном, которого он любит до потери сознания. Да, Матвей, не смотря на малый возраст, был очень тактичным и жалостливым человеком и стремился сделать всё так, что бы матери было легче пережить разлуку с ним.

Пока мы обедал и вели наши разговоры, наступил вечер, когда солнце касается своим нижним краем близкого, изломанного в горах горизонта. Долина погрузилась в мягкий полумрак, который уже не свет, но пока ещё и не тьма, а вершины и облака над ними ярко сияют в лучах заходящего солнца,

вступая своими красками, в диапазоне от кроваво-красных и пурпурных, через оранжевые к лимонно-жёлтым, в резкий контраст с фиолетово-синими, вплоть до чёрного, красками долины. Идти в пещеры было уже поздно, поэтому просто решили посидеть у костра. Пока не стемнело, мы натаскали целую гору хвороста, и сидели, прижавшись, друг к другу, глядя, как огонь, получивший новую порцию пищи, с весёлым треском поедает хворост, выбрасывая искры, словно брызги, высоко в темнеющее небо, на котором уж не смело, начали загораться звёзды.

Я вдруг ощутил, что нас с сыном окружили три самые загадочные и, в то же время, самые завораживающие, причём практически для любого человека, стихии, на которые человек может смотреть часами, и при этом ни сколько не устать. Над нами раскрывалось во всём своём величии и великолепии ночное небо, полное звёзд, которые сияли на небе подобно горсти бриллиантов разной величины, рассыпанных на чёрном бархате ночи. Перед нами плясал в своём вечном загадочном танце огонь, поедая припасённый нами хворост, и плюясь в чёрное небо искрами, чем-то неуловимо схожими со звёздами, но только, увы, живущими по сравнению со звёздами лишь миг, и этим самым схожие с людьми. Ну, а рядом, всего в двух шагах от нас, пел свою вечную песню ручей, сейчас невидимый, но так же способный приковать к себе взгляд человека. Когда окончится ночь, и звёзды погаснут на небосклоне, ручей явится во всей своей красе, что

бы мы всегда помнили днём, что существуют звёзды, а ночью своим журчанием напоминать, что наступит день. Вся эта круговерть стихий утверждала закон и внушала нам уверенность, что так будет всегда, пока существует Мироздание. А значит, и все мы будем пребывать в нём всегда, и никто, кроме нас самих, не сможет с нами ничего поделывать, а это и есть жизнь вечная, о которой, пожалуй, мечтает каждый человек, хотя и тщательно это скрывает от других.

Матвей сидел возле меня, прижавшись к моему боку, и задумчиво смотрел на огонь. Что он видел в пляске языков пламени? Что грезилось ему в это время? О чём он думал? Всё это осталось для меня загадкой, ибо не было никакой возможности узнать это, а сын молчал. Как-то незаметно он уснул. Я осторожно, что бы ни разбудить, перенёс его в шатёр и уложил спать на приготовленную заранее постель. Сам же я спать не хотел, поэтому вернулся к костру и долго сидел, глядя на угасающее пламя, время от времени, делая глоток из фляги и размышляя. О чём я тогда думал? Хоть реж меня – не знаю, да это и не важно. Важно было то, что я прикоснулся к великой тайне, которая оказалась моим сыном; важно было то, что после близкого знакомства с собственным сыном, я окончательно и бесповоротно принял свою судьбу, потому что он показал мне, как следует принимать собственную судьбу; важен был вот этот костёр, эти звёзды над моей головой, это журчание ручья в темноте, а что случится со мной настолько не важно, что и думать об этом нет смысла.

Кувай вернулся из своего путешествия в пещеры каким-то чересчур задумчивым, что на него было совершенно не похоже. Обычно, даже тогда, когда его одолевали проблемы, он бывал, хотя и сосредоточен, но всё же весел. На этот же раз его словно подменили. Приставать с расспросами, у нас было не принято; если захочет, сам скажет, а нет, то, как говорится, на нет и суда нет. Всё это так, но мне его состояние очень не нравилось, тем более перед тем решающим шагом, которым он должен будет завершить свою судьбу. Ведь не от страха же перед возможной гибелью он в таком состоянии.

Как оказалось, его состояние тревожило не только меня. На другой день по возвращению Кувая, ко мне в кабинет, где я разбирал свои бесконечные бумаги по подготовке Сегурии к войне, зашла Ниннэль. Она была очень встревожена состоянием мужа.

– Господин, Азар, – обратилась она ко мне, когда я оторвал своё внимание от бумаг. – Не могли ли вы уделить мне немного времени для важного разговора?

Я тут же отодвинул осточертевшие бумаги в сторону, встал и предложил ей присесть. Я, конечно, в своей жизни мало общался с женщинами, тем более такими яркими, как Ниннэль, но воспитание кое-какое всё же имел. Усадив драконицу и предложив ей кубок вина, от которого она не ста-

ла отказываться, я уселся сам и внимательно посмотрел на мою гостью, которая явно была серьёзно чем-то озабочена. Не надо иметь семи пядей во лбу, что бы понять, что её так взволновало. Для того, что бы она немного успокоилась, я не стал спрашивать о причине её визита ко мне (наши с ней занятия по Высокому Искусству обычно проходили позже, ближе к вечеру).

– Я пришла к вам, что бы поговорить о странном состоянии Кувая, – несколько успокоившись, заговорила драконица. – Меня очень тревожит его состояние.

– Меня тоже, Ниннэль, – просто сказал я. – Тем более, что ему очень скоро предстоит серьёзные испытания. Я никак не могу понять, что с ним случилось. Однако не могу же я приставать к нему с расспросами, хотя порой мне кажется, что я так и сделаю, хотя, мне кажется, тебе было бы это сделать сподручней.

– Да, я уже пробовала и так и эдак, – чуть не плача сказала молодая женщина. – Как я только не выпытывала его, всё бесполезно. Нет, он не стал равнодушен ко мне, даже наоборот. Он буквально не отходит от детей, особенно от Матвея, с которым он ведёт долгие беседы, но стоит мне лишь подойти к ним, как они замолкают. Я чувствую, что там, в пещерах у них что-то произошло, а вот что, я никак в толк взять не могу. Нет, я понимаю, что Кувай очень любит детей и ему очень тяжело с ними расставаться. Я понимаю, что у отца с сыном могут быть свои тайны, но не до такой же степени.

Иногда я даже жалею, что меня воспитали так, что подслушивание для меня неприемлемо. Стоит мне лишь подступиться к мужу с прямыми расспросами, что с ним произошло, как он или отшучивается, уверяя, что я всё себе выдумала, либо замыкается, ссылается на какие-то срочные дела и старается поскорее уйти.

Закончив говорить, она вдруг заплакала, спрятав лицо в ладони. Плакала она почти беззвучно, лишь вздрагивали её плечи, да время от времени шмыгала носом. Когда она заплакала, я растерялся и не знал, что делать и как успокоить плачущую драконицу. Почему-то мы мужчины плохо переносим слёзы женщин, особенно близких женщин. Я в этом деле не был исключением, поэтому повёл себя так, как ведут себя большинство мужчин, то есть как дурак. Начал говорить, что всё как-нибудь устроится, что причин для слёз пока нет, однако все мои попытки успокоить Ниннэль, вызвали у неё противоположный эффект, она только сильнее плакала. Тогда я решил оставить её в покое, здраво решив, что рано или поздно она сама успокоится. И верно, прошло минут десять, и драконица стала потихоньку успокаиваться. Я подождал ещё, давая ей окончательно прийти в себя, а затем спросил:

– А ты не пробовала расспросить Матвея? – спросил я, – Всё же ты его мать и он вряд ли сможет утаить от тебя чего-нибудь, тем более, что он ещё очень мал.

– Как же не пробовать, пробовала, ответила Ниннэль. –

Но он так на меня посмотрел, что больше спрашивать мне не захотелось. Знаешь, я временами боюсь собственного сына, особенно этот его странный мерцающий взгляд полный скрытой силы, как будто на тебя смотрит не малыш, а некий очень могучий старец, который лишь прикидывается маленьким мальчиком. Я много раз просила Кувая прозондировать его сознание, но он наотрез отказывается.

– Почему же ты раньше не рассказала мне об этом? – спросил я, начиная что-то понимать. – Я постарался бы вам помочь, хотя пока не знаю как. Всё же вы с Куваем мне не чужие.

– Не знаю, наверное, я не хотела своими страхами мешать тебе, – просто ответила Ниннэль. А вдруг я сама себе всё это выдумала?

– Знаешь Ниннэль, – сказал я. – Пока я ещё не знаю, что делать, но, мне кажется, скоро я это узнаю. Ты же помнишь, что послезавтра Куваю исполняется тридцать пять лет. Предлагаю собрать пышное застолье, что бы отметить это событие. Соберутся друзья Кувая, все хорошо выпьют, и может быть нам удастся разговорить нашего золотого дракона, тем более, что обстановка будет абсолютно неформальной, а выпитое вино развязывает язык. Как по-другому разговорить Кувая, я просто не представляю. Будем надеяться, что у нас всё получится., тем более, что друзей мы предупредим, да они и сами всё видят.

Ниннэль внимательно выслушала мою речь и согласилась

с моими аргументами, тем более что особого выбора у неё и не было. Она ушла от меня несколько успокоенной, а я же, не откладывая дело в долгий ящик, осторожно переговорил с заинтересованными лицами, получив от них полную поддержку.

Стояла прекрасная погода, и, хотя был только апрель, что соответствовало середине весны, погода была по летнему тёплая. Воздух был наполнен ароматом весенних цветов, запахом молодой листвы и, в общем, всем тем, чем пахнет проснувшаяся после зимы природа, тревожа наши чувства, и маня, куда-то за горизонт пробудившимся в нас, в очередной раз, бродяжим духом. В это время, в империи Повелителей драконов, куда, в скором времени, придёт держат путь виновнику нынешнего торжества, ещё лежали сугробы и не редкими были не по весеннему злые, бураны.

Столы, как всегда по случаю хорошей погоды, были накрыты на улице под полотняными навесами. Сегодня в Сегурии мы отмечаем тридцать пятый день рождения Кувая, законного наследника престола империи Повелителей драконов. Столы буквально ломятся от всевозможных закусок и многочисленных бутылей, кувшинов с вином и напитками покрепче. Собралось, похоже, всё взрослое население Сегурии, исключая беженцев. Было много поздравлений, пожеланий и подарков.

Наконец веселие дошло до той точки, когда молодёжь затевает танцы и игры, а более солидные гости разбиваются на

группы, для душевных разговоров. За столом именинника собрались все самые близкие Куваю люди. Танцевать никому не хотелось, поэтому мы решили попробовать разговорить Кувая, однако наш план, даже не начав как-то реализовываться, сразу же с треском провалился. Произошло это так.

Мы только что в очередной раз выпили за здоровье Последнего дракона, и только я собрался открыть рот, что бы начать провоцировать Кувая на откровенность, как он сделал жест рукой, призывая всех хранить молчание. Я почувствовал толчок силы и понял, что Кувай вступил с кем-то в ментальную связь. Сам Кувай отрешённо замер, как это всегда бывает при этом виде связи. Нам осталось терпеливо ждать, когда он закончит и поделится с нами, если, конечно, этого пожелает.

Связь продолжалась минут десять, после чего Кувай пришёл в себя, но настроение его разительно поменялось. Если до сеанса связи он, по крайней мере, казался весёлым, то сейчас на его лице отчётливо читалась серьёзная озабоченность. Видимо известия, которые он от кого-то получил, были не из тех, что заставляют радоваться. Мы все ждали, что скажет нам Кувай, давая ему время осмыслить полученные известия, однако Ниннэль, вовсе не склонная к долгим ожиданиям, спросила его, что случилось. Он посмотрел на неё каким-то отрешённым взглядом, затем улыбнулся и заговорил. Я внутренне поблагодарил драконицу, которая своей нетерпеливостью помогла всем нам.

– Друзья, мои, – заговорил Кувай, поставив предваритель-
но защиту от подслушивания. – Только что я получил очень
тревожные известия от Кварга. Я не хотел вам до поры о них
говорить, что бы ни испортить всем вечер, но вижу, что мои
намеренья с треском провалились, благодаря моей нетерпе-
ливой жене. Что же, пусть будет так. В конце концов, кто нам
помешает совместить праздник с совещанием.

Он замолчал, поднял свой кубок и предложил тост за скоро-
е будущее, что бы оно было милостиво ко всем нам. Мы
дружно поддержали его тост.

– Кварг передаёт, что через трое суток в столице начнёт-
ся мятеж против царствующих Повелителей драконов, дабы
лишить их власти и призвать на помощь Серую империю, –
сказал Кувай, и глаза его полыхнули яростью, от силы кото-
рой всем нам стало неуютно за столом. – Организовал под-
готовку и возглавит мятеж герцог Кейвалл, который состо-
ит начальником охраны в свите моего брата Рогга. Их за-
мысел до безобразия прост. Они хотят сместить моих роди-
телей, и возвести на престол Повелителей драконов Рогга,
минуя все тысячелетние установки империи. Заняв престол,
Рогг должен будет обратиться к владыкам Серой империи
с призывом о помощи и защите от коварной Сегурии. Это
послужит формальным поводом для вторжения Серой импе-
рии. Боюсь, что у заговорщиков может всё получиться, так
как при Повелителях осталась только его личная гвардия, а
численность её очень мала. Вряд ли они долго продержатся

против толпы всякого сброда, который представляет собой оставшееся население столицы. В большинстве своём, это либо шпионы серых, либо люди, полностью попавшие под влияние идей Серой империи, либо просто воры, убийцы и мародёры.

Кувай сделал паузу, что бы осушить свой кубок и дать нам время поразмыслить об услышанном. Сказать по правде, слова Кувая меня не удивили, примерно это я и ожидал, хотя слышать о том, что в империи нашлось столько предателей, готовых за какие-то свои мелочные интересы отдать на растерзание безжалостному врагу собственную страну, было крайне неприятно, я бы даже сказал противно.

– Мятаж начнётся через трое суток, как раз тогда, когда у меня назначена аудиенция у моей матери, – уже гораздо спокойней, продолжил Кувай, сумевший справиться со своей яростью. – Видимо, они хотят одним ударом убить двух зайцев: покончить с Повелителями и уничтожить меня, хот не думаю, что это у них легко получится. Вот так на сегодняшний день обстоят дела в нашей благословенной империи.

Ну, это, в общем-то, тоже было понятно. Ничего нового враги наши так придумать и не смогли. Однако, из всего сказанного Куваем, сам собой напрашивался вывод, что ему никак не следует отправляться в столицу одному. Значит, теперь нам легче будет переубедить упряма, это внушало надежду.

– Мало того, – продолжил Кувай. – Отряду Кварга поручено проникнуть на территорию Обсерватории, захватив ворота, через которые туда проходят те, кто должен эвакуироваться вместе с Обсерваторией.

– Ничего себе, – не выдержал я, крайне удивлённый словами Кувая. – По моему это наглость, которая только подтверждает и полностью раскрывает основную цель Серой империи. Получается, что захват столицы им не шибко-то нужен, а главная их цель, из-за чего весь сыр бор и разгорелся, это Обсерватория, как неисчерпаемый источник силы. Однако мне кажется, что у них это вряд ли получится.

– Почему же не получится, друг Азар? – возразил мне Странник. – Я, когда был в Серой империи, много наблюдал за её подданными и понял, что этот народ, сцементированный одной идеей способен ставить перед собой большие задачи и упорным трудом решать их. Даже, если в этот раз Обсерватория и не поддастся, будет ещё множество попыток. Упорства серым не занимать, и рано или поздно, Обсерватория падёт. Так, что мы правильно сделали, что решили помочь Обсерватории, создав ей неприступную ни для кого вотчину. Уверен, что как только Обсерватория буквально выскользнет из рук серых, агрессия против нас прекратится – Серой империи не будет смысла губить своих людей в схватках с нами.

После слов Странника за столом на некоторое время наступило затишье, которое прервал Кувай.

– Друзья мои, – подняв свой кубок, сказал Кувай. – Не забывайте, что мы всё же на моём дне рождения, поэтому предлагаю хорошенько выпить и покушать. Кто знает, удастся ли нам когда-нибудь ещё вот так собраться всем вместе. Поэтому предлагаю все разговоры вести в стиле не совещания, а так, как это принято в застолье. Предлагаю, что бы каждый из вас высказался, что нам теперь делать и как каждый из нас намерен поступить. Прошу, вас, поменьше официоза, и не забывайте выпивать и закусывать.

Все шумно поддержали Последнего дракона. Я распорядился, что бы нам принесли ещё вина и закуски, а когда это было сделано, я, на правах хозяина, наполнил до краёв кубки, затем поднял свой и объявил тост. Тост за всех нас, здесь присутствующих, что бы судьба наша была благосклонна к нам и рано или поздно наступило бы такое время, когда все мы этим же составом соберёмся снова за этим столом. Все с шумным энтузиазмом поддержали мой тост. Когда все выпили и закусили, слово попросил Ляргус.

– Господа, друзья мои, – с лёгкой улыбкой сказал старый жрец, вставая и поднимая свой кубок. – Конечно, мы все должны поддержать Кувая, хотя бы потому, что ту заразу, что свила своё гнездо в самом сердце нашей Родины, нужно уничтожить, и лучше всего это может сделать огонь наших драконов. Да, Кувай, ты вполне можешь в одиночку сжечь столицу, это тебе вполне по силам, но где гарантия, что ни один носитель серой заразы не сможет сбежать. В этом слу-

чае он будет разносить заразу по всему миру. Поэтому я предлагаю блокировать столицу, что бы никому не позволить покинуть столицу.

– Но ведь это безумно жестоко не дать людям возможности спастись, – возразила Ниннэль, вскочив со своего места, и как всегда горячась. – Это что же получается, муж мой будет жечь город, а вы, значит, будете поголовно убивать несчастных, которые захотят спастись. Как, по-вашему, это называется?

– В медицине это называется вскрытием гнойника, которое производит хирург, дабы тем самым спасти организм. Потому что, если этого не сделать, начнётся заражение крови и больной умрёт, причём смерть его будет полна страшных мучений, – всё с той же немного грустной улыбкой ответил драконице Ляргус, тоном, каким обычно объяснял очевидные истины несмышлёному ученику. – Таким хирургом в нашем случае является Кувай, а мы все лишь скальпель в его руках, в том числе и ты, дочка. Ведь те люди, которые будут стараться вырваться из обречённого города, все заражены серой немочью, и оставить им жизнь, значит обречь весь наш мир на это смертельно опасное заболевание.

– А откуда известно, что все они заражены? – не сдаваясь, упорствовала Ниннэль. – Возможно, среди них есть и здоровые люди.

– Ты права, наша прекрасная драконица, – ответил Ляргус. – Только здоровые люди, которые ещё остались в столи-

да к моменту, когда начнётся мятеж, будут в Обсерватории или будут туда пробираться, ведь им незачем бежать из города. Те, которые здоровы, давно уже бежали из столицы и укрылись в вотчинах. В городе остались лишь мятежники и предатели мечтающие сдать наш мир Серой империи, которые в случае их победы никого щадить не будут. Не думай, что все мы здесь так любим убивать, но иногда это приходится делать. Когда все будет закончено, попроси мужа, что бы он провёл тебя по мирам, где похозяничала Серая империя, тогда ты нас поймёшь.

Ниннэль, видимо посрамлённая доводами старого жреца, поубавила свой пыл, а что бы скрыть смущение начала усиленно закусывать, хотя пила мало.

– Я полностью поддерживаю уважаемого Ляргуса, – неожиданно поддержал жреца командир храмовой стражи, который сидел рядом со жрецом, лихо выпивал, не пьянея и, не забывая отдавать должное закуске. – Если при подавлении обычного мятежа достаточно пустить столько крови, что бы запугать и сломить дух мятежников, то в нашем случае всех мятежников надо истребить поголовно, в противном случае мы наживём себе в будущем множество серьёзных проблем. Уж, поверьте моему опыту.

Я был с ним полностью солидарен в этом вопросе, одно лишь было не ясно, как мы успеем перебросить армию Сегурии к столице, ведь для её блокирования потребуется много воинов.

– Осмелюсь спросить тебя, Ляргус, какими силами ты планируешь блокировать все выходы из столицы? – задал я, волновавший меня вопрос. – Ведь времени у нас совсем мало, а переброска войск Сегурии потребует его много.

– А кто говорит, что мы двинем туда войска Сегурии? – вопросом на вопрос ответил жрец. – Мы, конечно, не успеем перебросить войска, да этого и не требуется. Основой моего плана является скрытность. Ведь если мятежники засекут перемещение наших войск, они, скорее всего, отложат сроки мятежа, либо поспешат сделать переворот раньше. И то и другое нам не желательно. Лучший вариант для нас, что бы всё шло так как задумали они, а наше появление в момент, когда начнётся мятеж, должно стать для них полной неожиданностью.

– Всё это так, но какими силами ты намерен осуществить задуманное? – не сдавался я, хотя уже стал догадываться куда клонит мой мудрый Учитель.

– Ты, Азар, наверное, забыл, что я всё ещё Верховный жрец империи, – ответил Ляргус. – Я намерен блокировать столицу силами храмовой стражи. Это вполне им по силам. Как ты, наверное, знаешь, в стене, ограждающей столицу, имеется всего четверо ворот, поэтому перекрыть выход из города не составит труда и не потребует большого количества воинов.

– Всё это так, но как ты перебросишь храмовников так быстро, да ещё и незаметно? – упорствовал я.

– Ты когда-нибудь видел знаменитый быстрый марш храмовой стражи? – усмехнувшись, ответил вопросом на мой вопрос Ляргус. – Так что давай лучше выпьем, чем тратить время на глупые вопросы.

Сказать по правде, насмешка жреца слегка задела моё самолюбие, правда, самую малость, и то лишь потому, что я был слегка навеселе, а может потому, что я и сам понимал глупость моего вопроса. Давно бы надо было привыкнуть, что мой старый учитель никогда не бросает слов на ветер.

Мы выпили, и тут с вопросами к старому жрецу перешёл Кувай, которого, судя по всему, чрезвычайно заинтересовали намеренья Ляргуса.

– Достопочтенный, Ляргус, – с почтением обратился к старику Кувай. – Не могли бы вы, хотя бы в самых общих чертах, раскрыть план своих действий?

– С удовольствием поделюсь своими намереньями, тем более тебе, как имениннику я не могу отказать, – со смехом ответил Ляргус. – Всё очень просто, мой мальчик. Моё время кончается, я ухожу вместе с моими Повелителями, которым я служил всю свою жизнь. Поэтому моё место в Обсерватории вместе с ними. Храмовая стража, после того, как выполнит мой последний приказ, освобождается от присяги и каждый вправе избрать свой путь – уйти ли с Обсерваторией и стать её стражами, или присягнуть Сегурии, которой очень нужны преданные воины. Как я чувствую, и Обсерватории, и Сегурии ещё потребуются воины такого уровня, как храмо-

вая стража, поэтому прошу принять их так, что бы Сегурия стала для них Родиной. -

Он взял паузу, давая нам осмыслить его слова. Кто-то предложил выпить за старого мудреца и все дружно выпили, хотя я видел на большинстве лиц грустное удивление.

Я и сам был потрясён откровением моего старого Учителя, который даже свой уход обставил так, как этого никто не ожидал. В душе моей смешались самые разные, в чём-то даже противоречивые чувства. Удивление неожиданным заявлением смешалось со страхом от предстоящего расставания, как я понимал, навеки. В моей памяти вихрем пронеслись воспоминания, связанные с моим старым Учителем, и я, как-то сразу понял, что у меня связана с ним целая жизнь, а так же только теперь полностью осознал, насколько Ляргус стар. А ведь до сих пор я где-то в душе считал, что мне никогда не придётся с ним расставаться вот так навсегда. Да, заявления Ляргуса потрясло меня.

Он, видимо это замети, потому что как-то по особенному посмотрел на меня и вдруг подмигнул. Я от неожиданности даже вздрогнул. Этот старый человек, собираясь навсегда покинуть этот мир, ещё находит в себе силы поддержать меня. Да, в этом был весь Ляргус.

– Так значит, ты будешь в Обсерватории? – неожиданно спросил жреца Кувай.

– Да, мой мальчик, – несколько озадаченно ответил Ляргус. – Я должен там встретить твоих родителей, что бы от-

правиться вместе с ними в вотчину Обсерватории. А почему ты спрашиваешь?

– Я тут подумал, что неплохо бы было вывести из игры отряд Кварга, причём вывести так хитро, что бы они все считались героически погибшими во время штурма Обсерватории, – сказал Кувай. – Но, как я понимаю, ты, Ляргус мне в этом деле не помощник.

– Это ещё почему? – удивлённо спросил старый жрец. – Что ты вообще задумал? Как я могу помочь спасти тебе отряд Кварга?

– Да, извини Ляргус, я просто не подумал, что ты уходишь вместе с Обсерваторией, – извиняющимся тоном ответил Кувай, на лице которого явно читалось разочарование.

Неожиданно на помощь к нему пришёл Странник, который всё это время просидел молча, лишь слушая и, время от времени кивая головой, словно с чем-то соглашаясь, причём никак не связанным с нашей беседой.

– Я так полагаю, что мне следует посетить Обсерваторию вместе с уважаемым Ляргусом, – неожиданно сказал Странник, деля большой глоток из своего кубка. – Там я смогу помочь тебе, Кувай, спасти твоих агентов. Они действительно в будущем нам очень пригодятся, да и то, что они уже для нас сделали, стоит того, что бы спасти их.

– Кто-нибудь мне скажет, что вы задумали? – возмутился я. – Какое отношение имеют к Обсерватории Кварг и его люди? Если уж наше застолье всё больше походит на сове-

щение, очень бы хотелось знать, что ты, Кувай, задумал.

– Извини меня, Азар, – извиняющимся голосом сказал Кувай. – И вы, друзья тоже. Когда уважаемый Ляргус сказал, что он отправится в обсерваторию, мне в голову пришла идея, о которой я вам сейчас расскажу. Но прежде предлагаю всем выпить за здоровье нашего мудрого Ляргуса, что бы всё, что он задумал благополучно завершилось.

Вся наша компания дружно поддержала тост, да так рьяно, что мне пришлось вновь распорядиться принести ещё вина и закусок.

– Вот какая идея пришла мне в голову, друзья, – продолжил Кувай после того, как все выпили и закусили. – Вы, наверное, помните, что в донесении, которое я получил от Кварга, говорилось, что его отряду в самом начале мятежа надлежит напасть на охрану Обсерватории в месте, где проходят беженцы, что бы проникнуть на её территорию и удерживать вход до тех пор, пока не подойдут основные силы герцога Кейвалла. Я предлагаю впустить отряд Кварга, а когда подойдут основные силы мятежников, уничтожить их ударом храмовой стражи, которая вместе с Ляргусом будет к тому времени в Обсерватории. Остаётся только, перед тем, как начнётся перенос Обсерватории, открыть проход и вывести отряд Кварга в безопасное место, что, как я понял, берётся исполнить мой уважаемый Учитель.

– Да, Кувай, я это сделаю, – поддержал Кувая Странник. – У меня, как раз, есть на примете чудесный мир, где наши

союзники смогли бы с комфортом переждать. Там есть уютный приморский городок, где мэр мой хороший приятель. Так что Кварг со своими людьми не вызовет ни каких подозрений.

– Вот и прекрасно, – удовлетворённо сказал Кувай. – Только постарайся обставить уход так, что бы все посчитали Кварга и его людей погибшими. Поэтому переход должен состояться непосредственно перед самым взрывом. Это нам очень пригодится в будущем.

Все одобрили план Кувая, да и мне самому он понравился. При всём моём недоверии к Кваргу, надо отдать ему должное – он держал своё слово и здорово нам помог.

Застолье продолжалось, и хотя не было особого веселья, какое уж тут веселье, если впереди всех нас ждут смертельно опасные события. Нет, не подумайте, что мы боялись, просто обстановка не располагала к веселью, так же как не располагало к веселию хождение по мирам. Это потом, после возвращения мы вспоминали много весёлых, порою даже комичных событий, случившихся с нам, а во время похода нам было не до смеха.

В перерывы между тостами и закуской, мы обсудил детали предстоящего нам дела. Уже полностью стемнело, когда, наконец, был завершён общий план действий на ближайшее время.

План этот отводил каждому из нас свою роль в решении задачи по завершению судьбы Кувая, которая по своей су-

ти являлась завершением судьбы империи Повелителей драконов. Первыми выдвигались к столице Ляргус, Странник и храмовая стража. Вместе с ними должны отправиться порядка пятидесяти драконов, из числа самых сильных и опытных. На этом настоял Рикс, старший брат Яргуста, который их и возглавил. Драконам на первом этапе предстояло взять на себя роль перевозчиков для воинов храмовой стражи. Они должны были скрытно перевезти храмовую стражу поближе к столице империи. Сосредоточиться храмовники должны будут в дубраве недалеко от кабачка, где Кувай в своё время сумел познакомиться с Кваргом. В густой дубраве, что широко раскинулась в этом месте, без труда можно было спрятать целое войско. В ночь накануне дня назначенной аудиенции Кувая у Повелителей, когда должен был начаться мятеж, храмовая стража должна будет скрытно занять позиции против всех четырёх ворот, ведущих в город, что бы препятствовать попыткам мятежников бежать из города. Было решено, ни под каким видом страже не входить в город, а уничтожать любого, кто попытается вырваться из обречённого города.

Оставив половину храмовников и всех драконов в дубраве, Ляргус со Странником и второй половиной стражников скрытно проникают в город и подземельями пробираются в Обсерваторию. Магическое прикрытие оставшихся в дубраве сил будут осуществлять Джон и Марк. Эта группа отправляется в столицу завтра утром.

Кувай же отправится в столицу уже сегодня ночью. В известном ему кабачке его встретит Крон и проведёт в Обсерваторию. Далее он должен будет встретиться с Кваргом, договориться с ним и далее действовать по обстановке.

Кувай согласился с предложенным ему планом действий, а потом, сославшись, что время позднее и ему пора собираться в дорогу, покинул вместе с Ниннэль застолье.

Как только они ушли, заговорил Странник, причём выглядел он очень встревоженным.

– Друзья, – сказал Странник. – Дело, что нам предстоит, а особенно это касается Кувая, настолько опасно, что шанс выбраться из него без потерь, минимален. Я тут посчитал, что перенос Обсерватории высвободит столь колоссальную энергию, то есть в результате действия заклятия переноса произойдёт очень мощный взрыв, последствия от которого практически невозможно предсказать. Может быть, в результате взрыва разрушится этот мир, может быть воздействие его будет более локальным, одно скажу, мир уже не будет таким, как был. Из моих расчётов вытекает, что этот мир, частью которого является и Сегурия, будет выведен из равновесия, как минимум на пятьдесят тысяч лет. Лишь тогда сложатся условия, при которых возможно возвращение Обсерватории и возрождение империи Повелителей драконов.

Мы все сидели поражённые страшными перспективами недалёкого будущего.

– А может вообще отказаться от переноса Обсерватории,

если её перенос грозит нам такими катаклизмами? – вырвалось у меня. – Может Обсерватория сможет самостоятельно отбиться от посягательств Серой империи? Возможно, мы слишком торопимся?

– Нет, друг мой, Азар, – с печалью в голосе ответил Странник. – Когда я получил результаты моих вычислений, то тоже пришёл в ужас. Однако я не поленился и просчитал последствия, если Обсерватория самостоятельно примет решение переместиться. Результат оказался таковым, что я не хочу об этом даже говорить. Просто часть Мироздания, в котором находится этот и ещё сотни миров выпадет из бытия. Поэтому, хотим мы этого или не хотим, нам придётся закончить то, что мы задумали; да и Кувай, в конце концов, должен до конца реализовать свою судьбу, что бы начать новую. Короче, Последний дракон должен преобразиться в дракона Грядущего. Вот давайте сейчас и выпьем за дракона Грядущего и помянем Последнего дракона.

Мы все встали, подняли свои кубки и, не чокаясь, выпили. Не знаю, кому как, а мне вино показалось горьким.

– После взрыва всех, кто будет находиться в столице и её окрестностях, скорее всего не убьёт, но наверняка выбросит куда-то за пределы этого мира. Многие при этом могут оказаться без сознания или временно потерять память. Я предусмотрел это. Для того, что бы позже отыскать выброшенных из этого мира, я предлагаю наложить на каждого, кто будет участвовать в этом деле, заклятие-маяк, которое помо-

жет мне и Азару отыскать потерявшихся. Наложение этого заклятия не составит большого труда, но в своё время может помочь каждому из вас, хотя дело это строго добровольное. -

Он прервал свою речь, что бы дать нам подумать. Да, интересная получается картинка, как говорится, куда ни кинь – всюду клин. Я смотрел на лица собравшихся за столом людей, пытаюсь понять, что они сейчас ощущают, когда всем стало ясно насколько опасно предстоящее нам дело. Однако за столом собрались люди привыкшие смотреть смерти в глаза (ловлю себя на мысли, что это буквально так), причём люди хорошо умеющие скрывать свои чувства, поэтому определить по их лицам что-либо мне не удалось, ведь не будешь же применять магию, что бы понять, что на душе у близких тебе людей.

– Как вы понимаете, основная нагрузка, как и основная опасность, приходится на Кувая, а наше дело, это максимально помочь Последнему дракону в его деле, – продолжил Странник. – Поэтому предлагаю Яргусту по возможности скрытно сопровождать Кувая, что бы в нужный момент прийти к нему на помощь.

– Не представляю себе, как я смогу следовать за Куваем так, что бы он меня не заметил, – с сомнением в голосе сказал Яргуст.

– Ты, Яргуст, меня не так понял – ответил Странник. – Я же не предлагаю тебе следить за ним, это действительно невозможно. Просто тебе надо будет устроиться на утё-

се Небесной стражи, откуда хорошо виден дворец Повелителей, раньше, чем начнётся аудиенция, назначенная Куваю. Оттуда ты сможешь увидеть, когда начнётся заваруха, какую помощь оказать Последнему дракону. Поэтому тебе стоит отправиться в столицу завтра вечером, что бы к утру занять свой наблюдательный пункт. Предстоит серьёзная драка, поэтому подготовь свои боевые заклятия, и обязательно надень доспехи.

– Вот теперь я всё понял, – ответил чёрный дракон. – Обязательно воспользуюсь твоими советами, Учитель.

Я слушал Странника и Яргуста, и в душе моей стала возникать некая обида – вот мол, все при деле, один я не задействован в общем деле. Однако стоило только заговорить Страннику, как обиду, словно ветром сдуло.

– Теперь, что касается тебя, друг мой Азар, – вновь начал говорить Странник. – На тебя ложится вторая по сложности и ответственности задача, после Кувая, конечно. Тебе предстоит обеспечить Сегурию магической защитой и удержать на месте во время той силовой бури, которая случится после переноса Обсерватории, что бы всем нам было куда возвращаться. Поэтому, как только все мы уйдём, закрывай Сегурию наглухо, особенно в местах, где открывались проходы. И вот ещё что, дай ко мне твою руку, я подключу тебя к моей Древней силе. Думаю, что бы выполнить стоящую перед тобой задачу, тебе не помешает резерв силы. Будучи подключен ко мне, ты в любой момент сможешь получить от меня

Древнюю силу в том объёме, в котором будет необходимость. Выслушав Странника, я испытал такой прилив благодарности к этому удивительному человеку, который, пожалуй, раньше мне испытывать не приходилось. Это надо же, обо всём подумать, все предусмотреть до отдельных деталей, а степень его доверия ко мне просто поразительна. Ни один мастер Высокого искусства, будучи в здравом уме и крепкой памяти, никогда бы не сделал мне такого дара. Ведь каждый из нас, кто способен освоить Высокое искусство или магию, обладает, пусть незначительным, но неким объёмом Древней силы, которую все мы храним, как зеницу ока. А тут такой щедрый дар и отсутствие страха, что я могу злоупотребить его доверием.

С лёгким трепетом я протянул руку Страннику, дав себе слово воспользоваться его даром лишь в самом крайнем случае. Когда наши руки встретились, я почувствовал всего лишь лёгкий толчок силы, но и этого было достаточно, что бы вселить в меня уверенность, что Сегурию мне удастся отстоять.

– Да вот ещё что, – сказал Странник. – Возьми себе в помощь Ниннэль. Это ей будет полезно и поможет пережить страх за мужа. Кроме того, она будет постоянно на твоих глазах. Боюсь, что бы эта неистовая драконица не наломала бы дров, ринувшись вслед за Куваем, так что пригляди за ней. Вот вроде и всё, пора идти провожать Кувая. Да, для всех нас наступило тревожное время прощаться. Давайте все вы-

пьем, что бы количество расставаний совпадало с количеством встреч.

Все дружно поддержали этого великого человека.

Проход медленно угасал за моей спиной, на которой тяжким грузом висела поклажа. Да, зря я не одел доспехи ещё в Сегурии, хоть и неудобно ходить, но, по крайней мере, гораздо легче, чем тащить эту грудку металла на собственной спине.

Вообще-то я совершенно не хотел брать с собой свои парадные доспехи, но Азар и Яргуст убедили меня, что являться ко двору Повелителей без доспехов может быть воспринято, как умышленное нарушение этикета, недопустимое для благородного человека, а уж тем более для наследника престола империи. Ничего не поделаешь, пришлось мне всё же взять доспехи с собой, но я наотрез отказался надевать их прямо в Сегурии, а сложил их в большой по объёму вещевой мешок, и лишь, закинув его за спину, понял, что несколько погорячился, отказываясь сразу же надевать доспехи. Латы, как поклажа оказались очень неудобными для переноски их в заплечном мешке. То, что они были тяжёлыми, ещё полбеды, тяжестью меня не испугаешь, а вот то, что их невозможно уложить так, что бы они не давили на спину, каким-то своим выступом, да так, что уже через сто метров спина моя начинала болеть. Однако не ударять же лицом в грязь перед товарищами, и я мужественно тащил на спине, сей неудобный груз. Как назло, идти пришлось довольно далеко. Я на-

рочно не хотел выходить в этот раз в привычном месте, опасаясь вполне вероятной слежки.

Я снимаю с плеч моих осточертевший груз, размахиваю руками, что бы восстановить кровообращение и оглядываю местность, в которой оказался. Знакомая гора, похожая на рукотворную пирамиду, с трудом угадывалась где-то на горизонте. Было полнолуние, и ночное светило изо всех сил старалось осветить погружённую в ночной сон землю, укрытую, словно пуховым одеялом, снегом. Да, весна в империи Повелителей драконов не спешила порадовать теплом. Слава Творцу, что хоть не было обычного в это время бурана, когда ветер поднимает тучи снега и гонит его неизвестно куда, смешивая землю с небом. Погода прекрасная для ночного полёта; луна светит достаточно ярко, поэтому нет нужды включать заклятие ночного виденья. Всегда, когда желаешь куда-либо попасть незаметно, следует отказаться от всякой магии или, на худой конец, свести её к минимуму. Кроме того, луна находится сейчас там, куда лежит мой путь, поэтому для наблюдателей, которые наверняка ожидают моего появления, я буду незаметен.

Ладно, кровообращение я восстановил, можно оборачиваться. Я быстро забросил на спину мой мешок и, обернувшись драконом, взлетел. Быстро взмахивая крыльями, я набрал нужную высоту, на которой меня не могли заметить с земли даже случайные путники, которых нужда погнала ночью в дорогу. Теперь можно не спешить, ведь появиться в

знакомом кабачке, что стоит при дороге, идущей через единственную в этих местах дубраву мне нужно под утро.

Я очень люблю ночные полёты, когда не надо ставить маскирующие заклятия, когда ты один на один со звёздным небом, этой, кажущейся бесконечной, ночью, когда ничто не мешает тебе предаваться своим мыслям и воспоминаниям, которые порождают странные мысли, вызывающие новые воспоминания, и так до бесконечности.

В этот раз я летел практически сразу же после продолжительного застолья, и лёгкий хмель кружил мою голову, не давая чрезмерно напрягаться. Каких-то полчаса назад я попросился с пришедшими меня проводить друзьями и их крепкие объятия и пожелания мне удачи ещё жили во мне, не отодвинутыми пока будущими заботами.

В этот раз, помимо друзей, меня провожали Ниннэль и Матвей. Когда Ниннэль заявила, что пойдёт меня провожать, я был очень удивлён, ведь до этого она никогда не провожала меня в мои отлучки из Сегурии. Это заявление моей жены одновременно и обрадовало меня, и насторожило. Обрадовало тем, что я дольше буду с моей возлюбленной, а насторожило тем, что, зная характер жены, я ждал, что она может выкинуть всё, что угодно, например, броситься в проход, что бы следовать за мной. Вспомнив это, я даже оглянулся, не летит ли за мной некрупный радужный дракон. За мной никто не следовал, и не знаю, что больше, обрадовало меня это или огорчило.

Матвей, вероятно, разделял мои опасения относительно матери, поэтому твёрдо заявил, что пойдёт провожать меня. Никакие аргументы матери и охи с ахами многочисленных бабушек и тётушек, не смогли повлиять на его решение. Он всю дорогу шёл рядом со мной, держась своей ручкой за мою руку. Когда пришло время прощаться, я взял малыша на руки и крепко расцеловал. Он тоже чмокнул меня в щёку, затем вдруг прижался ко мне и пошептал на ухо, так что бы слышать мог только я:

– Папа, делай то, что ты должен сделать, – шептал мой такой маленький на вид сын. – У тебя всё получится. И постарайся вернуться поскорее.

Я был растроган словами Матвея до такой степени, что в глазах моих предательски блеснули слёзы. Что бы скрыть их, я опустил сына на землю и повернулся к Ниннэль, которая нежно обняла меня, и прошептал одно лишь слово – «возвращайся».

Нет, хватит о грустном, одёрнул я сам себя. Давай ка лучше ещё раз вспомню, что я должен буду сделать до того, как отправлюсь на встречу с моей матерью, которую я, стыдно признаться, одновременно и хотел и боялся. Самым главным, ради чего я отправился в столицу загодя, это желание спасти от неминуемой гибели Кварга и его отряд. Спасибо Учителю, который сразу же всё понял и предложил свою помощь. Мне теперь остаётся лишь встретиться с Кваргом и посвятить его в свой план. Не откладывая дело в долгий

ящик, я прямо на лету связался с ним и сообщил, что сегодня утром я буду в столице и жду его в том самом трактире, где мы встречались с ним в прошлый раз.

Кварг, как оказалось, не спал, и я почувствовал, что он ждал связи со мной и даже обрадовался, когда эта связь состоялась. Всё, теперь можно пару часов поспать, что бы немного отдохнуть. Я, продолжая всё так же монотонно махать крыльями, закрыл глаза и погрузился в блаженную негу, прекрасно зная, что проснусь точно в назначенное время.

Проснулся я ровно за пять минут до того, как подо мной появилась та самая дубрава. Я снизился, и когда подо мной показалась дорога, спустился ещё ниже и медленно полетел над самой дорогой, не опасаясь, что в столь неурочный час, кто-нибудь попадётся мне на встречу. Немного пролетев, я заметил в предрассветной тьме огонёк. Это был фонарь, горящий над дверью кабачка, в котором я впервые увидел Кварга и его людей. Всё, полёт закончен, пора обращаться. Я мягко приземлился на дорогу, которая оказалась хорошо наезжена, принял свой человеческий образ и вновь ощутил прелесть железа в моём заплечном мешке. Слава Творцу, идти мне было совсем близко.

Время приближалось к рассвету, благо ночь в апреле коротка. Восточный горизонт уже изрядно посветлел. Было тихо и морозно, как часто бывает в это время в империи, когда ночью сильно подмораживает, а днём солнце так пригревает, что снег всюду тает, а пути-дороги становятся почти непро-

ходимыми. Поэтому многие путники стараются пускаться в путь чуть свет, обычно даже задолго до рассвета, пока наст не развезло. Как я мог совсем забыть об этом?

Не успел я сделать и пару шагов по дороге, как из-за поворота показался едущий мне на встречу санный обоз. Судя по всему, это были купцы, возвращающиеся с торгового рынка в столицу. В овечьих тулупах и таких же шапках, возчики ехали, развалившись в пустых санях, лениво погоняя лошадей и переговариваясь между собой. Услышав отрывок их разговора, я узнал, что дела их идут хуже некуда, торговля скоро совсем зачахнет и останется им лишь взять мечи и податься в наёмники, благо они сейчас особо востребованы. Проезжая мимо меня, возчики скользнули по мне равнодушным взглядом, словно я был пустым местом. О том, что бы поздороваться не было и речи. Да сильно же изменились нравы подданных империи, если на дорогах перестали здороваться.

Я, всё же вежливо поздоровался, но в ответ услышал какую-то похабщину, дескать, шлятуются здесь всякие. Такая реакция возчиков сначала меня удивила, но затем вызвала приступ гнева, так что я даже схватился за эфес своего меча. Заметив моё движение, возчики заставили лошадей поторапливаться, и лишь, отъехав от меня на безопасное, по их расчётам расстояние, разразились отборной бранью в мой адрес. Я не стал тратить на них боевого заклятия, а просто замкнул им уста. Сразу же наступила тишина, а невежи, отбросив ленивую вальяжность, быстро погнали своих лошадей,

так что они перешли в галоп и очень быстро скрылись за поворотом. Я пошёл дальше в полном недоумении, почему эти люди, которые увидели меня в первый раз в жизни, сразу же попытались оскорбить меня. Судьба этих людей несколько меня не тревожила, подумаешь, помолчат пару недель, может быть поумнеют. Так в задумчивости я и дошёл до притулившегося у обочины дороги кабачка, над дверью которого всё так же светил масляный фонарь.

Дверь, к моему величайшему удивлению оказалась запертой, что уже само по себе было удивительным. Никогда прежде двери придорожных кабачков и трактиров не запирались, это было законом для подданных империи Повелителей драконов, и до сего времени этот закон не нарушался. Да, видимо дела у моих родителей идут совсем скверно. Я громко постучал, и спустя короткое время, за дверью послышались шаги. Дверь мне открыл тот же трактирщик, имя которого я, к великому своему стыду забыл.

Увидев меня и, видимо узнав, трактирщик приветливо улыбнулся и пригласил войти. Лишь я вошёл, трактирщик тут же запер за мной дверь и пригласил меня пройти в зал и устраиваться где понравится, благо комната была пуста, если не считать двоих подозрительного вида личностей выпивающих за столиком в тёмном углу зала.

Я прошёл к столику, стоящему у жарко натопленного камина, снял и положил на пол свою поклажу, а меч вместе с ножами и перевязью снял и положил на стол справа от

себя, как это было принято в империи. Сказать по правде, я изрядно замёрз; всё-таки тепличные условия Сегурии не способствуют привыканию к холоду. Подошёл хозяин и шёпотом сообщил мне, что человек, с которым я должен встретиться будет примерно через час, а пока он предложил мне позавтракать. Есть мне не хотелось – сказывалось вчерашнее застолье, а вот выпить бы не помешало. Я заказал кувшин красного вина и жареного мяса, здраво решив, что поесть всё же стоит – кто знает, удастся ли мне сегодня вообще поесть.

Хозяин принёс кувшин с вином и кубок. Поставив их на стол, он сказал, что мясо будет минут через десять и, сославшись на занятость, ушёл на кухню, видимо жарить мясо. Ну, что же, это меня вполне устраивало. Сейчас мне хотелось побыть одному и хорошенько подумать о предстоящем мне деле, что бы, не попусти Творец, не упустить чего-нибудь важного. Однако подумать мне не пришлось. Только я выпил кубок вина, которое, скажу я вам, оказалось на редкость хорошим, как до слуха моего донёсся обрывок фразы, одного из собутыльников, сидящих в самом тёмном углу зала.

– Я говорю, это он, – убеждал своего товарища один из них. – Помнишь, нам говорили о приметах. Вот смотри, молодой, высокий, с рыжими волосами. Говорю тебе, это он, вот только не знаю, что нам теперь делать. Если бежать до городских ворот за стражей, он может улизнуть, а вдвоём нам его не взять. Видел, какой у него меч?

– Конечно, видел, – ответил другой. – Но даже будь он

безоружным, я бы не стал с ним связываться. Ты же знаешь, что он дракон, к тому же очень сильный колдун. У, проклятое племя, чтоб им пусто было.

Тут до меня дошло, что разговор шёл обо мне. Везёт же мне в этом кабаке на шпионов всех мастей. Всё ясно, это, скорее всего соглядатаи, которым дана ориентировка на мою персону. Странно, если бы это было не так. Ладно, послушаем, к чему придут эти двое. Однако дослушать мне не удалось. Подошёл хозяин, который принёс миску исходящего паром мяса, от одного вида и аромата которого у меня потекли слюнки, и, хотя я не испытывал голода, аппетит мой разыгрался, и я с жадностью, словно не ел неделю, стал поедать вкуснейшую оленину, зажаренную на углях вместе с пряными травами.

Двое за угловым столиком заказали ещё кувшин вина и продолжали пить, о чем-то тихо беседуя. Однако говорили они так тихо, что, сколько я не напрягал слух, ничего слышать так и не сумел.

Только я покончил с мясом и вином, как в дверь постучали. Я внутренне напрягся, готовый в случае чего мгновенно применить меч или заклятие, однако ни того, ни другого не потребовалось. Я сразу же узнал Крона, хотя одет он был в какие-то совершенно несусветные лохмотья. Он одними глазами сделал мне знак, что бы я ни подавал вида, что мы знакомы, затем потребовал у хозяина корчагу пива, что тут же и было исполнено.

Я, видя такое дело, тоже заказал ещё вина и стал ждать, что будет дальше.

Крон повел себя как-то странно, во всяком случае, я такого от него не ожидал. Взяв своё пиво, он нетвёрдой шатающейся походкой изрядно выпившего человека направился к столику, который находился рядом со столом, за которым свили своё гнездо два шпиона. Проходя мимо моего стола, он внезапно споткнулся и дёрнулся, чтобы сохранить равновесие и не упасть. При этом пиво из его корчаги выплеснулось, и окатила двух незадачливых шпионов.

Дальше началась потеха. Эти двое вскочили и набросились с руганью на оборванца, на что тот, видимо не обладавший ангельским терпением, ответил такой продолжительной и разнообразной бранью, какой мне ещё слышать не приходилось. Что самое забавное, своей руганью он пытался извиниться за содеянное, однако форма этого извинения совершенно не соответствовала даже намёку на последнее. Он словно извинялся вовсе не перед этими облитыми им людьми, а перед стаей или стадом, не знаю уж, как и назвать, экзотических животных, которых мне, даже с моим опытом хождения по мирам ни то что бы видеть, а и слышать не приходилось. От его «извинений» шпионы буквально разъярились и бросились на обидчика с кулаками, которому, похоже, это-то и было нужно. Он ударил по голове пустой корчагой из-под пива ближайшего к нему нападающего, здоровенного парня неопределённого возраста с невыразительным лицом,

на котором, в смысле лице, на этот раз появилось выражение удивления пополам с обидой. С этим выражением на лице он и рухнул на пол, произведя шум, подобный тому, что производит падающая столетняя сосна, если её спилить. Второй, щупленький вертлявый брюнет, увидев, что случилось с его напарником, достал длинный кинжал и бросился на обидчика. Ох, зря он это затеял. Крон сделал какое-то неуловимое глазом движение, раздался сухой треск, какой обычно бывает, когда ломаешь хворост, кинжал улетел куда-то в сторону, а шпион, закричав от боли, схватился за сломанную руку. Поделом, не надо бросаться с оружием на безоружного, за это можно серьёзно поплатиться. Раненый отполз куда-то в угол и там затаился. Его товарищ на полу не подавал признаков жизни. Не обращая больше внимание на поверженных врагов, Крон повернулся ко мне.

– Рад приветствовать принца Кувая, – поприветствовал меня Владыка подземелий столицы империи. – Хорошо ли добрался?

– И тебе привет, дружище Крон, – поздоровался я в ответ на его приветствие. – Хотя радости тебе, да и столице я вряд ли могу обещать, скорее наоборот.

– Что ни делается – всё к лучшему, – философски ответил Крон. – Этот нарыв давно пора вскрыть. Однако нам нечего здесь засиживаться, как говорится, нас ждут великие дела.

Я был совершенно с ним согласен. Перед уходом я расплатился с хозяином и посоветовал ему здесь не задержи-

ваться, а запереть свой кабак и уходить, как можно дальше от столицы.

Я надел перевязь с мечом и уже было собрался взять свой мешок, однако Крон опередил меня. Он схватил мой мешок и легко закинул его себе на плечи, слегка крикнув при этом.

– Что за тяжести ты носишь с собой? – спросил Крон, не обращая внимания на мои протесты по поводу моей поклажи. – Не стоит наследнику таскать такие тяжести, да и идти нам придётся быстро, так что старайся, поспевай.

– Чем вызвана такая спешка? – Спросил я, когда мы покинули кабак и оказались на дороге.

– А как же, – удивлённо сказал Крон. – Нам до Обсерватории топать и топать. Там я сдам тебя Маргусу как говориться, с рук на руки и назад. Мне же ещё надо Ляргуса встречать.

– Ну, раз так, тогда не будем терять времени, – ответил я.

Скорость Крон задал просто невероятную. Мы стремительно неслись по многочисленным тоннелям, в которых Крон чувствовал себя, как рыба в воде. Я всегда считал себя неплохим ходоком, но в этой бешеной гонке я очень быстро выдохся. На моё счастье, когда я совсем уже было, собрался попросить о передышке, мы оказались у ворот Обсерватории. Я был глубоко признателен Крону за то, что он взял мой мешок, иначе я вряд ли бы живым добрался сюда; моё боевое железо, скорее всего, угробило бы меня ещё на полпути от цели.

– Ну, прощай Кувай, – с лёгкой печалью в голосе стал про-

щаться Крон. – Не знаю, удастся ли нам снова встретиться, Бог вещь, но я счастлив, что судьба свела меня с тобою. Постарайся сделать всё что должен, и если будет возможно, выживи.

Мы крепко обнялись, и он исчез где-то в переплетении подземных тоннелей. Да, интересные петли наворачивает судьба, сводя нас с тем или иным человеком. Так вышло и с Кроном, который подобно яркой комете мелькнул на горизонте моей жизни, осветил её своим, ни на что больше, ни похожем, светом и исчез, оставив в душе моей лёгкий привкус памяти.

В Обсерватории было на удивление многолюдно, хотя, что же тут удивительного, ведь здесь собралось множество беженцев, которые вместе с Обсерваторией должны покинуть обречённую империю, что бы обрести новую Родину, коей станет вотчина Обсерватории. Они уйдут из нашего мира очень надолго, возможно, даже навсегда, но они сохранят в душах своих память об удивительной, почти сказочной стране, которая называлась империей Повелителей драконов. Они сохранят в душах своих память тысячелетий существования империи, и эта память их будет передаваться будущим поколениям наследников империи в виде мифов, легенд и сказок. Я трясую головой, отгоняя от себя странные видения, что обступают меня со всех сторон. В этих видениях чёрное превращается в белое, правда в кривду, добро во зло. В ни последние Повелители превращаются в по-

лубезумных Кощея Бессмертного и Снежную королеву, драконы, мои братья и соратники предстают злобными Змеями Горынычами, а серые всадники выглядят доблестными рыцарями и отважными богатырями.

Я перестаю удивляться, ничто меня больше не возмущает, я полностью понимаю и принимаю все последствия, что ждут нас всех в будущем, и неважно кто мы хорошие или злые, отважные или трусливые – каждый получит по делам его. Ну, ладно, будущее ещё не наступило, оно только рождается в эти самые мгновения и его ещё можно изменить, но стоит ли это делать? Вопросы, вопросы, вопросы, и если начать искать на них ответы, они утопят тебя в себе, и ты уже будешь не в состоянии сотворить какое-либо будущее. Поэтому прочь все сомнения и пустые вопросы, время для сомнений вышло, и закрыло за собой дверь, а на смену ему пришло молодое дерзкое по своей натуре время великих дел и эпохальных свершений. Оно, это время, не собирается прощать нам ничего, что может помешать нам, сделать то, что должен каждый из нас сделать; его вовсе не интересует, что мы вдруг оказались не готовы к его приходу, что чего-то, без чего никак не обойтись, не домыслили, чему-то не доучились, на что-то никак не можем решиться. Всё это время не волнует, это не его проблемы. Оно не намерено никого ждать, следуя жёсткому, но справедливому принципу – кто не успел, тот опоздал. Я резко встряхиваю головой и окончательно сбрасываю с себя морок, что застал меня врасплох, причём в са-

мый неподходящий для этого момент, в момент, когда я разговаривал с Маргусом. Придя в себя, я увидел встревоженное лицо главы ордена Обсерватории.

– Что произошло, Кувай? Как ты себя чувствуешь? – встревоженно спросил старик. – У меня было такое чувство, что ты словно выпал из нашей реальности.

– Всё хорошо, Маргус, – успокаивающим тоном ответил я. – У меня такое время от времени случается. Ничего страшного. Видимо, сказалась бессонная ночь, да и вина я выпел многовато. На чём мы остановились?

– Я говорил о том, что у нас практически всё готово для переноса Обсерватории, – сказал Маргус. – Все, кто уйдёт вместе с Обсерваторией здесь, остальные придут с повелителями и Ляргусом.

– Вот и отлично, – одобрил я слова старого монаха. – Теперь выслушай меня, что вам ещё надо будет сделать. Это очень важно.

– Слушаю тебя со вниманием, сынок, – ответил Маргус. Я рассказал ему в общих чертах свой план по спасению Кварга и его отряда. Маргус всё понял, лишь спросил, не опасно ли будет впустить отряд серых в Обсерваторию. На это я ответил ему, что они давно уже серые лишь формально, а на самом деле они наши союзники, а союзников в трудную минуту следует выручать. Более подробно мы всё обсудим вечером, когда придут Ляргус, Странник и с ними половина храмовой стражи. Это моё заявление пришлось по сердцу

старому монаху, так что он даже позволил себе улыбнуться.

– Мне скоро нужно идти на встречу с Кваргом, – сказал я. – В связи с этим у меня будет к тебе просьба.

– Сделаю всё, что в моих силах, – просто ответил Маргус.

– Я встречаюсь с Кваргом в том же трактире, что и в прошлый раз, – сказал я. – Времени у меня мало, поэтому мне нужен надёжный проводник, что бы привёл меня туда без задержек и потом вывел обратно в Обсерваторию.

– Нет ничего проще, мой мальчик, – улыбаясь, сказал Маргус. – Ты посиди, выпей нашего вина, если голоден поешь, а я тем временем всё для тебя подготовлю.

Он ушёл, оставив меня в одиночестве. Есть я не хотел, а отказаться от чудесного вина, которым славилась Обсерватория я не смог, поэтому налил себе кубок и стал смаковать вино мелкими глотками.

Не успел я допить свой кубок, как вернулся Маргус. Он привёл с собой невзрачного вида человека в рясе ордена Обсерватории. Такой же чёрный плащ с узорной серебряной окантовкой он протянул мне.

– Одень, а то в своей одежде ты далеко не уйдёшь, – сказал Маргус. – наших пока не трогают, пока ещё боятся. Это твой проводник, он всё сделает в лучшем виде. А теперь, давай ка выпьем по кубку и отправляйся, да хранит тебя Творец.

Проводник оказался действительно опытным. Благодаря его знаниям, как надземного, так и подземного города, мы без всяких приключений добрались до нужного мне места.

Войдя в трактир, где я должен был встретиться с Кваргом, мой проводник буквально растворился, сказав предварительно, что когда он вновь понадобится он тут же объявится, стоит только мне покинуть данное заведение.

Я занял столик подальше от стойки, с расчётом, что бы видеть всех входящих в трактир. Заказал кувшин вина и два стакана, заявив, что должен подойти мой товарищ. Налив себе стакан, я попробовал, что за вино здесь подают. Вино было так себе, хотя может быть я просто придираюсь, ведь перед этим я пил элитное вино Обсерватории, а здесь подавали рядовое. Народу в этот час было немного. Среди посетителей преобладали личности сомнительной внешности, о роде занятий которых судить было достаточно трудно. Они могли быть с равным успехом и простыми горожанами, зашедшими промочить горло, и наёмниками, которые, как мухи на мёд слетались в столицу империи, и отъявленными бандитами, грабителями и душегубами.

Я смотрел на эту публику и мне было, откровенно говоря, плевать на то, кто они такие и чем зарабатывают себе на жизнь. Одно я знал твёрдо, жить им осталось до завтра, хорошо ещё, что он этого не знают.

Кварг появился точно по времени, сразу видно, что он профессиональный разведчик. Он вошёл в зал и стал осматриваться, явно стараясь найти меня. Я сделал ему еле заметный жест рукой, и он быстро подошёл к столу.

– Благослови, святой отец, – произнёс он обычную фразу,

с которой обращаются к людям, носящим рясу, неважно какого она цвета.

Я сделал жест рукой, благословляя его, и пригласил присесть за мой столик. Капюшон моего плаща я не стал откидывать, ведь Кварг узнал меня, а остальным не к чему видеть моё лицо.

– Рад тебя видеть, – шёпотом произнёс Кварг, не называя меня по имени. – Спасибо, что держишь своё слово, что не забыл про нас.

– Это тебе спасибо, – ответил я. – Недавняя победа во многом произошла благодаря тебе. Как же я могу бросить на произвол союзника, особенно сейчас, когда, если вас не вытащить из мясорубки, куда вы все угодили, вас ждёт неминуемая гибель. Однако я придумал, и мы с друзьями создали план, который не только спасёт твой отряд и выведет его из-под удара, а и покроет вас славой, правда, посмертно.

Услышав последнюю фразу, Кварг заметно побледнел.

– Я не понял, что ты сказал насчёт посмертной славы? – спросил он слегка осипшим голосом.

– Нет, нет, не напрягайся, – успокоил я его. – Погибните вы лишь для своих соотечественников. На самом же деле, вы в последний момент перед взрывом, который произойдёт в момент переноса Обсерватории, вы уйдёте через проход, который откроет для вас мой Учитель, Странник. Он до поры укроет вас в одном из миров, а когда всё утихнет, мы найдём способ, как вам вернуться домой.

Мои слова заметно приободрили Кварга. Он в подробностях описал план герцога Кейвалла, по захвату Обсерватории. Как я и думал, главным в замышляемом мятеже было вовсе не захват власти, как наивно полагал мой братец Рогг, а именно захват Обсерватории. Именно с этой целью и направили лучших разведчиков Серой империи, тем более, что они столько лет занимались осадой другого артефакта – Вселенского маятника.

Слушая рассказ Кварга, я окончательно уяснил себе расстановку сил среди мятежников. Оказалось, большинство из них и понятия не имели, что являются слепыми орудиями Серой империи, которая ценой их жизни стремится, заполнить буквально неисчерпаемый источник силы. Истинную же цель мятежа, знают, пожалуй, лишь герцог Кейвалл и Кварг, недаром же герцог поручил именно отряду Кварга первым ворваться в Обсерваторию. Скорее всего, он на этот счёт получил ясные инструкции от своих хозяев. Я человек не кровожадный, но герцога я бы лично убил, представься мне такая возможность – страшно не люблю предателей.

Мы поговорили с Кваргом ещё с полчаса, уточнили детали предстоящей операции, выпили вина, скрепив тем самым, нашу, начавшуюся при столь странных обстоятельствах дружбу. Пришла пора прощаться. Я протянул ему руку и он в ответ протянул свою, скрепив наши отношение крепким рукопожатием. Велев Кваргу оставаться на месте, пока я не покину трактор, я, глубже надвинув на лицо капюшон

моего плаща, вышел на улицу. Тут, словно из воздуха, возник передо мной проводник, который сделал мне жест следовать за ним, повёл меня обратно в Обсерваторию. Спустя недолгое время я вновь предстал перед Маргусом, а вечером мы с ним уже встречали Ляргуса, Странника и воинов храмовой стражи, среди которых я не увидел их предводителя. На мой вопрос, что с ним, Ляргус сказал, что он с половиной своих воинов дал присягу Сегурии и сейчас готовятся в нужный момент перекрыть выходы из города. С ними и драконы под командованием старшего брата Яргуста Рикса. Сам же Яргуст, по словам Учителя, получил особое задание, о сути которого я узнаю в своё время. Зная Учителя, я не стал у него выспрашивать, что за задание получил Яргуст. Уж коли Учитель сказал в своё время, значит в своё, и он ни за что не скажет.

Встреча вышла не слишком весёлой. Все понимали, что скоро нам расставаться на столь долгое время, что почти не остаётся надежды, что кто-нибудь из нас сможет дожить до того счастливого времени, когда Обсерватория и все кто с ней уходит, вернуться в этот мир. По всем нашим, очень приблизительным подсчётам, это произойдёт никак не ранее, чем через пятьдесят тысяч лет. То, что уходящие доживут, ни у кого не было сомнений; время в вотчине Обсерватории идёт с совершенно другой скоростью, так что шансы дожить есть у всех, разве только у Ляргуса, эти шансы невелики, но здесь уж ничего не поделаешь, лекарства от старо-

сти не существует.

Мы не стали устраивать застолий, честно говоря, просто не хотелось. Я подробно рассказал Маргусу, Ляргусу, Учителю и не знакомому храмовнику, который стал командовать храмовой стражей, о моей встрече с Кваргом и о том, как разыграть задуманный спектакль, что бы мятежники поверили в гибель отряда Кварга, но при этом ни один его человек не должен был получить серьёзных повреждений. Храмовник заверил меня, что его люди сделают всё в лучшем виде. Маргус же сказал, что как только отряд Кварга устремится на штурм, он снимет защиту Обсерватории, а как только люди Кварга войдут, тут же её установит вновь, и пусть мятежники бьются об неё, сколько пожелают. Всё было обговорено, поэтому с лёгким сердцем я отправился спать – завтра предстоял тяжёлый день, может быть самый тяжёлый день в моей жизни; завтра всё будет решено; завтра я исполню заключительный аккорд моей судьбы, и будь что будет.

Ушёл Кувай; ушли Ляргус и Странник, прихватив с собой храмовую стражу и почти половину драконов. С ними ушли Марк и Джон Мильтон. В Сегурии из ближнего моего окружения осталась лишь Ниннэль, которую, выполняя просьбу Странника, я приблизил к себе, сделав кем-то на подобии моего заместителя, а что бы она отвлеклась от разлуки с мужем, основательно загрузил её своими поручениями. Последним ушёл Яргуст, и как только за ним закрылся проход, я наглухо закрыл вотчину, так что с этого момента ни кто не мог, ни войти, ни выйти. Теперь нам осталось самое трудное – ждать. Чего ждать, спросите вы. Хотел бы я сам это знать, скорее всего, чего угодно и даже сверх того. Во всяком случае, я сделаю всё, что от меня зависит, но спасу вотчину, тем более на самый крайний случай у меня есть бесценный дар Странника, оказавшего мне высшую степень доверия.

После ухода Кувая Сегурия, преобразилась, словно верная жена, проводившая на войну мужа или мать, приводившая сына, вдруг из весёлой жизнерадостной женщины, превращается в солдатку, чей удел – вечное ожидание в впере-мешку с таким же вечным страхом за жизнь любимого человека. Так же и Сегурия, проводив на смертельную схватку своих сыновей, посуровела, стала меньше смеяться, повзрослела, что ли.... Она словно жизнерадостная беззабот-

ная девушка, столкнувшись с настоящей опасностью, в одночасье повзрослела, уступив место сильной женщине, способной постоять не только за себя, но и за любимый ей людей. Такова на поверку оказалась моя вотчина, и ей, как своим творением, я по праву мог гордиться.

А как поменялись её обитатели. Привыкшие жить беззаботно, не знавшие войн и природных катаклизмов, они не шибко предавались труду, предпочитая безделье, развлечения и хорошее застолье. Нет, не скажу, что население Сегурии было сплошь представлено лентяями, хотя и таких было в избытке, просто им не было особой нужды надрываться. Мягкий климат Сегурии, где никогда не было настоящей зимы с её снегами и морозами, но не было так же и изматывающего зноя. Прибавьте к этому обилие плодородных земель, которые всегда давали обильный урожай; а роскошные пастбища, где круглый год росла сочная трава, которой питались тучные стада домашнего скота. Прибавьте к этому обилие дичи в лесах, а в реках и озёрах рыбы, и вы поймете, что голода здесь не ведали, как не было и болезней. Разного рода ремесленники и мастера работали не ради куска хлеба, а лишь из любви к своему делу. Тут не было социального расслоения – каждый жил, как ему нравилось, не мешая жить другим, но и, не позволяя никому лезть в его дела. Короче, в Сегурии собрались личности, которые в этих благодатных условиях несколько расслабились и обленились.

Теперь же, когда над Сегурией нависла серьёзная опас-

ность, всю их беззаботность и лень, как ветром сдуло. Практически поголовно всё взрослое население занялось военной подготовкой, причём так усердно, что людей по окончании занятий приходилось чуть ли ни силком разгонять по домам. Ремесленники, особенно оружейники и кузнецы сутками не вылезали из своих мастерских и кузней, делая оружие и доспехи. Ткачи и портные без устали ткали и шили одежду для воинов, готовили походные шатры и вещевые мешки. Крестьяне засевали больше земли, что бы в стране был запас хлеба.

Да, все были при деле, один я в который уже раз чувствовал себя неприкаянно. В этот раз я вроде бы находился в самой гуще событий, и на мне лежала ответственнейшая задача по спасению Сегурии, однако, в отличие от остальных, моя роль была пассивна и пока просто сводилась к ожиданию невесть чего.

Однако от этого ожидания была и некоторая польза. За сутки после ухода Кувая и остальных, я практически не отпускал от себя Ниннэль и поэтому хорошо её узнал. Раньше, когда я виделся с ней от случая к случаю, я не очень-то обращал на неё внимание. Она, как-то скрывалась в блеске Кувая, которого я любил, как собственного сына, зачастую не обращая никакого внимания на его окружение.

Сейчас же, когда мы оба переживали расставание с нашим любимцем, а ведь, что Ниннэль, что я, любили Последнего дракона, хотя и каждый по своему, драконица раскрылась

передо мной с неожиданной стороны.

Если раньше я её воспринимал, как совершенно неуправляемую, своевольную натуру, от которой можно было ожидать чего угодно, только не послушания, то в этот раз она предстала вполне уравновешенной личностью, очень исполнительской и дисциплинированной. За эти сутки она полностью заменила меня в ежедневных административных делах, что позволило мне полностью сосредоточиться на укреплении обороны вотчины.

Ещё загодя я по ментальной связи предупредил всех вотчинников, до которых сумел докричаться, что в связи с событиями в столице всех нас ожидает сильнейшая силовая буря, так что им следует срочно заняться укреплением защиты своих вотчин. К моему великому огорчению, докричаться я сумел до немногих, да и те встретили моё предупреждение по-разному. Лишь немногие восприняли моё обращение к ним с полной ответственностью, остальные просто махнули на него рукой, как потом выяснится, зря. Ну что же, как говорится, наше дело прокукарекать, а там хоть не рассветай. В конце концов, каждый сам сделал свой выбор.

Наконец наступило время, когда Кувай должен будет встретиться с матерью. Все мы считали, что, скорее всего, события начнут развиваться вскоре после окончания аудиенции. Какое-то время, необходимое на то, что бы Повелители и оставшиеся им верные люди смогли укрыться в Обсерватории, Кувай, драконы и храмовая стража, недавно присяг-

нувшая Сегурии, вынуждены буду одни противостоять обезумевшей толпе мятежников. Лишь только после того, как все, кто должен будет уйти с Обсерваторией, окажутся в безопасности, Кувай произнесёт заклятие перемещения Обсерватории, что за тем последует, мы можем лишь догадываться. Что станет с храмовой стражей, драконами и самим Куваем, как в прочем и Сегурией, Бог весть....

С самого утра я попросил Ниннэль разослать по всем посёлкам и хуторам Сегурии с приказом, всем оставаться дома, так как ожидаются серьёзные природные катастрофы. Сам же с Ниннэль, Риком, старейшинами родов и слугами закрылся в своём тереме, что бы никто и ничто не мешали мне.

Целый день мы прождали в страшном напряжении в любой момент, ожидая удара, однако пока было всё тихо. Неужели у Кувая что-то пошло не так? Уже наступили сумерки, а ничего, просто ничего не происходило. Все мы устали от напряжения, и тогда, что бы как-то подбодрить людей я велел слугам накрыть стол. Не прошло и десяти минут, как стол был накрыт и все мы уселись за него, что бы перекусить и выпить, избавляясь от чудовищного напряжения, что властвовало над нами весь день.

Только мы выпили по кубку вина и приступили к еде, как вдруг началось. Я чуть не подавился куском мяса, который жевал в этот момент. Я выплюнул мясо и начал противодействовать тому безумию, что волной накрывала Сегурию.

Самое страшное, что не было ни землетрясения, ни безум-

ного урагана, никаких тебе громов и молний, всё происходило в полной тишине и таком спокойствии, что ни дрогнул, ни один язычок пламени на горящих свечах. Как же это выглядело? А, никак.

Представьте себе, что сама реальность нашего мира, подобно гигантскому зеркалу, в которое угодили камнем, вдруг, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, начала разваливаться на тысячи осколков. Каждый этот осколок, который являлся тем или иным фрагментом реальности, дробился на более мелкие и так далее. Единственное, что я тогда успел понять, что ещё мгновение и Сегурия, подобно сорванному с якоря кораблю будет вырвана из этого мира и заброшена в ту бездонную черноту, что проступала на месте выпавших фрагментов реальности.

Всё моё нутро зашло в истошном вопле:

– Нееееет... Этому не бывать! Не позволю! – кричала моя душа, и этот крик вернул мне силы.

С чудовищным напряжением, вкладывая все имеющиеся у меня силы, я сперва остановил разлёт фрагментов, затем ещё прибавив сил, и очень медленно, чертовски медленно, стал собирать, словно огромную мозаику, реальность в её прежнем виде. Только я понял, что мне это удаётся, как мои усилия, чуть было не свелись к нулю. За первым ударом последовал второй, который, в отличие от первого, не стал раскидывать в стороны фрагменты реальности, а закрутил их подобно калейдоскопу, перемешивая и сжимая к центру вра-

щения. Скорость вращения нарастала, и я с ужасом ощутил, что меня, вместе с вотчиной засасывает куда-то в бездну, где в бешеном вращении сталкиваются и перемешиваются фрагменты множества реальностей. В лицо мне заглянул сам Великий Хаос, и взгляд его мне очень не понравился.

Не знаю, откуда у меня появились силы, но и в этот раз я не поддался. Я стремился всеми силами остановить вращение, затягивающее Сегурию в пасть Хаоса. Напряжение достигла своего максимума, когда ни одна из сторон не способно победить другую, и устанавливается некое подобие равновесия, настолько хрупкое, что добавь на одну из чаш весов хотя бы пылинку и победа неизбежно склонится в эту сторону. Я вдруг увидел, как Рик, захрипев, падает на пол, увидел перекошенное от нестерпимой боли лицо Ниннэль и понял, что мы победили. Той песчинкой, что легла на чашу весов равновесия явились силы, пусть и не великие, но отданные все без остатка драконицей и Риком. В результате вращение медленно, но прекратилось. Казалось, что Хаос отступил, но я ошибался. Накатила третья, самая страшная волна, которая подобно гигантской волне цунами обрушилась на многострадальную Сегурию. Вся моя защита была сметена в одно мгновение и предо мной предстала неминуемая гибель. Гибели я не боялся, но мне невозможно было даже помыслить то, что вместе с моей гибелью наступит и гибель моего творения, моей Сегурии. Этого я допустить не мог, и уже проваливаясь в чёрную бездну бессознательности, я призвал на

помощь заёмную Древнюю силу.

6

Крупный дракон цвета воронёной стали не спеша летел сквозь ночь. Вылетел он загодя, поэтому спешить было совершенно ни к чему, вот он и не спешил. Крылья легко несли его мощное тело, покрытое чёрной чешуёй, матово отсвечивающей в свете ночного светила. Эта чешуя была, своего рода, доспехами дракона, которыми наделила своё чудесное творение мать-природа. По прочности эти доспехи превосходили любые созданные людьми; их не могли пробить ни стрела, ни копье, ни меч, ни даже, новомодная в некоторых мирах, пуля. Единственное, что могло поразить дракона, была магия, но и здесь он не был беззащитным. Будучи сам по себе достаточно сильным магом, дракон мог за себя постоять.

Стоял апрель месяц, и ночь в этих широтах была совсем короткой. Когда восточная сторона неба стала светлеть, как это обычно бывает перед рассветом, дракон увидел под собой большой город, который в это время спал крепким предутренним сном. Он рассчитал всё правильно, и спустя несколько минут, дракон мягко опустился на небольшой уступ, нависшей над городом горы. Гора в этом месте представляла собой отвесный обрыв, высотой метров триста. Где-то посередине этого обрыва имелся небольшой выступ, на котором могло разместиться около десятка человек. Ко-

гда-то, когда империя Повелителей драконов была молода, этот уступ использовался в качестве наблюдательного пункта для драконов, которые отсюда день и ночь наблюдали за окрестностями своей столицы, оберегая её от внезапного нападения многочисленных в то время врагов. Местные жители называли этот утёс утёсом Небесной стражи. Со временем, когда империя окрепла, нужда в небесной страже отпала, утёс же, хоть и не использовался по своему прямому назначению, так и сохранил это название.

Вот на этот-то утёс Небесной стражи и опустился наш дракон. Едва его лапы коснулись скалы, как он тут же превратился в высокого темноволосого человека средних лет. Весь вид его говорил о скрытой в нём силе, которую, как и шило, в мешке не утаишь. Длинные, до плеч, тёмные, слегка выющиеся волосы, в которых уже отчётливо просматривалась ранняя седина, являлись прекрасным обрамлением мужественного, с правильными чертами, лица этого человека, придавая ему некую суровость. Усиливали и подчёркивали эту суровость: небольшой старый шрам на высоком лбу и особенно глаза, которые буквально лучились силой и слабо мерцали в предрассветном сумраке.

Звали этого человека Яргуст. Он был драконом из древнего, прославленного рода Белого облака империи Повелителей драконов. Достаточно сильный маг, прошедший обучение у лучших мастеров Высокого искусства империи, а кроме того один из наставников и старший товарищ Кувая, за-

конного наследника Престола, носящего прозвище Последний дракон.

Он встал на самый край утёса, вовсе не заботясь о том, что его могут увидеть из города, который широко раскинулся под его ногами. Рассвет только-только входил в свои права и город не спешил расставаться с ночным мраком, словно лентяй не желающий просыпаться, что бы приступить к повседневным делам своим.

О чём думал этот сильный человек, чья жизнь прошла в постоянной борьбе, глядя на город своей юности? Может быть, он вспоминал, как зелёным мальчишкой только, недавно осознавшим себя драконом, в котором начала просыпаться сила, был привезён в этот город, где под присмотром старшего брата он начал постигать взрослую жизнь? Тогда, впервые увидев столицу, Яргуст сразу же полюбил этот город, и хотя долго жить в нём ему так и не пришлось, он сохранил эту любовь до сих пор.

А может он видел своё первое в жизни сражение, когда он в составе рода Белого облака, который был его семьёй, с боем прорывался из столицы? Или он видел город заваленный трупами мятежников, когда вернулся в столицу для встречи с Ляргусом? Кто знает.... Яргуст всегда был достаточно скрытным человеком, который умел владеть собой, и по лицу которого невозможно было прочитать, о чём он думает.

Рассвело, и первые лучи восходящего солнца окрасили вершины окрестных гор в нежно-розовый цвет. Наступал но-

вый весенний день, обещавший прекрасную погоду, когда много света, много надежд, когда каждому верится, что всё будет хорошо, что скоро наступит благодатная пора короткого здесь лета, а значит, жизнь будет продолжаться. О, эти вечные надежды на вечное счастье, что дарует нам жизнь наша!

Яргуст прекрасно понимал, что эти надежды несбыточны; что он присутствует при финальном аккорде великой симфонии, которая называлась империей Повелителей драконов. Автором этой симфонии был величайший всех времён и народов композитор, имя, которому – само Время.

Наш дракон ясно видел, что финал будет полон огня, ужаса, смерти, коими всегда сопровождается гибель великих государств. Видя это, Яргуст не переставал поражаться, тому резкому контрасту, между нынешней идиллией природы, и тем катаклизмом, который ожидает этот город в ближайшем будущем.

Время терпело и Яргуст, что бы ни маячить на виду, мало ли кому, имеющему хорошее зрение, в этот час не спится, обратился в дракона цвета воронёной стали, улёгся на камни, положил голову на передние лапы и так замер, ожидая начала грядущих событий. События начнутся позже, ближе к обеду, а сейчас можно поберечь силы и подремать в полглаза.

Нет, дракон вовсе не дремал. Он просто задумался, не забывая при этом чутко ловить малейшие проявления магии

или Искусства, что могли проявиться в этом огромном городе. Пока было всё тихо, а поэтому можно было спокойно предаться воспоминанием, благо было, что вспомнить.

Перед внутренним взором дракона проплывали яркие картины прошлого, в которых он принимал непосредственное участие. Он вспомнил своё первое в жизни задание, когда он полетел с поручением деда разыскивать своего дядю Азара. Вспомнил внезапное нападение на него, да так, что старые раны, полученные им тогда, противно заныли. С тех пор он умудрился получить ещё множество ран, но эти первые его раны были самыми запоминающимися, как, впрочем, и всё, что мы делаем впервые.

По чёрной чешуе дракона прошла лёгкая волна дрожи; так Яргуст гасил ноющую боль, которая каждый раз возникала при воспоминании о той первой в его жизни переделке. Картина изменилась. Теперь он шёл по заваленной трупами столице, которая испуганно застыла, после жестокого подавления мятежа, устроенного храмовой стражей. Сразу же он ощутил отвратительно-сладковатый запах разлагающихся трупов, который тогда он тоже познал впервые. После этого, он видел ещё множество трупов; ему даже приходилось ходить по ним, и всегда это сопровождалось таким вот омерзительным запахом, который навсегда в его сознании был связан с войной.

По телу дракона вновь прошла волна дрожи, отогнавшая эти, столь неприятные, воспоминания. Долго лежал на утё-

се дракон, глядя на город, раскинувшийся под ним, отсутствующим взглядом, ибо сознание его было далеко от этого города, причём, не только в пространстве, но и во времени. Оставаясь своими магическими чувствами в империи Повелителей драконов, Яргуст своим сознанием находился, где-то ужасно далеко, во всяком случае, Яргуст мог поклясться, что никогда не бывал в этих местах.

Перед ним до самого горизонта простиралась унылая долина, покрытая странной серой травой. Сначала Яргуст подумал, что трава просто покрыта пылью, однако, потрогав её рукой, дракон с удивлением обнаружил, что никакой пыли нет, а просто сама трава имела этот странный мышинный цвет, цвет плащей хорошо знакомых ему серых всадников. Сама трава на ощупь была неприятна, причём Яргуст никак не мог понять, чем именно. Она была жёсткой, но отнюдь не колючей, от неё не исходило неприятного запаха, но трогать её почему-то не хотелось, даже наступать на неё сапогами не доставляло удовольствия. Напротив, возникало острое желание бежать из этой серой степи, как говорится, куда глаза глядят, причём бежать как можно быстрее и дальше.

Поборов в себе смесь страха и омерзения, Яргуст понял, что трава эта напрочь лишена жизни, что она даже не может служить пищей ни какому травоядному животному, а напротив вытягивает саму жизнь у любого, кто попадает сюда.

Где он и зачем очутился здесь, Яргуст понятия не имел, но всецело доверяя собственному сознанию, стал ждать, ко-

гда оно, в смысле сознание, соизволит прояснить ему цель и причину, почему он оказался в этом унылом месте. Стоило ему успокоиться, как тут же пришёл ответ. Он находится в пределах Серой империи. Именно о такой унылой степи поросшей серой травой рассказывал Странник после своей вылазки туда.

Мне сразу же вспомнился тот странный разговор, который произошёл у меня с Учителем, перед тем, как он с Ляргусом отбыл в столицу.

– Ты вскоре отправишься в столицу вслед за нами, – как-то, толи, утверждая, толи, рассуждая вслух, сказал Странник. – Я уверен, что ты всё сделаешь наилучшим образом, однако побереги себя. Я знаю, что приближается твой час, когда Последний дракон уступит место Зверю-в-подземелье. Так, что постарайся остаться в живых, твоя игра ещё впереди.

Сказав это, Странник крепко обнял меня, затем резко отпустил, повернулся ко мне спиной и ушёл к открытому проходу, через который уже покинула Сегурию храмовая стража и драконы, остался лишь Ляргус, который, ожидая Странника, о чём-то тихо беседовал с Азаром. Вопрос буквально застрял в моём горле, так и не успев вырваться наружу. Пока я стоял с открытым ртом, ошеломлённый словами Учителя, тот подошёл к проходу, крепко обнял Азара и, махнув мне на прощание рукой, скрылся в проходе, куда, незадолго до это-

го скрылся старый жрец. Я очнулся лишь тогда, когда проход полностью угас.

Я так и не понял тогда, что означали последние слова Учителя, а осмыслить их тогда просто не успел – нужно было самому собираться в дорогу. Теперь, глядя на лежащий внизу город, я, хотя и не осмыслил полностью тот разговор с учителем, но вдруг отчётливо понял, что с завершением судьбы Кувая, начнётся активная реализация моей собственной судьбы, которая, не смотря на определённые трудности, всё же была счастливой.

Что он там говорил о моей собственной игре и каком-то Звере-в-подземелье? Ну, игру я понял, как активное творчество собственной судьбы, причём отлично понимая, что живу я отнюдь не в пустоте и, что судьба моя намертво переплелась с судьбами близких мне людей, да и с судьбой огромной массой других живых существ, о которых я вообще не имел никакого представления. Поэтому, от того, как я сумею реализоваться в этой жизни, будет зависеть, что станется не только с моими близкими, но и мириадами других живых существ, которые, по большому счёту, являются тем, что мы называем Мирозданием.

От осознания чрезвычайной важности моего бытия, в свете реализации неких судьбоносных задач моей жизни, у меня перехватило дух, словно я, сложив крылья, падал с большой высоты. С этой частью слов Странника было более-менее ясно, а вот, что имел в виду Учитель, говоря о каком-то

Звере-в-подземелье, я никак не мог разобраться.

Что это за Зверь? Что за подземелье и где оно находится? Что делает Зверь в этом самом подземелье – живёт он там или может быть заточён? Одни вопросы, от которых у меня почему-то по коже пробегал холодок, и ни одного ответа. Согрела лишь надежда, что рано или поздно, я сумею ответить на эти вопросы. В любом случае, в своё время, я всё узнаю, так что нет смысла сейчас ломать голову над этими вопросами.

Я отключился от своих размышлений и стал смотреть на город, который, наконец, соизволил проснуться. На улицах стало оживлённо, однако это оживление мне очень не понравилось. Если обычно с утра улицы заполнялись разномастным ремесленным и торговым людом, вперемешку с хозяиками, спешившими за продуктами, то в это утро на улицах появилось много вооружённых людей, причём, помимо одетых в доспехи воинов, было множество людей в откровенных лохмотьях вооруженных, чем попало, вплоть до остро заточенных кольев. Куда-то исчезла городская стража и мирные горожане, словно город затаился в ожидании грядущих грозных событий, которые, как я знал, были уже не за горами.

Я глядел на этих людей, которые в большинстве своём были просто одураченными пешками в руках невидимого шахматиста, вздумавшего разыграть партию здесь и сейчас. Людей этих шахматисту было, ничуть не жаль. Вина, их, на первый взгляд, была лишь в том, что они своим нежеланием

думать и отвечать за свою жизнь, позволили превратить себя в пешек, которыми шахматисты жертвуют в первую очередь. Эта духовная лень, этот отказ от личной ответственности за свою судьбу, превратила их в расходный материал, который нужен лишь затем, что бы помочь «сильным» мира сего решить их задачи, после реализации, которых они больше не нужны и могут быть с лёгким сердцем отправленными в небытие.

От осознание этого, в душе моей шевельнулась ярость, которую я, с ощутимым усилием успокоил. Это была ярость вовсе не к этим несчастным людям, обманувшим самих себя, а к тем, кто возомнил себя великими шахматистами, хотя эти несчастные пешки тоже не вызывали у меня сочувствия, тем более, что все они уже обречены. Нет, я испытывал ярость по отношению к тем, кто в этом городе возомнил себя игроками, определив остальным роль пешек.

Эти люди, помимо ярости, вызывали у меня некое омерзение своей явной глупостью. Вздумав поиграть во взрослые игры, эти люди даже не поняли, что они вовсе не игроки, что они, в лучшем случае, просто шахматные фигуры, которые в своём честолюбии даже не определились, кто же из них король. Истинными шахматистами оказались со стороны нашего противника Благие Боги, хозяева Серой империи. С нашей же стороны, игроком был, как стало мне сейчас понятно, Странник, этот удивительный человек, чьё прошлое оставалось для нас, как впрочем, и для него самого во мно-

гом загадкой.

Благие Боги, судя по всему, играли белыми фигурами. Об этом можно судить потому, что Серая империя первой вступила в противостояние с империей Повелителей драконов. Не сложно понять, что Странник играл чёрными, причём довольно агрессивно. Своими активными действиями он сумел перехватить инициативу у серых, нанеся несколько серьёзных поражений противнику.

По идее, я, как и все мои друзья, должны были ощущать себя шахматными фигурами, однако у меня по этому поводу не возникло никакой обиды. Да и на кого в этом случае обижаться? Ведь ни на Странника же. Напротив, я был удовлетворён тем, что Странник, начав свою партию, сумел убедить нас, выступающих в роли фигур и пешек, в важности и необходимости каждого из нас, тем самым, придав нам соответствующую важность и необходимость. Мало того, он очень бережно относился к своим фигурам, не пожертвовав до сих пор ни одной из них.

Над столицей возникло и стало нарастать какое-то напряжение, словно над ней собирались грозовые тучи, готовые в любой момент разразиться громами и молниями.

Я прикрыл глаза, включив духовное зрение. При этом город подо мной разительно поменялся. Я увидел пёструю, насыщенную яркими сполохами всех цветов картину, чем-то напоминающую пёстрый ковёр. В эпицентре этой картины выделялось нестерпимо-яркое, пятно Обсерватории, кото-

рое яростно пылало ослепительным фиолетово-синим пламенем. Остальная столица, была подёрнута какой-то дымкой, сквозь которую то здесь, то там, прорывались яркие вспышки всех цветов радуги, от кроваво-красных, до мрачно-фиолетовых. От Обсерватории, куда-то в бесконечное пространство во все стороны тянулись золотистые лучи, и было непонятно, излучает ли их сама Обсерватория или она втягивает их в себя.

Я впервые видел это чудо магическим зрением, и оно вызвало в душе моей восторг на грани эйфории. К сожалению, это чувство длилось недолго. Я увидел, что где-то бесконечно далеко отсюда, совершенно другом мире стал открываться проход, и из него, стало изливаться что-то серое, напоминающее дым. Сразу же всё стало понятно – хозяин идёт на помощь своей креатуре. Серая империя начинает вторжение, а то, что я вижу, лишь первая ласточка. Вслед за первым, открылся ещё проход, затем ещё и ещё. Да, Серая империя начала полномасштабное вторжение. Прошло совсем немного времени, и столица оказалась окружённой серым туманом, в результате чего, общие краски столицы поблекли, сполохи стали реже и бледнее, лишь Обсерватория всё так же ярко пылала. Золотые нити, свободно пронзали серый туман, и он, опасно не приближался к этим нитям.

Я, открыв глаза, вновь взглянул на город. На первый взгляд здесь ничего не изменилось, если не считать, что мятежников, а толпы вооружённых людей на улицах и были

мятежниками, заметно прибавилось, кроме того, я обратил внимание на то, что мятежники стали концентрироваться в двух местах столицы – вокруг Обсерватории и вблизи двorca Повелителей драконов.

Для меня было всё предельно ясно. Серые всадники ещё не вошли в пределы нашего мира, но они были готовы в любой момент открыть проходы и начать непосредственное вторжение. Их было так много, и они могли открыть столько проходов, что никаких сил империи Повелителей драконов не хватило бы, объединись даже силы империи и вотчин. Я, в который уже раз убедился в прозорливости Странника и Ляргуса, которые видели спасение этого мира, только в переносе из него Обсерватории. Да, она была лакомой приманкой для Серой империи. Как видно, партнёр по шахматной партии Странника, имея множество пешек и фигур, мало заботился об их сохранности и легко жертвовал ими. Об этом говорили наши последние стычки с серыми всадниками. В этом, я думаю, и заключается слабость Благих Богов.

По всему было видно, что серые чего-то ждут, и это было нам на руку. Опять, уже в который раз, я убедился в прозорливости моих учителей. Странник, Ляргус и Азар рассчитали всё правильно; серые не начнут вторжения, раньше, чем начнётся мятеж, а мятеж не начнётся ранее, чем Кувай встретится с родителями. Всё, конечно, очень рискованно, но всё же это лучший вариант. Кроме того, нам будет гораздо легче уничтожить всех этих пешек серых, а особенно их

фигуры.

Нет, я вовсе не был кровожадным, но сейчас руки мои буквально чесались, так хотелось пустить их в ход. Видя всю подлость, всё предательство этих, стыдно сказать, подданных империи, которые за мнимую чечевичную похлёбку продают свою Родину, я готов был залить кровью весь этот город вместе с его обитателями. Что же, раз игра началась, будем играть до конца, и лучше будет, если этот конец будет в нашу пользу.

Я отключился от обычного зрения и стал очень осторожен, что бы, не попусти Творец, он меня не почувствовал, стал настраиваться на Кувая, который, по моим расчётам, должен был уже покинуть Обсерваторию и направляться во дворец повелителей.

Очень скоро я обнаружил его, сидящим в каком-то маленьком кабачке, в полном одиночестве, пившем вино. Ладно, пока моей помощи не требуется. Тот маленький инцидент, который произошёл с ним по дороге, был скорее проверкой, с которой Кувай справился шутя. Я быстро отключился, пока Кувай меня не почувствовал. Ещё не хватало, что бы он почувствовал моё за ним наблюдение. Всё, можно ещё расслабиться примерно на час. Я прикрываю глаза и вновь погружаюсь в свои воспоминания, готовый в любой момент к действию.

Вино в этой забегаловке и впрямь оказалось превосходным. Однако, время, как говорится, перед смертью не надышишься. Я встаю, бросаю хозяину на стойку золотую монету, ловя при этом его удивлённый взгляд, и покидаю заведение. На плечи мне уже привычно давит груз доспехов, которые мне всё же пришлось надеть. Всё, настало время аудиенции и больше тянуть нельзя.

Всё так же гулко звучат мои шаги в пустом тоннеле. Прохожу ещё метров триста, и вот, передо мной лестница, которая ведёт прямо к парадному входу во дворец. Будь моя воля, я бы проник во дворец чёрным ходом, но по статусу мне положено являться на встречу с родителями через парадный вход, где меня, скорее всего, и ожидала засада. Не торопясь, время ещё позволяет, я поднимаюсь по лестнице, держа свой шлем на стиге левой руки, и положив правую руку на эфес меча.

Вот, наконец, и парадный вход дворца повелителей, где меня встречает капитан имперской гвардии. Низко кланяюсь, как и положено, при встрече наследника, капитан, человек среднего возраста с длинным шрамом на правой щеке, приглашает меня следовать за ним. Два гвардейца, вооружённых копьями с наконечниками длиной в локоть, несущие караул при входе, отдают мне честь и раскрывают пере-

до мной высокие, украшенные замысловатой резьбой двери, где главными персонажами были драконы. Я иду за своим провожатым, и оказываюсь в роскошном фойе дворца

В первый момент я немного растерялся и даже несколько оробел – такой роскоши и величия, мне до сих пор видеть не приходилось. Передо мной оказалась широкая, не менее десяти метров, лестница, по краям которой стояли гвардейцы в парадных доспехах. Капитан сказал, что мне следует подняться по лестнице, и что меня там встретят, после чего отсалютовал своим мечом и вернулся к исполнению своих обязанностей.

Я, не торопясь, соблюдая достоинство, стал подниматься по ступеням, при этом гвардейцы салютовали мне своими копьями. Наконец, я оказываюсь перед высокими двустворчатými дверями, сплошь покрытыми позолоченной резьбой всё на ту же драконью тему.

Откуда-то появился пожилой статный человек, в роскошной одежде, по-видимому, церемониймейстер, который, низко поклонившись, попросил меня немного обождать, пока он доложит обо мне. Я милостиво согласился, хотя, не имея привычки к таким церемониям, чувствовал себя не в своей тарелке. Придворный скрылся за дверью, а спустя минуту двери широко **распахнулись**, часовые при дверях сделали копиями на караул, и громкий голос провозгласил:

– Принц Кувай, законный наследник Престола империи Повелителей драконов просит аудиенции у Повелителей.

Спустя минуту тот же голос произнёс:

– Входи сын наш. Мы рады видеть тебя здесь, во дворце твоих предков.

Долгие годы в мечтах я представлял себе эту встречу, но когда она состоялась, растерялся. Это я-то, которому, не смотря на мои молодые годы довелось разговаривать даже с самой Смертью, вдруг оробел, как мальчишка, впервые покинувший дом. На негнущихся ватных ногах я вступил в тронный зал, поразивший меня своими размерами и при этом своей простотой, которая резко контрастировала с роскошью входа во дворец.

Прямо против входа, метрах в пятидесяти от меня возвышались два простых деревянных трона с высокими спинками. Дерево их почернело от времени, а примитивная резьба, скупо украшавшая спинки, говорила об их древности. Тронный зал, поразивший меня своими размерами, был скупо освещён факелами, причём освещены были лишь сами троны и сидящие на них Повелители.

В первый момент мне показалось, что тронный зал пуст, но приглядевшись, я обнаружил возле тронов небольшую группу придворных, среди которых я с удивлением увидел Ляргуса в парадном облачении Верховного жреца империи. Однако на придворных я взглянул лишь мельком – моим вниманием полностью завладели сидящие на троне.

Я сразу же узнал отца, хотя, на мой взгляд, он изрядно постарел. Видимо нелегко ему далось время, прошедшее с на-

шей последней и единственной встречи. Одетый в парадный чёрный камзол, со знаком Повелителя на груди, он приветливо улыбнулся мне и даже, как мне показалось, ободряюще подмигнул. Я в ответ улыбнулся ему, однако всё моё внимание было привлечено к сидящей на троне Повелительнице – моей матери, которую я видел впервые.

Я не могу передать чувства, которые владели мной в тот момент. Меня буквально разрывало на части между страхом, того, что мать не захочет меня признать и жалостью к этой сильной женщине, которая ради блага империи, ради возможности спасти хотя бы часть своих подданных, вынуждена была долгие годы изображать из себя полубезумную женщину, готовую ради сохранения собственной власти, убить собственного ребёнка.

Моя мать, которую я видел впервые, оказалась высокой красивой женщиной, с царственной осанкой и пронзительным взглядом ярко-голубых глаз. Её густые волосы цвета полированной меди, собранные в высокую причёску, были украшены небольшой бриллиантовой диадемой. Свет факелов отражался в бриллиантах и волосах, причём последние начинали искриться золотистыми искрами, словно посыпанные золотым песком. Такова была моя мать, грозная Повелительница драконов. В первый момент я остолбенело, всматривался в черты лица матери, нарушая принятый этикет, но ничего не мог или не хотел с собой поделаться. Особенно привлекли меня её глаза, небесно-голубого цвета, которые были

бездонны и буквально затягивали в свою глубину, где время от времени вспыхивали чудные зелёные вспышки. Эти глаза очень напоминали глаза моей Ниннэль, видимо глаза истинных дракониц, а и мать, и жена был именно такими, чем-то схожи.

Видя, что я застыл, как вкопанный в нарушение всех принятых во дворце норм, мне пришёл на помощь Ляргус. Незаметно подойдя сзади, он шепнул мне на ухо, что бы я подошёл к подножию трона, и не доходя трёх шагов, опустился на правое колено, склонил голову и ждал, когда Повелители обратятся к тебе.

Я стряхнул с себя оцепенение и на ватных ногах подошёл к подножию Престолов. Не доходя трёх шагов, я опустился на правое колено и стал ждать, однако голову не опустил и не отрывал взгляда от лица матери моей. Она тоже, словно замороженная моим взглядом, не отрываясь смотрела на меня. Сколько это продолжалось? Не знаю, может миг, а может целую вечность. Создалась парадоксальная ситуация, когда и я, и Повелительница нарушили этикет, который очень почитался в империи, а прервать эту затянувшуюся паузу ни она, ни я не могли, а может быть, просто не хотели. Положение спас Повелитель, произнеся положенную по такому случаю приветственную фразу.

– Мы рады приветствовать тебя в твоём дворце, принц и наследник Кувай, – произнёс Повелитель ритуальную фразу приветствия. – Встань и подойди к руке матери твоей.

Моё оцепенение вмиг сошло с меня, я вновь обрёл возможность здраво поступать, поэтому, встав с колена я подошёл к трону матери с намерением поцеловать её протянутую мне на встречу руку. Однако здесь произошло новое нарушение этикета, но отнюдь не с моей стороны.

Повелительница, порывисто вскочила со своего трона, шагнула ко мне, затем крепко обняла и расцеловала меня, так что я опять впал в оцепенение. В её поцелуях я почувствовал великое страдание, которое довелось пережить этой сильной женщине, долгие годы разыгрывающей перед всеми свою кровожадность в отношении меня, тем самым, спасая. Помимо этого, я впервые ощутил материнскую любовь, которая обожгла меня до такой степени, что у меня впервые в жизни на глазах выступили слёзы. Вместе с тем, в глубине моей души подняла голову и стала набирать силу лютая ненависть к предателям, из-за которых я был разлучён с родителями, которые спасая меня, долгие годы должны были притворяться безумными злодеями. Я не стал подавлять это чувство, наоборот, я дал ему набрать силы, дабы в нужный момент никакая жалость не смогла бы помешать мне сделать то, что я должен был сделать.

К нашим объятиям присоединился отец, полностью нарушив принятый обычай официальных приёмов в тронном зале. Никто из придворных, даже главный церемониймейстер, не попытались пресечь это нарушение, толи боялись, толи не хотели. Мы довольно долго все трое простояли обнявшись,

и даже ненависть, что бурлила во мне, не помешала почувствовать, что наконец-то я обрёл семью, жаль что перед разлукой, которая вполне могла оказаться вечной.

Нас прервали самым неожиданным образом. В зал быстро вошёл тот самый капитан гвардии, который встречал меня у входа во дворец, как оказалось это был командир личной охраны повелителей. Он заявил, что у дворца собралась толпа вооружённых людей во главе с принцем Роггом, которые требуют выдать им меня или мою голову.

При этих словах отец побледнел и глаза его вдруг стали узкими, как я через мгновение понял, что так выражается его крайняя ярость.

– Ублюдок, – процедил сквозь зубы отец. – Хотя он и мой сын, но всё же заслуживает смерти.

– Сколько у нас времени? – спросил отец у капитана.

– Боюсь, что долго нам не продержаться, – печально ответил тот. – Мои гвардейцы готовы погибнуть, но не допустить во дворец этих негодяев и предателей. Их слишком много и мы продержимся минут десять, не больше.

– Но мы же не можем вот так сразу расстаться, даже не поговорив, – сказала мать. – Что же нам делать?

Я видел, что родители мои растеряны и не знают, что делать. Видел, что гвардейцы настроены действительно умереть, но выполнить свой долг до конца, поэтому решил вмешаться.

– Родители мои, я полагаю, что ради нескольких слов не

стоит рисковать жизнями преданных людей, – твёрдо заявил я, стараясь не показать бурлящую во мне ярость. – Спасайте верных вам людей, забирайте гвардейцев и уходите в Обсерваторию, а я сам разберусь с мятежниками. Они хотят мою голову. Ну, что же, они её получают, только, что будет дальше, мы ещё посмотрим. Вы же, мои родители, как только люди окажутся в безопасности, прилетайте на утёс Небесной стражи. Там мы сможем поговорить без помех.

Не говоря больше ни слова, я одел свой шлем, и не слушая никаких возражений вышел из тронного зала в сопровождении капитана гвардейцев. Перед выходом я велел капитану снимать всех своих гвардейцев с постов, что бы они могли защитить Повелителей и их свиту пока те будут добираться до Обсерватории. Капитан не стал оспаривать моё решение, отсалютовал мне мечом и отправился собирать своих людей. Я же, опустив глухое забрало шлема, распахнул входную дверь и обнажив меч шагнул на встречу беснующей толпе.

Мятежники, видимо не ожидали от меня такой наглости, поэтому на минуту замешкались. Это было мне на руку; я выигрывал время, давая людям возможность эвакуироваться из дворца. Замешательство врага длилось недолго. Увидев мой отчаянный поступок, они решили, что я морально сломлен и готов сдаться, тем более, что здесь было много арбалетчиков, готовых в любой момент расстрелять меня в упор, не позволив обернуться драконом.

Я решил не разочаровывать предателей в их заблуждении

относительно себя. Опустив меч и подняв забрало я подавленно заявил, что готов сдаться, но при условии, что Повелители не пострадают. Они опять растерялись и тем самым подарили мне ещё несколько минут. Наконец, из окружившей меня толпы вышел закованный в полный доспех воин и направился ко мне. Не доходя до меня трёх шагов, он поднял забрало, и передо мной оказался Рогг, собственной персоной.

– Бросай ка свой меч, братец Кувай, и может быть тебе сохранят жизнь, – заявил он с мерзкой улыбочкой на своем, не обделённом красотой лице, на котором предательство уже поставило свою печать.

В этот момент я почувствовал, что открылся тайный ход в Обсерваторию, а это значит, что Повелители и их люди в безопасности. Всё, время я выиграл, а теперь пришло время платить по счетам.

– Ты знаешь, братец Рогг, – специально придав своему лицу мерзкое выражение, глумливым голосом заявил я, бросив предварительно сковывающее заклятие для арбалетчиков. – Я, пожалуй, передумал сдаваться. Неужели ты думаешь, что я поддамся такому мерзавцу, как ты. Ну, нет. Придётся тебе помахать мечом, что бы я тебя не зарезал, как барана.

Сказав это, я поднял меч и встал в позицию. Рогг, который, судя по всему, никак не ожидал такого вероломства, немного опешил, но быстро взял себя в руки и тоже достал свой меч. Я бы мог убить его одним ударом; спасибо коман-

диру храмовников, который научил меня некоторым тайным приёмам, практикуемым у них, но моя задача на данный момент была иной. Мне надо было максимально протянуть время, что бы Повелители и их свита, успели укрыться в обсерватории. Именно поэтому я до сих пор не пускал в ход магию, если не считать сковывающего заклятия.

Наши клинки со звоном скрестились; мы сошлись с братом в поединке. Остальные мятежники, повинувшись жесту Рогга, остались зрителями нашей с братом схватки. Рогг дрался неплохо, чувствовалось, что у него были хорошие учителя, но его подводили излишняя горячность, торопливость, вытекающая из желания побыстрее со мной покончить и отсутствие опыта реальных сражений.

Если признаться, я вовсе не горел желанием стать братоубийцей, поэтому дал сам себе слово постараться не убивать его, а лишь хорошенько проучить. Кроме того поединок позволял выиграть дополнительное время, так необходимое мне. Ну, а уж потянуть время в фехтовании я хорошо умею. Вот я и стал не то, что бы фехтовать по настоящему, а так, дурака валять.

Видя мою неуверенность, Рогг злобно оскалился и стал яростно нападать с явным намереньем побыстрее разделаться со мной. Я медленно отступал, с таким видом, словно дела мои совсем плохи и я уже ни на что, не надеюсь. Рогг, видя мою слабость, совсем вошёл в раж. Он так рьяно размахивал своим мечом, что я стал опасаться, что он выдохнется рань-

ше времени.

Он всё же выдержал, хотя было видно, что прилично устал. И вот, когда он начал очередную атаку, очень размашисто, совсем забыв об осторожности, я получил сигнал, что Повелители добрались до Обсерватории.

Всё, пора кончать эту комедию; пора покончить со всеми этими предателями, и совершенно неважно из каких соображений он встали на скользкую дорожку измены. Ведь их измена вовсе не измена империи, хотя и это имеется в наличии, нет, они изменили всему, чем жил этот мир, предавая его в лапы Вселенского вампира, коим является Серая империя. Поэтому, не будет им пощады, по крайней мере, от меня.

Однако, помня об обещании себе самому, не убивать брата, я прежде чем перейти к серьёзным действиям решил вывести Рогга из игры, преподав ему хороший урок, хотя в глубине души я очень сомневался, что урок пойдёт ему на пользу. Выждав, когда увлечённый очередной атакой, брат раскроется, я молниеносным ударом, которому, в своё время, меня научил Яргуст, сбил с головы Рогга шлем, и, продолжая движение меча, очень аккуратно рассёк ему левую щёку от уха до подбородка. Лицо брата залило кровью, а в глазах его я заметил страх. Он как-то неуклюже дёрнулся, стараясь закрыться от моего следующего удара, но, как раз этим-то ударом я обезоружил его, выбив меч, который со звоном упал на булыжную мостовую метрах в трёх от него.

Вот тогда-то он по-настоящему испугался, прекрасно понимая, что я его сейчас просто зарежу, как мясник режет жирную свинью к зимним праздникам. Нет, он не стал просить пощады, а просто отскочил в сторону, но отнюдь не в ту, куда отлетел его меч, и бросился в гущу своих воинов, громко призывая их, убить меня. Ну, что же, возможно это для меня выход. По крайней мере, если он останется жить, моя отметина всегда будет напоминать ему об этом поединке.

Вся эта вооружённая шатия-братия, выйдя из оцепенения, в котором до сих пор пребывала, исключая арбалетчиков, над которыми властвовало моё заклятие, бросилась на меня, стремясь побыстрее изрубить в капусту. Их было много, и это в тот момент сыграло в мою пользу. Они просто мешали друг другу, и я очень быстро нагромоздил перед собой целую грудку мёртвых тел, которые, превратившись в серьёзную преграду для нападающих, ещё больше укрепило мою оборону.

Я так увлёкся сражением на обычном оружии, что совсем забыл, что плюс ко всему, владею ещё и магией. Вспомнив, что я дракон, я, прежде всего, ударил по нападавшим давящим заклятием. Это достаточно мощное заклятие позволяет очистить от противника одним ударом довольно большую площадь, жаль что оно требует много сил, поэтому в течение боя может быть применено лишь единожды.

Действие этого заклятия внешне выглядело, словно от меня во все стороны проехался каток, который ломал и плю-

шил людей, превращая их в кровавое месиво. Не прошло и минуты, как на площади перед дворцом не осталось ни одного живого человека; лишь небольшая кучка мятежников, среди которых я, к моему удовольствию, рассмотрел Рогга, в панике сбежала в какой-то переулок. Заклятие моё убивало так быстро, что погибшие не успели ничего почувствовать и даже закричать.

Я оказался в одиночестве среди горы трупов. Передо мной была площадь заваленная мертвецами, а позади пустой дворец Повелителей, навсегда оставленный его обитателями. Всё, Рубикон перейдён, теперь хватит переживать – пора действовать. Столица, превратившаяся в гнойный нарыв на теле нашего мира, должна быть выжжена до основания. К моему удивлению, в этот момент у меня не было никаких чувств, будто это не я сейчас одним движением реализованной мысли отправил на тот свет целую толпу народа. Мне уже неоднократно приходилось участвовать в истреблении себе подобных, и всегда я очень переживал по этому поводу. Сейчас же, я смотрел на всё спокойным рассудочным взглядом, понимая, что я всего лишь выступаю в роли садовника, который вырезает больные ветви плодовых деревьев и тут же сжигает их, не испытывая к ним никаких чувств.

Я обратился в дракона, и легко поднявшись в воздух, оглядел столицу с высоты. Возле дворца Повелителей всё было тихо. Большинство мятежников осталось лежать на площади. Оставшиеся в живых, словно крысы, разбегались

по множеству улиц, причём многие из них норовили скорее покинуть город, направляясь к городским воротам. Здесь я был спокоен, храмовая стража и драконы Сегурии не выпустят их из обречённого города.

На данный момент основные события разворачивались вокруг Обсерватории. Именно там сосредоточились основные силы мятежников. Похоже, там находится и герцог Кейвалл, стоящий во главе заговора, и братья мои, примкнувшие к мятежу, и сюда, скорее всего, направляется и сбежавший с поединка Рогг. Ну, что же, это даже хорошо, что все злодеи собираются в одном месте, не надо будет их вылавливать поодиночке.

Я медленно стал планировать в сторону Обсерватории, включив духовное зрение. Теперь я мог отчётливо видеть, что происходит в непосредственной близости от Обсерватории. Там же шла настоящая война, в которой было много звона мечей, разнообразных воинственных выкриков, много Искусства вперемешку с магией. Я видел, как большой отряд, судя по их действиям, профессиональных воинов, вырвался в ворота Обсерватории и затеял там жестокую битву. Защитники последней, видимо вначале растерялись, но затем сомкнули ряды и вновь перекрыли вход, не позволив остальным мятежникам ворваться во двор Обсерватории.

Всё, операция по спасению отряда Кварга успешно окончена, теперь у меня развязаны руки, теперь можно приступить к полному уничтожению города вместе с окапавшимися

в нём мятежниками. Учитель и Ляргус, отлично выполнили свою часть плана; теперь в нужный момент Странник откроет проход и выведет людей Кварга в безопасное место, создав полную иллюзию их гибели. Я взмахнул крыльями и стал набирать высоту, что бы огнём и магией ударить по скоплению врагов, увлечённо старающихся проникнуть в Обсерваторию, но не успел я и дважды взмахнуть крыльями, как сам подвергся нападению. Да, никогда не стоит недооценивать неприятеля. Я несколько увлёкся и поплатился за это.

Я вдруг почувствовал сильнейший ожог с правой стороны груди, чуть сзади крыла, а затем жёсткий толчок, настолько сильный, что я перевернулся в воздухе и начал падать прямо на крышу какого-то дома. Превозмогая боль, которая пришла вслед за толчком, я остановил падение, когда до крыши оставалось несколько метров. До меня дошло, что я пропустил сильный магический удар, и только чудом остался жив.

Спланировав над самой крышей, я, что бы ни попасть под новый удар опустил в узком переулке, абсолютно пустом в это время. Мне надо было осмотреть рану, и уже после этого принимать решение. Приняв свой человеческий образ, я осмотрел рану. На моё счастье, доспехи выдержали, однако кираса была помята с правой стороны, куда пришёлся удар, а в точке, куда пришёлся удар, даже частично оплавилась. Убедившись, что я отделался лишь ожогом и лёгким ушибом, я успокоился, хотя и было досадно, что я так глупо подставился. Наскоро обезболив рану, что бы боль ни мешала

мне действовать в полную силу, я вновь взлетел, хотя в этом узком переулке сделать это было весьма непросто.

Взлетев, я быстро набрал высоту, с таким расчётом, что бы мастера, которые служат мятежникам, к счастью среди них нет вотчинников, не могли меня достать. Для большей уверенности, я установил зеркальную защиту. О, эта активная защита, являлась прекрасным средством, не только отразить магический удар, разумной силы, конечно, но и хорошим средством наказать обидчика, который решится атаковать человека, применившего эту защиту.

Только я набрал высоту, как с земли ударила очередная молния, но в этот раз, пославший его мастер, явно просчитался, хотя наверняка понять этого не успел. Его молния, отразившись от моей защиты, вернулась обратно, превратив своего творца в щепотку пепла. Это подействовало, магические атаки прекратились. Не знаю, может быть у мятежников был всего один маг, хотя это вряд ли; скорее всего остальные смекнули, что я применил зеркало и оставили попытки достать меня таким путём. Преодолеть эту защиту по силам лишь мастерам очень высокого уровня, никак не ниже вотчинника, а вотчинников среди мятежников явно не было.

Сверху я увидел довольно забавную картину, хотя, если бы я оказался в этот момент возле Обсерватории, мне бы было не до смеха. Сверху же я видел, как множество мятежников волнами налетали на вход, ведущий на территорию Обсерватории, и каждый раз останавливались, словно налетали

на невидимую стену, а затем откатывались назад, оставляя после себя множество мёртвых тел. Наблюдать за этим сверху было действительно забавно, я даже было подумал, что если так пойдёт и дальше, то враги наши сами себя уничтожат, и отпадёт необходимость всех их убивать.

Эти истеричные атаки, говорили, что руководство мятежа в полном отчаянии, что все их планы оказались неосуществимы, что, чуя свою гибель, они бросают своих людей на убой, лишь бы протянуть время, в слепой надежде, что произойдёт чудо, и они захватят Обсерваторию. Да, я был о герцоге Кейвалле лучшего мнения. Чудо же, которое ожидал герцог, мне было хорошо известно – это множество серых всадников, которые только и ждали сигнала герцога, что бы открыть проходы и, словно вода, прорвавшая плотину, затопить наш мир, хотя то, что они могут захватить и подчинить себе Обсерваторию, казалось мне маловероятным. Ну, что же, постараюсь лишить предателей этой последней надежды.

Я разогнался, сложил крылья, и пикировать на самое крупное скопление врагов, штурмующих Обсерваторию. Свою атаку я начал в полной тишине, считая, что скопившиеся внизу мерзавцы и предатели, не тот враг, которого нужно атаковать с боевым кличем драконов. Ведь даже серые всадники, которые, пожалуй, являются самыми лютыми врагами для всего живого, и то выше этих мятежников на целую голову, в моральном плане, конечно. Поэтому мы и нападали на них с боевым кличем, как и подобает настоящим воинам,

столкнувшись с достойным противником. Эти же, внизу, были для меня лишь плесенью на теле человечества, которая заслуживает только полного уничтожения. Причём, уничтожение должно быть максимально полным, чтобы, не попусти Творец, какие либо частички или споры этой плесени, выжили бы, переждали, для того, что бы когда-нибудь, где-нибудь возродиться вновь, стоит только сложиться пригодным для этого условиям.

Моя атака застала мятежников врасплох. Они закричали, стали разбегаться, пытаясь спастись, но драконье пламя быстро разделалось с ними. Этот момент можно было считать окончанием мятежа, так как попытки захватить Обсерваторию прекратились, а мятежники, больше не слушая приказов своих вожаков, стали разбегаться, стремясь спасти свои, с моей точки зрения никчемные, жизни. Пусть бегут; у выходов из города их поджидает храмовая стража и драконы Сегурии.

Меня охватил боевой азарт, которого мне ещё не приходилось переживать. Я знал о нём и его проявлениях лишь из рассказов опытных воинов, да ещё, пожалуй, моего друга демона Минга, которому, не смотря на его молодость, уже пришло изрядно повоевать. Из их рассказов я усвоил, что, когда ты часто начинаешь проливать чужую кровь, то у тебя возникает некое опьянение, наподобие, того, когда перепьёшь вина или пива. Ты как бы отделяешься от своего тела, которое само автоматически совершает свою кровавую ра-

боту, а твоё сознание при этом наблюдает за всем происходящим со стороны. Самое страшное, когда этот боевой азарт захватывает не только твоё тело, но и душу; тогда ты начинаешь с ужасом понимать, что эта работа тебе нравится, что тебе хочется убивать и убивать, а остановиться с каждой минутой всё трудней и трудней, при этом, как это ни странно, ты перестаёшь испытывать какие-либо чувства к убиваемым тобой людям – ни ненависти, ни жалости. Поняв, что я попался в лапы этого самого боевого азарта, я с большим трудом остановил свои атаки, стараясь успокоиться и оглядеться. Вполне возможно, что это меня спасло.

Я медленно кружил над центром города, внимательно рассматривая, как ведут себя мятежники, среди которых, судя по всему, началась паника. Паника, пока ещё не явная, которую ещё кое-как сдерживают вожаки отдельных отрядов мятежников., но которая достигла уже той степени, при которой один толчок, один панический выкрик, типа: «Нас предали...», и, пусть плохо организованное и плохо обученное войско мятежников, вмиг превратится в перепуганное стадо, которое бросится бежать, не слушая командиров, спасать собственные шкуры. Ну, что же, нужно усилить эту панику.

Только я собрался в очередную атаку, как на меня с четырёх сторон напали драконы, каждый из которых был, по крайней мере, раза в два крупнее меня. Они стремительно летели на меня с громким рёвом, в котором помимо ярости, мне показалось, присутствовал ничем не прикрытый страх.

В них я почти сразу узнал своих старших братьев: Ярила, Селена, Кейва и Гирза, которые, наконец-то сбросили с себя маски и открыто выступили на стороне мятежников, а это считай, на стороне Серой империи.

Их план был до элементарного прост. Окружить меня со всех сторон, лишить возможности маневрировать, и, пользуясь своим превосходстве в численности, размерах и массе, либо взять меня в плен, что вряд ли, либо просто уничтожить. Моя реакция была на уровне инстинкта; я просто полыхнул пламенем в того из драконов, который напал спереди. Им оказался Гирз, которого пламя окатило от оскаленной морды, до кончика его хвоста. Серьёзного вреда такому крупному полному сил дракону, каким был Гирз, это, конечно, причинить не могло, разве, что вызвать лёгкие ожоги, однако психологически мой отпор оказался очень эффективным. Гирз страшно закричал от испуга и шарахнулся в сторону, образовав достаточно широкую брешь в «стройных рядах» нападавших на меня, коей я незамедлительно и воспользовался.

Вырвавшись из окружения, я стремительно, насколько позволяли мне мои крылья, рванулся ввысь, стараясь оторваться от преследования. Но не тут-то было. Братья замешкались всего на несколько мгновений, а потом, быстро замавав крыльями, ринулись в погоню за мной, не давая мне оторваться от них, что бы на расстоянии дать достойный отпор. Вот тут-то сказалась разница в наших размерах, которые в

скорости полёта, зачастую являются определяющими.

Дело в том, что драконы растут очень медленно, но зато почти всю свою жизнь, а живут они очень долго. Естественно, что чем крупнее они, тем больше у них размах крыльев, а значит и быстрее их полёт. Так что, в этом отношении размеры дракона очень важны.

Как я не махал крыльями, как ни старался оторваться от братьев, все мои усилия ни к чему не привели, братья уверенно догоняли меня, причём даже Гирз, оправившись от моего удара, догнал своих, стараясь отомстить мне за свой ожог, а, самое главное, за испуг, который он в связи с этим испытал. Положение мое оказалось плачевым. Сложилась такая ситуация, при которой, я не мог оторваться от моих преследователей, что мне было просто необходимо, хотя бы для того, чтобы я мог снять свою зеркальную защиту, а это невозможно было сделать вот так на лету. Для этого мне нужно было насколько секунд покоя, чего я и добивался, пытаюсь хоть ненадолго оторваться от врагов моих.

Зачем мне это было нужно? Ведь пока я защищён зеркалом, противники мои не могли применять против меня магию. Да, это так, но ведь и я применять её тоже не мог, а без магии мне с братьями было просто не справиться. В этом и есть слабая сторона любой защиты – чем она надёжней, тем больше ты ограничен в своих действиях. Вот и я сейчас оказался пленником собственной защиты. Видимо братья мои это поняли и гнали меня, стараясь справиться со мной за

счёт собственного превосходства.

Мы носились над городом, как заведённые, а я ничего предпринять не мог и уже стал уставать. В глубине своего сознания я ругал себя последними словами за собственную самонадеянность. Поверив без всякой проверки, что братья мои сбежали из столицы, я никак не ожидал, что мне придётся столкнуться с ними в воздухе над столицей, да ещё в очень неудобном у меня положении. Я выбивался из сил, плевался огнём, который против моих братьев, да и вообще драконов, оказался бесполезен, а они только теснее сжимали кольцо вокруг меня. Я чувствовал, что ещё немного, и они вынудят меня опуститься на землю, а уж там, я окажусь в их полной власти.

Я пришёл в бешенство от своего положения, но это не помогло; меня душили стыд и отчаяние за то, что я с таким позором провалил миссию, наложенную на меня самой судьбой, что подвёл множество людей доверившихся мне, но ничего поделать не мог. Я уже готов был сдаться, опуститься на землю и с мечом отстаивать свою честь или, хотя бы продать свою жизнь подороже, как неожиданно пришла помощь, со стороны, с которой я никак не ожидал.

Где то в небе надо мной, а я к тому времени спустился почти до самых крыш, раздался пронзительный боевой клич одинокого дракона, который был дружно поддержан многочисленными кличами драконов Сегурии. Услышав этот клич, и сообразив, что на них производится атака, братья

мои откровенно перепугались, заметались, пытаюсь определить, кто же тот дракон, что пришёл мне на помощь. Это дало мне драгоценные мгновения, которые дали мне возможность снять зеркальное заклятие. Теперь я мог воевать с братьями на равных.

С неба с пронзительным визгом, переходящим в ультразвук, падал довольно крупный дракон цвета воронёной стали. Я сразу же узнал Яргуста и страшно обрадовался, хотя никак не мог взять в толк, откуда он здесь взялся. Ну, ладно, это мы узнаем позже, сейчас же главное покончить с братьями, желательно не убивая, и окончательно покончить с мятежниками. Я нанёс удар молнией прямо в правое крыло Ярила, самого крупного из драконов. Тот как-то странно вскрикнул и, завалившись на раненое крыло, стал падать на крышу, какого-то здания. Я успел увидеть, как огромное тело дракона, проломив крышу, исчезло внутри дома. Надеюсь, что он только ранен, однако рассматривать, что там с ним было некогда, в бой вступил разъярённый Яргуст, обрушив на братьев огонь и магию.

Этого удара братья не выдержали, хотя и были втроём против одного Яргуста. Их магические удары были слабы, словно братья были неуверенны в своих силах, и плохо нацелены, поэтому чёрный дракон один из них играючи отбил, а от остальных просто увернулся. Зато его удар буквально смял Кейва, и он камнем полетел вниз, а Селен и Гирз полностью деморализованные, отказались от продолжения борьбы

и бросились удирать, так быстро, что как мы с Яргустом ни пытались их догнать, нам это не удалось. Послав им в вдогонку несколько ударов, которые, судя по всему, не нанесли им сколь-либо серьёзных повреждений, мы оставили бесполезное занятие, коим является погоня за трусами, спасающими свою жизнь, почему-то предатели и трусы всегда очень быстро бегают, если их припечёт, и занялись разбегающимися во все стороны мятежниками.

Я увидел, что от стен, окружающих столицу по сужающейся спирали в воздухе барражируют драконы, поливая город драконьим пламенем, так что выбраться из города не мог никто. Я и Яргуст планировали над центром, где было особенно много мятежников, правда какой-либо организации и руководства не наблюдалось, каждый старался спасти свою шкуру, а о цели мятежа все просто забыли. Я посоветовал Яргусту, прежде чем начать сжигать обречённых, постараться определить где находится герцог Кейвалл, и по возможности захватить его живьём; мне нужно было, что бы он призвал сюда серых всадников.

– Как знаешь, Кувай, – удивлённо ответил Яргуст. – Не знаю зачем тебе это нужно, но я думаю, что ты знаешь, что делаешь. Я постараюсь.

Да, я знал, что делаю. Я знал, что при переносе Обсерватории выделится очень много свободной силы, а это повлечёт за собой мощный взрыв, в котором, скорее всего, погибнут все, кто не уберётся из столицы и её ближних окрест-

ностей. Так почему же не воспользовавшись этим, не постараться уничтожить побольше серых, заманив их предварительно сюда. Всё это, пока мы летали в поисках герцога, я в общих чертах рассказал Яргусту, которому мои намерения понравились.

– А как нам в этой обезумившей толпе найти этого несчастного герцога? – спросил чёрный дракон. – Лично я этого не представляю. Надо хотя бы знать его в лицо. Может быть ты его знаешь?

– Нет, Яргуст, дружище, в лицо я его, конечно, не знаю, но у меня есть способ, как найти его, – смеясь, ответил я.

– Ну, и что же это за способ? – спросил Яргуст. – Или это секрет?

– Нет, что ты, нет никаких секретов, тем более от тебя, – смеясь, ответил я. – Всё очень просто. Просто Кварг позаботился о том, что бы пометить главного предателя. Он осторожно поставил на него заклятие-маяк, по которому я и смогу его найти. Так что попридержи до поры свой огонь и магию, пока я не найду его.

Герцог нашёлся примерно через полчаса. Он с группой приближенных аристократов затаился в небольшом, совершенно незаметном трактирчике. Мы опустились перед трактиром и сразу же обратились. Обнажив меч, я толкнул и вошёл в трактир. Яргуст шагнул следом за мной. Перед нами предстала «немая сцена». За столом, с белыми, как снег лицами, скорее масками, сидела вся верхушка мятежа. Во главе

стола, заставленного кувшинами с вином и закусками, восседал мой братец Рогг, а справа от него сидел действительный глава заговора герцог Кейвалл, о чем ясно говорило заклятие-маяк. Они явно не ожидали нашего появления, поэтому сначала растерялись.

– Рекомендую, друг мой, Яргуст, – обратился я к чёрному дракону. – Вот этот, что сидит во главе стола, мой братец Рогг, я тебе о нём рассказывал. А этот, с виду благородный человек, и есть тот самый герцог Кейвалл, главный мятежник и предатель. Вообще-то мои братья особой сообразительностью не отличаются, поэтому вот такие мерзавцы, как герцог, легко манипулируют ими. Вот он-то и нужен нам живым, а остальные должны умереть. Что же касается Рогга, то убить ли его или оставить в живых, оставляю на твое усмотрение.

– Я всё понял, Кувай, – просто сказал Яргуст и поднял свой меч.

Они оказались настолько трусливы, что почти не сопротивлялись. Нам пришлось их просто резать, как режут свиней и баранов. Не скажу, что профессия мясника мне пришлась по душе, ведь резать живого человека, пусть даже он предатель и заслуживает смерти, столь отвратительно и противоестественно, как поесть собственные экскременты. Но я должен выполнить свой долг, даже если потом, до конца своего брэнного существования мне не отмыться от этой грязи, в которой я и Яргуст сегодня вымазались.

Рогг и герцог всё время пока мы избивали их людей, находились в оцепенении, связанные по рукам и ногам сковывающими заклятиями. Однако они оставались в сознании и видели всё, что мы сделали с их спутниками.

Покончив с грязной работой, мы присели за освободившийся стол и выпили по изрядной кружке вина, которое оказалось на редкость хорошим. Выпив залпом вино, мы тут же налили по второй – нужно было как-то расслабиться. Всё же трудно было вот так просто убивать людей....

– Теперь, когда мы остались одни, – обратился я к герцогу, тоном, не предвещающим тому ничего хорошего. – У меня к тебе есть предложение, от которого, я думаю, ты вряд ли откажешься. Если ты примешь его и сделаешь то, о чём я тебя попрошу, то умрёшь быстро и без боли, ну, а если нет, то я сделаю так, что ты сам будешь просить, что бы я поскорей убил тебя.

Говоря это, я совсем не обращал внимания на Рогга, словно его здесь вовсе не было. Герцог же, и без того бледный, после моих слов побледнел ещё больше, хотя я не понял, как это вообще возможно.

– Что я должен сделать? – спросил он осипшим от страха голосом. – Я всё сделаю, только сохраните мне жизнь. Умоляю вас.

Он был так напуган, что от его былой спеси потомственного аристократа не осталось и следа. Передо мной сидел враз постаревший, весь какой-то жалкий человечиска, ещё со-

всем недавно намеревавшийся занять трон Повелителей драконов ценой предательства. Теперь ему оказались не нужными ни богатство, ни власть, ни слава, ему хотелось просто жить, пусть даже в качестве всеми презираемого самого последнего раба, питающегося отбросами на помойке.

– Нет, это не возможно, жёстко ответил я. – Мы не можем сохранить твою жизнь, но если ты сделаешь то, что мне нужно, твоя смерть будет лёгкой.

– Что я должен сделать? – спросил он еле слышно. – Я всё сделаю, если смогу.

– Конечно, и сможешь, и сделаешь. Куда ты денешься? – жёстко ответил я.

– С этим-то всё ясно, а вот, что нам делать с этим, так называемом, моим братом? – спросил я, обращаясь к Яргусту. – Конечно, проще всего было бы прикончить его и вся недолга, да у меня что-то душа не лежит стать убийцей собственного брата, хотя, по моему мнению, он и заслуживает смерти.

– А, знаешь что, друг мой, Кувай, – рассудительно сказал Яргуст. – Ты прав, не стоит проливать кровь брата своего, тем более, что теперь твои братья не представляют какой-либо опасности для нашего мира. Серым они уже не нужны, так как дело, где на них была сделана ставка, они с треском провалили, Обсерватория скоро покинет пределы этого мира, а оставшееся пепелище вряд ли заинтересует Благих Богов. Так что их можно отпустить, предварительно заклеив,

что бы любой, кто их встретит, сразу бы знал, с кем их свела судьба.

– Ты, что, хочешь вывести их из города? – спросил я. – А что за клеймо ты хочешь наложить на них? – Ну, выводить их из города я, конечно, не собираюсь, – ответил дракон. – Мы отпустим их на волю их судьбы – если сумеют выбраться – пусть живут со своим позором, а на нет, и суда нет. Во всяком случае, их кровь не падёт на наши головы. А насчёт клейма, нет ничего проще. У меня тут есть одна разработка.

Он повернулся к пленникам, которые затаив дыхание, слушали наш разговор. Я почувствовал толчок силы, а на лбах пленников выступила надпись – «ПРЕДАТЕЛЬ».

– Вот и всё. Стереть теперь её можно будет, лишь отрубив голову, – сказал Яргуст. – Вас отпустят лишь после того, как бывший герцог выполнит просьбу Кувая.

– Ты должен выйти на связь с серыми и сказать им, что они могут входить, – приказал я герцогу.

– Конечно, конечно, я всё сделаю, – засуетился тот. – Я должен им доложить, что ты убит и Обсерватория в наших руках. Я могу так им сказать?

– Да, можешь, но не вздумай сказать чего-нибудь лишнего, – ответил я. – Если вторжение не начнётся, ты умрёшь, и смерть твоя, отнюдь не будет лёгкой. Так что поторопись. Это в твоих же интересах.

Я ощутил лёгкий толчок силы, как обычно это бывает, когда кто-то проводит сеанс ментальной связи. Перестроив ду-

ховное зрение я, спустя пару минут увидел грандиозную картину вторжения Серой империи в наш мир. Я видел, как открылось множество проходов, и из них сплошными потоками хлынули серые всадники. Их было так много, что сказать, какая численность армии вторжения в этот раз, не было никакой возможности. Определив координаты проходов, я определил, что армия вторжения будет в столице, при условии, что всадники будут двигаться рысью, никак не больше чем через три часа. Ну, что же, времени вполне достаточно.

– Ты сдержал своё слово, я держу своё, – сказал я герцогу. – Вы свободны, можете проваливать на все четыре стороны. Рекомендую не задерживаться в городе, скоро здесь будет жарко. Всё, проваливайте.

Я снял удерживающие пленных заклатья, и они, почуяв, что могут двигаться, вскочили, и сломя голову ринулись на выход. Секунда, и предателей след простыл. Да, как в этой жизни тесно сотрудничают предательство и трусость. Ну, что же, если им повезёт выжить, до конца дней своих жить предстоит им жить с изменой и страхом, так что я им не завидую.

– Давай ка, друг Яргуст, – предложил я дракону. – Выпьем ещё по кружке этого превосходного вина и отправимся добивать мятежников, хотя, как мне кажется, наши драконы прекрасно справляются с этой задачей и без нас. У нас в запасе три часа, или что-то вроде этого, поэтому особенно расслаиваться не будем.

Яргуст с удовольствием поддержал моё предложение.

Только мы выпили, как на улице раздалось хлопанье крыльев; оказалось, это приземлились два наших дракона, которые принесли на себе Марка и Джона Мильтона, командовавших блокированием столицы. Хотя все мы расстались совсем недавно, встреча была такой, словно мы не виделись, по крайней мере, год. Когда покончили с приветствиями, я предложил хорошенько выпить, благо время ещё позволяло. Моё предложение было принято с энтузиазмом, и мы действительно хорошо выпили, причём куча трупов на полу нам нисколько не мешали.

Марк и Джон рассказали, что ни один человек покинуть город не смог и теперь столица вся объята огнём, а драконы завершают защиту её от мятежников. Я сказал им, что примерно уже через два часа сюда ворвётся армия вторжения, так что им следует быстро закончить свои дела, драконам взять в качестве пассажиров храмовую стражу и улетать, как можно дальше от столицы. К сожалению Сегурия уже закрыта и вам не попасть туда, но чем дальше вы будете от столицы, тем больше у вас шансов вновь увидеть Сегурию.

Яргусту я посоветовал присоединиться к драконам, но он наотрез отказался сделать это, заявив, что будет со мной до конца. Я пытался возражать, уверяя его, что я и один прекрасно справлюсь, что совершенно не нужно подвергать себя такому риску, но все мои аргументы вдребезги разбивались о его железную волю. Да, таков был Яргуст. Уж, если примет решение, нипочём не откажется от него.

– Ладно, будь по твоему, – сдался, наконец, я. – Если хочешь – оставайся. В конце концов, ты взрослый человек, но, я думаю, нам с тобой придётся несладко.

– Ничего, как-нибудь выкрутимся, – ответил Яргуст и улыбнулся, подарив мне одну из своих улыбок, на которые он был чрезвычайно скуп.

Я прекрасно понимал, что у меня почти нет шансов выжить, разве что случится чудо, и мне вовсе не хотелось, чтобы из-за меня погиб Яргуст, проявляя свою дружескую солидарность, но, не смотря на это, его упорство в желании быть со мной до конца, вызвало в душе моей волну нежности к чёрному дракону.

Всё, наше время кончалось и пора было расставаться, очень возможно навсегда. Все это понимали, поэтому прощались без слов, лишь крепко обнялись и внимательно посмотрели в глаза друг другу, словно стараясь навсегда запомнить.

Здесь, в пределах территории земель принадлежащих Ордену Обсерватории собралось столько народу, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Здесь было очень много детишек самого разнообразного возраста, от новорождённых младенцев до подростков, у которых уже начала пробиваться растительность на подбородке, и которые возомнили себя умудрёнными жизнью мужчинами. Здесь был весь цвет ремесленников, художников, поэтов, всех тех, кто своим творчеством создавал и поддерживал древнюю культуру империи, вливая в неё новую жизнь. Здесь были собраны величайшие мудрецы и учёные империи, чьи великие знания непременно нужно было спасти и сохранить. Однако здесь почти не было аристократов, царедворцев и разного ранга вельмож. Так называемая элита империи почти поголовно оказалась заражена серой немочью, и не была допущена в Обсерваторию. Все эти люди были готовы перенестись вместе с Обсерваторией в её вотчину, которая на долгие тысячелетия должна будет для них и их потомков, новой Родиной.

Хотя нас было здесь, как селёдок в бочке, в обители царил строгая дисциплина. Не было ссор, неслышно было рыданий; даже младенцы почти не плакали, видимо и они прониклись важностью происходящего.

Как-то незаметно Ляргус влился в эту толпу беженцев,

став для них своим, хотя, если подумать, так оно и было. Он незаметно взял управление беженцами в свои руки, подготавливая встречу Правителей, которые вскоре вместе с гвардией должны будут прибыть сюда. Всё правильно, он был и остался Верховным жрецом империи Повелителей драконов, и кому, как не ему было встречать Повелителей.

Короче все были при деле, один я остался неприкаемым. Нет, мне все здесь оказывали подобающее почтение, однако я здесь был чужим. Опять же, в отличие от остальных, я не собирался уходить вместе с Обсерваторией, хотя в её вотчину, возникни такая потребность, я мог явиться в любое время, благо я сам принимал участие в её создании. В мою задачу входило обеспечить спасение отряда разведчиков Кварга, и так обставить дело, что бы серые посчитали что он героически погиб вместе со своими разведчиками. В нужный момент я должен буду открыть проход и перекинуть отряд Кварга в безопасное место, где они смогут спокойно переждать до той поры, когда можно будет безопасно вернуться на Родину.

Кувай уже ушёл на встречу с родителями, и теперь все настороженно ждали событий, которые должны будут непременно начаться после окончания аудиенции. Все ждали, а время, как это обычно бывает в таких случаях, тянулось еле-еле, иногда даже возникало ощущение, что оно вовсе остановилось.

Последнее время я много общался с Ляргусом, но теперь,

когда было не до разговоров, я заранее попрощался с ним, опасаясь, что когда начнутся события, времени останется совсем мало, а расстаться с такой личностью, какой был старый жрец, не простившись, я посчитал для себя недопустимым. Что бы никому не мешать, я уединился в чьей-то маленькой келье, настроил своё духовное зрение и стал наблюдать, что сейчас происходит в городе. Что бы ни упустить момент, когда начнётся попытка штурма Обсерватории, я попросил молоденького монаха, как оказалось он и был хозяином занятой мной кельи, сразу же сообщить мне, как только у входа в Обсерваторию начнётся, что-нибудь интересное.

Я сидел, с полуприкрытыми веками, и перед моим внутреннем взором проплывала панорама столицы империи. Духовное видение совсем не то же самое, что и видение физическое, хотя между ними много общего. Если глазами мы видим только объекты материальные, вернее материальные формы объектов, то духовным зрением мы видим не только внешние формы объектов, но и внутреннее содержание их, а также взаимосвязи между объектами в виде энергоинформационных потоков. Кроме того, духовное зрение позволяет видеть и духовно информационные объекты, которые просто невозможно увидеть физическим зрением.

Глядя на пёструю картину столицы, первое, что я для себя отметил, было обилие красного свечения в общем фоне города. Красное свечение различных оттенков говорило мне о высоком уровне агрессии носителей этого свечения. Понят-

но, что оно сопровождает массы вооружённых людей, готовых убивать себе подобных. Ясно, что это мятежники, которые скапливались в двух местах города. Одно их скопление формировалось в районе дворца Повелителей, охватывая его кольцом, а другое гораздо большее, чем первое, стягивалось к входу в Обсерваторию. Ну, тут всё ясно. Мятежники хотят одновременно ударить по дворцу и Обсерватории, что бы убить сразу двух зайцев – покончить с Повелителями и захватить Обсерваторию. Ну, что же, вполне разумно. Я бы на их месте поступил бы так же.

Мятеж начнется, скорее всего, в тот момент, когда состоится аудиенция или сразу по её окончании. Так, посмотрим где сейчас Кувай. Это было несложно, ведь недаром я поставил на всех участника этого дела заклятия маяки, который позволяют легко находить и сопровождать каждого из них в пределах одного мира, а так же найти любого, если он окажется в другом мире. Правда, для этого мне самому придётся порыскать по мирам.

Кувай нашёлся в непосредственной близости от дворца. Он сидел в какой-то забегаловке и пил вино. Ясно было, что он пережидает время, оставшееся до аудиенции. Что же, пока он на месте, гляну, чем занят Яргуст. Его я нашёл сразу же, лежащим в образе дракона на маленьком утёсе над городом. Отлично, Яргуст находится на исходной позиции, откуда он в любой момент может прийти на помощь последнему дракону.

Я мог позволить себе немного расслабиться. Осушив кубок вина, которое здесь в Обсерватории было выше всех похвал, и продолжил свои наблюдения. Хаотичное, на первый взгляд перемещение сил мятежников завершилось тем, что они сконцентрировались в двух, ранее мной отмеченных местах, и теперь замерли, ожидая команды к началу активных действий.

Наконец, Кувай покинул забегаловку и направился во дворец. Я внутренне напрягся, ожидая, что на Кувая в любой момент может произойти нападение, если мятежники решат не допустить его до встречи с родителями. Но, похоже, они твёрдо надеялись, что безумные Повелители своими руками уничтожат законного наследника, поэтому Кувай без помех прошёл во дворец.

Где-то около часа Кувай был во дворце, как раз в это время среди мятежников, окруживших дворец, произошли волнения. Видимо они, не дождавшись от Повелителей ожидаемых ими действий, решили действовать сами. Мятежники сомкнули ряды и стали напирать, тесня немногочисленную дворцовую стражу. Казалось ещё чуть-чуть и они сомнут гвардейцев, но в это время из дворца вышел с опущенным забралом и обнажённым мечом Кувай; судя по свечению, которое от него исходило, он с трудом сдерживал ярость, бушевавшую в нём. Никогда раньше видеть его в таком состоянии мне не приходилось.

Стоило ему выйти из дворца, как напор мятежников пре-

кратился, и они даже попятились, освободив перед последним драконом часть площади. Из толпы мятежников вышел какой-то человек и заговорил с Куваем. Человек этот, видимо один из главарей мятежников, что-то говорил Куваю, явно неприятное для него, так как, судя по свечению исходящему от этого человека, он его люто ненавидел. Я подумал, что это, скорее всего, его брат Рогг, которому Кувай перешёл дорогу в вопросе престолонаследия. Почему я так решил? Да, просто потому, что во всей империи не было человека, которому Кувай был бы так ненавистен.

Разговор между братьями был недолгим, причём Кувай всячески показывал противнику свою нерешительность и даже отчаянье, а тот, видимо, предлагал ему сдать. В это время я увидел, что гвардейцы снимаются с постов и как-то незаметно для мятежников, собираются в тронном зале, откуда, как я знал, ведёт секретный ход в Обсерваторию.

Ну, теперь всё понятно, Повелители начали эвакуацию, а Кувай просто тянет время, что бы они могли беспрепятственно уйти. Но, вот открылся тайный ход и преданные Повелителям люди, один за другим скрываются в нём, направляясь в Обсерваторию. Стоило последнему человеку войти в проход, как поведения Кувая разительно изменилось. Он уверенно поднял свой меч и что-то сказал Роггу; от чего тот пришёл в ярость и, обнажив свой меч, кинулся на Кувая. Между ними начался поединок, в который остальные мятежники не вмешивались.

Кувай, видимо, спешил, поэтому он не стал затягивать поединок, а, улучив момент, сбил с Рога шлем и рассёк тому щёку. Рог схватившись за щёку, трусливо покинул поле боя, а мятежники всей толпой бросились на Куваю. Однако Кувая застать врасплох было не просто. Он несколькими мощными выпадами отразил наскок мятежников и нанёс по ним мощный магический удар. Всего один, но после него вся площадь покрылась трупами, а оставшиеся в живых мятежники бросились врассыпную.

Кувай же, обратившись в золотого дракона, взмыл в воздух и полетел в сторону обсерватории, время от времени поливая город огнём. В это время мои наблюдения были прерваны появлением молодого монаха, который с дрожью в голосе объявил мне, что начался штурм Обсерватории. Всё, настало время действовать мне. Я встал и быстро пошёл за монахом.

Во дворе было пусто, с началом событий всех гражданских укрыли в покоях монастыря. На дворе стояли только вооружённые монахи и храмовая стража, которой командовал воин преклонного возраста, исполнявший раннее обязанности заместителя прежнего командира стражи. Весь воинский состав Обсерватории загодя был проинструктирован лично мной, поэтому я был уверен, что у нас всё получится наилучшим образом.

Командир храмовой стражи доложил, что мятежники наконец-то начали штурм. Крупный отряд их, по приметам

подходящий под описанный мною, оторвавшись от основных сил мятежников, быстрым маршем выдвинулся к входу в Обсерваторию. Небольшой заслон храмовой стражи, как приказано имитируя сражение, отходит сюда, на эту площадь. Отряд противника, так же имитируя сражение, следует за ними попятам и скоро будут здесь. Потерь с обеих сторон нет. Да, это был настоящий вояка, его доклад был очень короток и, вместе с тем содержал всю интересующую меня информацию.

Поблагодарив храмовника, я стал наблюдать, что будет дальше. Из тоннеля, коим и являлся вход в Обсерваторию, послышался звон мечей, крики и всё, чем обычно сопровождается сражение. Вскоре показались стражи, яростно размахивающие мечами, и при этом пятящиеся назад перед превосходящей силой противника. Вслед за ними показались нападающие, размахивающие оружием не менее яростно, чем храмовая стража. Не зная я целей этого манёвра, я бы поверил, что мятежники, в самом деле, прорвались во двор Обсерватории, так естественно был разыгран этот спектакль.

Как только отряд Кварга, а это были именно они, вышел на площадь перед Обсерваторией, храмовая стража совместно с вооружёнными монахами, устремилась в тоннель и наглухо запечатали его. Мятежники, которые хотели ворваться в Обсерваторию вслед за отрядом Кварга, наткнулись на смертоносную сталь храмовников, откатились назад, нагородив целую баррикаду из мертвецов.

Ворвавшиеся в Обсерваторию воины, а это были именно воины Серой империи, их выдавали отточенные боевые приёмы свойственные серым всадникам, сбились в кучу, прикрылись щитами и оцетинились мечами. Да, они поверили Куваю и перешли на нашу сторону, но как говорится, бережёного Бог бережёт. Однако на них никто не нападал и их напряжение постепенно спадало.

Я подошёл к отряду и представился.

– Меня зовут Странник, – громко заявил я. – Меня попросил известный вам Кувай встретить вас и позаботиться о вашей дальнейшей судьбе. Я хотел бы видеть вашего командира, доблестного Кварга.

Ждать мне не пришлось. Ряды воинов, которые после моих слов опустили своё оружие, расступились и ко мне вышел Кварг – высокий статный человек, по виду своему прирождённый вояка, хотя на лице его отсутствовало туповатое выражение, свойственное солдафонам. Напротив, его лицо выдавало его недюжинный интеллект.

Он подошёл ко мне, быстро, словно вспышка молнии глянул мне в глаза, затем улыбнулся и протянул руку для рукопожатия.

– Рад приветствовать прославленного Учителя принца Кувая, – поздоровался Кварг. – Я и мои товарищи со спокойной душой отдаёмся в твои руки. Приказывай нам и мы с радостью выполним любой твой приказ.

Его слова поддержал громкими возгласами все его воины,

которые после этого убрали в ножны свои мечи и опустили щиты.

Подошёл Маргус, который пригласил весь отряд в трапезную, заявив, что после успешного проведения столь сложной операции, её участникам не вредно будет хорошо подкрепиться и выпить кубок другой хорошего вина.

Все с энтузиазмом приняли слова настоятеля и, забросив свои щиты за спину, последовали вслед за Маргусом в трапезную. Я пошёл вместе с Кваргом, который, сказать по совести, мне понравился. Маргус попросил меня поухаживать за гостями, а сам, сославшись на занятость, удалился. Сев за столом рядом с Кваргом, я предложил всем наполнить кубки. Пара монахов, прислуживающая за столом, принесли жареное мясо, свежий хлеб и разнообразные закуски. Поставив всё это на стол, они молча удалились, не желая мешать нашим разговорам.

Я поднял свой кубок и предложил всем присутствующим выпить за успешное исполнение первого, самого трудного этапа в задуманной операции по спасению их отряда. Теперь нам осталось лишь пройти через проход, который я открою в самый последний момент перед тем, как всё здесь взорвётся.

Все очень внимательно меня выслушали и с удовольствием выпили. Я предложил всем хорошенько наесться, потому что никто не знает, когда всем нам придётся есть в следующий раз. Воинов Кварга, насчёт покушать и выпить уговаривать не пришлось. Они так рьяно взялись за дело, что уже че-

рез минут тридцать стол опустел, так что монахам пришлось несколько раз приносить выпивку и закуску. Однако время шло быстро и особо расслаживаться было нельзя. Я предупредил Кварга, что бы его люди сильно не напивались, потому что времени у нас немного, а события развиваются настолько стремительно, что необходимость уходить может появиться в любое время. Кварг заверил, что его люди постоянно находятся в готовности, и если что, ждать себя не заставят. Да, ничего не скажешь, выучка у них была, что надо, недаром же он считались лучшими разведчиками Серой империи. Я вкратце объяснил Кваргу, чем сейчас занят Кувай, и чем опасна его миссия. Так что, когда всё закончится, мне придётся разыскивать Кувая и остальных моих друзей, куда бы их ни забросило. Здесь у меня имеется надежда на него и его отряд. Кварг заверил меня, что в этом деле я могу полностью положиться на него и его людей.

В это время на улице началось какое-то оживление. Я оставил Кварга и его людей трапезничать, а сам вышел во двор узнать что происходит. Ко мне подошёл командир храмовников и заявил, что сопротивление мятежников сломлено, город горит, а предатели, словно крысы разбегаются. Обсерватории больше ничего не угрожает. Я поблагодарил и отправился повидаться с Повелителями, благо с Повелителем я уже ранее имел честь встречаться и даже разговаривать.

Только я собрался спросить, где сейчас Повелители, как появился посыльный монах, который сообщил мне, что меня

ждут Повелители. Оказывается Маргус, встречавший Повелителей, рассказал им, что я временно нахожусь в Обсерватории, и они пожелали познакомиться с одним из учителей Кувая.

Мы встретились с Повелителями в какой-то невзрачной комнате монастыря. Оба в полном доспехе, правда шлемы были сняты и я мог хорошо разглядеть их лица. Да, это были сильные люди, которых не может сломать даже сама судьба, ибо они с одинаковым мужеством противостоят превратностям судьбы, а там, где противостояние просто невозможно, они находят мужество принять её.

В комнате, кроме самих Повелителей, сидящих на своих тронах, находился Ляргус, облачённый в парадные одежды Верховного жреца империи, Маргус в своём отороченным серебром чёрном плаще и ещё несколько придворных, которых я видел впервые.

Войдя в комнату, я, как положено по этикету принятому в империи, не доходя трёх шагов до тронов, опустился на правое колено и склонил голову. В это момент меня посетила совершенно несоответствующая моменту мысль – «Надо же, они захватили с собой все регалии и даже свои престолы».

– Встань, Странник, – сказал Повелитель, который за время прошедшее с нашей предыдущей встречи изрядно постарел. – Ты не наш подданный и не обязан соблюдать этикет, тем более, что ты вообще не любитель всяких формальностей. Я рад вновь тебя видеть во здравии и полного сил.

– Поставьте Страннику кресло и оставьте нас, – приказал он присутствующим придворным, которые низко поклонились Повелителям и покинули комнату.

Откуда взялось кресло, кто его принёс, я даже не заметил, словно оно возникло здесь само собой. Видя, что, я не решаюсь сесть, Повелитель встал со своего трона и крепко обнял меня. Сила его объятий никак не вязалась с постаревшим, я бы даже сказал измождённым обликом Повелителя.

– Спасибо тебе, великий человек, – проникновенно сказал он. Спасибо тебе за Кувая, что ты сделал из него то, чем он теперь стал. Большого я и помыслить не мог. Позволь представить тебе мою дорогую супругу.

Повелительница, которую я видел впервые, встала со своего трона и протянула мне свою руку для поцелуя. Я, как-то неуклюже шагнул к ней и поцеловал руку с длинными тонкими пальцами. На безымянном пальце Повелительницы был перстень с огромным бриллиантом который ярко сверкал в свете свечей, зажжённых по случаю вечернего времени.

Выпрямившись, я посмотрел на Повелительницу. Это была высокая стройная женщина с царственной осанкой. Её лицо отличалась изысканной красотой, которую так и не смогло стереть всемогущее время. Особенно поразили меня, её глаза. Большие, слегка раскосые, они делали её чем-то похожей на пантеру, или рысь, или ещё на кого-то из семейства кошачьих. А ещё в этих глазах было море, которое, как и положено водной стихии, постоянно менялось. То глаза по-

велительницы мерцали зеленовато-голубым светом, словно море при лёгком ветерке и безоблачном небе; то они темнели, словно грозовые тучи закрыли солнце, а шквалистый ветер поднимал крутую волну; то они начинали искриться, как морское мелководье в солнечную погоду. Я слишком недолго смотрел в эти глаза, что бы уловить все их оттенки, но и то малое, что я успел увидеть, многое мне рассказало о внутренней жизни этой удивительной женщины.

Кого-то она мне напоминала, только я никак не мог понять кого именно. Однако когда она улыбнулась, приветствуя меня, и её рыжие волосы, собранные в хвост на затылке, что бы ни мешали носить шлем, сверкнули золотом в свете свечей, я увидел Кувая, только почему-то с глазами Ниннэль. Так вот кого напоминали глаза Повелительницы. Каким-то странным образом природа наделила эту женщину глазами возлюбленной её сына, хотя сам этот сын был очень похож на свою мать. Хотя чему удивляться ведь и Повелительница, и Ниннэль обе драконицы, что само по себе удивительно, ведь драконицы, как я слышал, большая редкость даже в этой империи.

– Я присоединяюсь к благодарности моего супруга, – приятным грудным голосом сказала Повелительница. Ты сделал из нашего сына настоящего человека, а это, как я понимаю, очень непросто.

Я был смущён от похвал Повелителей, и поэтому чувствовал себя не в своей тарелке. Я вообще очень плохо переношу

похвалы в свой адрес. Почему-то теряюсь, не знаю что ответить, куда деть руки и даже испытываю стыд, словно получая похвалы, совершаю что-то непотребное и стыдное.

Видя моё смущение, Повелители переглянулись между собой, потом Повелительница улыбнулась своей обворожительной улыбкой и задала мне вопрос, который я, в общем-то, ждал, и который, тем не менее, застал меня врасплох.

– Как я понимаю, при переносе Обсерватории произойдёт очень сильный взрыв, – с тревогой в голосе спросила Повелительница. – Что же тогда случится с Куваем? Он погибнет? Скажи мне, Странник. Это очень важно для нас с мужем.

Нужно было отвечать, но что тут ответишь, когда никто толком не знает, как обернётся дело. Я не знал, как мне быть, но тут самым неожиданным образом мне пришла помощь. Вот уж никак не ожидал, что на помощь мне придёт сама Смерть. Она, как всегда неожиданно, а как же иначе, возникла перед моим внутренним взором, приветливо улыбнулась, а затем сказала, что я могу сказать родителям, что сын ваш останется жив, хотя и потеряет жизнь, обретя новую. Ещё она добавила, что я сам найду его, но уже не как последнего дракона, а как дракона грядущего. По правде сказать, я её не понял, но переспросить не успел, она, не прощаясь, просто исчезла.

– Я не могу вам ответить однозначно, – осторожно начал

я свой ответ. – Могу лишь сказать так, как мне сказали. Одно могу уверенно утверждать, что источник, из которого я получил информацию, абсолютно надёжный.

После этого я слово в слово пересказал всё, что сказала мне Смерть. Мои слова заставили Повелителей задуматься, но после недолгих размышлений Повелительница сказала, что не совсем поняла мои слова, однако главное в них, что Кувай всё же переживёт этот взрыв.

Я был с ней согласен и пообещал, что, как только я после всего отыщу Кувая, а я его обязательно отыщу, я выкрою время и побываю в вотчине Обсерватории, благо у меня, как одного из творцов этой вотчины, имеется возможность её посещения. Тогда мы встретимся и я расскажу всё, что узнаю, а может быть, приведу с собой и Кувая.

В это время все мы ощутили заметный толчок силы, где-то недалеко открылось сразу множество проходов. Значит Куваю удалось заставить герцога Кейвалла доложить хозяевам, что мятеж удался.

– Что это? – одновременно спросили Повелители.

– Это началось вторжение Серой империи, – просто сказал я. – Куваю удалось заставить вылезти их из своих крысиных нор, и они за это здорово поплатятся. Они будут здесь уже часа через три. Будьте готовы обратиться и встретиться с сыном. У вас будет примерно час, что бы без помех поговорить с ним. Сейчас я вынужден отклоняться, но когда вам можно будет лететь на встречу с сыном, я вам скажу, а пока

прощайте.

Я поклонился и вышел из комнаты. Для встречи Кувая с родителями, мне было просто необходимо связаться с самим Куваем. Именно для этого я и покинул Повелителей. Вернувшись в свою келью, я опять настроился на духовное зрение. Картина, которую я увидел в этот раз разительно отличалась от прошлой. Хотя весь город горел, за исключением небольшого пяточка в центре, однако красное свечение агрессии практически исчезло. Осталось всего несколько мелких вкраплений, которые одна за другой гасли. Всё ясно, драконы добивают последних мятежников и тех жителей, которые предпочли смерть, лишь бы не расставаться со своим имуществом. Ну, что же, это их выбор.

Я стал искать Кувая и нашёл его в маленьком кабачке, как раз на том самом пяточке, где не было пожаров. С ним были Яргуст, Марк и Джон. На сердце у меня потеплело, мои ученики в этот тревожный час, когда над всеми ими нависла смертельная опасность, улучили время и собрались все вместе выпить по кубку вина. Я настроился на них всех и ментальная связь тут же установилась. Я ещё прошлый раз обратил внимание, что на территории Обсерватории ментальная связь устанавливается очень быстро и почти без усилий. Так случилось и в этот раз. Видимо сама Обсерватория помогает нам.

Я увидел всех четверых, сидящих за столом с кубками в руках. Увидев мой фантом, они радостно заулыбались, хотя

и выглядели усталыми. В комнате на полу я увидел несколько трупов, видимо совсем недавно здесь был бой. Да, мальчики выросли и стали настоящими воинами, которых уже не смущает присутствие трупов. Дай Бог, что бы сердца их остались такими же горячими, как и раньше, что бы холодное равнодушие никогда не поселилось в их сердцах.

– Кувай, вторжение Серой империи твоё дело? – не здороваясь, спросил я. – И, что это у вас за посиделки во время военных действий?

– И тебе здравствуй, Учитель, – поздоровался Кувай. – Да, это я принудил герцога Кейвалла вызвать серых и мне это удалось. Я подумал, что жаль если такой славный взрыв, который ожидает нас при переносе Обсерватории, пропадёт бесполезно. Почему бы ещё разочек не щёлкнуть Серую империю по носу. А как дела у Кварга?

– Ладно, я думаю, что ты знаешь что делаешь, -смягчившись, сказал я. – Только вы там не вздумайте геройствовать, в смысле погибать, прихватив с собой побольше врагов. Война только начинается и у каждого из вас на ней найдётся дело. После взрыва вас, скорее всего, выбросит из этой реальности, так что будьте к этому готовы. Если у вас сохранится память, постарайтесь самостоятельно выйти к Сегурии. Если же у вас случится временная потеря памяти, оставайтесь там куда вас забросит, я сам найду вас. То, что я вам сейчас сказал, вы не забудете ни при каких обстоятельствах.

Они дружно подтвердили, что всё поняли.

– Теперь же, всем пора прощаться, – с грустью сказал я. Надеюсь, что придёт время и все мы соберёмся за столом и хорошенько выпьем за встречу. Я очень на это надеюсь. Кувай, прощайся с друзьями и лети на утёс Небесной стражи, туда скоро прилетят твои родители. У тебя будет немного времени поговорить с ними. Я теперь всем до свидания. Надеюсь, что до скорого.

Я отключился, выпил кубок вина, и, вздохнув, направился к Повелителям, сказать им, что Кувай будет ждать их на утёсе Небесной стражи.

9.

Древний город, столица великой империи Повелителей драконов, горел под моими ногами. Не было слышно криков и проклятий горожан, все умерли, так что кричать было некому. Только обезумевшее пламя, грозно рыча и завывая, нарушало тишину, навсегда покрывшую древний город, которого уже не было. Пламя жадно пожирало всё, что могло гореть, но скоро пища кончится и пламя до поры умрёт; нет, скорее впадёт в спячку, ведь огонь, как и всё в Мироздании не умирает.

Я стоял и смотрел на город отсутствующем взглядом, словно и не видел, что стало с городом; словно не понимал, что всё произошедшее здесь, есть плод моих усилий. Нет, чувства вины за содеянное у меня не было и на «йоту», у меня вообще не было никаких чувств, только огромная усталость и какая-то внутренняя пустота, какая часто бывает по-

сле завершения большого и трудного дела. Вроде бы всё что должен, я сделал, а удовлетворения от содеянного нет, лишь усталость и опустошение, да, пожалуй, ещё равнодушие к тому, что будет дальше, да и будет ли вообще это дальше....

Над городом делали прощальный круг драконы. Они уже взяли на свои спины воинов храмовой стражи, присягнувших Сегурии, и теперь прощались с погибшим городом, где многие из них родились и провели свои молодые годы. Драконы прощались с городом, прощались со своим прошлым и улетали на север, туда, где высилась одинокая гора очертаниями похожая на рукотворную пирамиду, туда, где был вход в Сегурию – новую их Родину. Вместе с ними улетали Марк и Джон Мильтон.

– Тебе ещё не поздно присоединиться к ним, – сказал я стоящему возле меня Яргуст. – Какой смысл погибать вдвоём?

– Я остаюсь с тобой, Кувай, – просто сказал Яргуст, потрянув головой, видимо отгоняя какие-то свои мысли. – Да и помирать я не собираюсь и тебе не позволю. Моя игра ещё впереди, так сказал Учитель, а ему я безоговорочно доверяю.

– Ну, как знаешь, может ты и прав, – ответил я. – Однако к нам вылетели Повелители. Нужно их достойно встретить, хотя честно признаюсь тебе, я немного робею.

– Не стоит, Кувай, – поддержал меня чёрный дракон. – Это же твои родители, хотя судьба твоя сложилась так, что ты их совсем не знаешь. Тебе ли робеть перед судьбой!

От Обсерватории летели, быстро увеличиваясь в размерах, два дракона. Я совсем забыл, что оба мои родителя драконы и теперь с интересом смотрел, как плавно взмахивая огромными крыльями, летел огромный дракон стального цвета. Таков был мой отец, воистину Повелитель драконов. Я не мог себе представить, что возможны такие крупные драконы, хотя зная, что отец очень стар, его размеры только говорили насколько он стар. Следом за отцом летел крупный, но не на столько, как стальной дракон, золотистого цвета, чем-то схожий со мной, но если моя чешуя была цвета червонного золота, то у матери она была цвета светлого золота.

– Да, Кувай, твои родители вполне заслуживают быть Повелителями драконов, – с восторгом сказал Яргуст. – Они просто великолепны. Я преклоняюсь перед их величием.

Нам пришлось отступить вплотную к скальной стенке, что бы освободить место для посадки Повелителей. Они приземлились и тут же обратились.

Мы с Яргустом, как положено при встрече с Повелителями, опустились на правое колено, держа свои шлемы на сгибе правой руки и склонив головы.

Повелители предстали перед нами в роскошных доспехах и при коронах. Шлемов при них не было, хотя Мать стянула свои роскошные волосы в конский хвост, для удобства надевать шлем. Видимо свои шлемы, имеющие форму драконьей головы, они оставили в Обсерватории. Однако вовсе не

доспехи и короны произвели на меня сильное впечатление, а их улыбки. Куда-то исчезли их напряжённая чопорность и высокомерные взгляды. Передо мной были два пожилых, но отнюдь не старых человека, которые очень долго выполняли какую-то очень тяжёлую и крайне важную работу, которая продолжалась много-много лет, днём и ночью, безо всяких выходных и праздников, и, которая наконец-то счастливо завершилась, оставив на лицах этих людей печать крайней усталости. Но, что может значить какая-то там усталость по сравнению с тем, что теперь они могут себе позволить быть самими собой, и, хотя бы вот так улыбаться собственному сыну, ради которого они добровольно обрекли себя на долгий каторжный труд.

– Встаньте с колен, мы не на официальном приёме, – усталым голосом, в котором слышалась лёгкая грусть, сказал отец. – Сын мой, представь нам твоего спутника.

– Дорогие родители, позвольте представить вам благородного Яргуста, дракона из рода Белого облака, моего друга и учителя в делах драконов. Он решил до конца быть со мной в это непростое время, – представил я чёрного дракона.

– Я рад приветствовать тебя, благородный Яргуст, – сделав шаг в сторону Яргуста, сказал Повелитель. – Твой род, хотя формально и считался опальным, однако я всегда знал, что ваш род никогда не пошёл бы на сговор с врагами империи, чего не скажешь, к моему великому стыду, о моём роде, в котором оказалось много предателей.

Он подошёл вплотную к слегка оробевшему Яргусту, снял с правой руки латную перчатку и протянул чёрному дракону руку для рукопожатия, что считалось в империи высшей почестью. Слегка замешкавшись, Яргуст тоже снял перчатку и осторожно пожал руку Повелителю. Вслед за этим к нему подошла Повелительница и протянула свою руку для поцелуя. На этот раз Яргуст не растерялся. Он так грациозно поцеловал руку моей матери, что со стороны могло показаться, будто Яргуст опытный придворный, которому не привыкать иметь дело с Повелителями.

Разговор с родителями вышел сумбурный, да другим он и не мог быть, учитывая недостаток времени и предстоящие в скором времени всем нам серьёзные испытания.

Я рассказал родителям, что с минуты на минуту ожидаю вхождение в горящий город многотысячных орд серых всадников; рассказал, что в поединке с Роггом я не стал его убивать. Что же касается остальных братьев, то мне пришлось сражаться с ними и даже двоих ранить, но ни одному из них не было нанесено смертельных ран. Что стало с ними дальше я не знаю.

Отец же поведал мне, что братья живы и благополучно выбрались из города и теперь во всю прыть летят на юг, спасая свои шкуры. Неизвестна лишь судьба Рогга, но может быть он ещё проявит себя. Ещё он передал привет от Странника, сказав, что операция по спасению отряда Кварга прошла успешно

Узнаю Учителя с его извечной осторожностью. Он не доверил тайну отряда Кварга даже ментальной связи, которая считается абсолютно защищённой от подслушивания.

Наш разговор был прерван громоподобным конским топотом, как оказалось, в горящий город входила армия вторжения Серой империи. Всё, время разговоров окончилось, наступило время сыграть заключительный аккорд своей судьбы. Обняв родителей, и пожелав им будущей встречи, я отошёл в сторону и, отключившись от всего внешнего, стал готовиться к тому, что бы запустить заклятие перемещения Обсерватории, которое было столь сложное, что для его запуска требовалась полная концентрация и много времени, никак не меньше часа. Вы скажите, что я холодно попрощался с родителями. Вовсе нет, просто я не переношу долгие прощанья, тем более когда тебе предстоит очень трудная и ответственная работа.

Родители улетели, пообещав, что как только доберутся до Обсерватории сообщат об этом Яргусту по ментальной связи. Я же в это время старался максимально очистить сознание от всего, что мне не потребуется для правильного наложение заклятия переноса, которое было лишь первой ласточкой целого ряда очень сложных заклятий, которые должны охватить непредставимо огромные пространства и действовать десятки тысячелетий, так что заклятие переноса было самым первым и отнюдь не самым сложным заклятием.

Постараюсь коротко объяснить, какие цели преследовал

этот комплекс сложнейших заклятий, который мы для краткости назвали заклятием переноса Обсерватории. Прежде всего, следует понять, что перенос Обсерватории в предназначенную ей вотчину, не был простым перемещением её в один конец. Наоборот, всё было рассчитано так, что сам перенос стал возможен лишь потому, что он, в любом случае должен был быть временным. Так вот, самым сложным, оказалось, рассчитать время, которое потребуется для того, что бы в нашем мире сложились условия, при которых Обсерватория может вернуться на её исконное место. Все расчёты, проведённые независимо каждым из нас, показали, что время на которое должна быть перенесена Обсерватория, определялось в пятьдесят тысяч лет, плюс-минус тысяча лет. Для Обсерватории это миг, а вот как быть с людьми, что будут перенесены вместе с ней. Их перенос имеет смысл лишь в том случае, если время их пребывания вне нашего мира не превысит ста лет, то есть трёх поколений. В противном случае их ждёт вырождение, и, как следствие, забвение тех знаний и навыков, которые они, по замыслу, должны сохранить.

Это была трудная задача, но Учитель с блеском её решил, найдя мир в котором скорость течения времени была так мала, что когда здесь у нас пройдёт пятьдесят тысяч лет, в вотчине Обсерватории за это время пройдёт от силы десять лет.

На первый взгляд казалось, что всё просто, что задача решена, однако на деле это оказалось самым сложным. Чтобы было понятно, постараюсь в общих чертах рассказать, что

это были за трудности и как их удалось преодолеть. Просто внешнее мировое время и внутреннее биологическое время человека не одно и то же. Скорость течения мирового времени разная в разных мирах, а биологическое время каждого человека, в общем-то, постоянно и если и изменяется то в очень незначительных диапазонах. Как совместить несовместимое, на первый взгляд, вот задача. Вся наша группа, которая занималась созданием заклития перемещения Обсерватории, долго ломали голову, решая как сделать так, что бы биологическое время каждого, кто уходил с Обсерваторией, соответствовало физическому времени вотчины Обсерватории. Много было споров, много опытов, которые постоянно оказывались неудачными. Мы то загорались надеждой, то впадали в отчаянье, а дело с мёртвой точки так и не сдвинулось.

Мы уже готовы были сложить оружие и признать, что эта задача не имеет решений, когда в один тёплый вечер, все мы собрались за столом. Настроение у всех было подавленным, только Учитель сохранял присутствие духа. Он-то и натолкнул нас на реальное решение, мучившего нас вопроса.

– Что определяет биологическое время человека? – как-то между делом задал он вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь, словно говорил сам с собой. Это была его излюбленная манера ненавязчиво подсказать нам тот или иной ответ, когда видел, что мы зашли в тупик.

– Я полагаю, скорость биохимических реакций, – как-то

не очень уверенно ответил Джон, сделав глоток из своего кубка.

– Которые определяют интенсивность метаболизма, – продолжил мысль Марк.

– Остаётся определить, как они связаны с мировым временем, – высказал я только что пришедшую мне мысль.

– Ты мыслишь в правильном направлении, мой мальчик, – поддержал мою мысль Учитель. – Тебе, как говорится, и карты в руки. Мы завтра уходим создавать вотчину для Обсерватории, так что нам будет не до научных изысканий. Поэтому ставлю перед тобой задачу решить задачу совмещения биологического времени человека и времени мира, в нашем случае вотчины Обсерватории. Без этого решения никто не сможет уйти с Обсерваторией, а это лишает смысла весь наш замысел.

На завтра они ушли, оставив меня с моей Ниннэль и этой задачей. Я долго трудился и наконец, получил результат. Я нашёл методику, расчёта коэффициента адаптации биологического времени человека к изменениям времени мира. Это была победа, правда, весьма сомнительная. Нет, введённый коэффициент в заклятие адаптации работал, но только рассчитывать его приходилось для каждого конкретного человека, а это, скажу я вам, занимало уйму времени. Насколько я знал, с Обсерваторией должно было уйти множество самых разных людей, и если для каждого из них рассчитывать коэффициент адаптации, то работа эта займёт многие годы,

а этого времени нам никто не даст. Где выход, я сколько не думал, но ответа так и не нашёл, хотя чувствовал, что выход есть.

Как-то, совсем замучившись, я уснул прямо за рабочим столом. И тут мне приснился сон, который, я понял это сразу, был вещим. Мне приснилась Обсерватория, причём шар не её вершине сиял ярче, чем всегда. Я во сне стоял и глядел на это сияние, когда раздался Голос. Именно так, Голос с заглавной буквы. Он звучал ни из какого-то определённого места, а словно сразу отовсюду.

– Слушай, Кувай и сделай так как я тебе скажу, – говорил Голос. – Напиши очень подробно методику расчёта коэффициента адаптации. Кроме того создай заклятие для проверки наличия у человека серой немочи. Соедини их в одно заклятие и через Маргуса передай Обсерватории. Она сама с помощью этого объединённого заклятия будет проверять кандидатов и для подходящих для перемещения, рассчитывать коэффициент адаптации.

Я внезапно проснулся и сразу же понял, что задача решена. Остальное было уже несложно, тем более, что это заклятие годилось и для возвращения в наш мир; просто в этом случае человеку будет возвращён его прежний коэффициент адаптации.

Да, вот такое сложнейшее заклятие я должен сейчас привести в движение, а это потребует от меня полной отдачи. Если я в чём-нибудь ошибусь или у меня не хватит сил, гигант-

ский по масштабу и по вложенной в него творческой энергии труд, в лучшем случае пропадёт впустую, а в худшем может погубить не только наш мир, но и ещё множество миров.

Если когда-нибудь вам приходилось практиковать магию, вы должны знать, каких трудов стоит создание нового заклЯтия, пусть даже самого простенького. Что же тут говорить о таком чрезвычайно сложном и масштабном, как в пространстве, так и во времени заклЯтие, которому я сейчас дам жизнь, причём жизнь продолжительностью пятьдесят тысяч лет.

Я всё больше концентрировался на стоящей передо мной задаче, постепенно достигая состояние, когда внешний мир перестаёт для тебя существовать; ты словно для него умираешь. Тело твоё цепенеет, зато сознание освобождается, а мышление многократно ускоряется. Когда я почувствовал, что готов, то, прежде всего, представил себе заклЯтие во всех мельчайших подробностях, так, что оно предстало перед моим внутренним взором ярким, живущим своей жизнью образованием. Я видел результаты многолетнего творчества, причём не только моего личного, но и всех моих друзей. Это совместное творчество сияло передо мной подобно миниатюрной вселенной.

Первый этап я выполнил, теперь надо дождаться сигнала от Яргуста, который должен сказать, что Обсерватория готова к перемещению. Я настолько отключился от внешнего мира, что даже получить этот сигнал было не простым делом,

ведь для связи с внешним у меня осталась только тоненькая нить, оборвать которую для любого недруга было достаточно просто. В этом слабая сторона глубокого погружения; находясь в этом состоянии, ты становишься беззащитным. В этот миг я понял, для чего со мной решил остаться Яргуст и волна любви к этому человеку обдала меня таким жаром, что даже образ заклѣтия в моём сознании ярко вспыхнул, наполняясь любовью. Так, незаметно для себя самого я приступил ко второму этапу – оживлению образа заклѣтия.

Моё сознание расширилось ещё больше, и тут я увидел и услышал Яргуста, который говорил мне, что Обсерватория готова. Услышав это, я приступил к третьему, самому ответственному этапу – вхождению в оживший образ заклѣтия. Я должен был войти в него, став частью этого заклѣтия, а оно, в свою очередь, стать частью меня.

Вот тут-то и начались основные трудности. Я стал погружаться в заклѣтие. Это чем-то напомнило мне один сон, который в детстве очень часто снился мне. В том сне я куда-то падал, причём чаще всего это был бездонный колодец. В любом случае, меня сначала охватывала тьма в которой я падал с всё возрастающей скоростью, да так, что дух захватывало. Если я успевал испугаться, то тут же просыпался в холодном поту с ощущением, что сердце моё вот-вот выскочет из груди. После этого я долго не мог уснуть, а когда под утро сон всё же овладевал мной, то спал без всяких сновидений. Если же я справлялся со своим страхом, то падение моё за-

канчивалось самым невероятным образом; я вдруг видел себя летящим в открытом космосе, а вокруг меня ярко сияло множество звёзд. При этом я испытывал такое чувство освобождения, что оно очень скоро превращалось в эйфорию и я просыпался в своей постели с лицом мокрым от слёз, причём это не были слёзы обиды, а скорее в эти минуты я был счастлив до слёз. После такого сна мне, примерно с неделю, необычайно везло, мне всё удавалось, настроение было прекрасным, хотелось петь и летать.

Вот так же и сейчас я падал в бездонный чёрный колодец, но если в детстве я твёрдо знал, что это происходит со мной во сне, то теперь, когда я бодрствовал, это падение вызвало у меня такой всплеск чувств, какой я не ощущал с тех пор, как стал считать себя взрослым. Первое место в этом букете чувств занимал страх, причём страх настолько сильный, что он был где-то на грани паники. Вслед за страхом шло великое удивление, что детские сны мои оказались вещими, хотя смысл этих снов я всё ещё никак не мог уловить. Все эти чувства, объединяя их в единое целое, словно раствор, скрепляющий кирпичи, пропитало предчувствие, постепенно превращаясь в твёрдую уверенность, что я на пороге величайшего в моей жизни достижения.

Первым делом я взял под контроль свой страх, что бы он на самом деле не превратился бы в панику. Я понимал, что если не справлюсь со страхом, то непременно погибну, причём смерть моя будет конечной, без всякой надежды на но-

вое воплощение. Как только я поборол страх, моё падение резко изменилось, превратившись из падения в полёт. Я, как когда-то в детском сне, летел в открытом космосе и окружающие звёзды дружески подмигивали мне, только это не был космос, это было то самое заклятие которое я увидел изнутри. Звёздами же были узловые точки заклятия, которые если просто смотреть на них, выглядели хаотично разбросанными в пространстве. Однако я смотрел на них не просто, а с позиции одного из творцов этого заклятия, и видел все закономерности их расположения и взаимосвязь между ними. Меня, как в детстве, охватила эйфория – я понял, что наконец-то овладел великим заклятием, и уже сейчас готов запустить его. Я знал все слова, акценты, интонации, которые я должен применить, что бы заклятие зазвучало. Тело моё знало все движения, которые должен был совершить, озвучивая заклятие. Я был счастлив.

Вместе с этим великим озарением, каким стало овладение мной заклятием, ко мне вернулась возможность ощущать внешний мир, хотя активно действовать в нём я ещё был не готов, однако прекрасно видел что происходит вокруг меня. Все также пылал город под моими ногами, всё так же яростно пылал шар на вершине Обсерватории; на первый взгляд ничего не изменился, пока моё сознание отсутствовало в этом мире. Однако что-то неуловимо изменилось, только вот что, я сразу понять не мог. Толи изменился запах, толи появились новые звуки, толи ещё что-то на грани восприятия, но

мир, в который вернулось сознание моё уже не был тем же самым миром.

Ловлю себя на мысли, что в бывшую столицу входит воинство Серой империи. Отсюда и знакомый запах, который всегда сопровождает серых всадников, просто моё сознание никак не может принять тот факт, что серые всадники спокойно въезжают в столицу империи моих предков, и что это я сам вызвал их сюда. А новые звуки, это топот тысяч конских копыт по каменным мостовым. А какое-то неуловимое изменение, говорит всего лишь то, что это я сам поменялся.

Недалеко от меня, на самом краю утёса стоит Яргуст и, скрестив на груди руки, смотрит, как по улицам горящего города неспешной рысцой едут серые всадники в надвинутых по самые глаза капюшонах своих серых плащей. О чём думал чёрный дракон? Не знаю, но его обычно хмурое лицо в этот момент выражало крайнюю умиротворённость. Как я понял, он был готов ко всему, и мог встретить свою судьбу с холодным равнодушием, с тем самым, с каким выходят на поле боя смертники, идущие умирать, а не побеждать, и тем самым непобедимые.

Видимо почувствовав, что я на него смотрю, хотя вся моя фигура была неподвижна, а глаза закрыты, Яргуст повернулся в мою сторону, и, вдруг, подмигнул мне и улыбнулся. Это знак одобрительной поддержке с его стороны, послужил мне сигналом к началу озвучивания заклания. Всё, пора, время пришло. Громким голосом я стал произносить непонятные

мне слова древнего языка, которые, однако, будучи произнесенными, неожиданно становились такими родными и понятными, словно это был мой родной язык.

Руки мои в такт словам выделявали какие-то замысловатые пассы, каждое новое слово, произнесённое мной, было наполнено силой, нарастающей от слова к слову. Откуда-то взялся гортанный акцент, совсем не свойственный моей привычной речи. Сила, наполняющая слова заклęcia, показалась мне удивительно знакомой. Древняя сила, услужливо подсказало мне сознание, что сразу же заставило меня вспомнить Странника, моего загадочного Учителя и друга, носителя Древней силы.

Серые внизу в городе видимо почуяли силу моего заклęcia, потому что их маги попытались ударить по мне, но Яргуст успел прикрыть меня магическим щитом. Я видел, что удары, принятые его щитом были для него очень болезненными, однако чёрный дракон лишь слегка поморщился и продолжал стоять непоколебимо, словно сам стал частью утёса Небесной стражи.

Моя же сила всё нарастала и нарастала, да так, что дома внизу стали один за другим рушиться, так что серым вскоре стало не до меня. Они почуяли нависшую над ними опасность и стали разворачивать своих лошадей, стремясь вырваться из обречённого города, который на их глазах обращался в прах.

Заклęcie, перевалив через середину, стремительно шло

к своему завершению, набирая Древнюю силу, словно ком сырого снега пущенный с горы быстро набирающий массу. Я сосредоточил своё внимание на шаре Обсерватории, который с каждым произнесённым словом заклЯтия, разгорался всё сильнее.

Продолжая произносить заклЯтие, остановить которое я уже не мог, даже если бы захотел, я увидел, что на площадку утёса буквально свалился довольно крупный дракон, тут же обратившись в Рогга. В руке он держал обнажённый меч, которым видимо хотел проткнуть меня дабы остановить моё заклЯтие, а так же отомстить мне за все свои неудачи. Я не мог пошевелиться и мог бы стать для предателя лёгкой добычей, если бы не Яргуст, вставший у него на пути. Ещё в это же время я почувствовал, что в обсерватории открылся проход. Всё, Учитель вместе с отрядом Кварга покинул Обсерваторию. Теперь остаётся только завершить моё заклЯтие, а там будь, что будет.

Я поднял к небу руки ладонями вверх, и стал произносить заключительную фазу заклЯтия, в которой Древняя сила буквально хлестала через край, грозя разнести в дребезги весь этот мир. И вот, подобно гигантскому огненному астероиду, вышло из груди моей последнее слово, и наступила тишина. Всё замерло, словно застыло. В моей голове мелькнула трусливая мыслишка, а может ничего не получилось?

Однако затишье длилось всего пару секунд. В последний раз вспыхнул шар на Обсерватории, озаря радужным заре-

вом окрестные горы, уже погрузившиеся в вечерние сумерки. Взрыва я не запомнил, а скорее всего, просто не успел осознать. Помню лишь ослепительно-яркую вспышку на том месте, где была Обсерватория. Ещё память моя сохранила несколько фрагментов. Помню перекошенное от ужаса лицо Рогга, который стоял, прижавшись к скале, широко раскинув руки. Вижу красное от напряжения лицо Яргуста, который крепко держит меня за руку, на глазах обращаясь в чёрного дракона. Дальше сильнейшая боль, сдержать которую я не в силах, и я кричу во всю глотку, пока спасительная темнота не накрывает меня своим плащом. Последнее, что я слышал, была странная фраза, произнесённая приятным женским голосом.

– Отдыхай Кувай, отдыхай Последний дракон. Ты сделал всё, что должен был сделать. Последний дракон умер, что бы родился Грядущий дракон. Отдыхай, ты заслужил свой отдых.

Я стоял на месте, где совсем недавно гордо высился утёс Небесной стражи. Со мной был Кварг и несколько его разведчиков. Добираться до места, где всего три месяца назад находилась столица империи Повелителей драконов, нам пришлось достаточно долго. После взрыва, связанного с переносом Обсерватории, все пути ходящих-по-мирам перепутались, и нам пришлось сделать приличный крюк, что бы добраться до места, где Кувай своим заклятием завершил судьбу Последнего дракона.

Окрестности столицы изменились до неузнаваемости, а самым удивительным оказалось то, что большая часть бывшей столицы превратилась в озеро, широко разлившееся между горами, которые в своё время окружали город. Изменились и сами горы. Их вершины, срезанные, словно ножом, взрывом Обсерватории, стали значительно ниже и превратились в плоские плато. Лес в районе взрыва был полностью уничтожен пожарами, и нам долго пришлось обходить озеро, идя по лесным гарям и многочисленным осыпям, образовавшимся в следствии всё того же взрыва.

Что интересно, после взрыва изменился и климат. Стояло самое начало августа, а было холодно, словно в октябре, а из низких серых туч время от времени сыпал снег, который ложась на землю тут же таял. Было серо, холодно, мокро и противно. Примерно так же было и на душе моей. Всё дороге нам попадались конские и человеческие скелеты, которые в некоторых местах образовывали целые поля скелетов, так что временами мы были вынуждены идти по костям, которые под нашими ногами противно хрустели. Похоже, что бывшая столица превратилась в кладбище, где не осталось ничего живого, да, и трудно было ожидать, что кто-нибудь мог выжить в этом страшном катаклизме. От всего этого на душе моей было скверно, но я всё же надеялся, что мои ученики, которые стали для меня больше, чем родные, всё же умудрились выжить. Я и шёл-то для того, что бы постараться отыскать след Кувая и Яргуста.

Дойдя до западного окончания озера, мы остановились осмотреться. К северо-западу от озера располагалась обширная долина; когда-то там была старая часть города, густо застроенная домами аристократов империи. Здесь же располагался дворец Повелителей, а под небольшой отдельно стоящей горой располагалась территория ордена Обсерватории. Теперь же вся долина была пуста, словно вылизанная языком, и если бы я не знал, где нахожусь, ни за что бы не поверил, что всего три месяца назад здесь был огромный город. Непривычно странно выглядела осиротевшая гора, на вершине которой в своё время гордо высилась пирамида Обсерватории, освещающая своим светом окрестности. Она как бы состарилась, стала ниже ростом, что ли.

Справа от нас возвышался отвесный обрыв, до половины засыпанный свежей осыпью. Никакого намёка на утёс Небесной стражи не осталось, он полностью обрушился. Где-то здесь, под этой осыпью должны находиться следы Кувая и Яргуста. Я должен, нет, я обязан найти эти следы и по ним отыскать их владельцев, куда бы их ни забросило. Осматривая скалу в том месте, где раньше был утёс Небесной стражи, я заметил на ней, примерно на той же высоте, где была площадка утёса какое-то тёмное пятно, очень похожее на прижавшегося к скале человека с растопыренными в сторону руками. Похоже, это, в самом деле, был отпечаток реального человека, которого взрыв буквально впечатал в скалу.

У меня дрогнуло сердце – кто же этот человек? Для того,

что бы однозначно ответить на этот вопрос, нужно было серьёзно исследовать отпечаток. Подняться туда не было возможности. Оставалось прозондировать его дистанционно, а это требовало серьёзных усилий, а значит времени.

– Мы пришли, – сказал я Кваргу, который, как и я, внимательно всматривался в отпечаток. – Нужно разбить лагерь у озера, перекусить, а уже после этого займёмся определением, кто же отпечатался на скале и поиском следов наших пропавших друзей.

Мы вернулись к озеру, где нас ожидали разведчики Кварга. Кварг распорядился насчёт лагеря и обеда, и его люди сноровисто занялись исполнением его распоряжений. Да, у серых стоило поучиться дисциплине и исполнительности.

Не прошло и часа, как возле озера возник аккуратный полевой лагерь, а на костре был приготовлен вкусный обед.

Мы уселись обедать, так как действительно все устали и проголодались. За обедом разведчики лениво подшучивали друг над другом, как я заметил, это было у них любимым развлечением. Все выпили по кружке вина, лишь я и Кварг отказались – работа, которая нам предстояла, требовала ясной головы.

Покончив с обедом и передохнув с полчаса, я и Кварг собрались вернуться к скале, что бы заняться нашими исследованиями. Перед уходом, к Кваргу подошёл разведчик, исполняющий обязанности старшины отряда и спросил, надолго ли мы здесь. Тот вопросительно посмотрел на меня. Я ска-

зал, что всё будет зависеть от того, как пойдут наши дела.

– Мы можем всё сделать прямо сегодня, а может быть нам потребуется месяц, кто же это знает, – пожалвав плечами, ответил я.

– Понятно, – ответил старшина. – Тогда я распоряжусь, что бы заготовили побольше топлива.

До темноты, которая в это время наступает довольно поздно, было ещё далеко, поэтому я решил провести разведку прямо сейчас, но прежде чем искать след, желательно было узнать, чей же отпечаток на скале.

Подойдя к осыпи, мы начали очень осторожно подниматься, стараясь подняться как можно ближе к скале. Это оказалось нелегко, так осыпь была свежей и поэтому была подвижна. Достаточно было неосторожно вступить, что бы вызвать её подвижку, которая вполне могла кончиться обвалом, способным засыпать нас обоих. Рисковать двоим, не было смысла, поэтому я оставил Кварга внизу, а сам осторожно полез вверх. Шёл я осторожно, поэтому поднимался очень медленно. Камни под моими ногами предательски шевелились, готовые в любой момент прийти в движение. Промучившись около часа, весь взмокший от напряжения, я с грехом пополам и с магией, всё же приблизился к заветной скале, хотя вплотную подойти к ней мне так и не удалось. Выше была мелкая фракция камней, наступить на которую, не вызвав обвала было просто невозможно. Однако я был доволен, что мне удалось, хотя бы настолько приблизиться к отпечатку

человека на скале.

Я выбрал подходящий камень и сел на него. Восстановив сбившееся на подъёме дыхание, я сосредоточился и осторожно, специальным заклятием, позволяющим считывать информацию, отпечатавшуюся на предмете, в данном случае на скале, прикоснулся к отпечатку человека на скале. Всё, теперь остаётся только ждать, когда заклятие считывает информацию, а моё сознание покажет, что же произошло здесь три месяца назад.

Ждать пришлось довольно долго, так бывает всегда, когда считаешь достаточно свежий след, чья информация ещё не рассеялась, я даже замёрз. Здесь наверху дул пронизывающий холодный ветер, пополам с дождём и снегом. Да, неприветливое начало августа. Похоже, наше заклятие не только вызвало небывалый по мощности взрыв, но и резко изменила климат бывшей империи Повелителей драконов. Боюсь, что если климат не восстановится, где-нибудь лет через пятьдесят здесь всё покроется километровым слоем льда и на многие тысячелетия установится ледниковый период. Жаль, этот мир мне с первого взгляда очень понравился.

Мои размышления о климате были прерваны, начавшей поступать информацией от отпечатка на скале. Я увидел последние мгновения трагедии, которая произошла здесь три месяца назад. Первое, что я узнал, было то, что на скале, впечатанный в неё взрывом, был брат Кувая Рогг, который люто ненавидел брата, считая его виновником всех своих бед, а

прежде всего за то, что своим рождением он лишил его прав на престол Повелителей Драконов.

Я вдруг почувствовал себя Роггом, каким он был незадолго до своей гибели. Во мне бушевала ненависть к Куваю, да такая, которую я раньше и представить себе не мог. Ныла раненая им щека, огнём горело на лбу клеймо, поставленное Яргустом, ощущение позора, страха и ненависти сплелось в такой узел, что я чуть не закричал. Да, тяжелы были последние минуты жизни этого человека, чьё честолюбие довело его до такого состояния.

Я увидел глазами Рогга Кувая, который, находясь в состоянии глубокого транса, произносил заклятие; и слова его на древнем языке были исполнены колоссальной силы. Увидел стоящего рядом с ним Яргуста, чей обнажённый меч сверкал в свете горящего города. Видел, как Рогг хотел нанести Куваю предательский удар в спину, и как Яргуст, не позволив этого, вступил в поединок. Я увидел, как ярко вспыхнул шар на вершине Обсерватории, услышал оглушительный грохот, почувствовал, как какая-то сила подхватывает меня и вдавливает в скалу. Боль была такая, что я, не сумев сдержаться, громко закричал, прервав поток посмертных чувств Рогга. Последнее, что я увидел, была картинка, на которой Яргуст, подхватив бесчувственное тело Кувая, прыгает с утёса, в падении превращаясь в дракона цвета воронёной стали.

Я прихожу в себя, с твёрдой уверенностью, что Кувай и Яргуст живы. Что они выброшены взрывом Обсерватории из

нашей реальности, а раз так, я непременно отыщу их. Я ужасно замёрз и устал. Всё же трудно человеку, который за долгую жизнь так и научился по-настоящему ненавидеть, принять в себя такой объём ненависти. Нужно спускаться, но ноги мои предательски дрожат. Собираюсь с духом, осторожно встаю, делаю несколько приседаний, что бы ноги стали слушаться и начинаю спускаться. Сил не хватает, поэтому я призываю на помощь магию, которая неустойчивые камни делает устойчивыми, и кое-как спускаюсь.

Кварг, смотрит на меня вопросительно. С улыбкой объясняю ему, что Кувай и Яргуст, по-видимому, живы, только выброшены куда-то очень далеко от нашего мира. Отпечаток на скале, это всё, что осталось от Рогга, брата Кувая.

– Ты с ним знаком? – спрашиваю Кварга.

– Да, видел его несколько раз у герцога Кейвалла, – ответил разведчик. – Мерзавец, каких поискать. Уж так хотел занять трон родителей. Так что, я полагаю, именно такую смерть он и заслуживает. Ты не мог бы, Странник наложить на отпечаток сохраняющее заклятие, что бы он остался на скале, как можно дольше?

– Зачем тебе это надо? – удивлённо спросил я Кварга. – Стоит ли увековечивать предателя?

– Я думаю, стоит, – убеждённо ответил Кварг. – Пусть будет вечным напоминанием того, к чему приводит предательство.

– Боюсь, что со временем, когда люди основательно забу-

дут, то, что здесь произошло, они начнут поклоняться этому отпечатку, как памятнику великому герою, – с печалью в голосе возразил я Кваргу. – Но, если ты считаешь по-другому, то будь, по-твоему. Я наложу заклятие, мне это не трудно.

Я быстро наложил на отпечаток Рогга сохраняющее заклятие, ограничив его условием, что отпечаток обрушится лишь тогда, когда наступит время возвращения Обсерватории. Пускай это станет знамением будущих перемен.

Мы вернулись в лагерь, поужинали и завалились спать. Все мы устали, а завтра мне предстоит весь день прыгать по камням, подобно горному козлу, отыскивая следы Яргуста и Кувая. В душе моей царила абсолютная уверенность в том, что я рано или поздно их найду, чего бы мне это не стоило. Уснул я сразу же, словно куда-то провалился и всю ночь мне снился удивительно красивый и при этом очень печальный сон о судьбе младенца, который ещё до своего рождения носил прозвища Роковой ребёнок и Последний дракон.

Вот всё окончилось, нет, только началось,
И нить Судьбы, что протянулась дальше,
Задаст вопрос – сбылось, иль не сбылось,
Потребуется ответить ей без фальши.

А, значит снова в путь – искать ответ,
Его найти, скажу я вам, непросто.

Спроси у жизни стоящий совет,
И Смерть ответит – всё мой друг, так просто.

Ты лишь иди, Любовь свою храня,
И ничего не бойся, страху здесь не место.
А Цель твоя, сверкая и маня,
Всё ждёт тебя, как верная невеста.

(Конец второй книги).